

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ОЛЕЙНИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

**ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВ С ОТЛОЖЕННЫМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ**

(на материале Приднестровья)

Специальность – 10.01.10 – журналистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Том 1

Санкт-Петербург, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ГОСУДАРСТВА С ОТЛОЖЕННЫМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ: ПРИРОДА, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	29
1. 1. Нормы международного права и проблема государств с отложенным внешнеполитическим статусом.....	31
1. 2. Международное позиционирование государств с отложенным внешнеполитическим статусом.....	53
1. 3. Национальное информационное право в контексте развития культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом.....	67
Глава 2. ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ, КАТЕГОРИИ	83
2. 1. Системно-структурная организация культурно-информационного пространства.....	83
2. 2. Институциональное измерение культурно-информационного пространства.....	104
2. 3. Функциональное измерение культурно-информационного пространства.....	128
Глава 3. КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ДИАХРОНИИ К СИНХРОНИИ	155
3. 1. Возникновение и развитие приднестровской государственности	155
3. 2. Отражение СМИ модели государственного развития в культурно- информационном пространстве	172

3. 3. Проблемы устойчивости культурно-информационного пространства Приднестровья	198
3. 4. Элитарное измерение культурно-информационного пространства Приднестровья	212
3. 5. Перспективы диагностики СМИ устойчивости культурно-информационного пространства	227
Глава 4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИДНЕСТРОВЬЯ	242
4. 1. СМИ и социальные медиа: проблемы интеграции Приднестровья и толерантного отношения к нему зарубежной аудитории	242
4. 2. Проблемы позиционирования государств с отложенным внешнеполитическим статусом на международной арене	283
4. 3. Перспективы информационного и социокультурного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом	302
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	336
БИБЛИОГРАФИЯ	344

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется:

– усиливающейся тенденцией к образованию в современной геополитической системе государств с отложенным внешнеполитическим статусом и к сохранению сформировавшегося особого идентификационного дискурса и уникального культурно-информационного пространства отдельных территорий в противовес глобализационной культурной универсализации;

– потребностью научного сообщества в теоретическом осмыслении пути развития государств подобного типа и формирования методологических основ изучения их культурно-информационного пространства, как на глобальном, так и локальном уровне;

– необходимостью изучения динамики культурно-цивилизационного развития современного мира, его сложной конструкции и иерархии отношений, в которых культурно-информационное пространство определяет вектор и степень напряженности социально-политической системы государства;

– осознанием того, что возникновение социально-политических и, шире, геополитических конфликтов обусловлено игнорированием социокультурного многообразия, которое в современном мире сохраняется не столько благодаря особенностям локальных социальных систем, сколько степени их обособленности;

– обособленностью самоопределившихся государств, их информационной замкнутостью, которые, с одной стороны, обусловили сохранение рудиментов советской ментальности населения. С другой, – это позволило сформировать и укрепить особую модель межэтнического

взаимодействия, которая в отличие от европейского мультикультурализма гарантирует более высокую степень толерантности.

Культурно-информационное пространство представляет собой сложный феномен, отражающий состояние не только социально-политической системы государства, но и динамику культурно-цивилизационного развития современного мира. Его сложная конструкция и иерархия отношений обусловлены системой органично взаимосвязанных компонентов в каждом из государств. Если развитие государства рассматривать с экономической точки зрения, то необходимо подчеркнуть, что существование единых экономических законов – это объективная реальность, которую трудно изменить или скорректировать. Такая универсальность теряет свое значение при политическом измерении межгосударственных взаимоотношений, что обусловлено возникновением различных транснациональных политических союзов, преследующих определенные, иногда полярные, в глобальном контексте цели.

Игнорирование социокультурного многообразия, которое в современном мире сохраняется не столько благодаря особенностям локальных социальных систем, сколько степени их обособленности, позволяющей в той или иной мере противостоять глобальным тенденциям по обезличиванию исторически сложившегося многообразия культурно-информационных пространств со сложной иерархической структурно-функциональной системой координат исследуемого феномена, неминуемо приводит к возникновению социально-политических и, шире, геополитических конфликтов.

Системный кризис, присущий практически всем сферам человеческой жизнедеятельности, спровоцирован долгосрочным в исторической ретроспективе потребительским отношением в планетарном масштабе не только к природной среде, но и к цивилизационному развитию мирового сообщества. Более того, общество потребления превращает традиционную систему веками апробированных ценностей в катализаторы деструктивных

социокультурных процессов. Стандартный набор тупиковых путей развития человечества сопряжен с энергетическим, экологическим, продовольственным кризисами, перенаселением планеты, проблемой международного терроризма, кризисом межгосударственных отношений и т. д. Кроме того, начало XXI в. массовым сознанием оценивается исключительно как период нестабильности межгосударственных отношений. США и Россия, США и Ирак, Грузия и Южная Осетия, Грузия и Абхазия, Сербия и Косово, Украина и Россия, арабо-израильский конфликт, мировой финансовый кризис и другие противостояния в мировом сообществе свидетельствуют о том, что система международных отношений и сама концепция цивилизационного геополитического развития нуждаются в переосмыслении.

На фоне активизации демократических процессов мировое сообщество по-прежнему демонстрирует неготовность и неспособность объективно решать проблемы межгосударственных отношений, рассматривая перспективы их урегулирования исключительно в рамках некой универсальной модели. Результатом необдуманной экстраполяции типовых демократических норм на неокрепшие государства постсоветского пространства стали многочисленные этнополитические конфликты, динамика которых привела в отдельных регионах к образованию государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

Успешность развития глобального мира в условиях интенсивной «поляризации» и повышенного напряжения его политических полюсов во многом зависит от стабильности межгосударственных диалогов на уровне глокализационного измерения, в том числе взаимодействия оппозиционных идеологий и культурно-цивилизационных систем. Острота проблем культурно-цивилизационной совместимости в прогнозировании развития человеческого сообщества усиливается тем, что в рамках государствоцентричной политической системы мира все активнее становится

деятельность негосударственных акторов¹. Современная система средств массовой коммуникации является одним из наиболее значимых элементов цивилизационного развития, гарантирующая активный процесс публичной дипломатии, адекватное становление культурно-информационного пространства, феномен которого требует комплексного изучения.

Анализ научной литературы по проблемам культурно-цивилизационного развития и технологизации инфокоммуникативной природы личности и общества в рамках современного геополитического процесса, противоречивость международной нормативно-правовой системы в области регулирования прав и свобод народов на самоопределение, трансформация идентификационной системы личности, выражающаяся в замещении этнокультурной идентичности социально-политической, обусловили необходимость теоретико-методологического изучения и введения в научный дискурс феномена культурно-информационного пространства. Кроме того, анализ нормативно-правовых документов, результатов социологических экспериментов, контент-анализ традиционных и сетевых СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом потребовали глубокого теоретического осознания и формулировки методологических основ культурно-информационного пространства, его осмысления как на глобальном, так и локальном уровне.

Степень разработанности темы. Информационные процессы, развивающиеся в материальном мире, живой природе и человеческом обществе, в той или иной степени изучаются практически всеми научными дисциплинами. Непосредственным же исследованием информации в большей степени занимаются информатика и журналистика, уделяя особое внимание фундаментальным свойствам информации: новизне, актуальности, достоверности, объективности, полноте, ценности и др. Непредсказуемость политических, экономических, социальных процессов во многом

¹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 7.

предопределяется мощным информационным воздействием, в рамках которого СМИ выступают одним из детонаторов общественного сознания и основным фактором, влияющим на развитие культурно-информационного пространства. Именно поэтому гипотетическая социальная формация, именуемая «информационное общество», по-прежнему не находит однозначного определения в современной науке, продолжая вызывать дискуссии среди отечественных и зарубежных исследователей.

Гуманитарная наука вне зависимости от ее конкретных направлений по-прежнему предпочитает обособленное обсуждение проблем, связанных с развитием культуры (культурное пространство), информации (информационное пространство), не уделяя должного внимания многократно усиленному эффекту интегрирования этих двух феноменов современности. Действительно, в научной литературе феномен культурно-информационного пространства современных государств отражен фрагментарно, а его трактовка, как правило, сводится к выявлению отдельных компонентов. Так, в ходе многоплановых дискуссий представители различных сфер гуманитарного знания продолжают обсуждать различные аспекты информационного пространства. С экономической точки зрения Д. Белл, В. Л. Иноземцев, И. Я. Левяш² рассматривают его как один из ресурсов экономического развития в обществе потребления. Технологическую природу информационного пространства попытались осознать А. В. Лебедев, И. С. Мелюхин, А. В. Шахбазян³, которые акцентировали внимание на технико-технологических инновациях и их влиянии на динамику

² Белл Д. 1) Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.; 2) Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342; Иноземцев В. Л. 1) За десять лет: к концепции постэкономического общества. – М.: Academia, 1998. – 528 с.; 2) «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 41–48; Левяш И. Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 153–163.

³ Лебедев А. В. Информационные технологии в контексте гуманитарного знания // Материальная база сферы культуры. – 2000. – № 1. – С. 3–19; Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденция развития. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.; Шахбазян А. В. Информация как вид ценности в современном мире // Гум. и соц.-экон. науки. – 2006. – № 2. – С. 162–163.

социального процесса. З. Бауман, О. Н. Долинина, К. Лэш, М. И. Макеенко⁴ и другие представители политической науки оценивали информационное пространство в контексте борьбы политических группировок за контроль над информацией. Культурологи и социологи Е. В. Листвина, П. К. Огурчиков, Э. Тоффлер связывают изучение информационного пространства с процессами социальной и культурной идентификации индивида⁵.

Исследованию феномена культуры и культурного пространства свои труды посвятили такие ученые, как С. Н. Иконникова, М. С. Каган, Б. К. Малиновский, Э. А. Орлова, Ю. М. Резник, В. М. Розин, П. А. Сорокин, А. Тойнби, Э. Тейлор, Л. Уайт, А. Флиер, О. Шпенглер, У. Эко и др.⁶

Работы советской научной школы, в которых рассматривается взаимосвязь общей культуры с социальными процессами, представлены такими авторами, как В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов, И. К. Кучмаева, Э. С. Макарян, В. М. Межуев и др.⁷

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.; Долинина О. Н. Роль современных информационных технологий в формировании нового стиля управления // Соц.-гум. знания. – 2005. – № 1. – С. 155–168; Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос, 2002. – 220 с.; Макеенко М. И. Транснациональные медиакорпорации в начале XXI века: кризис управления масштабом? // Вестник Моск. гос. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 39–48.

⁵ Огурчиков П. К. Экранная культура и современное коммуникативное пространство // Гум. и соц.-экон. науки. – 2007. – № 2. – С. 113–116; Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 2003. – № 5. – С. 3–18; Тоффлер А. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

⁶ Зиммель Г. О сущности культуры / Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юристъ, 1996. – С. 475–482; Иконникова С. Н. История культурологических теорий. 2-изд. – М.: СПб., Питер, 2005. – 474 с.; Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2-х т. – СПб.: Петрополис, 2003; Кребер А. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г. Вдовиной; послесловие В. Николаева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1008 с.; Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. И. В. Утехин. – 2-е изд. испр. – М.: Объединенное гум. изд-во, 2005. – 184 с.; Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.; Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. Вып. 1. – С. 198–218; Розин В. М. Введение в культурологию. – М.: Междунар. пед. акад., 1994. – 104 с.; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2000. – 1054 с.; Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.; Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.; Уайт Л. Наука о культуре. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.; Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Акад. Проект, 2000. – 458 с.; Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 640 с.; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с. и др.

⁷ Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д.: РГУ, 1980. – 264 с.; Кучмаева И. К. Культурное наследие: Современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – 173 с.; Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ – М.:

Современная гуманитарная наука интерпретирует данные феномены в контексте межкультурного диалога, пространства окружающей среды, социума, коммуникаций, интеллекта. Особого внимания в данном направлении заслуживают труды А. С. Ахиезера, А. В. Бабаевой, А. Н. Быстровой, Е. А. Ключевой, Н. Н. Козловой, Э. Р. Лича, Ю. М. Лотмана, Б. В. Маркова, М. Я. Сарафа, В. Н. Топорова и др.⁸ Российские исследователи Е. Г. Зинков, О. П. Колпикова, А. С. Ступина, А. А. Шишкина осмысливают понятие «культурное пространство» в философских категориях и рассматривают его в самых различных ракурсах: духовности, региональной культуры, провинциального города, мегаполиса и даже смеха⁹.

Проблемы техногенной цивилизации и ее влияния на культуру, массовую коммуникацию, информационную и, шире, национальную безопасность отражены в трудах российских и зарубежных исследователей (В. А. Ачкасова, Р. Арон, С. М. Виноградова, С. В. Володенков, А. В. Истюфеев, И. Ф. Кефели, Д. А. Крылов, Г. С. Мельник, В. В. Миронов, Б. Я.

Мысль, 1983. – 284 с.; Межуев В. М. Культура и история. – М.: Политиздат, 1977. – 199 с.; и др.

⁸ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.; Бабаева А. В. Современная западная философия о культурном пространстве // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. – СПб, 2001. – С. 27, 31; Быстрова А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 237 с.; Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 43–46; Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999. – 156 с.; Лич Э. Р. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.; Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.; Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. – № 4(6). – С. 15–19; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

⁹ Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 2006. – 291 с.; Колпикова О. П. Философско-культурное пространство смеха: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 135 с.; Ступина А. С. Культурное пространство провинциального города: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 274 с.; Шишкина А. А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 219–223.

Мисонжников, К.Х. Момджян, У. Ростю, Э. Л. Садыкова, Р. М. Юсупов и др.)¹⁰.

Такие известные западные исследователи, как Г. Алмонд, М. Вебер, Е. Вятр, С. Верба, А. Гидденс, Д. Истон, Г. Лассуэлл, С. М. Липсет, В. Розенбаум, Л. С. Санистебан, С. Хантингтон, М. Херманн, П. Шаран, Р.-Ж. Шварценберг, С. Шеллинг¹¹, посвятили свои труды изучению культуры и культурного пространства с позиций политологической науки.

Среди российских ученых, изучающих проблемы политической культуры и культурного пространства современного государства следует выделить работы В. С. Ажаевой, Е. В. Ананьевой, К.С. Гаджиева, И. И. Глебова, Н. Д. Косухина, А. П. Кочеткова, В. В. Макарова, А. С. Панарина,

¹⁰ Арон Р. Опиум интеллектуалов. – М.: АСТ, 2015. – 480 с.; Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015; Виноградова С. М., Руцин Д. А. V Международный форум "Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 181–183; Виноградова С. М., Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Массмедиа в информационно-психологической безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.; Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: Коллективная монография: 2-е изд., стереотип. / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. – 248 с.; Истюфеев А. В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 7. С. 58–63; Крылов Д. А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6; Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34–48; Момджян К. Х. Социальная Философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 400 с.; Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.; Степин В. С. История и философия науки. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.; Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1991. – 324 p.

¹¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–124; Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред., предисл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Вятр Е. Социология политических отношений / пер. с польск.; под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. – М.: Прогресс, 1979. – 463 с.; Гидденс Э. Социология: 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.; Липсет С. М. Политическая социология // Амер. социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 64–98; Санистебан Л. С. Основы политической науки / пер. с исп. В. Л. Заболотного. – М.: Владан, 1992. – 122 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.; Шаран П. Сравнительная политология: в 2-х ч. – М., 1992; Шварценберг Р. -Ж. Политическая социология: в 3-х ч. – М.: РАУ, 1992; Easton D., Schelling C. S. Divided Knowledge: Across Cultures, Across Disciplines. – NY: SAGE Publications, Inc., 1991. – 272 p.; Hermann M. G. Political Psychology. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 464 p.; Rosenbaum W. A Political Culture. - N. Y., 1975. – 181 p. и др.

Ю. С. Пивоварова, А. И. Подберезкина, О. В. Рукавишникова, Б. С. Старостина, В. А. Сидорова, Е. Б. Шестопал, В. А. Щегорцева и др.¹²

Исследование феномена культурно-информационного пространства современных государств привело ученых к необходимости разработки фундаментальных основ пространственно-временного континуума, что нашло свое отражение в работах В. С. Библера, Д. Бидни, П. Бурдые, В. Виндельбанда, Г. Д. Гачева, В. Гумбольда, Э. Гуссерля, М. С. Кагана, С. В. Лурье, В. С. Степина, М. Хайдеггера и др.¹³

В рамках институционального анализа в тексте диссертационного исследования особое внимание уделено теоретическим идеям А. В. Абрамова, Г. Адамса, Г. Алмонда, В. А. Ачкасовой, Д. Баркина, С. С. Бодруновой, Т. Веблена, Д. П. Гавры, Х. А. Гаджиева, Р. Далтона, Т. Ф. Жучковой, П. Дж. ДиМаджио, К. Дойча, Ю. В. Ирхина, Д. Коммонса, Л. Мартин, Р. М. Нуреева, Т. Парсонса, У. В. Пауэлла, Д. Пауэлла, А. С. Пую,

¹² Ажаева В. С., Ананьева Е. В., Гаджиев К. С. и др. Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К. С. Гаджиев. – М.: Интерпракс, 1994. – 158 с.; Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой российской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 33–44; Косухин Н. Д. Современные идеологические системы. – М., 1999. – 120 с.; Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: Университет, 1999. – 320 с.; Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Ин-т филос. РАН, 1995. – 262 с.; Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.; Подберезкин А. К., Макаров В. В. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. – М.: РАУ, 2000. – 168 с.; Российская политология / отв. ред. П. И. Симуш. – М.: ОП РАГС, 1995. – 400 с.; Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.; Сидоров В. А. Политическая культура журналиста. – СПб.: Петрополис, 2010. – 240 с.; Шестопал Е. Б. Личность и политика. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.; Щегорцов В. А. Политическая культура: модели и реальность. – М.: ИНИОН : Ин-т молодежи, 1990. – 171 с. и др.

¹³ Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16–57; Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 385–420; Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматько. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.; Виндельбанд В. Философия культуры. Избранное. – М.: РАН, 1994. – 350 с.; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Сер.: Технологии культуры. – М.: Академический Проект, 2007. – 512 с.; Гумбольд фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.; Степин В. С. Философская мысль в динамике культуры (Поиск мировоззренческих ориентиров) // Философия и культура: Сб. к 60-летию В. А. Конева. Самара, 1997. – С. 19–35; Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. – Чита: Поиск, 1999. – 160 с. и др.

В. Н. Снеткова, К. Строма, Н. А. Фоминой и др.¹⁴ Структурно-функциональный анализ, представленный в диссертационном исследовании в процессе описания политических и общественных институтов, а также деятельности и функционального диапазона средств массовой коммуникации, раскрыт в работах Г. П. Артемова, И. А. Василенко, Д. П. Гавры, Л. П. Громовой, Л. Р. Дускаевой, М. Н. Кима, Ю. В. Клюева, В. И. Конькова, С. Г. Корконосенко, М. Е. Кудрявцевой, Н. С. Лабуша, Б. Малиновского, Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжникова, С. А. Михайлова, С. Б. Никонова, Е. Г. Пономаревой, В. А. Сидорова, П. А. Слуцкого, Л. В. Сморгунова, И. Д. Фомичевой, И. П. Яковлева и др.¹⁵

¹⁴ Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятия // *Власть*. 2010. – № 5. – С. 53–55; Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 537 с.; Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // *Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия* / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62; Гавра Д. П. Социальные институты // *XServer.ru* // <http://www.xserver.ru/user/sozin/>; Гаджиев Х. А. Политические институты: институциональный и неинституциональный подход // *Власть*. – 2015. – № 7. – С. 134–140; ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 34–56; Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма // *Искусство управления*. – 2014. – № 2. – С. 63–71; Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 352 с.; Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2010. – 415 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.; Снетков В. Н., Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125; Снетков В. Н., Фомина Н. А. Критерии классификации унитарных государств // *Науч. техн. ведомости С.-Петерб. гос. политехн. у-та. Серия Гуманитарные и общественные науки*. – 2011. – С. 36–42; Barkin J. S. *International organization: theories and institutions*. Palgrave Macmillan, 2006. P. 27–41; Deutsch K. W. *Social Mobilization and Political Development* // *The American Political Science Review*. – Vol. 55. – № 3 (Sep., 1961). – P. 493–514; Martin L. *An Institutionalist View: international institutions and state strategies* / *International order and the future of world politics* / edited by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – 421 p. и др.

¹⁵ Артемов Г. П. *Политическая социология*. – М.: Логос, 2002. – 280 с.; Василенко И. А. *Современная российская политика*. – М.: Юрайт, 2015. – 488 с.; Гавра Д. П. *Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 53–77; *Государственная политика и управление*. В 2 ч. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 384 с.; Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2013. – № 3. – С. 154–163; Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // *Медиалингвистика*. – 2014. – № 1(4). – С. 5–15; Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // *Вестник С.-Петерб. ун-та. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. – 2006. – С. 119–123; Клюев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-

Для решения проблем формирования регионального имиджа государств с отложенным внешнеполитическим статусом нами привлечены результаты научных исследований в области государственной информационной политики, политических коммуникаций, маркетингового, брендового и собственно имиджевого подходов, которые представлены в работах Л. В. Бондаревой, И. А. Василенко, М. С. Вершинина, Д. П. Гавры, Э. А. Галумова, М. Н. Грачева, В. Г. Кисмерешкина, Т. С. Мельниковой, И. Я. Рожкова, А. И. Соловьева, Р. Хакфельда, А. В. Манойло, Ю. А. Нисневича, И. Н. Панарина, А. П. Панкрухина, В. Д. Попова, А. С. Савицкой, А. И. Соловьева, Ю. В. Тарановой, А. Н. Чумикова и др.¹⁶

ра полит. наук. – СПб., 2017. – 482 с.; Коньков В. И. Динамика диалогичности в печатных текстах СМИ / Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога / Сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: МедиаМир, 2015. – С. 95–97; Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 308 с.; Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. М.: Логос, 2010. – 247 с.; Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та технологии и дизайна. – Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24; Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 18–28; Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. – № 8. – С. 53–68; Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 19. Вып. 4. – С. 187–192; Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 446 с.; Политическая журналистика / под ред. С. Г. Корконосенко. – М.: Юрайт, 2015. – 319 с.; Пономарева Е. Г. Современная Россия. Политические отношения и политические институты. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 652 с.; Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 211–216; Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. – 421 с.; Стратегические компоненты имиджа // Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – 264 с.; Фомичева И. Д. Социология СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 335 с.; Яковлев И. П. Современные теории массовых коммуникаций. – СПб.: Роза мира, 2004. – 94 с. и др.

¹⁶ Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.; Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66–78; Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. – 253 с.; Гавра Д. П. 1) Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – С. 3–17; 2) Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22; Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиaprостранстве // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. С. 187–196; Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном

Проблематика культурно-информационного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом часто становится предметом научных дискуссий в рамках выступлений, докладов, статей, гораздо реже данное направление представлено в виде самостоятельных научных трудов, диссертационных работ. В большинстве случаев исследования по проблемам самоопределившихся государств сводятся к историческому, этническому, лингвокультурологическому измерению¹⁷. В области лингвистики следует выделить работы Е. А. Погорелой, в сфере социологии – Е. М. Бобковой, истории – Н. В. Бабилунги, Б. Г. Бомешко, Е. М. Губогло, П. М. Шорникова и других ученых¹⁸, которые уже попытались проследить генезис самого конфликта, осмыслить различные аспекты проблемы построения общего государства с учетом лингвоментальных особенностей населения Республики Молдова и Приднестровья.

информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.; Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003. – 446 с.; Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник РУДН. – Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 24–39; Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – 24 с.; Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.; Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. Страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 256 с.; Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ : дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – 210 с.; Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – № 3. – С. 5–18; Таранова Ю. В. Формирование имиджа Региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 113–126; Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2010. – 262 с.; Чумиков А. Н. Связи с общественностью. – М.: Дело, 2000. – 272 с. и др.

¹⁷ Харитоновна Н. И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX - начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 268 с.; Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 190 с. и др.

¹⁸ Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 4–16 Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь, 1998. – 96 с.; Бобкова Е. М. Специфика социализации молодежи в условиях Приднестровья: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 180 с.; Губогло Е. М. Приднестровский конфликт и постконфликтный синдром // Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – 356 с.; Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика (русский язык в Приднестровье): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 444 с.; Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.). – Тирасполь, 2003. – 448 с. и др.

Научная новизна исследования.

Теоретико-методологическое исследование культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом, специфики его формирования, становления, перспектив развития, а также подходов к его диагностике и мониторингу позволили автору впервые дать комплексную оценку онтологическому потенциалу изучаемого феномена и ввести его в качестве актуальной категории в орбиту современной политической научной мысли.

В данном исследовании феномен «культурно-информационного пространства» впервые представлен как вершина в пространственной иерархии, основа развития современных государств, объективно существующая многомерная система, принципиально отличающаяся от искусственно созданного социально-политического пространства.

Новизна исследования состоит в том, что:

- концептуально обоснован и актуализирован феномен культурно-информационного пространства самоопределившихся государств, который на разных этапах исторического развития характеризуется уникальными составляющими функционального и институционального характера, обусловленными отсутствием правосубъектности в рамках международного права, а также полиэтнической архитектурой социума, которая может выступать в качестве уникальной альтернативы несостоятельной концепции европейского мультикультурализма;

- предложены новые подходы к преодолению глубинных проблем, связанных с интеграцией в мировое информационное пространство государств с отложенным внешнеполитическим статусом, культурно-информационное пространство которых развивается в контексте особого идентификационного дискурса современной личности, позволяя не только сохранять консолидированное чувство регионализма, но и противостоять негативным тенденциям глобализации;

– доказано, что выделение институционального или функционального измерения в качестве приоритетного для развития и влияния на динамику культурно-информационного пространства обуславливает информационную замкнутость и обособленность государственного образования, либо его открытость и интеграцию в международное информационное пространство;

– впервые показаны процессы информационного позиционирования самоопределившихся стран постсоветского мира в контексте динамики и специфичности их культурно-информационных пространств, а также политических систем, характеризующихся, инвариантной внешней политикой государства и внутривнутриполитической вариативностью общества;

– в научный оборот введен значительный объем данных о системе СМИ Приднестровья, не получивший ранее своего описания в теории журналистики и массовой коммуникации; в орбиту научного дискурса впервые введены материалы приднестровских массмедиа, оказавших заметное влияние на модель государственного развития и степень социополитических трансформаций приднестровского общества в ходе президентских выборов 2011 и 2016 гг.;

– в процессе эмпирического анализа конкретных данных показана не только естественная актуализация сетевых медиа и социальная природа модерирования их информационных потоков, но и закономерная роль рудиментарного катализатора центробежных процессов традиционных СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом;

– в исследовании в рамках политологического анализа конкретизированы и уточнены существующие понятийно-терминологические вариации категории культурно-информационного пространства, что позволило обосновать предлагаемый в работе матричный подход к концептуальной оценке массовой и элитарной моделей отражения социальной действительности, а также определить степень их конвергенции;

– выявлены закономерности функционирования и специфика развития компонентов региональной медиасистемы, а также эффективные

медиа-технологии, используемые как в традиционных, так и сетевых СМИ для диагностики культурно-информационного пространства как главного условия устойчивости развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

Результаты обобщения большого массива статистических данных и проведенных автором социологических исследований традиционных и сетевых СМИ доказывают адекватность теоретико-методологических выводов и рассуждений.

Цель исследования заключается в обосновании и актуализации феномена культурно-информационного пространства, матричного подхода к концептуальной оценке его состояния в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом в контексте влияния их медийного компонента.

Объектом исследования выступает культурно-информационное пространство современных государственных образований как политический феномен.

Предметом исследования является матрица культурно-информационного пространства, а также роль медийного компонента и функции СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

Для гарантированной реализации заявленной цели исследования в работе решены следующие **задачи**:

1. Исследовать институциональную и функциональную составляющие современного государства, определив реально существующую и потенциально необходимую доминанту в их иерархии с целью определения характера ранжирования тактических и стратегических приоритетов в социально-политическом развитии государств.

2. Установить зависимость эффективности развития культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом от статичности политического процесса и реактивности политических элит, информационного обособления власти и

общества, степени конфликтности общества и кризисности массового сознания.

3. Выявить противоречивость и конъюнктурность международной практики признания приоритета воли государства и территориальной целостности над правом народа на самоопределение, а также оценить влияние этих международно-правовых коллизий на позиционирование государств с отложенным внешнеполитическим статусом в глобальном информационном пространстве.

4. Выявить зависимость модификации алгоритма восприятия информационных потоков аудиторией от степени кризисного массового сознания и вовлеченности в межгосударственный политический конфликт.

5. Проанализировать системно-структурную организацию культурно-информационного пространства, выявив степень его влияния на качество и динамику социальных коммуникативных процессов в полиэтничном приднестровском социуме.

6. Обосновать необходимость построения и мониторинга матрицы состояния культурно-информационного пространства как индикатора адекватности взаимодействия власти и общества, показателя устойчивости или напряженности общественно-политического развития государства.

7. Диагностировать от диахронии к синхронии идеологический, деятельностный, социокультурный, психологический, материальный и демографический факторы и статусы в системе «элита – массовая аудитория» самоопределившихся государств.

8. Сформулировать необходимое и достаточное условие международного признания государств с отложенным внешнеполитическим статусом, изучив особенности воздействия западных и отечественных СМИ на аудиторию в контексте стереотипизации массового сознания и приписывания ярлыков определенным территориям.

Гипотеза исследования. Государства с отложенным внешнеполитическим статусом, полиэтничные по природе, представляют

собой феномен современной геополитической системы координат, поскольку формируют особый тип культурно-информационного пространства, в котором средства массовой информации не только реализуют интеграционный потенциал (мобилизация, консолидация), но и способствуют формированию такого идентификационного дискурса современной личности, в котором доминирует не столько этническая и религиозная, сколько региональная и политическая идентичность.

Методология диссертационного исследования.

Феноменологическая природа исследования предопределила необходимость применения комплексного подхода, позволяющего анализировать категорию культурно-информационного пространства с учетом его многомерности, амбивалентности связей и сложности многоуровневой институциональной и структурно-функциональной иерархии, элементы которой могут одновременно выступать в качестве как определяющих, так и определяемых.

К числу основных методов, используемых в исследовании, следует отнести, во-первых, сравнительно-исторический и диалектический, которые позволили рассмотреть социально-политические явления, их эволюцию, а также выявить причинно-следственные связи и прогнозы перспектив развития культурно-информационного пространства государства и общества в контексте их цивилизационной парадигмы; во-вторых, институциональный, включая описательный и формализованный методы, которые способствовали расширению представлений о политических процессах и системах государств с отложенным внешнеполитическим статусом, роли государственных и негосударственных институтов в развитии культурно-информационного пространства, позволили выявить общее и особенное во взаимосвязи определенных идеологических доктрин с соответствующим этапом в развитии государств с отложенным внешнеполитическим статусом; в-третьих, структурно-функциональный метод, который позволил получить комплексное представление об особенностях становления государств с

отложенным внешнеполитическим статусом благодаря обособлению структурализма для описания стабильных социальных структур и роли государственных и негосударственных участников в развитии государства и общества, а также функционализма для выявления причинно-следственных связей и прогнозирования реакций культурно-информационного пространства на изменения в иерархии общественно-государственных отношений; в-четвертых, социологический метод, давший возможность выяснить зависимость состояния культурно-информационного пространства от специфики политической и экономической ситуации, влияния на нее социокультурных процессов, протекающих в обществе.

Кроме того, теоретико-методологическая основа включает в себя совокупность таких междисциплинарных и общенаучных методов познания, как анализ, синтез, обобщение, сравнение, сочетание которых позволило выявить всю сложность и неоднозначность изучаемых вопросов, реализовать потенциал системного подхода, а также определить специфику и основные тенденции развития культурно-информационного пространства современных государств в контексте взаимодействия государства и гражданского общества.

В рамках изучаемой проблемы также были использованы методы эмпирического анализа: наблюдение, анализ статистических данных, контент-анализ материалов традиционных и сетевых СМИ, нормативно-правовых документов, анализ результатов самостоятельных социологических исследований, а также экспертных опросов, ежегодно (2011–2016 гг.) проводимых кафедрой журналистики филологического факультета и кафедрой социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

В зависимости от года социологического исследования объем выборки варьируется от 1200 до 1500 респондентов, при этом статистическая погрешность для совокупного массива находится в пределах 3–5 %. В 2012 и 2016 гг. были проведены экспертные опросы, в которых на вопросы,

касающиеся оценки состояния культурно-информационного пространства давали ответы около 100 информантов. В число экспертов были включены руководители Администрации Президента, члены Правительства Приднестровья, депутаты Верховного Совета ПМР, представители научного сообщества Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха. Подбор экспертов осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессиональной компетентности в данной области. Статистическая погрешность не превышает 5 %. Методы обработки социологической информации включали в себя логико-профессиональный анализ, а также метод статистической обработки количественных данных.

Эмпирическую базу исследования составили:

– материалы печатных и сетевых средств массовой информации, архивы полиграфических предприятий Приднестровья, а также материалы государственного унитарных предприятий «Почта ПМР», «Приднестровская газета», «Приднестровская государственная телерадиокомпания» и др.;

– данные социологических исследований, проведенных автором в городских и сельских районах Приднестровья, а также в сопредельных территориях Украины в 2011–2016 гг.;

– тексты законодательной базы Приднестровья в области СМИ, информации и информатизации;

– официальные документы, касающиеся правовой основы формирования современной информационной сферы и единой государственной информационной политики, находящиеся в компетенции Государственной службы СМИ ПМР;

– материалы переписи 1989, 2014 гг., микропереписей 1991–1994 гг. и ведомственной статистики региона.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность общественных институтов государств с отложенным внешнеполитическим статусом до последнего времени во многом определялась государственными структурами и напрямую зависела от

интересов национальной политики, выражаясь в прямом или скрытом контроле, определенных предпочтениях и/или ограничениях. В настоящее время ситуация меняется в сторону либерализации деятельности общественных организаций, в том числе и средств массовой информации, хотя до сих пор в большинстве случаев официально зарегистрированное независимое СМИ на практике является информационным проектом, санкционированным государством. В такой ситуации любое информационное сообщение интерпретируется аудиторией в контексте набора сформированных стереотипов, манипулирование которыми может в значительной степени упростить процесс продвижения той или иной государственной идеи.

2. Государственные и общественные институты самоопределившихся государств внутренне мобилизованы на решение базовых внешнеполитических задач, т. е. мирового признания, и этот принцип является не столько доминантой, сколько константой в развитии государств, получившей новый импульс в условиях сетевого пространства. Лидирующее место в этом развитии занимали и занимают общественные институты, что обусловило отставание государственной системы, использующей в качестве информационных ориентиров традиционные СМИ и местную аудиторию, в продвижении идей независимости; политическая элита самоопределившихся государств, не используя возможности сетевой коммуникации, находится в роли аутсайдера по сравнению с массами. В этом отношении формула: элита – время, массы – пространство приобретает обратное звучание.

3. С исторической и политико-философской точек зрения принцип права на самоопределение имеет больший приоритет по сравнению с принципом уважения территориальной целостности. Разница денотативного и коннотативного значений концептов «право» и «принцип» до сих пор стимулирует активную дискуссию как в западной, так и в отечественной политологической науке, оставляя вопрос приоритета воли государства над правами народа в случае принципа территориальной целостности, или

приоритета воли народа над правами государства в случае права народа на самоопределение в плоскости политической философии и политической аксиологии.

4. В самоопределившихся государствах кризисное массовое сознание повлияло на алгоритм восприятия информации. С одной стороны, эмоциональная составляющая, перманентно доминируя над рациональной, в большей степени вызывает доверие у населения; это происходит не столько благодаря высокой степени авторитета местной власти, сколько вопреки информационным потокам оппонентов. С другой стороны, умышленное обсуждение отдельных вопросов развития внешнеполитической ситуации может привести к нивелированию культурных смыслов распространяемой информации, которое со временем позитивно скажется на культурно-информационном пространстве с точки зрения его эмоциональной стабильности и устойчивого развития.

5. Детонирование внутривнутриполитической ситуации в самоопределившихся государствах практически невозможно в силу единого и постоянного внешнеполитического вектора развития. Однако активное использование рычагов идеи государственной безопасности и информационной концепции независимости, которые в диахронии позволили сформировать особое культурно-информационное пространство самоопределившихся государств, в синхронии могут негативно сказаться на консолидированности общественного сознания.

6. Матрица состояния культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом позволяет учитывать его сущностные характеристики, обусловленные многообразием социальных (надэтнических) идентичностей и их естественным сосуществованием как реакции на этноцентристскую политику метрополий. Самоопределившиеся государства, полиэтничные по природе, лишенные проблем этноцентризма и конкуренции этносов представляют принципиально новое качество сообществ, которые одновременно открыты

для интеграции в глобальное мировое сообщество и защищены благодаря особой аксиологической системе, отражающей более высокую степень толерантности. Диагностика социально значимых факторов и статусов позволит осмыслить уникальные условия паритетного развития культур и этносов полиэтнического сообщества, которые, в отличие от концепции европейского мультикультурализма, увеличивают возможности вписаться в глобальное культурно-информационное пространство ввиду параллельности интеграционных процессов по нескольким культурным направлениям.

7. Анализ социально значимых факторов и статусов в матрице состояния культурно-информационного пространства самоопределившихся государств позволяет выявить его модернизацию вследствие целенаправленной актуализации маргинальной идентичности. В государствах с отложенным внешнеполитическим статусом фундаментом культурно-информационного пространства выступает сохранение актуальной системы социально обусловленных идентичностей населения на фоне увеличения количества информационных каналов и снижения роли традиционных СМИ. Стабильное развитие государств с отложенным внешнеполитическим статусом может быть гарантировано при условии сбалансированности процессов социокультурной стратификации в системе «элита – массовая аудитория» посредством сетевой коммуникации, способствующей развитию не столько этнической, сколько региональной и, шире, многомерной идентичности (полиидентичности) отдельной личности.

8. Опыт частично признанных государств в новейшей истории позволяет предположить, что необходимым условием признания самоопределившихся государств может являться выравнивание процессов интеграции как в русскоязычный, так и в англоязычный сегменты глобальной сети. При этом достаточным условием признания их независимости должна стать многократная активизация процесса освоения ресурсов англоязычного сегмента глобальной сети. Специфика приднестровского общества заключается в его пророссийской, прославянской, «восточной» ориентации, в

связи с чем сохранение существующего вектора государственного развития возможно только при условии интеграции общественного сектора в естественную русскоязычную среду, а государственных институтов – в необходимую англоязычную. Только в таком случае возможно укрепление социокультурного единства приднестровского общества, его системы ценностей параллельно с продвижением собственных идей, позиций, идеалов и брендов в западном направлении.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что,

– выявлена природа и сущность феномена культурно-информационного пространства на основе системного анализа современных концепций теорий коммуникации, политологии, обширного эмпирического материала, а также многолетнего изучения тенденций информационного развития самопровозглашенных государств, развивающихся в условиях кризисного общественного сознания. Такой подход позволил вывести формулу информационного воздействия на культурное поле личности, исключая его деформацию и нивелирование до уровня массовости;

– установлена многомерная корреляция эффективности информационного воздействия на массовое сознание, интенсивности государственного регулирования данных процессов, степени кризисности массового сознания и качества воспроизведения транслируемой СМИ информации в контексте теории и практики информационной политики государств, общество которых переживает постконфликтный синдром;

– теоретически доказано и экспериментально подтверждено, что в условиях кризисного общественного сознания массовая информация, тиражируемая СМИ, характеризуется положительными тенденциями в отношении ценностного наполнения (вследствие гипостазированной роли государства в информационной сфере) и негативными – в отношении выхода из этого кризиса (вследствие несоответствия временных рамок преодоления кризисности в социальном и государственном сознании);

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования результаты могут быть положены в основу концепции единой информационной политики государств, длительная политико-правовая неопределенность которых обуславливает, с одной стороны, стагнацию в развитии государственных СМИ, их стереотипизацию и несоответствие динамике социокультурных процессов, провоцирующих отторжение информационной политики СМИ, деформированной многократно усиленным воздействием государства, но обеспечивающей в целом его информационную безопасность, а с другой – стабильность функционирования в государстве современных коммуникационных технологий, развитие которых определяет степень востребованности отдельных типов СМИ. Впервые в научный оборот вводится обширный эмпирический материал СМИ и нормативных основ информационного права самоопределившихся государств, результатов социологических исследований и экспертных опросов по проблемам определения оптимального периода активной реакции аудитории самопровозглашенных государств на предлагаемую государственными СМИ модель действительности, а также предела тиражируемости данной модели в массовом сознании, гарантирующего конвергентные процессы.

Кроме того, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при разработке законов и иных нормативных актов, касающихся вопросов функционирования СМИ в Приднестровье. Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений в ходе преподавания социологических, экономических, психологических дисциплин по специальности «Журналистика».

Апробация темы. По основным положениям диссертации автор имеет 50 печатных работ, из которых – две монографии, два учебных пособия и статьи в журналах и сборниках материалов научных конференций. В рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной

комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, опубликованы 15 статей. Вышли в свет одна научная статья на английском и одна – на польском языке. Итоги диссертационного исследования представлены на международных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Ставрополе, Тирасполе, а также Черкассах (Украина). Основные положения работы апробированы в Приднестровском государственном университете им. Т. Г. Шевченко в рамках преподавания учебных дисциплин «Современные медиасистемы», «Журналист в экстремальных условиях», «Контент-анализ политических текстов СМИ», «Информационное право и интеллектуальная собственность».

Вопросы, связанные с диссертационным исследованием, были обсуждены на кафедре журналистики филологического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко и кафедре связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

Глава 1.

ГОСУДАРСТВА С ОТЛОЖЕННЫМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ: ПРИРОДА, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

На постсоветском пространстве более двадцати пяти лет де-факто существуют, но до сих пор остаются де-юре не признанными, четыре республики. Несмотря на признание Россией в 2008 г. Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств до сих пор остается спорным их международный статус и, соответственно остаются актуальными проблемы позиционирования этих республик как политических субъектов международного права. Развитие этих государств в большей степени сопряжено с проблемами внешнеполитического характера и необходимостью постоянной мобилизации информационных ресурсов в отстаивании собственных национальных идей.

«Отложенный статус» отделившейся территории в современном международном праве интерпретируется как возможность отложить (законсервировать) до возникновения адекватных политических реалий решение вопроса, связанного с определением окончательного, постоянного статуса. Являясь инструментом политико-правового урегулирования для отделившейся территории, отложенный политический статус гарантирует обеим сторонам полное сохранение своих позиций. В то же время отношения между непосредственными участниками конфликта регулируются соглашениями и договоренностями локального применения, которые являются результатом устойчивого и долголетнего переговорного процесса обеих сторон¹⁹.

¹⁹ Отложенный статус отделившейся территории. Справка URL://<https://ria.ru/spravka/20080314/101341602.html> (дата обращения 03.01.18 г.)

Следует подчеркнуть, что многие государства мира, возникнув как «сепаратистские», «непризнанные» имели в своей истории этап «отложенного статуса». США ждали своего признания 100 лет, Норвегия и Португалия – 80 лет²⁰.

В современной российской истории характер «отложенного статуса» также имели и Хасавюртовские соглашения 1996 г. В непризнанных государствах на постсоветском пространстве обсуждается возможность трансформации своего непризнания в «отложенный статус», рассматривая его как этап на пути признания мировым сообществом своей независимости.

По мнению политолога С. М. Маркедонова, понятие «отложенный статус» можно рассматривать в двух измерениях²¹. Первое значение термина вытекает из политического основания, и, несмотря на множественность интерпретаций, рассматривается не только как «инструмент для сецессии» в контексте развития метрополии, но и как способ высокой легитимации самоопределившихся республик, или даже как факт их «частичного признания». Второе измерение понятия отложенного политического статуса связано с необходимостью объективной, лишенной ангажированных и эмоциональных акцентов, политологической идентификации территорий, не признанных мировым сообществом, но обладающих всеми атрибутами власти. Данная проблема представляется особо актуальной на фоне формирования и сохранения устойчивых стереотипов в отношении самоопределившихся республик на территории бывшего СССР. Их нередко ассоциируют с черными дырами, криминальными анклавами, незаконной торговлей и нелегальной миграцией²².

²⁰ Грек И. Судьба Республики Молдова в руках Комрата? URL:<http://enews.md/articles/view/2790/> (дата обращения 03.01.18 г.)

²¹ Маркедонов С. М. Возвращение к отложенному статусу. URL:<http://polit.ru/article/2008/03/24/econom/> (дата обращения 03.01.18 г.)

²² King Ch. Eurasia's Nonstate States // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eurcr10&div=48&id=&page=> (дата обращения 03.01.18 г.); King Ch. The Benefits of Ethnic War. Understanding Eurasia's Unrecognized States // World Politics. – 2001. – July. – № 53. – P. 524–552; Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States. – Washington DC: USIP, 2004. – 171 p.

Необходимо отметить, что большинство авторов сходятся во мнении, что, несмотря на отсутствие статуса субъекта международного права, все республики с отложенным политическим статусом имеют все атрибуты государственной власти, собственную политическую, финансово-экономическую, образовательную и информационную систему. Функционирование государственных и общественных институтов в республиках с отложенным политическим статусом актуализирует данную «отложенность» исключительно в контексте их взаимодействия с внешними акторами и геополитическими процессами.

Приднестровье в ряду других стран, борющихся за международное признание, представляет собой уникальный случай, когда ни одна этническая группа не может претендовать на лидирующую роль. Именно приднестровский феномен, его особые ментальная матрица и идентификационный дискурс позволили республике не только противостоять внешнеполитическому прессингу на протяжении более четверти века, но и сформировать за это время особый тип полиэтничного государства, социокультурное сообщество которого исключает любые формы интолерантного межэтнического взаимодействия, т. е. преимущественно негативного восприятия иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной.

1. 1. Нормы международного права и проблема государств с отложенным внешнеполитическим статусом

Система координат современного мироустройства периодически претерпевает определенные количественные и качественные изменения, наиболее существенные из которых в обозримом прошлом были связаны с распадом социалистического лагеря, образованием на территории бывшего

СССР независимых государств ближнего зарубежья, образующего так называемое постсоветское пространство.

Биполярный мир как главная доминанта XX в., главным принципом которой была зависимость международных отношений от двух противостоящих друг другу идеологий, прекратил свое существование²³. Россия, ставшая преемником СССР, не удержала геополитические веса в равновесии. Современные государства находятся в состоянии интенсивного информационного противоборства: борьба за возможности коммуникационного воздействия на общественное сознание, доступ к «молекулярному ядру» национального сознания для разрушения традиционных ценностно-смысловых ориентиров, внедрения выгодных стереотипов, установок, моделей представлений о глобальной социально-политической действительности становятся ключевыми в современной политической практике²⁴. Перекос глобальной политики и ее смещение в сторону однополярного мира обусловили возникновение ряда проблем, связанных с международным правом.

Действующие международные нормы, регулирующие межгосударственные взаимоотношения, не только свидетельствуют об их сложности, но и отражают противоречивость отдельных положений, заложенных в современной международной правовой системе. Процессы глобализации предопределили появление новых проблемных плоскостей, сфера влияния в которых является краеугольным камнем национальных интересов основных акторов мировой арены. Разграничение зон влияния и, шире, полярность мироустройства представляют собой базовые концепции выстраивания международных отношений в целях сохранения гармоничного развития человеческой цивилизации во всех ее измерениях.

²³ Лукьянов В. Ю. Перспективы XXI века: от биполярности к многополярному миру // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2001. – № 2. – С. 57.

²⁴ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 35.

Учитывая обилие международных актов, следует подчеркнуть параллельность отдельных их положений, которые в общем виде могут быть представлены тремя направлениями.

– принципы, формирующие положения о равенстве субъектов международных отношений (в Хартии ООН данный принцип формулируется следующим образом: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех своих членов» (Статья 2, §1); он проявляется в положениях о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничестве между государствами; добровольном выполнении обязательств по международному праву; иммунитете, взаимности и недискриминации²⁵). В соответствии с принципами данной категории, государство не может быть подчинено законодательству любой другой страны (иммунитет юрисдикции), его представители обладают правом неприкосновенности на территории другого государства (дипломатический иммунитет). Кроме того, гарантируется равенство обязательств в конкретных областях взаимодействия, а также манифестируется так называемое негативное обязательство, согласно которому права или выгоды, признаваемые за одним субъектом международного права, должны быть гарантированы и другому;

– принципы, обеспечивающие независимость государств (невмешательство, нерушимость границ, территориальная целостность);

– принципы, направленные на мирное урегулирование межгосударственных противоречий (неприменение силы или угрозы силой; мирное урегулирование споров; соблюдение прав человека)²⁶.

На современном этапе роль межгосударственных и международных неправительственных организаций на международно-политическое развитие прямо пропорционально статусности на международной арене государств, являющихся их участниками. Межгосударственные организации проявляют себя как бы в двух ипостасях – с одной стороны, образуя поле

²⁵ Martin P.-M. Introduction aux relations internationales. Toulouse, 1982. – P. 107–111.

²⁶ Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений: учеб. пособие. – М.: Радикс, 1994. – С. 156.

кооперативного или конфликтного взаимодействия между государствами-членами, с другой – выступая в качестве специфических действующих сил на международной арене. Таким образом они оказывают самостоятельное влияние на динамику развития международных отношений. Вместе с тем, международных неправительственных организаций больше, чем межгосударственных, причем на протяжении многих лет наблюдается устойчивая тенденция увеличения числа первых. Международные неправительственные организации в данном случае могут рассматриваться как элементы формирующегося глобального гражданского общества.

Острота проблемы культурно-цивилизационной совместимости в прогнозировании развития человеческого сообщества усиливается тем, что в рамках государствоцентричной политической системы мира все активнее становится деятельность негосударственных акторов, в число которых входят неправительственные международные структуры, религиозные организации и др.²⁷

Проблемы частной интерпретации международных норм, директивного и безапелляционного распространения одной из сверхдержав собственных национальных норм права на все государства, практического использования их в качестве международных документов привели к нагнетанию международной обстановки²⁸.

Накапливаемые проблемы усиливают протест со стороны государств, не имеющих отношения к системе западных ценностей, исповедующих демократические принципы и нормы, отличные от западных, насаждаемых США в современных странах бывшего СССР и странах Ближнего Востока иницированием разного рода «бархатных» или «цветных» революций²⁹. В

²⁷ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 7.

²⁸ Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. – Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

²⁹ Бозиев А. Т. О праве наций на самоопределение в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 33.

этом отношении восстановление биполярности геополитической системы координат позволило бы решить ряд актуальных задач международного права, исходя из принципов объективности и равноправности для всех субъектов международного права. Именно поэтому важной характеристикой современной системы международных отношений являются значительные изменения геополитического ландшафта, которые привели к смещению мирового потенциала на Восток³⁰. Если Российская Федерация, по мнению некоторых западных исследователей, и стремится занять место сверхдержавы³¹, то, полагаем, не столько для того, чтобы продемонстрировать собственные «имперские» амбиции, сколько для противодействия игрокам с гипертрофированным чувством мирового жандарма и хозяина.

В этой связи обоснованным представляется мнение российского политолога С. Маркедонова о том, что современная система международного права утратила свою эффективность, будучи откровенно игнорируемой, вследствие чего в мире растет число геополитических конфликтов, ведется жесткая информационная война. Поэтому все более актуальным становится вопрос о реформировании системы международного права, разработке новых критериев признания государств³². Сам факт существования проблемы так называемых государств с отложенным внешнеполитическим статусом указывает на сознательный отказ ведущих мировых игроков от применения существующей системы принципов международного права³³.

Одна из важнейших проблем современной геополитики – это несоответствие права народов (нации) на самоопределение принципу

³⁰ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 6.

³¹ Штюмер М. Путинская Россия стремится снова стать великой державой / Die Welt, Германия // <http://inosmi.ru/world/20131114/214768429.html> (дата обращения 17.02.17 г.).

³² В Тирасполе прошел круглый стол «Непризнанные: как реализовать право народа на самоопределение?». URL: <http://www.eurasian.su/news/v-tiraspole-proshel-kruglyy-stol-nepriznannye> (дата обращения 17.03.17 г.)

³³ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. – 176 с.

территориальной целостности. Обе нормы закреплены в доктрине международного права, национальных правовых нормах, но реализуются в большинстве случаев на основе тех или иных предпочтений в рамках западной идеологии.

Принцип территориальной целостности наряду с принципом нерушимости государственных границ был зафиксирован в Уставе ООН летом 1945 г. после окончания Второй мировой войны, после которой поутихло рвение к переделу государственных границ. Однако относительно полное свое выражение он получил лишь в 1975 г. на Хельсинкском совещании, т. е. фиксируется в его заключительном акте. До этого данный принцип как общепринятый не существовал, напротив, вся реальная история строилась на перманентном изменении границ существующих государств.

Дальнейшее развитие данная норма получила в Декларации принципов 1970 г.³⁴, где нашли отражение многие ее элементы, в том числе и недопустимость любых действий, направленных на нарушение национального единства и территориальной целостности любого государства. Так, содержание первого принципа Декларации дословно воспроизводит формулировку п. 4 ст. 2 Устава ООН, совмещающую в себе принцип неприменения силы или угрозы силой и принцип территориальной целостности государств. Элементы принципа территориальной целостности отражены и в следующей формулировке: «должно воздерживаться от любых действий, направленных на нарушение национального единства и территориальной целостности любого государства или страны». Отмечалось также, что «территория государства не должна быть объектом военной оккупации в результате применения силы в нарушение положений Устава ООН» и что «территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения».

³⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. // Текст резолюции опубликован в сборнике «Действующее международное право». – Т. 2.

Право народов на самоопределение начало формироваться еще на рубеже XIX–XX вв., причем в представлении социал-демократов оно означало лишь осознание этого права и декларативное его признание. Необходимо отметить, что все объединительные войны последних пятисот лет шли в общем русле создания национальных государств и были своего рода отражением процесса осуществления самоопределения наций с целью как объединения заселяемых ими территорий, так и выхода их из иных государственных образований³⁵. В качестве обязательной нормы данный принцип сформировался уже после принятия Устава ООН, в котором указана одна из важнейших целей ООН – развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения «принципа равноправия и самоопределения народов...» (п. 2 ст. 1). Он конкретизируется во многих положениях Устава. В ст. 55, например, в задачах повышения уровня жизни, решении международных проблем в экономической и социальной областях, в сферах здравоохранения, образования, культуры, соблюдения прав человека и т. п. Можно утверждать, что право народов на самоопределение есть отражение не ситуативного расклада, а фактического положения дел на протяжении всей истории: народы на конкретном этапе своего развития вступали в борьбу за ту или иную форму государственно-политического самоопределения.

Анализируя положения Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г., необходимо отметить, что самоопределение предполагает свободный выбор своего политического статуса и свободное обеспечение своего экономического, социального и культурного развития³⁶. Кроме того, в этом документе говорится, что при составлении Пакта должны быть предусмотрены осуществление и защита принципов и целей Устава, в том числе принципа равноправия и самоопределения народов... Ряд положений

³⁵ Черняховский С.Ф. Крымская легитимность // Россия. Наука. XXI век / http://ros-nauka.org/publ/obshhestvo/ehkonomika_politika_istorija/krymskaja_legitimnost_sergej_chernjakhovskij/15-1-0-566

³⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.

Всеобщей декларации прав человека непосредственно связан с правом на самоопределение... Если это право не включить в Пакт, он будет неполным и недействительным³⁷.

В течение некоторого времени после принятия Устава ООН на Западе высказывались сомнения по поводу правовой основы принципа самоопределения народов. Однако интенсивный процесс деколонизации в конце 50-х – начале 60-х годов и принятие 14 декабря 1960 г. Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам положили конец таким сомнениям. Декларация стала рассматриваться как официальное толкование ООН содержания принципа самоопределения народов. Более полно его содержание было раскрыто в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение³⁸.

В различных резолюциях ООН прямо или косвенно неоднократно подчеркивалось право государств и международного сообщества в целом оказывать помощь народам, ведущим борьбу за свое освобождение. Так, в ст. 7 «Определение агрессии», одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г., сказано: «Ничто в настоящем определении не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права, в частности народов, находящихся под господством

³⁷ Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. – Нью-Йорк, 1981. – С. 5.

³⁸ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Текст декларации опубликован в Сборнике «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии». – Нью-Йорк, 1970. – С. 151–155.

колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку...»³⁹.

Право народов на самоопределение зафиксировано в заключительном акте Хельсинкского совещания 1975 г., причем с особой оговоркой, которой нет в обосновании принципа территориальной целостности. Там отмечено, что «все народы всегда имеют право... определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус», а также указано на недопустимость «любой формы нарушения этого принципа». Территориальная целостность с этой точки зрения относительна и ситуативна, право на самоопределение – неотъемлемо и абсолютно.

Справедливости ради отметим, что наряду с этими двумя принципами в заключительном акте содержится и принцип нерушимости границ, согласно которому «государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга», что, в частности, включает «признание существующих границ в качестве юридически установленных в соответствии с международным правом».

В западной юридической практике высказывалось несогласие с тем, что иностранные государства вправе оказывать материальную помощь национально-освободительным движениям. Считалось, что помощь должна ограничиваться моральной и дипломатической поддержкой, тогда как афро-азиатские и бывшие социалистические государства интерпретировали используемый в определении агрессии термин «поддержка» как подразумевающий и материальную поддержку (например, оружием)⁴⁰.

Однако к концу 80-х – началу 90-х годов западная и российская позиции по вопросу о самоопределении народов стали сближаться. В этот период в литературе стало высказываться мнение о том, что государственное

³⁹ «Об агрессии». Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. // <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/oonagres.htm> (дата обращения 23.10.2017)

⁴⁰ Зохранян Р. П. Формы реализации права народов на самоопределение в международном праве и доктрине // Вестник Моск. ун-та. Сер.11: Право. – 2010. – № 2. – С. 78.

отделение не является той формой самоопределения, которая играет основную роль. Так, исследователь Ю. А. Решетов поддерживает точку зрения М. Кампельмана, считающего, что право на отделение не является международным правом, хотя может быть частью конституционной процедуры, называет трактовку права на самоопределение как права на отделение экстремистской интерпретацией⁴¹. В то же время, С. В. Черниченко не согласен с категорическим отрицанием того, что право на самоопределение включает в себя право на отделение. По его мнению, право на отделение далеко не всегда является обязательным компонентом права на самоопределение⁴². Иными словами, право на самоопределение может включать в себя право на отделение только при наличии определенных условий.

Недопустимость того, чтобы национальное самоопределение приводило к разрушению национального единства и территориальной целостности страны, подчеркивается в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. В ней говорится: «...Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, не совместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций...»⁴³.

Это же положение нашло свое отражение в Венской декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г.⁴⁴ В указанном документе после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение и соответственно их право предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом

⁴¹ Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1. – С. 3–4.

⁴² Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. – 1996. – № 4. – С. 18.

⁴³ Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. – № 4(21). – С. 68.

⁴⁴ Венская декларация и программа действий (Вена, 25 июня 1993 г.) (извлечение) // СПС «Гарант».

ООН для его осуществления, говорится: «Согласно Декларации о принципах международного права... вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий»⁴⁵.

Для толкования принципа самоопределения представляются важными выводы, к которым пришел в своем исследовании член Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, директор Норвежского Института по правам человека Асбьерн Эйде⁴⁶. Он утверждает, что право на самоопределение имеют народы, проживающие в колониальных территориях, находящихся за пределами Европы, в отношении которых был установлен колониальный или аналогичный контроль европейскими государствами или государствами, впоследствии заселенными выходцами из Европы. Попытки использовать понятие «колониализм» в других ситуациях усложняют данную проблему, и их не следует рассматривать в рамках понятия «деколонизация». Далее он говорит о том, что право на самоопределение принадлежит народам, проживающим на территориях, оккупированных или аннексированных после принятия в 1945 г. Устава ООН.

По мнению норвежского политика, право на выход имеют члены федераций, если в их конституциях это право закреплено. Одновременно он подчеркивает: «В таких ситуациях право на самоопределение, основанное на принципе добровольного объединения, применимо только к союзным

⁴⁵ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья. – Доступно: <http://www.olvia.idknet.com/bruno.html>

⁴⁶ Цит. по: Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 18–19.

республикам, а не к более мелким образованиям, которые могли иметь различные режимы автономии при существовавшем ранее порядке»⁴⁷.

В остальных случаях вопрос об одностороннем праве на самоопределение является крайне сомнительным, – считает А. Эйде. Это право является второстепенным по отношению к основополагающему принципу территориальной целостности при условии, что государство соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов и имеет правительство, в состав которого входят представители всего населения, без каких-либо различий по признаку расы, вероисповедания или цвета кожи. Следует помнить о том, что основой принципа самоопределения является право населения на участие в управлении государством. Когда правительство не создает таких возможностей, вопрос о праве на самоопределение различных групп населения становится более актуальным⁴⁸.

Таким образом, представляется, что вопрос об отделении может быть выдвинут только тогда, когда государство не соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов и когда соответствующему народу не предоставляется возможность участия в управлении этим государством.

Вместе с тем детальной правовой регламентации не поддаются ситуации, согласно которым фиксируется нарушение некоторыми государствами описанных прав и свобод в отношении отдельных народов, проживающих в пределах этих государств. Нет также четкого определения условий, при которых ущемленные народы могут претендовать на отделение. Кроме того отсутствуют механизмы, в соответствии с которыми государства предъявляют доказательства того, что на их территории соблюдается принцип равноправия и самоопределения народов, а правительства этих стран представляют весь народ, без различия расы или вероисповедания.

⁴⁷ Eide A. Territorial integrity of states, minority protection, and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations // Science and technique of democracy: Local self-government, territorial integrity and protection of minorities – 1996. – № 16. – Lausanne, 25–27 April 1996. – P. 299.

⁴⁸ Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 19.

Противоречие принципа территориальной целостности государства и права народов на самоопределение является результатом существования изначально диаметрально противоположных по своей природе принципов, разнесенных как в синхронии, так и в диахронии. Несмотря на то, что право народов свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие было зафиксировано в международном праве гораздо раньше, вопросы субъектности данного права и его приоритетности по отношению к принципу территориальной целостности государства выходят далеко за рамки исключительно теоретической проблемы международного права.

Проблема соотношения принципов территориальной целостности и самоопределения наций не менее актуальна и для контролирующей деятельности ООН. В первую очередь это связано с наметившейся в 1991 г. тенденцией к увеличению значимости территориальных проблем как источников возникновения конфликтов. Начиная с 1990 г., все крупные вооруженные столкновения в Европе были так или иначе связаны с территориальными притязаниями. Это утверждение справедливо в отношении Азии, в том числе Ближнего и Среднего Востока⁴⁹.

С одной стороны, ожесточенность, жестокость и большое количество беженцев отличают этнические конфликты, что требует от ООН решительных мер по их разрешению; с другой – трудности в достижении согласия между сторонами, отсутствие устойчивых соглашений и высокий риск для военного персонала ООН приводят к выводу о необходимости более осторожного и тщательного подхода при выработке миротворческого формата подобных операций.

В конце XX столетия обострились проблемы, касающиеся сохранения территориальной целостности и нерушимости границ. Политические конфликты на постсоветском пространстве в большинстве случаев демонстрируют противоречивость и несовпадение принципов

⁴⁹ Ежегодник СИПРИ 1995. – М., 1996. – С. 25.

территориальной целостности и права народов на самоопределение. Более того, очевидно, что данные принципы изначально являются неравными по своей значимости, по своим истокам и по условиям возникновения. И это неравенство определяет их иерархию и приоритетность⁵⁰.

Анализ развития конфликтов на постсоветском пространстве дает основание утверждать, что их развитию способствовали неразвитость демократических институтов и политический этноцентризм в отдельных частях бывшего СССР, что фактически исключило русскоязычных не только из процесса управления государством, но и из паритетного в национальном отношении социально-коммуникативного процесса. Дискриминационная политика «титульного» населения в отдельных странах нового зарубежья стимулировали формирование политических наций и государств с отложенным внешнеполитическим статусом, в основу идеологии которых была положена борьба за право исповедовать национальную идентичность, собственную систему ценностей и за право на самоопределение.

Проблема самоопределения народов и признание их политико-территориального образования в известной мере политически субъективна и, к сожалению, не имеет однозначного юридического решения как на уровне международного, так и национального права⁵¹. Данная проблема усугубляется довольно широкой трактовкой понятий «нация» и «народ», которые до сих пор вызывают активные дискуссии в вопросе о том, кого признавать субъектом права на самоопределение⁵². Так, например, российский политолог К.С. Гаджиев понятие «народ» рассматривает как совокупность людей, связанных в определенный стабильный порядок

⁵⁰ Гевандова Я. С., Шлюндт Н. Ю. Коллизия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства в современном международном праве // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 11. – С. 211.

⁵¹ Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2012. – С. 10.

⁵² Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 183.

жизнеустройства единой и самостоятельной правовой системой⁵³. И. А. Умнова считает, что «народ как общность, объединенная единой территорией проживания, способен быть субъектом права на самоопределение»⁵⁴.

Юридически выверенная дефиниция концепта «народ» содержится и в специальном докладе, выполненном в рамках ЮНЕСКО. В нем указано, что «народ» есть «группа людей, которые обладают многими или всеми следующими характеристиками: общими историческими традициями, расовой или этнической общностью, культурной однородностью, языковой общностью, территориальными связями, общей экономической жизнью»⁵⁵.

Таким образом, с одной стороны, субъектом права на самоопределение является народ как целостный организм, сложная правовая субстанция, каждый из элементов которой имеет свои характерные черты и способен быть самостоятельным субъектом права на самоопределение⁵⁶.

С другой стороны, большинство форм выражения национального суверенитета на постсоветском пространстве в конце XX в. сводились к естественным попыткам национального самосохранения и противостояния этнической ассимиляции. Следовательно, к сфере национального суверенитета политическая этнократия того периода, в первую очередь, относилась этническую культуру, язык, обычаи, религию, традиционный образ жизни, экономическую деятельность и обусловленные всем этим права на определенные территории и природные ресурсы⁵⁷. В контексте данных рассуждений вполне обосновано мнение о том, что право наций (именно наций, но не людей и не государств) на самоопределение, опирающееся на

⁵³ Гаджиев К. С. Политическая наука. – М.: Гардарики, 1994. – С. 101.

⁵⁴ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998. – С. 152.

⁵⁵ Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 99.

⁵⁶ Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 185.

⁵⁷ Дамдинов Б. Д. К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 2. – С. 21.

национальный суверенитет, является политически взрывоопасным⁵⁸. Отметим, что в результате реализации права на самоопределение в современном мире появилось 10 так называемых квазигосударств⁵⁹ (в том числе и евразийский квартет, куда наряду с Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом входит Приднестровье). Большинство самоопределившихся стран на постсоветском пространстве образовались в ответ на этноцентристскую политику их метрополий, лидеры которых возрождение национального самосознания титульного населения видели в маргинализации этнических меньшинств. Именно поэтому мы разделяем точку зрения доктора юридических наук Л. Ф. Болтенковой, утверждающей, что субъектом права на самоопределение должны быть не конкретные «титульные» нации, а народ в целом, т. е. население исторически определенной территории⁶⁰.

Анализируя ситуацию на постсоветском пространстве, приходится констатировать, что уже в начале дезинтеграционных процессов в бывшем СССР около 25 млн. этнических русских и свыше 11 млн. представителей других этнических групп, считавших русский своим родным языком, проживало за пределами Российской Федерации, а общее число людей, оказавшихся вне «своих» по национальному критерию территорий превышало 70 млн⁶¹.

Огромная часть населения всех бывших советских республик столкнулась с серьезными психологическими трудностями адаптации к новым условиям. Кроме того, ситуация усугублялась еще и тем, что, с одной стороны, государства, имевшие на своей территории компактно проживающие национальные меньшинства или автономии, крайне болезненно воспринимали идею самоопределения вплоть до отделения

⁵⁸ Золотарева М. Национальный суверенитет: на стыке права и политики // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 157–159.

⁵⁹ Geldenhuys D. Contested states in World Politics. – London: Palgrave Mcmillan, 2009. – P. 22.

⁶⁰ Болтенкова Л. Ф. Российская государственность: состояние и перспективы. – М.: Республика, 1995. – С. 62.

⁶¹ Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1. – С. 3–4.

(проблема Карабаха в Азербайджане и Абхазии и Южной Осетии в Грузии). С другой стороны, в большинстве случаев неразвитость демократических институтов и политический этноцентризм фактически исключают «некоренных» из процесса управления. Наличие на территории соседних стран этнически близких групп людей, к тому же подвергающихся дискриминации, повышает вероятность обращения к принципу самоопределения.

Являясь одним из важнейших признаков независимости и государственности, территориальная целостность стала одной из наиболее болезненных проблем, возникших после распада СССР и образования новых независимых государств. Основная сложность заключается в изменении статуса «внутренних», по сути административных, границ в бывшем Советском Союзе на государственные. Тот факт, что многие из них не воспринимаются как законные, стал серьезным препятствием в отношениях между молодыми постсоветскими государствами. В этой ситуации любые реальные или потенциальные притязания неизбежно становятся источником серьезных конфликтов на межгосударственном уровне.

Обращаясь к истории молдово-приднестровского противостояния, отметим, что обретение государственного суверенитета Советской Молдавией 27 августа 1991 г. после ее выхода из состава СССР происходило в рамках возрождения национального самосознания. Этнократическая политика Кишинева откровенно игнорировала принцип территориальной целостности Советского Союза как единого государства. Не были приняты во внимание и результаты референдума, состоявшегося в марте 1991 г. Политическая элита, прикрываясь националистическими настроениями, как на этапе дезинтеграции союзного государства, так и в процессе образования независимых государств преследовала одну из основных целей – «выдавливание» русских и, шире, русскоязычных из республики, снижение их социального статуса, отстранение от сферы управления и ключевых

постов⁶². Так, в связи с принятием в 1989 г. Закона о функционировании языков республику покинули 74 человека, а реализация документа этнократами привела к тому, что в 1992 г. их было уже 32 тыс., и в основном русских. В 1996 г. из Молдовы официально выехали 12 тыс. человек, в том числе 29,5 % русских. В то же время растет (особенно после конфликта 1992 г. в Приднестровье) число желающих принять гражданство Российской Федерации. Среди них были не только представители русской национальности. «Только в 1997 г. таких людей было уже около 50 тыс.»⁶³. По словам Т. И. Жосан, даже спустя десятилетия «эта тенденция упорно сохраняется и развивается по возрастающей»⁶⁴. Результаты исследований того периода также свидетельствуют о том, что подъем националистических настроений в обществе и разделение граждан республики на титульное и «нетитульное» население привели к гипертрофированности этнической самоидентификации населения Республики Молдова (72,2 %), которая уступала только семейным ценностям (81,7 %)⁶⁵.

Историки подчеркивают тот факт, что в исторической ретроспективе Приднестровье, или левобережье Днестра, никогда не входило в состав Молдавского государства. Этой территорией владели и Польша, и Крымское ханство, и Россия. Молдаване, переселившиеся сюда из-за Днестра и Прута в XVI в., проживали здесь компактными группами, не составляя большинства населения. В конце XVIII в. Приднестровские земли были окончательно закреплены в составе Российской империи на правах отдельных уездов

⁶² Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русский язык в современной Молдове. URL:<http://mirznani.com/a/126063/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-moldove> (дата обращения 17.03.17).

⁶³ Млечко Т. П. Русские в контексте межнациональных отношений в Молдове / Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. – Кишинев, 1999. – С. 32.

⁶⁴ Жосан Т. И. Межэтнический консенсус в современной политике республики Молдова / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы междунар. научн.-практ. конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 160.

⁶⁵ Региональная идентичность в Приднестровье / Борьба народа Приднестровья за самоопределение. Образование ПМР. URL:http://studbooks.net/595826/istoriya/regionalnaya_identichnost_pridnestrove (дата обращения 17.03.17 г.)

Каменец-Подольской и Херсонской губерний⁶⁶. Приднестровье было включено в состав МССР только с 1940 г. (напомним, что с 1924 г. по 1940 гг. в статусе Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики оно являлось частью Украины).

Косвенно, хотя и недвусмысленно, признал этот факт и парламент Республики Молдова. В июне 1990 г. он отменил Закон от 2 августа 1940 г., провозгласив тем самым пакт Молотова–Риббентропа незаконным, а созданную Молдавскую ССР – результатом «расчленения Бессарабии и Северной Буковины», которые СССР оккупировал якобы силой оружия «вопреки воле населения этого края». В Декларации о независимости Республики Молдова, принятой парламентом 27 августа 1991 г., утверждается, что, не спросив население МАССР, образованной 12 октября 1924 г., Верховный Совет СССР 2 августа 1940 г. создал союзную Молдавскую ССР. «Тем самым парламент Молдовы четко и определенно признал включение Приднестровья в состав Молдавии юридическим и историческим нонсенсом», – пишут российские исследователи⁶⁷.

Пристрастно анализируя приднестровскую проблему, пресса Республики Молдова утверждает: «Все хотят объединения, все о нем говорят, но не все помнят, как было. Самым вредоносным, глупым и провокационным моментом в истории молдавского раскола стала законодательная отмена фронтистским большинством в Верховном Совете Молдовы „пакта Риббентропа-Молотова“ и, соответственно „республики 1940 г.“ Это лишило Правобережье, – вынужден справедливо указать В. Косарев, – всяких прав на левобережную территорию и обосновало образование ПМР, дало для этого юридическую основу: исторически в состав

⁶⁶ Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье. – М.: ДА МИД России, 2000. – С. 11–12.

⁶⁷ Там же. – С. 12–14.

Молдовы земли за Днестром никогда не входили и были включены именно в результате образования „Республики 1940 г.“»⁶⁸.

В полном соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Декларацией о принципах международного права от 24 декабря 1970 г. и в соответствии с другими нормами действующего международного права народ Приднестровья 2 сентября 1990 г. провозгласил собственную государственность.

По мнению ряда исследователей молдово-приднестровского конфликта, приднестровский народ имеет право на самоопределение в силу следующих причин:

1. Территория и народ Приднестровья никогда исторически и юридически не входили в состав суверенной Республики Молдова, а являлись частью несuverенного формирования МССР в рамках единого суверенного Советского Союза.

2. Этнократическая политика румынизации Молдовы не только расколола полиэтничное население по принципу титульное–нетитульное, но и поколебала единство самого «титульного» этноса, закрепив отказ самой молдавской нации от собственного культурного суверенитета в пользу румынского⁶⁹. Более того, резкое изменение лингвистической среды в значительной степени нарушило толерантность взаимодействия полиэтничного населения в Республике Молдова и предопределило необходимость реализации права народа Приднестровья на самоопределение в рамках плебисцитарной теории международного права.

⁶⁸ Косарев В. Шаг вперед и два назад... Унитарная Молдова – Федерация – Конфедерация... и так далее в том же направлении / Коммерсант-plus. – 2003. – 18 июля.

⁶⁹ Погорелая Е. А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы последнего десятилетия XX века. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С. 207–208.

3. Самоопределение осуществлялось в виде сепарации от Советского Союза. Данный процесс был юридически начат объявлением государственного суверенитета 2 сентября 1990 г. и был завершен в декабре 1991 г. с прекращением существования СССР.

4. С сентября 1990 г. государственные органы Республики Молдова не формируются на территории ПМР, а потому не представляют данный народ.

5. Республика Молдова, прибегнув к силовому способу решения конфликта и вооруженной агрессии против народа Приднестровья, нарушила нормы Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии», вследствие чего является недобросовестным исполнителем своих международно-правовых обязательств и не может апеллировать к принципу территориальной целостности.

6. Приднестровское государство может претендовать на самоопределение согласно декларативному подходу в теории международного права, поскольку в основу своей политики Приднестровье положило необходимость постоянного учета мнения и волеизъявления граждан. Показательными в этом отношении являются результаты референдума, проведенного в сентябре 2006 г. по вопросу перспектив государственного строительства Приднестровья, согласно которым 97 % приднестровцев высказались за независимость с последующим присоединением к России⁷⁰.

7. Принцип территориальной целостности начинает действовать только для самоопределившегося народа на территории его проживания, снимая, таким образом, все напластования о конфликтности данных принципов. Все иные интерпретации действия данного принципа юридически ничтожны и связаны с недопустимыми в XXI в. рецидивами колониализма⁷¹.

⁷⁰ Головченко Л. Н. Приднестровье: проблема реализации права на самоопределение народа, проживающего на территории республики // Наука и современность. – 2014. – № 27. – С. 273.

⁷¹ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. – 176 с.

Заключение Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации также подтверждает, что государственность и независимость ПМР провозглашены в полном соответствии с основополагающими документами международного права. При этом Республика Молдова не обладает релевантными историческими, а также политико-правовыми основаниями для претензий на территорию ПМР⁷².

Вопрос приоритета воли государства над правами народа в случае принципа территориальной целостности, или приоритета воли народа над правами государства в случае права народа на самоопределение относится, скорее всего, к политической философии и политической аксиологии. Однако с исторической и политико-философской точек зрения принцип права на самоопределение изначально более приоритетен, чем принцип уважения территориальной целостности. Право народов на самоопределение было зафиксировано в международном праве гораздо раньше и стало реакцией мирового сообщества на колониализм западной цивилизации, отражением не ситуативного, а перманентного стремления народов на протяжении всей истории получить возможность государственно-политического самоопределения⁷³. Кроме того, денотат концептов «право» и «принцип» уже определяет императивность первой нормы и диспозитивность второй. Однако коннотация этих концептов до сих пор стимулирует активную дискуссию как в западной, так и в отечественной политологической науке: одни возвеличивают роль и значение права наций (народов) на самоопределение, другие рассматривают его как проявление откровенного национализма и сепаратизма.

⁷² На стороне Приднестровья международное право // <https://novostipmr.com/ru/news/17-11-21> (Итоговая резолюция Международного круглого стола «Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровья», прошедшего в Москве 21 ноября 2017 г.)

⁷³ Черняховский С. Территориальная целостность и право на самоопределение // Новая политика (интернет-журнал). 4 сентября 2008. URL:<https://novopol.ru/territorialnaya-tselostnost-i-pravo-na-samoopredeleni-text51183.html> (дата обращения 17.02.2017)

1. 2. Международное позиционирование государств с отложенным внешнеполитическим статусом

На протяжении всей человеческой истории имидж государства являлся важным критерием, определяющим его сосуществование с другими государствами, но особую роль данное понятие приобретает в современных условиях бурно развивающихся информационных технологий, породивших «информационное общество».

Сегодня с возросшей скоростью передачи информации, которая является основным ресурсом и главным инструментом конструирования политической системы, ускорились и процессы формирования политического имиджа государства. В условиях глобального сетевого общества большинство стран осознано необходимость перехода от немаркетинговых форм продвижения собственного имиджа, выражающихся в пропаганде и агитации, к маркетинговому, ориентированному на запросы внешней аудитории.

В широком смысле понятие «имидж» гуманитарная наука трактует как некоторый образ объекта, результат активности психики субъекта, связанной с объектом, оценка субъектом возникшего образа объекта, формирование устойчивого мнения о нем⁷⁴. Важной особенностью имиджа является его активность. Он «способен воздействовать на сознание, эмоции, деятельность и поступки как отдельных людей, так и целых групп населения. Как следствие, люди отдадут предпочтение тем или иным товарам, фирмам, банкам или политическим партиям»⁷⁵. Ключевыми характеристиками

⁷⁴ Гавра Д. П. Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22.

⁷⁵ Семенов А. К., Маслова Е. Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса. 2-е изд. – М., 2000. – С. 86–87.

имиджа являются адекватность, оригинальность, пластичность, адресность, активность, конкретность, ясность⁷⁶.

Политический имидж государства, представляя собой образец стереотипа, эмоционально окрашенный образ⁷⁷, сложившийся в массовом сознании в результате сочетания целенаправленных и преднамеренных действий⁷⁸, играет важную роль в политическом процессе, оказывая влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику страны. Формирование и продвижение позитивного имиджа государства на международной арене является необходимым условием достижения внешнеполитических целей, соответствующих национальным интересам страны.

В современной литературе под имиджем государства понимается совокупность показателей авторитета, успешности его действий на международной арене, оценки зарубежной общественностью страны. Если обратиться к современному английскому энциклопедическому словарю, то под «имиджем государства» понимается «управление мнением о своей стране у других субъектов с помощью бесчисленных стратегий поведения, заключающихся в представлении своего внешнего образа на международной арене»⁷⁹. Образ государства представляет собой систему мнений и убеждений о нации, народе и стране, сформированную внутри нее и за ее пределами, выраженную в обобщенном объективном и субъективном психологическом оценочном суждении⁸⁰. Немаловажное значение в продвижении имиджа государства играет «внутренний авторитет», который трактуется как совокупность взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы, сформировавшейся в процессе развития

⁷⁶ Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – С. 492.

⁷⁷ Большой словарь иностранных слов в русском языке / под ред. С. М. Локшина, В. Ф. Корицкого. – М., 1998. – С. 174; Словарь социально-гуманитарных терминов / научн. ред А. Л. Айзенштадт. – Минск: Тесей, 1999. – С. 81.

⁷⁸ Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: БРЭ, 2004. – Т. 1. – С. 447; Большой словарь иностранных слов. – М.: Юнвес, 2006. – С. 152.

⁷⁹ Английский толковый словарь Concise Oxford English dictionary // <http://www.hpc.ru>

⁸⁰ Cotirlea D. A. Country image vs. country brand: differences and similarities // Ecoforum. – 2015. – Vol. 4. Special Issue 1. – P. 167.

государственности, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции политических, экономических, социальных, общественных и других процессов, мнения граждан о своей стране. В данном аспекте актуализируются процессы смещения центра влияния от государственных институтов к общественным, международным, которые в конкурентном информационном процессе формируют внешнеполитический имидж государства⁸¹.

Имидж государства определен Всемирной организацией по туризму: «Имидж страны – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственно опыта, слухов, влияющих на создание определенного образа»⁸². К этой формулировке можно добавить и иррациональный компонент, опирающийся на предрассудки, стереотипы и архетипы коллективного бессознательного. В данном случае акцентируется внимание именно на коммуникативных практиках в условиях глобализации: идентичности мыслительной деятельности практически во всех культурах компенсируется вариативностью интерпретационной деятельности людей различных культур и религий.

В продвижении положительного имиджа государства значительную роль играют постоянно транслируемые и востребованные глобальными коммуникационными каналами политические идеалы и культурные символы, привлекательность политических лидеров и культурных достижений⁸³. Причем имидж политика предполагает создание устойчивого социально-психологического образа, влияющего на политические предпочтения личности, включающего характеристики избирательной кампании, признаки

⁸¹ Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.

⁸² Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер, 2006. – С. 53.

⁸³ Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66.

модальности и компаративистики, а также непосредственно субъекта или какой-либо партии и, шире, государства⁸⁴.

Говоря о бренде территории, учитывают ее очевидные преимущества: во-первых, географические бренды, связанные с конкретными населенными пунктами, водными артериями, горными массивами и другими уникальными географическими особенностями; во-вторых, бренды, связанные с национальной историей и национальным характером, национальной культурой и культурным генотипом, которые в перспективе могут вызывать исключительно положительные эмоции у потенциальной аудитории; в-третьих, бренды региональной продукции известные далеко за пределами своих регионов; в-четвертых, бренд человеческого ресурса, который включает национальный характер, менталитет, а также персоналии политической и управленческой элиты, которые делают бренд более ярким⁸⁵.

Принципиально важно, что внешний имидж государства складывается в результате наложения по крайней мере четырех процессов: собственной внешней информационной политики, информационной политики других государств, в том числе соперников и союзников, негосударственных информационных потоков и собственной активности целевых аудиторий⁸⁶.

Имиджевые преимущества в перспективе обеспечивают экономические, политические, геополитические и другие дивиденды. В то же время манкирование имиджевой деятельностью, отсутствие целенаправленной политики государства в этой сфере неизбежно сужает диапазон его геоэкономической и геополитической мобильности и конкурентоспособности⁸⁷. Однако имидж как совокупность сведений о

⁸⁴ Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – С. 11.

⁸⁵ Гавра Д. П. Осетия не умеет пользоваться теми сокровищами, которые лежат у нее под ногами // Градус Осетии. URL: <http://gradus.pro>

⁸⁶ Таранова Ю. В. Формирование имиджа Региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 118.

⁸⁷ Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиaprостранстве // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. – С. 187.

государстве может существовать и при условиях, когда сам субъект не предпринимает действий по его формированию, т. е. независимо от воли конкретного государства. Данная мысль приобретает особое звучание, учитывая, что внешний имидж государства является продуктом конкуренции, а иногда и противостояния информационных политик в глобальной и (или) региональной системе координат.

В условиях политической, экономической обособленности государств с отложенным внешнеполитическим статусом актуализируется аудиторно-функциональная структурная модель имиджбилдинга, которая позволяет формировать или изменять существующие стереотипы по отношению к конкретному государству или региону. Предложенный спектр «функционалов» применительно к самоопределившимся государствам постсоветского пространства, к сожалению, сужается и из возможных сводится к трем основным: ценностному, инвестиционному, товарно-потребительскому имиджу, которые в большей степени эффективны в изменении существующих негативных гетеростереотипов. Отметим, что реализация потенциала туристического и иммиграционного имиджа является достаточно проблематичной и может быть осуществлена на заключительных этапах формирования имиджа⁸⁸.

В массовом сознании имидж государства, как правило, формируется благодаря информации традиционных и сетевых СМИ. Медиаобраз особенно актуален в создании и продвижении имиджа государства, ориентированного на внешние группы общественности, которые воспринимают информацию о регионе опосредованно⁸⁹. От того, насколько то или иное СМИ толерантно по отношению к определенному региону, какую позицию оно в своих материалах отстаивает, насколько объективна информация,

⁸⁸ Гавра Д. П. Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – С. 3–17.

⁸⁹ Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.

распространяемая им, зависит и образ описываемого объекта в глазах массовой аудитории, особенно территориально отдаленной.

Необходимо отметить, что систематическое воздействие на массового потребителя информации способствует формированию в общественном сознании определенных стереотипов по тем или иным проблемным темам. Любые стимулы, посылаемые СМИ социальным группам, опосредованы не только спецификой восприятия индивида, но и социальным контекстом⁹⁰. Стереотипность мышления может быть оценена как положительная или отрицательная реакция аудитории на конкретное событие, и соответствующее отношение к его участникам.

Воспринимая информацию, индивиды по-разному интерпретируют ее содержание, поскольку имеют различные способы восприятия, привычки, стереотипы. В процессе обмена информацией принципиальное значение имеет способность субъекта осмысленно воспринимать сообщения⁹¹.

Эффективность восприятия массовой аудиторией информационных потоков СМИ зависит, как правило, от самосознания, политических сознания и культуры, а также установок и стереотипов. Причем последние могут рассматриваться в качестве наиболее значимого и устойчивого социально-психологического конструкта, влияющего на восприятие информации реципиентом, одновременно являясь и своего рода барьером, и катализатором в восприятии сформированных коммуникатором информационных сообщений⁹².

Зачастую события, противоречащие имеющимся ценностям, суждениям индивида, отбрасываются им без должного анализа. Между тем, при определенных условиях, реципиент способен к пересмотру ранее

⁹⁰ Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 20.03.17 г.)

⁹¹ Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // NB: Психология и психотехника. – № 5. – 2013. С. 11–23. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html (дата обращения 20.03.17 г.)

⁹² Турчинова М. А. Социально-психологические стереотипы восприятия информации при воздействии телевизионных СМИ на аудиторию: на примере телевизионной рекламы: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – С. 6.

сложившихся убеждений и установок, поскольку система личностных оценок постоянно обновляется и накопление информации может привести к изменению внутренних смысловых рамок, определявших восприятие индивидом политических событий⁹³. Задача коммуникатора в таком случае сводится к последовательному изменению системы установок реципиента.

У. Липпман выдвинул идею о том, что СМИ получают практически неограниченные возможности по формированию псевдокартины мира в сознании людей, поскольку последние не могут оценить достоверность получаемой информации в силу того, что большая часть мира находится за пределами достижимости человека (*beyond our reach*)⁹⁴. Дело в том, что для ориентации и получения сведений в сложной, насыщенной реальности люди прибегают к помощи СМИ, где большинство информации изначально носит упрощенный, стереотипизированный характер. Индивид не всегда может сам дойти до сути событий (отдаленных, сложных для понимания, находящихся вне сферы знаний конкретного индивида) и сформировать отношение к ним, поэтому он легче воспринимает схематичное изображение «сложных» объектов. Обычный человек не готов уделять слишком много собственного времени и внимания чему-то непонятному или недоступному для него. В этой ситуации он чаще всего использует не логическое, а ассоциативное мышление, поэтому словесные манипуляции остаются для него незамеченными. В итоге сложные социальные явления обрастают комплексом устойчивых ассоциаций и стереотипов⁹⁵.

В большинстве случаев стереотипы в современной науке характеризуются как негативный фактор общественного сознания, затрудняющий объективность оценивания окружающей действительности. К положительным проявлениям стереотипности необходимо, по нашему мнению, отнести культурные коды, социальную идентичность и нормы

⁹³ Пушкарева Г. В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Полис. – 2004. – № 4. – С. 93–102.

⁹⁴ Lippmann W. *Public opinion*. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – P. 249.

⁹⁵ Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – С. 34.

общественной морали. Однако следует принять во внимание роль современных СМИ в деформировании стереотипов массовой аудитории, в том числе и о своем предназначении в общественном развитии.

Стереотипы формируются под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки и индивидуальной социокультурной среды, а также, безусловно, при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ⁹⁶. Большинство исследователей указывают на связь стереотипов с огромным влиянием СМИ, формирующих отношение к миру, на поведение, воспроизводящее поступки «героев», созданных прессой, радио или телевидением⁹⁷.

Приведенные языковые средства способствуют как формированию, укреплению, так и разрушению стереотипного фонда личности. Данное исследование позволит проанализировать не только степень толерантности собственных и зарубежных сетевых средств массовой информации к проблеме государственности самоопределившихся республик, но и обобщенные представления местных СМИ о своем регионе, событиях, происходящих в нем, о народе, его населяющем (автостереотипы), и мнение по данным вопросам зарубежных СМИ (гетеростереотипы)⁹⁸.

Помимо предпринимаемых политическим руководством государств с отложенным внешнеполитическим статусом, экономической, культурной и научной элитой самоопределившихся республик попыток продвижения благоприятного имиджа своих регионов на мировой арене и формирования их позитивного образа в глазах международной общественности, немаловажную роль играют средства массовой информации. Тиражируемая ими информация откладывается в общественном сознании и формирует определенные стереотипы. Учитывая отношение сопредельных стран к

⁹⁶ Сердюкова А. К. Влияние средств массовой информации на формирование поведенческих стереотипов у студентов / Образование, наука, производство: Сб. тр. VII Междунар. молодежного форума. Белгород, 20–22 октября 2015 г. – Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова, 2015. – С. 4663–4667.

⁹⁷ Мацумото Д. Психология и культура: 1-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с

⁹⁸ Ерофеева И. В., Фильшина О. Ф. Национальные стереотипы как топос медиатекста: актуальность медиаархеологии // Гуманит. вектор. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 59–67.

молодому государству, их усилия, направленные на его ликвидацию «де-факто» и тем более предупреждение его оформления «де-юре», можно с уверенностью утверждать, что роль СМИ в процессе укрепления государственности самоопределившихся республик многократно возрастает.

Анализ роли средств массовой информации в процессе позиционирования государственной идеи самоопределившихся республик, показал, что эта тема активно обсуждается как государственными, так и частными печатными и сетевыми изданиями. Их обобщенная позиция сводится к тому, что государственным и общественным институтам необходимо активнее участвовать в формировании имиджа государств, поскольку отсутствие собственных усилий увеличивает поток негативной информации и снижает вероятность их международного признания.

Приведем в этой связи наиболее яркие высказывания печатных и сетевых СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом по вопросам имиджевых технологий⁹⁹.

«Имидж Приднестровья – это стремление к открытости и демократии», – пишет газета «Днестровская правда», комментируя итоги Международной научно-практической конференции «Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы», организованной Верховным Советом ПМР и проведенной 2 февраля 2007 г. Издание отмечает, что в условиях построения новой цивилизации, направленной на защиту прав и свобод человека, делом первоочередной важности является формирование позитивного имиджа Приднестровского государства. Факт непризнанности ПМР определяет современную ситуацию вокруг и внутри Приднестровья.

«Базовой составляющей в развитии позитивного имиджа Приднестровья является защита прав человека, – продолжила „Днестровская правда“. – Сегодня в условиях неразрешенности молдово-приднестровского

⁹⁹ Приднестровское урегулирование: «вопрос о политической поддержке Тирасполя – это вопрос российской безопасности». URL: <http://www.regnum.ru/news/781317.html>

конфликта систематически нарушаются извне права приднестровцев путем введения экономических и политических санкций»¹⁰⁰.

ИА «Ольвия-пресс» пишет: «Имидж государства – в том числе и в области соблюдения прав человека – зависит от множества факторов, внешних и внутренних. Соблюдение и защита прав человека могут быть гарантированы только при мощной экономике, при наличии экономической базы»¹⁰¹.

Оппозиционная «Новая газета» пишет: «...официальные лица ПМР не перестают заявлять, что республика жаждет признания. Как выяснилось уже давно, но для некоторых осталось неясным и по сей день, эта задача может быть решена хотя бы частично только в том случае, если постоянно работать над имиджем государства как маленькой, демократической страны... Путь восточноевропейского Приднестровья – это демократия, где соблюдение прав человека органично сочеталось бы с энергичной государственной властью, – продолжает „Новая газета“. – Укрепляя имидж ПМР, надо прекратить вмешиваться в геополитические разборки сильных мира сего. Наши неумные нападки на одних и клятвы в верности другим могут только сделать изоляцию ПМР неустранимой»¹⁰².

«До настоящего времени не создано свода критериев в области прав человека, – цитирует газета „Приднестровье“ председателя комиссии Госдумы РФ по изучению практики обеспечения прав человека в иностранных государствах Наталию Нарочницкую, – Это обстоятельство дает возможность некоторым государствам брать на себя роль менторов в области прав человека. Крупные международные организации поднимают на

¹⁰⁰ Резолюция Международной научно-практической конференции «Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы». URL: <http://old.vspmr.org/News/?ID=571>

¹⁰¹ Бурла М. Внешние факторы - главное препятствие в развитии экономики ПМР». URL: <https://ava.md/2007/02/05/mihail-burla-58-vneshnie-factory-glavnoe/>

¹⁰² Патерова О. Имидж Приднестровья: соблюдение прав человека и энергичная госвласть. URL: www.regnum.ru/news/781317.html

щит заявления крошечных групп, не попытавшись даже выяснить достоверность этих заявлений»¹⁰³.

По словам Н. Нарочницкой, нынешняя ситуация в этой сфере напоминает «охоту на ведьм», когда одно только обвинение вопреки презумпции невиновности делает виновным. Двойные стандарты в этой области также становятся нормой. Получается, что одни государства – непогрешимые менторы, а другие – варварские страны, которые следует окультуривать. Так, Совет Европы стал сугубо идеологической организацией, конкурирующей с другими за право трактовки прав человека. Таким образом, доктрина прав человека, монополию на трактовку которой присвоил себе Запад, стала инструментом геополитики в современном мире¹⁰⁴.

Оппозиционная газета «Человек и его права» пишет: «Системообразующей имиджа является репутация руководства республики. Имидж руководителей ПМР в настоящее время лишает смысла всякие разговоры о скором признании»¹⁰⁵.

«Что нужно для того, чтобы исправить имидж? – задается вопросом издание и тут же отвечает: – Достичь предсказуемости законодательства. Разработать внятную и реальную региональную стратегию. Создать условия, привлекательные для иностранных инвесторов. Добиться прозрачности политической жизни ПМР. Вести реальную борьбу с коррупцией. Добиться прозрачности разработки, принятия и исполнения бюджетов, государственного и местных. Обеспечить эффективную работу механизма общественного контроля за действиями власти. Добиться демократизации общества». «Необходимо участие граждан в управлении страной, – отмечает газета. – И на этой основе превратить Приднестровье в ключевой регион для

¹⁰³ Патерова О. Имидж Приднестровья: соблюдение прав человека и энергичная госвласть. URL: www.regnum.ru/news/781317.html.

¹⁰⁴ Наталия Нарочницкая: «Менторство в трактовке прав человека – почва для двойных стандартов в мировой политике». URL: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r070207070413>

¹⁰⁵ Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю. URL: <http://mkspmр.idknet.com/content/view/752/209/>

реализации планов российского и украинского бизнеса, осуществления межрегиональных проектов. Действия руководства ПМР должны быть прогнозируемыми, а не спонтанными»¹⁰⁶.

Тема признания Приднестровья и формирования его позитивного образа обсуждается не только приднестровскими руководителями, специалистами и СМИ, но и иностранными аналитиками. В частности, бывший аналитик по вопросам внешней политики в Сенате США, экс-директор Американского совета по Косово Джеймс Джатрас после встречи с Председателем Верховного Совета Приднестровья заявил: «Косово является дестабилизирующим фактором для соседних государств – Сербии, Черногории, Македонии, тогда как Приднестровье не имеет никаких территориальных претензий к своим соседям: Украине и Молдове. Более важно то, что с юридической точки зрения Косово всегда являлось частью сербской территории, поэтому его можно назвать сепаратистским регионом. Приднестровье же никогда документально не было частью Молдовы»¹⁰⁷.

Д. Джатрас отметил, что по всем признакам – моральным, юридическим и экономическим – у Приднестровья прав на независимость гораздо больше, чем у Косово. «В Приднестровье люди живут мирно. Это многоэтническая страна, в которой нет религиозных противоречий. В Косово, наоборот, достаточно много противоречий, и этнических, и религиозных. Косово становится все более и более монорелигиозной и моноэтнической страной, где сжигаются церкви, люди выселяются из своих домов, и это все происходит прямо перед носом НАТО и других международных организаций», – добавил американский эксперт.

По его мнению, проблема заключается в том, что о республике мало кто знает, поэтому ее руководству нужно предпринять очень активные шаги по организации образовательной программы для международной

¹⁰⁶ Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю. URL: <http://mkspmr.idknet.com/content/view/752/209/>

¹⁰⁷ Американский аналитик: У Приднестровья больше прав на независимость, чем у Косово. URL: <http://compatriot.su/news/67679.html>

общественности о том, «что такое Приднестровье, где оно находится, какие права на независимость оно имеет и почему они оправданы».

Американский аналитик считает, что в международном плане нужно «как можно более позитивно освещать имидж Приднестровья, чтобы сюда могли прийти международные инвестиции и таким образом улучшить жизнь людей»¹⁰⁸.

В самом общем виде в основу концепции внешнего имиджа Приднестровья может быть положена проблемы и пути решения непризнанности государства, экономической зависимости и информационной опосредованности. Внутри государства активно формируется уникальное культурно-информационное пространство, феноменальность которого определяется доминированием региональной идентичности населения над национальной, толерантностью межнационального взаимодействия и незыблемой пророссийской направленностью.

В этих условиях СМИ должны стремиться к тому, чтобы создаваемый имидж государства обладал следующими качествами:

1. Синтетичность, т. е. создание определенного впечатления с помощью атрибутики. В отношении к ПМР сегодня это: непризнанность, компактность, аграрность, приверженность к России;

2. Достоверность, правдоподобие, т. е. имидж, пользующийся доверием людей. Чтобы заслужить большую популярность, чем обладает сам оригинал (страна как таковая) образ должен соответствовать требованиям здравого смысла, идентифицироваться с конкретным государством или лицом. Говоря о ПМР, непременно возникает ассоциация с первым лидером республики – И. Н. Смирновым, или фирмой «Шериф». Благодаря грамотной коммуникативной стратегии коммерческих структур республики произошла смена негативно окрашенного бренда «республика Шериф» на более

¹⁰⁸ Американский эксперт: Приднестровье никогда не являлось частью Молдовы. – URL: <http://www.peacekeeper.ru/index.php?mid=4921>

благоприятный, имеющий демократическое происхождение и свидетельствующий о многопартийности в Приднестровье – «Обновление». Кроме того, заключение межпартийных договоров о сотрудничестве приднестровской партии с партией «Единая Россия» позволяет говорить о позитивных тенденциях в позиционировании республики на российском политическом рынке.

3. Яркость, конкретность образа, т.е. апеллирование к чувствам, сосредоточение на определенных чертах, ярко высвечивая один или несколько характерных признаков государства. Приднестровье, например, у широкой общественности неизменно ассоциируется с военным конфликтом 1992 года. В этой связи целесообразно активизировать деятельность СМИ и профессиональных народных коллективов республики по внедрению и стереотипизации в массовом сознании зарубежной аудитории национально-культурных символов Приднестровья, уникальных условий их толерантного сосуществования.

4. Экономические и промышленные характеристики, которые обладают наибольшей инвестиционной привлекательностью. На эту составляющую имиджа работают не только репутация экономически устойчивого производителя востребованной продукции, но и яркие товарные бренды, введенные в обиход и всячески поддерживаемые регионом. К примеру, продукция приднестровского винно-коньячного завода «KVINT» давно снискала авторитет на зарубежных рынках, что в значительной степени повышает престиж и республики в целом.

Интенсивность реализации Приднестровьем имиджевых технологий и их эффективность на современном этапе во многом зависят от степени и остроты информационного противостояния во внешнеполитической сфере, а также факторов воздействия геополитического масштаба. Нестабильность и малопредсказуемость экономико-политического состояния республики, предопределяет необходимость постоянно корректировать информационную политику не только в целях ее адаптации к современным условиям, но и

улучшения имиджа приднестровского государства в глобальном информационном пространстве.

Проблемы информационного развития Приднестровья и формирования позитивного имиджа республики вызваны не столько нынешним экономическим спадом и политической непризнанностью, сколько отсутствием возможности прямого выхода на мировой рынок без опосредованной помощи других государств. В качестве негативных факторов в продвижении положительного образа можно выделить затянутость модернизации социальных механизмов и технологических укладов, неразвитость инфраструктуры, отсутствие национальной компьютерной сети. Однако они компенсируются высоким уровнем информационных потребностей социума, обусловленным качественным изменением социальной структуры приднестровского общества, появлением новой интеллектуальной элиты и стремлением преодолеть информационную замкнутость региона. Кроме того, территориальная компактность, выгодное геополитическое положение, относительно высокий технологический потенциал и стремительное развитие системы образования, приоритет науки способствуют наращиванию темпов информатизации общества и накоплению опыта международного сотрудничества в целях создания более благоприятного имиджа республики.

1. 3. Национальное информационное право в контексте развития культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом

Формирование определенной модели СМИ в конкретном государстве отражает вектор государственного развития и тип информационного общества, а также их взаимосвязь в данном государственном образовании. «СМИ всегда принимают форму и окраску тех социальных и политических

структур, в рамках которых они функционируют. СМИ отражают систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными институтами»¹⁰⁹. Основные модели систем СМИ и принципы их функционирования представлены в нормативных теориях массовых коммуникаций, в которых описывается взаимодействие СМИ и государства¹¹⁰.

В нашем понимании система средств массовой информации представляет собой совокупность информационных объектов и субъектов (а также вся их сложная иерархическая взаимосвязь), объединенных единым информационным пространством, функционирование которого обусловлено следующими критериями:

- государственная информационная политика;
- единое правовое поле, регламентирующее формы собственности, специфику функционирования СМИ, их права и обязанности;
- государственный контроль и экономическое стимулирование, направленные на регулирование деятельности СМИ;
- востребованность большинством населения тех или иных СМИ (рейтинговые показатели), а также уровень доверия по отношению к ним¹¹¹.

Государственная информационная политика современных государств основывается, как правило, на конституционных правах и свободах его граждан и является направляющим элементом развития информационного гражданского общества. Основной Закон демократического государства гарантирует свободу массовой информации и право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом неотъемлемыми остаются право на свободу слова, достоинство личности и неприкосновенность частной жизни,

¹⁰⁹ Массовая коммуникация. URL:<http://www.unesco.kz/massmedia>

¹¹⁰ Baran S.J. and Davis D. K. Mass Communication Theory; Foundation, Ferment and Future, Belmont, 1995.

¹¹¹ Григоренко Н. И. Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества (по материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже XX–XXI веков): дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2003. – С. 32–33.

свободу совести и вероисповедания, национальную и культурную идентификацию, свободу средств массовой информации. Все это составляет базис информационной политики государства и определяет деятельность средств массовой информации, специфику информационного права на национальном уровне.

Выделение информационного права из общей системы права связано не только с удовлетворением общественной и государственной задачи или потребности. Информационное право – новая, только лишь формирующаяся отрасль права, которая играет определяющую роль в развитии современного общества XXI в. и в настоящее время становится полноценной отраслью права. Современная наука трактует информационное право, как комплексную отрасль по методам правового регулирования, как систему норм права, регулирующих общественные отношения в информационной сфере, или «формирующуюся отраслевую юридическую науку, изучающую совокупность норм права, регулирующих информационные отношения в обществе и содержащих предписания, которые относятся к информационной деятельности в целом».¹¹²

Информационное право – система социальных норм и отношений, охраняемых государством, возникающих в информационной сфере, сфере производства, преобразования и потребления информации.

Комплексность информационного права предопределена его применением и востребованностью практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Информационно-правовые нормы «проникают» практически во все отрасли права при регулировании ими отношений, возникающих при создании, преобразовании и потреблении информации. Это объясняется тем фактом, что информация является неотъемлемой составной частью деятельности человека, а потому правовые отношения по созданию, преобразованию и потреблению информации в

¹¹² Рассолов И. М. Информационное: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 60.

любых отраслях и направлениях деятельности подпадают под закономерности правового регулирования информационного права.¹¹³

Несмотря на то, что в каждом сообществе развивается индивидуальная модель системы СМИ, существуют общие теоретические принципы функционирования данных систем, которые позволяют оценить конкретную модель. Условно выделенные нормативные теории и модели массовой коммуникации отражают взаимосвязь политической системы с системой СМИ в данном государстве.

Фактически ни одна медиа-система не может быть описана какой-либо одной конкретной нормативной теорией массовой коммуникации. В большинстве используемых систем взаимодействуют разные (часто несовместимые) элементы из различных теорий.

В настоящее время начинает складываться практика внедрения норм международного права в систему национального права. Опыт этот уникален в силу специфического положения государств, не имеющих официального международного признания (т. е. не обладающих международной политической правосубъектностью), поэтому правовой факт адаптации норм национального права к международным в большей степени важен для государств с отложенным внешнеполитическим статусом, чем для международного сообщества. В то же время на законодательном уровне государственные власти отдельных самоопределившихся республик до сих пор не приняли ни одного акта о ратификации тех или иных международных договоров, поскольку этот факт не имеет значения для международных организаций и иностранных государств.

Применительно к вопросу о свободе массовой информации имплементация международно-правовых норм означает, прежде всего, непосредственное действие на территории государств статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах человека, а

¹¹³ Копылов В. А. Информационное право. – М.: Просвещение, 2004. – С. 225.

также статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и его основных свобод.

Анализируя положения статьи 10 Конвенции, можно сделать несколько важных выводов:

– свобода массовой информации выступает здесь в форме свободы выражения мнений, и эта свобода в целом является правилом, а вмешательство со стороны государства в ее реализацию – исключением, причем возможность вмешательства не означает необходимость вмешательства. Если демократическое общество не испытывает потребности в ограничении тех или иных форм свободы выражения мнений, то государство не обязано что-либо предпринимать в этом направлении;

– для правомерного вмешательства государства в сферу свободы выражения мнений, во-первых, должна быть создана законодательная база; во-вторых, основанием для вмешательства могут быть только те из них, которые перечислены в пункте 2 статьи 10 Конвенции; в-третьих, и это главное, вмешательство должно быть соразмерно потребностям именно демократического, а не авторитарного или тоталитарного общества¹¹⁴.

Собственно текст статьи 10 Европейской конвенции в меньшей степени определяет границы свободы массовой информации, чем приднестровский и российский законы о СМИ, которые, к примеру, не знают ограничений, вытекающих из необходимости обеспечения беспристрастности и авторитета правосудия. Однако на уровне правоприменительной практики Совета Европы свобода массовой информации защищена на значительно более высоком уровне. Когда правозащитные органы Совета Европы раздвигают рамки понятия «свобода массовой информации», они компенсируют те опасности, которые таятся в части 2 статьи 10 Конвенции.

Следует учитывать также многочисленные решения органов Совета Европы, касающиеся конкретного воплощения свободы средств массовой

¹¹⁴ Баконин А. Д. Право СМИ. – СПб.: Роза мира, 2005. – С. 54.

информации. В качестве примера можно назвать рекомендации Комитета министров № R (94) 13 «О мерах обеспечения прозрачности средств массовой информации» и № R (99) 1 «О мерах по стимулированию плюрализма в средствах массовой информации».

Принципиально важные нормы, определяющие социальную роль свободы средств массовой информации, основные функции СМИ и журналистов в современном демократическом обществе, закреплены в резолюции «Журналистские свободы и права человека», принятой в рамках 4-й Европейской конференции министров, отвечающих за политику в области средств массовой информации (Прага, 7–8 декабря 1994). В ней сформулированы принципы, которые в целом могут рассматриваться как система обособленных тезисов, формирующих доктрину свободы массовой информации в современной Европе¹¹⁵.

Наконец следует принять во внимание серию деклараций о содействии развитию независимой и плюралистической прессы, принятых на региональных семинарах ЮНЕСКО в Виндхуке (Намибия, 1991), Алма-Ате (Казахстан, 1992), Сантьяго-де-Чили (1994), Санае (Йемен, 1996) и Софии (Болгария, 1997). Упомянутые декларации содержат конкретные нормы, в целом составляющие комплексный план действий по укреплению свободы прессы в соответствующем регионе планеты. Так, Софийская декларация предлагает всем государствам Центральной и Восточной Европы:

- обеспечить или укрепить там, где они существуют, конституционные и правовые гарантии свободы выражения убеждений и свободы печати и пересмотреть, изменить и(или) отменить те законы, правила и меры, которые ограничивают эту основную свободу;

- облегчить передвижение, предоставляя визы иностранным журналистам, не делать различий между иностранными и местными журналистами, признавать их право работать по своему выбору – как в местных, так и в иностранных СМИ;

¹¹⁵ Баконин А. Д. Право СМИ. – СПб.: Роза мира, 2005. – С. 58.

- не чинить препятствий в отношении «ввоза и использования профессионального оборудования»;

- «предоставлять доступ к информации», не допускать принуждения журналиста «к разглашению источников информации»;

- устранять «любые правовые и административные препятствия для создания независимых журналистских организаций»;

- признавать профессиональную независимость и издательско-редакционную свободу во всех СМИ, в первоочередном порядке реформировать принадлежащие государству органы вещания и информационные агентства и предоставлять им «статус открытых общественных учреждений, пользующихся журналистской и издательской независимостью»;

- поощрять «создание независимых информационных агентств, а также частных и(или) принадлежащих общинам средств вещания»;

- в случае создания регулирующих органов в области телерадиовещания обеспечивать их полную независимость «по отношению к органам власти»;

- рассматривать «споры, касающиеся средств информации и(или) работников средств информации во время осуществления ими своих профессиональных обязанностей» исключительно в суде и «в соответствии с гражданскими, а не с уголовными (или военными) кодексами и процедурами»;

- принять эффективные меры и ввести в действие законодательные акты, которые включали бы предотвращение чрезмерной концентрации собственности на средства информации или осуществление иного контроля, ограничивающего плюрализм, в том числе со стороны государства;

- обеспечить прозрачность и публичное декларирование отношений собственности «на все средства информации и их финансирование»;

- содействовать «разнообразию форм собственности путем предоставления юридических гарантий», выделять государственные ресурсы, «исходя из равенства форм собственности и с учетом общественных интересов».

В Софийской декларации закрепляется также основополагающая деонтологическая норма в сфере средств массовой информации: «Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить от самих журналистов». Тем самым определяются границы государственного вмешательства и зоны профессионально-корпоративной саморегуляции¹¹⁶.

Таким образом, развитая система декларированных международных норм в области регулирования деятельности средств массовой информации закладывает прочные основы для национальных законодательств в информационной сфере и способствует адекватному взаимодействию государственных и общественных институтов. Соответствие национального законодательства нормам международного права, как правило, закреплено на уровне Конституции государства, что определяет приоритетность и незыблемость принципов прав и свобод человека на получение информации.

В рамках модели «развития», применяемой в развивающихся странах, усилия по поддержанию национальной политики и идеологии оправдывают ограничения свободы СМИ в зависимости от приоритетов в экономике и потребностей развития общества. Государство может обосновать интересами национального развития право на введение ограничений и цензуры в деятельности СМИ¹¹⁷.

Описание модели функционирования СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом в рамках теории медиа-развития стало возможным в контексте следующих ее особенностей:

- отсутствие единой коммуникационной инфраструктуры;
- небольшая аудитория;

¹¹⁶ Сафронов В. В. Юридические гарантии обеспечения деятельности средств массовой информации // PR и реклама: традиции и инновации. – 2013.– № 8–1. – С. 76.

¹¹⁷ Массовая коммуникация. URL:<http://www.unesco.kz/massmedia>

- зависимость от развитых стран в техническом, профессиональном и культурном отношении;
- экономическое, политическое и социальное развитие страны, которое является приоритетом для СМИ;
- укрепление региональной идентичности в государстве и отстаивание интересов в сфере международной политики.

Таким образом, для описания модели функционирования СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом мы воспользовались постулатами теории медиа-развития, которая выступает за поддержку средствами массовой коммуникации существующего политического режима, способствуя экономическому росту, т. е. данная теория предполагает функционирование системы СМИ согласно курсу поддержки, а не критики правительства. Однако нестабильность в политической жизни самоопределившихся республик может поставить под сомнение адекватность данной модели для описания системы СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом. СМИ самоопределившихся республик выполняют новую функцию: они выступают в качестве средства обеспечения национальной безопасности, защиты общества и граждан от угроз, связанных с возможностью применения в качестве оружия современных информационных технологий.

Именно поэтому в условиях государств с отложенным внешнеполитическим статусом обязательность всесторонней проверки информации и распространение только достоверных сведений является *необходимым* условием нормального функционирования СМИ и его несоблюдение может привести к усилению напряженности в республиках. Либерализация данной правовой нормы может создать условия для появления в СМИ недостоверной информации, при этом ни журналист, ни редакция не будут нести за это ответственность.

Кодекс профессиональной этики российского журналиста также отмечает важность проверки информации: «Журналист распространяет и

комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений... Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенных за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было хотя бы частично искажено против его воли»¹¹⁸.

Блокирование информационных ресурсов, вывод из строя телекоммуникаций, несанкционированный доступ к ним и другие проблемы обеспечения безопасности общества в информационной сфере могут быть решены только благодаря созданию единой и эффективной системы обеспечения информационной безопасности. Эта точка зрения созвучна с мнением российских специалистов. Так, Г. Л. Смолян и Д. С. Черешкин отмечают, что «...поддержание необходимого уровня информационной безопасности требует постоянного отслеживания политических, социальных, экономических, научно-технических и других изменений как за рубежом, так и внутри страны. Эти изменения могут порождать новые информационные угрозы. Система должна быстро реагировать на эти изменения и перманентно проверять возможности отражения реальных или потенциальных угроз»¹¹⁹. Им вторит Л. А. Морозова, подчеркивая, что «...в обеспечении информационной безопасности немаловажную роль играет информационная функция государства»¹²⁰.

Свое дальнейшее развитие этот тезис получил в работе А. Б. Венгерова. Политолог не только выделил информационную функцию государства,

¹¹⁸ Право и этика в работе журналиста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 203.

¹¹⁹ Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество. – 1998. – Вып. 6. – С. 8–13.

¹²⁰ Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М., 2001. – С. 72.

«которая характеризует деятельность средств массовой информации», но и расширил ее до информационного обслуживания, что ведет «к созданию условий для сбора и обработки всех видов информации»¹²¹. В информационной функции государства проявляется присущая ему на современном этапе развития динамика социально-экономических, политических и духовных преобразований в жизни общества, эволюция информационной сферы, которая охватывает всю совокупность производств и отношений, связанных с созданием, хранением, обработкой, передачей через СМИ информации во всех ее видах – экономической, правовой, научной, образовательной, управленческой и т. п.¹²².

Информационная функция любого государства в первую очередь направлена на сохранение информационной безопасности, т. е. защищенности и, следовательно, устойчивости основных сфер жизнедеятельности (экономики, науки, техники, сферы управления, военного дела, общественного сознания и т. д.) по отношению к опасным, дестабилизирующим, деструктивным, ущемляющим интересы общества явлениям и процессам¹²³. Безопасность в данном контексте должна обеспечиваться государством и гражданским обществом и являться основой модернизации и демократизации общества и государства и их готовности к защите национальных интересов внутри страны и на международной арене¹²⁴.

Активность со стороны источников внешних угроз безопасности и стабильности государств с отложенным внешнеполитическим статусом не утихает на протяжении всей истории становления и развития самоопределившихся республик. Прежде всего, это проявляется в

¹²¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М., 2000. – С. 152–153.

¹²² Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. – Т. 1. Теория государства. – М., 1998. – С. 197.

¹²³ Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017. – С. 249–250.

¹²⁴ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 21.

постоянном закручивании спирали экономического, дипломатического и информационного давления со стороны метрополий, а также в повышенном внимании международных организаций, связанном с вопросами ликвидации российского присутствия и влияния в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом. Вследствие этого приоритетным направлением информационной политики государственных СМИ продолжает оставаться противодействие внешнему информационному давлению с целью утверждения позитивного образа самоопределившихся республик у мирового сообщества.

Информационное право, по сравнению с другими направлениями юридической науки, декларируя информационные права и свободы, по своей структуре также должно являться образцом демократичности. В этом смысле интересным представляется анализ норм базовых законов информационного права на предмет императивности и диспозитивности отдельных статей. Учитывая, что информационная сфера в большей степени апеллирует к гражданским правоотношениям, в ее основе должен доминировать метод диспозитивного регулирования, с присущими ему свойствами децентрализации и координации. В то же время публичное право, обеспечивающее императивное регулирование общегосударственных интересов, для которого характерны централизованное осуществление властных полномочий и строгая субординация участников правоотношений¹²⁵.

В рамках диспозитивного подхода в информационном праве в качестве базовых используются принципы равенства субъектов правоотношений, самостоятельности участников правоотношений в части свободного осуществления ими своих прав и ответственности по обязательствам.

Императивное регулирование в информационном праве подразумевает использование системы отношений «команда – исполнение» или «власти –

¹²⁵ Кузиан И. Л. Архивное право. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 11.

подчинения», т. е. отсутствует равноправие сторон, связанность субъектов права правовыми рамками, сочетание убеждения и принуждения и т. д.¹²⁶

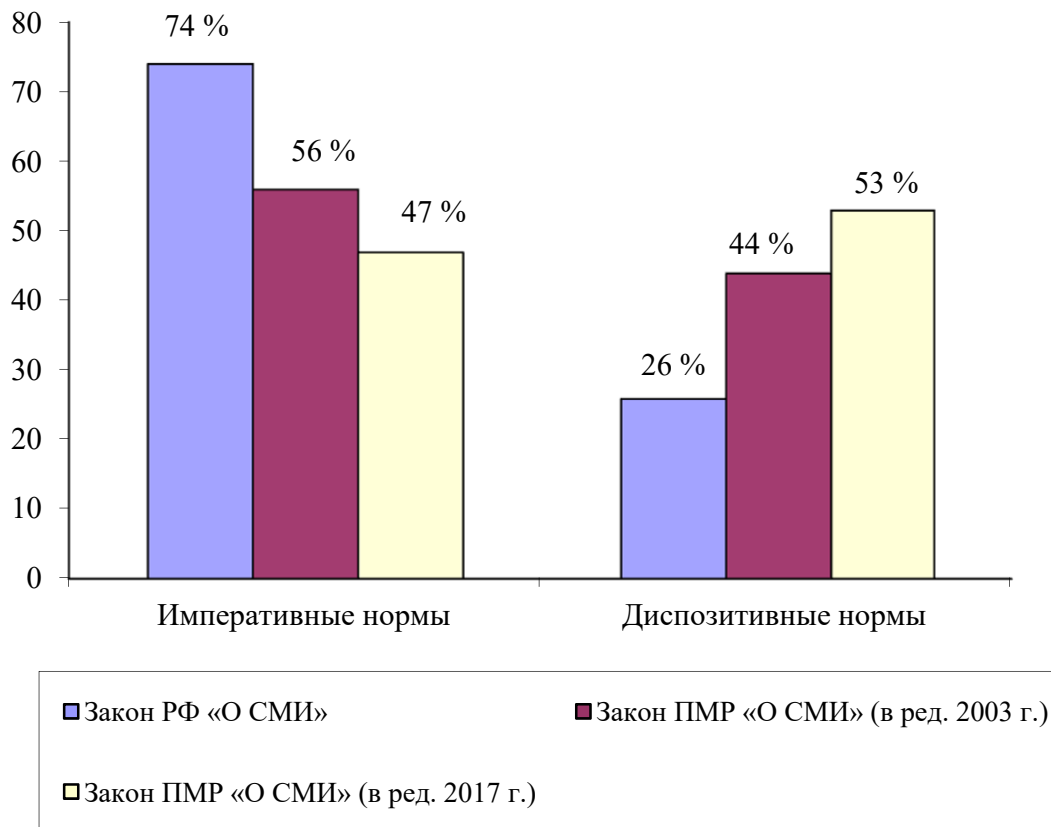

Рис. 1. Императивные и диспозитивные нормы законов о СМИ РФ и ПМР

Исходя из соотношения диспозитивных и императивных норм закона ПМР «О средствах массовой информации», уровень демократичности его положений достаточно высок по сравнению с российским аналогом. Относительная демократичность базового приднестровского закона о СМИ обусловлена стремлением государства активизировать информационные процессы в республике и усилить информационный поток за ее пределы настолько, чтобы пробить брешь в плотном кольце информационной блокады вокруг Приднестровья (рис. 1). В тоже время стоит отметить, что относительная императивность Закона РФ «О СМИ» может быть объяснена

¹²⁶ Информационное право / под ред. И. Л. Бачило. – М.: Наука, 2005. – С. 170.

категоричностью статей, которые не снижают, а, наоборот, гарантированно повышают степень свободы СМИ.

Активная динамика развития информационного законодательства в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом во многом объясняется реформированием органов государственной власти и постоянным поиском оптимальной модели государственного управления.

Государственная информационная политика государств с отложенным внешнеполитическим статусом в контексте внутривнутриполитического развития обеспечивает условия соучастия граждан в принятии общественно значимых решений, определяет уровень доступности граждан к информации и богатствам мировой культуры, именно она выступает критерием оценки зрелости, открытости государственного управления и общественного устройства, а также действенности общественного мнения. В отношении внешнеполитического вектора развития государства его информационная политика отражает выработанный стратегический курс на всеобъемлющую интеграцию в определенные транснациональные политические и экономические союзы и объединения.

Выводы по I главе

1. Право народов на самоопределение и его реализация во многом мотивированы не столько внутривнутриполитическими предпосылками, сколько внешнеполитическими ориентациями. Аксиологическая система приднестровцев, складывающаяся на протяжении многовековой истории и давно утвердившаяся в лучших традициях российской ментальности, испытывая на современном этапе развития многократно усиленное негативное воздействие со стороны противников Приднестровской государственности, укрепила не только уверенность народа в правильности

выбранного пути, но и его приверженность пророссийскому вектору развития.

2. Проблемы информационного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом и формирования их позитивного имиджа вызваны не столько нынешним экономическим спадом и политической непризнанностью, сколько отсутствием возможности прямого выхода на мировой рынок без опосредованной помощи других государств. В качестве негативных факторов в продвижении положительного образа можно выделить затянутость модернизации социальных механизмов и технологических укладов, неразвитость инфраструктуры, отсутствие национальной компьютерной сети. Однако они компенсируются высоким уровнем информационных потребностей социума, обусловленным качественным изменением социальной структуры общества, появлением новой интеллектуальной элиты и стремлением преодолеть информационную замкнутость. Кроме того, территориальная компактность, выгодное геополитическое положение, относительно высокий технологический потенциал и стремительное развитие системы образования, приоритет науки способствуют наращиванию темпов информатизации общества и накоплению опыта международного сотрудничества в целях создания более благоприятного имиджа государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

3. Законодательно регулируемая деятельность средств массовой информации дает возможность рассматривать их не просто как информирующую, а как реальную составляющую социально-политической системы, позволяющей государству не только прогнозировать изменение общественного мнения, но и оказывать существенное и всестороннее влияние на развитие национального самосознания и государства в целом. Реформы государственной власти, изменение расклада политических сил, а также попытки интеграции государств с отложенным внешнеполитическим статусом в информационное пространство России позволили существенным

образом изменить нормативно-правовое поле самоопределившихся республик в информационной сфере. Однако концепция формирования единого информационного пространства республик по-прежнему остается только лозунгом, а экономические реалии, политическая турбулентность, миграционные потоки профессиональных кадров тормозят развитие отдельных СМИ и негативно влияют на информационную политику, вынужденно сужая диапазон информационных потенциалов.

Глава 2.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ, КАТЕГОРИИ

2. 1. Системно-структурная организация культурно-информационного пространства

Проблема устойчивости социокультурного развития современных стран во многом определяется не столько непосредственным внешнеполитическим инструментарием, активно используемым государственными институтами, сколько их способностью опосредованно встраивать через социальные институты в общественное сознание определенные установки.

Развитие политической коммуникации приводит к интенсификации социально-политических процессов, усилению влияния «сетевых» гражданских сообществ, которые выступают по отношению к процессу государственного управления и деятельности органов государственной власти не столько как заинтересованные наблюдатели, сколько как конструктивные критики, или как партнеры по выработке политических решений¹²⁷.

Многие из тиражируемых государством установок мгновенно занимают позиции национальных, общегосударственных идей, естественным образом вписывающихся в аксиологическую систему личности и, шире, общества; другие – требуют намного больше времени и ресурсов, прежде чем найдут понимание и поддержку массовой аудитории. Идеи, транслируемые государственными институтами в социальную среду, в большинстве случаев

¹²⁷ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5.

направлены на модификацию системы социально обусловленных идентичностей современной личности.

Столкновения различных политических интересов, как правило, вызваны особенностями идеологических, ценностных, культурных традиций современного общества, полярностью в оценках тех или иных событий. К источникам конфликта стоит отнести и неадекватность восприятия личностью или социальной группой как собственных интересов, так и позиций другой стороны. В этой ситуации многократно возрастает роль расстановки ценностных приоритетов в каналах массовой коммуникации¹²⁸.

Актуализация на рубеже тысячелетий идей национального возрождения, акцентуация внимания на культурной дифференциации современного общества породили в нем негативные тенденции национализма, экстремизма и, шире, интолерантности. Тиражируемые СМИ идеи культурной уникальности, статусности и титульности отдельных групп населения дезинтегрировали сообщества большинства стран на постсоветском пространстве. Манипуляции, построенные на приоритете той или иной культуры, как показала практика, почти не затрагивают ее основы, функционируя исключительно в идеологической плоскости. Вследствие такого «перекоса» и возникают проблемные, чаще всего перерастающие в конфликтные явления в современном обществе, эволюционирующие от непосредственного межэтнического и межкультурного противостояния порой до полной трансформации собственной национальной идентичности.

Активные попытки гуманитарной науки осмыслить трансформационные процессы культурного пространства личности и общества не в полной мере раскрывают потенциал резонансного пространства культуры, многократно усиленного или ослабленного процессами информационного взаимодействия. Отсутствие методологических и методических основ диагностики информационного

¹²⁸ Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 212.

контента в системе «культура–идеология» в условиях возрастающей роли общественных институтов в политическом процессе также затрудняет понимание современного состояния общества и делает невозможным прогнозирование перспектив его социокультурного развития и устойчивости культурно-информационного пространства.

Пространственная организация современного мира представляет собой многомерную систему, взаимозависимость элементов которой обусловлена их иерархическими связями. Первичным в данной иерархии, по нашему мнению, следует считать информационное пространство, которое отражает реальность в сознании человека посредством символической системы и формирующим в процессе рефлексии смысловой и ценностный фундамент.

В философско-методологическом измерении под информационным пространством понимается среда распространения информации в социуме, находящаяся под влиянием культурных, экономических, политических, технологических и других факторов¹²⁹. По определению И. М. Дзялошинского, информационное пространство «это пространство информационных отношений, создаваемое взаимодействующими по поводу информации субъектами, но вместе с тем имеющее свое особое (системное) качество, отсутствующее в самих субъектах»¹³⁰. В современной науке существуют различные аспекты изучения информационного пространства. С экономической точки зрения информационное пространство представляет собой совокупность знаний, имеющих ценность в качестве экономического ресурса. Технологический подход в качестве детерминант изменения информационного пространства определяет информационные технологии и материальные носители информации. Политический подход рассматривает информационное пространство как совокупность различных стратегий контроля и управления, определяющих воздействие государственных

¹²⁹ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 31.

¹³⁰ Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1. – С. 68.

идеологий на сознание широких слоев населения. Специфика социокультурного подхода заключается в выявлении взаимосвязи СМИ с трансляцией культурных моделей, задающих социальную идентичность индивидов¹³¹.

Сущность информационного пространства, в нашем понимании, представляет собой совокупность субъектов и источников информации, каналов ее распространения коммуникаторами и получения коммуникантами. В данном случае имеется в виду функционирование множества государственных и общественных институтов, напрямую либо опосредованно задействованных в информационной сфере страны, объединенных в своей политике общей национальной идеей, но трактующих ее в соответствии с плюралистическими настроениями в обществе демократического государства.

Единое информационное пространство позволяет государству при помощи различных форм регулирования деятельности массмедиа стимулировать их таким образом, чтобы они обеспечивали население социально значимой информацией, максимально полным спектром фактов и мнений, имеющих хождение в стране и мире, с целью ориентации (отвечающей информационным потребностям граждан) в происходящих событиях и выработки своего отношения к этим событиям, в том числе версией государственных органов, или официальной версией. Официальная версия не должна быть исключительной, она может быть лишь господствующей, и господствующей только в силу поддержки ее иными версиями и фактами, представленными другими, в первую очередь независимыми СМИ. Когда государственная, или официальная версия становится подобной господствующей версии, это «является лучшим

¹³¹ Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – С. 8.

подтверждением, что народ избрал достойную власть, которая реально готова строить правовое государство»¹³².

В пользу признания материальной сущности информационного пространства говорит и позиция российского ученого А. Б. Зинчиной, которая определяет информационное пространство как «область человеческого бытия, смежную с достаточно обжитой сферой материальной и духовной культуры и гипотетической ноосферой – областью обмена, обновления цивилизованных принципов»¹³³. О. П. Неретин определяет информационное пространство как «системообразующий элемент общества, представляющий собой совокупность информационных ресурсов и инфраструктуры, т. е. всю сферу формирования, распространения и использования социальной информации, имеющую своей целью обеспечение полноценного функционирования других элементов социума в целом»¹³⁴. В. Д. Попов, расширяя понятие «информационное пространство» и наделяя его социальной значимостью, в своей работе считает, что оно есть «открытая самоорганизующаяся система, включающая в себя информационные потоки и информационные поля, находящиеся во взаимодействии»¹³⁵.

Следует подчеркнуть, что информационное пространство в контексте общественного развития не является самостоятельно развивающейся системой, оно находится в прямой зависимости от нормативно-правовой базы и модели государственного и экономического развития страны. В условиях большинства современных государств специфика формирования информационного пространства заключается в смещении социально-коммуникативных практик в политическую плоскость, что может вызывать деформацию культурного пространства и усугублять кризисность массового сознания.

¹³² Засурский Я. Н., Варганова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 390.

¹³³ Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4.

¹³⁴ Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 15–16.

¹³⁵ Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – С. 18.

В современных условиях степень кризисности массового сознания определяет уровень критичности восприятия аудиторией информационных потоков, транслируемых в информационном пространстве государства. Примечательно, что в данном случае наблюдается обратная зависимость, т. е. повышение степени кризисности сознания снижает уровень критичности восприятия информации, увеличивая эффективность функционирования местных СМИ и усиливая воздействие на массовую аудиторию.

Культурное пространство личности и общества, с точки зрения информационной составляющей, может отражаться через бытие знаковой, символической картины мира социальных субъектов. «Мир знаков и символов носит глубоко социальный характер, являясь для человека и человечества и пространством, и объектом познания; и инструментом, и смыслом коммуникации. В определенном смысле, социальная информация, образуя информационное пространство, представляет собой грань, отражающую все свойства и качества статических и динамических аспектов социального бытия»¹³⁶. Можно предположить, что данное пространство является настолько безграничным и сохраняет потенциал неизвестных символов и знаков, насколько непознанным остается окружающий мир.

Человеческое общество, а следовательно массовое сознание, дало импульс формированию социального пространства, границы которого расширяются в соответствии с динамикой развития цивилизации. Данная пространственная категория характеризуется наличием развивающейся стандартизированной символической системы, ее смысловых и ценностных интерпретаций в человеческом сознании, причем количество вариаций и интерпретаций также находится в прямой зависимости от динамики развития человеческого общества и степени интегративных и дезинтегративных процессов в нем.

¹³⁶ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 25.

Природа социального пространства, на наш взгляд, предполагает его синергетические характеристики, обуславливающие системность его элементов и обеспечивающие не только функциональную, но и институциональную его организацию. В данном контексте именно самоорганизация социальной системы во многом объясняет причины поступательного развития человеческой цивилизации, ее способность к сохранению и трансляции накопленных в результате эволюции знаний. В этой связи необходимо сделать особый акцент на образовательном аспекте социального пространства, который на современном этапе немыслим без институциональной организации. Закладывая основы мировоззрения и аксиологической системы общества, образовательная система выступает в качестве генератора и стимула развития социального пространства. Необходимо отметить, что процесс социализации личности, во многом регулируемый образовательной системой, гарантирует не только трансляцию социального наследия общества, обеспечивая своеобразную коммуникацию поколений, но и осмысление субъектами обучения полученной информации в соответствии с совокупностью норм и правил, традиционных для конкретной социальной среды¹³⁷, которые организуют человеческое поведение. Другими словами, функциональное измерение человеческой цивилизации предопределило стратификацию социального пространства и формирование его культурных сегментов.

Социальная обусловленность человеческой цивилизации предопределила формирование культурного пространства, феномен которого обладает не столько возможностями аккумулировать результаты материальной и духовной деятельности человеческих групп, а также специфики восприятия ими окружающего мира, сколько способностью к воспроизводству, актуализирующему ту или иную культуру и обеспечивающему сохранение и развитие культурного пространства.

¹³⁷ Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. – New York, 1952.

В то же время институциональное измерение человеческой цивилизации предопределило формирование его политических (государственных) сегментов, модернизация которых также предполагает создание институционального механизма, который зависит от политических акторов и изменяется в соответствии с политической практикой¹³⁸. В этих процессах наибольшее значение представляют политико-правовое, социальное, историко-культурное и инфраструктурное поля институционализации¹³⁹. Необходимо отметить, что культура в процессе институционализации призвана сохранить стабильность и устойчивость развития социума, в то время как политические институты обеспечивают рационализацию управления социумом, минимизацию противоречий, предотвращение социальных кризисов и конфликтов на основе знаний и информации¹⁴⁰.

Социальная обусловленность политического пространства дает основание предположить, что оно в большей степени апеллирует к объектам материального мира и призвана оптимизировать развитие социального пространства в контексте его структурной организации и лояльности к существующей политической иерархии. Однако существование политического пространства находится в прямой зависимости от культивируемых субъектами политического процесса идей и идеалов. Именно идеологическая составляющая политического пространства во многом определяет его жизнеспособность и иммунитет к проявлениям и действиям альтернативных пространственных категорий данного ранга. Необходимо отметить, что активное внедрение в массовое сознание определенной идеологии в рамках политического пространства возможно исключительно на этапе ее формирования, поскольку развитие последнего может быть гарантировано при условии экстраполяции

¹³⁸ Патрушев С. В. Институализм в политической науке // Институциональная политология. Современный институализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 11.

¹³⁹ Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / Под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 196.

¹⁴⁰ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 28.

идеологического контента в информационное пространство и его принятия культурным, и шире, социальным. Как правило, распространение идеологии осуществляется непосредственно политическими и санкционированными (лоббированными) ими общественными институтами, причем естественность включения последних гарантирует эффективность функционирования первых¹⁴¹. В то же время существование идеологии немислимо вне аксиологической системы координат культурного пространства, нередко используемого в качестве фундамента для идеологической информации, без ее ассоциирования, а в большинстве случаев и паразитирования на культурных артефактах, традиционных для конкретного общества.

Именно политическое пространство является в большей степени субъективным и стремится воздействовать на социальную сферу, внедряя те или иные установки и формируя стереотипы посредством информационного и культурного пространств. В этой ситуации функциональная сущность последних вследствие выработки определенных механизмов и способов институционального влияния на них в значительной степени подвергается изменению, причем не всегда логичному и естественному. Поэтому крайне важным нам представляется анализ феномена культурно-информационного пространства как объективно существующей реальности и в определенной степени оппозиции субъективному социально-политическому пространству.

Устойчивость культурно-информационного пространства современного государства во многом будет гарантировать эффективное развитие последнего и согласованность деятельности общественных и государственных институтов при условии паритетного их функционирования и адекватного представления информационного контента в его культурном и идеологическом измерении. Необходимо обратить внимание и на то, что последняя характеристика при непосредственном пропагандистском исполнении давно потеряла свою актуальность, т. е. идеология в чистом виде

¹⁴¹ Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

неконкурентоспособна в современных информационных процессах и не может быть самостоятельной; она встраивается в информационные потоки самого разнообразного содержания, а в ряде случаев и паразитирует на них.

Специалисты определяют современное состояние культуры как стадию перехода от локального к интеграционному уровню, при котором локальные культуры оказываются внутри глобального коммуникационного пространства¹⁴². В современной ситуации все мы наблюдаем подчинение «более сильной и агрессивной среде», и в таком случае ни о каком диалоге культур говорить не приходится. Об экспансионистском характере западной цивилизации, обусловленном ее более высоким уровнем технологического и научного развития еще в середине XX в. писал британский культуролог А. Дж. Тойнби¹⁴³. Политика цивилизационного превосходства, основанная на европоцентристском подходе, отказе от традиционных ценностей многовекового человеческого развития, игнорирует своеобразие политического, национального, духовного, религиозного развития иных культурно-цивилизационных сообществ. Попытки экспансии западных стандартов организации общества вызывают ответную реакцию со стороны представителей иных цивилизационных общностей, противостоящих дискриминаций их культурной идентичности, тем более в условиях, когда укрепляются другие мировые центры силы и влияния¹⁴⁴.

Проблема сохранения культурного пространства в контексте цивилизационного развития актуальна в свете современных сетевых технологий, которые разрушают традиционные символичные и культурные пространства, создают и внедряют в общественное сознание новые

¹⁴² Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

¹⁴³ Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 97.

¹⁴⁴ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5.

общественно-политические символы и ценности¹⁴⁵. Действительно, в рамках новой интегративной культуры диалог практически невозможен. Современные СМИ, используя новые формы коммуникации, способствуют формированию общих оценок, общих норм поведения, иными словами, приводят к господству общих стереотипов «усредненной» культуры. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в конкретном обществе. Формирование стереотипов зависит от степени повторяемости определенных объектов или явлений в жизни человека и тех ассоциаций, которые при этом возникают в его сознании.

Информационная доминанта современного общественного развития обладает практически безграничным потенциалом для культурного развития личности. Однако общество, существующее по принципу потребления материальной культуры и ее первостепенного значения по отношению к духовной сфере, оказывается неспособным к потреблению и усвоению информационных потоков альтернативного культурного контента. Полагая свой цивилизационный путь развития единственно верным, общество потребления настроено, скорее, на передачу культурных ценностей, а не на их прием.

Фактически мир сегодня оказался втянутым внутрь глобального коммуникационного пространства, которое резко меняет характер диалога между культурами. Сегодня коммуникация как таковая является самостоятельной силой, оказывающей огромное влияние на диалог культур, утверждая его новые, но не всегда равноправные законы и правила. Одновременное развитие двух разнонаправленных тенденций в условиях культурно-цивилизационного многообразия – интеграции и дифференциации неизбежно провоцирует нарастание социокультурных противоречий¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 4.

¹⁴⁶ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 29.

В данной работе культурно-информационное пространство представлено в качестве категории социокультурного развития общества, включающей институциональные образования социальной и государственной природы, а также массовую аудиторию, вовлеченную в сферу влияния конкретной системы. При этом доминирующую роль в эффективном развитии культурно-информационного пространства играет процесс взаимодействия его субъектов, т. е. проецирование установок государственными и общественными институтами, в том числе посредством системы СМИ, и их адекватное воспроизведение массовой аудиторией. Таким образом, культурно-информационное пространство некоторой социальной общности представляет собой совокупность функционирующих в ее информационной среде ценностей, норм, традиций, элементов культурно-исторического наследия, обеспечивающих воспроизводство культурного генотипа, ментальности и идентичности данной общности.

Проблемы культурно-информационного пространства являются базовыми в разработке адекватной модели развития современных государств, и их решение может способствовать эффективному функционированию системы СМИ, оптимизации взаимоотношений в системе «государство–общество–человек».

Рассматривая культурно-информационное пространство с точки зрения его компонентов, «необходимо определить приоритетность каждого из них в процессе формирования массового сознания, а также модели социальной действительности. Изучение культурного и информационного пространств в качестве самостоятельных систем, состоящих из взаимосвязанных элементов и одновременно выступающих компонентами объективно более широкой системы, приводит нас к выводу, что культурно-информационное пространство посредством своих многоуровневых связей взаимодействует с другими элементами любой из существующих систем. Эта всеобщая и органичная, но в то же время ограниченная взаимосвязь явлений

естественным образом формирует изменчивую геометрию культурно-информационного пространства»¹⁴⁷.

Формируя в своем сознании картину окружающего мира как взаимосвязанную совокупность моделей его объектов и процессов, человек в первую очередь опирается на содержание, смысл, семантику, в то же время технические средства в качестве априорной характеристики информации воспринимают ее форму. Обратим внимание на то, что семантическое восприятие информационного потока тесно связано с прагматическим восприятием. Известно, что знак и знаковая система могут рассматриваться в трёх аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом¹⁴⁸, именно последние два представляют особый интерес для современных СМИ и их адекватная реализация позволит в значительной степени повысить эффективность массовой коммуникации. Универсальность восприятия формы информации в виде определенных кодов и трактовки ее содержания в виде образов и ощущений возможна при условии выработки в процессе общения или коммуникации и последующего соблюдения некоторых соглашений между источником и приемником.

В данной ситуации возникает противоречие, «природа которого заключена в принципиальном различии подходов коммуникатора и коммуниканта к построению модели социальной действительности. В современном культурно-информационном пространстве манифестируется не столько универсальность человека, заключающаяся в единстве гносеологических и вариативности семиотических основ познания мира, сколько его уникальность; в то же время декларируется априорная аксиоматичность коммуникатора и апостериорная непредсказуемость коммуниканта. Если первый, представляя конкретный социальный институт, в большинстве случаев вынужден придерживаться определенной

¹⁴⁷ Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 425.

¹⁴⁸ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М.: Наука, 1985. – С. 305.

корпоративной стратегии, то последний в большей степени свободен в своем отношении к массовой коммуникации, а механизмами контроля становятся его персональные ориентации и склонности, привычки и интересы, рассудок и предрассудки»¹⁴⁹.

Данная идея на уровне глобального коммуникативного взаимодействия может быть выражена следующим тезисом: культурный контент информационного пространства каждого отдельного общества выступает первичным или идентификационным с точки зрения коммуниканта, для коммуникатора же таковым является информационный контент культурного пространства. Необходимо отметить, что, по нашему мнению, культурный контент информационного пространства представляет собой систему ценностей, традиций, культурно-исторических особенностей традиционно исповедуемых конкретным обществом. Данная система является основой менталитета той или иной нации и оказывает влияние на интенсивность осваивания, интеграции общества в современное информационное пространство в части активизации либо исключения определенных информационных потоков. В то же время информационный контент культурного пространства может представлять собой совокупность информационных ресурсов и технологий взаимодействия с аудиторией, которые в рамках конкретного культурного пространства могут в значительной степени сужать либо расширять свой диапазон. В этой связи необходимо учитывать универсальность СМИ как феномена современной культуры, интегрирующих достижения общества на определенной ступени его развития, действующих по принципу функциональной дополненности и обладающих свойствами саморазвивающейся системы. Эффективность инфокоммуникативных процессов зависит от определенной социокультурной организации общества, которая способствует не хаотическому, но

¹⁴⁹ Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 217.

осознанному развитию каждой личности, стимулирует повышение уровня групповой консолидации и эффективности взаимодействия субъектов.

В обществах, где государственное регулирование информационных потоков исключает или затрудняет развитие альтернативных общественных информационных каналов, в большинстве случаев приходится говорить об информационно-культурном пространстве, для которого характерно доминирование информационного контента и соответственно информационного пространства. В основе данного феномена, по нашему мнению, лежит *информационная культура*, т. е. систематизированная совокупность знаний, умений, навыков, направленных на удовлетворение информационных потребностей, демонстрирующая степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией¹⁵⁰, способность отдельной личности и массовой аудитории адаптировать информацию к соответствующим культурным кодам. Избыточность идеологически окрашенной информации, тиражируемой государственными средствами массовой информации, безусловно, способствует формированию определенных стереотипов в общественном сознании, но практически не оказывает влияния на аксиологическую систему личности и аудитории, поскольку, пребывая продолжительный период в условиях гипертрофированного информационного воздействия, общественное сознание вырабатывает определенный иммунитет к подобному прессингу. Именно в этом проявляется деструктивность СМИ, так как, с одной стороны, отсутствие четкой информационной политики, адекватной внутривнутриполитической ситуации, шаблонность и статичность коммуникативных стратегий снижают степень доверия массовой аудитории государственным информационным каналам, а с другой стороны, отсутствие или конкурентоспособность альтернативных источников информации создает условия для появления

¹⁵⁰ Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2–3. – С. 219.

«побочных» нежелательных явлений в системе базовых и социально обусловленных идентичностей современной личности.

Отдавая приоритет культурному аспекту и культурному пространству, необходимо выявить алгоритм, в соответствии с которым кодируется и декодируется культурное пространство как отдельной личности, так и общества в целом. По нашему мнению, в данном случае «уместна интерпретация культурно-информационного пространства как категории, в основе которой лежит культурная информация, т. е. информация, адаптированная к культурным кодам личности и аудитории. Это в большей степени характерно для культурно-информационного пространства государства, где отсутствуют четко выраженные угрозы национальной безопасности и зарождения или эскалации внешнеполитических конфликтов. Исключительное значение в данном аспекте приобретает соответствие информации не столько культурным кодам, т. е. языку, традициям, нормам, являющимся естественными в массовом восприятии, сколько их ментальным проекциям, т. е. социально-политическим интенциям массового сознания, настроениям в обществе»¹⁵¹. Последнее, по мнению Н. Лумана, «является примером самовоспроизводящейся и самореферентной системы, формой существования и самоописания которой является социальная коммуникация»¹⁵². Ж. Ф. Лиотар рассматривал социум как «систему дискурсивных практик»¹⁵³. П. Бурдьё представлял общество как «совокупность отношений, складывающихся в различные поля, каждое из которых имеет специфические типы власти» (политика, образование, наука, философия, журналистика и т.д.)¹⁵⁴ «Социальная реальность представляет собой совокупность невидимых отношений, тех самых отношений, которые

¹⁵¹ Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 427.

¹⁵² Luhmann N. The World Society as a Social System. International Journal of General Systems. – 1982. – № 8:3. – P. 131–138.

¹⁵³ Lyotard J. F. Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006. – P. 221.

¹⁵⁴ Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. – Доступно: http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

формируют пространство позиций, независимых друг от друга и определяемых их схожестью или отличием, а также их относительной иерархией»¹⁵⁵.

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что именно коммуникация организует социокультурное пространство, а коммуникативные процессы создают среду социума – информационно-коммуникативное пространство. «Информационно-коммуникативное пространство может быть также определено в качестве части (подпространства) пространства социокультурного. В этом случае полагается «матрешечная» схема, то есть включение в социальную реальность и действительность областей, в которых действуют преимущественно информационно-коммуникативные факторы»¹⁵⁶.

Существующая культурная матрица современного общества не в состоянии долго противостоять объективной информационной экспансии той или иной концепции. Как правило, общество в итоге отдает предпочтение тем идеям, которые наиболее активно тиражируются СМИ и фиксируются в массовом сознании людей. В этих условиях проявляется основная функция культурно-информационного пространства, декларируемая О. П. Неретиным как «обеспечение эффективного информационного воздействия культур, их доступа к мировым культурно-информационным ресурсам, воздействие на формирование духовного облика человека и общества»¹⁵⁷.

Однако в ситуации общемировой нестабильности более вероятным становится деформирование культурно-информационного пространства, тем более что данный процесс чреват не только и не столько изменением социокультурной ситуации в обществе, сколько полным исчезновением

¹⁵⁵ Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. –1989. – Vol. 7. – № 1. – P. 16.

¹⁵⁶ Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // Оптимальные коммуникации. 2010, Март.

¹⁵⁷ Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 16.

отдельных субъектов мирового сообщества вследствие расхождения имплицитных и эксплицитных интенций элитарной и массовой культуры.

Безусловно, стабильность государственного развития в большей степени зависит от адекватности информационной политики страны в целом и каждого ее региона в отдельности. В рамках единой информационной политики формируется не только массовое сознание, но и модель социальной действительности, во многом определяемая усилиями массмедиа. Современная наука давно поставила в один синонимический ряд такие понятия, как «государственная» и «информационная» безопасность, поскольку в условиях глобальных вызовов главным стратегическим национальным ресурсом, определяющим экономическую и оборонную мощь государства, являются информация и информационные технологии, от которых в решающей степени зависят все сферы жизнедеятельности любого общества¹⁵⁸.

Единство культурно-информационного пространства и его эффективное развитие обеспечивается устойчивостью внутренних связей каждой последующей стадии с предыдущей. Причем эта связь не просто отвергает, а транслирует самые существенные моменты предыдущей. В этом смысле любой уровень модификации культурно-информационного пространства, на наш взгляд, можно квалифицировать как единовременное отрицание старого качества, однако новые форматы, соблюдая преемственность в развитии системы, обеспечивают не только сохранение всей системы, но и долговременное ее продолжение. В системе коммуникаций данная диалектическая особенность развития состоит в том, что на новом уровне происходит своеобразный возврат к прошлому: наиболее эффективные формы и способы взаимодействия в системе «коммуникатор–коммуникант», свойства, функции, имевшие место на предшествующих стадиях, воспроизводятся уже в модифицированном и трансформированном виде. При этом акцентируется внимание именно на коммуникативной

¹⁵⁸ Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 19.

практике в условиях глобализации: идентичность мыслительной деятельности практически во всех культурах компенсируется вариативностью интерпретационной деятельности представителей различных культур и религий.

Постоянно растущий качественно и количественно поток информации, бурное развитие средств массовой коммуникации, тотальная глобализация напрямую затрагивают и информационную среду, еще раз доказывают необходимость ее моделирования и мониторинга.

Однако на современном этапе использование моделирования сопряжено с рядом трудностей: существуют значительные колебания в определении понятий, классификаций и функций разрабатываемых учеными моделей. Попытаемся предложить вариант определенной **устойчивой модели** культурно-информационного пространства на основе объективных параметров аудитории, включенных в матрицу и влияющих на стабильность и устойчивость культурно-информационного пространства современного государства. Отметим, что строки формируемой матрицы представлены в третьей главе соответствующими характеристиками аудитории, а столбцы – элиты.

Идеологические статус и фактор предполагает анализ состояния массового и элитарного сознания в контексте приверженности государственной идее и степени консолидации общества. Ф. Ницше утверждал, что идеология вечна, ибо базируется на психологии и системе ценностей личности. Пока существуют оценочные суждения – существует и идеология¹⁵⁹. Любые формы общественной жизни и непосредственно человеческой личности рассматривались сквозь «идеологическую» призму.

Идеологию невозможно понять вне контекста культуры и общества. И, тем не менее, на общество она воздействует опосредованно. Идеология – как и религия, политика, право – развивается на основе мифологии как

¹⁵⁹ Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // Гуманитарная информатика. – Доступно: <http://huminf.tsu.ru/e-journal/magazine/2/lukina.htm>

целостного и нерасчлененного общественного сознания¹⁶⁰. Отождествление идеологии с мифологическим или религиозным сознанием происходит на том основании, что в них присутствует элемент веры, закрытой для скептического анализа.

По мнению исследователя Н. П. Лукиной, судьба современного общества «ставится исследователями в зависимость от создания новой эффективной идеологической доктрины, способной обеспечить его духовное единство, сплоченность и стать мотивирующей и объединяющей силой, формирующей общественное самосознание, направляющей поведение человека»¹⁶¹. Данные суждения позволяют отметить «устойчивость архетипа идеологии» в социальном сознании, равно как и в культурно-информационном пространстве. Идеологическое программирование сознания человека предполагает контроль главных сфер духовной деятельности – познание и общение. СМИ в данном отношении являются базовыми институтами, способными реализовать данную задачу.

Анализ **социокультурных характеристик** аудитории и элиты предполагают получение ответов на вопросы межкультурной коммуникации в обществе, определение степени ее толерантности, культурного самосознания населения. В большинстве современных государств проблема межэтнических взаимоотношений перешла в разряд государственной, существование же полиэтнических сообществ напрямую зависит от адекватности социокультурного процесса. Провал концепции мультикультурализма в европейских странах, о котором неоднократно говорили лидеры западноевропейских стран, а также негативные тенденции в РФ подтверждают актуальность социокультурных характеристик и их диагностику в обществе¹⁶².

¹⁶⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000.

¹⁶¹ Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // СОЦИС. – 1996. – № 7.

¹⁶² Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // Letopisez. – 15 сентября. – 2011. – Доступно: <http://anvictory.org>

Психологические характеристики населения и элиты являются барометром адекватности социально-политического процесса и устойчивости культурно-информационного пространства.

Д. В. Ольшанский справедливо утверждает, что в гуманитарной науке «возник огромный провал в изучении важнейшей сферы социально-психологических явлений, составляющих огромную часть нашей повседневной жизни... Психология масс стала упоминаться только вскользь, как «массовидные явления» – прежде всего толпа. Отсутствие пристального серьезного внимания к этому предмету порождало привкус негативного отношения как к чему-то не слишком важному, находящемуся на обочине научного познания»¹⁶³. Анализ психологических факторов и статусов позволит своевременно диагностировать степень кризисности массового сознания и предупредить специфическую форму его проявления, а также создать не только перспективную поведенческую модель массового сознания, но и ответную реакцию социальных институтов на это поведение.

На восприятие информации представителями социума влияет степень его социальной адаптированности, в частности – **деятельностные** (социально-профессиональные) и **материальные** характеристики.

На сегодняшний день одним из актуальных направлений гуманитарных исследований является изучение экономико-психологических особенностей отношения к деньгам и субъективного благополучия у представителей государственных и коммерческих структур¹⁶⁴. Социальные статусы и степень удовлетворенности материальным положением являются одним из основных факторов, стратифицирующих общество. Экономическое сознание отдельных индивидуумов и групп в большинстве случаев определяется уровнем субъективного благополучия и в значительной степени влияет на устойчивость и направленность социально-политического процесса, а также

¹⁶³ Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – Доступно: <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

¹⁶⁴ Дорохова И. С. Экономико-психологическая характеристика личности и эмоциональный компонент субъективного благополучия и особенности отношения к деньгам. – М, 2005.

стабильность культурно-информационного пространства современного государства.

Демографические параметры аудитории и элиты дифференцированы на возрастные, половые и образовательные характеристики. Данные характеристики, выступая в качестве дополнительных критериев, позволят определить те группы населения, которые более или менее толерантны к общественно-политическому процессу и социально-экономическому ландшафту, сформировавшемуся благодаря информационной политике государства.

Таким образом, формируя матрицу устойчивости культурно-информационного пространства, необходимо учитывать идеологический, деятельностный, социокультурный, психологический, материальный и демографический факторы, которые в той или иной степени могут корректироваться под влиянием СМИ и других общественных или государственных институтов.

2. 2. Институциональное измерение культурно-информационного пространства

Эволюция общественных формаций стимулирует процесс совершенствования принципов и механизмов политико-управленческой системы, которая на современном этапе включает практически все социальные образования. Сила влияния политических систем на общественное сознание позволяет им нередко выступать в качестве катализатора системных социальных преобразований.

Политологический анализ институциональных основ развития общества предлагает довольно широкий спектр методов и подходов к изучению данного феномена. Классический институциональный подход рассматривает политические институты, исключая взаимосвязь формальных

норм и неформальных установок («правил игры»), которые в результате образуют сложные организационные отношения в обществе, обеспечивая в нем стабильность и порядок. Концепция «нового институционализма» («неоинституционализма») расширяет толкование понятия «институт» благодаря доминированию в ней теоретической базы бихевиоризма и теории рационального выбора¹⁶⁵.

Неоинституционализм в рамках политической науки можно свести к трем основным постулатам, согласно которым институты:

- являются полноправными акторами политики, имеющими собственные интересы;
- устанавливают определенные правила поведения человека;
- позволяют оценивать результаты политики и являются ее основными детерминантами¹⁶⁶.

Говоря об отличиях институционализма от неоинституционализма, Г. Питерс отмечает, что представители первого течения в основном ограничивались описанием институтов, тогда как неоинституционалисты рассматривают институты как зависимые переменные, взаимодействующие с другими социальными явлениями, которые в качестве независимых переменных влияют на институты. Из пяти основных направлений неоинституционализма, выделенных ученым, в данном исследовании кроме исторического, структурного, а также рационального интерес представляют нормативный и социальный институционализм. Именно эти направления исследуют, во-первых, набор ценностей, определяющих поведение личности и общества, а во-вторых, характер взаимодействия между различными социальными группами, а также между государством и обществом¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Hall P. A., Taylor R. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. – 1996. – XLIV: – P. 936.

¹⁶⁶ Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.

¹⁶⁷ Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999. – С. 218.

Расширяя сферу своего влияния, благодаря институциональной природе политическая система принимает на себя новые функции и соответственно обязательства в решении новых задач, большинство из которых сопряжено с экономической и культурной сферами жизни общества. Степень интенсивности влияния политической системы при этом во многом определяется устойчивостью массового сознания к магистральным идеям, генерируемым представителями политической элиты, причем на различных стадиях социального развития общественный резонанс регулируется соответствующими политическому режиму методами и средствами.

Автократические государства в эволюционных процессах особое внимание уделяли декларированию своих взглядов как единственно верных и неоспоримых, а также силовому подавлению любых альтернативных настроений в обществе. В этих условиях общественные институты, необходимые самому государственно-политическому режиму, вынуждены выступать в качестве сторонников национальной идеи и всячески ее поддерживать¹⁶⁸. Средства массовой информации в таких государствах принадлежат государственным институтам и, как известно, полностью подчинены политической элите. Основная их задача заключается в информировании населения о происходящих событиях, которые они подают таким образом, чтобы в положительном свете позиционировалась действующая власть. Все социальные институты, созданные государственными органами, декларируют истинность и перспективность действующей власти, аксиоматичность ее взглядов и политических интересов. В то же время функционирование оппозиционных СМИ либо полностью блокируется, либо инспирируется государственными структурами и отражает лояльную позицию по отношению к власти предержащим.

Сетевые технологии в большинстве стран авторитарного и тоталитарного режима также ограничены, поскольку подчинены правилу

¹⁶⁸ Снетков В. Н., Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125.

всеобщей непререкаемости государственной идеологии. Количество иностранных СМИ в таких государствах лимитировано, и их деятельность строго ограничена как в тематическом разнообразии, так и в отношении источников получения информации. Большинство современных авторитарных режимов, будучи не в состоянии установить тотальный контроль над всеми средствами массовой информации, пытаются повысить эффективность такого контроля. Это позволяет им гарантировать свое влияние, насаждать проправительственную интерпретацию событий, подтверждая легитимность их власти, и при этом сводить на нет все усилия потенциальных конкурентов¹⁶⁹. Историческая ретроспектива свидетельствует, что элементы подобной социально-политической системы были присущи в разные периоды их развития практически всем современным государствам.

В настоящее время командно-административная, авторитарная модель функционирования СМИ общепризнанная несостоятельной, характерна в большей степени для государств, которые располагают какими-либо уникальными ресурсами, чаще всего востребованными в международной энергетической сфере. Подчеркнем, что подобная стратегия институционального взаимодействия в обществе до сих пор сохраняется в развитых политических системах. При этом меняется лишь вектор идеологической направленности: если ранее авторитарность ограничивалась внутривнутриполитической сферой государства и тиражируемые в обществе идеи касались исключительно национальных интересов, не затрагивая систему международных отношений, то сегодня сфера интересов отдельных государств ориентирована на внешнеполитическое развитие и экспансию своих национальных проектов в мировое пространство. В этом контексте отчетливо проявляются признаки авторитарности политической системы развитых государств и нетерпимости их элиты к альтернативной позиции

¹⁶⁹ Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ. // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html> (дата обращения: 10.02.2017)

других государств. Новые информационные технологии, с одной стороны, и изменение содержания межгосударственных взаимоотношений крупнейших геополитических игроков, с другой, привело к реанимации понятия «холодной войны». Технологии информационного противостояния и противодействия получают все более широкое распространение в качестве методов достижения внешнеполитических целей, ослабления потенциального или реального противника, влияния на внутреннюю политику суверенных государств, смены политических режимов, подготовки и осуществления «бархатных» революций и переворотов и даже информационного «захвата» чужих территорий¹⁷⁰.

Государства, не имеющие возможности реального влияния на международное политическое, экономическое развитие и лишенные ресурсного потенциала, в большей степени свободны от авторитарных амбиций; вследствие этого они склонны осуществлять коммуникацию в социальной среде на принципах диалога и толерантного отношения ко всем субъектам политической, экономической и культурной сферы. Однако и в этом случае целесообразно обратить внимание на культурный континуум, где культивируется та или иная модель информационного взаимодействия.

Политические институты в трансформирующихся обществах по причине отсутствия у них опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде носят нестабильный характер, который, в свою очередь, порождает дискуссию о том, какие условия и факторы, политические институты и практики делают ту или иную систему демократичной, легитимируют политическую власть¹⁷¹. Для проведения успешных реформ, а также в условиях стабильного социально-экономического развития необходим высокий уровень общественно-политической поддержки действующей власти и благоприятное

¹⁷⁰ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 6.

¹⁷¹ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

общественное мнение, которое способствует эволюции общества. Недостаток общественной поддержки государственно-политических решений зачастую вызывает социальные потрясения, которые в современных условиях могут выражаться в форме сетевых протестных кампаний¹⁷². Обладая крайне высоким потенциалом для формирования политической реальности и представлений о существующем мироустройстве, средства массовой информации являются одним из главных инструментов влияния на общественное сознание в политическом управлении, существенно редуцирующим существующую политическую реальность¹⁷³. Действительно, в условиях демократического развития общества журналистика является консолидированным массовым коммуникатором, представляющим интересы разных социальных групп, обобщающим и в определенной степени выстраивающим связи между ними, берет на себя функцию связующего звена между общественными и государственными институтами. При этом в политической журналистике приоритеты государственных интересов, как правило, превалируют над приоритетами отдельной личности¹⁷⁴.

Согласованное функционирование государственных и общественных институтов, способствующее эффективному развитию страны, возможно при условии открытого коммуникативного взаимодействия, адекватного приобретенному в результате доступа к альтернативным источникам информации опыту населения. Отсутствие критического мнения в обществе и позиционирование действий существующей власти и принимаемых ею политических решений как исключительно правильных и единственно возможных негативно сказываются на устойчивости общественного развития. Роль СМИ как детонатора или стабилизатора общественного сознания в этой ситуации усиливается, а функциональный диапазон

¹⁷² Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016. – С. 18.

¹⁷³ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 31.

¹⁷⁴ Клюев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 66.

значительно расширяется. Информационные запросы массовой аудитории не ограничиваются информационным предложением государственных СМИ, а их удовлетворение невозможно исключительно позиционированием действующей власти, что характерно для СМИ автократических государств.

Государственные средства массовой информации, равно как и их учредители, не всегда способны проявлять гибкость в коммуникативном взаимодействии со всеми социально-политическими акторами. Директивность и декларативность государственных СМИ как остаточные явления предшествующей политической системы зачастую подрывают доверие к ним, снижают их востребованность со стороны аудитории и вынуждают ее систематически обращаться к альтернативным информационным каналам. По нашему мнению, в большинстве случаев государственные СМИ констатируют факты, реагируют на информационные провокации по отношению к политическим структурам или персонам и стараются оправдать их деятельность.

Такая функциональная специфика деятельности СМИ может быть выражена в качестве дополнения информационно-кибернетической модели политической системы Карла Дойча, причем на современном этапе данная модель может быть применена к любому институционально организованному субъекту. «Выход» данной модели необходимо усилить внешними и внутренними зондами, функции которых, скорее всего, будут выполнять СМИ, а их основной задачей станет прогнозирование реакции аудитории и корректирование «принятия решений» посредством внедрения в массовое сознание определенных установок и предпосылок структурных и функциональных изменений. В процессе принятия решений «центром» необходимо также отметить важность участия «культурного континуума» социума, выраженного в схеме блоком памяти и ценностей, что позволит на выходе получать более эффективные результаты, выраженные в адекватных действиях власти в контексте мировоззрения массовой аудитории (рис. 2).

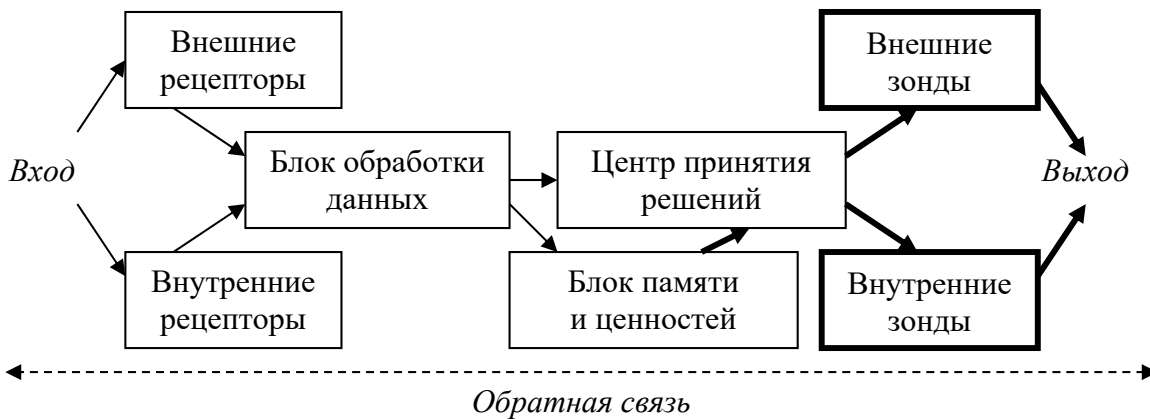

Рис. 2. Информационно-кибернетическая модель политической системы К. Дойча

Современная модель функционирования большинства государств как политической системы, а также институциональная иерархия общества, во многом соответствуя постулатам информационно-кибернетической модели К. Дойча, предполагает активное использование средств зондирования массовой аудитории и культивирования определенных стереотипов по отдельным вопросам их предварительного освещения в СМИ. Институциональная составляющая современного государства, выступающая доминантой его организации, характеризуется вариативностью функциональной нагрузки общественных и государственных институтов в процессе реализации ими естественных прав и потребностей субъектов различного уровня. В данном случае очевидно преобладание профильных интересов, решение профессиональных проблем каждым конкретным актором государственного управления и общественного развития.

В условиях кризисного состояния социума государств с отложенным внешнеполитическим статусом такая модель развития трансформируется и определяет функциональную составляющую в качестве доминанты государственной организации. В данной ситуации в таких государствах единая функциональная нагрузка институциональных субъектов всех уровней, выражающаяся в отстаивании объединяющих общегосударственных идей, призвана консолидировать общество и противостоять какой-либо угрозе государству. Согласно функциональной

теории институтов¹⁷⁵, государства создают институты, если они помогают выполнять функции государства. Институты должны обладать силой и прочностью¹⁷⁶ для воздействия на объекты государственного управления.

Согласно Т. Парсонсу, общество взаимодействует в рамках четырех подсистем: экономической, политической, социальной и духовной¹⁷⁷, каждая из которых, выполняя определенные функции, реагирует на внутренние или внешние требования. В этом смысле основное содержание общественного развития состоит в повышении адаптивной способности каждой из подсистем при условии их функциональной дифференциации и усложнении организации. Принято разделять четыре уровня общественной организации:

- 1) первичный (технический) уровень, где акторы взаимодействуют друг с другом непосредственно;
- 2) управленческий уровень, регулирующий процессы обмена информацией, происходящие на первичном уровне;
- 3) институциональный уровень, закрепляющий функции управления в различных социальных практиках;
- 4) социетальный уровень, который «недвусмысленно концентрируется в политических сферах».

Каждый уровень выполняет контролирующие и регулирующие функции по отношению к нижестоящему уровню. Смысл регулирования состоит в сохранении состояния равновесия во всем обществе. «Однако такой контроль институционализируется обычно не полностью и при нарушении равновесия сил может привести в движение силы сопротивления или создать условия для „освободительных“ движений»¹⁷⁸.

Доминирование государственных СМИ и «отсутствие альтернативных каналов в культурно-информационном пространстве государства способствует объединению общественных и политических институтов,

¹⁷⁵ Keohane R. After Hegemony. – Princeton, 1984. – P. 85–110.

¹⁷⁶ Martin L. An Institutionalist View: international institutions and state strategies / International order and the future of world politics / edited by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – P. 85.

¹⁷⁷ Parsons T. Social System. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005. – P. 106–115.

¹⁷⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 187.

повышению степени обособленности политической и управленческой элиты, формированию в элитарном сознании идеализированной социокультурной ситуации. Кроме того, в условиях полностью контролируемого государством культурно-информационного пространства создается иллюзия взаимодействия социальных и политических институтов, затрудняя их «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням и снижая адаптивную способность массовой аудитории к включению и генерализации ценностей»¹⁷⁹.

Таким образом, естественность доминирования государственных институтов в культурно-информационном пространстве современных странах чревата нивелированием конкуренции власти и общества в содержательном наполнении информационного пространства; она прямо пропорциональна актуальности проблем реализации национальных (общегосударственных) идей и обратно пропорциональна активности общественных институтов в формировании культурного пространства.

Культурно-информационное пространство государств со статичной политической элитой по мере пребывания ее у власти приобретает специфические характеристики в процессе своего развития и взаимодействия с массовой аудиторией, которые заключаются, с одной стороны, в темпоральном усилении центростремительного вектора тематического и контекстного единообразия в описании внутривластного состояния общества государственными средствами массовой информации, а с другой – в компенсирующей их декларированность центробежных процессах типологического разнообразия СМИ как по форме собственности, так и по идеологической направленности. Некритичность в оценках ситуаций и отсутствие стратегического мышления в государственном аппарате, так же, как отсутствие политической воли в принятии властных решений, приводят к коллапсу государства как системы. «Деструктурированные государственные

¹⁷⁹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171.

институты не в состоянии обеспечить нормальное функционирование общества и поддержать материальные и духовные блага населения на достаточном для устойчивого развития страны уровне»¹⁸⁰.

Многолетний опыт позиционирования государственными СМИ происходящих в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом событий в свете, угодном власти, а также искусственно актуализированного постпозиционирования знаковых исторических культурных событий затрудняет переход к новому формату вещания, в котором доминирует предпозиционирование социально значимой информации. Так, в большинстве самоопределившихся республик в тематическом диапазоне государственных СМИ доминируют материалы, описывающие события вооруженных конфликтов, трагических событий и т. д. По нашему мнению, такой подход позволил в значительной степени консолидировать общество на ранних этапах государственности. Однако в настоящее время данная информационная политика не соответствует запросам аудитории, о чем свидетельствуют низкие рейтинги государственных СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом. Альтернативные государственным информационные каналы, имея более высокий рейтинг среди населения, не только укрепляют свои позиции, распространяя якобы независимую информацию, но и могут готовить аудиторию к определенным изменениям, зондируя ее состояние и формируя в обществе определенные настроения.

Учитывая указанные проблемы формирования культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом, необходимо подчеркнуть, что «информационный контент последних, ориентированный на внешнего потребителя информации, в большинстве случаев все же остается на внутреннем информационном рынке, многократно тиражируясь

¹⁸⁰ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 130.

региональными СМИ и создавая тем самым нежелательный эффект. Регулярно обращаясь к идеологическому, патриотическому, культурно-историческому контенту, государственные средства массовой информации обеспечивают поддержку государству с отложенным внешнеполитическим статусом по стабилизации и укреплению общественной ситуации, однако мобилизационная составляющая информационных потоков на определенном этапе перестает адекватно восприниматься большинством населения, что может свидетельствовать о сформированности определенных устойчивых аутостереотипов»¹⁸¹.

Акцентируя внимание на очевидных и тривиальных для большинства населения темах, СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом, будучи автономными от внешнего потребителя, создают эффект раздражительности, что негативно отразится на уровне востребованности и доверия у массовой аудитории.

СМИ, априори замалчивающие насущную общественно-политическую проблематику и особенно – манипулирующие – «распространяют и закрепляют в общественном сознании выгодные тем или иным политическим силам стереотипы мнений, суждений, оценок, которые в результате оказывают влияние на формирование политического выбора»¹⁸². Манипулятивный характер массовой коммуникации подрывает доверие к СМИ, снижает эффективность взаимодействия массмедиа и аудитории. Использование манипуляционных практик опасно тем, что социальная коммуникация постепенно трансформируется из мягкой убеждающей и разъясняющей формы в жесткое информационно-психологическое насилие над сознанием и подсознанием, ощутимым фактором которого является

¹⁸¹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 169.

¹⁸² Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: Изд-во ВК, 2005. – С. 52.

давление на реципиента с целью изменить его мысли и поведение в пользу манипулирующей стороны¹⁸³.

Изыскания современных политтехнологов с учетом «двойственности коммуникативных и коммуникационных процессов давно перетекли из технологической плоскости в гуманитарную, а отсутствие технических новинок и новшеств все чаще компенсируется инновационными подходами в манипулировании общественным сознанием. Такое положение удваивает влияние информационной сферы на протекание международных процессов и межгосударственное взаимодействие. Необходимо отметить, что в перспективе это влияние будет только усиливаться, равно как и роль информационных институтов в процессе достижения тех или иных политических, экономических и культурных целей, что, в свою очередь, будет сказываться на уязвимости или устойчивости общественно-политической системы и национальной безопасности в целом»¹⁸⁴. Причем следует учитывать, что в современной международной практике уже определены основные «болевые» рычаги, активизация которых может радикальным образом изменить отношение к тому или иному субъекту международного права. К примеру, по отношению к государствам с отложенным внешнеполитическим статусом прочно закрепились такие стереотипы, как сепаратизм, незаконное производство оружия; страны арабского мира ассоциируются с терроризмом; страны Центральной Америки – с наркоторговлей и криминалом и т. д.

В то же время мировой опыт подтверждает, что внешнее давление не приводит к миру и согласию в государствах, которые испытали на себе иностранное вмешательство, их политические системы продолжают находиться в турбулентном состоянии, возникают новые очаги напряженности. Современная политическая ситуация, т. е. состояние

¹⁸³ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 125.

¹⁸⁴ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 170.

политической системы и комплекс взаимодействий между ее субъектами¹⁸⁵, к примеру, в Косово, где большинство сербов не желают подчиняться институтам власти самопровозглашенного и частично признанного государственного образования, являет пример спорности использованной с участием Запада модели решения национального вопроса. Решение проблем межцивилизационной конкуренции невозможно только в рамках межгосударственных отношений, необходимо развитие новых институциональных форматов, объединяющих как государственных, так и негосударственных участников¹⁸⁶.

Эффективность развития общества во многом определяется его способностью не только качественно и рационально использовать современные информационные технологии, но и адаптировать их к условиям конкретной социокультурной среды. В настоящее время характер взаимоотношений власти и СМИ далеко не однозначный, поэтому крайне сложно определить доминирующую сторону, поскольку, по мнению М. Кастельса, «политические системы охвачены структурным кризисом легитимности, периодически сотрясаются скандалами, существенно зависят от освещения в средствах массовой информации и личностных качеств лидеров, становясь все более изолированными от граждан»¹⁸⁷. Действительно, на современном этапе «легитимность политической власти обеспечивается низким уровнем развития политической культуры, манипулированием общественным сознанием, а также предложенной обществу модели развития, предполагающей приоритет относительного экономического благополучия по сравнению с демократическими свободами»¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // *Rocznik Prasoznawczy*. – 2014. – № 8. – С. 65.

¹⁸⁶ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5, 7.

¹⁸⁷ Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

¹⁸⁸ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

Развивая данную идею, можно сформулировать гипотезу: в процессе интенсификации глобализационных процессов информационного взаимодействия динамика культурно-информационного пространства каждого отдельного государства есть производная легитимности его властных институтов не только и не столько на международном уровне, сколько на уровне внутренней социокультурной среды. Моделируя ситуацию, можно предположить, что дальнейшее развитие глобального общества в отношении формирования, становления и обособления культурно-информационного пространства любого региона будет характеризоваться снижением роли государственных структур, поскольку культурное измерение пространства зависит от общественных, неправительственных институтов, в то время как информационное – определяется степенью участия государства.

В этом отношении индикатором реального состояния культурно-информационного пространства может выступить модель функционирования СМИ, определяемая как социально активная при условии конвергенции моделей социальной действительности, предлагаемой СМИ и ожидаемой аудиторией. При условии дивергенции культурно-информационное пространство характеризуется активностью государственного регулирования процессов его формирования.

С одной стороны, государственное регулирование коммуникативных процессов в условиях современного мира способствует интеграции в глобальное пространство (при отсутствии информационных ограничений) и, как следствие, единению (консолидации) культурного пространства государства. С другой стороны, ограничение доступа к внешнему миру эмулирует (имитирует) процессы глобальной интеграции, усиливая дифференциацию культурного пространства государства.

Данная тенденция при детальном рассмотрении «становится более очевидной, поскольку степень социальной стратификации, а следовательно и неоднородности культурно-информационного пространства (кроме

указанных факторов) возрастает соответственно типологическому разнообразию функционирующих в обществе информационных институтов, предельность которого определяется сменой их конструктивного влияния на деструктивное»¹⁸⁹.

Проблемы культурно-информационного развития государства являются «перманентными для обсуждения на всех уровнях политической власти, поскольку реальная потребность в переоценке существующих концепций подачи информации диктуется постоянно изменяющимися как внешними, так и внутренними факторами. Принимая во внимание трансграничную культурную ориентацию большинства современных обществ, которая определяет не только коммуникативную вариативность активизации процессов рефлексии культурно-информационного пространства каждой конкретной страны, но и формирование адекватной картины мира с объективным контентом, дальнейшее развитие ее культурно-информационного пространства может быть гарантировано при условии соответствующей культурной интеграции общественных институтов в глобальное информационное пространство»¹⁹⁰.

В то же время специфика культурно-информационного пространства большинства современных государств в той или иной степени заключается в полиэтничности общества. В русле этих рассуждений можно констатировать, что «модернизация культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом в большинстве случаев является следствием целенаправленной актуализации маргинальной идентичности, в качестве которой, как правило, выступала этическая идентичность. Результатом необдуманной экстраполяции типовых демократических норм в странах нового зарубежья, официальная идеология которых зиждилась на идеях этноцентризма, стали многочисленные этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. Политика, проводимая элитой стран нового

¹⁸⁹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171–172.

¹⁹⁰ Там же. – С. 172.

зарубежья, необоснованно нивелирующая существующие принципы регионализма и игнорирующая концепции формирования полиэтничных культурно-информационных пространств, вызвала протестную реакцию отдельных групп населения. Кроме того, именно игнорирование феномена региональной идентичности на фоне активных этноцентристских процессов способствовало сохранению культурно-информационного пространства отдельных регионов и даже возникновению новых государственных образований»¹⁹¹.

Развитие современного культурно-информационного пространства демонстрирует устойчивую динамику расширения пространственных в условиях сокращения временных характеристик. Необходимо также обратить внимание на их различную природу: в системе «идеальный мир – материальный мир» именно пространство может быть изменено и преобразовано усилиями человеческой цивилизации; время же в данной ситуации обладает характеристиками идеального измерения, неподвластными человеку.

В контексте процессов глобализации пространство в полной мере соответствует не только тенденциям трансформации национальных экономических систем в общемировые, но и тенденциям расширения рамок национального сознания до планетарного масштаба, т. е. оно становится практически безграничным.

Если технологическая революция во многом предопределила сокращение временных параметров, необходимых для выполнения каких-либо производственных циклов, и повысила степень мобильности экономической, политической и информационной элит, то современные коммуникативные технологии, гарантируя в большинстве случаев «обнуление» пространственной составляющей во многом благодаря сетевой архитектуре, уравнивали возможности элитарной и массовой аудитории. Такая

¹⁹¹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 172.

функциональная особенность глобальной сети обусловила технологическую развитость и востребованность компьютерной отрасли, совершенствование программных и аппаратных компонентов, способствующих многократному увеличению информационных потоков. Так как подобный прорыв информационной сферы и стремительные темпы ее эволюции в социальном измерении намного опередили степень готовности самостоятельного отбора массовой аудиторией адекватной информации, то весь спектр сетевых ресурсов может выступать в качестве как объединяющего, так и разъединяющего фактора.

Данное противоречие актуализирует проблему интерпретации пространства, поскольку его виртуальная безграничность, реализуемая, как правило, в индивидуальных коммуникативных практиках, чревата более глубокой дифференциацией в социальном отношении: проявлением новых идентичностей, обособлением отдельных регионов и даже их дроблением.

Именно поэтому сохранение современной системы идентичностей в обществе на фоне увеличения количества информационных каналов выступает основой сохранения его культурно-информационного пространства при условии сбалансированности процессов социокультурной стратификации посредством сетевой коммуникации, способствующей развитию либертарианизма и актуализации феномена многомерной идентичности (полиидентичности) отдельной личности в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом.

Учитывая непосредственность сетевого взаимодействия источника и получателя информации, необходимо отметить, что канал распространения информации как одно из основных условий коммуникативного процесса (в системе «источник–канал–получатель») сохраняет свою значимость исключительно с технологической точки зрения. Канал распространения информации с социальной точки зрения может быть рассмотрен в виде любого средства информации, в том числе массовой, которое обеспечивает

процесс не только непосредственного распространения информации, но и ее интерпретации и придания ей социальных контекстов и смыслов.

Необходимо учитывать акцент специфики восприятия аудиторией информационных потоков, так как существуют два основных способа реакции на мир – эмоциональный и рациональный¹⁹². Говоря о моделях социальной действительности необходимо учитывать преобладание эмоционального начала над рациональным оцениванием окружающей действительности в ходе освоения социокультурной действительности. Непосредственное переживание полноты бытия дается не только и не столько *рационально*, сколько *эмоционально*. Сущность журналистики как формы общественного познания также основана на единстве рационального и образного постижения действительности. Именно благодаря синтезу научных и художественных методов освоения и отображения действительности журналистика нацелена не только на познание какого-либо объекта, но и на создание определенного его образа, отношения к нему посредством информационного воздействия¹⁹³. Единство рационального и эмоционального, взятое с точки зрения полноты бытия, выдвигает эмоциональный момент на первое место. Если рациональное – это не жизнь, а только отвлеченное условие возможности жизни, то эмоциональное – это само содержание жизни. Однако именно паритетность двух противоположностей и изучение одной сквозь призму другой позволяет получать адекватные интерпретации в процессе функционирования современной личности.

В коммуникационном воздействии соревнуются две силы – убеждения и внушения. Но они не равны, первая обращена к разуму, рациональности, вторая – к эмоциям, чувствам, к коллективному бессознательному. Воздействие на аудиторию согласно лингвистической теории аргументации

¹⁹² Доброхотов А. Л. Введение в философию. – Доступно: <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

¹⁹³ Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник Санкт-петербургского университета. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – С. 119–123.

также разделяется на рациональное и эмоциональное. В силу того, что природа человека бинарна, она разумно-эмоциональна, вопрос о приоритете эмоциональных или рациональных факторов, влияющих на принятие решений сохраняет свою дискуссионность, а благодаря этому и актуальность¹⁹⁴. Рациональность и эмоциональность с точки зрения массовых коммуникаций апеллируют, соответственно, к удовлетворению практических, функциональных потребностей или психологических, социальных или духовных потребностей»¹⁹⁵. Рациональная аргументация раскрывает внутренние признаки предметов и явлений, опирается на логику, умозаключения и связана с содержательно-концептуальной информацией. Эмоциональная аргументация ориентирована на эмоции, чувства и ощущения¹⁹⁶. То, что люди чувствуют, может быть настолько же важно, как и то, что они знают¹⁹⁷.

Соппротивление эмоциональному прессингу со стороны СМИ практически невозможно вследствие тенденции, которая в современном информационном мире становится все отчетливее. Ю. Хабермас в своих работах писал о проблеме снижения критического знания в демократических обществах. Согласно его концепции свободное публичное обсуждение социально-политических проблем аудиторией и ее право выбора, в большинстве случаев подменяется экспертными мнениями, в основе которых лежит инструментально-рациональное знание¹⁹⁸. Развивая данную мысль, можем предположить, что процесс коммуникационного воздействия на массовую аудиторию силой образов и интенсивностью коммуникационного потока, также основан на инструментально-рациональном знании, на

¹⁹⁴ Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М., 2003. – С. 40–43.

¹⁹⁵ Бове К. Л., Арнс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995.

¹⁹⁶ Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 255 с.

¹⁹⁷ Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – С. 272–273.

¹⁹⁸ Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия // Западная теоретическая социология / сост. И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – СПб.: Ольга, 1997. – С. 309–329.

технологиях «обработки людей людьми»¹⁹⁹. Итак, образ в массовых коммуникациях – это рациональное и эмоциональное впечатление на основе обозначаемого устойчивого смысла²⁰⁰. И стихийные образы, возникающие в результате анализа, комментирования впечатления об объекте, и сконструированные, т. е. формирующиеся в зависимости от замыслов их создателей и нацеленные на изменение объекта, основаны, как правило, на определенных смыслах, вне которых прекращают свое существование. Доверие к этим образам и смыслам в рамках социолого-семантической модели коммуникационного воздействия определяет эффективность коммуникационного воздействия на аудиторию²⁰¹.

Резонанс социально значимых процессов и событий, многократно усиливаемый средствами массовой коммуникации в культурно-информационном пространстве теряет доминирующий вначале эмоциональный фон, полностью переходя в рациональное измерение. Причем интерес массовой аудитории к стратегически важным решениям государства в проекции на внутренние проблемы общества со временем не снижается, постоянно поддерживаясь тактическими ходами государственных и общественных институтов и текущими социальными проблемами.

Актуальным в рамках исследования представляется анализ специфики подачи и восприятия информационных потоков в ситуации внешнеполитического противостояния, присутствия внешней угрозы обществу. В подобных ситуациях эмоциональный фон сохраняется на достаточно высоком уровне, оспаривая право на доминирование у рационального способа восприятия массовой информации. Консолидация общества в данном случае базируется не на внутривнутриполитическом единстве, а на едином противостоянии внешнему воздействию, которое всячески

¹⁹⁹ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 122.

²⁰⁰ Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006. – С. 387.

²⁰¹ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 118–119.

стимулируется СМИ. Подобная информационная политика характеризуется избыточностью внимания к внешнеполитической и недостаточностью внимания к внутривнутриполитической идеологии, которая основывается исключительно на страхе перед внешними угрозами.

В государствах с отложенным внешнеполитическим статусом поддержание эмоционального фона в культурно-информационном пространстве способствует формированию своеобразного иммунитета у массовой аудитории к общественно-политическим событиям, что делает население, с одной стороны, более устойчивым и терпимым к текущим проблемам, формируя четкие стереотипы в системе «свой–чужой» и модифицируя иерархию культурных маркеров и социальных идентичностей современной личности, а с другой – инертным и управляемым, поскольку апеллирование к внешнеполитической ситуации исключает адекватную оценку происходящих событий. В отношении производителей информационных продуктов подобная информационная политика чревата шаблонностью и стереотипностью профессиональных подходов к освещению любых событий в контексте межгосударственного противостояния, а также неспособностью адекватной оценки происходящих событий.

В отдельных государствах с отложенным внешнеполитическим статусом кризисное массовое сознание повлияло на алгоритм восприятия информации. С одной стороны, эмоциональная составляющая, перманентно доминируя над рациональной, в большей степени вызывает доверие у населения, однако не столько благодаря высокой степени авторитета местной власти, сколько вопреки информационным потокам оппонентов, не требуя, как правило, доказательств правильности позиций местной политической элиты. С другой стороны, умышленное обсуждение отдельных вопросов развития внешнеполитической ситуации может привести к нивелированию культурных смыслов распространяемой информации, которое со временем позитивно скажется на культурно-информационном пространстве с точки зрения его эмоциональной стабильности и устойчивого развития.

Таким образом, эмоционально-рациональное восприятие массовой аудиторией маркеров современного мира в контексте основных культурно-информационных тенденций его развития предопределяет конкуренцию культурного и информационного измерений социального континуума. Информация, интерпретированная культурными кодами, будучи фундаментом и основой для возникновения самой культуры и культурного пространства, находится в функциональной зависимости от культурного пространства, которое в значительной степени влияет на интенсивность и качество информационных потоков.

Экстраполяция в социальную практику предложенной модели восприятия помогает в некоторой степени осмыслить природу снижения доверия населения СМИ, контент которых однотипен и предсказуем, и соответственно падения рейтинга элит, которые эти СМИ представляют, на фоне повышения востребованности альтернативных источников информации.

Эпоха доминирования традиционных СМИ в большей степени гарантировала социальную стабильность и адекватность подачи и восприятия социально значимой информации. В современных условиях отсутствие регламентированных посредников в системе коммуникатор–коммуникант создает предпосылки для более вариативного, вольного изложения и, следовательно, трактовки происходящих событий. Интенсивность использования сетевых ресурсов и невозможность их дифференцирования сообразно идеологической, политической или культурной конъюнктуре обуславливают особое внимание институтов государственной власти к обеспечению стабильности общественного развития, в значительной мере влияя на степень доверия массовой аудитории.

Рассматривая информационное взаимодействие в контексте социокультурного развития государства, следует признать, что независимо от природы информационной системы (государственные и общественные институты) ее воздействие всегда направлено на массовую аудиторию. В

случае оппозиции государственных и общественных институтов «любое информационное воздействие негативно для культурного континуума и может спровоцировать трансформацию культурно-информационного пространства государства. В зависимости от доминирующей стороны это может привести как к смене государственного строя революционным путем, так и к усилению роли государства в общественных процессах, граничащей с нарушением прав и свобод граждан. Согласованная, взаимодополняющая деятельность государственных и общественных институтов призвана ускорить формирование основ гражданского общества, и катализатором в этом процессе может выступить система средств массовой коммуникации»²⁰².

Таким образом, устойчивость государственного развития и соответственно культурно-информационного пространства во многом определяется степенью приверженности базовой национальной модели развития, которая основана на традиционном для общества ценностном и идеологическом фундаменте и культивируется государственной образовательной и информационной политикой. Попытки резкого изменения аксиологических основ общества путем насаждения альтернативной системы ценностей, предпринятые в конце 90-х годов прошлого столетия политическими и культурными элитами бывших союзных республик, привели к расколу в обществе, а усилия СМИ спровоцировали политические конфликты, повлекшие трансформацию культурно-информационного пространства республик вплоть до его дробления и появления новых государственных образований.

В свою очередь, кризисность и, как следствие, мобилизация массового сознания в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом повлияли на алгоритм восприятия информационных потоков СМИ аудиторией: если эмоциональная составляющая доминирует над

²⁰² Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171

рациональной, то бóльшая часть информации считается населением истинной не благодаря высокой степени доверия местной власти, а вопреки информационным усилиям оппонентов, при этом нет необходимости в особых доказательствах объективности собственной позиции. С другой стороны, со временем степень мобилизованности и кризисности сознания снижается, но ставшая традиционной журналистская практика провоцирует создание у СМИ представления о высокой степени собственной авторитетности, и усиленное обсуждение ими отдельных политических вопросов может привести к их выпадению из ранга актуальных для массовой аудитории и сформировать своеобразный иммунитет у населения к политической ситуации. В результате сообщество становится более подготовленным к возможным провокациям со стороны как официальных, так и оппозиционных СМИ, что в перспективе приведет к затуханию эмоциональности и постепенному формированию рационального восприятия информационных потоков. При подобном сценарии средства массовой информации могут оказаться в ситуации, когда население станет не только эмоционально равнодушным к информационному продукту, тиражируемому такими СМИ, но и критично настроенным вследствие их несостоятельности.

2. 3. Функциональное измерение культурно-информационного пространства

Функциональный анализ государственных и общественных структур современного социума позволяет по-новому осмыслить роль и значение институтов информационного обмена, а также принципы и механизмы регулирования информационных потоков в обществе и выявить эффективный алгоритм их распространения. Различные подходы к изучению функционального спектра СМИ обеспечивают системность получаемых результатов, однако журналистская практика свидетельствует, что не всегда

результаты теоретических исследований находят свое отражение в деятельности газет, журналов, радио и телевидения.

Содержание информации, которой обмениваются мир и человек, определяет характер развития личности: по восходящей или по нисходящей линии оно идет, в сторону прогресса или в сторону регресса движется мир. Одним из главных факторов, определяющих направление развития личности и общества в целом, является институт средств массовой информации и та функциональная нагрузка, которую выполняют СМИ. Необходимо отметить, что современные средства массовой информации находятся в довольно противоречивой ситуации: с одной стороны, они ответственны за развитие общества, прогрессивность и перспективность массового сознания, но с другой стороны, есть желание массовой аудитории получать информацию, в определенной степени разлагающую моральные устои и культурные ориентиры общества. Другими словами, попытки соответствовать информационным запросам населения могут способствовать его скорейшему разложению и деградации, а продвижение аналитической информационной политики чревато потерей аудитории. Достижение гармонии в реализации профессиональной деятельности журналистов возможно при условии четкого определения и осознания функциональной сущности СМИ.

Проблеме определения и анализа функций средств массовой информации в теории журналистики уделено достаточно много внимания, поскольку, как отмечает Е. П. Прохоров, «именно через функциональную направленность характеризуется место и роль в жизни любого предмета, явления или вида деятельности»²⁰³. Очевидно, что средства массовой коммуникации, формируя мировоззрение массовой аудитории, влияют на вектор общественно-политических процессов современности, т. е. выполняют, по мнению Г. П. Байгариной, «функцию ориентации и

²⁰³ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 57.

концептуализации действительности»²⁰⁴. Мануэль Кастельс в своих рассуждениях также доказывает, что «новая коммуникационная система, все больше говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспособливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов. Интерактивные компьютерные сети растут по экспоненте, создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время»²⁰⁵.

Эффективность системы СМИ как социального института во многом зависит от адекватного понимания роли журналистики и ее общественных функций не только профессиональным журналистским сообществом, но и взаимодействующими с ним субъектами. Выделим в этом плане мнение представителя санкт-петербургской научной школы А. С. Савицкой, которая справедливо утверждает, что «источником значительной части проблем в отношениях журналистики с аудиторией, органами государственной власти, социальными группами и институтами является кардинальное несоответствие представлений, в том числе, и о функциях журналистики и средств массовой информации, что приводит к возникновению существенных, пользуясь термином из теории коммуникации, семантических шумов, и значительно снижает эффективность коммуникативного процесса»²⁰⁶.

В контексте данного высказывания В. В. Тулупов, характеризуя состояние современной российской журналистики как кризисное, в качестве одной из проблем, послуживших этому причиной, видит отсутствие четкого понимания профессиональных ролей журналистов (пропагандист,

²⁰⁴ Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

²⁰⁵ Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

²⁰⁶ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 76.

организатор, воспитатель, развлекатель, собеседник, распространитель информации, аналитик власти, противник власти)²⁰⁷.

Взаимодействие государства и СМИ особенно затруднено и противоречиво в транзитивных обществах (что характерно не только для России, но и для стран восточной Европы и СНГ), где процесс торможения реформ определяется не только политическим и экономическим уровнем, но и противоречиями формирования духовно-нравственных основ общественной жизни. СМИ вынуждены и сотрудничать с властью, и ответственно конкурировать с ней²⁰⁸. В транзитарном обществе модернизация журналистики предполагает устранение диссонанса прежних представлений о ее роли и новых социальных прессовых реалий²⁰⁹.

Средства массовой информации, выполняя важную информационную роль, становятся своеобразным посредником между государственными институтами и аудиторией, причем в процессе функционирования СМИ предполагается двусторонняя связь. Между журналистом (коммуникатором), который представляет институциональную структуру, и аудиторией (реципиентом) существует технический канал связи, посредством которого СМИ стараются удовлетворять информационные запросы общества. Выражая и формируя общественное мнение, СМИ, с одной стороны, аккумулируют опыт и волю населения, а с другой – воздействуют на сознание и моделируют коллективные действия в обществе²¹⁰.

Несмотря на довольно широкий спектр научных исследований в области анализа сущностных функций и роли СМИ, изучения субъектов и

²⁰⁷ Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // *Relga* (научно-культурологический журнал). №1 [103]. 18.01.2005. – Доступно: www.relga.ru (дата обращения 22.10.2017 г.)

²⁰⁸ Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 249.

²⁰⁹ Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 79.

²¹⁰ Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // *Эксперты для гражданского общества*. – Доступно: <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

факторов, детерминирующих эти функции от их простого неупорядоченного списка до сложных структурных иерархий во всем многообразии существующих взаимозависимостей, к сожалению, большинство из них являются эклектичными, внутренне противоречивыми, изучающими конкретные аспекты феномена без учета его системного характера.

Одна из первых универсальных моделей функций социальной коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом, включала в себя три составляющих: во-первых, контроль за окружающей действительностью (*surveillance*); во-вторых, установление координации в отношении разных частей общества к окружающей действительности (*correlation*); в-третьих, передачу социального наследия следующим поколениям (*transmission*)²¹¹.

Совершенствуя свою модель, американский политолог предложил уже пять уровней коммуникации. На первом месте вследствие особой важности массовой информации для общества располагаются коммуникаторы – создатели информационных сообщений. В их задачу входит подготовка информационных сообщений, которые должны быть доступны и понятны для потенциальных потребителей, находящихся в разных регионах страны, континента или всей планеты.

На втором месте располагается информация, распространяемая при помощи средств массовой коммуникации. Природа массовой информации непосредственно зависит от характера деятельности людей в различных социальных сферах, она отражает общественные процессы как в глобальном, так и в локальном измерении. Ценность массовой информации измеряется, как правило, степенью востребованности и эффектом ее воздействия на индивидов, т. е. определяется такими ее свойствами, как представительность, доступность, полнота, достоверность, своевременность, этичность и др.

На третье место в структуре массовой информации Г. Лассуэлл ставит систему средств массовой коммуникации, которая, по его мнению,

²¹¹ Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. – Urbana, 1960. – P. 118.

формируется средствами массовой информации; телекоммуникацией; информатикой. Четвертое место в модели американского политолога отводится потребителям информационных потоков, т. е. массовой аудитории.

Пятой в структуре массовой коммуникации рассматривается реакция аудитории на потребление определенной массовой информации²¹².

В настоящее время выделяются пять основных типов реакций на массовую информацию:

1) реакции, связанные с особенностями деятельности индивидов в социальных общностях: когнитивные (изменение информированности, стимуляция интеллектуальной деятельности, активизация познавательной деятельности, повышение интереса к информации и создание новой информации с элементами полученной); ценностные (создание новых идей и установок, а также новых ценностных систем, изменение или закрепление уже сложившихся ценностей, побуждение к выражению личных взглядов и к дискуссиям); организационные (практические действия в соответствии с полученной информацией в общественно-политической, экономической и других сферах жизнедеятельности); тонизирующие (изменение или поддержание психофизиологического состояния индивидов и масс); коммуникативные (распространение и обсуждение полученной информации, установление обратной связи с источниками информации);

2) явные (доступные непосредственному наблюдению) и скрытые (ограниченные областью сознания индивидов и внешне не проявляющиеся);

3) желательные и нежелательные; основные и побочные; предусмотренные и неожиданные;

4) характеризующие изменения в сознании и деятельности индивидов;

²¹² Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell // In L. Bryson (ed.) The communication of ideas. – N. Y. : Harper, 1948. – P. 37–51 ; Lasswell, H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change / H. Lasswell // Science and Culture. – 1967. – Vol. 33. – № 4.

5) связанные с временными параметрами происходящих изменений в поведении и сознании аудитории: ближние, дальние, краткосрочные и продолжительные²¹³.

Согласно мнению Г. Лассуэла, масс-медиа держат членов аудитории в курсе происходящих событий посредством наблюдения за внешней средой. Рассматривая различные фрагменты внешней среды, средства массовой информации помогают членам аудитории понять ее структуру в целом. Связывание воедино фрагментов внешней среды позволяет потребителям массовой информации составить более адекватное представление об окружающем мире. Наконец, СМИ служат для передачи социальных норм и установок новым поколениям потребителей информации масс-медиа. Передача социального наследия – весьма важная функция средств массовой информации, недаром во многих странах, импортирующих медийные продукты из США, в качестве серьезнейшей проблемы рассматривается культурный империализм Запада, навязывающий чуждые социальные нормы и ценности.²¹⁴

Согласно бихевиористской концепции, аудитория выступает исключительно в качестве пассивного объекта управления, от которого можно с большой вероятностью ожидать конкретную реакцию на определенные события и даже предсказать их тесную взаимосвязь²¹⁵. Г. Лассуэл также полагал, что аудитория является пассивной, слепо воспринимающей сообщение. Исходя из этого, он сравнивал воздействие СМИ с «подкожной иглой», которая впрыскивает потребителям необходимое отношение к ситуации, а оно влечет за собой соответствующие отклики и действия²¹⁶. Анализ данной концепции позволяет выделить два важных

²¹³ Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6). – С. 136–142.

²¹⁴ Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., 2004. – С. 148.

²¹⁵ Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 20.03.17 г.)

²¹⁶ Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – 1958. – № 8. – С. 88–93.

аспекта, которые влияют на эффективность формирования общественного мнения посредством СМИ. Во-первых, поведение человека в данном контексте воспринимается только как ответ на «стимульный материал» от внешней среды, при этом практически игнорируется внутренняя мотивация индивида. Во-вторых, с позиций бихевиоризма общество является совокупностью практически несвязанных друг с другом людей, на поведение которых не влияли сложные социальные связи. Следовательно, СМИ оказывали влияние «напрямую», без посредников, и именно такому влиянию индивид не в силах был противостоять.

До 40-х годов XX столетия при изучении СМИ, как правило, выделялась триада функций: информирования, пропаганды, организации.²¹⁷ Отметим, что их довольно часто относят исключительно к политическим функциям СМИ, и они до сих пор сохраняют актуальность²¹⁸. Функции массовой коммуникации, обеспечивая непрерывный процесс познания человеком окружающей действительности, могут быть представлены тремя основными направлениями: информационные функции, функции регулирования общественных отношений и культурно-просветительские функции²¹⁹.

Пропорционально количеству научных изысканий в области функционального анализа СМИ увеличивалось и количество функций, приписываемых данному социальному институту:

– надзор или наблюдение: сотрудники СМИ собирают информацию, на основе которой могут осуществлять предостерегающий (предупреждающий об опасности) и инструментальный (передача аудитории информации, полезной для повседневной жизни) надзор;

– интерпретация: средства массовой информации не просто сообщают факты, они указывают на их значение. Исполняя роль информационного

²¹⁷ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

²¹⁸ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 116.

²¹⁹ Там же. – С. 108.

привратника, СМИ осуществляют селекцию информации, определяя, какие факты, персоны, организации и в каком объеме представлены в медийном пространстве;

– соединение, связь: СМИ способны соединять различные части общества, не связанные между собой напрямую (граждане имеют возможность объединяться с помощью медиа на основе общих интересов в области политики, профессии, досуга);

– трансмиссия или передача ценностей: СМИ транслируют социальные ценности, нормы, правила поведения, ролевые модели, которые воспринимаются аудиторией; таким образом происходит воспроизведение важных общественных паттернов;

– развлечение: массмедиа обладают значительным спектром возможностей, делающих развлечение доступным для массовой аудитории при относительно низкой цене за данный продукт²²⁰.

Несмотря на структурные изменения в отечественных СМИ и политические изменения в стране, функции СМИ существенных трансформаций не претерпели²²¹. Тем не менее, сложность и переменчивость современного мира обуславливают динамичность функциональной иерархии СМИ, выдвигая в качестве приоритетных наиболее актуальные функции для поддержания или противодействия конкретным социально-экономическим процессам в обществе.

Стремительное развитие технологической составляющей современных СМИ не всегда позитивно сказывается на качестве медиаконтента, что нивелирует аксиологическую функцию СМИ и их способность адекватно воздействовать на формирование ценностного составляющего (когнитивного уровня) информационного пространства. Поэтому вполне закономерно, что аксиология как новое направление в науке о журналистике привлекла в

²²⁰ Цит. по: Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. – М., 2004. – С. 110–111.

²²¹ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 107.

последние годы столь активное внимание исследователей²²². Современные СМИ, демонстрирующие изменившиеся формы коммуникации, в рамках новой интегративной культуры способствуют формированию общих оценок, общих норм поведения, иными словами, приводят к господству общих стереотипов «усредненной» культуры, негативно влияющих на систему ценностей современной личности.

У истоков аксиологии стояли выдающиеся мыслители: В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Н. Гартман, М. Вебер, Э. Гуссерль, М. Шелер, Э. Кассирер, М. Хайдеггер и др. Наиболее широкое понимание системы социальных ценностей интерпретируется как культурно-исторический феномен, который вырабатывается тысячелетиями и становится носителем социального, культурного, культурно-этнического или культурно-национального наследования.

Необходимо отметить, что аксиологически-креативную функцию в научных исследованиях стали выделять со второй половины прошлого столетия, когда средства массовой информации трансформировались в аудиовизуальную форму искусства, науки, образования. Именно тогда возникла необходимость изучения и осмысления их как транслятора культурных ценностей общества²²³. Тенденции политизации общества и доминирование идеологических акцентов в деятельности СМИ способствовали разветвлению аксиологически-креативной функции на собственно аксиологическую и креативную. Причем вторая в большинстве случаев не имеет ничего общего с трансляцией культурных ценностей, профилируясь на развлечении аудитории, используя ограниченный спектр досуговых, релаксирующих технологий, в том числе стереотипизирующих сознание массового потребителя информации и способствующих его деградации. Установка на развлечение ради развлечения, ставка на

²²² Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 155.

²²³ См.: Lassuel H.D. The Structure and Functions of Communication in Society // The Communication of Ideas. – 1948. – № 4.

зрелищность, культ секса, пропаганда жестокости и насилия превращает журналистику или в «фабрику звезд и грез», или в пространство пошлости, грубости, цинизма и бесчеловечности²²⁴. Современные медиатехнологии создают ложные духовно-ценностные объекты, подобные подлинным, что затрудняет распознавание истинности создаваемой новой информации. Беспокоит высокая степень иллюзорности и возможность манипулирования сознанием человека²²⁵.

В результате происходит формирование относительной безответственности, безотчетности и раскованности как мышления, так и действий – своего рода инфантилизма у индивида, неспособного размышлять, с примитивными ощущениями, отсутствием связи с поколениями и культурой народа²²⁶. Именно такой потребитель массовой информации более управляем и легче поддается идеологическому воздействию, в большинстве случаев даже не утруждая себя проверкой адекватности той или иной государственной идеи, а принимая ее априори верной²²⁷.

«Деятельность средств массовой информации аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определенной совокупности ценностей»²²⁸. Исследователь Е. В. Поликарпова также резонно утверждает, что массмедиа уже давно стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества; они претендуют на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества.

²²⁴ Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 31.

²²⁵ Кулибаба С.С. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России: методология, технологии, практика: Матер. Междунар. научн. конф. Т. II. – Екатеринбург–М.: Академический проект, 2007. – С. 130.

²²⁶ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

²²⁷ См.: Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – Ростов-н/Д., 2000; Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д., 2001.

²²⁸ Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – С. 5.

Массмедиа принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры²²⁹. Петербургский ученый В. А. Сидоров в свою очередь полагает, что СМИ являются творцами не просто содержания, но и определенной ценностной системы²³⁰. Интересным также представляется мнение Т. Е. Нерсесовой, согласно которому ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом²³¹. Однако СМИ и сами принимают участие в формировании ценностей, причем эти процессы часто остаются бесконтрольными и малоизученными²³².

В условиях современной глобальной системы духовного производства возникают принципиально новые социальные цели, в большинстве случаев не связанные с какими бы то ни было нравственными нормами. Все это чревато появлением различных личностных притязаний, что, при невозможности их реализации в обществе, может привести к маргинализации целых социальных групп²³³.

Аксиология СМИ наряду с выражением эмоциональной активности духовной жизни человека заключается в распространении в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей. Понятие «ценностные ориентации» трактуется как ключевой компонент массового сознания; рефлексивно осознаваемое, относительно

²²⁹ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

²³⁰ Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб, 2006. – С. 39.

²³¹ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

²³² Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

²³³ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. Вып. № 2. 2011 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

устойчивое отражение в сознании личности или какой-либо общности людей ценностей, признаваемых ими в качестве важных, стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров²³⁴.

В отдельных государствах постсоветского пространства приоритет аксиологической функции СМИ предопределен формированием совершенно новой модели государственного развития, альтернативной по отношению к традиционной советской. Причем в сложившейся ситуации СМИ государств, втянутых в противостояние, по-разному организуют свою деятельность и выстраивают собственную иерархию функциональной нагрузки масс-медиа, исключая статичность функций конкретного СМИ и тем более информационной системы государства в целом. Именно этим предопределяется широкий спектр не столько научных исследований в области функционального анализа средств массовой информации, сколько мнений и позиций по исследуемой проблеме. Так, западная научная концепция рассматривает журналистику с позиции коммуникативной науки, ограничивая функциональный спектр функциями собственно масс-медиа. Отечественная школа, в меньшей степени сосредоточенная на коммуникационной составляющей журналистики, относит к числу функций средств массовой информации информационную, аналитическую, развлекательную, образовательную, мобилизационную, инновационную, контрольную, функцию социализации, функцию критики, функцию артикуляции и интеграции, функцию формирования общественного мнения²³⁵.

Необходимо отметить определенную неравнозначность приведенных выше функций в той части, что информационная, или информирующая, функция СМИ является не только базовой и первичной, но и интегральной для всех других функций, описываемых в научной литературе. Принимая за

²³⁴ Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2010. – С. 12.

²³⁵ Цит. по: Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний. – Доступно: www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

основу постулат о том, что любая информация обладает смыслами, становится очевидна, во-первых, производность аналитической, развлекательной, образовательной и других функций от информирующей (информационной) и, во-вторых, противоречивость попыток введения последней в одноранговый перечень функций СМИ. Таким образом, именно средства массовой информации как признанный социальный институт, придавая социальным явлениям и событиям определенные смысловые значения, акценты, однозначно воспринимаемые массовой аудиторией и адекватно рефлекслируемые культурным пространством личности, способны корректировать вектор общественного развития и способствовать его устойчивости, реализуя тем самым определенные функции СМИ, которые выступают в качестве своеобразных проекций первичной информационной.

Особого внимания заслуживают политико-идеологические факторы, предполагающие эффективную и достаточно чётко функционирующую систему социально-государственного управления, сопряжённую с наличием и включением в действие групп концептуальных идеологем – паттернов именно идеологического содержания, обладающих аксиологическими признаками, которые обуславливают общее состояние системы СМИ в определённый момент и либо способствуют её развитию, либо тормозят его²³⁶.

Идеологическая функция СМИ проявляется в их способности и возможностях создавать, распространять, мотивировать и в известной мере охранять социальные ценности государства и общества. Средства массовой информации играют существенную роль в формировании у личности, социальной группы определенных политических, правовых, нравственных и ценностных позиций.

Учитывая степень влияния учредителей на информационную политику СМИ, следует отметить особую роль государственных институтов, которые в

²³⁶ Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 19. – Вып. 4. – С. 189.

большинстве случаев являются основными акторами, определяющими в том числе и функциональную нагрузку средств массовой информации. В зависимости от политико-идеологических пристрастий учредителей отдельные СМИ пытаются воздействовать определенным образом на общественное сознание. Они концентрируют внимание только на положительных или только на отрицательных моментах в деятельности политических институтов, преувеличивают или преуменьшают различия между политическими программами, сводя порой их к абсурду, активно обсуждают личности политических деятелей, их публичные высказывания, частную жизнь и т. д.

Развитие общественно-политических процессов в государстве свидетельствует о доминировании идеологических контекстов массовой коммуникации и экстраполяции технологий укрепления идеологического стержня в обществе на другие функции СМИ. Так, в большинстве случаев культивирование ценностей явлений окружающего мира, человеческой жизни, ее целей и идеалов, объединенных в группу обособленных аксиологических социальных исследований²³⁷, в настоящее время осуществляется сквозь призму идеологических установок государства.

Анализ культурного контента современных СМИ, тесно связанного с социокультурным развитием общества, также свидетельствует об определенном противопоставлении аксиологической и идеологической функций СМИ. В большинстве случаев материалы культурной направленности используются электронными СМИ не столько для трансляции духовного наследия, сколько для скрытого внедрения в сознание людей определенных политических взглядов, установок, поведенческих мотивов.

В рамках более сложного подхода к функциональному анализу СМИ рассматриваются через совокупность их ролевых статусов, реализуемых в

²³⁷ См.: Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001. – С. 17.

различных сферах социума²³⁸. Так, анализируя политические функции средств массовой информации, исследователи указывают, что «этот институт одновременно включен в различные системы социальных отношений»²³⁹. В рамках этого подхода СМИ представлены в четырех ракурсах: как элемент системы представительства интересов граждан, элемент структуры управления обществом, компонент рыночной системы, часть системы просвещения общества, социализации граждан. Далее необходимо деление общественной жизни на сферы, в соответствии с которым определяются функции СМИ, например в политике: информирование, представительство интересов, групповая солидаризация, критика правительства и центров власти, передача социального опыта и социализация граждан, защита социально отстающих слоев населения, присвоение статуса социальным проблемам (фактически речь идет о функции формирования повестки дня), наконец, опережающая диагностика.

Социальное измерение средств массовой информации является возможным благодаря их включенности в общественные отношения, выполнению ряда социальных обязанностей в соответствии с предъявляемыми к ним запросами и ожиданиями, а также благодаря участию практически во всех областях социальной жизни.

В рамках другого подхода исследователи описывают функции журналистики и средств массовой информации на базе основного выделенного критерия либо нескольких критериев. Это позволяет упорядочивать функции, создавать системные ряды.

Представитель московской научной школы по проблеме функционирования средств массовой информации Е. П. Прохоров отмечает тенденцию расширения функционального пространства СМИ, что связано, прежде всего, с увеличением роли информации в жизни общества. Автор фиксирует зависимость функциональной направленности СМИ, с одной

²³⁸ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 80.

²³⁹ Политические коммуникации / Под. ред. А. И. Соловьева. – М., 2004. – С. 74.

стороны, от типа адресата, обслуживаемого средствами массовой информации, с другой стороны, от социальной позиции собственно сотрудников СМИ. С точки зрения Е. П. Прохорова, область сущностных целей журналистики «лежит в сфере информационного обслуживания массовой аудитории и социальных институтов»²⁴⁰.

Опираясь в некоторой степени на рассмотренную выше модель системы функций, Е. В. Ахмадулин предлагает свой подход к выделению функционального спектра СМИ. В отличие от Е. П. Прохорова представитель ростовской научной школы детерминирует функциональный «набор» сложной социальной системы СМИ социальной необходимостью и теми задачами, которые ставят перед массовым информационно-коммуникационным процессом его системоформирующие факторы. Так, к факторам, обуславливающим деятельность и функции СМИ, причисляются: социально-политическая организация общества, общественные интересы, а также культурно-образовательные, технико-технологические и экономические факторы²⁴¹.

С. Г. Корконосенко, анализируя некоторые противоречия, имеющие место в теоретических подходах к функционированию СМИ, предлагает развести понятия «функция журналистики» и «социальная роль прессы». «К функциям относятся социальные обязанности журналистики, повторяющиеся, типичные для нее способы проявления собственной сущности, к ролям же – ее присутствие в тех или иных областях жизни общества, влияние, которое она оказывает „внутри“ них. Функции – по большей части имманентно присущая прессе характеристика, тогда как роль она начинает играть, лишь оказавшись в системе определенных общественных отношений»²⁴².

²⁴⁰ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 59.

²⁴¹ Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. и доп. – М: Юрайт, 2016. – С. 238–265.

²⁴² Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992. – С. 35.

Ролевая характеристика журналистики, по мысли автора, строится в непосредственной зависимости от основных общественных сфер жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и духовно-идеологической социетальных систем. Так, в экономической сфере преобладает производственно-экономическая роль журналистики. В социальной сфере информационно-коммуникативная роль медиа связана с ключевыми для данной социетальной системы процессами социализации индивидов и групп. Как отмечает С. Г. Корконосенко, «именно в этом контексте следует выделять и подчеркивать информационную сущность журналистики. В иных социетальных системах она не имеет основополагающего значения (например, в экономике)»²⁴³.

Еще одной концепцией в рамках данного подхода, представляющей интерес для нашего исследования, является модель базовых функций СМИ, принадлежащая московскому исследователю в области социологии средств массовой информации И. Д. Фомичевой. Целенаправленно анализируя функции СМИ, автор основывается на представлении о видах человеческой деятельности, которые СМИ способны сопровождать. Речь идет о таких видах, как преобразовательная (включая социально-организационную), познавательная, ценностно-ориентационная и коммуникативная (общение). Как видим, И. Д. Фомичева предлагает выделять коммуникативную, информационную (информационно-познавательную), ценностно-регулирующую, социально-организационную (в психологическом аспекте включающую в себя функцию психического регулирования) функции средств массовой информации. Кроме того, опираясь на представления Г. Лассуелла о двустороннем режиме действия коммуникаций, И. Фомичева при наличии в качестве активного субъекта аудитории СМИ утверждает наличие еще одной функции – форума (шире – канала социального участия).

Полагаем, что сложность феномена СМИ в целом, подчеркиваемая многими исследователями, не позволяет ограничиваться каким-либо одним

²⁴³ Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992. – С. 36.

подходом. Кроме того, некоторые функции СМИ не ограничиваются единственной сферой (как, например, информационная), это приводит к необходимости дублировать их в каждой из областей социальной жизни либо неоправданно игнорировать.

Выделение конкретных функций СМИ в качестве приоритетных является довольно проблематичным и противоречивым, однако в целях обеспечения устойчивости и поступательности развития государства необходимо обозначить наиболее важные с точки зрения государства, общества и личности функции средств массовой информации.

Государственные институты, коммуницируя с обществом, как правило, посредством созданных ими же СМИ, в большей степени преследует цель сохранения доверия населения к своим действиям и предложенным властью программам развития государства. Однако в данной ситуации государство отчасти нарушает паритетность субъектов коммуникации, превращая аудиторию в слушателя, зрителя, читателя. Население, будучи вовлеченным в монологический поток информации со стороны государства, которое довольно часто использует технологии манипуляции массовым сознанием, в большинстве своем неспособно сформировать объективную картину действительности, поскольку лишено возможности получать равноценные по объему и интенсивности альтернативные точки зрения на происходящие в государстве события и явления.

На определенном этапе государственные СМИ действительно создают условия для консолидации общества, гарантируя его устойчивое развитие. Однако со временем идеологический пресс может вызвать сначала индифферентность, а потом отказ от информации и даже протестную реакцию массовой аудитории. Экономическая зависимость (дотируемость), низкие тиражи и рейтинги государственных СМИ в самоопределившихся республиках являются индикатором неэффективности их информационной политики. В то же время средства массовой информации, продолжая выполнять идеологическую функцию, санкционированную государством, не

способны оперативно корректировать собственную информационную политику в соответствии с запросами населения, усугубляя противоречие между информационными запросами аудитории и предложениями СМИ, но продолжая уже создавать иллюзию консолидированности общества в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом. В этой связи крайне необходимо средствам массовой информации совместно с другими социальными институтами постоянно осуществлять мониторинг состояния общественного сознания и эффективности реализуемой СМИ идеологической функции, т. е. определять степень соответствия функциональных проекций институциональных установок СМИ среди массовой аудитории.

Социальные институты вследствие их неоднородности и различной природы предопределяют заинтересованность в максимально полном представлении всех существующих мнений по общественно значимым проблемам, в некоторой степени конкурируя с государственными трактовками происходящих событий. Кроме того, социальные институты призваны сохранять и приумножать культурный потенциал, накопленный обществом, и транслировать его будущим поколениям, актуализируя тем самым аксиологическую функцию СМИ – выстраивание иерархии ценностей, системная трансформация которой предопределяет смещение духовно-нравственных и морально-этических характеристик социальной группы относительно общечеловеческой аксиологической системы.

Активность общественных институтов и присутствие их точек зрения, мнений в СМИ свидетельствует не столько о политической активности населения, сколько о деятельном статусе институтов и их способности и возможности влиять на общественно-политический процесс в государстве. В этой связи аналитическая функция СМИ выступает в качестве доминантной и определяющей эффективности их деятельности, в том числе и экономической. Анализ аналитических публикаций государственных СМИ, как правило, свидетельствует об их сотрудничестве с организациями,

лояльными к действующей власти и высказывающими соответствующие точки зрения по актуальным вопросам. В этой связи довольно проблематично участие оппозиционных сил в деятельности электронных СМИ, однако их присутствие на страницах печатных СМИ является своего рода индикатором их популярности, выражающимся в тиражах, которые увеличиваются в десятки раз в периоды политических баталий. Деятельный статус общественных институтов определяется также их способностью осуществлять собственное информационное вещание, предоставляя аудитории возможность получения объективной социально значимой информации.

Население, находясь в информационном пространстве государства, идентифицирует собственные информационные предпочтения в зависимости от психологического, социокультурного, материального состояния. Специфика современного информационного обмена ввиду высокой степени сетевой, межличностной коммуникации, наличия индивидуальных средств общения заключается в том, что получение информации не всегда сопряжено с тем или иным СМИ. В то же время проверка полученных данных, их осмысление и формирование отношения к ним возможно только при условии активного использования средства массовой информации. В сложившейся ситуации аудитория, будучи чувствительной к любому проявлению манипулирования или давления, по-прежнему рассматривает СМИ вне зависимости от собственных информационных предпочтений как источник получения проверенной достоверной информации, отсутствие которой провоцирует распространение слухов, мифов, а в кризисном обществе – страха и паники. В данном случае гносеологическая функция СМИ, заключающаяся в просветительской, когнитивной деятельности, является актуальной и определяющей эффективность функционирования СМИ. Однако средства массовой информации в целях диагностики состояния массового сознания и адекватного реагирования на происходящие события заинтересованы в отслеживании динамики психологического,

социокультурного, материального статусов, игнорирование которых государственными и общественными институтами в процессе массовой коммуникации может привести к отсутствию коммуникации как таковой и потере взаимопонимания между массовой аудиторией и элитой.

Анализ существующих точек зрения по проблеме функционального анализа СМИ позволяет сделать вывод, что все функции направлены на оптимальное соответствие запросам аудитории. Однако выявленная гетерогенность по отношению к функциональным приоритетам в системе «население–общество–государство» предопределила необходимость создания методики диагностики напряженности или устойчивости культурно-информационного пространства, в которой будут отражены причинно-следственная связь и природа большинства внутривнутриполитических кризисов, негативно влияющих на развитие общества. Идея предлагаемого нами подхода заключается в мониторинге настроений не только массовой аудитории, но и представителей элитарных слоев, причем последние должны обладать сведениями об общественных настроениях, определяя тем самым степень близости, открытости и диалогичности государственных институтов по отношению к населению.

Как было отмечено, устойчивость культурно-информационного пространства находится в прямой зависимости от условий резонирования культурно, а не идеологически обусловленной информации в информационном пространстве государства, что обуславливает высокую степень важности информационных институтов в процессе диагностики и корректировки общественных процессов. Исходя из функционального набора, предложенного А. С. Савицкой, в качестве примера социологической функции СМИ предлагаем методику определения состояния культурно-информационного пространства посредством создания матрицы, которая отражает ее встроенность в ключевые социальные структуры и предполагает взаимодействие с другими социальными институтами в рамках общего участия в социальном управлении. Система факторов, включенных в

матрицу и влияющих на стабильность и устойчивость культурно-информационного пространства современного государства будет отражена в третьей главе. Отметим, что строки формируемой матрицы представлены соответствующими характеристиками аудитории, а столбцы – элиты.

Таким образом, диагностика идеологического, деятельного, социокультурного, психологического, материального и демографического факторов и статусов в системе «элита – массовая аудитория» возможна при условии построения и постоянного обновления матрицы культурно-информационного пространства, в которой отражены не только реальные характеристики массовой аудитории по указанным выше параметрам и критериям, выраженные в функциональных блоках, но и данные представителей государственных и общественных институтов об аудитории, приведенные в институциональных блоках. Кроме того, в целях более детализированного анализа состояния культурно-информационного пространства в данной матрице могут учитываться социально-демографические характеристики массовой аудитории. Согласованность соответствующих ячеек матрицы гарантирует нормальный процесс взаимодействия власти и общества, является показателем устойчивости общественно-политического развития или напряженности культурно-информационного пространства государства.

Выводы по II главе

1. Культурно-информационное пространство некоторой социальной общности – это совокупность функционирующих в ее информационной среде ценностей, норм, традиций, элементов культурно-исторического наследия, обеспечивающих воспроизводство культурного генотипа, ментальности и идентичности данной общности. В данной работе культурно-информационное пространство представлено в качестве категории

социокультурного развития общества, включающей институциональные образования социальной и государственной природы, а также массовую аудиторию, вовлеченную в сферу влияния конкретной системы. При этом доминирующую роль в эффективном развитии культурно-информационного пространства играет процесс взаимодействия его субъектов, т. е. проецирование установок государственными и общественными институтами, в том числе посредством системы СМИ, и их адекватное воспроизведение массовой аудиторией.

2. Институциональная составляющая современного государства, выступающая доминантой его организации, характеризуется вариативностью функциональной нагрузки общественных и государственных институтов в процессе реализации ими естественных прав и потребностей субъектов различного уровня. В данном случае очевидно преобладание профильных интересов, решение профессиональных проблем каждым конкретным актором государственного управления и общественного развития.

В условиях кризисного состояния социума государств с отложенным внешнеполитическим статусом такая модель развития трансформируется и определяет функциональную составляющую в качестве доминанты государственной организации. В данной ситуации в таких государствах единая функциональная нагрузка институциональных субъектов всех уровней, выражающаяся в отстаивании объединяющих общегосударственных идей, призвана консолидировать общество и противостоять какой-либо угрозе государству.

3. В государствах с отложенным внешнеполитическим статусом поддержание эмоционального фона в культурно-информационном пространстве способствует формированию своеобразного иммунитета у массовой аудитории к общественно-политическим событиям, что делает население, с одной стороны, более устойчивым и терпимым к текущим проблемам, формируя четкие стереотипы в системе «свой–чужой» и модифицируя иерархию культурных маркеров и социальных идентичностей

современной личности, а с другой – инертным и управляемым, поскольку апеллирование к внешнеполитической ситуации исключает адекватную оценку происходящих событий.

4. Устойчивость государственного развития и соответственно культурно-информационного пространства во многом определяется степенью приверженности базовой национальной модели развития, которая основана на традиционном для общества ценностном и идеологическом фундаменте, культивируемой государственной образовательной и информационной политикой. Попытки резкого изменения аксиологических основ общества путем насаждения альтернативной системы ценностей, предпринятые в конце 90-х годов прошлого столетия политическими и культурными элитами бывших союзных республик, привели к расколу в обществе, а усилия СМИ спровоцировали политические конфликты, кризисность массового сознания, повлекшие трансформацию культурно-информационного пространства республик вплоть до его дробления и появления новых государственных образований.

5. В процессе своего развития политические системы государств с отложенным внешнеполитическим статусом, сталкиваясь с проблемами информационной изоляции и коммуникативного вакуума, будучи обремененными историческими традициями предшествующих политических режимов и характеризующиеся повышенной реактивностью государственной машины к процессу модернизации культурно-информационного пространства, акцентируя внимание на технических и технологических основах информационной безопасности, могут оказаться бессильными перед проблемами дисбаланса в обществе, проявляющегося в разобщенности населения, политической и управленческой элиты.

6. В современном мире большинство возникающих конфликтов являются следствием информационного воздействия определенных политических и экономических акторов. Подобно военной интервенции, высказывания представителей элитарных слоев общества, многократно

усиленные и растиражированные СМИ, вызывают протестную реакцию отдельных государств или их регионов. Концепция современных информационных институтов, как правило, базируется на идее равных возможностей «быть услышанными», однако на практике стороны конфликта находятся в неравных условиях и не могут на паритетных условиях предоставлять достоверную информацию мировой общественности. Как следствие, сторона, находящаяся в информационной блокаде, вынуждена изменять вектор воздействия собственных информационных институтов в сторону внутреннего информационного рынка, гипертрофируя внешнеполитическую проблему и скатываясь к пропагандистской деятельности. В то же время другая сторона конфликта, имеющая определенные преференции и доступ к глобальному информационному пространству и мировому потребителю информации, перестает быть им востребованной ввиду отсутствия реальной динамики в развитии конфликтной ситуации и потери интереса к ней.

7. Кризисность и, как следствие, мобилизация массового сознания в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом повлияла на алгоритм восприятия информационных потоков СМИ аудиторией: с одной стороны, эмоциональная составляющая доминирует над рациональной, и вследствие этого большая часть информации считается населением истинной не благодаря высокой степени доверия местной власти, но вопреки информационным усилиям оппонентов, при этом нет необходимости в особых доказательствах объективности собственной позиции. С другой стороны, со временем степень мобилизованности и кризисности сознания снижается, но ставшая традиционной журналистская практика провоцирует эйфорию у СМИ о высокой степени собственной авторитетности, и усиленное обсуждение ими отдельных политических вопросов может привести к их выпадению из ранга актуальных для массовой аудитории и сформировать своеобразный иммунитет у населения к политической ситуации. В результате культурное сообщество становится более

подготовленным к возможным провокациям со стороны как местных СМИ, так и оппозиционных, что в перспективе приведет к затуханию эмоциональности и постепенному формированию рационального восприятия информационных потоков. При подобном сценарии средства массовой информации могут оказаться в ситуации, когда население будет не только эмоционально равнодушным к информационному продукту, тиражируемому такими СМИ, но и критично настроенным вследствие их несостоятельности.

8. Диагностика институциональных факторов и функциональных статусов в системе «элита – массовая аудитория» возможна при условии построения и постоянного обновления матрицы культурно-информационного пространства, в которой отражены не только реальные характеристики массовой аудитории по определенным параметрам и критериям, выраженные в функциональных блоках, но и представления государственных и общественных институтов об аудитории, приведенные в институциональных блоках. Кроме того, в целях более детализированного анализа состояния культурно-информационного пространства в данной матрице должны учитываться социально-демографические характеристики массовой аудитории. Согласованность соответствующих ячеек матрицы гарантирует нормальный процесс взаимодействия власти и общества, является показателем устойчивости общественно-политического развития или напряженности культурно-информационного пространства государства.

Глава 3

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ДИАХРОНИИ К СИНХРОНИИ

3. 1. Возникновение и развитие приднестровской государственности

Средства массовой информации на каждом историческом этапе развития общества и государства отражают актуальные для своего времени социокультурные процессы, причем их деятельность может выступать как катализатором, так и ингибитором этих процессов. Специфика постсоветского информационного пространства до последнего времени заключалась пусть и в инерционном, но все же доминировании советской теории медиа, согласно которой государственные или санкционированные государством информационные институты определяют информационную политику. По мере изучения их роли от диахронии к синхронии «повышается вероятность выявления универсальной модели функционирования СМИ, согласно которой аудитория должна быть максимально вовлечена в сферу их влияния, а, соответственно, в большей степени контролируема государством. Необходимо также отметить, что социально-политическая трансформация последней четверти века повлекла за собой изменение функционального диапазона средств массовой информации, а интенсивное развитие сетевых технологий кардинально изменило традиционные коммуникативные стратегии и тактики взаимодействия СМИ и аудитории, что, безусловно, требует научного анализа и осмысления. Именно кризис общественного сознания, противоречивость политической системы и политического процесса, негативные экономические тенденции и непредсказуемая социокультурная динамика, которые в значительной мере проявились в

приднестровском регионе, не только сыграли основную роль в резком повышении востребованности СМИ в исторической ретроспективе, но и предопределили актуальность изучения и вовлечения в орбиту современной гуманитарной науки системы средств массовой информации рубежа тысячелетий»²⁴⁴.

Судьба и история любого государства, пути его создания и развития, эволюция системы власти определяются, как известно, совокупностью разнообразных факторов внутреннего и внешнего характера. История создания легитимной системы государственной власти в Приднестровской Молдавской Республике берет свое начало со II Съезда депутатов всех уровней Приднестровья, состоявшегося 2 сентября 1990 г. Именно эта дата является точкой отчета формирования не только собственной государственности, но и всей системы жизнеобеспечения государства, включая информационную сферу.

Исторический анализ событий конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия «позволяет по-новому взглянуть на причины их возникновения и определить потенциальные угрозы, которые могут ожидать нас в перспективе, если мы не усвоим уроки прошлого. Развал некогда единого государства не только повлек за собой парад суверенитетов и образование новых государств, но и изменил исторический уклад как всей системы мироустройства, так и системы ценностей отдельной личности. Столкновение идеологий и, шире, цивилизаций в странах нового зарубежья вынудило жителей отдельных регионов встать на защиту своих интересов, вековых традиций и права на жизнь, своей культуры и языка. Огромную роль помимо исторических, политических, экономических и культурных факторов играли зарождающиеся информационные институты нового типа, отличного от советской теории прессы. Именно средства массовой информации на рубеже последних десятилетий XX века трансформировали и противопоставили

²⁴⁴ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75.

идеологические позиции «титульного» и «нетитульного» населения. Стремительная динамика роста количества периодических изданий и электронных СМИ, а также появление их качественно новой информационной парадигмы в неординарных условиях Приднестровья позволили медиасистеме республики одновременно выполнять функции инструмента борьбы, идеологического противостояния с метрополией и консолидации общества в контексте собственного государственного строительства»²⁴⁵.

Изучение средств массовой информации Приднестровья и Молдовы конца XX – начала XXI в., а также анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволили выдвинуть гипотезу о том, что именно информационная сфера в отличие от политической, экономической, культурной была и остается единственным каналом коммуникации сторон, вовлеченных в молдово-приднестровский конфликт, перманентность которого в определенной степени перевела его из «острого» в «хронический».

Анализируя истоки конфликта на Днестре, П. М. Шорников, наиболее точно трактует его природу: покушение на национальное равноправие, лишение молдавской нации культурного суверенитета и национальной идентичности²⁴⁶.

В отличие от всех независимых постсоветских государств лингвистическое законодательство Молдовы не только раскололо полиэтничное население в разрезе «титульное»–«нетитульное», но и разрушило единство самого «титульного» этноса²⁴⁷, поскольку националистическая пропаганда румынистов основывалась на идее, что только тот, кто считает себя румыном, является настоящим патриотом и

²⁴⁵ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75.

²⁴⁶ Шорников П. М. Молдавская самобытность: Монография. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. – С. 315.

²⁴⁷ Погорелая Е. А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы последнего десятилетия XX века. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С. 207–208.

лояльным гражданином. Прочие молдаване объявлялись носителями «примитивного молдовенизма», не помнящими родства²⁴⁸. Градус противостояния повышался не только из-за прямого или косвенного ущемления политических, социально-экономических и культурно-языковых прав «нетитульного» населения, не владеющего государственным языком, но и вследствие сокращения теле- и радиовещания на русском языке²⁴⁹. Более того, часть новых молдавских интеллектуалов не устояла перед искушением объяснить все проблемы прошлого и настоящего интригами «чужаков» – славян, евреев и других²⁵⁰, которые якобы способствовали уничтожению молдавского языка и древних традиций молдавской культуры²⁵¹.

В официальной печати РМ 90-х гг. XX в. резкой критике подвергалась идея исторической общности молдавского и русского народов. Зато история молдаван стала активно соотноситься с историей древних римлян и европейской цивилизацией²⁵². Параллельно некоторыми историками РМ через государственные СМИ республики активно распространялось еще одно важное политическое утверждение, суть которого сводилась к тому, что реально из-за негативной роли славян существует исторически сложившийся, но «трагическим образом разделенный» народ – румыны²⁵³.

Часть молдавской этноэлиты, препятствуя расколу общества, выступила против введения дискриминационного языкового режима. Идеи национального равноправия активно пропагандировали лингвист

²⁴⁸ Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. № 1. – С. 98.

²⁴⁹ Белоусов В. Н. Социолингвистические аспекты диалога национальных культур / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 72.

²⁵⁰ Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 373.

²⁵¹ Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. № 1. – С. 96.

²⁵² Журавлев В. Е. Легитимация приднестровского государства: структурно-функциональный подход. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2005. – С. 68.

²⁵³ Мариан Б. Призрак бродит по Молдове // Независимая Молдова. 1989. 7 сентября; Ченуша В. Следовать воле народа // Независимая Молдова. 1989. 12 сентября.

И. Д. Чобану, а также редактор журнала «Лимба молдовеняскэ» В. Б. Сеник, литератор В. Н. Стати, другие ученые-молдаване²⁵⁴. Академик А. М. Лазарев в статье «Я – молдаванин» осудил тех, кто готовит Молдавии участь румынской провинции. Его призыв сохранить национальное достоинство: «Не смей позориться, встать!»²⁵⁵, обращенный к интеллигенции, готовой подчиниться диктату румынистов, стал фактором мощной активизации молдавского сознания.

Возрождению приднестровской государственности активно способствовали сторонники молдавской самобытности, рассчитывающие создать восточнее Днестра базу сопротивления румынизму. Уроженец левобережья видный российский историк В. Я. Гросул дал историческое, а В. Н. Яковлев – правовое обоснование восстановления молдавской автономии на левом берегу Днестра²⁵⁶. Несмотря на противостояние молдавских патриотов, парламент республики Молдова однозначно высказался за возвращение к государственности образца 1940 г., т. е. за создание унитарного государства.

Ситуацию осложняла позиция Христианско-демократического фронта Молдавии (ранее – «Народный фронт» Молдавии), который на своем III Съезде в феврале 1992 г. настаивал на передаче Румынии не только районов Бессарабии и Буковины, но и левобережья Днестра, которое никогда не

²⁵⁴ Бабилунга Н. В. История – не игра в кубики // Советская Молдавия. – 1988. – 9 декабря; Гросул В. Я. Еще раз об истории, или плюрализм по-кишиневски // Советская Молдавия. – 1989. – 27 июля; Гросул В. Я. История с историей // Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня; Гросул В. Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык» // Ленинское знамя (Рыбница). – 1990. – 18, 20, 22 сентября; Гросул В. Я., Стати В. Н. Латиница: вымысел и правда // Рыбницкий металлург. – 1989. – 30 июня; Корлэтяну Н. Этапы развития молдавского языка // Советская Молдавия. – 1988. – 9 января; Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе база де дате лингвистиче. – Кишинэу, 1988; Сеник В. Кувынтул ши даторииле ноастре. – Кишинэу, 1988; Стати В. Лимба молдовеняска ши рэувоиторий ей. – Кишинэу, 1988; Чобану И. Д. Родной язык в моей судьбе. – Тирасполь, 1993; Чобану И. Д. Слово о судьбе родного языка // Народное образование. – 1988. – 5 ноября и др.

²⁵⁵ Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.

²⁵⁶ Гросул В. Я. Автономия Приднестровья: историческое обоснование // Трудовой Тирасполь. – 1989. – 16 декабря; Гросул В. Я. Приднестровская автономия: историческое обоснование // Единство. – 1989. – 1 декабря; Яковлев В. Н. Тернистый путь к справедливости // Рыбницкий металлург. – 1990. – 6 марта; Яковлев В. Н. Настал ли «золотой час» права? // Днестровская правда. – 1990. – 17 августа; Яковлев В. Н. Приднестровская МССР: не миф, а реальное суверенное государство // Днестровская правда. – 1991. – 28 октября.

входило в состав Румынии и до того не включалось в планы ни молдавских, ни румынских унионистов.

Запад в целом с пониманием отнесся к национальной политике Молдовы. В подавляющем большинстве западные средства массовой информации не сочувствовали положению русскоязычного населения, не по своей воле оказавшегося в строящихся молодых национальных государствах, которые устремили свои взоры на Запад и стали удаляться от России. Так, русских в Молдове некоторые западные журналисты называли «порождением старого строя»²⁵⁷.

Вопрос разрешения молдово-приднестровского конфликта с самого начала его открытой вооруженной фазы получил особый резонанс и в российском информационном пространстве, поскольку Приднестровье находится в приоритете национальных интересов России в ближнем зарубежье²⁵⁸.

В работе европейских исследователей «The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism»²⁵⁹ в отличие от представителей науки РМ²⁶⁰, которые природу молдово-приднестровского конфликта связывают исключительно с Россией и ее поддержкой приднестровского сепаратизма, обоснованно показано, что молдово-приднестровский конфликт стал результатом столкновения российского геополитического интереса с румынским.

²⁵⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1991. – 30 august; 19 oktober.

²⁵⁸ Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики (1992–2009 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2010.

²⁵⁹ Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism // Europe – Asia Studies. – 1993. – № 6. – Vol. 45. – P. 973–1000.

²⁶⁰ Мошняга В. Г. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. Кишинев: МолдГУ, 1992; Мошняга В. Г. Приднестровский конфликт в Республике Молдова причины, состояния и пути разрешения / Демократизация общества в гендерной перспективе: Сб. научных трудов / Ред. Младина В. Кишинев: Гендер-Центр МолдГУ, 2002. С. 8–19; Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова / Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: Материалы международной научно-практической конференции / Сост. Мошняга В. Г. Кишинев: Фонд Фридриха Эберта, 2002. С. 102–129; Ковальски С. В., Букучь А. С. Международное гуманитарное право и приднестровский конфликт // SCIENCE TIME. 12 (24): 2015. – С. 379.

В рамках научной дискуссии высказываются достаточно спорные мнения, согласно которым Россия вмешалась в приднестровский конфликт на стороне Тирасполя по причине формирования националистической платформы²⁶¹, авторитарного режима с военизированным компонентом²⁶², утвердившего взаимосвязь российской внутренней политики и приднестровских событий.

С самого начала политического противостояния очевидным было лоббирование геополитического интереса сторон, которое продолжается и в настоящее время путем коррумпирувания политической инфраструктуры: финансированием различных партий, изданий; нагнетанием информационного пространства²⁶³. Так, в начале 90-х гг. XX в. в ряде территориальных единиц Приднестровья, в частности в Дубоссарах, в информационном отношении сложилась ситуация двоевластия, когда, к примеру, городская газета выступала с позиций Приднестровья, тогда как районная поддерживала центральные власти Республики Молдова. В Бендерах городская газета заняла центристскую позицию и старалась избегать крайних оценок, но это дало повод создать альтернативное городское издание «Новое время». Особенно отчетливо информационное противостояние внутри Приднестровья проявилось уже к осени 1990 г. и продолжилось практически до вооруженной фазы конфликта.

Тем не менее, противоречивость информационного пространства в регионе не смогла дезинтегрировать и разобщить приднестровское население, напротив, она активизировала его патриотические чувства. Тем самым подтвердилась интернациональная природа исторически сложившихся в республике взаимоотношений между представителями различных этнокультурных групп.

²⁶¹ Kaufman S., Bowers S. Transnational dimensions of the Transnistrian conflict // Nationalities Papers. – 1998. – № 26(1). – P. 129-146.

²⁶² Гузенкова Т. С. Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 350.

²⁶³ Бондаренко В. И. Информационное обеспечение внешней политики Республики Молдова в транзитивный период: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб, 2004. – 254 с.

Результаты социологического исследований по актуальным аспектам становления приднестровской государственности и приднестровского регионализма, которые начиная с 1993 г., проводились в рамках деятельности кафедры социологии, Центра социально-политических исследований «Перспектива» ПГУ им. Т. Г. Шевченко и Независимого центра аналитических исследований «Новый Век» подтверждают мысль о том, что в генезисе молдово-приднестровского конфликта именно СМИ активно способствовали формированию идеологических стереотипов на обоих берегах Днестра.

Отсутствие в начале 90-х гг. в Приднестровье собственной информационной базы, «способной противостоять распространению негативной информации, касающейся конфликтных событий, обусловило в период 1989–1992 гг. информационный вакуум, в котором находилась молодая республика. Недостаток объективной информации мог усилить дезориентацию приднестровского социума, лишить твердой уверенности в правильности политического выбора. Именно во время массовых забастовок начинает свою историю приднестровская периодика, которая издается в большинстве случаев на средства трудовых коллективов республиканских предприятий. Так, еще в августе 1989 г. стали выходить в свет газеты «Трудовой Тирасполь» (орган Объединенного совета трудовых коллективов) и «Известия рабочего комитета» (орган Рабочего комитета Бендер), целью которых стала защита русского языка в Молдове и борьба за придание ему статуса второго государственного языка. Это были многотиражные издания, в основном в формате А3, объемом 1 печатный лист. Отдельного внимания заслуживает еженедельник «Днестровский меридиан», который в отличие от других являлся «толстухой», первым аналитическим изданием, вышедшим в свет от имени Верховного Совета ПМР»²⁶⁴.

²⁶⁴ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 78.

Несмотря на противоречивость информационного контента внутри Приднестровья в первые годы государственности, политические настроения в обществе оставались незыблемыми. Так, результаты исследования, проведенного кафедрой социологии в 1993 г., свидетельствуют о том, что большинство населения ПМР (98,62 % опрошенных) поддерживало идею суверенного независимого государственного образования в разных формах ее возможной реализации²⁶⁵.

Согласно данным социологического опроса, проведенного в конце 1997 г. тираспольским центром «Стратегия», за укрепление государственного статуса ПМР высказались 82 % опрошенных, против – 8 %, затруднились ответить – 10 %. В то же время участие ПМР в интеграционных процессах стран СНГ поддерживали 91 % граждан: ориентированных на сближение Приднестровского государства с Россией – 66 %, с Украиной – 17 %, с Молдовой – 10 %; затруднились ответить 7 % респондентов²⁶⁶.

Трудности экономического и политического характера сформировали общественное мнение о том, что интеграционные процессы со странами бывшего Союза приведут к улучшению ситуации в республике. Изменения политической ситуации на постсоветском пространстве сказываются на предпочтениях приднестровцев относительно внешнеполитического развития ПМР. Именно этим фактором объясняется тенденция к увеличению в 2003–2004 гг. количества респондентов, связывающих будущее республики с Украиной. Традиции, единство исторических судеб Приднестровья, России и Украины на протяжении более двухсот лет, а также роль российских миротворческих сил в разрешении конфликта с Молдовой и значение экономических связей Приднестровья со славянскими странами бывшего

²⁶⁵ Изучение общественного мнения как фактор принятия обоснованных решений и повышения ответственности трудящихся за судьбу республики: вопросы приватизации и статуса ПМР / Отчет социологического исследования. – Тирасполь: ПГКУ, 1993.

²⁶⁶ Бабилунга Н. В. Тайна Приднестровского феномена / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 63.

Союза обуславливают стабильную восточную ориентацию государственного курса Приднестровья.

Можно сделать вывод, что аксиологическая система приднестровцев, складывающаяся на протяжении многовековой истории и давно утвердившаяся в лучших традициях российской ментальности, испытывая в первые десятилетия Приднестровской государственности многократно усиленное негативное воздействие со стороны политических оппонентов, позволила не только укрепить уверенность народа в правильности выбранного пути, но и сохранить пророссийские настроения в обществе. Данный вывод подтверждается результатами исследования, проведенного в августе–сентябре 2004 г., согласно которым отождествляли себя с самостоятельным государственным образованием 55,9 % приднестровцев, 47,6 % из них считали, что их отечество – Российская Федерация, 44,4 % – Украина, и всего 8 % – Республика Молдова²⁶⁷.

Проведенный контент-анализ приднестровских печатных СМИ за период 1991–2005 гг., «когда активно формировалась региональная идентичность приднестровцев, подтверждает консолидирующую роль региональных медиаструктур. Объектами исследования стали республиканские газеты «Приднестровье», «Профсоюзные вести», «Днестровская правда» за 1991–2005 гг. Периодизация исследования на три этапа: 1991–1996 гг., 1997–2001 гг. и 2002–2005 гг. была обусловлена тем, что именно в это время в республике проходили выборы в Верховный Совет ПМР и формировались органы исполнительной власти. В ходе эксперимента нами выделялись четыре группы публикуемых материалов: внешняя политика; внутренняя политика; экономика; духовная жизнь»²⁶⁸.

К первой группе были отнесены материалы, освещавшие молдово-приднестровские отношения, переговорный процесс по урегулированию

²⁶⁷ Механизм и принципы организации государственной власти в условиях системной трансформации // Ежегодный отчет Центра социально-политических исследований «Перспектива», 2004.

²⁶⁸ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 77.

конфликта, а также представлявшие мнения российских и украинских политиков о приднестровской государственности.

Во вторую группу вошли материалы, касающиеся предвыборных кампаний, законодательные акты, указы, информация пресс-служб Президента и Верховного Совета ПМР.

Третью группу составили публикации достижений промышленных предприятий республики, экономических инноваций, а также концепций развития отдельных отраслей народного хозяйства.

Материалы четвертой группы представляли не только культурную жизнь Приднестровья, но и исторические факты, свидетельствующие о событиях, происходивших в периоды вооруженного конфликта 1992 года и второй мировой войны. При этом военная тематика была преобладающей и несла в себе внешнеполитический акцент молдово-приднестровской проблемы.

Результаты контент-анализа публикаций приднестровских газет позволили нам определить специфику функционирования СМИ во время вооруженного конфликта и в постконфликтный период (1991–1996 гг.). Так, полученные данные свидетельствуют о том, что на протяжении первых пяти лет в периодике Приднестровья наблюдалось повышенное внимание к внешнеполитической тематике: и объем материалов этой направленности составил в 1992 г. 35 % от всех опубликованных в СМИ. Материалы того периода, относящиеся к духовной сфере, практически полностью были посвящены трагедии молдово-приднестровского конфликта²⁶⁹. Необходимо констатировать, что своего апогея внешнеполитический блок достиг лишь в 1993 г., составив 59 % от всех опубликованных материалов.

Результаты исследования второго периода (1997–2001 гг.) дают возможность определить специфику функционирования СМИ Приднестровья в условиях реструктуризации государственного управления. Так, в этот

²⁶⁹ Пал смертью храбрых // Днестровская правда. – 1992. – 26 сентября; Он не дожил до 22 // Днестровская правда. – 1992. – 24 ноября; Боль матери // Днестровская правда. – 1993. – 26 января; О чем шумят тополя // Днестровская правда. – 1993. – 18 июня и др.

период сохранялось повышенное внимание к материалам внешнеполитического характера, что обусловлено выборами президентов Республики Молдова (начало 2001 г.) и Приднестровской Молдавской Республики (конец 2001 г.)²⁷⁰. Кроме того, на увеличение материалов внешнеполитической направленности повлияли экономическая и таможенная блокады, которые также активно обсуждались на страницах приднестровских газет²⁷¹. Объяснение экономических проблем политическим противостоянием обусловило снижение доли публикаций экономической тематики до 4 % в 2000 году от общего объема по сравнению с 1998 г. (21 %). Формирование нового государственного аппарата и реформа исполнительной власти привели к подъему экономической жизни общества. Так, уже к 2001 г. экономике отводилось уже почти 15 % газетных полос.

Наряду с высокой востребованностью внешнеполитического блока материалов СМИ, начиная с 1997 г. более чем в три раза увеличился процент материалов внутриполитического характера: с 17 % в 1997 г. до 52 % в 2000 г. В этот период велась усиленная подготовка к выборам в Верховный Совет и местные органы управления, формировались органы государственной власти, т. е. на данном этапе СМИ выполняли стабилизирующую роль в обществе, способствовали укреплению внутренних социальных институтов, в том числе и органов государственной власти.

Результаты исследования третьего периода (2002–2005 гг.) дают возможность определить специфику функционирования СМИ Приднестровья на этапе относительной стабильности во внутренней политической жизни государства, но в условиях достаточно нестабильной ситуации в сопредельных странах. Необходимо отметить, что внешнеполитический блок

²⁷⁰ Горячее лето 2001-го... // Приднестровье. – 2001. – 22 июня; И румынские «пять копеек»... // Приднестровье. – 2001. – 15 декабря); Смирнов–Воронин: первый диалог // Приднестровье. – 2001. – 11 апреля; Штормовое предупреждение: СИБ Молдовы реализует план полномасштабных идеологических диверсий против ПМР // Приднестровье. – 2001. – 6 декабря.

²⁷¹ ВС ПМР: первые шаги противодействия // Приднестровье. – 2001. – 7 сентября; Гарант принимает меры // Приднестровье. – 2001. – 17 ноября; Митинги протеста // Днестровская правда. – 2001. – 30 октября; Протокол протоколом запротоколирован // Профсоюзные вести. – 2001. – 22 ноября.

опубликованных материалов является по-прежнему бесспорным лидером по объему публикаций (32 % в 2003 г.). Основными причинами повышенного интереса к материалам данной тематики можно назвать обсуждение проблемы федерализации и интеграции с РМ, а также подготовку к выборам в Государственную Думу РФ²⁷². Еще одной причиной увеличения объема материалов, касающихся внешней политики, стала «телефонная война» между РМ и ПМР, суть которой заключалась во взаимном блокировании сотовой связи во второй половине 2003 г.²⁷³.

Внутриполитическим проблемам в 2002 г. отводилось 27 %, тогда как в 2003 г. всего 8 %, но уже в 2004 г. эта цифра составила 24 %. Достаточно высокий процент материалов внутриполитического характера объясняется реформой исполнительной власти, начатой в 2001 г.

Объем материалов экономической тематики также варьировался от 5 % в 2002 и 2004 гг. до 13 % в 2003 г. Такой скачок обусловлен тем, что экономическая блокада со стороны РМ в 2003 г. была нивелирована действиями стран-гарантов, в частности Украины и России, благодаря которым предприятия Приднестровья смогли экспортировать продукцию за пределы республики.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод об очевидном предпочтении печатных СМИ Приднестровья духовной стороны жизнедеятельности общества, так как объем материалов этой направленности на протяжении первых пятнадцати лет существования ПМР занимает почти 50 % всех печатных полос местных газет. Это подтверждает высказанную исследователем Н. А. Победа мысль о формировании в обществе

²⁷² Без чувства своей страны нет настоящего характера // Приднестровье. – 2003. – 22 декабря; В единой России – залог нашей общей победы // Приднестровье. – 2003. – 3 декабря; Дмитрий Козак: «За гранью добра и зла» // Днестровская правда. – 2003. – 27 ноября; О базовых принципах конституционного и государственного устройства федеративного государства // Приднестровье. – 2003. – 27 сентября; Россияне выбирают жизнь // Днестровская правда. – 2003. – 29 ноября; Получит ли процесс жизненную силу // Приднестровье. – 2003. – 21 мая; Федерализация: пристальный взгляд экспертов // Приднестровье. – 2003. – 23 апреля и др.

²⁷³ Агония режима Воронина // Приднестровье. – 2003. – 23 октября; Будет ли телефонная связь между Молдовой и Приднестровьем? // Приднестровье. – 2003. – 9 июля; Право на защиту // Приднестровье. – 2003. – 24 сентября; Провокация четвертой степени // Приднестровье. – 2003. – 19 ноября.

приднестровской идентичности благодаря такой системе предпочтений СМИ²⁷⁴.

Что касается выявленной периодичности в тиражной политике изданий общественно-политического характера, то она равна пяти годам и обусловлена избирательными кампаниями. Однако, несмотря на тенденцию к увеличению тиражей изданий общеполитической направленности в преддверии выборных кампаний 2005 г. в Приднестровье, их суммарный объем составил примерно 3 млн экз., что более чем на полмиллиона экземпляров меньше уровня 2000 г. Такая ситуация обусловлена тем, что большинство приднестровцев к этому времени уже активно использовали республиканские электронные средства массовой информации (73,5 % – ТВ, 45 % – радио), в то время как печатными СМИ пользовались лишь 20 % населения.

Реорганизация отрасли, упорядочившая и во многом упростившая создание новых печатных органов, обусловила значительное увеличение количества печатных средств массовой информации Приднестровья начиная с 2002 г. Так, если в 2000 г. в республике функционировали 36 газетных и 8 журнальных изданий, то к 2005 г. выходили в свет 70 и 30 соответственно. Децентрализация информационных потоков и расширение спектра СМИ на фоне избыточной их политизированности не только в определенной степени нивелировали ажиотаж в информационном пространстве Приднестровья, но и инициировали в последующие годы дивергентные процессы в моделировании социальной действительности аудиторией и СМИ республики.

Отметим, что деятельность печатных СМИ Приднестровья осуществляется в условиях политической неопределенности, информационной и экономической блокады и практически не поддается систематизации, но тем не менее СМИ республики не только достаточно

²⁷⁴ Победа Н. А. Социальная идентичность как инструмент диагностики социальной напряженности в обществах переходного периода // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. – Тирасполь, 2002. – С. 169–176.

эффективно отражают социальную действительность, оперативно реагируя на изменение ситуации в приднестровском регионе и вокруг него, но и формируют общественное мнение благодаря различным информационным каналам, моделируя тем самым социальную действительность, повышая согласованность деятельности социальных субъектов приднестровского сообщества.

Процесс государственного строительства неразрывно связан с политической турбулентностью, трансформацией традиционной системы ценностей личности и, как следствие, кризисностью массового сознания. В этих условиях формирование и укрепление государственности возможно при условии такого информационного воздействия, которое способствовало бы утверждению в массовом сознании новых идеологических установок и стереотипов в рамках определенной национальной идеи. Необходимо отметить, что на начальном этапе идеологического противостояния успех оппонентов, вовлеченных в него, зависит, с одной стороны, от геополитической поддержки, основанной на глубоких исторических и культурных традициях, а не на современных политических трендах, с другой – от деятельности информационных институтов, активность которых должна быть обратно пропорциональна их количеству. По мере отдаления от наиболее активной фазы политико-идеологического противостояния эффективность вовлечения массовой аудитории в политический процесс снижается ввиду увеличения каналов получения информации, упрощения доступа к социально значимой информации, а также широкому диапазону ее интерпретации в различных СМИ. Данные выводы могут быть положены в основу модели функционирования СМИ в периоды социальных кризисов или политических конфликтов, поскольку, как свидетельствуют результаты исследования, информационный голод приднестровцев начала 90-х гг. XX в., удовлетворяемый всего несколькими газетами, положительно сказывался на авторитете как новой политической элиты, так и местных СМИ. Кроме того, неразвитость информационной инфраструктуры стимулировала

востребованность журналистских материалов, идеологические интенции которых активно тиражировались в массовом сознании и способствовали формированию региональной идентичности.

Процессы естественной интеграции в СМИ лингвокультурного разнообразия сформировали в 80–90-х гг. гармонично развивающуюся коммуникативную систему, социальной доминантой которой исторически является русский язык. Вооруженное и постконфликтное противостояние на берегах Днестра обусловило определенную степень информационного дискомфорта населения, мобилизовав приднестровское общество и его социальные институты, усилив на данном этапе конвергенцию моделей социальной действительности ожидаемой аудиторией и предлагаемой СМИ, что повысило как эффективность местных СМИ, так и устойчивость культурно-информационного развития региона в целом.

Обособленность Приднестровского государства помимо политического и экономического измерения отчетливо проявляется в информационном отношении. Инфокоммуникативная система республики в силу объективных причин является более автономной и нацеленной на отражение информационных провокаций извне с целью сохранения стабильной социокультурной ситуации в регионе. В сложившейся журналистской практике отчетливо проявляются стереотипы позиционирования политической, экономической элиты республики как априори положительной по отношению к внешнему миру и, тем более, к другой стороне молдово-приднестровского конфликта. Необходимость исследования информационной сферы республики в контексте взаимодействия элиты и населения обусловлена тем, что СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом²⁷⁵. «Республиканская пресса является настолько сильным социальным оружием, что может ссорить между собой

²⁷⁵ Пугачев В. П. Соловьев А. И. Введение в политологию. – М., 1996. – С. 347.

целые народы, регулируя вместе с политиками как межэтнические, так и межреспубликанские отношения»²⁷⁶.

Таким образом, независимо от проблемной плоскости исследования генезиса молдово-приднестровского конфликта и становления приднестровской государственности информационная составляющая выступает доминантой, определяющей развитие как каждого из аспектов рассмотрения, так и ситуации в целом. Выявленная значимость информационной политики в социокультурном развитии приднестровского сообщества, обусловленная комплексностью ее воздействия на все сферы его жизнедеятельности, определила стремительные темпы формирования и дальнейшего развития информационного пространства ПМР, компонентами которого являются не только государственные предприятия и организации, но и коммерческие информационные структуры, а также сетевые ресурсы приднестровского сегмента Интернет. Формирование и развитие информационного пространства Приднестровья в его неординарных условиях обусловило необходимость активной разработки законодательной базы, рамки которой могли бы регламентировать функционирование как всей системы СМИ, так и каждого средства массовой информации, в частности. Кроме того, изучение проблем развития культурно-информационного пространства общества в контексте измерения системы «элита–общество» выступает как необходимый элемент в определении перспектив государственного строительства Приднестровской Молдавской Республики.

²⁷⁶ Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. – М., 1992. – С. 78.

3. 2. Отражение СМИ модели государственного развития в культурно-информационном пространстве

Аудиовизуальные СМИ являются уникальным социальным институтом, одновременно отражающим и моделирующим социальную действительность. Вместе с тем, в существующих научных концепциях, описывающих данный вид СМИ, и проектах уделяется недостаточно внимания роли функционирования электронных СМИ в контексте государственного развития. В них в общей форме подтверждается «приверженность принципам свободы печати и свободы информации, а также независимости, плюрализма и разнообразия средств массовой информации, которые являются основной составляющей информационного общества»²⁷⁷.

Важнейшей характеристикой контента большинства аудиовизуальных СМИ постсоветского пространства остается смысловая эклектика, производство и трансляция взаимопротивостоящих смыслов в программах почти каждого из типологически однородных каналов, что представляется следствием явления медиакратии, когда программная политика большинства федеральных компаний идентифицируется не с менталитетом телезрителей, а с представлениями медиаменеджеров, их учредителей, владельцев и заказчиков. Основным средством борьбы за аудиторию стало обратное программирование, явление, основанное на полном или частичном копировании идейно-художественного, предметно-тематического, информационного содержания телепрограмм и игнорирующее многообразие интересов телезрителей²⁷⁸.

В результате аудитория не выступает в роли активного социально-политического начала многосторонней телевизионной коммуникации, не

²⁷⁷ Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. – Доступно: <http://www.medialaw.ru>

²⁷⁸ Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005. – С. 16–17.

включается в программирование, но и не приобретает (через различные специфические формы телевидения) черты одного из функциональных элементов политического управления. Практически отсутствует возможность перехода от «освещательного» представления мира средствами массовой информации к диалоговому, от «вертикальной» системы распространения информации к «горизонтальной», а следовательно, к изменению структуры и характера информации²⁷⁹.

В конечном счете не происходит возвращения к демократическим институтам прямого народного управления на новой технологической основе, которая могла бы существенно изменить принципы деятельности институтов власти, наполнить социально-политическим содержанием и смыслом инновационные технологии взаимодействия государственных институтов и общества. Кроме того, расширение возможностей управления контентом само по себе ведет к упрочению гражданской самодостаточности, политического сознания, уверенного в том, что оно способно влиять на окружающую среду, т. е. конструировать, модифицировать, корректировать ее.

Аудиовизуальные СМИ, являясь мощным инструментом воздействия на аудиторию, используются государством как пропагандистский ресурс, что не может не отразиться на их информационной политике. События, отраженные в информационных программах, выпусках новостей, создают определенную медиареальность, которая зачастую отличается от действительности, однако позволяет политическим силам посредством электронных СМИ корректировать модель государственного развития. Возможная подмена подлинной реальности предлагаемой реализуется подбором попадающих в эфир таких событий, которые многократно, причем не всегда обоснованно, повышают статус как информационного канала, так и

²⁷⁹ Шариков А. В. Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород. 16–19 октября 2006 г. / Под ред. В. Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. – С. 177–184.

определенных политических сил. Следовательно, электронные СМИ не просто предлагают информационную повестку дня, но и вынуждают аудиторию ее разделять, принимать, удерживая ее тем самым в информационном и, шире, идеологическом поле СМИ и шире, государства.

В результате того, что электронные СМИ могут выполнять функцию как интеграции, так и дифференциации общества, контент-наполнение является основной составляющей в реализации данных функций. Следовательно, посредством контента электронные СМИ отражают вариативные модели государственного развития.

Анализируя коммуникативные средства общения на приднестровских телеканалах, необходимо отметить, что на «Первом приднестровском» средства невербальной формы коммуникации используются активнее, чем на телевидении свободного выбора «ТСВ». Они являются основной составляющей передаваемой информации в контексте итогового информационного выпуска новостей на канале «Первый приднестровский».

Тем не менее и «ТСВ», и «Первый приднестровский» телеканалы достаточно часто используют средства невербальной формы коммуникации. Например, на «Первом приднестровском» ведущий располагается, стоя за трибуной в левой половине кадра. Поскольку внимание зрителей чаще концентрируется на красном фоне, такая диспозиция снижает информативность поступающей информации. Мимика, жесты и поза ведущего при данном расположении на экране в большинстве случаев остаются незамеченными аудиторией в отличие от случаев, когда ведущий располагается в центре кадра.

В репортажах «Первого приднестровского» часто используются изображения государственной символики. Интервьюируемый располагается в кадре таким образом, чтобы на заднем фоне виднелся государственный флаг; подобными кадрами завершаются некоторые репортажи. В течение выпуска новостей на телеканале «Первый приднестровский» изображение государственного флага ПМР используется в среднем более 20 раз. Такое

применение средств невербальной формы коммуникации воздействует на подсознание аудитории, пропагандируя патриотизм. Способы и механизмы использования некоторых средств невербальной формы коммуникации, характерные для «Первого приднестровского», также часто встречаются в репортажах «Первого канала» РФ, где нередко в кадре размещено изображение государственной символики, а особенно часто – изображение государственного флага и медведя – символа партии «Единая Россия».

При подаче текста на «ТСВ», который является подводкой к репортажу, информирующему о законодательной власти (партии «Обновление» или спикере Верховного Совета), ведущие телеканала более активно используют мимику, пантомимику, темп речи, паузы и т. д. Такая практика контрастирует с редким использованием данных средств в контексте всего выпуска новостей.

Оптико-кинетическая подсистема (внешний вид, мимика, пантомимика) ведущих информационного выпуска новостей на телеканале «ТСВ» представляет собой копию общероссийских стандартов поведения ведущих, следствием чего является практически полное отсутствие индивидуальности. В результате, в отличие от ведущих российских телеканалов, которые активно применяют речевые приемы для обозначения своего скрытого отношения к происходящему, ведущие «ТСВ» практически не обозначают своего эмоционального участия в передаваемой информации. Более того, ведущие «Новостей на ТСВ» иногда неуместно и неоправданно используют средства подсистем невербальной формы коммуникации. Например, в то время как на протяжении всего информационного выпуска, несмотря на разноплановость передаваемой информации, тональность, темп, тембр голоса существенно не менялись, в конце передачи ведущий новостей меняет темп речи и появляется эмоциональная составляющая информационного сообщения следующего содержания: «А по окончании выпуска новостей (ведущий активно использует мимику, что показывает его заинтересованность в передаваемой информации) на нашем канале выйдет в

эфир передача „12 вечеров“». Исходя из этого у аудитории может сложиться ложное представление о значимости данной информации в контексте всего выпуска новостей.

Также неоправданно используется на «ТСВ» «бегущая строка», которая не дублирует передаваемую ведущими информацию, а информирует аудиторию о международных событиях. Это отвлекает внимание аудитории от репортажей. В результате большинство зрителей не воспринимают в оптимальной форме ни слова ведущего, ни информацию бегущей строки, скорость которой не позволяет читать передаваемый текст в среднем темпе. В отличие от «ТСВ» на российском «Первом канале» бегущая строка дублирует передаваемую ведущим информацию, что позволяет увеличить число зрителей за счет людей, испытывающих проблемы со слухом.

В приднестровских электронных СМИ, как и на телеканалах других государств, активно используются когнитивные, психологические, социальные, языковые и другие механизмы, позволяющие влиять на сознание, на принятие представителями аудитории тех или иных решений. В связи с этим телезрителям предоставляется вариативная интерпретация действительности (ВИД), основные механизмы которой отличаются в зависимости от уровня языковой системы.

Значимое варьирование на лексическом уровне изучено к настоящему времени гораздо лучше всех остальных механизмов воздействия на сознание, поэтому часто используется в текстах приднестровских ведущих и корреспондентов. Оно подразумевает изменение стилистической окраски лексики и смысловое варьирование терминов различных идеологических систем²⁸⁰.

Например, в одном из репортажей о беспорядках в Кишиневе говорится следующее: «Кризис в Молдове никак не отразился на

²⁸⁰ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003. – С. 179.

Приднестровье. Но может принести некоторые бонусы нашему государству, считают политологи»²⁸¹.

Словосочетанию «нашему государству» по стилистической окраске придается значение «*независимому государству*». В данном случае, на второй план отступает понятие «*непризнанное государство*».

На телеканалах Молдовы регулярно в эфир выходили репортажи, в ходе которых бывший Президент РМ В. Воронин вместо слова «Приднестровье» употреблял понятие «*сепаратисты*», придающее совсем другую стилистическую окраску информации в сравнении с той, что доминирует в репортажах на «Первом приднестровском» телеканале.

В итоге для молдавских телезрителей, в отличие от приднестровской аудитории, не существует понятия «Приднестровская Молдавская Республика», которое заменяется негативно окрашенным понятием «сепаратисты».

Приведем еще один пример. В репортаже канала «Первый приднестровский», информирующем об инициативе Верховного Совета ПМР, которая предполагает упразднение должности «вице-президент», говорится следующее: «*Встала на защиту президентской вертикали власти и общественность Приднестровья*»²⁸². В данном предложении дважды используется прием варьирования на лексическом уровне. Во-первых, выражение «встала на защиту» предполагает, что на вертикаль власти совершают незаконные нападки депутаты Верховного Совета, а это не соответствует действительности. Во-вторых, представителей нескольких организаций в данном репортаже ассоциируют со всей «общественностью Приднестровья».

Данные репортажи направлены на формирование у аудитории телеканала негативного отношения к принятым в Верховном Совете

²⁸¹ По мнению политологов, ситуация в Молдове может пойти на пользу Приднестровью. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5599>

²⁸² Во внутриполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

поправкам и к депутатам в целом. В этом же репортаже Президент ПМР утверждает, что данной поправкой депутаты «оскорбили все общество». В данном случае представителей исполнительной власти и общественных организаций И. Смирнов ассоциирует со «всеобщим обществом».

На «ТСВ» корреспонденты и ведущие новостного выпуска также активно используют приемы варьирования на лексическом уровне. Часто в репортажах изменение стилистической окраски лексики можно наблюдать в цитируемом тексте: «Лидеры молдавской оппозиции заявили, что расценивают действия властей Молдовы как массовые репрессии».

Этот репортаж был посвящен беспорядкам в Кишиневе и задержанию свыше 200 человек, из которых 160 проходили по уголовным делам. Санкции со стороны государства к участникам погрома парламента в контексте репортажа приобретали негативную окраску через такие выражения, как «*массовые репрессии*», «*правомочные действия полиции*» и др.

В то же время, в одном из репортажей, вышедшем на телеканале «ТСВ», который информировал об инициативе депутатов Верховного Совета, предлагающих внести изменения в Конституцию, звучали следующие слова ведущего: «*Сегодня депутаты Верховного Совета приняли в первом чтении очень важные поправки к Конституции*». Если в тексте репортажа на телеканале «Первый приднестровский» данное решение депутатов Верховного Совета озвучивалось при помощи слов с негативной лексической окраской, то на «ТСВ» – с положительной.

В результате мы можем наблюдать диаметрально противоположные позиции руководства приднестровских каналов в отношении внутривластных вопросов. Использование приемов варьирования слов и словосочетаний на лексическом уровне играет большую роль в отстаивании и оправдании конкретно выбранных путей освещения описанной проблематики.

На двух приднестровских телеканалах часто используются следующие выражения разной лексической окраски, которые влияют на мнение и

сознание аудитории: *«агрессор»* – Молдова, *«клон партии «Обновление»* – партия *«Справедливая Республика»*, *«захват власти»* – упразднение должности вице-президента, *«стороны ничего не обсуждают»* – бойкотирование Молдовой переговорного процесса, *«определенные ранее параметры бюджета вызывают беспокойство»* – дефицит бюджета.

Кроме того, электронные СМИ ПМР часто применяют приемы варьирования предложений на синтаксическом уровне, которые обладают сильным речевоздействующим потенциалом. Данный метод основан на выделении в предложении коммуникатора, или агенса (инициатора действия) и коммуниканта, или пациенса (сущности, подвергающейся действию). В результате на синтаксически выделенном слове или словосочетании, выступающем в роли агенса, акцентируется внимание аудитории.

Примеры варьирования текстовых конструкций на синтаксическом уровне можно наблюдать как на *«Первом приднестровском»*, так и на *«ТСВ»*. Причем в репортажах данных каналов, посвященных одной проблематике, коммуникативно выделяются разные институты.

Например, на *«Первом приднестровском»* телеканале часто можно встретить следующие текстовые трансформации: *«Сегодня Президент ПМР рассмотрел предложения депутатов Верховного Совета»*; *«Президент продолжает заслушивать отчеты глав госадминистраций по итогам работы в минувшем и первом квартале нынешнего года»*; *«Президент провел совещание по вопросам местного самоуправления и ряду законодательных инициатив по внесению изменений в Конституцию, представленных депутатами Верховного Совета»*.

В трех представленных примерах коммуникативно выделяется *«Президент»*, который выступает в качестве агенса (инициатора действия), вследствие чего внимание аудитории акцентируется на фигуре президента, а другие участники ситуаций (депутаты Верховного Совета, главы госадминистраций) выводятся из центра внимания телезрителей, посредством пассивизации.

На телеканале «ТСВ» мы наблюдаем совершенно другую тенденцию коммуникативного выделения: *«Верховный Совет передал на рассмотрение Президенту поправки к закону»; «Председатель Верховного Совета, встретившись с Президентом»; «Депутаты Верховного Совета приняли поправки к Конституции, которые бурно обсуждались рядом общественных организаций».*

Как видно из примеров, в большинстве случаев на «ТСВ» коммуникативно выделяется институт законодательной власти и его представители, а из центра внимания аудитории посредством пассивизации вторых участников ситуации (президента ПМР, представителей общественных организаций) выводятся другие политические фигуры.

Вследствие этого можно говорить о широком применении приемов лексического и синтаксического варьирования текста на приднестровских каналах с целью концентрации внимания аудитории на деятельности разных институтов государственной власти («Первый приднестровский» – на исполнительной власти, «ТСВ» – на законодательной). Подобная ситуация в очередной раз доказывает наличие имплицитного информационного противостояния между ведущими электронными СМИ ПМР, реализуемого на уровне построения текстов массовой коммуникации.

На «ТСВ» и «Первом приднестровском» телеканале часто используются следующие преобразования журналистского текста:

1. *Аннулирующее преобразование*, которое приводит к исключению из описания некоторой части положения дел (участника события, инцидента и т. д.). К примеру, на «ТСВ» в репортаже о студенческом слете говорилось следующее: «Активное участие в студенческом слете приняло молодежное крыло партии «Обновление». Ребята представили отличную культурную программу, а также хорошо выступили в спортивных соревнованиях». В репортаже умышленно умалчивается тот факт, что молодежное крыло партии «Обновление» в итоге заняло 12 место из 18 команд. В результате перед нами пример использования аннулирующего преобразования.

Часто аннулирующее преобразование дополняется фингирующим преобразованием.

2. *Фингирующее преобразование* вводит в описание ситуации изначально там не содержащиеся персонажи, события, предметы и т. д. К числу таких преобразований относятся высказывания, не относящиеся к существу дела: «Говоря о дефиците бюджета 2008 года, не стоит забывать о продолжающейся экономической блокаде» («Первый приднестровский»). Экономическая блокада, которая к 2008 г. стала больше мифом, нежели реальностью, часто использовалась в качестве аргумента, оправдывающего проблемные ситуации.

3. *Речевое воздействие* может осуществляться электронными СМИ не только посредством языковых механизмов ВИД, но и через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей аудитории. В данном случае речь идет о ценностно-ориентированной естественно-языковой аргументации. Характерный пример ее использования можно наблюдать в синхроне С. Степанова, министра юстиции ПМР, который вышел в эфир на «Первом приднестровском» телеканале: *«Если принимать поправки без народа, народ может обидеться, и подумать: это не я, это кто-то другой за меня решил. Должно быть все выверено и четко, и от всего населения мнения, тогда, может быть, общество не расколется, потому что это навредит государственности. Мы сейчас имеем определенный конфликт, разногласие во мнениях»*²⁸³.

Данное высказывание вышло в эфир в контексте репортажа, в котором обсуждалась проблема принятия депутатами Верховного Совета в первом чтении поправок к Конституции, подразумевающих упразднение должности вице-президента. Выступающий чиновник использует аргументы, связанные

²⁸³ Во внутривполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

с идеями участия либо неучастия народа в принятии государственных решений.

4. На приднестровских телеканалах часто применяется *индефинитизирующее преобразование*, которое приводит к замене конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями, что существенно увеличивает неопределенность в интерпретации ситуации (например, «военные действия» вместо «расстрел пленных»; «операции по спасению заложников» вместо «передача выкупа» и т. п.). На «Первом приднестровском» в одном из репортажей говорится: «В воинских частях на сегодняшний день существуют некоторые проблемы». Общее понятие: «некоторые проблемы» скрывает частные понятия: «дедовщина», «случаи суицида», «преступность». В результате внимание аудитории не концентрируется на проблемах армии, а телеканал при этом, указывая на присутствие в функционировании данной структуры определенных проблем и не озвучивая их разнообразие, формально выполняет функцию информирования.

На «ТСВ» в репортаже использовалась следующая текстовая конструкция: «Умеренная абонентская плата за услуги цифрового телевидения доступна практически всем категориям граждан». За общим понятием «умеренная абонентская плата» скрывается сумма, равная 10 % от пенсии большинства пенсионеров, которые составляют 40 % населения ПМР. Вследствие применения индефинитизирующего преобразования в рассматриваемом предложении действительность интерпретируется таким образом, что происходит подмена понятий. Вместо словосочетания «доступна не всем категориям граждан» здесь используется выражение «доступна практически всем категориям граждан». Таким образом, телеканал «ТСВ» усиливает привлекательность услуг цифрового телевидения. Аудитория всегда положительно воспринимает информацию со словосочетаниями: «умеренная плата», «доступная цена».

Резюмируя, отметим, что приднестровские телеканалы отличаются продуманной редакционной политикой, которая позволяет успешно продвигать на информационном рынке определенные идеи, влияющие на общественное сознание и формирующие модель социальной действительности. Однако предлагаемая СМИ модель не всегда соответствует модели государственного развития и отражает политические устои общества. Сохранение подобной практики в перспективе может привести к дезориентации большей части населения в общественно-политическом отношении и к расслоению приднестровского общества.

В качестве положительной стороны деятельности государственных СМИ необходимо указать системность, которая характерна для материалов, освещающих деятельность исполнительной власти. Особенно это качество проявилось в период обсуждения поправок к основному закону государства, что повлияло на отношение общества к изменению конституционных норм, подтвердило состоятельность исполнительной власти и повысило ее авторитет у массовой аудитории.

Приступая к контент-анализу материалов электронных СМИ, необходимо отметить, что на современном этапе телевидение остается самым популярным средством массовой информации. Согласно данным социологического исследования, проведенного в 2016 г. кафедрой журналистики ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 73,5 % из 1500 приднестровцев, принявших участие в исследовании, отдают предпочтение именно телевидению.

Обращаясь к методике контент-анализа, поясним, что нами были проанализированы 20 информационных выпусков новостей на «Первом приднестровском», «ТСВ» и российском «Первом канале» за 2016 г. Данный объем обусловлен тем, что выборка проводилась не по сквозной системе, а из расчета один день в неделю, наиболее насыщенный новостями, в соответствии с которыми складывалась информационная политика каждого из каналов.

Выбор «Первого канала» (ОРТ) обусловлен тем, что 55 % приднестровской аудитории выделили его среди других российских телеканалов как наиболее популярный.

Статистические данные, полученные в результате отслеживания информационных выпусков новостей, выходящих на «ТСВ», «Первом приднестровском» и «Первом канале» (ОРТ), отражены в табл. 1.

Таблица 1. Тематическое разнообразие выпусков новостей

Тема	ТСВ		Первый приднестровский		ОРТ	
	Количество материалов	Продолжительность, мин.	Количество материалов	Продолжительность, мин.	Количество материалов	Продолжительность, мин.
Законодательная власть	43	96,5	23	55	11	27
Исполнительная власть	18	33,5	48	139	97	254
Судебная власть	3	5	4	13	4	9
Международные новости	20	43	20	46	47	103
Переговорный процесс	15	29	28	74	–	–
Экономика	19	36	27	71	6	21
Социальная проблематика	34	71,5	33	89	33	93
Культура	40	73	27	68	38	96
Партии	10	17,5	8	14	5	8
Реклама канала	–	–	3	4	–	–
Итого	202	405	221	573	241	611

Соотношение информационного спроса и информационного предложения в ПМР стало возможным благодаря сравнению результатов социологического исследования и данных, полученных в ходе анализа итоговых выпусков новостей на ведущих приднестровских телеканалах на предмет их тематического разнообразия.

В приднестровской сетке телевизионного вещания в течение нескольких лет статичными остаются информационные выпуски новостей как на государственном («Первый приднестровский»), так и коммерческом («ТСВ») канале. Данная константа благоприятно влияет на сохранение и расширение потенциальной аудитории, что в свою очередь усиливает эффект указанных СМИ. Тем не менее необходимо подчеркнуть обратную сторону подобной статичности: новости на приднестровских телеканалах с качественно новой информацией выходят один раз в сутки.

По результатам проведенного нами опроса каждый день канал «ТСВ» смотрят 26 %, а «Первый приднестровский» – 20,8 % от общего количества респондентов. Это говорит о том, что приднестровские электронные СМИ на данный момент не выдерживают конкурентной борьбы с российскими телеканалами (с «Первым каналом» и «РТР» в частности), которые ежедневно смотрят 75,7 % респондентов.

Рассматривая репортажи в контексте соответствия информационной политики приднестровских телеканалов модели государственного развития, можно заключить, что примерно 70 % репортажей о деятельности исполнительной и законодательной власти можно посмотреть соответственно на «Первом приднестровском» и «ТСВ». Исходя из конституционных норм, которыми форма государственного правления в Приднестровье определена как «президентская республика», редакционная политика телеканала «ТСВ» не в полной мере соответствует модели государственного развития ПМР и вступает в противоречие с государственной информационной политикой, затрудняя развитие и укрепление президентской власти. Так, за анализируемый временной отрезок на канале «ТСВ» из 64 репортажей обо всех ветвях государственной власти общей продолжительностью 135 минут 43 репортажа продолжительностью 95,5 минут были посвящены законодательным органам власти.

Даже в совокупности информационных выпусков двум приднестровским телеканалам не удастся в полной мере поддерживать

модель государственного развития ПМР как президентской республики, так как в контексте общего эфирного времени доминируют репортажи о законодательной власти (48 %), превышая объем материалов об исполнительной власти в среднем на 2 %.

Согласно данным нашего исследования, всего 8,3 % респондентов определяют политику как приоритетную тему новостей. Кроме того, информация о деятельности Верховного Совета в определенной степени востребована (всего 55,6 %, из них 9,2 % – постоянно, 46,5 % – иногда), чем и объясняется соответствующее количество репортажей.

Специфика функционирования «Первого приднестровского» канала продиктована формой собственности и моделью государственного развития ПМР. Об этом свидетельствует высокий процент репортажей, информирующих аудиторию о деятельности исполнительной власти. За исследуемый период на «Первом приднестровском» из 75 репортажей 48 посвящено исполнительной ветви власти. Для сравнения: на «ТСВ» вышло всего 18 репортажей данной тематики.

Постоянно интересуются деятельностью исполнительных органов власти всего 8,5 % опрошенных, хотя иногда подобная информация вызывает интерес почти у 50 % аудитории, что также оправдывает высокую частоту выхода репортажей данной тематики на приднестровских телеканалах. Необходимо отметить, что 41 % респондентов не интересуются новостями из Верховного Совета 36 % – не уделяют внимания информации о Президенте ПМР и деятельности министерств.

Таким образом, главным информационным поводом большинства новостных выпусков на телеканале «Первый приднестровский» является деятельность исполнительной власти, центральное место практически во всех новостных выпусках на телеканале «ТСВ» занимает работа законодательной власти. Следовательно, прослеживается противоречие информационных выпусков на данных телеканалах, что также есть следствие

выбора различных курсов редакционной политики «ТСВ» и «Первого приднестровского».

В отличие от приднестровских телеканалов ведущие российские электронные СМИ функционируют в контексте государственной модели развития России, обеспечивая информационную поддержку исполнительной власти. Например, за анализируемый период на «Первом канале» из 112 репортажей, информирующих о деятельности трех ветвей государственной власти, 97 посвящены деятельности исполнительных органов, что составляет 86,6 % от общего количества репортажей о ветвях государственной власти.

Как на приднестровских, так и на ведущих российских телеканалах крайне редко выходят репортажи, информирующие аудиторию о работе судебной ветви государственной власти. Например, на «ТСВ» за месяц вышло 3 репортажа общей продолжительностью 5 минут, на «Первом приднестровском» телеканале – 3 репортажа (8 минут), на «Первом канале» – 4 репортажа (13 минут). Эти цифры свидетельствуют о существовании на данных телеканалах общей тенденции к приоритетному освещению деятельности исполнительной и законодательной власти. В результате у аудитории складывается неадекватное представление о подчиненности или несостоятельности судебных структур или об их незначительной роли в деле государственного развития. В отличие от приднестровских электронных СМИ на российских телеканалах выходят специальные передачи, посвященные судебной ветви власти.

Путем перевода абсолютных значений количества репортажей и их продолжительности в относительные величины представим наиболее показательные моменты.

На «ТСВ» 67 % общего эфирного времени, приходящегося на долю трех ветвей власти, отводится на освещение работы законодательных органов власти.

На «Первом приднестровском» наблюдается противоположная картина: 64 % времени посвящается информированию аудитории о деятельности исполнительных органов власти.

На российском «Первом канале» около 90 % информационных материалов, посвященных деятельности всех ветвей государственной власти, знакомят с деятельностью исполнительной власти²⁸⁴. Можно утверждать, что российские федеральные каналы отличаются от приднестровских электронных СМИ большей динамичностью новостей и четкой позицией в отношении поддержки выбранного курса государственного развития. В их работе в полной мере отражается модель государственного развития России.

Информационные выпуски на «ТСВ» и «Первом приднестровском телеканале» более статичны и однотипны. Эти телеканалы функционируют в информационном противостоянии, которое направлено на отработку двух различных редакционных политик «ТСВ» и «Первого приднестровского».

Несмотря на довольно большую долю репортажей социальной и культурной направленности (за отчетный период на телеканале «ТСВ» вышло 74 репортажа продолжительностью 144,5 минуты, посвященных социокультурной сфере, что составляет 37 % от общего количества репортажей и 36 % от общего времени), «ТСВ» не в полной мере освещает социальную жизнь республики. Процент материалов сугубо социальной направленности составляет всего 17 %. Кроме того, в данных репортажах социальные проблемы перемежаются с мероприятиями и PR партии «Обновление». Например, в видеоряде репортажа о проводимом субботнике периодически появляются люди в футболках партии «Обновление», а на вопросы журналиста отвечает руководитель одного из отделений партии. Такое применение средств невербальной формы коммуникации аналогично

²⁸⁴ Исследование проводилось кафедрой журналистики Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в 2014 году. Анализу подвергались все итоговые выпуски новостей на «Первом канале» за первое полугодие 2014 г.

активному использованию государственной символики «Первым приднестровским» телеканалом.

На «Первом приднестровском» телеканале на долю репортажей социокультурной направленности приходится в среднем 27 % от количества репортажей и от общего эфирного времени, что подразумевает также достаточно высокую частоту освещения социальной проблематики. Однако детальный анализ подобных материалов позволяет сделать вывод о том, что социальные темы здесь не получают должного отражения (15 %).

Относительное доминирование материалов культурной тематики над социальными (2–3 %) характерно для «ТСВ» (соответственно 17 % против 19 %) и «Первого канала» (15 % против 17 %). Анализ информационных выпусков «Первого приднестровского» телеканала свидетельствует об обратной ситуации: освещение событий культурной сферы республики уступает социальной проблематике и составляет всего 12 %. Подобная практика не может считаться адекватной, поскольку Приднестровье всегда позиционировало себя как государство с уникальными культурными традициями и историей.

Недостаточное освещение основообразующих сфер общественной жизни создает ложное впечатление у аудитории об отсутствии проблем в них. Так, на исследуемых телеканалах редко выдвигаются проблемы образования и здравоохранения. В среднем в течение месяца «ТСВ» выпускает в эфир 11 репортажей, посвященных этим вопросам, «Первый приднестровский» – 10, «Первый канал» – 9 репортажей. Однако у большинства телезрителей данный факт может вызывать раздражение, так как они на собственном опыте знают о проблемах в сфере образования и здравоохранения. В результате зрительская аудитория начинает сомневаться в объективности СМИ.

Необходимо отметить, что согласно данным социологического исследования электронные СМИ должны больше внимания (20 %) уделять информации социальной направленности, – так считают 60 % респондентов.

Таким образом, в ряду исследуемых телеканалов «ТСВ» оптимальным образом соответствует запросам аудитории. Сокращение объемов репортажей по названной проблематике свидетельствует о нежелании государственных электронных СМИ негативно влиять на рейтинги правящей элиты (президента или правящей партии).

В отличие от российских приднестровские электронные СМИ уделяют достаточно много эфирного времени проблемам экономической сферы, что в определенной степени отвечает запросам аудитории. Так, на «ТСВ» в среднем освещение экономической сферы занимает 9 % эфирного времени, на «Первом приднестровском» – 12 %, на «Первом канале» – 3,2 % эфирного времени. Такой разрыв говорит об усилиях приднестровской экономической и политической элиты по привлечению иностранных инвестиций в республику и о стремлении достичь более высокого уровня экономического благосостояния ПМР. Подобная практика согласуется с информационными запросами аудитории. Согласно результатам проведенного опроса более 20 % респондентов в первую очередь интересуются экономическими проблемами. 55 % опрошенных считают, что объем информации об экономической сфере государства должен соответствовать 16 %.

Обзор международных новостей в контексте информационного выпуска на «ТСВ» практически не отличается по хронометражу от среза аналогичных материалов на «Первом приднестровском» телеканале. За исследуемый период на обоих каналах было выпущено в эфир по 20 репортажей о международной жизни, что составляет соответственно 10 % и 9 % от общего количества эфирного времени. На данную категорию новостей на «ТСВ» приходится 43 минуты, на «Первом приднестровском» – 46 минут. Схожа и подача информации о международных событиях на двух приднестровских каналах: в среднем двухминутный обзор, озвучиваемый ведущим новостей и сопровождаемый соответствующим видеорядом. Однако в процентном отношении «ТСВ» на 3 % больше времени отводит

международным новостям, что в среднем составляет около 11 % от общей продолжительности новостных выпусков.

Что касается запросов аудитории, то 57 % респондентов постоянно интересуются международными новостями, а 45 % считают, что электронные СМИ Приднестровья должны увеличить объем эфирного времени, отведенного освещению международных событий, до 15 % от общего эфирного времени.

Для сравнения приведем данные федерального «Первого канала». Количество эфирного времени, затраченного на информирование аудитории о международных событиях, соответствует 103 минутам, репортажей – 47, что по обоим критериям почти в 2,5 раза больше относительно приднестровских телеканалов. Аналогичное соотношение сохраняется при обращении к процентным показателям: по сравнению с «Первым приднестровским» и «ТСВ» на «Первом канале» объем международных новостей в среднем на 20 % больше по количеству репортажей и на 17 % – по эфирному времени.

Кроме того, на «Первом канале» отличается и подача международных событий. Информирование о международных событиях здесь осуществляется в контексте геополитической активности России и ее статуса мировой державы, т. е. если данное государство и не принимает участия в международных событиях, оно ведет их мониторинг. Больше половины данных новостей передается посредством репортажей, которые выходят в зависимости от статусности (политика, экономика, культура, шоу-бизнес и др.) в начале или в середине выпуска, а то и в конце. На «ТСВ» и «Первом приднестровском» телеканалах международные новости в основном затрагивают события, происходящие в странах постсоветского пространства, или те из них, которые непосредственно влияют на молдово-приднестровский переговорный процесс. Часто приднестровские телеканалы несвоевременно реагируют на знаковые международные события.

Переговорный процесс урегулирования молдово-приднестровского конфликта является одним из важнейших информационных поводов на телеканале «Первый приднестровский», что характеризуется не столько объемом эфирного времени и количеством вышедших репортажей (74 минуты (13 %), 28 репортажей (13 %)), сколько местом репортажа, посвященного данной проблематике, в структуре информационной программы. Репортажи, рассказывающие о переговорном процессе, в большинстве случаев выходят в начале выпуска. «ТСВ» не отличается такой динамикой освещения переговорного процесса: за исследуемый период здесь вышло 15 репортажей общей продолжительностью 29 минут, что соответствует примерно 7 % от общих объемов по двум критериям. Как правило, данные материалы выходят в середине информационного выпуска.

Что касается спроса на информацию данной проблематики, то только 13 % респондентов заявили, что их не интересуют события, связанные с переговорным процессом. Около 45 % аудитории считает, что данной информации достаточно, хотя 42 % уверены, что объем соответствующих материалов должен составлять не менее 14 % от общего эфирного времени.

Складывающееся положение в ведущих приднестровских электронных СМИ является следствием вялотекущих молдово-приднестровских отношений, в том числе и переговорного процесса, а также различной редакционной политики. Если на «Первом приднестровском» телеканале переговорный процесс, наряду с деятельностью исполнительной власти, социальными проблемами, является одним из главных информационных поводов, то для «ТСВ» данная проблематика – одна из наименее востребованных. Репортажи об урегулировании молдово-приднестровского конфликта практически отсутствуют в информационных выпусках новостей на коммерческом телеканале.

Телеканал «ТСВ» достаточно слабо освещает деятельность силовых структур ПМР по сравнению с другими исследуемыми каналами. От общего эфирного времени информационных выпусков этому блоку материалов

отводится только 4,5 %. Необходимо отметить, что в процентном выражении доля эфирного времени, приходящегося на освещение деятельности силовых структур, в общем эфирном времени на «Первом приднестровском» примерно такая же, как и на «ТСВ», – 4,8 %. Однако на данном телеканале помимо информационных выпусков новостей выходят передачи: «На рубеже огня» и «По горячим следам», информирующие о деятельности Вооруженных Сил и органов внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики соответственно.

Как в приднестровских электронных СМИ, так и на исследуемом российском телеканале репортажи, информирующие телезрителей о партийной жизни в государстве, крайне редки. К примеру, на «ТСВ» за исследуемый период вышло 10 репортажей (5 %) общей продолжительностью 17,5 минут (4,3 %), посвященных данной тематике; на «Первом приднестровском» – 8 репортажей (3,6 %) общей продолжительностью 14 минут (2,4 %); на «Первом канале» – 5 репортажей (2,1 %) общей продолжительностью 8 минут (1,3 %).

В процессе освещения партийной тематики на исследуемых телеканалах ПМР и России прослеживается общая тенденция, которая сводится к недостаточному информированию аудитории о деятельности всех существующих партийных организаций. Связано это, прежде всего, с приоритетами в отношении конкретных партий, освещение деятельности которых соответствует основным принципам редакционной политики данных телеканалов. Так, на «ТСВ» 8 из 10 репортажей о партийной жизни республики посвящены деятельности партии «Обновление», на «Первом приднестровском» – 5 из 8 репортажей о партийной жизни республики информируют о функционировании партии «Республика». На «Первом канале» в целом затруднительно тематически разграничить репортажи, освещающие деятельность исполнительной власти и партийного функционала, поскольку в данных репортажах параллельно присутствуют синхроны, автором которых является Президент России.

Следует отметить низкий рейтинг практически всех партий ПМР. Результаты социологического исследования показали, что около 70 % респондентов не только не интересуются деятельностью партий, но и не доверяют им. Отсюда и низкая заинтересованность аудитории в получении информации о партийной жизни в республике: 34 % респондентов считают, что необходимо сократить объемы данной информации, отводя ей не больше 2 % от общего эфирного времени новостных выпусков. Исходя из этого канал «ТСВ» является излишне «партийным», чем не только может раздражать аудиторию, но и провоцировать сомнения в объективности и непредвзятости данного электронного СМИ.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют оценить ситуацию, свидетельствующую о низких рейтингах приднестровских партий, которая, скорее всего, будет усугубляться за счет излишнего освещения данной темы ведущими электронными СМИ. Можно говорить также о субъективности освещения партийной жизни Приднестровья и России, которая выражается как в тексте корреспондентов и ведущих, так и в подборке новостного материала, освещающего деятельность только одной конкретной партии, поэтому у аудитории создается ложное представление о партийной системе ПМР и России.

Приднестровские каналы практически не затрагивают проблемы, связанные с функционированием гражданского сектора, армией, коррупцией чиновников и т. д. Освещение данных проблематичных сфер может негативно сказаться на имидже правящей элиты, которую активно поддерживают исследуемые электронные СМИ. В отличие от «ТСВ» и «Первого приднестровского» на российских телеканалах в эфир выходят специальные передачи, которые периодически информируют аудиторию о существующих проблемах в вышеперечисленных сферах.

Таким образом, ведущие электронные средства массовой информации Приднестровской Молдавской Республики в результате негласного информационного противостояния «ТСВ» и «Первый приднестровский»

практически не выполняют консолидирующей функции в обществе. Подобная ситуация в перспективе может привести к расслоению общества на противоборствующие стороны и пошатнуть приднестровскую государственность.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что приднестровские электронные СМИ не полностью удовлетворяют информационным запросам аудитории. Тематическое разнообразие выпусков новостей складывается в результате редакционной политики отдельных каналов, а не интересов телезрителей. Информационные аудиторию о деятельности исполнительных и законодательных органов власти репортажи, которые выходят в эфир с наибольшей частотой на обоих каналах, отвечают информационным запросам всего 14 % населения. Больше всего приднестровских граждан волнуют социальные и экономические проблемы ПМР (40 % и 38 % соответственно).

Отсюда и отношение к приднестровским СМИ: недоверие им высказали более 30 % респондентов, притом, что абсолютно доверяют только 9,2 % опрошенных. Свыше 10 % от общего количества участников опроса вообще не смотрят приднестровские телеканалы.

Тем не менее, оценивая динамику показателей доверия к государственным и общественным институтам, необходимо отметить, что средства массовой информации на определенном этапе сумели укрепить свои позиции в данном отношении.

Как видно из табл. 2, доверие к СМИ по сравнению с 2005 г. выросло почти вдвое. Примечательно, что за данный период приднестровские СМИ пополнили ряды своей аудитории примерно на 20 %, о чем свидетельствует низкий процент затруднившихся ответить респондентов. Учитывая противоречие между моделью государственного развития Приднестровья и информационной политикой местных СМИ, можно заключить, что аудитория разделяет позиции средств массовой информации в отношении дальнейшего государственного строя ПМР.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос:
«Насколько Вы доверяете...?», %

Вариант ответа	Верховному Совету		Президенту и кабинету министров		СМИ	
	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.
Очень доверяю	9,5	5,0	12,6	2,8	6,4	9,2
В какой-то степени	30,9	34,8	28,9	41,5	22,9	56,4
Не очень доверяю	27,3	31,9	28,2	23,2	23,2	20,6
Совсем не доверяю	19,8	17,0	18,2	26,1	26,2	10,6
Затрудняюсь ответить	12,5	11,3	12,1	6,3	21,3	3,2

Следует обратить внимание на тот факт, что доверие к органам исполнительной и законодательной власти за исследуемый период изменилось. Так, законодатели потеряли почти 50 % аудитории, ранее безоговорочно им доверяющей. В то же время, исполнительная власть сохранила только 20 % аудитории, которая ей полностью верит. Тревожными выглядят показатели недоверия: Верховному Совету полностью не доверяют 17 % респондентов, что почти на 3 % меньше, чем в 2005 г.; Президенту и кабинету министров ПМР – более 26 %, что практически на 50 % превышает аналогичный показатель 2005 г. Подобные тенденции могут негативно сказаться на результатах предстоящих избирательных кампаний, референдумов по вопросам внутриполитического устройства республики.

Таким образом, функционирование приднестровских электронных СМИ не в полной мере соответствует выбранной модели государственного развития, но в определенной степени согласовывается с настроениями аудитории.

Курс на дальнейшее развитие и укрепление президентской республики в какой-то степени получает информационную поддержку только со стороны «Первого приднестровского» телеканала. Информирование каналом «ТСВ» общественно-политической жизни направлено, в первую очередь, на популяризацию законодательных органов власти, выпячиванием конкретных

личностей и партии (председателя Верховного Совета и партии «Обновление»).

Можно утверждать, что основополагающим фактором деятельности частных телеканалов, представителем которых является «ТСВ», выступает корпоративная политика учредителей, их финансирующих, которая в большинстве случаев не соответствует концепции объективного информирования об общественно-политической жизни государственными электронными СМИ. Таким образом, функционирование коммерческих электронных СМИ ПМР в контексте государственной политики остается достаточно спорным.

Практика освещения общественно-политической жизни, предполагающая применение различных интерпретаций действительности двумя исследуемыми приднестровскими телеканалами, является следствием диаметрально противоположных направлений редакционной политики телеканалов «ТСВ» и «Первого приднестровского». Данная информационная борьба ведущих электронных СМИ катализирует расслоение общества и рост недоверия к органам как исполнительной, так и законодательной власти. Следовательно, телеканалы ПМР практически не выполняют консолидирующей функции, которая в условиях приднестровского государства должна стать приоритетной.

Ликвидация сложившейся ситуации невозможна без пересмотра редакционной политики СМИ. Ведущим телеканалам ПМР необходимо проводить социологические исследования с целью выявления информационных предпочтений аудитории, что поможет им повысить рейтинг как телеканала в целом, так и отдельных телепередач.

Нельзя забывать, что электронные СМИ, чутко реагируя на происходящие изменения во внутривластной борьбе за власть, нередко информируют о них, основываясь на субъективных позициях. Подтверждение данному выводу мы находим в материалах телеканалов «ТСВ» и «Первый приднестровский». Таким образом, объективное мнение о

событиях в республике в большинстве случаев невозможно сформировать, даже просмотрев итоговые выпуски новостей на обоих анализируемых телеканалах. В результате субъективности, статичности и однотипности новостных выпусков телеканалы теряют значительную часть аудитории. Эти факторы не позволяют им конкурировать с российскими электронными СМИ.

3. 3. Проблемы устойчивости культурно-информационного пространства Приднестровья

В ходе исследования нами была сформирована матрица устойчивости культурно-информационного пространства, строки которой отнесены нами к функциональному блоку матрицы, где отражены результаты социологического исследования, в котором приняли участие около 1000 приднестровцев. Все ячейки матрицы пронумерованы по следующей схеме: номер столбца первая цифра, номер строки вторая цифра.

Проанализируем идеологический фактор, характеризующий настроение населения, в зависимости от его деятельного, социокультурного, психологического, материального и демографического статусов.

Ячейка 12. Приведем цифры, свидетельствующие о низкой степени доверия населения к действующей власти. Так, около трети населения Приднестровья осенью 2016 года, в преддверии выборов Президента ПМР, доверяли действующей власти. Необходимо отметить, что относительно высокий процент (33 %) доверия был характерен для неработающего населения, в том числе и пенсионеров. Необходимо отметить, что именно эта категория населения исторически являлась оплотом действующей власти и именно на него, как на самую активную часть электората, как правило,

делала «ставки» в предвыборных кампаниях команда первого Президента республики.

Интересным представляется факт низкого рейтинга высшего эшелона власти среди государственных служащих (около 30 %). Следует отметить, что государственный сектор экономики в значительной степени вырос за последние 5–10 лет, и количество чиновничьего аппарата, по некоторым данным, выросло на 30 %. В этой связи низкая степень доверия к действующей власти со стороны именно госструктур свидетельствует, по нашему мнению, о несостоятельности административного аппарата, искусственности, надутости и, как следствие, его самоустранении. Ожидаемый результат низкой степени доверия среди населения, занятого в негосударственном секторе (29 %), только подтверждает факт обособленности правящей элиты, ее автономность и отстраненность от населения республики.

Отражение в матрице идеологического статуса в контексте реакции населения на действия власти является непреложным условием предупреждения противоречий в системе «общество–власть», своевременной корректировки политического имиджа, посредством адекватной информационной политики как государственных, так и коммерческих СМИ всех типов, а также гарантией стабильности действующей власти и ее легитимности в обществе.

Ячейка 13. Проблема доверия населения государственным институтам власти актуальна практически во всех современных странах, причем ее изучение, сопряженное с анализом предпосылок возникновения недоверия, носит дихотомический характер: эндогенный (институциональная теория) и экзогенный (культурная теория). Экзогенный подход объясняет причины доверия (или недоверия) народа власти культурными, в том числе и национальными, истоками. Так, среди опрошенных респондентов, относящих себя к русским, политической элите (президентской, исполнительной и законодательной) доверяет лишь 29,5 %. Из причисляющих себя к украинцам

– 26 %. И среди респондентов, идентифицировавших себя как молдаване, руководству республики доверяет почти 40 % граждан.

Как будет показано в п. 23 на идеологические настроения оказывает влияние деятельностный (социально-профессиональный) статус личности в контексте ее социокультурных характеристик.

Очевидно, что культурная политика государства, реализуемая в частности Законом о языках, в большей степени является декларативной и не отражает реалии современного социокультурного процесса в обществе. Тем не менее, защита национального «молдавского» перед румынской экспансией в соседней Молдове дает основание представителям молдавского этноса в большей степени доверять руководству республики. В то же время пассивное отношение Киева к урегулированию молдово-приднестровского конфликта и соответствующая роль Украины в укреплении государственности и независимости Приднестровья нивелируют усилия приднестровской политической элиты в вопросах сотрудничества с руководством соседнего государства. Отсутствие эффективного взаимодействия и ощутимой помощи и поддержки с украинской стороны может в некоторой степени объяснять низкую степень доверия украинской части населения государственным институтам власти.

Представители трех доминирующих этнических групп, проживающих на территории Приднестровья, относятся к единой группе восточнославянского народа и разделяют его основные культурные коды и предпочтения. Центристские настроения в отношении управления обществом, выраженные желанием видеть единого правителя и ратовать исключительно за него даже при условии отсутствия эффективности его деятельности, во многом объясняют сохранение власти в руках первого президента Приднестровья на протяжении двадцати лет при относительно низком рейтинге доверия всех этнокультурных групп населения.

		Институциональный блок (факторы)							
		Идеологический	Деятельностный	Социокультурный	Психологи- ческий	Материальный	Демографический		
							возраст	пол	образование
Функциональный блок (статусы)	Идеологический	11	21	31	41	51	61	71	81
	Деятельностный	30/29/33 ¹²	22	32	42	52	62	72	82
	Социокультурный	39/26/29 ¹³	64/57/48 ²³	33	43	53	63	73	83
	Психологический	33/28 ¹⁴	61/69/49 ²⁴	68/57/61 ³⁴	44	54	64	74	84
	Материальный	61/24 ¹⁵	24/22/19 ²⁵	26/17/23 ³⁵	80/58 ⁴⁵	55	65	75	85
	Демографический	32/29/27 ¹⁶	56/50/65 ²⁶	52/61/57 ³⁶	66/57/52 ⁴⁶	22/22/24 ⁵⁶	66	76	86
	Демографический (пол)	29/32 ¹⁷	35/56/51 ²⁷	40/42/47 ³⁷	61/61 ⁴⁷	20/24 ⁵⁷	44/47/30 ⁶⁷	77	87
	Демографический (образование)	30/32 ¹⁸	57/61/43 ²⁸	49/56/63 ³⁸	61/61 ⁴⁸	24/20 ⁵⁸	58/56/46 ⁶⁸	45/42 ₇₈	88

«Советскость» также является одной из характеристик, которая до сих пор сохраняется в сознании большинства приднестровцев и накладывает отпечаток при вынесении решения в ситуации, предусматривающей наличие альтернативного выбора. Постулат постоянства, а значит некой родственности и, соответственно, предпочтения долгое время способствовал сохранению власти в одних руках. Так, высочайшая популярность действующих лидеров в большинстве стран нового зарубежья основывается, безусловно, не только на эффективной пропаганде, но и на глубоко укоренившемся персонализированном и патерналистском восприятии единоначалия во власти.

Ячейка 14. Позитивность восприятия является важным социально-психологическим условием возникновения доверия между населением и властью: позитивно настроенные респонденты в большей степени доверяют руководству республики.

Позитивно настроенные люди, как правило, в меньшей степени или вообще не сталкивались в повседневной жизни с негативным воздействием властных структур: например, серьезные бюрократические препоны, коррупционные явления, конфликты с законом и т. п. Таким образом, социально-психологическое благополучие – это серьезный повод чувствовать удовлетворенность существующим жизненным укладом, а значит – и действующей властью, которая в сознании человека обеспечивает его стабильное существование, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для возникновения доверия к властным структурам и облеченным властью персоналиям. Незначительный разрыв между позитивно и негативно настроенными респондентами – всего в 5 % – может быть объяснен высокой степенью влияния пропагандистского фактора государственных СМИ. Средства массовой информации в условиях отсутствия альтернативного источника способны, выполняя поставленную государством задачу, внушить определенной части аудитории «заказанную» картину действительности.

Ячейка 15. Социальное благополучие человека в немалой степени определяется его материальным положением, которое, в свою очередь, для большинства людей напрямую зависит от социально-экономического благополучия государства в целом. Мы полагаем, что продолжение устойчивого социально-экономического развития страны в дальнейшем откроет дополнительные возможности для успешного продвижения к полноценной политической демократии.

По результатам опроса, разрыв в показателях степени доверия граждан к власти довольно внушителен. Так, среди граждан, оценивающих социально-экономическое положение в республике как благоприятное и стабильное, президенту, а также высшим органам исполнительной и законодательной ветвей власти доверяет 61 % респондентов. Среди тех, кто оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное и критическое, количество доверяющих власти составляет всего 24 %. Если экономический кризис затянется, это, вполне вероятно, приведет если не к еще большему увеличению разрыва между показателями этих двух групп, то к увеличению численности самой группы негативно настроенных граждан.

Ячейка 16. Демографический статус личности также является одним из базовых критериев диагностики степени доверия населения власти. Разброс в оценке легитимности власти по возрастным категориям сравнительно невелик. Так, среди респондентов 18–30 лет доверяет власти 32 %, среди возрастной группы 31–50 лет – 29 % и в старшей группе (51 год и старше) – 27 %. Следует отметить, что в России, например, старшая работоспособная группа (35–54 лет) оказывает существенно меньший кредит доверия власти, чем остальные. Социологи объясняют такую «озлобленность» тем, что именно на эту возрастную группу ложится основная нагрузка по воспитанию детей и помощи престарелым родителям (на фоне ухудшающихся возможностей трудоустройства и снижающегося потенциала здоровья). Как видим, среди приднестровских респондентов

показатель доверия именно этой, «средней» группы также ниже, чем среди 18–30-летних респондентов. Но в Приднестровье эта разница составляет всего 3 % (ср.: в России 10 %) ²⁸⁵. Это, в свою очередь, можно объяснить тем, что социально-экономическая ситуация в нашей республике, по сравнению с Россией, гораздо менее стабильна. Как следствие, «младшая» возрастная группа сильнее, чем в России, включена в борьбу за материальное благополучие. Это доказывает и то, что приднестровская молодежь сегодня гораздо более активно участвует в трудовом процессе, чем, к примеру, 10–15 лет назад. Стало практически нормой совмещение работы и учебы, следовательно, и мыслит эта категория уже более приближенно к «взрослой» группе. Что касается низкого уровня доверия к власти со стороны «старшей» группы (51 и более лет), то тут, безусловно, играет роль усталости от постоянных обещаний и периодических обращений к пожилым людям исключительно в период избирательных кампаний. Кроме того, необходимо учитывать и психологически свойственное пожилым людям недоверие, низкий уровень социальной обеспеченности, который, в свою очередь, логически связан с недолжным исполнением властью своих прямых обязанностей: обеспечения социальной защиты наиболее уязвимым категориям населения.

Ячейка 17. Гендерная градация респондентов свидетельствует о доверии власти всего 29 % мужчин и 31,5 % женщин. Незначительная разница (всего 2,5 %) и объясняется, скорее всего, не психологическими особенностями женского и мужского восприятия, а общими проблемами при взаимодействии с властью. Опыт манипулирования с доверием населения свидетельствует, что в большинстве случаев на выборах побеждает не конкретный человек, а миф о нем, мощное отражение «раскручиваемого» образа в общественном сознании. Женщины в силу природных данных гораздо более склонны поддаваться на «мифическую» удочку PR-технологов,

²⁸⁵ Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3(35). – С. 97–105.

они добры и менее критичны, чем мужчины. Однако незначительное различие в отношении к властным структурам со стороны как мужчин, так и женщин может быть объяснено и феноменом «приднестровских женщин». Это словосочетание давно стало воплощением политически активных и решительных женщин, не отстающих от мужчин в выражении и отстаивании своей гражданской позиции.

Ячейка 18. Интеллектуальный статус личности, его уровень образования также является одним из основных индикаторов доверия или недоверия власти. Однако, как показывают результаты исследования, степень доверия респондентов с высшим образованием всего на 2 % ниже по сравнению с аналогичными данными по респондентам со средним образованием, 32 % которых доверяют власти.

Системный кризис власти является единственным, по нашему мнению, объяснением того, что независимо от социального статуса и демографических характеристик степень доверия власти крайне низок.

Далее рассмотрим деятельностный фактор, характеризующий настрой населения, в зависимости от их социокультурного, психологического, материального и демографического статусов. Участие населения в различных секторах экономики в зависимости от их социальных статусов, демографических характеристик в сочетании с их идеологическими настроениями могут прояснить отдельные проблемы взаимодействия государственных и общественных институтов.

Ячейка 23. Использование критерия «национальность» для изучения работников государственного и частного сектора дает возможность объяснить повышенное доверие молдавской части населения действующей власти, поскольку больше всего молдаван (64 %) работает в государственных структурах (против 57 % украинцев и 48 % русских). В коммерческом секторе наиболее высок процент русского населения (35 %). Украинцев, занятых в частном секторе экономики, среди опрошенных оказалось 16 %;

молдаван – 11 %. Что касается граждан, не имеющих на момент исследования постоянного источника дохода, то таких, опять же, оказалось больше среди русских – 17 %. 16 % безработных среди украинцев и всего 11 % среди молдаван.

Ячейка 24. Психологический настрой представителей разных секторов экономики свидетельствует, что среди работников государственного сектора психологически позитивно настроены 61 % респондентов; среди представителей коммерческих предприятий и организаций таких 69 %. И среди безработных – 47 %. В качестве критериев определения позитивного настроения опрошиваемых выступали такие характеристики, как уверенность, спокойствие, желание действовать и оптимизм. Психологически негативно настроенные респонденты, напротив, тяготеют к безысходности, испытывают тревогу, пассивны, либо же затрудняются с ответом. Отметим, что среди представителей коммерческого сектора психологически позитивно настроенных людей существенно больше (на 8 % по сравнению с работниками государственных предприятий и организаций и на 10 % – по сравнению с безработными). Причины позитивного или негативного психологического настроения граждан во многом, как уже говорилось, определяются экономической обеспеченностью и стабильностью, ведь в коммерческих структурах заработная плата существенно выше, чем в государственных. Напротив, лица, не имеющие постоянного источника дохода, гораздо более склонны к тревоге, неуверенности и пессимистическому настрою.

Ячейка 25. На фоне крайне низких оценок социально-экономического состояния в республике респонденты, занятые в государственном секторе экономики, все же оценивают ее чаще как благоприятную, стабильную. Такие ответы дали 24 % государственных служащих. В коммерческом секторе граждан, считающих положение благоприятным, – 21,5 %. И среди безработных – их всего 18,5 %. Возможно, высокий процент позитивных оценок среди работников государственного сектора объясняется тем, что они

имеют гарантированный доступ к социальным гарантиям государства. Кроме того, по своему статусу они более лояльны, чем опосредованно зависящие от властных структур работники частной сферы.

Ячейка 26. Как показало исследование, возрастная дифференциация работников государственной сферы, согласно ответам респондентов, следующая: 18–30 лет – 56 % опрошенных (причем сюда же относятся студенты государственных вузов); 31–50 лет – 49,5 %; 51 и более лет – 65 %. В коммерческом секторе занято 28 % лиц от 18 до 30 лет, 40,5 % – в категории от 31 до 50 лет и всего 9 % лиц старше 50 лет. Последнее объясняется тем, что работодатели в сфере бизнеса гораздо менее, чем в государственной сфере отягощены социальными обязательствами и предпочитают не нанимать работников пенсионного и предпенсионного возрастов. Также по причине того, что в «старшей» группе респондентов большинство пенсионеров, среди них и самый высокий процент неработающих – 27 %. Меньше всего безработных в категории от 31 до 50 лет: как правило, это люди давно и прочно профессионально определившиеся, часто с немалым рабочим стажем, прикованные к рабочим местам необходимостью содержать родных и близких.

Ячейка 27. Что касается градации респондентов по половому признаку, то в государственном секторе трудится 35,5 % мужчин и 64,5 % женщин. В частном секторе, наоборот, преобладают мужчины (56 % против 44 %). И среди безработных – 51 % мужчин и 49 % женщин. Несмотря на отсутствие должного представительства женщин в высших эшелонах власти, они практически в два раза активнее мужчин осваивают государственный сектор, занимая должности различного уровня. Данные результаты еще раз свидетельствуют об упомянутом феномене «приднестровской женщины».

Ячейка 28. В государственном секторе занято 57 % опрошенных, имеющих высшее образование, и 43 % граждан, получивших только среднее образование. В коммерческих структурах преобладание дипломированных специалистов гораздо заметнее: 60 % работников с высшим образованием и

всего 39 % – со средним. Такие результаты ожидаемы, поскольку рыночно социально обоснованы: более компетентные специалисты могут рассчитывать на более достойные условия и оплату труда. Среди безработных процент людей с высшим образованием тоже существенно ниже, чем со средним: 43 % против 57 %.

Проанализируем социокультурный фактор, характеризующий настрой населения, в зависимости от психологического, материального и демографического статусов.

Ячейка 34, 35. Любопытно сравнить данные о психологическом настрое и оценке социально-экономической ситуации среди представителей трех основных национальностей в республике. Так, среди молдаван психологически позитивно настроено 68 % респондентов. В то же время социально-экономическую ситуацию среди них считают благоприятной только 26 % респондентов. Аналогичная ситуация среди украинцев (57 % и 17 %) и среди русских (61 % и 23 %). Напрашивается вывод, что негативная оценка социально-экономического положения государства вовсе не является препятствием для позитивного мироощущения граждан. Это можно объяснить тем, что кризисная ситуация в республике в силу особого статуса и геополитических реалий является перманентной. С одной стороны, у населения должен был выработаться иммунитет к кризисным условиям. С другой – немаловажна и пропагандистская роль средств массовой информации. На протяжении многих лет борьба с различными кризисами (внешнеполитическим, внутренним, экономическим) возводилась фактически в ранг национальной идеи, а завтрашний день рисовался перспективно («нас признают», «возымеют действие реформы», «поможет Россия» и т. д.). Впрочем, последние президентские выборы показали, что готовность населения к действию в условиях осознания кризиса привела к тому, что народ все же созрел для кардинальной смены властных формирований, невзирая на все усилия административных СМИ.

Ячейка 36. Среди респондентов молдавской национальности преобладала молодежь (от 18 до 30 лет) – 52 %; 38,5 % опрошенных относились к «средней» возрастной группе (31 – 50 лет); 10 % - к «старшей» (51 и более лет). Среди украинцев молодежь составляла 61 %; «средняя» группа – 29 %; «старшая» – 11 %. Среди русских молодежь, средний возраст и «старшие» распределились следующим образом: 57 %, 36 % и 6 % соответственно.

Ячейка 37. Среди опрошенных лиц молдавской национальности было 40,5 % мужчин и 59,5 % женщин. Среди украинцев – 42,5 % мужчин и 57,5 % женщин. Среди русских – 47 % мужчин и 53 % женщин.

Ячейка 38. По образовательному статусу: среди респондентов молдавской национальности 49 % имеет высшее образование и 51 % – среднее. Среди украинцев – 56 % респондентов с высшим образованием и 44 % – со средним. Среди русских – 63 % опрошенных получили высшее образование и 37 % – среднее. Таким образом, отношение к высшему образованию на молдавском и украинском языках из разряда декларативной «поликультурности» приднестровского государства должно находить свою реализацию в реальных государственных образовательных заказах.

Анализ психологического фактора, характеризующего настрой населения, в зависимости от материального и демографического статусов представлен ниже.

Ячейка 45. По мере продвижения по матрице большинство из данных в ее ячейках выступают в роли контрольных цифр, подтверждающих или опровергающих сделанные ранее выводы. Так, в полном соответствии с причинами и предпосылками, описанными в п.п. 15 и 24, среди материально обеспеченных респондентов 80 % психологически позитивно настроены, а среди опрошенных, кто не обеспечен материально, таковых не более 60 %.

Ячейка 46. Среди молодежи (18–30 лет) психологически позитивно настроенных почти в два раза больше, чем негативно: 66 % и 34 %

соответственно, что вполне естественно определяется психологическими особенностями этой возрастной категории. Среди респондентов возрастной группы от 31 до 50 лет позитивно настроены 57 % опрошенных, негативно – 43 %. Разница же между позитивным и негативным настроем среди «старших» еще меньше, чем у «средней» группы: всего 4 % в пользу первых (52 % и 48 %).

Ячейка 47. Среди мужчин психологически позитивно настроены 62,5 % респондентов, негативно – 37,5 %. Среди женщин, соответственно, 61 % и 39 %. Тут «войны полов» не происходит: особого разброса в качестве психологического настроения нет. Отметим, что процент позитивно настроенных респондентов, независимо от пола, гораздо выше негативного. Это можно также объяснить причинами, приведенными в п. 34 и 35.

Ячейка 48. Примерно та же картина наблюдается и среди респондентов, дифференцируя их по уровню образования. Психологически позитивно настроено 61 % лиц и с высшим образованием, и со средним образованием. Негативно – 39 %. Исследование результатов мониторинга в этом сечении еще раз подтверждает, что превалирование позитивного настроения среди общей массы опрошиваемых.

Далее приводятся результаты изучения материального фактора, характеризующего настрой населения, в зависимости от его демографических статусов.

Ячейка 56. Во всех возрастных категориях процент материально обеспеченных граждан гораздо ниже, чем необеспеченных. Так, среди молодежи материально обеспечены 22 % респондентов, в «средней» группе (31 – 50 лет) – тоже 22 %, среди людей старше 50 лет – 24 %.

Ячейка 57. По гендерной градации: материально обеспечены 20 % мужчин и 24 % женщин.

Ячейка 58. Среди лиц с высшим образованием материально обеспечены 24 % опрошенных, со средним – 20 %.

Приведенные ниже данные представляют интерес для СМИ с точки зрения стратификации аудитории по социально-демографическим признакам.

Ячейка 67. За время проведения исследования было опрошено 610 человек возрастной категории от 18 до 30 лет, из них 44 % мужчин и 56 % женщин; 410 человек «средней» возрастной группы (31–50 лет), из них 47 % мужчин и 53 % женщин; 179 человек старше 50 лет, из них 30 % мужчин и 70 % женщин.

Ячейка 68. Среди молодежи от 18 до 30 лет 58 % имеет (или получает) высшее образование, 42 % – среднее. В «средней» возрастной группе (31 – 50 лет) высшее образование получили 56 % респондентов, среднее – 44 %. И среди опрошенных старше 50 лет 46 % с высшим образованием и 54 % со средним. Как видим «отрыв» первых двух групп от последней составляет около 10 %.

Ячейка 78. Среди опрошенных граждан с высшим образованием – 45 % мужчин и 55 % женщин. Среди респондентов, получивших среднее образование – 42 % мужчин и 58 % женщин.

Вопросы легитимности государственной власти активно обсуждаются не только на политическом уровне, находятся в центре внимания общественных деятелей, но и в течение последних лет являются предметом изучения гуманитарной науки. Анализ действующего национального законодательства, эффективности институциональной инфраструктуры, демократичности и открытости государственных институтов, безусловно, в определенной степени предоставляет возможность оценить уровень состоятельности и организованности официальной власти в государстве. Однако доминирующим фактором в определении степени легитимности действующей власти, на наш взгляд, должна выступать степень доверия населения властным институтам.

Показательные результаты выборов депутатов Верховного Совета, Президента ПМР демонстрируют высокую степень согласованности

общества и власти, однако в большинстве случаев высокий рейтинг популярности того или иного кандидата через некоторое время в силу определенных причин может смениться высокой степенью критичности по отношению к его деятельности и, соответственно, к его персоне.

Подводя итог исследованию массовой аудитории в контексте устойчивости культурно-информационного пространства, необходимо отметить, что комплекс представленных результатов наглядно свидетельствует о кризисности общественного сознания и высоком протестном потенциале по отношению к властным структурам со стороны населения, что предопределило результаты президентских выборов в Приднестровье в конце 2016 года. Мониторинг социальных статусов в предлагаемом разрезе может помочь прогнозировать социокультурный процесс в обществе и отследить динамику состояния культурно-информационного пространства, а также, грамотно используя СМИ, предупреждать потенциально возможные социальные потрясения и трансформацию массового сознания.

3. 4. Элитарное измерение культурно-информационного пространства Приднестровья

Эффективность или отсталость конкретной общественной системы во многом определяется связкой «элита – народ», ее «архитектурой» и предметным содержанием. Традиционно исследование общественно-политических процессов опирается на анализ различных компонентов – власти, элиты, общества. Однако данные структурные компоненты могут быть рассмотрены в характерном для них разобщенном состоянии лишь в условиях спокойного течения процессов. Между тем, в условиях кризиса в ход пускаются особые консолидирующие механизмы, объединяющие все эти мало сообщающиеся в обыденных условиях компоненты. К элитарным

компонентам общественных процессов правомерно относить более продвинутые (образованные, опытные, функционально дифференцированные, обладающие влиянием и властью) группы, организации, институты. За общим термином «элита» уже по определению не может стоять какая-то однородная и сплоченная общность, – если, конечно, не иметь в виду варианты примитивных социальных организаций, для нашей действительности давно не характерных. Элитарные слои и структуры в сферах (подсистемах) управления, культуры, бизнеса, просвещения, коммуникации, социальных услуг и т. д. специализированы и разобщены, это их «нормальное» состояние. В экстраординарных ситуациях общественной мобилизованности, возбуждения, эмоционального напряжения и т. п. формируются или активизируются консолидирующие механизмы (структуры), способные действовать «поверх» функциональных и «элитарных» барьеров.

По мнению известного российского социолога и политолога Ю. Левады важнейшей характерной особенностью всех элитарных групп Российской империи, затем Советского Союза и, наконец, постсоветского пространства является их этатистская, государство-центристская ориентация, будь то позитивная (надежды на власть предрержащих) или негативная (демонстративно антигосударственная). Автор полагает, что единственно значимой точкой отсчета оставалась государственная власть, причем более высокий («элитный») статус неизменно означал не столько более высокую профессиональную квалификацию и репутацию, сколько бóльшую приближенность к власти и бóльшую зависимость от нее, (притом, всестороннюю – от сохранения статуса до личной безопасности). В такой ситуации статус измеряется не удаленностью от «низших» ступеней профессиональной и т. п. специализированной иерархии, а приближенности к

условно-обобщенной неспециализированной «верхушке» социальной системы²⁸⁶.

Ни социально-политические кризисы, ни смены режимов не внесли принципиальных изменений в такое положение вещей. Лишним подтверждением может служить довольно быстрое и практически беспроблемное посткризисное восстановление государственного контроля над различными сферами экономической, административной, интеллектуальной и культурной деятельности в стране.

В то же время, такая «приближенность» к «верхушке», к сожалению, практически всегда сопровождается отдалением от народных масс, от основного гражданского общества.

В этой части работы мы попытаемся сравнить результаты массового опроса, представленные в предыдущем параграфе, с аналогичными данными, полученными при анкетировании представителей политической элиты Приднестровья. Вопросы анкеты были составлены так, чтобы максимально точно выяснить: насколько элита знает точку зрения, позицию народных масс, насколько адекватно и объективно оценивает отношение народа к власти и к социально-политической ситуации в государстве в целом. В данной части социологического исследования приняли участие более 50 человек, в число которых вошли представители и исполнительной, и законодательной ветвей власти.

Проанализируем, насколько идеологический статус населения адекватно оценивается представителями политической элиты Приднестровья.

Ячейка 21. Согласно результатам исследования, элита считает, что 59 % работников госучреждений доверяет власти. Среди занятых в коммерческих структурах, по мнению элиты, Президенту, Правительству и Парламенту доверяет 36 % граждан. А в прослойке безработных уровень доверия к власти, как считает элита, равен 12,5 %. В своей оценке

²⁸⁶ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.– Доступно: <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

представители элиты руководствовались, скорее всего, стандартными схемами. Так, очевидно, что государственные служащие априори лояльны к власти, находятся в прямой зависимости от государственных, а, следовательно, и властных структур. Служащие коммерческих предприятий, напротив, от власти более независимы, но успех их деятельности также в большинстве случаев связан с социально-экономической ситуацией в республике. Бизнес-структуры, как правило, склонны более критично оценивать действия государственного аппарата, в частности – экономическую политику властей. Государство, регламентируя деятельность бизнеса, в том числе и налоговой системой, влияет на уровень его доходов. Что касается безработных, то, по мнению элиты, по-видимому, человек, экономическое положение которого неустойчиво, а социальный статус не позволяет деятельно участвовать в производственных и экономических процессах, не может быть позитивно настроен по отношению к окружающей действительности, ситуации в государстве и к олицетворяющим это государство властным структурам.

Ячейка 31. Оценки, выставленные элитой по «шкале доверия» населения к власти, колеблются в зависимости от национальности респондентов. Как видно из результатов мониторинга, респонденты из числа элиты молдавской национальности считают, что доверяют власти 78 % граждан. Опрошенные представители элиты украинской национальности полагают, что доверие властным структурам оказывает лишь 22 % населения. Судя по ответам «русской элиты», они считают, что власти доверяет 42 % приднестровцев. Как видим, наиболее критично настроены респонденты украинской национальности. Молдаване склоняются к тому, что подавляющее большинство народа власть поддерживает. Русские же придерживаются «золотой середины».

Ячейка 41. Если рассматривать народное мнение в сечении «психологический настрой – идеологический статус», то, по мнению представителей элиты, среди психологически позитивно настроенных

граждан доверяет властным структурам 55 %. Среди негативно настроенных – всего 25 % населения выказывает доверие власти. Как видим по результатам опроса, в оценке идеологического статуса респондентов элита напрямую исходит из психологического настроения человека. То есть, по мнению представителей элиты, люди, видящие в окружающей действительности преимущественно негатив, соответствующе оценивают деятельность властных структур. И наоборот, позитивно настроенные, по-видимому, тоже считают свое психологическое благополучие прямым следствием работы государственного аппарата. Следуя этой причинно-следственной связи, элита и оценивает степень доверия или недоверия населения к органам власти.

Ячейка 51. В данном пункте элита оценивала отношение народа к власти в соотношении «идеологический статус – материальный фактор». Интересно отметить, что, по мнению представителей элиты, граждан, которые бы позитивно оценивали социально-экономическое положение своей страны, в республике нет вообще. По-видимому, здесь элита исходит из той предпосылки, что постоянные кризисы, в которых перманентно пребывает наше государство, не позволяют народу видеть в социально-экономической сфере жизни республики ни позитива, ни перспективы, а следовательно, все 100 % населения республики оценивают положение как неблагоприятное, критическое. В то же время, последние президентские выборы в 2016 году показали, что народ вполне способен оценить предлагаемые пути выхода из кризисных ситуаций и предоставить кредит доверия новоизбранной власти под залог надежды на социально-экономическое восстановление государства.

По мнению представителей элиты, из 100 % негативно оценивающих положение в республике граждан 71 % населения не доверяет президентской, исполнительной и законодательной власти.

		Институциональный блок (факторы)							
		Идеологический	Деятельност- ный	Социокультурный	Психологи- ческий	Материальный	Демографический		
							возраст	пол	образование
Функциональный блок (статусы)	Идеологический (доверяю)	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹
	Деятельностный (гос. служащие / негосударст. сектор / безработные)	12	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²
	Социокультурный (молдаване / украинцы / русские)	13	23	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³
	Психологический (позитив / негатив))	14	24	34	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴
	Материальный (стабильный / неблагоприятный)	15	25	35	45	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵
	Демографический (возраст: 18–30 / 31–50 / 51 и выше)	16	26	36	46	56	66	22/80/87 ⁷⁶	32/39/29 ⁸⁶
	Демографический (пол: мужчины / женщины)	17	27	37	47	57	67	77	64/36 ⁸⁷
	Демографический (образование: высшее / среднее)	18	28	38	48	58	68	78	88

Ячейка 61. Что касается возрастной градации респондентов, то представители элиты от 18 до 30 лет полагают, что 52 % населения доверяет властным структурам. Элита «средней» возрастной категории (31–50 лет) считает, что доверие власти оказывает 33 % населения. По мнению «старшей» возрастной группы (51 и более лет), президентской, исполнительной и законодательной ветвям власти доверяет 37,5 % приднестровцев. Такой разброс во мнениях можно объяснить психологическими особенностями различных возрастных групп. Молодость склонна к категоричным суждениям и определению для себя кумиров или примеров для подражания. Таким примером вполне может стать старший товарищ, руководитель, лидер. Вполне естественно, что «молодая элита» склонна видеть такого лидера в представителе верховной власти, отсюда завышенная оценка и его качеств, и власти в целом. Значит, и отношение других людей к тому же предмету оценивает сквозь призму собственного восприятия. Людям в возрасте от 31 до 50 в большей степени свойственна критичность, которую позволяет уже накопленный личный опыт, сказывается первый возрастной кризис, и т. д. Именно поэтому действительность они воспринимают куда более пессимистично, нежели молодые. Люди в возрасте старше 50 лет – это представители советской эпохи, когда критичное отношение к власти являлось едва ли не признаком маргинальности. Однако в данном случае речь идет о представителях элиты: будучи близки к верховной власти, они полагают, что владеют информацией об общественном настроении.

Ячейка 71. По результатам опроса представителей элиты, респонденты мужского пола считают, что властным структурам доверяет 31,5 % населения республики. Женщины считают, что половина граждан ПМР верит власти. Как видим, «разрыв» составляет 18,5 %. Это можно объяснить (по аналогии с п. 17) психологическими особенностями представителей разных полов.

Ячейка 81. Среди опрошенных представителей элиты нет людей, получивших только среднее образование. У 100 % респондентов – высшее

образование. Опрошенные представители элиты считают, что 37 % населения доверяет власти. Заметим, что при отсутствии альтернативы в образовательном факторе, результат, отраженный именно в этом пункте, можно считать «чистым», не градуированным ни по каким сопутствующим признакам. То есть, 100 % представителей элиты считает, что 37 % приднестровцев доверяет властным структурам, и 63 % такового доверия власти не оказывают.

Далее представлены результаты экспертного опроса политической элиты по вопросу социально-профессионального (деятельного) статуса населения, его занятости и удовлетворенности своим материальным положением.

Ячейка 32. Анкетирование представителей элиты в сечении «социокультурный фактор – деятельностный статус» выявило следующие результаты. 100 % опрошенных представителей элиты молдавской национальности считают, что абсолютное большинство приднестровцев занято в государственном секторе. В коммерческом секторе и безработных – подавляющее меньшинство. Среди респондентов – представителей элиты украинской национальности, напротив, считающих, что большинство населения занято в государственном секторе экономики, нет (0 %); 33 % считает, что большинство граждан занято в частном секторе экономики; 67 % – что большинство населения не имеет постоянного источника доходов. Среди элиты русской национальности 27 % полагает, что большинство населения занято в государственном секторе, 73 % – уверено, что большинство приднестровцев занято в бизнесе, а вот таковых, кто считает, что большинство населения – безработные, нет (0 %). Следует отметить, что результаты и по другим пунктам, представляющим социокультурный разрез, свидетельствуют, что представители молдавской национальности демонстрируют в своих ответах прогосударственный настрой в большей степени, нежели украинцы, которые склоняются в диаметрально

противоположную сторону. «Русская» элита демонстрирует умеренность, придерживаясь «центра».

Ячейка 42. По мнению элиты, среди населения, занятого в государственном секторе, преобладает позитивный психологический настрой: 56 % граждан ощущает спокойствие и желание действовать, 44 % чувствуют тревогу, безысходность, пассивны. Среди приднестровцев, занятых в коммерческом секторе экономики, как считает элита, психологически позитивно настроено только 14 % населения, а 86 % – негативно. Среди безработных, по мнению представителей элиты, позитивно настроенных граждан нет. Видимо, здесь представители элиты исходили из предполагаемого экономического статуса граждан. Так, люди, не имеющие постоянного источника доходов, экономически нестабильные (безработные), по мнению элиты, не могут ощущать спокойствия и уверенности. Представители коммерции, напрямую зависящие от кризисных ситуаций в экономике государства, от изменений в законодательстве, тоже ощущают неустойчивость своего положения, а потому в большинстве своем, по мнению элиты, настроены психологически негативно. Пассивность в данном случае определяется слабой возможностью влиять на ситуацию. Граждане же, занятые на государственных предприятиях и в организациях, свое положение ощущают как относительно стабильное, пусть порой и далекое от благополучного. Это, по мнению элиты, видимо, является определяющим фактором и психологической стабильности (состояния спокойствия).

Ячейка 52. Представители элиты считают, что 89 % населения, занятого в государственном секторе, оценивает социально-экономическое положение республики как неблагоприятное, а 11 % – как критическое. Среди занятых в коммерческом секторе, по мнению элиты, 92 % граждан оценивает социально-экономическую ситуацию как неблагоприятную, 8 % – как критическую. И среди безработных неблагоприятной ситуацию в государстве считают 25 % респондентов, критической – 75 %. Граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию как благоприятную, по

мнению элиты, в республике нет. В этом сечении надо отметить разницу, по мнению элиты, в оценке критичности ситуации между работающими и безработными. Люди, не имеющие постоянного источника дохода, как считает элита, гораздо больше склонны характеризовать социально-экономическое положение республики как критическое. Разница составляет от 64 % до 67 %.

Ячейка 62. Результаты опроса выявили, что среди представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 33 % считает, что большинство граждан заняты в государственном секторе экономики, 67 % полагает – что в коммерческом (частном) секторе, и нет таких, кто считает, что большинство населения ПМР – безработные (0 %). Среди представителей элиты в возрасте от 31 до 50 лет 27 % полагает, что большинство населения работает в государственном секторе, 54,5 % – что большинство населения занято в коммерческой деятельности, и 18 % относит большинство приднестровцев к категории безработных. Голоса респондентов – представителей элиты «старшей» возрастной группы (от 51 и старше) разделились следующим образом: 37,5 % считает, что большинство приднестровцев занято в государственном секторе, 25 % – что в коммерческом секторе, и 37,5 % полагает, что большинство граждан не имеет постоянного источника доходов. При градации по возрасту, разброс во мнениях очевиден. Молодежь склонна видеть действительность в достаточно светлых красках: по ее мнению, большинство населения занимается коммерцией, безработных в стране практически нет. Представители среднего возраста более приближены к реальности: они также относят род занятий большинства граждан ПМР к сфере бизнеса, но допускают и определенный процент безработных. Респонденты старше 50 лет к представителям бизнеса причисляют меньшинство приднестровцев, а вот на долю государственного сектора и безработных выходит равный (и отнюдь не маленький) процент.

Ячейка 72. Представители элиты, принявшие участие в опросе, полагают, что среди трудящихся в государственном секторе экономики

Приднестровья работает 56 % мужчин и 44 % женщин. В частном (коммерческом) секторе занято 54 % мужчин и 46 % женщин. А среди людей, не имеющих постоянного источника дохода – 100 % мужчин, женщин же нет вообще.

Ячейка 82. Как мы уже отмечали выше, среди опрошенных представителей элиты 100 % имеет высшее образование. Согласно результатам опроса, 29 % из них считает, что большинство населения занято в государственном секторе экономики, 45 % полагает, что большинство граждан занято в частном (коммерческом) секторе, и 26 % считает, что большинство граждан находится в статусе безработного. Таким образом, элита полагает, что большинство населения республики в той или иной мере занимается коммерческой деятельностью. Возможно, это связано с утвердившимся стереотипом о тяжелом положении государственных предприятий.

Не менее интересны результаты ответов представителей политической элиты по проблемам социокультурного статуса населения.

Ячейка 43. Согласно опросу представителей элиты в социокультурном–психологическом сечении, 100 % элиты молдавской национальности считает, что население психологически позитивно настроено (испытывает спокойствие и желание действовать). Напротив, 100 % элиты украинской национальности полагает, что приднестровцы настроены психологически негативно: испытывают тревогу, безысходность, пассивны. Среди элиты русской национальности такого единодушия не наблюдается: 27 % русских респондентов (представителей элиты) считает, что народ настроен позитивно, и 73 % уверено, что большинство граждан республики психологически негативно настроено. Тут прослеживается некоторая аналогия с п. 31: наиболее критично настроены респонденты украинской национальности; молдаване склоняются к тому, что абсолютное большинство народа настроено позитивно; мнения русских разделились, хотя

и далеко не поровну (к негативной оценке народного настроения склоняется на 46 % больше русских респондентов).

Ячейка 53. Что касается оценки населением материального фактора, то 100 % представителей элиты молдавской национальности полагает, что большинство населения оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное. Мнение элиты украинской национальности аналогично точке зрения молдаван. И те, и другие полагают, что приднестровцы не склонны оценивать ситуацию в государстве как критическую. Что касается представителей элиты русской национальности, то 85 % из них считают, что большинство населения оценивает ситуацию как неблагоприятную, и 15 % – что как критическую.

Ячейка 63. Относительно совокупности социокультурных и демографических характеристик можно сделать следующие выводы: среди опрошенных представителей элиты молдавской национальности 67 % принадлежат к молодежи (18–30 лет), 33 % относятся к «средней» возрастной группе (31–50 лет); лиц старше 50 лет среди них нет. Среди элиты украинской национальности – представители только «средней» возрастной категории (31–50 лет). Среди элиты русской национальности 47 % относится к «младшей» возрастной группе (18–30 лет), 33 % – к «среднему возрасту» (31–50 лет) и 20 % – к «старшей» возрастной группе.

Ячейка 73. Среди опрошенных представителей элиты молдавской национальности 33 % принадлежат к мужскому полу и 66 % – к женскому. Среди украинцев – представители только мужского пола. Среди элиты русской национальности 47 % мужчин и 53 % женщин.

Ячейка 83. Все опрошенные представители элиты имеют высшее образование. Среди них – 14 % молдаван, 14 % украинцев и 72 % русских.

Проанализируем данные, полученные от представителей политической элиты Приднестровья о психологическом статусе населения.

Ячейка 54. Как мы уже отмечали, элита считает, что абсолютное большинство приднестровцев оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное. При этом, по мнению представителей элиты, 17 % из них психологически позитивно настроены и 83 % – негативно. То есть, негативно настроенных граждан на 66 % больше. Такой результат неудивителен при исходном посыле отсутствия граждан, позитивно оценивающих социально-экономическую ситуацию в государстве.

Ячейка 64. Среди респондентов – представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 33 % считает, что большинство граждан психологически позитивно настроены, и 67 % – что большинство населения настроено негативно. Среди опрошенной элиты «среднего возраста» (31–50 лет) 36 % полагает, что большинство граждан настроено позитивно, и 64 % – что негативно. И среди элиты старше 50 лет – все 100 % уверены, что большинство населения республики психологически негативно настроено. Возможно, в данном сечении столь категоричный результат «старшей» возрастной группы можно объяснить психологическими особенностями, свойственными их возрасту (например, излишняя мнительность).

Ячейка 74. Среди опрошенной элиты мужского пола 83 % полагают, что большинство населения настроено психологически негативно, и только 17 % считает, что приднестровцы в основном позитивно настроены. Среди опрошенных представителей элиты женского пола разброс во мнениях гораздо меньше: 40 % считает, что большинство граждан психологически позитивно настроено, и 60 % склоняется к негативной оценке. Впрочем, это тоже можно объяснить психологическими особенностями, присущими представителям разного пола. К примеру, при проведении любого тестирования женщины, как правило, показывают меньшую критичность в результатах, нежели мужчины.

Ячейка 84. Среди опрошенных представителей элиты 23 % считает, что большинство населения позитивно настроено, и 77 % – что приднестровцы склоняются к психологически негативному настрою. Как

видим разница в оценках по «психологической шкале» составляет 54 % в пользу негатива.

Оценка представителей политической элиты проблем материального статуса населения представлена ниже.

Ячейка 65. По результатам мониторинга, представители элиты полагают, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет. Следовательно, в данном случае мнения распределились между характеристиками «неблагоприятное» и «критическое». Среди представителей элиты в возрасте от 18 до 30 лет 86 % полагает, что граждане склонны оценивать ситуацию в государстве как неблагоприятную, 14 % считает, что население оценивает социально-экономическое положение ПМР как критическое. Среди респондентов «средней» возрастной категории (31–50 лет) 91 % считает, что граждане оценивают ситуацию в республике как неблагоприятную, 9 % считает, что население оценивает ее как критическую. В «старшей» возрастной группе (от 51 и старше) 62,5 % респондентов считает, что большинство населения оценивает социально-экономическое положение республики как неблагоприятное, 37,5 % – как критическое.

Ячейка 75. Как мы уже отмечали, элита считает, что нет населения, оценивающего как благоприятное социально-экономическое положение в стране. Среди опрошенной элиты мужского пола 78 % полагает, что большинство приднестровцев оценивает положение республики как неблагоприятное, и 22 % – как критическое. Среди элиты женского пола 75 % считает, что большинство народа оценивает ситуацию в республике как неблагоприятную, и 25 % – как критическую. Как видим, в данном сечении результаты опроса мужчин и женщин фактически разнятся минимально.

Ячейка 85. Как показали уже рассмотренные итоги исследования, представители элиты считают, что население оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное. В результате:

72 % элиты с высшим образованием считает, что большинство населения оценивает ситуацию в республике как неблагоприятную; 27 % полагает, что большинство населения считает социально-экономическую ситуацию в ПМР критической. Учитывая, что в этой ячейке отсутствует альтернативный образовательный фактор, можно считать этот результат «чистым» (верным для всей массы опрошенной элиты).

Далее приведем результаты социально-демографических характеристик элитарных слоев населения.

Ячейка 76. Среди опрошенных представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 22 % мужчин и 78 % женщин. В «средней» возрастной категории (31–50 лет) эти показатели соответствуют 80 % и 20 %. И среди респондентов старше 50 лет 87,5 % мужчин и 12,5 % женщин.

Ячейка 86. Среди опрошенной элиты 32 % представителей молодежи (18–30 лет), 39 % людей «среднего возраста» (31–50 лет) и 29 % перешагнуло пятидесятилетний рубеж.

Ячейка 87. Среди опрошенных представителей элиты все 100 % респондентов получили высшее образование. Из них: 64 % мужчин и 36 % женщин.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что приднестровская элита располагает довольно противоречивыми сведениями в отношении общественного состояния и настроений населения. Примечательно, что представители властных структур полностью отдавали себе отчет в том, что социально-экономическое, психологическое, а также идеологическое состояние граждан Приднестровья находится на критическом уровне и балансирует на грани отторжения проводимой государством внутренней политики. Необходимо также отметить, что представители элиты совершенно не владели информацией о настроениях граждан Приднестровья в разрезе социально-демографических характеристик.

3. 5. Перспективы диагностики СМИ устойчивости культурно-информационного пространства

Русский философ Н. А. Бердяев писал: «Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самих недр народной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленным над ним».²⁸⁷

Как нам представляется, Бердяев был склонен к идеализированию элиты, но в главном он был прав: элита должна быть «имманентной» – то есть, буквально, «оставаться внутри». Трансцендентность для нее – начало конца.

Понятие об элите только как об определенной замкнутой касте политиков и чиновников высокого ранга слишком узко. Элита – это «социальная общность, концентрирующая в своих руках значительный объем политической, прежде всего государственной власти, обеспечивающая выражение и воплощение в управленческих решениях коренных интересов различных классов и слоев общества и создающая соответствующие механизмы реализации политических замыслов и концепций. Элита отличается вполне определенными интегративными качествами: относительным единством целей и воли к их достижению, корпоративностью духа, единой системой моральных и духовных ценностей»²⁸⁸.

Когда же элита перестает «выражать и воплощать» интересы хотя бы одного классового сегмента – это чревато акциями протеста (вплоть до революций, как наглядно демонстрируют примеры из истории России), но

²⁸⁷ Бердяев Н. А. . Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918. – Доступно: <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

²⁸⁸ Чернов Е. Структурная трансформация элиты в России в 1989–1993 годах. – Доступно: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

чтобы выражать чьи-либо чаяния, необходимо постоянно иметь доступ к оперативной информации о состоянии массового сознания. В противном случае отсутствие данных о настроениях населения, его позициях и восприятии окружающей действительности означает отрыв от реальной жизни и бесперспективность политической элиты. Причем в системе «политика–народ» это, как правило, безвозвратный процесс.

Сопоставление результатов институциональных факторов и функциональных статусов во втором и третьем параграфах соответственно проводилось с учетом разницы между процентными показателями в ответах опрошенных представителей населения и элиты, которая была градуирована на следующие диапазоны:

- зеленый (его диапазон – от 0 до 10 единиц разницы);
- желтый (диапазон – от 11 до 20 единиц);
- красный (от 21 до 100 единиц).

Красный цвет ячейки свидетельствует о серьезном противоречии между видением ситуации народом и элитой. Желтый означает допустимую, но почти критическую разницу во взглядах. Зеленый – элита и народ понимают друг друга. Цвет ячеек с двумя и более показателями определялся путем приоритета одного из цветов.

Оппозиция ячеек 21–12. Из сравнения блоков матрицы 12 и 21 мы видим, что в этих ячейках матрицы мнение народа и представления политэлиты об этом мнении значительно разнятся. Разница составляет более 20 единиц, а значит – цвет ячейки красный. Так, согласно опросу населения 30 % служащих государственного сектора экономики доверяет Президенту, Кабинету Министров, Парламенту. Элита же полагает, что таковых – 59 %, т. е. практически в два раза больше. Такой энтузиазм и вера в преданность бюджетников действующей власти скорее всего может быть следствием автономности власти, отгороженности ее от народа. Согласно опросу среди населения, представляющего бизнес-сферу, власти доверяют 29 %. Элита считает, что таковых – 36 %. Элита полагает, что практически все люди, не

имеющие постоянного источника дохода, негативно отзываются о власти и доверяют ей всего 12 %. В то же время социологический опрос свидетельствует, что треть безработного населения выказывает доверие действующей власти.

Как следует из сравнения, элита большей частью склонна завышать степень доверия народа к власти. В то же время, переоценивать степень доверия народа к власти также губительно для представителей элиты, как и попытка убедить в этом себя или вышестоящую власть. Так, по мнению многих экспертов, на президентских выборах в ПМР в 2011 году итог во многом определил именно такой настрой элиты: оценка ситуации окружением президента Смирнова (либо же выдача желаемого верхушкой элиты за действительность) в немалой степени и привела к краху избирательной кампании действующей на тот момент власти.

Оппозиция ячеек 13–31. В этих блоках матрицы разница в целом может и не столь очевидна, но по отдельным группам она довольно существенна. Так, среди населения молдавской национальности власти доверяют 39 % респондентов. Элита той же национальности уверена, что властным структурам доверяет целых 78 % граждан. По опросам населения, 26 % украинцев доверяет власти, в то же время элита украинской национальности полагает, что такового населения в стране – 22 %. Среди русского населения власти доверяет 29 %, а русская элита уверена, что 42 %. Как видим, наиболее приближены к народному мнению представители элиты украинской национальности. Элита молдавской национальности более чем оптимистична в своей оценке: у них народ доверяет правящей верхушке почти на 40 % больше, чем на самом деле. Русская элита также переоценивает степень доверия народа, но с меньшим разрывом (только в 13 %).

		Институциональный блок (факторы)							
		Идеологи- ческий	Деятель- ностный	Социо- культурный	Психологи- ческий	Материаль- ный	Демографический		
							возраст	пол	образование
Функциональный блок (статусы)	Идеологический	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹
	Деятельностный	30/29/33 ¹²	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²
	Социокультурный	39/26/29 ¹³	64/57/48 ²³	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³
	Психологический	33/28 ¹⁴	61/69/49 ²⁴	68/57/61 ³⁴	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴
	Материальный	61/24 ¹⁵	24/22/19 ²⁵	26/17/23 ³⁵	80/58 ⁴⁵	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵
	Демографический (возраст)	32/29/27 ¹⁶	56/50/65 ²⁶	52/61/57 ³⁶	66/57/52 ⁴⁶	22/22/24 ⁵⁶	66	76	86
	Демографический (пол)	29/32 ¹⁷	35/56/51 ²⁷	40/42/47 ³⁷	61/61 ⁴⁷	20/24 ⁵⁷	67	77	87
	Демографический (образование)	30/32 ¹⁸	57/61/43 ²⁸	49/56/63 ³⁸	61/61 ⁴⁸	24/20 ⁵⁸	68	78	88

Оппозиция ячеек 23–32. В блоках пересечения социокультурных и деятельностных характеристик – цвет красный. По всем трем показателям «размер» шага очень велик. Причем, как показывает сводная матрица, наиболее «оторвано» от народа мнение элиты украинской национальности (значение шага – 57). И даже между русскими – недопонимание, хоть и «на грани» – но все-таки недопустимо велико (шаг – 21).

Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что по этому пункту анкеты разброс в ответах даже внутри самой элиты огромен, что свидетельствует о разобщенности самой элиты по данному вопросу.

Интересен тот факт, что по мнению «русской» элиты безработица в стране – вообще не проблема, своими ответами они практически отказывают ей в праве на существование. Так же, как и элита молдавской национальности, отнесшая подавляющее большинство населения к госсектору экономики. Такую точку зрения можно объяснить крайней неосведомленностью, граничащей с некомпетентностью, либо нежеланием изучения распределения трудовых ресурсов по секторам экономики. Элита украинской национальности напротив, видимо полагает, что в стране вообще не существует ни бюджетников, ни госпредприятий.

Оппозиция ячеек 41–14. В сечении «психологический настрой – идеологический статус» цвет ячейки – желтый. Разница допустимая, но все же при ближайшем рассмотрении видны явные противоречия в отношении психологически позитивно настроенного населения. Среди самих позитивно настроенных, по результатам опроса, доверяет власти 33 % (незначительно больше, чем среди негативно настроенных). По мнению же элиты, среди позитивно настроенных людей лояльно относится к властным структурам 55 % граждан. Опять же, явно имеет место переоценка уровня лояльности народа к власти и проведение прямых параллелей, судя по всему ничем не обоснованных, между психологическим состоянием человека и его отношением к властям. То есть, по мнению элиты, население напрямую связывает свое психологическое самочувствие с деятельностью властных

структур. Исходя из ответов населения, такая взаимосвязь в большинстве случаев отсутствует.

Оппозиция ячеек 42–24. Что касается психологического настроения людей, занятых в различных секторах экономики, то тут мнения народа и элиты также серьезно расходятся. На «расстоянии» зеленого шага они только в отношении госслужащих. Тут разница между оценками представителей народа и элиты невелика (всего 5 %). Однако касательно представителей сферы бизнеса взгляды уже кардинально расходятся. По результатам опроса населения, люди, занятые в коммерческой сфере, пусть и не намного, но более позитивно настроены, нежели госслужащие. По мнению элиты – 86 % представителей бизнеса испытывают тревогу, беспокойство и пассивны. Учитывая, что практически вся политэлита старой формации завязана в крупном бизнесе, их точку зрения можно понять. Однако вряд ли она относится к народу: речь идет о слишком разном уровне бизнеса. В то же время, безработным элита вообще отказывает в позитивности психологического настроения. В то время как почти половина самих безработных определяет свой настрой как позитивный.

Оппозиция ячеек 51–15. В этих ячейках мы подошли, пожалуй, к самому показательному критерию – материальному. Крайне любопытно отметить, что, по мнению элиты, граждане республики вообще не оценивают социально-экономическую ситуацию в государстве как благополучную. Потому и разрыв во мнениях крайне велик: 61 % – так как, по результатам опроса населения, среди людей, позитивно оценивающих ситуацию в стране, именно столько доверяют Президенту и высшим органам власти. А по мнению элиты, их просто не существует.

Оппозиция ячеек 43–34. В данных блоках матрицы разница огромна по всем трем показателям – более 50 %. Цвет ячеек – красный. Если оценка своего психологического настроения представителями разных национальностей вполне «ровная» (разрыв между ними не более 5–10 процентов), то мнение представителей элиты неоднородно. Так, 100 % представителей элиты

молдавской национальности считают, что население республики оптимистично настроено. Украинцы же, наоборот: полностью отказывают народу в способности испытывать спокойствие и уверенность. Однако, в данном случае, в отличие от блока 13–31, среди русских также наблюдается существенный разброд во мнениях (более 60 %).

Оппозиция ячеек 52–25. Что касается оценки гражданами социально-экономического положения республики (следовательно, и их собственного, поскольку результаты исследования свидетельствуют о корреляции этих показателей), то это один из четких индикаторов устойчивости культурно-информационного развития. Население оценивает социально-экономическое положение республики довольно однозначно (около 20 % представителей всех сфер экономики – позитивно, около 80 % – негативно), в то время как элита считает, что позитивных оценок социально-экономической ситуации в республике нет. По мнению представителей элиты, граждане ПМР способны видеть экономику и перспективы развития своей страны только в черном цвете, а ситуацию оценивать исключительно как критическую или, в лучшем случае, неблагоприятную. Возможно, разные взгляды и отношение к одним и тем же процессам в обществе связано с особым подходом и профессиональными знаниями: то, что народ считает вполне приемлемой и даже благополучной ситуацией – для элиты является критической. Именно автономность элиты от населения, незнание и непонимание общего настроения граждан в целом и отдельных их групп и привели к провалу избирательной кампании первого президента на выборах в 2011 г. Адресованные целевым аудиториям агитационные видеоролики и печатные материалы не просто не доходили до цели, а, наоборот, пытаясь навязать неактуальные для народа идеи, вызывали обратную реакцию, выступая раздражающим массовую аудиторию фактором.

Оппозиция ячеек 61–16. Фактически, единственный блок матрицы, в котором цвет по всем трем показателям не дотягивает до красного, а в общей совокупности – ячейка имеет зеленый цвет. Довольно прогнозируемы

результаты идеологического настроения граждан исходя из их возраста. Максимальный разброс во мнениях в этих ячейках – среди молодежи. Впрочем, это также психологически свойственно данному возрасту.

Оппозиция ячеек 53–35. По мнению элиты граждан, верящих, что экономическая ситуация в республике хотя бы стабильна, нет. В то же время, сами граждане показывают стабильный, хоть и не сильно высокий, процент доверия к власти. Экономическую ситуацию готовы назвать если не благоприятной, то, по крайней мере, стабильной, в среднем около 20 % граждан. Опять же, если рассматривать примеры пиар-кампаний президентских выборов 2011 г., то они более чем наглядно продемонстрировали, что граждане далеки от позиции «хуже уже не будет», и вполне готовы оказывать кредит доверия политическим силам под конкретные программы действий.

Оппозиция ячеек 62–26. Красный цвет этого блока матрицы – наиболее яркий показатель того, что элита находится далеко от своего народа. Данное сечение определяет соотношение возраста и сфер занятости. По всем показателям разница больше 20 процентов. Причем в данном случае элита продемонстрировала профессиональную некомпетентность, поскольку данный вопрос относится к сфере официальной статистики.

Оппозиция ячеек 71–17. В сечении «пол респондента – идеологический статус» расхождение в ответах между народом и элитой не столь велико. Как, впрочем, и в других блоках, где ответы обусловлены демографическими характеристиками (пол и возраст). В данных сечениях респондент дает ответы, руководствуясь больше свойственным его возрасту или полу психологическим особенностям, а не осознанием собственной принадлежности к тому или иному социальному классу. Впрочем, нельзя не отметить, что даже в данном случае цвет ячейки в целом все же не зеленый, а желтый. То есть, даже в таком однозначном положении элита и народ хоть и не столь существенно, но все же разошлись в результатах.

Оппозиция ячеек 54–45. Огромный разрыв в этом блоке (80/41) и его безусловно красный цвет определяется, в принципе, теми же факторами, что и в блоке 53–35. У народа – свое мнение по поводу зависимости психологического настроения от материального положения. Элита, в свою очередь, как уже было сказано, не верит в наличие людей, которые положительно оценивают экономическую ситуацию в республике.

Оппозиция ячеек 63–36. Несмотря на то, что сечение состоит из двух объективных характеристик («возраст – национальность») данный фактор следует отнести к числу субъективных, поскольку свидетельствует о степени взаимопонимания элиты и населения в зависимости от выборки и отбора респондентов. Однако эти данные можно использовать, к примеру, для более глубокого анализа респондентской массы и составления ее демографического портрета.

Оппозиция ячеек 72–27. Показательный блок, так как тут элита и народ разошлись в оценках, несмотря на то, что сечение частично обусловлено демографическим фактором. Так, суть состоит в определении того, сколько мужчин и женщин работает в том или ином секторе экономики. Если реальная фактура показывает только явный «перевес» женщин в госсекторе, а в остальных – представительство двух полов приблизительно равномерно, – то элита сошлась во мнении, что работающие мужчины и женщины занимают примерно равные места в госструктурах и бизнесе. А вот среди безработных, по мнению элиты, можно встретить в большинстве своем только мужчин. Удручает такой результат тем, что означает, по всей видимости, полную неосведомленность элиты о положении дел в госсекторе: т. е., в сфере, которую они уже по роду деятельности знать обязаны.

Оппозиция ячеек 81–18. В этих ячейках царит редкое единодушие: показатель всего один. В данном случае акцент ставится на такой характеристике, как образование. Так как у всех опрошенных представителей элиты образование высшее, то их ответы сравнивали с ответами только той категории населения, которая имеет высшее образование. Понятно, что у

людей примерно одного культурного уровня взгляды и мнения, как правило, не сильно разнятся.

Оппозиция ячеек 64–46. По трем показателям разрыв составляет больше 20 единиц. Как показывают результаты опроса, население оценивает свое психологическое состояние намного лучше, чем полагает элита. Кроме того, согласно анкетированию, представители «старшей» элиты не верят в позитивный психологический настрой у граждан. Впрочем, необоснованная уверенность, возведенная в ранг идеологии, во многом являлась визитной карточкой деструктивности предыдущей власти ПМР. Долгое время и СМИ работали по такой схеме: «если тысячу раз повторить, что мы живем замечательно – зритель поверит».

Оппозиция ячеек 73–37. В сечении «социокультурная характеристика – пол респондента» цвет желтый, но показательным для оценки понимания или непонимания народа и элиты не может являться. Ни половая, ни национальная принадлежность респондентов от них самих не зависят. Так что данный результат можно использовать только для составления «портрета» респондентской массы.

Оппозиция ячеек 82–28. В сечении «уровень образования – деятельная характеристика» расхождения во мнениях между элитой и народом не очень велики. Цвет – уверенно желтый. Это вполне объясняется теми же причинами, что и в блоке 81–18.

Оппозиция ячеек 65–56. В этом блоке разрыв невелик, но уверенно перешел за красную отметку. Напоминаем, что по результатам исследования, представители элиты полагают, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет. Население такую оценку опровергает.

Оппозиция ячеек 74–47. В отличие от представителей элиты население оценивает свой психологический настрой довольно позитивно. Элита же полагает, что большинство населения настроено психологически негативно. В результате такого мировосприятия, как показали выборы 2011

г., позитивно настроенный на перемены народ проголосовал против действующей власти, за тех, кто слоганом заявил «порядок».

Оппозиция ячеек 83–38. Этот блок также является показательным разве что для составления «портрета» респондента. Красный цвет в данном случае не говорит о взаимонепонимании между элитой и народом, так как и образование, и национальность – характеристики объективные.

Оппозиция ячеек 75–57. Как и в предыдущих ячейках, где есть позиция оценки социально-экономического положения республики, общий результат анализа определяет уверенность элиты в том, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет.

Необходимо отметить, что инерционные процессы из советского прошлого, когда административное давление на электорат являлось решающим в избирательных процессах, актуальны и в настоящее время. Слаженная организация командно-административной «машины» до последнего времени придавала действующей власти уверенность в наличии высокого кредита доверия со стороны населения и создавала иллюзию собственной незыблемости.

Рис. 3. Соотнесение настроений массовой аудитории и политической элиты Приднестровья

Как свидетельствует практика, попытки государственных СМИ сохранить положительный имидж представителей исполнительной ветви власти республики и конкурировать с частными информационными ресурсами, предоставляющими информацию вразрез с концепцией государственных СМИ, не увенчались успехом. Отстранение высшего руководства от действительности, отсутствие реальной информации о степени доверия населения, нежелание знать о состоянии и динамике общественного мнения предопределили соответствующее отношение населения к власти республики.

Результаты исследования подтверждают, что срок жизни политической элиты прямо пропорционален степени ее обособленности. Менее десяти процентов ячеек матрицы окрашены зеленым цветом, доминирование же красного цвета в матрице подтверждает кризис власти, который предопределил исход президентских выборов 2016 г. Политическая элита республики, демонстрируя низкие показатели согласованности собственных действий и позиций с общественными настроениями, показывает высокую степень автономности и отстраненности от населения. Уверенность элиты в том, что население находится на грани в материальном и психологическом отношении, наряду с бездействием и инертностью властных структур доказательно свидетельствует об умышленном развале экономической системы государства, доведении республики до состояния банкротства, а населения – до обнищания.

Выводы по III главе

1. Независимо от проблемной плоскости исследования генезиса молдово-приднестровского конфликта и становления приднестровской государственности информационная составляющая выступает доминантой, определяющей развитие как каждого из аспектов рассмотрения, так и

ситуации в целом. Выявленная значимость информационной политики в социокультурном развитии приднестровского сообщества, обусловленная комплексностью ее воздействия на все сферы его жизнедеятельности, определила стремительные темпы формирования и дальнейшего развития информационного пространства ПМР, компонентами которого являются не только государственные предприятия и организации, но и коммерческие информационные структуры, а также сетевые ресурсы приднестровского сегмента Интернет. Формирование и развитие информационного пространства Приднестровья в его неординарных условиях обусловило необходимость активной разработки законодательной базы, рамки которой могли бы регламентировать функционирование как всей системы СМИ, так и каждого средства массовой информации, в частности. Кроме того, изучение проблем развития культурно-информационного пространства общества в контексте измерения системы «элита–общество» выступает как необходимый элемент в определении перспектив государственного строительства Приднестровской Молдавской Республики.

2. Ограниченность аудитории и территории вещания с одной стороны, и отсутствие альтернативных каналов получения информации о внутригосударственной жизни – с другой делают и аудиторию, и СМИ Приднестровья уязвимыми в информационном отношении. Это чревато как уменьшением числа потенциальных читателей, слушателей, зрителей, так и дезориентацией населения и отсутствием понимания им сути происходящих в государстве событий. В то же время наличие четкой национальной идеи – борьба за приднестровскую государственность – позволяет преодолевать определенные трудности в развитии республиканской медиа-системы, природа которых кроется в субъективности и статичности отдельных СМИ при создании текстов массовой коммуникации. Предвзятость в подаче материалов и однотипность новостных выпусков негативно сказываются на аудитории электронных СМИ.

3. Современный этап развития информационной сферы Приднестровья может быть охарактеризован как этап противостояния двух информационных политик основных медиа-структур республики: государственных и коммерческих. Особенность такого противостояния заключается в том, что, отстаивая свои позиции по отдельным вопросам, все СМИ государства едины в вопросе государственного развития и стремлении к независимости. В этом контексте медиа-рынок Приднестровья развивается в соответствии с моделью «развития», которая выступает за поддержку средствами массовой коммуникации существующего политического режима, способствуя экономическому росту, т. е. данная теория предполагает функционирование системы СМИ согласно курсу поддержки, а не критики правительства.

4. Практика освещения общественно-политической жизни, предполагающая применение различных интерпретаций действительности двумя исследуемыми приднестровскими телеканалами, является следствием диаметрально противоположных направлений их редакционной политики. Информационное противостояние ведущих электронных СМИ катализирует расслоение общества и рост недоверия к органам как исполнительной, так и законодательной власти. Следовательно, телеканалы ПМР практически не выполняют консолидирующей функции, которая в условиях приднестровского государства должна стать приоритетной. Ликвидация сложившейся ситуации невозможна без пересмотра редакционной политики СМИ. Ведущим телеканалам ПМР необходимо проводить социологические исследования с целью выявления информационных предпочтений аудитории, что поможет им повысить рейтинг как телеканала в целом, так и отдельных телепередач.

5. Исследование массовой аудитории в контексте устойчивости культурно-информационного пространства, подтвердило кризисность общественного сознания и высокий протестный потенциал по отношению к властным структурам со стороны населения, что предопределило результаты президентских выборов в Приднестровье в конце 2016 года. Мониторинг

социальных статусов в предлагаемом разрезе может помочь прогнозировать социокультурный процесс в обществе и отследить динамику состояния культурно-информационного пространства, а также, грамотно используя СМИ, предупреждать потенциально возможные социальные потрясения и трансформацию массового сознания.

6. Политическая элита республики, демонстрируя низкие показатели согласованности собственных действий и позиций с общественными настроениями, показывает высокую степень автономности и отстраненности от населения. Уверенность элиты в том, что население находится на грани в материальном и психологическом отношении, наряду с бездействием и инертностью властных структур доказательно свидетельствует об умышленном развале экономической системы государства, доведении республики до состояния банкротства, а населения – до обнищания.

Глава 4.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИДНЕСТРОВЬЯ

4. 1. СМИ и социальные медиа: проблемы интеграции Приднестровья и толерантного отношения к нему зарубежной аудитории

В конце прошлого столетия произошло стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые, проникая во все сферы социальной действительности, трансформировали прежнюю систему общественных отношений. Тенденции глобальных преобразований существенно меняют и политические процессы, институты, элиты, зависимость которых от средств массовой информации, имеющих под собой электронную основу, приводит к далеко идущим последствиям для их характеристик, организации и целей. Власть, которой располагают сети СМИ, представляющие одновременно и средством, и продуктом глобализации, позволяет им проникать через любые преграды и границы²⁸⁹.

Интернет, являясь средством общемирового вещания, создает определенный противовес манипуляции общественным мнением, в чем нередко упрекают электронные средства массовой информации, и прежде всего телевидение. Всем известно, что интернет выгодно отличается от других электронных средств разнообразием источников и форм представления информации²⁹⁰.

Декларируемая открытость интернета и представления о высоком потенциале его использования в процессах демократизации современных

²⁸⁹ Усова Ю. В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование: дис. ... д-ра полит. наук. – Пятигорск, 2014. – С. 4.

²⁹⁰ Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. – 2001. – Вып. 2. – С. 5–9.

государств на сегодняшний день все в большей степени перестают соответствовать реальной действительности. Как показывает современная политическая практика, в интернете проявляются тенденции монополизации и попытки создания единого, глобального и управляемого из одного центра виртуального пространства, в рамках которого стираются границы государств, а активность большинства пользователей попадает под тотальный контроль²⁹¹.

Рассмотрим сетевые технологии в рамках СМИ приднестровского сегмента интернета, поскольку востребованность е-медиа в республике неуклонно повышается и на данном этапе к сетевым ресурсам регулярно (несколько раз в месяц) обращается более 30 % аудитории.

Одной из важнейших функций интернета как коммуникационной среды является возможность сетевой социализации личности. Людям свойственно собираться в сообщества по интересам или региональному единству; им необходимо место, где можно обсудить волнующие проблемы и поделиться наблюдениями. По множеству причин гипертекстовое пространство служит прекрасной площадкой для коммуникационного процесса.

Первые попытки создать в Приднестровье пространство для общения его жителей были предприняты Бендерским сайтом Sim.md. «Sim чат» был создан 17 лет назад и в первое время, в начале 2000-х, пользовался огромной популярностью. Примечательно, что чат существует и до сих пор. На нем обновляются тематические разделы, появились интернет-радио, кнопки «поделиться» для основных социальных сетей, и даже создана возможность микроблоггинга. Основным назначением сайта первоначально было, несомненно, общение и знакомство, как впрочем, и у большинства чатов.

В мае 2012 года один из пользователей сайта forum.pridnestrovie.com приводил топ самых посещаемых сайтов. Статистика была проведена на

²⁹¹ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 4.

основе данных со счетчиков LiveInternet, HotLog, Top.Mail.ru. Кроме того, была взята первая сотня по «кликам» в ПМР каталогах и анализировалась их статистика по счетчикам. В список включены только сайты, позиционирующие себя как приднестровские:

1. forum.pridnestrovie.com – Приднестровский социальный форум
2. klaksona.net – Авторынок Приднестровья и Молдовы
3. president.pmr-gov.org - Официальный Сайт Президента ПМР
4. nr2.ru/pmr ~ Новый Регион – Приднестровье
5. kino.dnestr.info ~ Кинотеатр "Тирасполь"
6. tiras.ru - Приднестровье информационное агентство Лента ПМР
7. dnierster.ru - Приднестровье & Молдова Новости & Аналитика
8. mvdpmr.org - Министерство Внутренних Дел ПМР
9. tiraspol.net - Приднестровье OnLine
10. forumpmr.ru - Форум Приднестровья. Форум ПМР.

К сожалению, на сегодняшний день большинство из этих сайтов недоступны вследствие изменения доменных имен, реформирования информационных структур, а в некоторых случаях и официальных запретов действующей власти²⁹².

Ограничения по доступу к информации, которая является одним из важнейших политических ресурсов в современном обществе, а также информационное неравенство могут выступать мощными глобальными факторами противодействия свободному общественному развитию в целом в угоду интересам части политических элит, традиционно стремящихся сохранить свое господство в рамках существующих политических систем²⁹³.

Так, в 2013 году президент Приднестровья Е. В. Шевчук, который во многом благодаря использованию региональных сетевых социальных площадок одержал победу в избирательной кампании 2011 года, приняв

²⁹² В Приднестровье закрыли интернет-форумы // <http://aif.md/v-pridnestrove-zakryli-internet-forumy/>

²⁹³ Володенков С. В. Технологии интернет–коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 35.

решение о блокировании некоторых сайтов и интернет-форумов, предложил им зарегистрироваться в качестве средств массовой информации. Данное решение он объяснял тем, что с осени 2012 года в республике была исключена статья об уголовной ответственности за клевету и необходимость в «анонимной мусорке» отпала²⁹⁴.

Из наиболее популярных форумов заблокированными оказались:

- tiras.ru — Приднестровье информационное агентство Лента ПМР;
- dniester.ru — Приднестровье & Молдова Новости & Аналитика;
- forum.pridnestrovie.com — Приднестровский социальный форум.

Наибольший интерес для приднестровцев в пятилетней ретроспективе представлял самый популярный приднестровский социальный ресурс, действующий в сети по адресу <http://forum.pridnestrovie.com/> – Приднестровский социальный форум. Изначально (в 2002 году) приднестровский социальный форум был создан как узконаправленный медицинский портал, на котором зарегистрированные пользователи могли задавать интересующие их вопросы специалистам региона в области медицины. С течением времени создатели сервиса заметили, что у возрастающей аудитории ресурса есть потребность в информации и по другой тематике. Сайт перерос уже в полноценный форум Tiraspol.net.

С 2007 года «Приднестровский Социальный форум» начал работать по новому адресу и обзавелся более удобным, функциональным социальным интерфейсом, предоставил больше возможностей для своих пользователей. Все пользователи и обсуждаемые темы были перенесены в новый форум. Сайт делал акцент на том, что в общении участвует «устойчивое сообщество вменяемых людей, которым не безразлично то, что происходит в Приднестровье и вокруг него».

Приднестровский социальный форум предлагал посетителю набор разделов (в данном случае каналов) для обсуждения. Общее количество

²⁹⁴ Евгений Шевчук закрыл все интернет-форумы в Приднестровье // <https://point.md/ru/novosti/politika/evgenij-shevchuk-zakril-vse-internetforumi-v-pridnestrovje/10>

каналов, которое предлагала первая приднестровская «социальная сеть», превышало 60, среди наиболее популярных, в рамках которых обсуждения происходили чаще всего, – «Общество», «Внутренняя политика», «Потребитель», «Выборы президента ПМР 2011», «Происшествия», «Авто, транспорт, ГАИ», «Благотворительность», «Право и закон», «Медицина», «Экономика и предпринимательство».

Централизованного управления, при котором размещаемая информация проходила бы через фильтр и редакцию администрации, на сайте не было. В этом заключалась основная особенность форума – наличие инструмента социальной модерации самими участниками, которые имели частичный доступ к функциям модераторов форума. При нарушении каких-либо правил ресурса любой из зарегистрированных участников форума мог задействовать так называемую функцию «Большого Брата», представляющую собой несколько видоизмененную функцию «пожаловаться» на сообщения, содержащие спам, пропаганду запрещенной на форуме тематики, прочие нарушения внутрифорумных правил общения.

Для быстрого и удобного обмена информацией были задействованы все необходимые механизмы – гиперссылки, теги, система поиска, «встраивание» изображений и видео. Также сайт был оснащен современной функцией «репоста»: под каждым топиком находились иконки популярных социальных сетей, клик на которые приводил к автоматической публикации на том или ином ресурсе.

Приднестровский социальный форум являлся единственной сетевой площадкой регионального уровня, на которой были созданы все условия, необходимые для равноправного и свободного общения всех членов социума. Форум был эффективным народным рупором: известны случаи, когда недовольство, выраженное в одной из тем форума, находило свое отражение в реальности. Так, например, один из авторов создал топик, где говорилось о том, что государственный флаг, установленный на здании одного из министерств, уже давно потерял свой внешний вид и портит

имидж министерства. Реакция не заставила себя ждать – на следующий же день флаг был заменен. Это еще раз подтверждает то, что в жизни форума активное участие принимали представители властных структур. Форум был эффективным инструментом воздействия на институты власти.

Таблица 3. Динамика развития интернет-ресурсов ПМР

Рубрики	2005 г.	2009 г.	2012 г.	2017 г.
Бизнес	22	64	72	182
Товары и услуги	28	69	129	259
Наука и образование	10	29	45	63
Культура и искусство	24	40	43	2
Организации и движения	24	68	52	31
Промышленность	15	21	17	24
СМИ	19	18	25	39
интернет (сервисы порталы клубы)	26	48	52	12
Общество и политика	6	9	18	59
Развлечения и отдых	31	46	51	44
Личные страницы	86	91	62	20
Всего	286	503	566	735

Обратимся к статистике (табл. 3). Положительная динамика в большинстве рубрик свидетельствует об активном освоении глобального информационного пространства Приднестровьем. За последние 12 лет практически вдвое увеличилось количество e-media, расширилось представительство общественно-политических, научно-образовательных организаций в глобальной сети. Показательным моментом является и то, что в историю ушел период создания статичных интернет-ресурсов, контент которых практически не обновлялся. Кроме того, необходимо обратить внимание на динамику личных страниц. В настоящее время большинство из них можно отнести к категории заброшенных, поскольку последнее обновление информации на них датировано 2012–2013 гг. Снижение востребованности данной рубрики обусловлено развитием социальных сетевых ресурсов и вовлечением в них огромного количества приднестровцев. Так, по состоянию на конец 2017 г. в социальной сети Фейсбук зарегистрировано более 57000 человек из Приднестровья.

Действительно, со временем у пользователей сети появилась потребность в более качественной и модернизированной площадке, с возможностью общения не только в реальном времени, что позволяет повысить уровень общения, поскольку предоставляет отвечающим больше времени на обдумывание ответа. Такую форму общения, как форум, можно с уверенностью причислить к социальным сервисам. Открытость и доступность материалов социальных сетей подкупает не только частных пользователей, но и традиционные СМИ, которые нередко формируют новости на основе данных от социального первоисточника. В «виртуальной» информационной среде масс-медиа помогают человеку осуществлять такие виды деятельности, как познавательная и коммуникативная, формировать сообщества, их круг интересов и общения, стимулировать развитие межличностных отношений²⁹⁵.

Общемировой процесс интеграции в интернет традиционных СМИ коснулся и Приднестровья. Приднестровские средства массовой информации ведут активные разработки в области соцмедиа деятельности, т. е. освоения социального интернет-пространства. В большинстве случаев приднестровские медийщики осваивают этот процесс стихийно, не имея полного представления и понимания масштабов и перспектив освоения сетевой социальной среды. Тем не менее большинство СМИ Приднестровья активно занимают платформы социальных сетей, используя в основном ресурсы Вконтакте, Одноклассники и Фейсбук, Твиттер, понимая, что игнорирование социальных сетей для современного СМИ чревато состоянием информационного «голодания». Недостаток потенциально востребованных аудиторией информационных поводов, которыми изобилуют социальные сети, в государственных СМИ компенсируется официально санкционированными материалами, социальная значимость которых подвергается сомнению и критике со стороны аудитории. В такой

²⁹⁵ Мельник Г. С. Перспективы медиа в пространстве интернета // Журналистский ежегодник. Journalist Yearbook. – 2013. – Т. 1. – С. 12.

ситуации контролировать информационный процесс в обществе и государстве, оставаясь вне сетевой социальной среды, практически невозможно.

ИА «Новости Приднестровья». Информагентство уделяет много внимания работе в социальных сетях. На сайте novostipmr.com на главной странице в правом верхнем углу расположены активные иконки со ссылками на странички «Новостей Приднестровья» в Facebook, Twitter, Вконтакте и Одноклассники.

На странице присутствует отдельный блок с окнами для подписки на страницы этого СМИ в других соцсетях. Здесь можно подписаться на страницу, не переходя на нее, оставаясь на сайте СМИ. Посты в группах представляют собой заголовок, основную мысль новости с прикрепленной ссылкой на сайт. Также используются различные хэштеги.

Аудитория «Новостей Приднестровья» в социальных сетях в разрезе 2016/2017 годы отражает активную динамику увеличения сетевой аудитории:

Одноклассники – 8210/12566 подписчиков;

ВКонтакте – 2015/7240 подписчиков;

Facebook – 1438/2722 подписчика;

Twitter – 761/1126 читателей.

«Первый Приднестровский» телеканал является единственным республиканским телеканалом и системообразующим средством массовой информации Приднестровской государственной телерадиокомпании.

На площадке социальных сетей «Первый Приднестровский» представлен в Facebook, Twitter, Вконтакте и Youtube. Информация о социальных сетях на сайте tv.pgtrk.ru расположена с правой стороны от основного поля новостей. Пользователи при просмотре новостей на сайте обязательно обратят внимание на поле «Мы в соцсетях» с яркими иконками и ссылками.

Модератор «Первого Приднестровского» телеканала в интервью так прокомментировала сетевую деятельность своего СМИ: «С соцсетями мы начали работать с 2015 года и сразу заметили, насколько увеличился приток посетителей сайта ТВ. С каждым днем прирост посетителей стабильно растет. Группы «Первого Приднестровского» телеканала есть в Фейсбуке, Вконтакте и Твиттере. Твиттер мы мало используем, но туда автоматически уходят все новости с нашей страницы на сайте. На каждую соцсеть у нас свой ориентир. На ФБ сидит больше политиков местных, и не только, и людей более старшего возраста. На ОК «разношерстная» аудитория, в Контакте больше молодежи. На ФБ у нас помимо своей страницы есть еще и группа «Приднестровские новости» и «Первый Приднестровский Развлекательный». Мы их сами создали около года назад».

Особенностью интеграции в социальные сети «Первого Приднестровского» телеканала является то, что собственные странички имеют и отдельные редакции телеканала («Первый Развлекательный» ВК), и даже отдельные программы («Музтайм» ВК). Модераторы «Первого Приднестровского», проводя масштабные акции и флешмобы, распространяют информацию через социальные сети, создавая отдельные страницы и так называемые встречи. Посты в группах представляют собой информацию объемом в несколько предложений с прикрепленной видеозаписью и ссылкой на новость на сайт ПГТРК. Также в качестве приема распространения информации используются хэштеги. Таким образом, в своей соцмедиадеятельности «Первый Приднестровский» телеканал добился следующих успехов:

Youtube – 2897/8847 зрителей;

Вконтакте – 2903/6187 подписчика;

Facebook – 1407/1797 участников;

Одноклассники – 897/1139 подписчиков;

Twitter – 328/560 читателей.

Телевидение Свободного Выбора (ТСВ) до 2016 г. не располагало собственным сайтом, что обусловило более активную интеграцию контента телеканала в социальные сети. Рекламу страничек в социальных сетях ТСВ проводит прямо во время новостных выпусков в эфире. Сравнивая соцмедиадеятельность «Первого Приднестровского» телеканала и ТСВ, можно сделать вывод, что вторые используют более широкий спектр методов привлечения аудитории и уделяют больше внимания работе с социальными сетями.

Комментируя интеграционные процессы в сетевое пространство, редактор канала пояснил: «Сообщества ТСВ появились в социальных сетях ВК и Одноклассники весной 2015-го. Группу в Фэйсбуке мы практически развиваем, так как там есть популярные сообщества, которые распространяют наш контент, и почти всю целевую аудиторию мы охватываем на двух сайтах. Работа с социальными сетями на ТСВ основана на добровольных началах, этим занимаются два корреспондента, и в последнее время редакция распространяет новости и передачи именно через социальные сети. Так удобнее, быстрее, так любую новость можно посмотреть в любое время и не один раз. Как только передачи выходят в эфир, они сразу появляются на нашем канале в Youtube и на страничках в социальных сетях. То есть, если вы только что увидели интересный сюжет в эфире нашего канала, через минуту его можно пересмотреть в Youtube. Для раскрутки группы в последнее время мы используем фотоконкурсы с призами от наших спонсоров, ну и конечно, делаем интересные новости, которые распространяются довольно быстро. С нового года охват аудитории ТСВ в интернете увеличился в 3 раза, теперь около 30 тысяч уникальных пользователей в месяц заходят к нам на страницу».

Показательными являются цифры роста подписчиков за последний год. Так, аудитория ТСВ в социальных сетях значительно расширилась в следующих социальных платформах:

Youtube – 16664/50962 подписчика;

ВКонтакте – 5988/15498 подписчиков;
Одноклассники – 12812/26794 участника;
Facebook – 1256/1443 участника.

«Радио 1», являясь частью Приднестровской государственной телерадиокомпании, занимается соцмедиадеятельностью самостоятельно. Свои странички радиостанция ведет в основном ВКонтакте и на Facebook, есть еще аккаунт в Одноклассниках, но последний пост там был опубликован 4 ноября 2015 года, следовательно, страница, скорее всего, заброшена модераторами.

На сайте радиостанции radio.pgtrk.ru информация о социальных сетях размещена внизу страницы после новостного блока. Представляет собой информация выделенный квадратный блок с крупными значками-логотипами ВКонтакте и Facebook и ярким призывом «Подпишись!».

Команда «Радио 1» в социальных сетях размещает самую разнообразную информацию: новости, выпуски программ, оригинальные рубрики для подписчиков социальных сетей «Доброе утро» (картинка с заряжающей музыкой), анонс событий на день. Действует собственное приложение для пользователей ВКонтакте, где можно слушать радио онлайн, не заходя на сайт радиостанции. На странице радио информация классифицирована по рубрикам радиоэфира: «На стороне добра», «Здоровые советы», «Радиопритчи», «Годовые кольца» и т. д. Особенностью страниц «Радио 1», на наш взгляд, является приятная атмосфера, созданная за счет хорошей музыки, подобранных картинок, звуковых дорожек художественных программ и т. д. Несмотря на то, что радио как вид СМИ исключает фото и видеоматериалы, в группах «Радио 1» есть и фотоальбомы «Я – приднестровец», «Гости студии», «Будни радиостанции», «Природа Приднестровья», и даже целый альбом видеозаписей с сюжетами «Первого Приднестровского» телеканала.

В целом аудитория «Радио 1» в социальных сетях насчитывает:

Facebook – 796/849 участников;

Вконтакте – 421/714 подписчика;

Twitter – 158/237 читателей.

Еженедельник «Караван» – единственная в Приднестровье газета, занимающаяся соцмедиадеятельностью, и отводит ей гораздо высший приоритет по сравнению с развитием сайта еженедельника, где информации о социальных сетях нет, но она присутствует в каждом выпуске на первой полосе прямо под заголовком газеты.

Отличительным признаком деятельности газеты «Караван» является интерактив: команда еженедельника постоянно проводит всевозможные конкурсы, опросы, собирает голосования, на сайте и в соцсетях открыты для обсуждения комментарии. Результаты опросов и голосований публикуются в газете в рубрике «Глас народа» с пометкой, что голоса собраны в «наших группах в социальных сетях». Это является тоже неплохой рекламой социальных сетей. Кроме того, иногда в статьях издания журналисты ссылаются на социальные сети.

Специфика интернет-коммуникации заключается в гипертекстуальности, что дает определенные преимущества печатным СМИ в скорейшей интеграции во всемирную сеть. Преимущество онлайн-версий газет и журналов – возможность для печатных изданий адресовать свои материалы более широкому кругу пользователей. Используя возможности гипертекста, облегчается и поиск информации в виртуальном архиве. Вместе с тем, интернет-версия печатного издания не является просто html-копией газеты или журнала. Приднестровские интернет-версии газет и журналов реализуют такие возможности гипертекста, как интерактивные архивы (базы данных), в которых хранится информация предыдущих выпусков, поиск, обеспечение обратной связи с читателями и т. п. Однако, к сожалению, не все приднестровские интернет-издания используют эти возможности. Многие сайты «заброшены», наблюдается поверхностное

отношение редакций к своим интернет-версиям, что препятствует прогрессу и развитию изданий.

Еженедельник ведет активную интернет-деятельность в трех социальных сетях: Вконтакте, Одноклассники и Facebook. В каждой из соцсетей есть основная группа «Караван» и по две «дочерние»: «Караван объявлений» и «Караван добрых дел».

В описании группы «Караван объявлений» написано: «Вы размещаете своё объявление прямо тут, а мы распространяем его по другим социальным сетям и размещаем на сайте 122.md. Увеличиваем число увидевших Ваше объявление многократно». Количество подписчиков этой группы насчитывает: Вконтакте – 941, Facebook – 194, Одноклассники – 3556.

«Караван добрых дел» позиционирует себя как «Сообщество неравнодушных людей, которые готовы любым способом помочь нуждающимся старикам, детям, людям с ограниченными возможностями, проживающим в Приднестровье». Страницы не очень активны, но на них регулярно обновляется тематическая информация. Основные страницы еженедельника «Караван» гораздо более активны и популярны, особенно в Одноклассниках и на Facebook. Там публикуются статьи с сайта газеты, опросы, голосования, конкурсы, обложки выпусков. В целом деятельность основных групп еженедельника «Караван» в социальных сетях отражена в количестве подписчиков:

Одноклассники – 5805/5889 участников;

Facebook – 2690/2976 участников;

Вконтакте – 1472/1656 участников.

Проанализировав соцмедиа технологии, практикуемые приднестровскими СМИ, можем констатировать, что в основном они ориентируются на молодую и активную аудиторию, отдавая предпочтение таким соцсетям, как Вконтакте и Facebook. Такой выбор обусловлен тем, что именно в этих соцсетях сосредоточена практически вся основная аудитория

приднестровских СМИ, кроме некоторых категорий пользователей, которые не используют интернет в принципе. Twitter, Instagram и Одноклассники СМИ осваивают в меньшей степени в силу определенных технологических причин и относительной бесперспективности потенциальной аудитории.

Выбор востребованных сетевой аудиторией социальных сетей сопряжен с трудностями, связанными с их форматом: длинные громоздкие тексты не актуальны для этих сайтов, стандартный для этих соцсетей шрифт неудобен для чтения крупных текстовых блоков. Поэтому средствам массовой информации следует учитывать эти особенности и использовать соцсети как своего рода афишу для перехода пользователя на сайт СМИ.

СМИ прекрасно понимают, что благодаря интернету можно поддерживать отношения с аудиторией, обеспечивать информацией более широкий круг людей. С 2012 года в Приднестровье к пониманию важности освоения сетевых технологий пришло и государство. Сегодня личные сайты есть не только у ведущих Приднестровских СМИ – государственного телеканала (Первый Республиканский), у печатных изданий («Приднестровье», «Профсоюзные вести», рекламная газета «Маклер») и радиостанций (Inter.FM), – своей страничкой обзавелись и органы государственной власти. Официальный сайт есть у президента ПМР, парламента, правительства, у министерства иностранных дел, экономики, финансов, а также у других госслужб. «Присутствие» институтов власти в интернет-среде в условиях современного информационного общества, несомненно, позитивно влияет на авторитет государства как у народа, так и у сторонних зарубежных наблюдателей.

Взаимодействие правящих кругов с интернет-аудиторией не ограничивается рамками анонимных, «засекреченных» наблюдателей и участников форумов. Ближе к народу кажутся власти при регистрации в мировых социальных сетях. интернет-аудитория в последнее время оказывает большое влияние на события в государстве; общаться с ней власти начинают, в частности, заводя страницу в Facebook, микроблог в Twitter.

Политики и СМИ по всему миру все активнее осваивают пространство социальных сетей для общения со своими избирателями.

Приднестровские СМИ находятся на начальной стадии интеграции в мировые социальные сети. Данные процессы обусловлены тем, что именно сетевые ресурсы дают возможность пользователю не только получить необходимую и интересующую его информацию, но и выразить свое отношение к происходящим событиям. Поэтому создание публичных страниц региональных средств массовой информации настолько же эффективно, насколько и создание интернет-страниц для представителей власти. Учитывая количество интернет-пользователей Приднестровья, существующие социальные ресурсы вполне обеспечивают информационные запросы местной аудитории. В этих условиях основной информационный поток традиционных СМИ проигрывает социальному контенту как по оперативности, так и по объективности.

При всех положительных сторонах сетевых технологий необходимо помнить, что интернет, по мере расширения сферы его использования в повседневной жизни, создает потенциальную угрозу манипулятивного воздействия на личность, в том числе со стороны субъектов политического процесса. Реальность в информационном обществе заменяется на искусственно создаваемые виртуальные модели, в рамках которых формируются выгодные для субъектов информационного воздействия массовые представления, предпочтения, отношения и реакции по отношению к конкретным событиям, процессам и явлениям, а также типовое, сценарное массовое поведение целевых групп.

В процессе формирования модели поведения аудитории, стереотипов по отношению к какому-либо событию, региону немаловажную роль играют не столько СМИ, сколько сетевые информационные агентства, генерирующие информационные потоки, тиражируемые впоследствии всеми СМИ.

Молдово-приднестровский конфликт, безусловно, является первой ассоциацией для российской и мировой общественности при упоминании Приднестровья, однако существует вероятность того, что со временем при помощи скорректированной информационной политики и определенных предпочтений в тематическом диапазоне можно будет изменить стереотипное восприятие Приднестровья зарубежной аудиторией.

Активность информационной политики иностранных информационных агентств по приднестровской тематике находится в прямой зависимости от специфики деятельности информационного ресурса и его территориальной отдаленности от республики. При выборе ресурсов для анализа мы руководствовались рейтингами изданий и его вовлеченностью в освещение приднестровской проблематики, что может свидетельствовать о высоком уровне цитирования и широком распространении по всему миру. Так, в России единственным активным источником информации о Приднестровье в течение многих лет остается ИА «Регнум» – негосударственное федеральное информационное агентство, распространяющее новости России и ближайшего зарубежья. Ежедневно на ленте агентства появляется около 700 новостей от 400 корреспондентов в России и зарубежье.

Долгие напряженные отношения Приднестровья и Молдовы, отдаление политических векторов развития, полярность в идеологическом измерении постепенно привели к снижению интереса о событиях, происходящих на соседних территориях. Поэтому государственное информационное агентство «Молдпресс» довольно сложно отнести к категории ресурсов, активно освещающих приднестровские новости. Наиболее активными сетевыми ресурсами Республики Молдова в части публикаций материалов по приднестровской тематике, также их распространения со ссылкой на первоисточники в течение нескольких последних лет являются информационное агентство «Ava.md» (<http://ava.md>), молдавский независимый информационный портал «Новая Молдавия» (<http://www.moldovanova.md>). Данные ресурсы регулярно публикуют

информацию о Приднестровье на русском языке, распространяют ее на бесплатной основе и являются достаточно популярными среди пользователей интернета. Следует отметить тот факт, что новости в электронных СМИ публикуются на двух-трех языках, т. е. на русском, румынском и английском, что значительно расширяет круг аудитории, в то время как интернет-версии традиционных СМИ выходят в основном на румынском языке.

Несмотря на участие украинского государства в вопросах урегулирования молдово-приднестровского конфликта и довольно значительное число украинских граждан, проживающих на территории ПМР, СМИ Украины, поглощенные собственными внутренними проблемами, информацию о Приднестровье публикуют крайне редко. Наиболее авторитетными украинскими сетевыми ресурсами, материалы которых имеют отношение к Приднестровью и могут быть использованы для дальнейшего исследования, являются сайт украинского национального ИА «УКРИНФОРМ» (<http://www.ukrinform.ua> – государственное информационное агентство, которое ежедневно публикует около 500 информационных и аналитических сообщений на украинском, русском, английском и немецком языках и почти 200 оригинальных фотоснимков.), материалы аналитического агентства «Главред» (<http://glavred.info> – украинское интернет-агентство, предоставляющее новости и аналитику на русском и украинском языках об Украине и мире), интернет-газеты «ФРАЗА» (<http://fraza.ua> – общественно-политическая информационно-аналитическая интернет-газета: новости, комментарии, интервью, аналитика) и Международное агентство деловых новостей (<http://madn.com.ua> – независимое, неправительственное, внепартийное информационное агентство, деятельность которого направлена на сбор, анализ и распространение достоверной информации для всех потребителей, заинтересованных в знании истинной ситуации на Украине и в прилегающих к ней западных и восточных странах).

Для исследования характера информации о Приднестровье, публикуемой западными СМИ, мы выбрали интернет-ресурс, на котором регулярно размещаются публикации, касающиеся ситуации внутри и вокруг Приднестровья, – интернет-проект «ИноСМИ. Ru», специализирующийся на трансляции наиболее ярких и примечательных материалов зарубежных СМИ на русском языке. Ресурс не всегда переводит наиболее значимые публикации о России, странах СНГ и обо всем, что происходит в мире. Журналисты «ИноСМИ. Ru» ежедневно просматривают более 600 зарубежных изданий и в конечном итоге выносят на суд читателей наиболее репрезентативные публикации. Выборка переводных материалов, представленная на сайте, обновляется в режиме реального времени, что позволяет максимально оперативно формировать информационную картину текущего дня и вносить в нее необходимые коррективы. Каждый перевод снабжен ссылкой на оригинальный текст.

Необычное явление, которое набирало обороты на форуме «ИноСМИ. Ru» до объявления о его премодерации, – массовое читательское движение по переводу на русский язык на безвозмездной основе зарубежных читательских форумов, расположенных на площадках зарубежных СМИ. Смена руководства и введение новых правил на форуме привели к созданию альтернативного сайта переводов (с форумом без премодерации) – «ИноФорум.ru». «ИноФорум.ru» – независимый интернет-ресурс, на котором отслеживают, переводят и публикуют на русском языке статьи из зарубежных изданий разных стран – от Европы и США до Японии и Индонезии. Переводы для обсуждения на форуме появляются ежедневно в онлайн-режиме. С момента основания проектом руководит инициативная группа. Вся деятельность осуществляется при широком добровольном участии читателей этого интернет-ресурса: группы добровольцев формируют контент (подбор статей, перевод и редактуру), администрирование и техническую поддержку сайта. Однако материалы о Приднестровье на этом

ресурсе встречаются крайне редко – в среднем около одного упоминания в месяц, а непосредственные новости из республики практически отсутствуют.

Тематический анализ материалов позволил нам определить характер доминирующей информации в сети о Приднестровье. В табл. 4 представлены усредненные ежемесячные абсолютные и относительные показатели количества публикаций.

Таблица 4. Тематическое разнообразие сетевых ресурсов по приднестровской тематике

Сферы	Приднестровье		Россия		Молдова		Украина	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Экономика, промышленность, сельское хозяйство	84	14,1	23	12,8	3	8,8	4	13,3
Общество	103	17,3	23	12,8	2	5,9		0,0
Культура Наука Спорт	91	15,3	14	7,8	3	8,8	2	6,7
Здравоохранение	16	2,7	1	0,6		0,0		0,0
Политика	257	43,2	107	59,8	32	94,1	25	83,3
Происшествия								
Криминал	44	7,4	11	6,1	2	5,9	5	16,7
Всего	595	100,0	179	100,0	34	100,0	30	100,0

«ИноСМИ. Ru» в среднем опубликует 2–3 статьи в месяц, непосредственно касающихся политической ситуации в Приднестровье. При этом количество упоминаний о республике в общем потоке статей превышает 10 раз в месяц. Публикаций другой тематической направленности на анализируемом ресурсе обнаружено не было.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что большая часть информации о Приднестровье, публикуемая в сетевых СМИ, носит политический характер. Это явление характерно как для иностранных, так и для собственно приднестровских СМИ.

В отношении ротации материалов необходимо отметить, что российские СМИ более оперативно и активно освещают ситуацию в регионе, причем интенсивность подачи материала, к примеру, ИА «Регнум»

соизмерима с активностью приднестровских сайтов. К наиболее пассивным информационным ресурсам следует отнести украинские сайты и сайты РМ, на которых в подавляющем большинстве представлены материалы политического характера.

К позитивным результатам анализа следует отнести тот факт, что для российских сетевых ресурсов Приднестровье представляет интерес не столько как зона конфликта, сколько как развивающийся регион, перспективный в своем экономическом и социокультурном взаимодействии с другими регионами. Так, на сайте ИА «Регнум» за исследуемый промежуток времени около 30 % материалов посвящены социально-культурной жизни приднестровского общества.

Характер материалов западных авторов свидетельствует о том, что для англоязычной аудитории Приднестровье по-прежнему представляет собой регион политически не урегулированного молдово-приднестровского конфликта, о чем свидетельствует отсутствие материалов неполитической тематики на иностранных сайтах. Создание собственных англоязычных сетевых СМИ позволит в определенной степени решить данную проблему при условии активного участия приднестровских журналистов, а также привлечения российских медиаресурсов к данным процессам. Распространение информации социально-экономической и культурно-языковой направленности позволит изменить сложившиеся гетеростереотипы западной аудитории в отношении Приднестровья.

Средства массовой информации все больше внимания уделяют проблемам притяжения или неприятия того мира, о состоянии которого они информируют общество, поэтому толерантность как явление становится сегодня актуальной для журналистики. Это объясняется тем, что особенностью современного человеческого мира является разнообразие всех сторон его существования – социокультурных укладов, способов

жизнедеятельности, социально-политических условий²⁹⁶. Определение толерантности в Преамбуле Устава ООН («...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи») получает не только действенную социально активную окраску, но и рассматривается как условие успешной социализации (интеграции в систему общественных отношений), заключающееся в умении жить в гармонии как с собой, так и с миром людей (микро- и макросредой).

Гармония отношений подразумевает, прежде всего, уважение субъектами друг друга. Такую смысловую нагрузку несет определение «толерантности», предлагаемое американским словарем «American Heritage Dictionary»²⁹⁷: «Толерантность – способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей». В современном мире слово толерантность стало не просто широкоупотребительным и модным, его активизация отражает актуальность самой проблемы межличностного и социального взаимодействия членов общества²⁹⁸.

Без сомнения, самая важная часть диагностики толерантности в СМИ – это подробный анализ информации, которую данный канал распространяет. В современной научной литературе подробно описаны методы анализа текстовых материалов, используемых в журналистской практике. Тем не менее даже при значительном числе различных подходов существует масса трудностей для однозначной оценки информации в прессе.

Интолерантность может передаваться в массовое сознание в виде следующих структурных элементов текста: специально отобранных фактов социальной действительности; стереотипов; различных идей или идеологем; мифов; лексем; иллюстраций с интолерантной окраской. Для манипуляции общественным сознанием используется множество различных приемов. Но,

²⁹⁶ Новикова Т. В. Толерантность в профессиональной деятельности журналиста / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – С. 3.

²⁹⁷ American Heritage Dictionary». – Boston: Houghton Mifflin, 2000.

²⁹⁸ Бычкова Валерия Международный проект «Толерантное мышление – путь к мирному сосуществованию народов» / Научно-исследовательская работа «Толерантность и средства массовой информации России». – Доступно: <http://snezhinsk-sc125.narod.ru/svayzil.htm>

полагаем, наиболее значительным является формирование оценки высказывания. В агрессивных текстах много разнообразных оценочных средств – это оценочная лексика, усилительные эмоциональные частицы, риторические вопросы, риторические обращения и риторические восклицания. К тому же оценочные средства часто усиливаются такими приемами, как повтор, контраст, синтаксический параллелизм. Это создает высокую степень эмоциональности изложения²⁹⁹.

Оценочность в нашей работе мы рассматриваем, безусловно, с точки зрения семиотики, но поскольку мы не претендуем на филологическое исследование, то рассматриваем ее не в аспекте семантики, а в аспекте прагматики, которая, как известно, исследует связь знаков с «адресатом», то есть проблемы интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и ценности для интерпретатора. Исследование оценочности сетевых материалов поможет, по нашему мнению, в дальнейшем определить степень толерантности/интолерантности по отношению к приднестровскому региону других государств, а также оценить влияние на формирование имиджа республики теми или иными СМИ.

В результате анализа информации, публикуемой на сайте «Новости Приднестровья», мы выявили следующие тенденции.

Ресурс способствует формированию положительного имиджа государства, пишет о соблюдении принципов демократии на территории республики; здесь публикуются материалы о поддержке социально не защищенных слоев населения, о стабилизации экономики, о развитии сотрудничества с другими государствами и т. п.

Приведем примеры ключевых понятий о Приднестровье: *развитие и укрепление государства; признание нашей республики; потенциал ПМР; единство русского и украинского народов; эффективность политики во всех областях; оказание помощи; новый импульс динамичного развития;*

²⁹⁹ Татьяна Новикова. Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика. – Доступно: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu> www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles

преодоление кризиса; экономическая стабильность; мир на Днестре; поддержка населения; сохранение промышленного комплекса ПМР; чтить свою историю; объединение и консолидация различных органов власти и др.

В материалах ресурса постоянно затрагиваются вопросы развития отдельных областей функционирования государства: здравоохранения, туризма, культуры, экономики, промышленности и т. п., подробно описываются все события, связанные с ними, отмечаются достижения в данных сферах. Кроме того, материалы сайта формируют положительный имидж президента ПМР: в каждой подборке материалов публикуется информация о тех или иных его действиях, приводятся цитаты из его высказываний.

Таким образом, в большинстве публикаций ИА «Новости Приднестровья» старается представлять Приднестровье как развитое демократическое государство. Проприднестровскую политику сайта характеризуют следующие оценочные маркеры: *зрелость и ответственность приднестровских элит; стремление к решению любых сложнейших вопросов государственного строительства исходя из принципов демократии; единение многонационального приднестровского народа; союз с Российской Федерацией; перспектива экономического процветания и признания и др.*

На страницах сайта широко обсуждался «политический кризис», наступивший в ПМР в результате разногласий между исполнительной и законодательной ветвями власти. Практически во всех материалах на эту тему ощущается поддержка президента и критика действий депутатов ВС. Приведем показательные примеры: *«кулуарное» изменение основ Конституции; гражданское возмущение; Приднестровье может быть превращено в бесправное гетто; достойный отпор попыткам монополизации власти партией «Обновление»; не допустить превращения Приднестровья в зону репрессий и гонений по политическим мотивам; конфликт ветвей власти «взорвет» Приднестровье и др.*

Данные высказывания обладают сильнейшей воздействующей функцией. Создается впечатление, что исполнительная и законодательная власти не могут договориться между собой и «переходят на личности». Материалы такого плана характеризуют Приднестровье как государство с разобщенной политической структурой, что не способствует созданию положительного имиджа ПМР.

По нашему мнению, оценку политических событий следует проводить не так откровенно и предвзято: наличие равноправного диалога и дискуссий на страницах сайта повысит не только его рейтинги, но и престиж государства в целом. Справедливости ради необходимо отметить, что на сайте есть несколько нейтральных материалов на эту тему с более завуалированной оценкой и один в поддержку ВС.

На страницах ресурса публикуется также информация на различные темы: статистические данные министерства экономики ПМР, информация об убытках государственных сфер в связи с экономическим кризисом, криминальные сводки, культурные новости и т. п. Несмотря на это, политическая информация явно преобладает, ощущается нехватка материалов аполитического содержания. Желательно публиковать больше сообщений о событиях в сфере просвещения, культуры, спорта в регионе, о развитии различных отраслей.

Обратимся к российскому информационному агентству «Регнум», которое постоянно публикует сведения о республике и некогда имело свой филиал в Приднестровье. Хотя информация отличается тематическим разнообразием: культура, общество, экономика, промышленность, – в общем контенте политические материалы все же доминируют (см. табл. 4).

Новостные материалы ресурса носят объективно-нейтральный характер. Оценка формируется путем подборки определенных материалов, мнений тех или иных деятелей, публикаций выдержек из разных изданий.

На фоне относительной лояльности, толерантного отношения ко всему Приднестровью издание оказывает видимую поддержку ВС. Перекос в

сторону парламента очевиден: в среднем из 10 материалов на тему политического кризиса только один был за президента. Остальные публикации поддерживали парламент республики. Соответственно на первое место ИА «Регнум» выдвигало фигуру спикера ВС ПМР, постоянно публикуя информацию о событиях в приднестровском парламенте, цитируя высказывания его главы и депутатов: *ПМР – развитая республика, и у нас здоровая власть; укрепление приднестровского бизнеса и усиление демократических тенденций в развитии республики; если мы хотим завоевать авторитет на международной арене, прав и свобод должно быть не меньше, а больше, чем в признанных державах.*

Приведем в качестве примера заголовки материалов, публикуемых на сайте «Регнума»: *Верховный Совет Приднестровья намерен проверить реализацию принятых антикризисных мер; Верховный Совет Приднестровья намерен изучить проблемы социальных работников республики; Комитет парламента Приднестровья по законодательству предлагает сохранить порог явки на выборах и референдумах* и др.

Интересен тот факт, что «Регнум» старается излагать разные точки зрения о Приднестровье и событиях, происходящих в нем. В постоянных обзорах СМИ публикуются выдержки из румынских, молдавских и собственно приднестровских изданий. Анализируя материалы сайта, необходимо отметить, что на нем достаточно много внимания уделяется вопросам молдово-приднестровского урегулирования. Здесь постоянно публикуются комментарии российских, молдавских и приднестровских политологов. В подборе комментариев, в оценках ощущается лояльность к приднестровской стороне. Об этом свидетельствуют ключевые слова и фразы, отобранные нами из нескольких материалов: *приднестровское урегулирование; экономическая блокада Приднестровья; усталость Приднестровья от непредсказуемой жизни в плохом непризнанном статусе; Приднестровская Молдавская Республика объективно имеет все шансы на*

провозглашение и международное признание своей государственной независимости и др.

Что касается средств выражения оценки, то в связи с публикацией «Регнумом» материалов из абсолютно разных (часто оппозиционных, полярных друг другу) СМИ страницы ресурса в рубрике «Аналитика» изобилуют различными метафорами, прецедентными текстами, вопросами, повторами, иронией и т. п.

О приднестровском народе, о его властях, в целом о ситуации в республике сторонний наблюдатель может судить по следующей информации: *у приднестровского народа, обманутого, ограбленного, обескровленного «реформами», пока нет сил навести порядок; власти «доручили» до того, что от них нужно защищать уже граждан Приднестровья; население Приднестровья за годы «независимости» и «урегулирования» сократилось на треть. Речь идет о гуманитарной катастрофе в центре Европы и др.*

Сетевой ресурс «Регнум» может быть охарактеризован как объективное и нейтральное, лояльное к Приднестровью издание с выражением оценки смешанного типа, о чем свидетельствуют 60 % публикуемых материалов, однако наличие жестких, агрессивных материалов (20 %) в значительной степени вредит имиджу государства и может создать извращенный образ у российского потребителя сетевой информации.

Аналитический сайт «Ava.md» стремится привлечь к обсуждению приднестровских проблем аналитиков из разных стран. На страницах этого ресурса публикуются мнения и комментарии украинских, молдавских и приднестровских политологов, по-разному оценивающих происходящие в республике события.

Отношение данного сетевого издания к Приднестровью можно охарактеризовать как положительное, в большинстве материалов здесь высказывается мнение о необходимости признания приднестровской государственности. Объективность позиции издания не позволяет четко

сформулировать его отношение к конкретной политической силе внутри республики, так как на сайте публикуются различные точки зрения по внутриполитическим вопросам. Все материалы политической направленности, информации из Приднестровья на сайте посвящена отдельная рубрика, в которой публикуются новости и аналитика.

Рассмотрим в текстах «Ava.md» примеры с проявлением оценочности, характеризующие отношение к событиям в Приднестровье: *события в Приднестровье, конечно же, поражают своей яркостью и самобытностью; паралич государственной власти; общественная дискуссия по «гармонизации»; в Приднестровье стартовала первая в истории республики серьезная «холодная война» ветвей власти; у Приднестровья много внутренних проблем, которые свойственны всем обществам; загнивание и коррупция элит, и проблема социализации молодежи, и отсталость села, деградация инфраструктур; есть уверенность, что Приднестровье найдет успешное решение своей новой проблемы* и др.

Далее рассмотрим имидж персоны президента ПМР на сайте: *исторический деятель, человек-памятник, «небоскреб в пустыне»; один из создателей и несущих опор приднестровского народа; элита относительно сплочена вокруг исторического и харизматичного лидера* и др.

Ресурс в основном использует такие способы создания оценки, как метафоры, прецедентные тексты, ярлыки с целью формирования толерантного отношения к приднестровскому региону, способствуя тем самым созданию положительного образа республики в глазах зарубежной общественности. Так, в 50 % случаев речевые приемы используются для поддержки приднестровской идеи, 30 % материалов характеризуются нейтральным отношением. Несмотря на то, что в 20 % публикаций можно обнаружить отрицательные настроения по отношению к Приднестровью, ярко выраженной речевой агрессии на страницах издания в отношении приднестровского региона зафиксировано не было.

Хотелось бы отметить стремление издания к представлению различных точек зрения о ситуации в регионе, об институтах приднестровской власти, свидетельствующее об объективности издания, чего зачастую не хватает собственно приднестровским СМИ.

В ходе исследования молдавского сетевого ресурса «Новая Молдавия» было выявлено, что все публикуемые материалы о ПМР призваны выполнять функцию усиленного воздействия на читателей и формирования негативных стереотипов.

Оценочность проявляется, начиная с отбора фактов и событий и заканчивая широким употреблением в текстах прямых и скрытых оценочных единиц. На страницах сайта практически не публикуются материалы о ПМР нейтрального и тем более положительного характера. Даже если информация не касается сферы политики, она все равно преподносится с негативным оттенком. Именно так ее воспринимают читатели, переживающие за судьбу Приднестровья. Конечно, если филологи исследуют семантический аспект некоторых единиц, то они обязательно обнаружат и оценочный микрокомпонент коннотативного компонента лексического значения у многих единиц, но это не наша задача, поскольку в рамках нашего исследования нас интересовала, прежде всего, прагматическая сторона семиотики. К примеру, материал по экономике называется «Приднестровье на грани краха „самопальной“ валюты», культурные тексты сопровождаются заголовками типа «...на поклон к потомкам дома Романовых», публикации на общественные темы – «Каждому по медали». Повышенное внимание уделяется темам разгула преступности на территории ПМР, экономической несостоятельности приднестровского населения, возрастания безработицы, раскола в правительственных структурах, насаждения семейного клана в республике и обогащения чиновников за счет обычных граждан, а также коррумпированности чиновнического аппарата.

Общую картину о Приднестровье, формируемую администрацией ресурса, можно описать цитатами из материалов: *часть населения*

Приднестровья выживает на одних пособиях и гуманитарной помощи; в Приднестровье живет хорошо только одна «социальная категория» – семья президента и ее окружение; жить в Приднестровье становится все опаснее и т. п.

Такой настрой присущ всем материалам сайта о приднестровской стороне. Особенно критикуется исполнительная ветвь власти и экономическая политика проводимая президентом.

Приведем наиболее показательные фрагменты типичного материала о Приднестровье, даже заголовок которого представлен в виде саркастичной метафоры: *Весеннее «обострение» президента.*

У некоторых представителей человечества именно весной обостряются самые различные болезненные состояния. Именно к категории последних и стоит отнести «царя» Приднестровья и всея Руси Игоря Николаевича Смирнова. Ощущая собственное превосходство над всем человечеством, он решился на очередное интервью, «как ни странно» в канун наметившейся на 25 марта встречи между ним и Владимиром Ворониным. Так, желая удовлетворить, с одной стороны, чувство собственного тщеславия, а с другой стороны, попытаюсь хоть сколько-нибудь задеть Владимира Воронина, он разошелся не на шутку в интервью для «Независимой газеты», представленной в лице поднаторевшей в вопросах Приднестровья Светланы Гамовой.

Практически не стесняя себя в выражениях и полете собственной шальной мысли, Смирнов в течение всего нескольких минут успел охаять прославляемого им доселе Владимира Путина...

Допускать такие заявления с его стороны – это как минимум «плевать в тот самый колодец», который не дает исчезнуть данному сепаратистскому анклаву... Приведены в рабочее состояние многочисленные промышленные объекты, так умело растасканные самим Смирновым и его окружением... Еще более критично отнесся приднестровский властитель к деятельности специального представителя

Европейского Союза господина Кальмана Мижеся... «Почему вдруг господин Мижеся, представитель Европейского союза, берет на себя право заявлять, как он это недавно сделал: мы договоренности в формате 2+1 (Молдавия, Приднестровье, Россия) не признаем. Да кто он такой для Приднестровья? Никто, ноль»... Нам же, жителям обоих берегов Днестра остается лишь уповать на то, что руководство Российской Федерации поставит наконец-то на место свое зарвавшееся и алчное «детище» – Игоря Николаевича Смирнова.

Как видим, данный текст перенасыщен разнообразными негативными средствами выражения оценки: обилие иронии, переходящей в сарказм, красочных метафор и сравнительных конструкций, использование слов высокого стиля, повтор, фразеологические обороты, в том числе трансформированные, использование слов со сниженной стилистической окраской, употребление стереотипов. Все эти приемы позволяют говорить об агрессивной направленности данного материала по отношению к приднестровскому руководству и приднестровской действительности.

В ходе исследования выяснилось, что практически во всех материалах о Приднестровье присутствует оценка с четко выраженным знаком «минус». В текстах просматривается речевая агрессия, что свидетельствует об интолерантной направленности текстов о ПМР (90 %) и соответственно о проявлении интолерантности сетевого ресурса по отношению к Приднестровью. На страницах сайта формируется отрицательный образ Приднестровья.

Несмотря на то, что в Приднестровье проживает немало украинских граждан, что Украина имеет с Приднестровьем общие границы и даже участвует в урегулировании молдово-приднестровского конфликта в качестве страны-гаранта, информация о Приднестровье в СМИ Украины появляется крайне редко. Как выяснилось, информация о ПМР на украинских сетевых СМИ практически отсутствует, за исключением отдельных перепечаток из российских СМИ новостных материалов о событиях в

регионе. Подтверждением нашему выводу служит следующая публикация: «По результатам исследования „Приднестровская проблема: взгляд из Украины“, проведенного... Институтом демократии им. Пылыпа Орлика, украинские СМИ либо игнорируют проблему приднестровского «замороженного» конфликта и проблемы в отношениях Украины с Молдавией, или ретранслируют сообщения на эту тему российских медиа»³⁰⁰.

Больше всего информации о ПМР нами было обнаружено на сайте украинского информационного агентства «УкрИнформ». Материалы данного издания о ПМР носят сугубо информационный новостной характер. Оценка событий практически отсутствует. Поскольку сформировать отношение к Приднестровью по сообщениям ИА «УкрИнформ» не представляется возможным, мы выбрали для анализа другие издания, в которых информация о ПМР не менее скудна, но носит аналитический характер.

Украинское аналитическое издание «Главред» пишет о Приднестровье не часто и в большинстве случаев это также новостные материалы. Подобная практика может свидетельствовать о нейтральном или индифферентном отношении данного ресурса к ПМР, однако анализ аналитических материалов под названием «Что нам делать с Молдовой?», опубликованных на сайте, позволит оценить отношение сетевого ресурса к приднестровской проблематике. Данная информация представляет собой запротоколированные материалы прошедшего «Главреде» «круглого стола», посвященного проблеме взаимоотношений Украины и Молдовы.

Украинскими аналитиками обсуждались выборы в Молдове и последовавшие за ними акции протеста, отношения Украины с Молдовой, Россией, Приднестровьем и другие вопросы³⁰¹. Выделим наиболее значимые для нас моменты, касающиеся Приднестровья:

³⁰⁰ Экспертное исследование: украинцев в Молдавии дискриминируют. – Доступно: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/transdnistria/1160601.html>

³⁰¹ Что нам делать с Молдовой? – Доступно: <http://glavred.info/archive/2009/05/05/185349-1.html>

...в Приднестровской Молдавской Республике фактически начинает формироваться политическая нация, чтобы мы ни говорили... японцы уже это признают. Если сравнивать три этих региона (Южную Осетию, Абхазию, Нагорный Карабах. – С. О.) с Приднестровьем, то, по сути, Приднестровская Республика существует как полноценное государство... Приднестровская Молдавская Республика – это полноценное государство со своими деньгами, армией, самосознанием, идентификацией и прочим...

Мы вынуждены вводить ограничительные меры в отношении внешнеэкономической деятельности приднестровских экономических агентов... Молдавская сторона пытается подтолкнуть Киев к введению запрета на въезд определенных лиц приднестровского руководства на территорию Украины...

В любом случае Украина заинтересована в том, чтобы жители Приднестровской республики имели достаточный уровень жизни, могли его себе обеспечить и их права были бы соблюдены...

И в Кишиневе, и в Тирасполе старая гвардия уйдет назад, вперед выходит уже более определенная, скажем, сила в лице обновленцев. Имеется в виду Шевчук, молодой политик, который имеетходы и имеет влияние как на Евросоюз, на западную часть, так и на Россию...

...У приднестровцев свои же интересы — они добиваются такой же независимости, чтобы эти лавры, как говорится, спокойно пожинать. Но тормозом на этом пути в Приднестровье является Смирнов...

Итак, украинские аналитики признают Приднестровскую Молдавскую Республику полноценным государством с оформившейся политической нацией, говорят о неправильной политике Украины по отношению к Приднестровью, переживают за приднестровское население. Признавая необходимость выстраивать новые взаимоотношения с ПМР, эксперты в то же время не исключают угрозы со стороны Приднестровья, считая его нестабильным, взрывоопасным регионом.

Оценочные средства, использованные в материале, достаточно разнообразны и выполняют сильную воздействующую функцию, однако в подавляющем большинстве случаев они имеют позитивную заряженность и объективно отображают ситуацию в регионе.

В новостных материалах тоже построены таким образом, что у читателей формируется определенная оценка. Безусловно, это оценка является экстралингвистической, субъективной. Но читатель воспринимает ее именно оценочно, не нейтрально. Хотя слова чаще всего с точки зрения семантики, наличия в них коннотата абсолютно нейтральны. Например, высказывались мнения о *«признании территориальной целостности Молдовы»*, *«демократизации и демилитаризации приднестровского региона»*; говорилось и о том, что *«Тирасполь не устраивает статус автономии»*, *«События после парламентских выборов в Молдове подтвердили невозможность ее объединения с Приднестровьем»* и др.

Все материалы, изученные нами, носили сугубо политический характер, иной информации о ПМР на сайте обнаружено не было. В целом позицию ресурса можно назвать толерантной с выражением оценки смешанного типа: 30 % материалов с позитивной оценочностью Приднестровья, 50 % публикаций нейтрального характера. Кроме того, на данном ресурсе очень хорошо работает система обратной связи. Развернутые дискуссии в комментариях и в разделах форума позволяют читателю усвоить несколько точек зрения и сформировать тем самым свой собственный взгляд на ту или иную проблему или событие.

Другим сетевым ресурсом, освещающим приднестровские события, в нашем исследовании выступило интернет-издание «Фразы»³⁰², на страницах которого можно встретить следующие выражения о регионе: *«приднестровские СМИ активно нагнетают ситуацию вокруг последних политических событий в Молдове; Ехать по ПМР – что путешествовать на машине времени. За окнами маршрутки – причудливая смесь позднего*

³⁰² Доступно: <http://fraza.ua>

«совка» и 90-х; Приднестровье (на первый взгляд) – островок Союза, который в силу своих крошечных размеров и уникального политического статуса пережил крушение «красной империи»; российский паспорт, по словам водилы, можно почти свободно купить за 500–700 долларов; «Шериф» – корпорация, контролируемая семьей бессменного Президента; Приднестровье – квазигосударственное образование на территории «Шерифа» и др.

Такого рода мнения о Приднестровье являются типичными для зарубежных СМИ и влияют на имидж ПМР далеко не положительно. Соответственно задача приднестровских журналистов заключается в активном освоении интернет-пространства и продвижении позитивной, а главное – объективной, информации о Приднестровье на разных языках.

Анализ материалов сайта «ИноСМИ. Ru», на котором публикуются переводные материалы ведущих западных средств массовой информации, позволил сделать вывод о том, что молдавский регион, как правило, описывается западными СМИ следующими маркерами: *деградирующий рынок труда и рекордный уровень бедности; коррупция, царящая среди правящей элиты; богом забытая страна; самая бедная страна* и др.

При этом в отношении Приднестровья используются следующие ключевые понятия: *сепаратистский регион; отколовшееся Приднестровье; мятежная провинция Молдовы; Приднестровье – сосредоточение контрабандистов; мафиозное государство; семейный клан* и др.

В материалах приднестровской тематики авторы зарубежных СМИ постоянно используют ассоциативные связи с политикой РФ, проводимой в отношении данного региона: *этот небольшой участок территории официально входит в состав Молдавии, однако там правит сепаратистский режим, поддерживающий тесные отношения с Москвой... Россия является главным игроком в продолжающихся переговорах, она сохраняет в*

Приднестровье свое военное присутствие, а также содержит там крупные склады вооружений и боеприпасов³⁰³.

Россия поддерживает сепаратистов в провинции Приднестровье, не признавая, однако, его независимым государством, как она сделала в случае с Южной Осетией и Абхазией³⁰⁴.

В «отколовшемся» Приднестровье многие наблюдают за последними событиями в Молдове с удовлетворением – ведь беспорядки и насилие в Кишиневе дают им еще одну причину (в свете косовского прецедента) для отказа вернуться в состав Молдовы³⁰⁵.

Эта сепаратистская республика, возникшая в результате короткого, но кровавого конфликта с Молдавией в начале 1990-х годов, является цитаделью российской армии, которая содержит там тысячу солдат³⁰⁶.

Маленькая сепаратистская территория, пользующаяся поддержкой Москвы, вот уже восемнадцать лет де-факто является независимой от Молдавии³⁰⁷.

Как видно из материалов, иностранные СМИ неизбежно связывают Приднестровье с политикой России в данном регионе. Они называют «замороженный конфликт» в Приднестровье «главным козырем России в отношениях с Молдавией, а также поводом для серьезного беспокойства ЕС»³⁰⁸.

В ходе анализа нами были выявлены четко определившиеся характеристики языковой стратегии и речевых оборотов публикаций западных СМИ: в основном они сводятся к использованию того арсенала

³⁰³ Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

³⁰⁴ Молдавия: тоска по Европе («Handelsblatt», Германия). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248393.html>

³⁰⁵ Волнения в Грузии и Молдове - результат «косовского прецедента» («Radio Free Europe / Radio Liberty», США). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248426.html>

³⁰⁶ Надувательство («Le Figaro», Франция). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248434.html>

³⁰⁷ Власть Молдавии колеблется между Брюсселем и Москвой («Le Monde», Франция). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248491.html>

³⁰⁸ Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

языковых средств и приемов, из-за которых за Приднестровьем устойчиво сохраняются определения «мятежное», «сепаратистское».

Приведем далее примеры, связанные с анализом переводных материалов на сайте Инофорума, где о Приднестровье можно найти информацию следующего характера:

Приднестровский вопрос представляет собой прекрасный рычаг, позволяющий Москве оказывать влияние на всю Молдавию³⁰⁹.

...«Страна», «государство» или «республика»... Только вот все это не настоящее. На самом деле Приднестровье – это сепаратистский регион Молдавии, который откололся в 1992-м году, потеряв рассудок из-за робких попыток правительства попасть под влияние Румынии после развала СССР. .. Памятник Ленину напротив Верховного Совета, флаг страны, все еще украшенный серпом и молотом, и широкие проспекты Тирасполя дают повод иностранцам говорить, что Приднестровье – это маленький СССР. Однако страна скорее является не фольклорным музеем советизма, а настоящей Россией в миниатюре... Демократия и плюрализм в Приднестровье являются понятиями относительными. В конце концов, власти постоянно ворошат воспоминания о войне, что не способствует дружбе между соседями³¹⁰.

Упоминается и о «политическом кризисе» между исполнительной и законодательной ветвями власти в Приднестровье: *политическая жизнь наполнена сегодня клановой борьбой. «На поверхности все спокойно, но под ней все кипит».*³¹¹

Подобные высказывания о Приднестровье достаточно редко, но публикуют ведущие СМИ Запада: Испания – «ABC»; Франция – «Liberation»,

³⁰⁹ Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/pridnestrove_mechtaet_o_nezavisimosti_pod_pokrovitelstvom_moskvy/

³¹⁰ Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

³¹¹ Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/pridnestrove_mechtaet_o_nezavisimosti_pod_pokrovitelstvom_moskvy/

«Le Monde», «Le Figaro»; Великобритания – «The Independent», «The Financial Times»; США – «Radio Free Europe/Radio Liberty», «The Wall Street Journal»; Германия – «Handelsblatt», «Der Tagesspiegel» и др.

Анализ использования речевых механизмов оценочности в материалах зарубежных СМИ позволил выявить тенденцию к формированию в них интолерантных стереотипов, навешиванию ярлыков, иронии, граничащей с сарказмом, что, безусловно, способствует созданию на страницах иностранных изданий отрицательного образа ПМР. Подобные приемы в разнообразных своих проявлениях переходят границы журналистской этики и нередко граничат с откровенной ложью. Так, в одном из материалов, изобилующем антироссийской истерией, говорится, что большинство населения ПМР живет по московскому времени³¹².

Как показывают данные нашего анализа, стереотипизация в СМИ ведет к стандартизации информации, дезинформации читателей, к манипулированию общественным мнением в интересах определенных элитарных кругов.

Закрепление в массовом сознании стереотипов западные СМИ реализуют посредством настойчивого повторения одних и тех же слов, фраз, которые в итоге превращаются в символы. Постоянное воспроизведение сфабрикованных стереотипов создает предпосылки для их некритического восприятия и усвоения аудиторией. Большую роль здесь играет внушение стереотипных представлений без особых доказательств, логических построений, в ряде случаев только со ссылкой на «авторитет»³¹³.

Постоянные повторы в иностранной прессе о мятежном сепаратистском Приднестровье, о контрабанде в ПМР формируют негативные стереотипы у западной аудитории о республике. Именно поэтому при первом упоминании о ПМР в сознании европейского жителя, скорее

³¹² Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

³¹³ Стереотипизация как метод пропаганды. – Доступно: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>

всего, возникает образ сепаратистов, мятежников, контрабандистов, несмотря на то, что уже почти 20 лет никаких «мятежных боев» на территории ПМР не наблюдается, а авторитетные западные комиссии и сторонние наблюдатели так и не смогли выявить случаев контрабанды на территории ПМР.

В отношении Молдовы западная аудитория также может судить по стандартным для иностранных СМИ понятиям: несчастный нищий народ. Постоянные публикации СМИ о событиях в Приднестровье в контексте политического влияния РФ подводят аудиторию к невольному выводу о ее неограниченном влиянии, о том, что все в регионе происходит с подачи российской власти.

Итак, русскоязычные СМИ используют самые разнообразные речевые приемы, красочные метафоры, которые не стараются стандартизировать; иностранные же СМИ за счет частоты употребления одних и тех же выражений, использования стандартных политических метафор, ограниченного спектра оборотов достигают более эффективного воздействия. Так, навешивание ярлыков, изобилие повторяющихся определений ведет к созданию конкретного стереотипа (например, сепаратистское Приднестровье), который надолго укореняется в сознании читателя при максимально активном использовании речевых средств.

Таблица 5. Распределение сетевых ресурсов по степени толерантности к Приднестровской государственности

Толерантная манера общения с преобладанием оценки позитивного типа зафиксирована в примерах, где толерантность выражена посредством языковых единиц со значением рациональной оценки позитивного характера и категоричности / некатегоричности изложения.	Толерантная манера общения с выражением оценки смешанного типа предполагает выражение оценки смешанного типа и категоричности / некатегоричности изложения.	Интолерантная манера общения с выражением негативной оценки проявляется там, где выражено явное неприятие определенной идеи (теории, концепции и т.д.), несогласие автора с излагаемой точкой зрения, ее резкая критика, в связи с этим дана негативная оценка знания (или личности), изложенная категорично.
Новости Приднестровья, Ava.md	Регнум, ГлавРед	«Новая Молдавия», Фраза, ИноСМИ, Инофорум

Уже в первом приближении отчетливо проявляется доминирование негативно настроенных сетевых изданий (табл. 5).

Проанализировав данные, отметим, что приднестровские и украинские сетевые ресурсы в большей степени выказывают толерантное отношение к республике, хотя последние не могут претендовать на системный характер позитивной информации. Лидером по распространению негатива, как и ожидалось, является сетевая журналистика Республики Молдова, однако даже в этом секторе присутствуют ресурсы с конструктивным подходом к обсуждению приднестровской проблемы. Российские информационные агентства, исследуемые в работе, в большей степени отличаются объективностью в освещении приднестровских событий.

В подтверждение анализа приведем табл. 6 и 7, в которых отражены количественные показатели средств создания оценки из расчета 10 текстов от каждого аналитического интернет-издания и отношение каждого из них к Приднестровской Молдавской Республике.

Таблица 6. Отношение сетевых ресурсов к приднестровскому государству

Сетевой ресурс	Отношение к Приднестровью		
	положительное	нейтральное	отрицательное
Новости Приднестровья	84	26	-
Регнум	24	51	25
Укринформ	-	82	18
Главред	35	43	24
Фраза	-	30	70
Итого по ресурсам Украины	35	155	112
Ava.md	45	29	26
Меридиан-Инфо	-	2	98
Итого по ресурсам РМ	45	31	124
ИноСМИ. ru	-	46	54
ИноФорум	-	36	64
Итого по зарубежным ресурсам	0	82	118
Всего в сетевых изданиях	188	345	379

Наиболее тревожная ситуация складывается в зарубежных сетевых изданиях, которые изобилуют отрицательными оценками приднестровского

государства и несут негативный заряд в массовую аудиторию Западной Европы, формируя соответствующие стереотипы.

Таблица 7. Использование сетевыми ресурсами языковых приемов и речевых фигур

Средства создания оценки	Новости Приднестровья	Регнум	Ava.md	Новая Молдавия	Украина (в общем)	Западные СМИ	Итого
Метафора, метонимия	12	45	29	41	30	37	194
Сравнения	10	10	15	7	15	23	80
Восклицание, коммуникация, пояснение, вопрос	11	30	24	57	27	27	176
Ярлык, стереотип	9	20	23	39	15	54	160
Фразеология, аппликация аллюзия, прецедентный текст	10	25	14	27	23	34	133
Прямая оценка, качественные характеристики	10	10	9	65	5	2	101
Ирония	2	10	5	15	3	19	54
Окказионализмы и нелитературные выражения		27	2	25			54
Итого	64	177	121	276	118	196	952

Как видно из табл. 7, сетевые ресурсы активно применяют разнообразные способы выражения отношения к описываемому.

Прямые резкие оценки, использование нелитературных единиц, навешивание ярлыков, сарказм являются средствами формирования речевой агрессии на страницах зарубежных СМИ; употребление высокохудожественных оборотов, метафоричность речи – характерные признаки русскоязычных изданий.

Завершая параграф, резюмируем. Соцмедиа технологии, практикуемые приднестровскими СМИ, ориентированы в основном на активную аудиторию средних лет, поскольку именно эта категория населения сосредоточена в таких соцсетях, как Вконтакте и Facebook. Twitter, Instagram как социальные среды для молодежи и Одноклассники как платформу для более взрослого населения СМИ осваивают в меньшей степени в силу определенных

технологических причин и относительной бесперспективности потенциальной аудитории.

Приднестровские СМИ осознали, что именно сетевые ресурсы дают возможность пользователю не только получить необходимую и интересующую его информацию, но и выразить свое отношение к происходящим событиям. Учитывая количество интернет-пользователей Приднестровья, существующие социальные ресурсы вполне обеспечивают информационные запросы местной аудитории. В этих условиях основной информационный поток традиционных СМИ проигрывает социальному контенту как по оперативности, так и по объективности.

Результаты контент-анализа материалов сетевых информационных агентств подтвердили, что в условиях современного общества предпочтительнее использовать скрытые, завуалированные, более мягкие способы выражения оценок. Правильный отбор фактов, цитирование, меткие метафоры, прецедентные тексты могут быть намного действеннее, чем переход на «повышенные тона». Учитывая сложившуюся практику и общественный резонанс в российском и западном обществе, следует отметить эффективность каждой из языковых стратегий и принципов построения журналистских текстов. И все же, поскольку основной акцент приднестровским СМИ необходимо делать на распространении адекватной информации о республике в европейском секторе, на интегрировании в соответствующее информационное пространство, имеет смысл воспользоваться традиционными для западной аудитории приемами и, ломая существующие стереотипы, внедрять в массовое сознание новые, более толерантные и позитивные.

4. 2. Проблемы позиционирования государств с отложенным внешнеполитическим статусом на международной арене

Парламент Косово 17 февраля 2008 года в одностороннем порядке объявил о независимости от Сербии и о создании суверенного государства – Республики Косово. Однако, согласно конституции Сербии, парламент края не обладает такими полномочиями, поэтому объявление независимости Косово нелегитимно и согласно сербской позиции этот регион по-прежнему входит в состав Сербии как автономный край Косово и Метохия.

В октябре 2008 года Сербия через Генеральную Ассамблею ООН обратилась в Международный суд с просьбой вынести консультативное заключение по вопросу соответствия нормам международного права одностороннего провозглашения независимости Косово. Указанная судебная инстанция 22 июля 2010 года определила, что декларация независимости Косово не нарушает норм международного права. Несмотря на то, что данный вердикт носил рекомендательный характер, авторитет суда и стран, стоявших за независимостью Косова, определил для большинства стран императивность концепции судебного прецедента в международном праве по данной проблеме³¹⁴.

В 2008 году 53 страны, включая все страны большой семерки, признали независимость Косово. Примечательно, что страны большой двадцатки в том же году по вопросу Косово разделились на два лагеря и за исключением Аргентины, Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Мексики, России, ЮАР признали независимость этого края. Безусловно, такая однозначная позиция лидеров западного мира предопределила действия остальных стран по вопросу Косовской проблемы. В настоящее время независимость Косова от Сербии признали 111 государств из 193 (57,5 %) членов ООН.

³¹⁴ Пушкина Д. Б., Федорова А. С. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5(79) // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/pu15.html> (дата обращения 23.10.2017)

Анализируя тенденции развития ситуации вокруг признания Косово, необходимо отметить, что, поскольку большая часть населения края исповедует ислам, страны арабского мира активнее других признают это государство. Так, в настоящее время более 30 стран из 57 участниц организации Исламского сотрудничества уже признали независимость Косово. Такую тенденцию предрек Президент Косово Фатмир Сейдиу, заявив на проходящей 25 августа 2008 г. в Приштине международной конференции «Косово и арабский мир», что это произойдет тогда, «когда будут преодолены предрассудки» и опасения и когда ситуация с Косово будет рассматриваться не как казус, а как прецедент. Помимо местных политиков в ней участвовали представители ряда арабских неправительственных организаций и интеллектуальных кругов. Цель конференции, как указали ее организаторы, – «улучшение международного имиджа Косово»³¹⁵.

Руководство края надеется, что арабские страны уже в ближайшее время признают новые реалии и присоединятся к тем государствам, которые признали независимость Косово. Все высказывания косовских руководителей сводятся к тому, что край будет фактором стабильности и развития добрых отношений со всеми странами, включая Сербию, независимо от того, что последняя упражняется в острой риторике по отношению к статусу края.

Правительство Косово, как и руководители других непризнанных государств, принимает ряд мер по преодолению сложившихся достаточно негативных ассоциаций, связанных с их республиками. Подчеркнем, что, на наш взгляд, правящая элита Косово выбрала довольно оригинальный способ построения нового образа своей страны. Правительство самопровозглашенной республики заключило контракт о разработке нового международного имиджа региона с рекламным агентством «Saatchi & Saatchi», являющимся частью французской медиа-корпорации «Publicis

³¹⁵ Косово уповает на скорое признание в арабском мире. – Доступно: <http://pda.izvestia.ru/lenta/news.html/use.news.186488/>

Groupе». Сегодня мировая сеть агентств «Saatchi & Saatchi» – одна из крупнейших в своей отрасли: она насчитывает около 135 офисов в 85 странах мира.

Министерство финансов Косово совместно с израильским подразделением «Saatchi & Saatchi» будет проводить международную брендинговую кампанию и заниматься медийными проектами, направленными на улучшение имиджа Косово. Стоимость контракта составляет 7,3 млн дол.³¹⁶

Параллельно с работой над имиджем Косово агентство «Saatchi & Saatchi» реализует на рынке глобальный проект по внедрению линии подгузников «Pampers» для детей, которые только учатся ползать.

Спустя почти год после объявления независимости для повышения привлекательности края в Косово прошел конкурс на получение права открытия первого ресторана американской сети «Макдональдс». Представитель экономической палаты США в Косово М. Кушари заявила, что появление этого бренда в крае сделает его более привлекательным, а «открытие „Макдональдса“ значительно улучшило бы образ этого государства. Подобный шаг открывает путь для инвестиций других американских компаний и развития экономических отношений»³¹⁷.

Однако имидж самопровозглашенной республики был изрядно подпорчен рядом скандалов. Наиболее громким из них стал выход книги главного обвинителя трибунала по бывшей Югославии Карлы Дель Понте «Охота, я и военные преступники». В этой книге среди прочего содержатся обвинения в адрес бывшего руководителя Освободительной армии Косово Х. Тачи и Р. Харадиная. Утверждается, например, что нынешнее руководство Косово в ходе войны зарабатывало деньги на торговле внутренними

³¹⁶ Агентство Saatchi & Saatchi исправит имидж Косово. – Доступно: www.lenta.ru/news/2009/01/22/kosovo/ – 7 К6 22.01.2009, 20:59:13

³¹⁷ Косово озаботилось своим имиджем. – Доступно: http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/01/23/Kosovo_ozabotilos_sv.phtml

органами, изъятыми у похищенных сербов³¹⁸. Кроме того, публикация в конце декабря 2010 года материала специального докладчика Парламентской ассамблеи Совета Европы Дика Марти о преступном прошлом ныне действующего президента края Хашима Тачи также касалась темы преступной торговли человеческими органами³¹⁹.

Основные проблемы в продвижении края на международной арене можно разделить на две группы: объективно существующие и субъективно приобретенные. К первой группе относятся проблемы, имевшие место и прогнозируемые в связи с провозглашением независимости: информационное противостояние с метрополией (Сербией) и сторонниками целостности сербского государства. Ко второй – промахи и прошлые ошибки, «грехи» руководства, которые современные СМИ выносят на всеобщее обсуждение.

Анализируя проблему имиджа Абхазии, необходимо отметить, что руководство этого государства также уделяет ей повышенное внимание: оно даже приняло ряд мер по формированию положительного образа своего края. В частности, официальный сайт президента Абхазии осуществляет проект формирования привлекательного инвестиционного имиджа своей республики.

Во время проведения интернет-конференции министр иностранных дел республики Абхазии С. Шамба на портале «ЮГА.ru» заявил, что на сегодняшний день МИД делает все возможное для создания благоприятного образа республики. «У Грузии гораздо больше ресурсов и политическая поддержка со стороны европейских государств и США довольно значительная, – подчеркнул С. Шамба. – Совершенно очевидно, что в этом плане нам с Грузией трудно состязаться, но поскольку наша цель заключается в необходимости развития взаимодействия с различными

³¹⁸ Карла дель Понте: нынешнее руководство Косово похищало сербов и торговало их органами. – Доступно: <http://www.newsru.com/world/01apr2008/karla.html>

³¹⁹ Абрамочкин Ю. «Черная трансплантология» в Косово: расследованию быть? / РИА «Новости. 16.12.2010 // <https://ria.ru/world/20101216/309621413.html>

странами, то мы, несмотря на отсутствие достаточных ресурсов, пытаемся направить свою внешнеполитическую активность в этом направлении. Кроме того, мы активно действуем в тех странах, где есть абхазо-абазинская диаспора. Пытаемся реализовывать наши инициативы исходя из существующих возможностей, хотя мы понимаем, что необходимо значительно усилить работу в этом направлении, и сейчас это одна из приоритетных задач, стоящих перед нами».³²⁰

Вице-премьер абхазской республики Б. Кубрава, курирующий вопросы экономики и финансов, в своих комментариях к вопросам развития государства, сказал, что курортный бизнес – приоритетная экономическая сфера государства, развитие которой позволит реанимировать имидж Абхазии. Активизировать процессы восстановления разрушенной войной курортной, туристической инфраструктуры представляется возможным при условии значительных капиталовложений, в том числе иностранных инвестиций.

Руководство республики в целях привлечения зарубежных инвесторов предлагает определенные льготы. Например, «в Пицунде уже действует одна частная фруктовая компания, в Сухуме – гостиница „Рица“, да и многие курортные объекты уже пользуются иностранными инвестициями, и процесс этот набирает обороты»³²¹.

Основную ставку руководство Абхазии по-прежнему делает на Российскую Федерацию, активно развивая не только политические, экономические, но и культурные связи. «Радует расширение культурных связей с северной российской столицей... Регулярно участвуем в Дне города – шествуем по Невскому проспекту... Много студентов обучаются у вас. Есть абхазское землячество „Апсны“, которое возглавляет Мурман Джонуа.

³²⁰ Интернет-конференция министра иностранных дел Республики Абхазия Сергея Шамба интернет-порталу Юга.ру. – Доступно: www.mfaabkhazia.org/documents/dokumenty_mid_ra/internet-konferenciya_ministra_in...

³²¹ Абхазский проект для России. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=18091

Имеется и официальный представитель Республики Абхазия в Санкт-Петербурге»³²².

Особый статус края до августа 2008 года и территориальная отдаленность от центра РФ негативно сказывались на инвестиционных процессах и экономических связях с Россией. После признания Абхазии суверенным государством наметилась позитивная тенденция в отношении экономического взаимодействия с Краснодарским краем, который граничит с Абхазией. Стремительно развивается основа традиционного абхазского бизнеса – производство цитрусовых.

Одним из многочисленных мероприятий, направленных на продвижение бренда «Абхазия», стало открытие в Сухуме по инициативе Международного независимого эколого-политологического университета совместно с правительством Москвы бизнес-школы, при поддержке Партии экономического развития Абхазии (ЭРА).

Московские специалисты организовали занятия с сотрудниками сухумских гостиниц «Рица», «Атриум Виктория», ресторанов «Сан-Ремо», «Акьяфурта», кафе «Медовик». Основной проблемой пока остается повышение уровня образования и обучения работников сферы обслуживания, поскольку война отбросила людей на 10 лет назад и лишила их возможности узнать о мировых тенденциях в развитии в индустрии туризма. Однако всемирно известное абхазское гостеприимство остается незыблемым брендом и позволяет решать вопросы в других сферах деятельности. Подтверждением этого служит мнение российских специалистов, считающих, что акцент необходимо делать на молодежи и людях, которые хотят расширить свои знания и узнать о новых тенденциях в мире, а что касается гостеприимства и радушия, то этому в Абхазии обучать не нужно. Есть мнение, что в республике пора проводить кастинг на предмет профессионального соответствия и создавать такой климат, чтобы люди с

³²² Абхазский проект для России. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=18091

удовольствием работали. «Людей нужно привлекать цивилизованными условиями».³²³

«В Абхазии грех не развивать туризм, здесь такие природные и туристические ресурсы, которыми не обладает в таком количестве ни одна страна мира... Заметна тенденция, что граждане Абхазии немного принижают значение этих факторов. У Абхазии свой имидж и бренд в постсоветском пространстве. Бывшим жителям СССР не нужно объяснять, что такое Гагра, Пицунда, Новый Афон, не нужно рекламировать. Это уже потенциальные гости», – сказала преподаватель кафедры гостиничного и туристского бизнеса международного независимого эколого-политологического университета О. Ромашкина³²⁴.

Несмотря на уникальные природные условия, основным дестабилизирующим фактором в регионе по-прежнему остается политический конфликт, и до его окончательного разрешения имеющийся потенциал республики полностью реализовать не удастся.

Иностранцы на отдых в зону недавних военных действий в ближайшее время не поедут, а туристы из Грузии, которым до этого побережья рукой подать, тоже вряд ли будут здесь желанными гостями. «Самые путешествующие нации – немцы, японцы, голландцы и англичане приедут сюда с удовольствием, чтобы посмотреть и открыть для себя новый курорт. Европейский турист не видел Абхазию, и он готов сюда приехать. Вопрос только в решении политических вопросов и вопросов безопасности...

Абхазия поражает своей природой, и главное – сохранить здесь экологический потенциал. Здесь совершенно не нужны многоэтажные застройки, это лишь испортит природу. Абхазия должна стать элитным

³²³ Президент посетил ряд хозяйств Очамчирского района / АПСНЬПРЕСС. Выпуск №329 16 июля 2008 г. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11672>

³²⁴ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=19243

туристическим центром – дорогим, но соответствующим всем мировым стандартам».³²⁵

Средства массовой информации наряду с распространением информации, повышающей престиж Абхазии, проводят самостоятельные исследования и мониторинги отношения туристов к молодому государству. Так, корреспондент «Кавказского узла» летом 2008 года провел мини-опрос среди отдыхающих в Сухуме, чтобы узнать, как на них повлияли последние события в республике. Приведем некоторые высказывания³²⁶.

1. «Я приехала неделю назад из Красноярска с ребенком. Планировала остаться на месяц, но решила остаться до конца августа. Здесь свежий воздух, чистое море. В конце июля приедут еще мои друзья с детьми», – говорит Н. Николаева.

2. Супруги Корниловы из Самары считают, что если бояться взрывов, то тогда вообще из квартиры выходить не следует. «В наше время взрывы происходят везде. И что теперь нам никуда не ездить? Мы уже второй год подряд в Абхазии. Свой отпуск прерывать не собираемся. Более того, точно знаем, что приедем и в следующем году», – уверены супруги.

3. Елена из Санкт-Петербурга говорит, что слышала о том, что там были взрывы, но все равно приехала, хотя ее подруга и сдала путевку. «Что делать, это везде бывает. Но я приезжаю сюда уже второй год подряд, живу в частном секторе у хороших знакомых. Мне нравится здесь – море чище, чем в Сочи. Правда, фрукты не такие дешевые, как раньше, но здесь, может быть из-за этого, много привозного», – отметила туристка из Питера.

4. Святослав из Омска впервые приехал в Абхазию по рекомендации своих друзей и не жалеет. «Когда в день моего приезда произошел взрыв на Сухумском рынке, я вначале подумал: а вдруг это начало войны. А когда увидел, как спокойно загорают на пляже мои соотечественники, успокоился.

³²⁵ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=19243.

³²⁶ Там же.

Теперь чувствую себя более уверенно, даже хожу на рынок за вкусными абхазскими фруктами», – говорит Святослав.

5. Нина из Уфы, прогуливаясь по Сухумскому ботаническому саду, рассказала, что приехала на отдых с мужем и сыном. «Мы поселились в одном из домов отдыха Гагры. Сегодня я решила приехать на экскурсию в Ботанический сад, а мои мужчины – в горы. Они будут там три дня – решили подышать горным воздухом. А я планирую подняться в обезьяний питомник, увидеть обезьянок, о которых много пишут», – поделилась своими планами Нина.

Неспокойная ситуация в Абхазии привела к тому, что количество российских туристов, желающих отдохнуть на абхазских курортах, пошло на убыль. Газета «Кавказский узел» ранее приводила сообщение источника в Российском союзе туристической индустрии о том, что общая тенденция к снижению продаж туров в Абхазию наблюдалась туроператорами еще до взрывов. По данным этой организации, в 2008 году путевок в Абхазию было продано на 30% меньше, чем в предыдущие годы³²⁷. Причины ухудшения состояния туристической индустрии и имиджа государства в целом можно найти в тиражируемых СМИ негативных информационных сообщениях:

– в результате взрыва у рынка в Гагре пострадали шесть женщин, местные жительницы. Россиян среди пострадавших не было;

– в результате взрывов в Сухуме пострадали шесть человек. Все они были госпитализированы с незначительными осколочными ранениями, им была оказана необходимая помощь;

– в результате взрыва, прогремевшего в районном центре Гальского района Абхазии в городе Гал, два человека скончались в больнице;

– президент Абхазии заявил о закрытии с 1 июля 2008 г. границы с Грузией. С. Багапш однозначно обвинил грузинские спецслужбы в

³²⁷ Российские туристы отказываются ехать в Абхазию. – Доступно: <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1224797.html>

причастности к взрывам в Сухуми и Гагре и отметил, что абхазские власти делают все, чтобы выявить причастных к происшествию;

– в Грузии считают, что за взрывами в Абхазии стоят местные группировки, которые периодически сталкиваются друг с другом с целью перераспределения сфер влияния³²⁸.

Тем не менее в последнее время наметилась тенденция к увеличению потока туристов и отдыхающих в Гагре и Сухуме. Туроператоры отмечают, что отказов от туров в Абхазию почти нет и даже имеет место практика возобновления бронирования ранее аннулированных. В то же время современная Абхазия пока не может принять много туристов: отелей уже не хватает, и это тоже может негативно сказаться на имидже республики.

Активизация туристического потока в регион стала возможной не только благодаря хорошей экологии и приятным воспоминаниям об отдыхе, проведенном в этих местах в советское время, но и сервису, который в первую очередь ориентирован на российского туриста. Тем более, что в Абхазии всегда было хорошее отношение к россиянам.

Привлекает путешественников и имидж «дешевого» курорта. Абхазию выбирают те, кто хочет сэкономить. В условиях экономического кризиса этот фактор будет только набирать силу. Изучая динамику продаж, можно сделать вывод, что туристы предпочитали покупать туры именно на начало и конец сезона. То есть отпускники, выбирающие это побережье, в том числе и из-за дешевизны, не готовы переплачивать³²⁹. Ближайшая перспектива (до 2015 г.) привлечет в Абхазию, соседствующую с г. Сочи, где олимпийское будущее гарантирует непрерывное повышение цен, значительное количество туристов.

Даже в условиях стабильной политической обстановки строить планы на несколько лет вперед довольно рискованно, поскольку Абхазия будет

³²⁸ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: <http://www.abhazia.com/news/detail.php?id=24191>

³²⁹ Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>

активно участвовать в строительстве олимпийских объектов в Сочи и добывать для них щебень. Планируется строительство нескольких цементных и кирпичных заводов. Эти проекты могут не только нанести непоправимый урон прекрасной экологии, но и негативно сказаться на отношении потенциальных курортников к региону.

В этой ситуации необходимо учитывать, что основной акцент во всей рекламной кампании, связанной с курортами Абхазии, делается именно на уникальные природно-климатические условия. Реализация подобных экономических проектов, безусловно, может навредить имиджу местности, невзирая на освоение современных очистительных технологий, которые якобы позволяют работать без вреда для окружающей территории.

Менее оптимистичными выглядят перспективы абхазских побережий, если в расчете на сиюминутную прибыль местные предприниматели попытаются увеличить стоимость проживания отдыхающих. «Если цены в следующем году поднимутся, сезон может быть сорван. Если партнеры проанализируют ситуацию и не станут увеличивать стоимость, привлекая туристов традиционными достоинствами Абхазии – чистым морем, красивой природой и низкими ценами, то люди туда поедут».³³⁰

Конвертирование юмора в имидж государства блестяще продемонстрировала абхазская команда КВН «Нарты из Абхазии». Она с блеском победила в четвертьфинале, обойдя вполне достойных и остроумных соперников. Прославленный абхазский юмор, в котором под простодушием кроется мудрость, отточенное мастерство и артистический талант сделали эту победу неоспоримой. Неповторимый колорит, чудесные народные мелодии – и это в то время, когда среди определенной части москвичей растет подозрительность по отношению к «лицам кавказской национальности», – придали этому выступлению еще и важный политический смысл, ломающий стереотипы неприязни.

³³⁰ Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>.

Можно сказать, что абхазская команда КВН работает сейчас ничуть не меньше республиканского МИДа. Это не только создание положительного имиджа Абхазии, где живут такие остроумные и обаятельные люди; это и демонстрация на Первом российском канале флагов республики, которыми размахивали воодушевленные болельщики; это и веселая тонкая пародия на диалог В. Путина и абхазского президента С. Багапша; это и выступления членов жюри, известных в России людей, которые по-доброму говорят о кавказской жемчужине; это и правильное, абхазское (знак уважения к гостям), название города – Сухум.

Формирование положительного имиджа Абхазии – задача не только политическая, экономическая, но и культурная. Ведь многие из тех, кто еще сомневался, можно ли ехать в Абхазию на отдых, наверняка, отбросят хотя бы часть опасений, увидев такое блестящее выступление.

В отличие от края Косово Абхазия активно ищет способы для увеличения экономической мощи своего государства, не ввязываясь в политические дискуссии со всем мировым сообществом о статусе и признании своей республики. Такая ситуация стала возможной только благодаря общей границе со страной, на которую ориентировались абхазцы, создавая свою государственность, – Россией.

«Непризнанные государства» на территории СНГ: Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье – довольно часто становятся предметом обсуждения на центральных телевизионных каналах, в федеральной печати РФ и других государств, но за пределами этих обсуждений долгое время оставался Нагорный Карабах, хотя именно он стал первым примером сепаратистского движения и успешного противостояния консолидированного национального меньшинства республиканской метрополии.

Подобное «затишье» в условиях кавказских республик может свидетельствовать о том, что на территории и вокруг непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) ожидаются изменения нынешнего статус-кво, в чем заинтересованы и Азербайджан, и Армения. Возможно, в

перспективе одна из сторон будет апеллировать к «цхинвальскому прецеденту».

Для армянской стороны принципиально важно упрочить военные и дипломатические позиции Степанакерта, минимизировать угрозы, вызванные ростом военной мощи Азербайджана. В таком случае речь должна идти о расширении правовой базы НКР. Война в Южной Осетии заставила задуматься о том, что когда-нибудь и Азербайджан может попытаться решить вопрос Нагорного Карабаха силовым путем. Об этом в беседе с корреспондентом ИА «Регнум» заявил армянский политолог Л. Мелик-Шахназарян. «Страна-узурпатор, пытающаяся захватить чужие земли, рано или поздно, когда исчерпываются вымышленные правовые доводы, переходит к военным действиям, и Южная Осетия – очередное ненужное подтверждение этому», – отметил он³³¹.

Между тем в европейских дипломатических кругах обсуждается возможность открытого признания Арменией НКР как субъекта международного права.

Расконсервация южноосетинского и абхазского конфликтов чревата и может быть использована Баку в качестве повода для детонации остановленной в начале девяностых карабахской войны. Азербайджан потерпел тогда полное поражение, приведшее к серьезному внутривнутриполитическому кризису и ликвидации националистического режима.

Возвращение Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, особенно в свете предстоящих в Баку президентских выборов, стало политическим брендом ближайшего окружения И. Алиева, своего рода «пропуском в долгосрочную власть».

В то же время президентские выборы в Нагорном Карабахе повысили имидж республики. Об этом заявил депутат Национального Собрания Армении от оппозиционной фракции «Оринац Еркир» О. Маркарян.

³³¹ Армения должна признать Абхазию и Южную Осетию, если не хочет применения двойных стандартов к Карабаху: эксперт. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11925>

«Активное участие избирателей и положительные оценки, данные выборам многочисленными организациями, говорят о росте имиджа Нагорного Карабаха и серьезном вкладе в становление демократии», – сказал О. Маркарян³³².

Таким образом, ситуация в Нагорно-Карабахской Республике может быть классифицирована как стабильная, поскольку непосредственная близость и возможность всесторонних контактов с армянской стороной создают иллюзию единого государства и отсутствия проблемы как таковой. Этой ситуации способствуют уроки минувшего военного противостояния, активная фаза которого была чревата значительными человеческими потерями с азербайджанской стороны, что до сих пор сдерживает участников конфликта от использования каких-либо силовых средств в решении этого территориального спора.

Завершая анализ процессов позиционирования непризнанных государств и связанных с ними проблем, необходимо отметить, что «успешность продвижения их имиджа и брендов во многом зависит не только от количества государств, поддерживающих ту или иную спорную территорию, но и от их непосредственной близости и участия в развитии регионов. Следует отметить, что немаловажное значение в этих процессах имеет имидж руководителей государств с отложенным внешнеполитическим статусом, а также степень стабильности внутривнутриполитической ситуации в республиках и напряженности внешнеполитических отношений по вопросам их признания»³³³.

Описывая проблемы государств с отложенным статусом, связанные с их международным позиционированием, обратимся к исторической, экономико-политической, социально-культурной справке по каждому из них. Необходимо отметить, что данная информация содержится в международных

³³² Выборы в Карабахе повысили имидж республики. – Доступно: www.karabakhlive.com/index.php?name=News&op=Article&sid=139

³³³ Олейников С.В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). – С. 141.

ресурсах глобальной сети интернет и именно к ней наиболее часто прибегают рядовые пользователи, иностранные журналисты, политические деятели. Для большинства экономических агентов размещенная на сайтах информация является основой для формирования мнения о благоприятности или неблагоприятности инвестиционного климата в регионе и принятия решения об участии в инвестиционных программах.

В данном параграфе будут приведены фрагменты текстов, размещенных на соответствующих страницах открытого энциклопедического сетевого издания «Википедия».

Анализируя приведенный на энциклопедическом сайте материал о Приднестровской Молдавской Республике³³⁴, отметим, что акценты на непризнанности международным сообществом, постоянных неконтролируемых атаках соседней Молдовы, неопределенном отношении Украины как страны-гаранта придают Приднестровью негативную окраску в восприятии читателей. Довольно предсказуемой может быть реакция потенциальных инвесторов на информацию, представленную в подобной исторической справке: Приднестровье вряд ли будет ассоциироваться с краем, где создан благоприятный инвестиционный климат.

Кроме того, информация о доминирующей роли группы компаний «Шериф» во внутриэкономической жизни региона, которые охватывают различные отрасли и практически все экономические секторы, может негативно сказаться на решениях потенциальных инвесторов. Наличие монополиста на внутреннем рынке в значительной степени снижает шансы эффективного развития иностранного бизнеса в Приднестровье.

Текст сетевого ресурса энциклопедии, повествующий о Косово, изобилует упоминаниями о провозглашении независимости края, встречающимися на протяжении всего материала³³⁵. Акцент на

³³⁴ Приднестровье. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Приднестровская_Молдавская_Республика

³³⁵ Косово. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Косово

обоснованности позиции руководства Косово присутствует даже во фрагменте, описывающем отношение Сербии к отделению. Кроме того, текст снабжен многочисленными ссылками на авторитетные страны, поддерживавшие независимость Приштины.

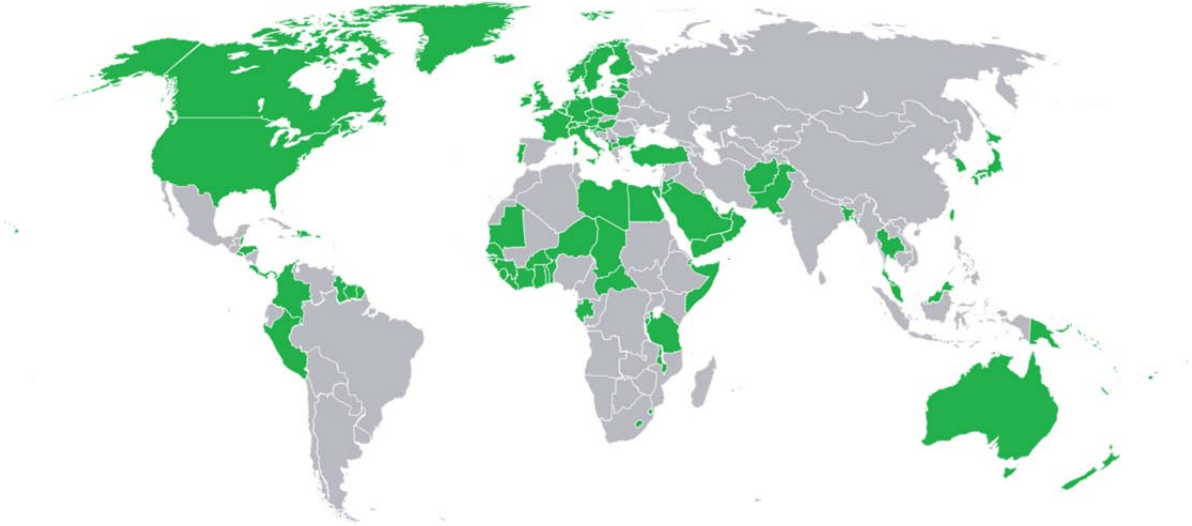

Рис. 4. Признание независимости Косово в мире:
зеленым цветом выделены государства, формально признающие независимость Косово,
серым цветом выделены государства, не признающие его независимость

Анализируя карту (рис. 4), стоит отметить, что визуально территории, не признающие независимость Косово, доминируют, однако данная иллюзия противоречит реальной статистике, согласно которой большая половина стран – членов ООН официально признали суверенитет Косово. Приведенная карта наглядно показывает актуальность косовского вопроса, полярность мнений в мире о ситуации с Косово, а также предопределяет инвестиционные интересы западной экономической элиты и жесткость позиции государств, объявивших о том, что они не признают его независимость. Противоречивость политических позиций в отношении края является первопричиной экономических и инвестиционных проблем.

Таким образом, актуализируя в тексте идею признания независимости Косово и поддержку этой идеи ведущими западными странами, авторы

энциклопедического материала создают эффект большей уверенности в регионе и оправданности его политического статуса, подкрепив его цитированием государственного секретаря США об уникальности ситуации в Косово.

В материале о Нагорном Карабахе показана вся проблематичность ситуации в этой республике как одной из самых сложных в непризнанных государствах³³⁶. Подача материала организована в негативном контексте с акцентами на следующие позиции: статус республики до сих пор не урегулирован, политологи разных стран ставят под сомнение легитимность выборов и признание независимости республики: ни одна страна не признает результатов проводимых в Нагорном Карабахе выборов, не направляет на них официальных наблюдателей. Кроме того, в тексте несколько раз упоминается проблема переселенцев и беженцев азербайджанской национальности, ущемление их демократических прав и свобод, при этом этнические чистки остаются без уточнений и комментариев. В тексте Азербайджан позиционируется нейтрально и, скорее, позитивно, в то время как армянская сторона представлена в негативном свете пособника конфликтной ситуации.

Учитывая кавказскую специфику и кровопролитную историю региона, можно сказать, что текст энциклопедической статьи только усугубляет ситуацию, поскольку представляет Нагорный Карабах исключительно с негативной стороны в глазах читателя. В основном тексте отсутствует даже упоминание о столице республики – Степанакерте, не говоря уже о инфраструктуре региона. Подобный подход, безусловно, негативно сказывается на экономике, внутренней и внешней политике республики, способствуя ее полной автономности.

³³⁶ Нагорный Карабах. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нагорный_Карабах

Текст, касающийся Южной Осетии при всей его скромности по объему изобилует сложными, специфическими географическими названиями, которые для зарубежного пользователя не несут смысловую нагрузку, а значит не представляют интереса³³⁷. В материале содержится косвенное указание на историческую причастность региона к России, а также на необдуманность и неоправданность действий грузинских властей по разделу единой осетинской территории. В целом специфичность материала не позволяет стороннему наблюдателю сформировать какое-либо мнение о республике.

При оценке текста энциклопедического сетевого ресурса об Абхазии можно констатировать его общую нейтральность и определенную позитивность³³⁸. Абхазия вследствие ее географического расположения действительно является наиболее благоприятным для инвестирования государством по сравнению с другими непризнанными республиками. Подробное освещение в тексте социально-экономической, природно-климатической ситуации в государстве, его культурной самобытности и уникальности вероисповедания абхазцев повышает привлекательность региона как для туристов, так и для потенциальных инвесторов. Основные сферы, обеспечивающие если не процветание, то безбедное существование, – торговля и туризм.

Авторы материала не могли обойти трагические страницы абхазской истории, но сделали это максимально корректно по отношению к грузинскому и абхазскому населению. Негативные фрагменты энциклопедической статьи в значительной степени уступают описанию современной Абхазии, а данные, характеризующие экономическую состоятельность государства, минимизируют эффект военного противостояния в регионе.

³³⁷ Южная Осетия. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южная_Осетия

³³⁸ Абхазия. – Доступно: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Абхазия>

В целом материал об Абхазии является вполне успешным для позиционирования государства и привлечения иностранного капитала в республику.

Завершая анализ приведенных на энциклопедическом сайте материалов о государствах с отложенным внешнеполитическим статусом, отметим, что в большинстве случаев особые акценты делаются на их непризнанности международным сообществом, сомнительности легитимности выборов и власти, неопределенном политическом статусе, кровопролитном прошлом, что формирует негативное отношение и соответствующие стереотипы. В текстах использованы поверхностные упоминания проблем переселенцев и беженцев, ущемления их демократических прав и свобод, в то время как метрополии позиционируются, в большинстве случаев, в лучшем случае нейтрально, косвенно указывая на их роль в истории конфликтов. Исключение составляет Косово, материале о котором изобилует упоминаниями о провозглашении независимости края, обоснованности данного решения, а также ссылками на авторитетные страны, поддержавшие независимость края. Отметим, что Косово представляет собой единственный случай, когда сетевой энциклопедический ресурс снабжен картой, показывающей геополитический расклад сил и полярность мнений.

Еще одним критерием, который может свидетельствовать об успешности и авторитетности материала, является количество ссылок на источники информации. Их наличие не только гарантирует подтверждение тех или иных выводов, но и создает своеобразную цепочку ресурсов, обращаясь к которым, пользователь обогащается знаниями о каждом государстве. Так, материал о Южной Осетии сопровождается более чем 60 ссылками; Косовская страница содержит более 40 дополнительных документов, свидетельствующих о правомерности действий местной власти. К сожалению, в этом ряду Приднестровье занимает самое незавидное место, поскольку материал о государстве подкрепляется всего восемью ссылками.

Представленные материалы не только находятся в глобальной сети в режиме свободного доступа, но и являются теми ресурсами энциклопедического сайта, которые могут подвергаться как частичному редактированию, так и полному изменению. Внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства государств с отложенным внешнеполитическим статусом, используя эту возможность, должны подвергать соответствующие тексты критическому анализу и снабжать их новыми данными. В результате динамическая информация о самопровозглашенных государствах на таких открытых сайтах станет более привлекательной как для рядовых сетевых пользователей, так и для потенциальных инвесторов, экспертов и исследователей различных направлений. По нашему мнению, подобная практика будет позитивно влиять на имидж республики и ее продвижение на международной арене.

4. 3. Перспективы информационного и социокультурного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом

Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г. вызвало международный резонанс. Названия этих государств стали упоминаться значительно чаще, обусловив рост внимания к этим республикам. Тем не менее до сих пор сохраняется тенденция, свидетельствующая об определенной обособленности данных государств: они по-прежнему остаются закрытыми, малоизвестными и автономными как для зарубежного сообщества, так и для стран СНГ.

В целях определения степени узнаваемости государств с отложенным внешнеполитическим статусом нами был осуществлен социологический опрос более 300 респондентов среди населения Одесской области Украины, которая граничит с Приднестровьем и в которой достаточно высокая степень интеграции населения двух регионов. В анкету были включены вопросы по

пяти государствам – Абхазии, Южной Осетии, Косово, Приднестровью, Нагорному Карабаху.

Активное обсуждение в СМИ признания Российской Федерацией независимости Абхазии и Южной Осетии позитивно сказалось на результатах исследования. Так, на вопрос о статусе Абхазии 50 % респондентов ответили, что республика является частично признанным государством. Свыше 80 % имеют правильные представления о географическом расположении Абхазии и знают, что она граничит с Россией и Грузией. Однако более детальные вопросы географического характера у украинских респондентов вызвали затруднения. Например, вопрос, какая река является государственной границей между РФ и Абхазией, вызвал достаточно противоречивые ответы: 37 % респондентов уверены, что разделяет эти государства река Муреш, хотя она протекает в Румынии; 19,6 % опрошенных считают, что границей является еще одна румынская река – Сирет. И только около 20 % респондентов правильно указали, что граница Абхазии и России проходит по реке Псоу. Примечательно, что почти 23 % опрошенных посчитали приграничную небольшую речку Сан, которая течет на северо-востоке Украины. Эти ответы свидетельствуют о недостаточных знаниях украинцев даже о географии собственного государства.

Государственные языки в Абхазии относительно хорошо известны украинской аудитории: 70 % респондентов правильно отметили абхазский и русский языки. По 12 % набрали варианты с ответами – «албанский, турецкий» и «грузинский, украинский». Несмотря на то, что вариант «армянский и английский» использовался в анкете исключительно в качестве ироничной провокации, по мнению 6 % респондентов он имеет право на существование.

Столицу Абхазии – город Сухум – безошибочно назвали 60 % респондентов. В то же время, 10 % полагают, что ее столицей является город

Тбилиси, 16 % провозгласили столицей украинский городок Печ, в очередной раз продемонстрировав слабые знания о собственном государстве. 14 % респондентов, скорее всего наугад, назвали главным городом республики известную марку абхазского вина «Апсны».

Только треть опрошенных знают фамилию президента Абхазии. К сожалению, столько же считают главой республики экс-президента Сербии Слободана Милошевича. Более 30 % респондентов вообще не имеют представления о том, кто является лидером Абхазии, поскольку отдали голоса за малоизвестных украинских и абхазских политиков.

Достаточно известными абхазскими брендами среди украинской аудитории продолжают оставаться курорты Пицунда (20,1 %), Гагра (17,2 %). Учитывая возраст аудитории (в большинстве своем в выборке представлена молодежь), можно подвергнуть сомнению популярность абхазских вин «Лыхны» и «Апсны», которым отдали предпочтение по 16–17 % респондентов. Оказалась возможной такая ситуация, когда, отвечая на вопросы, юноши и девушки машинально, не задумываясь, выбирали те или иные варианты ответов, поскольку смутно представляли, что за ними кроется. Такой вывод подтверждают 14,8 % респондентов, которые считают торговую марку «Тиротекс» абхазской.

Ассоциации, возникающие у украинцев при упоминании об Абхазии, довольно разнообразные. 46 % участников опроса ассоциируют республику с войной. Для 26 % опрошенных Абхазия представляется курортной зоной. Это не удивительно, если учитывать, что в советское время курорты Гагра, Пицунда, Новый Афон были достаточно широко известны и пользовались большой популярностью. 22 % опрошенных написали свои варианты ответов на вопрос об ассоциациях: винная продукция, живописная природа, теракты и т. д. Примечательно, что 4 % респондентов связывают Абхазию с игрой «КВН»: вспоминают абхазскую команду «Нарты из Абхазии», которая не раз появлялась на российских и украинских телеканалах.

В целом необходимо отметить низкий уровень знаний украинского населения об Абхазии, поскольку довольно часто встречались даже грубые ошибки в написании названия этого государства: Обхадзия, Апхазея и пр.

Блок вопросов, связанных с республикой Южная Осетия, в свете признания этого государства Российской Федерацией также был сформирован с целью определения уровня знаний об этой республике. Так, на вопрос о статусе Южной Осетии 64,6 % опрошенных дали верный ответ, назвав ее частично признанным государством; 14,6 % считают Южную Осетию частью края Шида-Картли, что согласуется с законодательством Грузии; 12,5 % полагают, что Южная Осетия является автономией Грузии, и лишь 8,3 % по-прежнему считают эту республику непризнанным государством.

Неплохие знания респонденты показали о граничащих с Осетией государствах: 51,4 % уверенно назвали Россию как одну из соседствующих стран, а 36 % ответили, что еще одним соседом Южной Осетии является Грузия. Мнения остальных 12,6 % колебались между Польшей (6,4 %) и Францией (6,2 %).

Как и следовало ожидать, реки республики не вызвали у большинства респондентов адекватных ассоциаций. Реку Псел, протекающую на территории России и Украины, 40,4 % назвали южноосетинской, 31,9 % считают, что румынские реки Сирет (29,8 %) и Бистрица (2,1 %) протекают в Южной Осетии. И только 27,7 % опрошенных правильно указали реку Большая Лиахви.

Результаты опроса об южноосетинских государственных языках оказались аналогичными абхазским: 66 % опрошенных верно избрали вариант «русский, осетинский». Однако довольно часто (17 %) встречались ответы о том, что таковыми являются «грузинский и албанский»; 10,6 % полагают, что осетины разговаривают на французском и русском языках, а 6,4 % – что на английском и армянском.

Столицей Южной Осетии город Цхинвали назвали 62,5 % опрошенных, хотя 18,7 % считают, что это небольшой украинский город Лукув. 12,5 % уверены, что южноосетинской столицей является российский городок Щигры.

Только 45 % респондентов верно указали фамилию президента Южной Осетии, хотя треть опрошенных решили, что главой этой республики является экс-президент Грузии Эдуард Шеварднадзе. Мнения остальных (22 %) разделились почти поровну между украинским поэтом Олексой Резниковым (12,2 %) и ректором Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко Степаном Берилом (10,2 %).

Необходимо отметить, что украинцы хорошо осведомлены о южноосетинских брендах. Во всяком случае об одном из них – известной гостинице «Фатеж» – знают 53 % респондентов. В то же время 18,4 % украинцев думают, что приднестровский бренд «Старая крепость» является южноосетинским. На другой известный приднестровский бренд – «Шериф» указали 14,3 % опрошенных. Ровно столько же думают, что российский город Ертиль является южноосетинским брендом.

Как и большинство других стран с отложенным внешнеполитическим статусом, Южная Осетия ассоциируется у значительной части респондентов (65,3 %) с военным конфликтом, хотя определенный процент (14,3) опрошенных, несмотря ни на что, считает ее независимым государством. 12,2 % респондентов ассоциируют эту республику с курортной зоной, а 8,2 % – с винной продукцией.

В целом Южная Осетия так же, как и Абхазия, остается малоизвестной в среде украинской молодежи. Кроме путаницы в названиях украинских городов и персоналий, принимаемых за южноосетинские, довольно часто встречались ошибки даже в наименовании государства: Южная сеть, Юная Асетия и др.

Еще более скромные результаты были получены в отношении автономного края Косово. Как показали данные нашего исследования, только 43,8 % опрошенных знают, что Республика Косово является автономной областью в составе Сербии. 29,2 % считают ее частью Албании, 14,6 % – регионом Российской Федерации и всего 12,5 % обозначили Косово независимым государством.

Удивляет тот факт, что, несмотря на довольно сложные территориальные переделы в бывшей Югославии, украинские респонденты достаточно хорошо осведомлены о государственных границах Косово. Так, 79,9 % в качестве приграничных с Косово государств верно назвали Сербию (30,2 %), Черногорию (30,2 %) и Македонию (29,5 %). В том, что Косовская республика граничит с Приднестровьем, уверены 10 % респондентов.

Примечательно, что географические познания о Косовском регионе также можно оценить положительно: 58 % правильно назвали самую большую реку республики – Белый Дрин. Правда, остальные 42 % весьма расплывчато представляют себе не только названия основных водных артерий республики, но и географическое расположение государства. Например, 18 % думают, что небольшая река Гапчук, протекающая по территории Украины, является косовской. Российский Енисей, по мнению 20 % опрошенных, несет свои воды и через Косово, 4 % уверены, что полноводный Нил, огибая половину земного шара, является главной косовской рекой.

Что касается государственных языков республики, то 53 % правильно отметили вариант «албанский, сербский»; 24,5 % предположили, что это русский и косовский; 12,2 % отдали предпочтение грузинскому и гагаузскому; 10,2 % считают, что в Косово разговаривают на армянском и турецком языках.

Столица республики вызвала у респондентов сомнения между городами Призрен и Приштина. В результате 34 % респондентов ответили, что главным городом республики является Призрен – один из больших

городов Косовского края. Реальную его столицу – город Приштину – отметили 32 %. Украинскую Каменку и румынскую Дзяковицу в качестве косовской столицы назвали 16 % и 18 % соответственно.

Анализ результатов показал, что не только вопрос о столице Косово вызвал противоречивые ответы. Затруднения также спровоцировал вопрос «Кто является президентом Косово?». Правильно ответивших было около 36 %. Эта цифра могла бы показаться утешительной с учетом общей неинформированности украинского населения, если бы не тот факт, что столько же человек заочно передали бразды правления косовскому политику Ибрагиму Ругову. 28 % считают, что страной управляет первый абхазский президент Сергей Багапш.

Данные соцопроса показали, что жители Украины затрудняются ответить на вопрос о косовских брендах. Правильно на него ответили лишь 14,3 % опрошенных, назвав известную в республике марку минеральной воды «Багиата». Непонятно, по каким причинам большинство респондентов (40 %) решили, что именно торговая марка «Регата», являющаяся украинской, – косовская. За давно снятый с производства советский «Электрон» и российский «Кристалл» в общем проголосовали 44,9 % опрошенных.

Практически все государства с отложенным внешнеполитическим статусом ассоциируются у иностранцев с войной, терактами. Косово не исключение из этого правила. 59,6 % украинских респондентов связывают его с военным конфликтом; для 17 % опрошенных Косово является процветающей страной; для 14,9 % – курортной зоной. Кроме того, 8,5 % украинцев дополнили предложенные варианты ответов собственными: сателлит НАТО, США и др.

В целом Косовский край также нельзя назвать известным на Украине, поскольку наряду с противоречивыми результатами довольно часто встречались грубейшие ошибки в названии страны: Косого, Осово, Осого и др.

Нагорный Карабах даже среди непризнанных стран является одним из самых проблемных для проживания и тем более ведения бизнеса государств. Такая ситуация сохраняется на протяжении довольно длительного времени. Международное сообщество обладает весьма обобщенными и скромными сведениями об этой республике.

Приведем результаты соцопроса по Нагорному Карабаху среди украинского населения. 41,7 % опрошенных знают, что данная республика – государство с отложенным внешнеполитическим статусом; 33,3 % считают ее автономией Грузии; 8,3 % – частью Российской Федерации. Несмотря на то, что до признания Нагорно-Карабахской Республике еще предстоит испытать немало трудностей, провести несколько референдумов, международных конференций и иного рода различных мероприятий, 16,7 % украинцев уже считают республику независимым государством.

Мнения опрошенных по вопросу о соседствующих с Нагорным Карабахом государствах несколько разделились. Необходимо отдать должное украинским респондентам: 40,8 % правильно ответили, что эта республика граничит с Азербайджаном. У остальных 59,2 % ответы распределились между Ираном (30,6 %), Грузией (20,4 %) и Россией (8,2 %).

Государственный язык Нагорного Карабаха известен 44,9 % респондентам – они правильно отметили вариант «армянский»; 34 % уверены, что жители республики общаются на нагорно-карабахском языке, которого на самом деле не существует, а 14,3 % ответили, что государственным языком является русский, 6 % – грузинский.

Несмотря на то, что 49 % украинцев правильно назвали столицу Нагорного Карабаха – город Степанакерт, было бы ошибкой утверждать, что респонденты хорошо осведомлены об этом. Российским городкам Кутайе и Джубга отдали свое предпочтение по 16,3 % опрошенных. Можно попытаться «списать» такие ответы на то, что названия этих городов довольно экзотичны для России и могут претендовать на то, чтобы быть

столицей кавказской республики, однако 18,4 % думают, что столицей Нагорно-Карабахской республики является российский город Розсош. Удивление вызывает тот факт, что украинцы, назвав главным городом Нагорного Карабаха этот довольно крупный город с населением 100 000 жителей, не учли, что он расположен у восточной границы Украины и является центром важных автомобильных пересечений.

Со знанием о политической ситуации в республике дела обстоят еще хуже. Результаты ответов на вопрос: «Кто является президентом Нагорного Карабаха?» – оказались неутешительными. Лишь 34 % опрошенных верно отметили, что главой государства является Бако Саакян. До избрания его президентом он был директором Службы национальной безопасности НКР и запомнился тем, что за него проголосовали 85 % жителей республики. Однако 36 % украинской аудитории, участвующей в соцопросе, посчитали президентом НКР Маркаряна Ованеса. На самом деле он – депутат Национального Собрания Армении от оппозиционной фракции «Оринац Еркир». Далее не менее удивительные результаты: 22 % украинцев считают, что Нагорно-Карабахской Республикой управляет бывший президент Молдовы Владимир Воронин; 8 % передали бразды правления республикой известному болгарскому поэту Атанасу Стоеву.

Бренды НКР, как и торговые марки других непризнанных государств, малоизвестны украинским респондентам. Результаты, полученные в ходе анкетирования, позволяют предположить, что они (в принципе, как и в большинстве случаев) отвечали наугад. Так, 34 % опрошенных назвали в качестве нагорно-карабахского бренда небольшой польский городок Брагин, который, кстати, находится в нескольких десятках километров от украинской границы. По 24 % набрали варианты «Джула» и «Алмали». Необходимо отметить, что минеральная вода «Джула» довольно уверенно и быстро завоевала популярность на республиканском рынке, и потому, вероятно, и украинские респонденты слышаны о ней. Гостиничный комплекс «Алмали» является одним из самых роскошных и уникальных в НКР. За

короткое время он превратился в настоящий бренд, представляющий и прославляющий республику. Небольшой российский городок Льгов 17 % украинцев тоже посчитали нагорно-карабахским брендом.

Вопрос об ассоциациях, которые вызывает НКР, дал очень противоречивые результаты. Если при аналогичном вопросе о других государствах с отложенным внешнеполитическим статусом большинство респондентов ассоциировали их с войной, то в случае с Нагорным Карабахом наблюдается обратная ситуация. Лишь у 20 % опрошенных (предупреждая последующие цифры, заметим, что это наименьшее количество процентов, полученных по данному вопросу) при упоминании об НКР возникают ассоциации с военным конфликтом, массовыми расстрелами мирных граждан. 28,6 % связывают Нагорный Карабах с винной продукцией. Однако почему именно такие ассоциации у них возникли и какие именно вина им известны, респонденты затруднились ответить. Для 24,5 % украинцев Нагорно-Карабахская Республика представляется процветающей страной. Это говорит о том, что участники социологического опроса плохо представляют себе, чем живет и как и развивается сегодня республика. Если учесть тот факт, что некоторые из них вообще считали НКР исчезнувшим с лица земли регионом, то можно заключить, что о республике украинцы знают немного, тем более, что даже допускают ошибки в его названии: Надгорный карабас, Горный кабах и др.

Несмотря на то, что Приднестровье граничит с Украиной, наши исследования показывают, что украинское население обладает весьма поверхностными познаниями о республике на Днестре. Так, 17,6 % ответили, что Приднестровье – субъект Российской Федерации, 66,7 %, видимо, благодаря регулярным выступлениям молдавского президента, называющего Приднестровье «неотъемлемой частью молдавской земли», включают ПМР в Молдову в качестве автономии. И только 7,8 % украинцев, как это ни

странно, считают Приднестровскую Молдавскую Республику областью Украины, столько же досрочно объявили ее независимым государством.

Не менее удивительными можно считать и ответы на вопрос о государственных границах ПМР: 51 % опрошенных правильно ответили, что Приднестровье граничит с Украиной. Остальные же 49 % разместили ПМР по соседству с Россией, Румынией и Польшей. Это говорит о том, что украинцы плохо представляют себе, где находится Приднестровье, которое еще не так давно входило в состав их государства.

С географическими данными по приднестровскому региону украинские респонденты справились лучше. Так, 72 % участников социологического опроса правильно назвали реку Днестр как границу, разделяющую Приднестровье и Молдову. Возможно, своеобразной подсказкой послужило созвучное название реки и государства. Однако остальным 28 % даже это не помогло правильно ответить на данный вопрос, и в качестве водных артерий республики они назвали реки Прут (4 %), Дунай (6 %) и Днепр (18 %).

Приднестровье, как известно, многонациональный край. В республике законодательно закреплён статус официального за тремя языками – русским, молдавским и украинским, поскольку именно эти национальности составляют большинство населения. Об этом знают 62,7 % украинских респондентов. Остальные 37 % считают, что в числе официальных языков, помимо русского и молдавского, в регионе присутствует румынский (9,8 %), болгарский (7,8 %) и гагаузский (19,6 %).

Как показал опрос, 72 % украинских респондентов знают, что столицей ПМР является город Тирасполь. 18,8 % считают главным городом Приднестровья Бельцы, 6,3 % путают приднестровскую столицу с молдавской (Кишинев), а 2 % назвали столицей Рыбницу.

Чуть больше половины опрошенных (52 %) безошибочно назвали президента Приднестровья; 35,4 % считают, что это президент Молдовы, а

12,5 % приписывают это главенство румынскому президенту Траяну Бэеску и бывшему абхазскому президенту Сергею Багапшу.

В качестве еще одной проблемы позиционирования самоопределившихся государств следует отметить отсутствие причинно-следственных связей между президентами и их республиками. Так, из ответивших правильно на вопрос о президенте Приднестровья только 12 % ассоциируют его с реальным статусом республики, в то время как 64 % связывают его с Республикой Молдова. Вследствие того, что фамилии руководителей признанных государств (Молдовы, Сербии, Грузии) более часто употребляемы в обществе и СМИ, респонденты правильно ассоциируют их с государствами. Так, отвечая на вопрос о президенте Приднестровья, 36 % украинцев ответили, что им является президент Молдовы. При этом у 77 % участников социологического опроса была зафиксирована четкая связь между Республикой Молдова и ее президентом.

Достаточно хорошо известны украинской аудитории такие приднестровские бренды, как обувная фабрика «Тигина» (23,7 %), завод «Электромаш» (17,2 %), швейная фабрика «Тиротекс» (15,3 %), швейная фабрика «Вестра» (14 %), обувная фабрика «Флоаре» (11 %), вино-коньячный завод «KVINT» (10 %), швейная фабрика «Одема» (7,2 %). Как выяснилось в ходе исследования, многие украинцы не знали о существовании Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко и, как это ни странно, о компании «Шериф», отдельные филиалы которой уже есть и на Украине. Некоторые респонденты посчитали, что молдавская торговая марка «Дойна» является приднестровской.

То, что практически все мировое сообщество ассоциирует ПМР с войной, естественно, негативно сказывается на имидже Приднестровского государства и не является неожиданностью. Украинцы не исключение из этого правила – 31,7 % опрошенных связывают Приднестровье с военным конфликтом.

Анализируя результаты исследования, мы отметили некоторую противоречивость: 26,8 % респондентов сказали, что ассоциируют Приднестровье с компанией «Шериф». И неудивительно, поскольку футбольный клуб, стадион, другие объекты этой компании достаточно известны за рубежом. Это не вызвало бы никаких вопросов, если бы не предыдущие ответы на вопрос о приднестровских брендах. Если к этому добавить, что 19,5 % считают Приднестровье курортной зоной, а 22 % – процветающей страной, то вывод напрашивается один: судя по всему, респонденты, не знающие об истинном положении дел в регионе, просто отвечали наугад.

Выявив степень осведомленности населения Одесской области, граничащей с Приднестровьем, о непризнанных государствах, попытаемся оценить уровень знаний приднестровской аудитории по этой же проблеме, осуществив аналогичное украинскому социологическое исследование. Сохранив размер выборки, ориентир на молодежную аудиторию и вопросы о социально-экономической и культурной сферах жизни Южной Осетии, Абхазии, Косово и Нагорному Карабаху.

Как и ожидалось, именно по вопросам политического статуса самоопределившихся государств приднестровская аудитория показала более высокие знания по сравнению с украинскими респондентами. Это обусловлено, скорее всего, тесными контактами на государственном уровне между Приднестровьем, Абхазией и Южной Осетией, а также повышенным вниманием, которое уделяют приднестровские и международные средства массовой информации данного рода проблемам. Так, 54 % респондентов считают Абхазию частично признанным государством. Такой же статус около 70 % опрошенных отводят Южной Осетии, что на 14 % превосходит украинские показатели. Активное обсуждение СМИ политического шага российского руководства в отношении кавказских республик способствовало тому, что 31 % приднестровцев считают Абхазию признанным государством. Аналогичность ситуаций в Абхазии и Южной Осетии, а также

одновременное признание Россией их государственности дали основание 6,8 % респондентов для объединения Южной Осетии и Абхазии в единое государство. Остальные считают Абхазию (1,4 %) и Южную Осетию (3 %) частью Грузии.

Более грамотные ответы дали приднестровцы на вопросы географического характера. Противостояние России и Грузии, связанное с притязаниями последней на территории молодых государств, явилось фактором, который, по нашему мнению, обусловил большее количество правильных ответов о странах, граничащих с Абхазией (75 %) и Южной Осетией (80 %). В отличие от украинского исследования, где процент правильных ответов был несколько выше (более 85 %), приднестровские респонденты не указали в качестве стран-соседей Иран и Украину.

И все же более детальной информацией об особенностях географического положения Абхазии и Южной Осетии приднестровцы, как и украинские респонденты, не располагают. Так, правильно назвали реку Псоу, разделяющую РФ и Абхазию, 19 % жителей Украины и только 5,5 % – жителей Приднестровья. Южноосетинскую Большую Лиахви как главную реку этого государства назвали 13 % приднестровских и 28 % украинских респондентов. Следует заметить, что приднестровцы также указывали в анкетах неправильные варианты, а около 40 % ответили, что вообще не знают рек Абхазии и Южной Осетии.

На первый взгляд, украинские показатели отличаются большим количеством правильных ответов, однако, проанализировав распределение остальных вариантов ответов по основным рекам этих республик, мы обнаружили, что 72 % опрошенных украинцев посчитали реки, протекающие на территории России, Румынии и, самое главное, Украины, кавказскими.

Более известна приднестровцам лингвистическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии: то, что в Абхазии два государственных языка – абхазский и русский, а в Южной Осетии – русский и осетинский, знают 91 %

приднестровцев. Сравнивая приднестровские показатели с украинскими, мы обнаружили, что последние почти на четверть ниже.

Столица Южной Осетии – Цхинвали – стала достаточно известной из-за серии терактов, произошедших на улицах этого города во время последнего грузино-южноосетинского конфликта. Именно поэтому почти все опрошенные (96 %) правильно ответили на вопрос о столице данной республики, что на треть превышает украинский результат. Столицу Абхазии правильно указали на 8 % больше приднестровцев, чем украинцев – результаты по этому вопросу превысили 60 %. Практически столько же респондентов смогли назвать президента Абхазии. Данный показатель почти вдвое превышает результаты украинского исследования: 59 и 33 % соответственно. 72 % приднестровцев правильно назвали президента Южной Осетии. Для сравнения: украинцы – 45 %.

Повышенный интерес международной общественности к непризнанным странам имеет и обратную сторону. С одной стороны, он популяризирует определенное государство с отложенным внешнеполитическим статусом, привлекает к нему внимание; с другой, попадая в общий информационный поток и смешиваясь с другими сообщениями, информация о непризнанных республиках теряется в этих объемах и остается фрагментарной в сознании людей. Респонденты довольно часто ошибочно связывали города, столицы, известных людей и бренды со странами, к которым они на самом деле не относятся. В качестве показательного примера приведем тот факт, что президентом Южноосетинской республики приднестровцы довольно часто называли первого президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. 23 % приднестровцев и 33 % украинцев предположили, что президентом Абхазии является бывший президент Сербии Слободан Милошевич, о котором достаточно часто упоминали СМИ.

Что касается абхазских брендов, то 57 % приднестровских респондентов затруднились их назвать. Тем не менее, ответы остальных

верно распределились между абхазскими брендами, которые в анкете были представлены знаменитыми курортами Гагра (13 %), Пицунда (11 %), а также винами «Лыхны» (9 %) и «Апсны» (10 %). Известные и некогда популярные курорты приносят не только изрядную долю финансов в государственный бюджет, но и международную известность, поэтому удивительно, что только 15 % приднестровских жителей ассоциируют Абхазию с курортной зоной. Эти результаты уступают украинскому исследованию, где 26 % респондентов уверены, что Абхазия – курортная зона.

Гостиница «Фатеж», серьезно пострадавшая во время военного конфликта в Цхинвали, считалась одной из самых роскошных в Южной Осетии и являлась своеобразным брендом Южноосетинской республики. Именно так ее отметили 53 % украинских и 58 % приднестровских респондентов.

Из-за частых военных конфликтов государства с отложенным внешнеполитическим статусом нередко ассоциируют с войной. Для украинской и приднестровской аудитории Абхазия не является исключением. У 60 % респондентов Приднестровья при упоминании об Абхазской Республике возникают ассоциации с военными действиями. На Украине процент респондентов, ответивших так же, значительно ниже – 46 %. В силу множества факторов: затянувшегося грузино-южноосетинского конфликта, периодических перестрелок и терактов – Южную Осетию также связывают с военным конфликтом: 83 % ответов в Приднестровье и 66 % на Украине.

У каждого пятого респондента в Приднестровье Абхазия вызывает ассоциации с известной командой КВН из этой республики. Данные ассоциации в пять раз реже возникают у украинской молодежи – только 4 % упомянули команду «Нарты из Абхазии».

Косовская республика, как и ряд других непризнанных государств, на протяжении долгих лет борется за независимость. Однако 44 % украинцев по-прежнему считают, что Косово входит в состав Сербии как автономный

край Косово и Метохия. Столько же процентов респондентов ПМР уверены, что Косово – частично признанное государство.

Достаточно хорошо приднестровцы осведомлены о границах косовского государства. Сербию, Албанию, Черногорию и Македонию правильно указали 81 % приднестровских респондентов, аналогичный результат наблюдался и на Украине (80 %).

Более уверено приднестровцы отвечали на вопросы о главной реке Косовского края: правильно назвали крупнейшую реку республики – Белый Дрин 49 % респондентов; варианты ответов «Гапчук», «Нил» и «Енисей» в сумме набрали 18 %, остальные 32 % опрошенных признались, что не знают правильного ответа.

Противоречивыми можно назвать ответы по вопросам лингвистической ситуации в крае. Так, 68 % приднестровцев и 53 % украинцев правильно указали албанский и сербский языки. В то же время и в Приднестровье, и на Украине (20 и 24 % соответственно) респонденты полагают, что в Косово разговаривают на русском и косовском языках.

В Приднестровье вдвое больше (62 %), чем на Украине, респондентов правильно указали столицу Косово – город Приштину.

Несмотря на достаточно хорошие знания, продемонстрированные приднестровцами при ответах на вопросы о границах и реках Косовского края, они не справились с вопросом о его президенте. Правильный ответ не превысил 10 %. Респонденты абсолютно не связывают имя ни бывшего, ни настоящего президента с Республикой Косово.

С 1990 года в Косово выпускается марка минеральной воды «Багиата». Она довольно быстро завоевала доверие потребителей и устойчивое место на косовском рынке. Согласно данным анкетирования 35 % приднестровских респондентов знают о ней и связывают ее с Косово. На Украине этот процент значительно ниже (15 %).

Ассоциации, которые возникают при упоминании о Косовском крае, в большинстве случаев связаны с войной: 66 % приднестровцев и 60 % украинцев ассоциируют эту республику с военным конфликтом.

Нагорный Карабах в силу определенных обстоятельств обособлен даже в ряду непризнанных республик. Упоминания о нем мелькают в СМИ реже, чем о других государствах с отложенным внешнеполитическим статусом, отсюда и невысокий показатель информированности международного сообщества.

Приведем результаты анкетирования среди приднестровского населения. 28 % опрошенных (против 42 % украинских респондентов) отметили, что Нагорный Карабах – государство с отложенным внешнеполитическим статусом. Достаточно велик процент приднестровцев (36 %), полагающих, что НКР является частью Армении.

Фрагментарность знаний об этом государстве у приднестровской молодежи подтверждают ответы на вопрос о странах, граничащих с Нагорно-Карабахской Республикой. Так, только 18 % респондентов отметили Азербайджан и Армению. О крупнейшей реке республики под названием Суши знают лишь 7 % приднестровцев. Остальные 93 % указали достаточно известные и большие реки, протекающие на территории Украины и России.

О том, что в Нагорном Карабахе государственным языком является армянский, знают 42 % приднестровских респондентов. То, что столицей этой республики является город Степанакерт, знают 33 % участников социологического опроса, однако столько же опрошенных не смогли правильно ответить на этот вопрос.

Президентом Нагорного Карабаха с 19 июля 2007 года является Саакян Бако. Избрание его на эту должность запомнилось тем, что за него проголосовали 85 % избирателей. И все же правильно на этот вопрос ответили всего 16 % приднестровцев. Более 40 % опрошенных считают президентом НКР Ильхама Алиева, который возглавляет Азербайджан.

Подавляющее большинство респондентов не знают даже самых основных фактов, касающихся НКР. К примеру, почти 6 % опрошенных уверены, что президентом Нагорного Карабаха является известный российский актер Армен Джигарханян.

Бренды Нагорного Карабаха, как показал соцопрос, большинству респондентов неизвестны. Правда, минеральная вода «Джулаи», гостиничный комплекс «Алмали», которые являются популярными нагорно-карабахскими брендами, набрали в приднестровском сегменте большее количество процентов, чем остальные бренды – 15 и 22 % соответственно. Тем не менее, преждевременно утверждать, что приднестровцы хорошо ориентируются в этом вопросе, так как почти 40 % затруднились ответить на него.

Если говорить об ассоциациях, то при проведении анкетирования приднестровцев мы ничего отличительного от результатов по предыдущим странам не наблюдали. 51 % приднестровцев ассоциируют НКР с военным конфликтом. 11 % респондентов уверены в том, что НКР – это процветающая страна.

Приведем данные другого социологического опроса, проведенного кафедрой журналистики ПГУ им. Т. Г. Шевченко в 2015 г. В исследовании приняли участие 1500 человек, которые ответили на вопросы, с чем ассоциируется ПМР и с чем, по мнению жителей республики, она должна ассоциироваться.

Итак, первое место в рейтинге ассоциаций местных жителей занимает компания «Шериф» (61 %), хотя 35 % уверены, что Приднестровье должно ассоциироваться с брендом винно-коньячного завода «KVINT». Несмотря на то, что фаза военного противостояния в молдово-приднестровском противостоянии завершилась более 25 лет назад, 14 % участников социологического опроса все еще ассоциируют Приднестровье с военным конфликтом. Вариантам ответа «курортная зона» и «осколок СССР» отдали свое предпочтение по 8 % респондентов.

Что касается культурной сферы, то Приднестровье у 38 % местных жителей ассоциируется с футбольным клубом «Шериф», у 33 % – с Государственным ансамблем народной музыки и танца «Виорика», у 11 % – с Государственным театром драмы и комедии им. Н. С. Аронецкой, у 9 % – с Приднестровским государственным университетом им. Т. Г. Шевченко. По мнению 70 % приднестровской аудитории, такая ситуация не является оптимальной, необходимо больше внимания уделять носителям культуры и самобытности региона, в частности ансамблю «Виорика», активизировать постановочную и гастрольную деятельность театра, приглашая известных российских режиссеров и актеров, проводить международные конкурсы.

В политической сфере 62 % приднестровцев свое отечество ассоциируют с президентом республики, а 29 % – со спикером парламента. 40 % респондентов также высказывали мнение, что необходимо усилить позиционирование спикера посредством увеличения объемов информации о деятельности ВС ПМР. В то же время 50 % опрошенных считают, что первый президент ПМР И. Н. Смирнов должен чаще представлять республику на международной арене.

Социальная сфера Приднестровья на современном этапе ассоциируется у приднестровской аудитории (45 %) с деятельностью партии «Обновление», однако большинство считают подобную ситуацию неправильной, полагая, что социальная сфера ПМР должна быть представлена всеми партиями и движениями, а также Приднестровским государственным университетом (18 %). Кроме того, более 30 % респондентов уверены в том, что развитие музейной сети и приобщение молодежи к истории родного края помогут создать позитивный образ республики у мировой общественности.

В заключение приведем данные о том, с чем Приднестровская Молдавская Республика ассоциируется в информационном отношении. Бесспорными лидерами среди информационных каналов являются электронные средства массовой информации. Так, 35 % аудитории полагает, что ПМР представлена телеканалом ТСВ, а 25 % – «Первым

Приднестровским». В качестве оптимальной ситуации респонденты видят снижение роли государственного телеканала (17 %) и усиление роли ТСВ (52 %). Кроме того, 10 % опрошенных считают необходимым расширение деятельности мобильного оператора «Интерднестрком». Около 14 % ответили, что государство должно быть представлено республиканским изданием «Приднестровье», поскольку одноименное название будет способствовать эффективному позиционированию региона на внешнем рынке. Каждый пятый респондент уверен в том, что зарубежная аудитория формирует свое мнение при помощи сетевых ресурсов. К сожалению, в качестве эффективного информационного канала глобальную сеть практически никто из респондентов не рассматривал.

Тем не менее, перспективность информационного и социокультурного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом во многом зависит от степени интеграции в глобальное информационное пространство. Политика есть не столько властвование, сколько битва за обладание властью, ее сохранение и упрочение, и главным орудием этой битвы также стала информация. В этом отношении информация сегодня есть и источник, и ресурс власти³³⁹. Оценка современного состояния процессов позиционирования самоопределившихся республик продиктована необходимостью адекватного выстраивания в дальнейшем имиджевых технологий.

Учитывая некоторые отличия в освоении сетевого пространства в зависимости от языковой принадлежности, мы проанализировали русскоязычную и англоязычную среду глобального информационного пространства. В табл. 8 приведены данные, свидетельствующие о количестве ссылок, отобранных основными поисковыми системами при запросе о названиях непризнанных государств. На рис. 5, 6 изображена динамика откликов поисковых систем по непризнанным государствам. Анализируя

³³⁹ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 3.

полученные данные, необходимо в первую очередь отметить почти абсолютную симметричность количественных показателей по Южной Осетии и Абхазии. Такие показатели, на наш взгляд, вполне закономерны, поскольку развивающиеся события в этих двух странах в той или иной степени были взаимозависимы. Наиболее ярким подтверждением этого является их одновременное признание Российской Федерацией и активное обсуждение перспектив их развития в свете новой политической ситуации.

Таблица 8. Количество ссылок, найденных поисковыми системами при критерии поиска «название непризнанных государств»

Непризнанные государства	Русскоязычная среда, млн							
	Google		Яндекс		Yahoo		Rambler	
	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.
Приднестровье	3,3	6,1	23,2	55,0	11,9	1,3	4,0	0,3
Южная Осетия	4,1	2,4	68,0	22,0	14,4	1,7	11,0	0,5
Абхазия	5,7	10,7	62,5	42,0	19,7	16,4	11,0	2,0
Нагорный Карабах	0,8	1,4	7,6	8,0	2,6	0,3	1,0	0,1
Косово	5,9	11,0	32,9	193,00	11,5	2,7	3,0	0,6

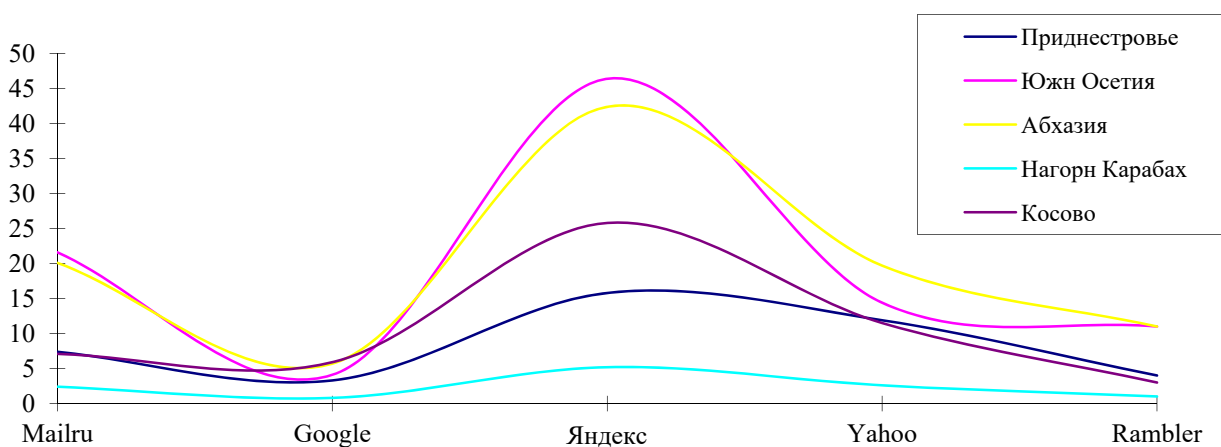

Рис. 5. Распределение ссылок по поисковым системам, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2011 г., млн

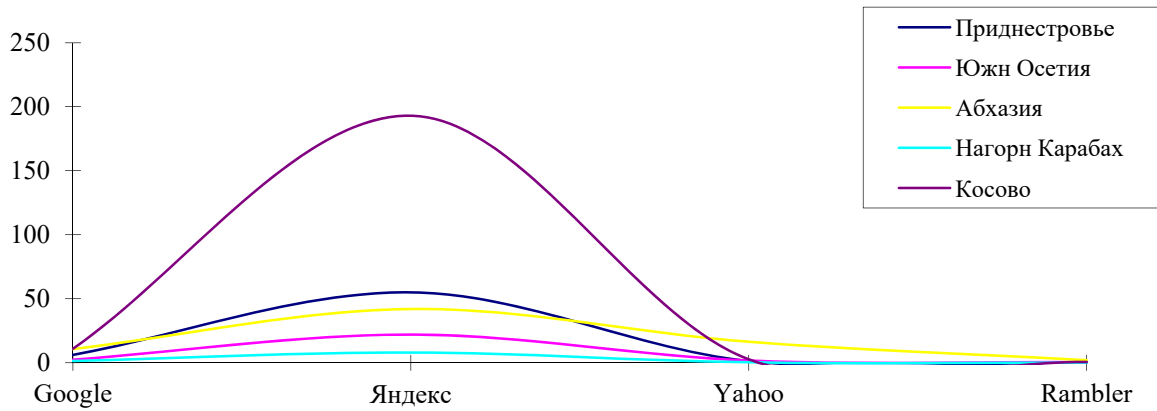

Рис. 6. Распределение ссылок по поисковым системам, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2017 г., млн

Еще одним интересным моментом можно считать некоторую аналогичность распределения информации о Косово и Приднестровье, что, вероятно, является результатом активного обсуждения перспектив признания Приднестровской Молдавской Республики в связи с признанием государственности Косовского края. Именно ресурсы русскоязычного сегмента глобальной сети интенсивно публиковали материалы о возможности и необходимости применения косовского прецедента к ситуации на Днестре.

В ходе дальнейшего анализа русскоязычного сегмента интернета было выявлено значительное отставание Нагорно-Карабахской Республики по количеству материалов об этом государстве. Бесперспективность политического разрешения конфликта на Кавказе по вопросу о государственности Нагорного Карабаха, относительная стабильность ситуации в регионе и де-факто интегрирование республики в Армению снизили интерес сетевой общественности к данной республике.

Совокупные показатели по русскоязычным ресурсам, представленные в табл. 9 и на рис. 7, более наглядно демонстрируют современное положение дел в отношении продвижения брендов непризнанных государств в виртуальном информационном пространстве.

Таблица 9. Общее количество ссылок, найденных поисковыми системами русскоязычного сегмента при критерии поиска по названию непризнанных государств

Непризнанные государства	Показатели по 4 поисковым системам, млн	
	2011 г.	2017 г.
Приднестровье	55,8	55,3
Южная Осетия	97,9	22,5
Абхазия	98,9	44,0
Нагорный Карабах	11,9	8,1
Косово	53,4	193,6

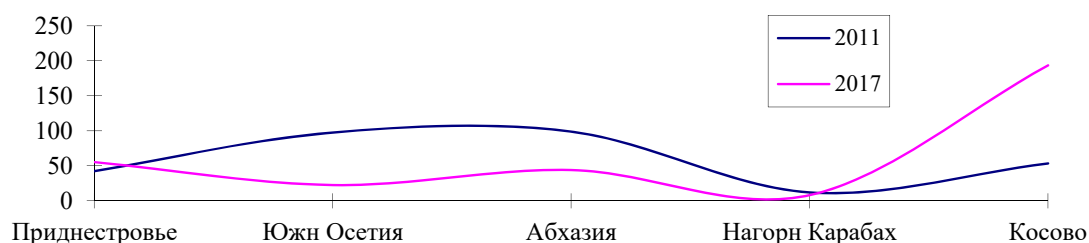

Рис. 7. Распределение ссылок по поисковым системам русскоязычного сегмента, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств, млн

Таким образом, непризнанные государства постсоветского пространства, за исключением Нагорного Карабаха, активно позиционируют себя в русскоязычном сегменте сети, что обеспечивает им формирование позитивного образа этих государств в массовом сознании общественности стран СНГ.

Обратная картина наблюдается в процессе анализа англоязычных ресурсов глобальной сети. Так, в данном сегменте доминирует информация о Косовском крае, причем в некоторых поисковых системах наблюдается отставание других самоопределившихся государств на порядок в отношении количества их упоминаний. Тем не менее очевидна синхронность информации, касающейся двух кавказских государств – Абхазии и Южной Осетии. Количественные показатели и динамика распределения по поисковым системам в англоязычной среде представлены в табл. 10 и на рис. 8, 9.

Таблица 10. Количество ссылок, найденных поисковыми системами при критерии поиска по названию непризнанных государств

Непризнанные государства	Англоязычная среда, млн							
	Google		Яндекс		Yahoo		Rambler	
	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.
Приднестровье	0,01	4,6	1,2	12,0	2,5	2,9	0,2	0,3
Южная Осетия	0,05	1,7	3,1	17,0	10,3	0,01	0,8	0,4
Абхазия	0,03	8,3	2,6	48,0	8,9	3,3	0,7	0,7
Нагорный Карабах	18,7	7,6	23,5	132,0	42,0	3,8	3,0	0,5
Косово	0,8	114,0	1,6	194,0	4,5	49,9	0,1	15,0

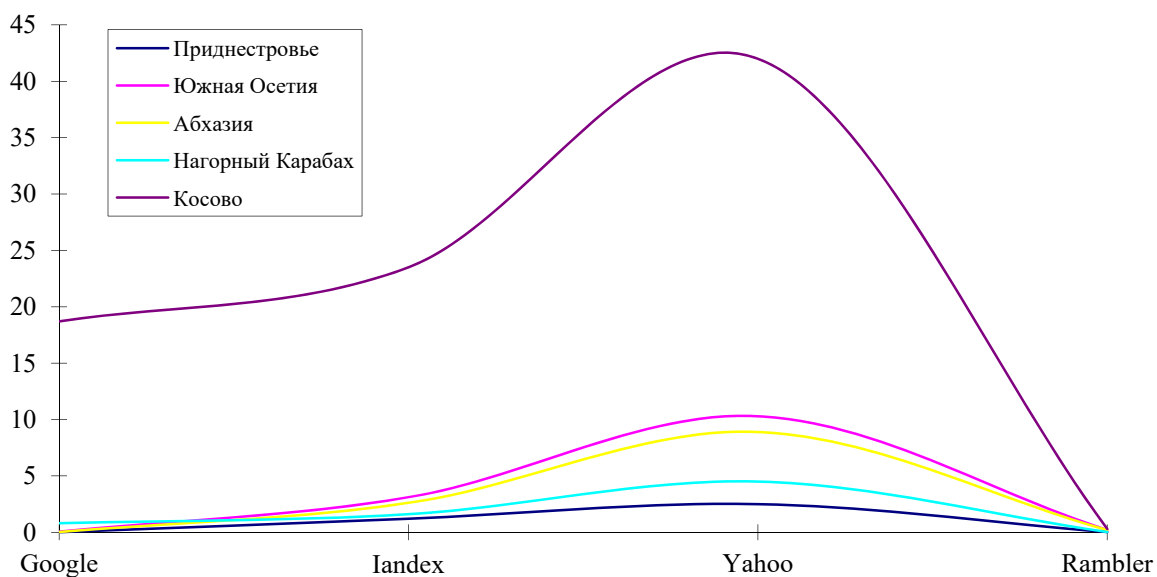

Рис. 8. Распределение ссылок по поисковым системам, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2011 г., млн

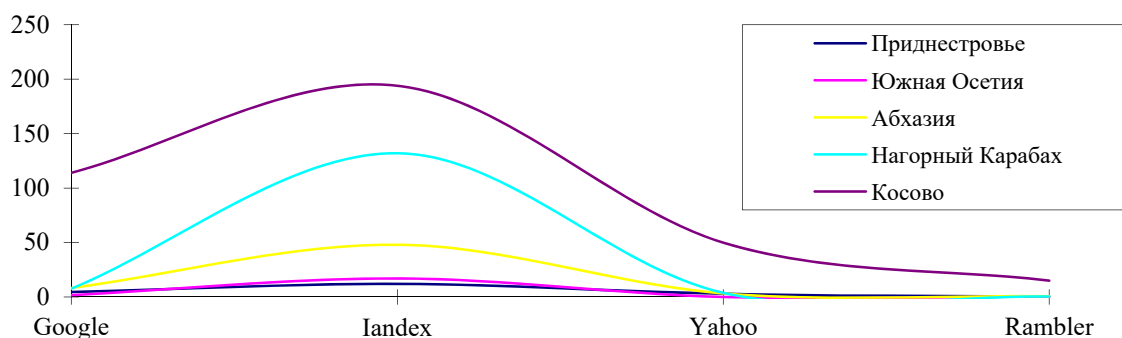

Рис. 9. Распределение ссылок по поисковым системам, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2017 г., млн

В качестве тревожного сигнала следует расценивать тот факт, что Приднестровье занимает последнее место по количеству упоминаний в западных сетевых ресурсах. Если учитывать предвзятое отношение

западноевропейской и американской аудиторий к республике, то это может означать, что в их сознании формируется исключительно негативный имидж государства, а значит, информационное и социокультурное интегрирование республики в англоязычную культурную среду будет крайне затруднено. Данная проблема в связи с пророссийской ориентированностью приднестровского социума в некотором смысле теряет свою актуальность, однако международное признание немислимо без разрушения существующих в западном обществе стереотипов и создания благоприятного образа Приднестровья.

Таблица 11. Общее количество ссылок, найденных поисковыми системами англоязычного сегмента при критерии поиска по названию непризнанных государств

Непризнанные государства	Показатели по 4 поисковым системам, млн	
	2011 г.	2017 г.
Приднестровье	4,0	19,8
Южная Осетия	14,2	19,11
Абхазия	12,2	60,3
Нагорный Карабах	7,1	143,9
Косово	87,2	372,9

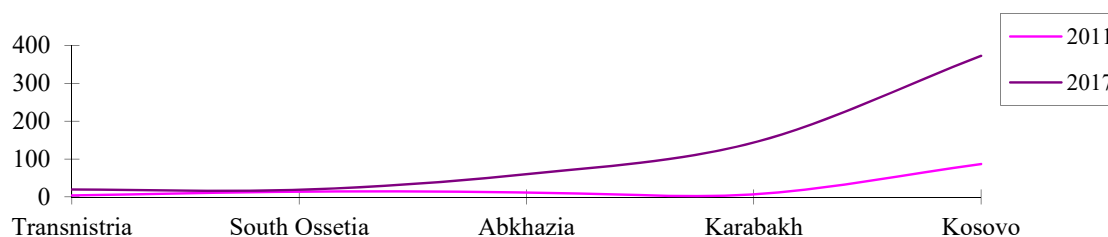

Рис. 10. Распределение ссылок по поисковым системам англоязычного сегмента, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств, млн

Обобщенные данные по англоязычным ресурсам, представленные в табл. 11 и на рис. 10, показывают отношение западного сегмента сети к проблемам непризнанных государств. С одной стороны, активное обсуждение косовского прецедента является как причиной, так и следствием признания этой страны западной общественностью. С другой – минимальное количество материалов по проблемам самоопределившихся государств постсоветского пространства является причиной формирования негативных

стереотипов и извращенных брендов непризнанных республик. Это является следствием непринятия западной аудиторией признания независимости Абхазии и Южной Осетии и нежелания менять собственное отношение к новым государствам.

Таблица 12. Сводные показатели ссылок, найденных поисковыми системами при критерии поиска по названию непризнанных государств, млн

Непризнанные страны	Русскоязычная среда		Англоязычная среда	
	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.
Приднестровье	55,8	55,3	4,0	19,8
Южная Осетия	97,9	22,5	14,2	19,1
Абхазия	98,9	44,0	12,2	60,3
Нагорный Карабах	11,9	8,1	7,1	143,9
Косово	53,4	193,6	87,2	372,9

В табл. 12 и на рис. 11, 12 указаны общие сведения о позиционировании государств с отложенным внешнеполитическим статусом в сетевом глобальном пространстве. По большинству позиций англоязычные и русскоязычные ресурсы сети показывают полярно противоположные результаты. Такая картина является проекцией реального политического противостояния и свидетельствует о наличии спорных мнений в геополитическом масштабе.

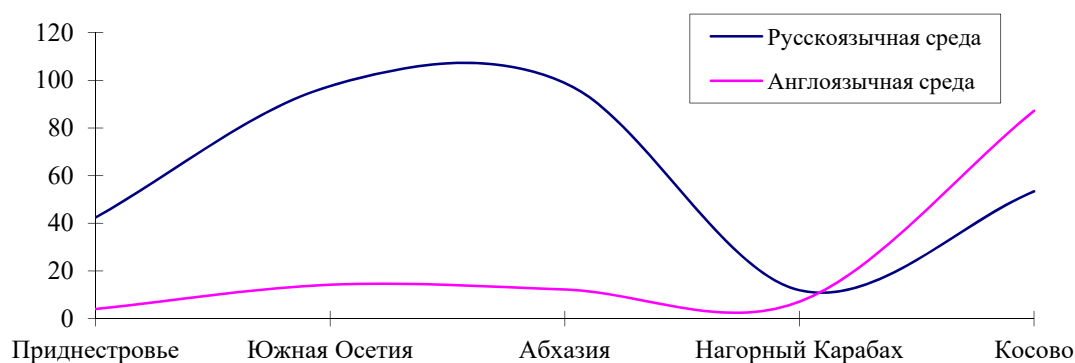

Рис. 11. Распределение ссылок по поисковым системам англоязычного сегмента, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2011 г., млн

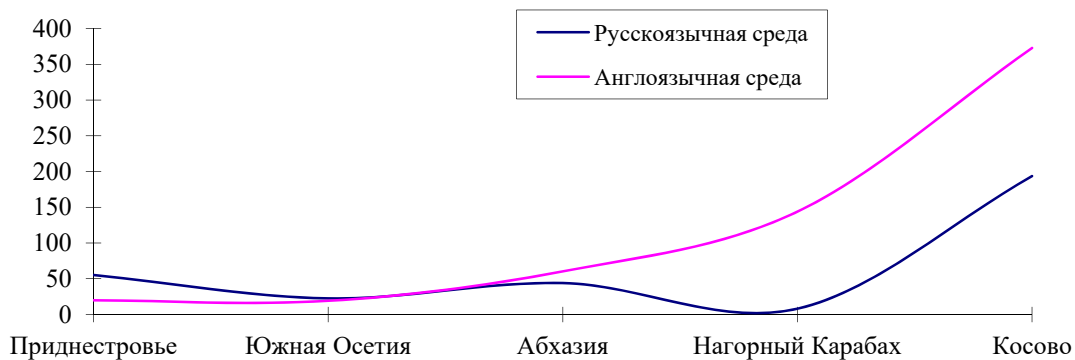

Рис. 12. Распределение ссылок по поисковым системам англоязычного сегмента, найденных при критерии поиска по названию непризнанных государств в 2017 г.

Таким образом, признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, несмотря на значительное увеличение количества информационных поводов об этих странах, по большому счету, не повлияло на изменение системы гетеростереотипов у зарубежной аудитории по отношению к этим государствам. До сих пор сохраняется «синдром» обособленности данных республик. Результаты социологических исследований свидетельствуют о низком уровне узнаваемости государств с отложенным внешнеполитическим статусом не только за их пределами, но и в сообществе этих стран. В нашем исследовании вопросы можно условно разделить на общие и уточняющие. Так, усредненные результаты свидетельствуют о том, что зарубежная аудитория имеет весьма общее представление о самоопределившихся государствах и довольно низкие показатели об их конкретных географических и экономических брендах. Так, в среднем статус самоопределившихся государств среди представителей иностранной аудитории известен только каждому третьему, в то время как их географическое положение в гораздо большей степени известно – 60 % респондентов правильно отметили сопредельные государства, а 55 % – столицы государств с отложенным внешнеполитическим статусом. На таком же уровне зафиксированы знания внешней аудитории об официальных и государственных языках в этих странах (60 %). Однако уточняющие вопросы вызывают затруднения. Немногим больше 40 % респондентов сумели

правильно назвать фамилию президента каждой из самоопределившихся государств. Детали географического и экономического характера также высветили проблемы в узнаваемости регионов. К примеру, только 1/3 респондентов знают главные реки, а 1/4 правильно распознали основные торговые бренды стран с отложенным внешнеполитическим статусом.

Наиболее проблемными с точки зрения узнаваемости являются ассоциации, которые возникают при упоминании самоопределившихся государств около 50 % иностранных респондентов связывают эти регионы с военными действиями, а совокупный показатель негативных ассоциаций достигает 80 %.

Наиболее проблемным для проживания и тем более ведения бизнеса среди государств с отложенным внешнеполитическим статусом, по мнению зарубежной аудитории, которая демонстрирует весьма обобщенные и довольно скромные знания об этой стране, является Нагорный Карабах.

Повышенный интерес международной общественности к непризнанным странам имеет и обратную сторону. С одной стороны, он популяризирует определенное государство с отложенным внешнеполитическим статусом, привлекает к нему внимание; с другой, попадая в общий информационный поток и смешиваясь с другими сообщениями, информация о непризнанных республиках теряется в этих объемах и остается фрагментарной в сознании людей. Респонденты довольно часто ошибочно связывали города, столицы, известных людей и бренды со странами, к которым они на самом деле не относятся. Аналогичные результаты были получены и при исследовании приднестровской аудитории. К сожалению, страны – члены содружества непризнанных государств (СНГ-2) демонстрируют низкий уровень знаний друг о друге. Так, только половина респондентов знает о политическом статусе самоопределившихся республик, а 65 % смогли указать на их границы. 67 % опрошенных приднестровцев владеют информацией о государственных языках, а 63 % знают столицы этих государств. Гораздо хуже обстоят дела с уточняющими вопросами. Так,

только 20 % респондентов сумели распознать правильный вариант ответа на вопрос о главной водной артерии республик, 35 % верно отметили главные экономические бренды и около 40 % распознали политических лидеров. Что касается ассоциаций, то с военными действиями государства с отложенным внешнеполитическим статусом связывают 65 % респондентов из Приднестровья, в то время как собственную республику с войной 1992 г. ассоциируют только 14 %.

По мнению приднестровцев, необходимо менять возникающий при упоминании самоопределившихся государств ассоциативный ряд, в первых местах которого должны быть национально-культурные, образовательные, символы, экономические бренды, политические персоналии, информационные институты.

Анализируя в заключение количественные показатели сети по непризнанным государствам в контексте современной политической ситуации, сформулируем условия признания государственности Приднестровской Молдавской Республики.

1. Практика Абхазии и Южной Осетии показывает, что *необходимым условием* признания независимости Приднестровья является удваивание усилий по активному освоению русскоязычного сегмента сети и интегрированию в российское информационное и социокультурное пространство.

2. *Достаточным условием* признания независимости Приднестровья должна стать активизация освоения ресурсов англоязычного сегмента глобальной сети, чему по сравнению с нынешней ситуацией следует уделять внимание в десятки раз больше.

3. Материалы социально-экономической и культурно-языковой тематики должны доминировать, поскольку они создадут основу для адекватного восприятия государств с отложенным внешнеполитическим статусом. Как свидетельствует статистика (см. табл. 3), в Приднестровье наблюдается тенденция к увеличению сетевых ресурсов общественно-

политической направленности, в то время как практически отсутствуют ресурсы, предоставляющие информацию об этнокультурной самобытности республики.

4. *Специфика приднестровского общества*, как было отмечено ранее, заключается в его пророссийской, прославянской, «восточной» ориентации, в связи с чем необходимо предусмотреть сохранение существующего вектора государственного развития, который возможен только при условии интеграции общественного сектора в русскоязычную среду, а государственных институтов – в англоязычную. Только в таком случае сохраняется возможность укрепления социокультурного единства приднестровского общества, сохранения его системы ценностей наряду с продвижением собственных идей, позиций, идеалов и брендов в западном направлении.

Выводы по IV главе

1. Соцмедиа-технологии, практикуемые приднестровскими СМИ, ориентированы в основном на активную аудиторию средних лет, поскольку именно эта категория населения сосредоточена в таких соцсетях, как Вконтакте и Facebook. Twitter, Instagram как социальные среды для молодежи и Одноклассники как платформу для более взрослого населения СМИ осваивают в меньшей степени в силу определенных технологических причин и относительной бесперспективности потенциальной аудитории.

Приднестровские СМИ осознали, что именно сетевые ресурсы дают возможность пользователю не только получить необходимую и интересующую его информацию, но и выразить свое отношение к происходящим событиям. Учитывая количество интернет-пользователей Приднестровья, существующие социальные ресурсы вполне обеспечивают информационные запросы местной аудитории. В этих условиях основной

информационный поток традиционных СМИ проигрывает социальному контенту как по оперативности, так и по объективности.

2. В условиях современного общества в текстах массовой коммуникации предпочтительнее использовать скрытые, завуалированные, более мягкие методы выражения оценок. Правильный отбор фактов, цитирование, меткие метафоры, прецедентные тексты могут быть намного действеннее, чем переход на «повышенные тона». Учитывая сложившуюся практику и общественный резонанс в российском и западном обществе, следует отметить эффективность каждой из языковых стратегий и принципов построения журналистских текстов. И все же, поскольку основной акцент приднестровским СМИ необходимо делать на распространении адекватной информации о республике в европейском секторе, на интегрировании в соответствующее информационное пространство, имеет смысл воспользоваться традиционными для западной аудитории приемами и, ломая существующие стереотипы, внедрять в массовое сознание новые, более толерантные и позитивные.

3. Материалы энциклопедического сайта о государствах с отложенным внешнеполитическим статусом изобилуют акцентами на непризнанности международным сообществом, сомнительности легитимности выборов и власти, неопределенном политическом статусе, кровопролитном прошлом, что формирует негативное отношение и соответствующие стереотипы. В текстах использованы поверхностные упоминания проблем переселенцев и беженцев, ущемления их демократических прав и свобод, в то время как метрополии позиционируются, в большинстве случаев, в лучшем случае нейтрально, косвенно указывая на их роль в истории конфликтов. Исключение составляет Косово, материал о котором изобилует упоминаниями о провозглашении независимости края, обоснованности данного решения, а также ссылками на авторитетные страны, поддержавшие независимость края. Отметим, что Косово представляет собой единственный

случай, когда сетевой энциклопедический ресурс снабжен картой, показывающей геополитический расклад сил и полярность мнений.

Представленные материалы не только находятся в глобальной сети в режиме свободного доступа, но и являются теми ресурсами энциклопедического сайта, которые могут подвергаться как частичному редактированию, так и полному изменению. Внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства государств с отложенным внешнеполитическим статусом, используя эту возможность, должны подвергать соответствующие тексты критическому анализу и снабжать их новыми данными. В результате динамическая информация о самопровозглашенных государствах на таких открытых сайтах станет более привлекательной как для рядовых сетевых пользователей, так и для потенциальных инвесторов, экспертов и исследователей различных направлений. По нашему мнению, подобная практика будет позитивно влиять на имидж республики и ее продвижение на международной арене.

4. Практика Абхазии и Южной Осетии показывает, что необходимым условием признания независимости Приднестровья является удваивание усилий по активному освоению русскоязычного сегмента сети и интегрированию в российское информационное и социокультурное пространство. Достаточным условием признания независимости Приднестровья должна стать активизация освоения ресурсов англоязычного сегмента глобальной сети, чему по сравнению с нынешней ситуацией следует уделять внимание в десятки раз больше.

5. Самоопределившимся государствам особое внимание необходимо уделять специфике их социально-экономической и культурно-языковой ситуации, поскольку материалы данной направленности создадут основу для адекватного восприятия государств с отложенным внешнеполитическим статусом. В Приднестровье наблюдается тенденция к увеличению сетевых ресурсов общественно-политической направленности, в то время как

практически отсутствуют ресурсы, предоставляющие информацию об этнокультурной самобытности республики.

6. Специфика приднестровского общества, как было отмечено ранее, заключается в его пророссийской, прославянской, «восточной» ориентации, в связи с чем, необходимо предусмотреть сохранение существующего вектора государственного развития, который возможен только при условии интеграции общественного сектора в русскоязычную среду, а государственных институтов – в англоязычную. Только в таком случае сохраняется возможность укрепления социокультурного единства приднестровского общества, сохранения его системы ценностей наряду с продвижением собственных идей, позиций, идеалов и брендов в западном направлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, сформулируем основные выводы.

1. Институциональная составляющая современного государства, выступающая доминантой его организации, характеризуется вариативностью функциональной нагрузки общественных и государственных институтов в процессе реализации ими естественных прав и потребностей субъектов различного уровня. В данном случае очевидно преобладание профильных интересов, решение профессиональных проблем каждым конкретным актором государственного управления и общественного развития.

В условиях кризисного состояния социума государств с отложенным внешнеполитическим статусом такая модель развития трансформируется и определяет функциональную составляющую в качестве доминанты государственной организации. В данной ситуации в таких государствах единая функциональная нагрузка институциональных субъектов всех уровней, выражающаяся в отстаивании объединяющих общегосударственных идей, призвана консолидировать общество и противостоять какой-либо угрозе государству.

2. В современном мире большинство возникающих конфликтов являются следствием информационного воздействия определенных политических и экономических акторов. Подобно военной интервенции, высказывания представителей элитарных слоев общества, многократно усиленные и растиражированные СМИ, вызывают протестную реакцию отдельных государств или их регионов. Концепция современных информационных институтов, как правило, базируется на идее равных возможностей «быть услышанными», однако на практике стороны конфликта находятся в неравных условиях и не могут на паритетных условиях предоставлять достоверную информацию мировой общественности. Как

следствие, сторона, находящаяся в информационной блокаде, вынуждена изменять вектор воздействия собственных информационных институтов в сторону внутреннего информационного рынка, гипертрофируя внешнеполитическую проблему и скатываясь к пропагандистской деятельности. В то же время другая сторона конфликта, имеющая определенные преференции и доступ к глобальному информационному пространству и мировому потребителю информации, перестает быть им востребованной ввиду отсутствия реальной динамики в развитии конфликтной ситуации и потери интереса к ней.

Культурно-информационное пространство государств со статичной политической элитой по мере пребывания ее у власти приобретает специфические характеристики в процессе своего развития и взаимодействия с массовой аудиторией, которые заключаются, с одной стороны, в темпоральном усилении центростремительного вектора тематического и контекстного единообразия в описании внутривнутриполитического состояния общества государственными средствами массовой информации, а с другой – в компенсирующей их декларированность центробежных процессах типологического разнообразия СМИ как по форме собственности, так и по идеологической направленности. Некритичность в оценках ситуаций и отсутствие стратегического мышления в государственном аппарате, так же, как отсутствие политической воли в принятии властных решений, приводят к коллапсу государства как системы.

3. Вопрос приоритета воли государства над правами народа в случае принципа территориальной целостности или приоритета воли народа над правами государства в случае права народа на самоопределение относится, скорее всего, к политической философии и политической аксиологии. Однако с исторической и политико-философской точек зрения принцип права на самоопределение имеет больший приоритет по сравнению с принципом уважения территориальной целостности. Право народов на самоопределение было зафиксировано в международном праве гораздо

раньше и стало реакцией мирового сообщества на колониальную политику западной цивилизации, отражением не ситуативного, а перманентного стремления народов на протяжении всей истории получить возможность государственно-политического самоопределения. Кроме того, денотат концептов «право» и «принцип» уже определяет императивность первой нормы и диспозитивность второй. Однако коннотация этих концептов до сих пор стимулирует активную дискуссию как в западной, так и в отечественной политологической науке: одни считают приоритетными права наций (народов) на самоопределение, другие рассматривают это право как проявление откровенного национализма и сепаратизма.

Проведенный анализ позволил нам сделать вывод о том, что Приднестровье имеет право на самоопределение в силу следующих причин:

1) территория и народ Приднестровья никогда исторически и юридически не входили в состав суверенной Республики Молдова, а являлись частью несuverенного формирования МССР в рамках единого суверенного Советского Союза;

2) этнократическая политика румынизации Молдовы не только расколола полиэтничное население по принципу титульное–нетитульное, но и поколебала единство самого «титульного» этноса, закрепив отказ молдавской нации от собственного культурного суверенитета в пользу румынского. Более того, резкое изменение лингвистической среды в значительной степени нарушило толерантность взаимодействия полиэтничного населения в Республике Молдова и предопределило необходимость реализации права народа Приднестровья на самоопределение в рамках плебисцитарной теории международного права;

3) самоопределение осуществлялось в виде сепарации от Советского Союза. Данный процесс был юридически начат объявлением государственного суверенитета 2 сентября 1990 г. и завершен в декабре 1991 г. с прекращением существования СССР;

4) с сентября 1990 г. государственные органы Республики Молдова не формируются на территории ПМР, а потому не представляют данный народ;

5) Республика Молдова, прибегнув к силовому способу решения конфликта и вооруженной агрессии против народа Приднестровья, нарушила нормы Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии», вследствие чего является недобросовестным исполнителем своих международно-правовых обязательств и не может апеллировать к принципу территориальной целостности;

6) Приднестровское государство может претендовать на самоопределение согласно декларативному подходу теории международного права, поскольку в основу своей политики Приднестровье положило необходимость постоянного учета мнения и волеизъявления граждан. Показательными в этом отношении являются результаты референдума, проведенного в сентябре 2006 г. по вопросу о перспективах государственного строительства Приднестровья, согласно которым 97 % приднестровцев высказались за независимость с последующим присоединением к России;

7) принцип территориальной целостности начинает действовать только для самоопределившегося народа на территории его проживания, снимая таким образом все напластования о конфликтности данных принципов. Все иные интерпретации действия данного принципа юридически несостоятельны и связаны с недопустимыми в XXI в. рецидивами колониализма.

Таким образом, право народов на самоопределение и его реализация во многом мотивированы не столько внутривнутриполитическими предпосылками, сколько внешнеполитическими ориентациями. Аксиологическая система приднестровцев, складывающаяся на протяжении многовековой истории и давно утвердившаяся в лучших традициях российской ментальности, испытывая на современном этапе развития многократно усиленное негативное воздействие со стороны противников Приднестровской

государственности, укрепила не только уверенность народа в правильности выбранного пути, но и незыблемость пророссийского вектора развития.

4. Кризисность и, как следствие, мобилизация массового сознания в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом повлияла на алгоритм восприятия информационных потоков СМИ аудиторией: с одной стороны, эмоциональная составляющая доминирует над рациональной, и вследствие этого большая часть информации считается населением истинной не благодаря высокой степени доверия местной власти, но вопреки информационным усилиям оппонентов, при этом нет необходимости в особых доказательствах объективности собственной позиции. С другой стороны, со временем степень мобилизованности и кризисности сознания снижается, но ставшая традиционной журналистская практика провоцирует эйфорию у СМИ о высокой степени собственной авторитетности, и усиленное обсуждение ими отдельных политических вопросов может привести к их выпадению из ранга актуальных для массовой аудитории и сформировать своеобразный иммунитет у населения к политической ситуации. В результате культурное сообщество становится более подготовленным к возможным провокациям со стороны как местных СМИ, так и оппозиционных, что в перспективе приведет к затуханию эмоциональности и постепенному формированию рационального восприятия информационных потоков. При подобном сценарии средства массовой информации могут оказаться в ситуации, когда население будет не только эмоционально равнодушным к информационному продукту, тиражируемому такими СМИ, но и критично настроенным вследствие их несостоятельности.

5. Культурно-информационное пространство некоторой социальной общности – это совокупность функционирующих в ее информационной среде ценностей, норм, традиций, элементов культурно-исторического наследия, обеспечивающих воспроизводство культурного генотипа, ментальности и идентичности данной общности. В данной работе культурно-информационное пространство представлено в качестве категории

социокультурного развития общества, включающей институциональные образования социальной и государственной природы, а также массовую аудиторию, вовлеченную в сферу влияния конкретной системы. При этом доминирующую роль в эффективном развитии культурно-информационного пространства играет процесс взаимодействия его субъектов, т. е. проецирование установок государственными и общественными институтами, в том числе посредством системы СМИ, и их адекватное воспроизведение массовой аудиторией.

6. Диагностика институциональных факторов и функциональных статусов в системе «элита – массовая аудитория» возможна при условии построения и постоянного обновления матрицы культурно-информационного пространства, в которой отражены не только реальные характеристики массовой аудитории по определенным параметрам и критериям, выраженные в функциональных блоках, но и представления государственных и общественных институтов об аудитории, приведенные в институциональных блоках. Кроме того, в целях более детализированного анализа состояния культурно-информационного пространства в данной матрице должны учитываться социально-демографические характеристики массовой аудитории. Согласованность соответствующих ячеек матрицы гарантирует нормальный процесс взаимодействия власти и общества, является показателем устойчивости общественно-политического развития или напряженности культурно-информационного пространства государства.

7. Сопоставление результатов институциональных факторов и функциональных статусов во втором и третьем параграфах соответственно проводилось с учетом разницы между процентными показателями в ответах опрошенных представителей населения и элиты, которая была градуирована на следующие диапазоны:

- зеленый (его диапазон – от 0 до 10 единиц разницы);
- желтый (диапазон – от 11 до 20 единиц);
- красный (от 21 до 100 единиц).

Красный цвет ячейки свидетельствует о серьезном противоречии между видением ситуации народом и элитой. Желтый означает допустимую, но почти критическую разницу во взглядах. Зеленый – элита и народ понимают друг друга. Цвет ячеек с двумя и более показателями определялся путем приоритета одного из цветов.

Результаты исследования подтверждают, что срок жизни политической элиты прямо пропорционален степени ее обособленности. Менее десяти процентов ячеек матрицы окрашены зеленым цветом, доминирование же красного цвета в матрице подтверждает кризис власти, который предопределил исход президентских выборов 2016 г. Политическая элита республики, демонстрируя низкие показатели согласованности собственных действий и позиций с общественными настроениями, показывает высокую степень автономности и отстраненности от населения. Уверенность элиты в том, что население находится на грани в материальном и психологическом отношении, наряду с бездействием и инертностью властных структур доказательно свидетельствует об умышленном развале экономической системы государства, доведении республики до состояния банкротства, а населения – до обнищания.

8. Сетевые СМИ выступают наиболее эффективным средством массовой коммуникации, позволяющим без особых экономических вложений производить необходимую информацию о государствах с отложенным внешнеполитическим статусом для зарубежной аудитории. До сих пор проблемными являются ассоциации, которые возникают при упоминании самоопределившихся государств: около 50 % иностранных респондентов связывают эти регионы с военными действиями, а совокупный показатель негативных ассоциаций достигает 80 %. Повышенный интерес международной общественности к непризнанным странам, с одной стороны, популяризирует, привлекает к ним внимание, а с другой – не достигает критического уровня, позволяющего из фрагментарных информационных

сообщений сформировать в сознании зарубежной аудитории объективный устойчивый образ государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

Необходимое условие признания независимости Приднестровья заключается в удваивании усилий по активному освоению русскоязычного сегмента сети и интегрированию в российское информационное и социокультурное пространство. Обусловлено это тем, что Россию и Приднестровье связывают многовековые исторические и культурные традиции. Более того, на современном этапе накоплен необходимый потенциал в российско-приднестровских отношениях, позволивший создать у российской аудитории благоприятный образ ПМР. Достаточным условием признания независимости Приднестровья является активизация процессов освоения ресурсов англоязычного сегмента глобальной сети. В ходе анализа нами установлено, что недостаточная интеграция идей приднестровской государственности в западное сообщество явилась одной из причин закрепления в сознании зарубежной аудитории извращенных стереотипов в отношении приднестровского региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы и правовые акты

1. Венская декларация и программа действий (Вена, 25 июня 1993 г.) (извлечение) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.
2. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г. Резолюция 217 А(III) Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. ГОСТ 7.0-99 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения.
4. ГОСТ Р 51275-99 Защита информации. Объект информатизации. Факторы, воздействующие на информацию.
5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Текст декларации опубликован в Сборнике «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии». – NY., – 1970. – С. 151–155.
6. Закон ПМР «О печати и других средствах массовой информации» / Днестровская правда. – 1993. – 10 июля.
7. Закон ПМР «О рекламе» // Официальный вестник. – 1999. – № 34–38.
8. Закон ПМР «О свободе совести и религиозных организациях» // Собрание законодательных актов ПМР. – 1995. – № 4.
9. Закон ПМР «О средствах массовой информации» (в текущей редакции на 10.01.2017 г.) // <http://www.vspmr.org>.

10. Закон ПМР «О средствах массовой информации» // Официальный вестник. – 2003. – № 19–22.

11. Закон ПМР «Об информации, информатизации и защите информации» // Официальный вестник. – 2003. – № 22–29.

12. Конституция Приднестровской Молдавской Республики: краткий постатейный комментарий // Бюллетень экономической и правовой информации: Сб. норм. докум. по отрасли права. – Тирасполь, 2000. – 142 с.

13. Конституция Российской Федерации // <http://www.constitution.ru>

14. Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ // <http://www.medialaw.ru>

15. Модельный закон «О международном информационном обмене» (Принят в г. Санкт-Петербурге 26.03.2002 Постановлением № 19-7 на 19-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. – 2002. – № 29. – С. 134–143.

16. Об агрессии. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. /// <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/oonagres.htm> (дата обращения 23.10.2017)

17. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. // Текст резолюции опубликован в сборнике «Действующее международное право». Т. 2.

18. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://base.garant.ru/70284810/>

19. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, сайт Совета безопасности [Электронный ресурс] // <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>

Диссертации и авторефераты диссертаций

20. Амирханов А. Ю. Государственная информационная политика как фактор формирования духовности российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 25 с.

21. Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.

22. Балынская Н. Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2009. – 267 с.

23. Бердников А. Е. Этнополитический субрегиональный конфликт в трансформирующейся международной системе: взаимосвязи и взаимовлияния: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011. – 26 с.

24. Бобкова Е. М. Специфика социализации молодежи в условиях Приднестровья: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 180 с.

25. Бодрюнова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2015. – 324 с.

26. Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.

27. Бондаренко В. И. Информационное обеспечение внешней политики Республики Молдова в транзитивный период: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2004. – 254 с.

28. Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006. – 150 с.

29. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016. – 322 с.

30. Вертешин А. И. Медиалегитимация политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2009. – 360 с.

31. Володенков С. В. Технологии интернет–коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – 46 с.

32. Волкодав М. А. Применение политического дискурс-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 191 с.

33. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005. – 468 с.

34. Гарбузняк А. Ю. Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 202 с.

35. Гладченкова Н. Н. Культурно-информационное пространство образовательного учреждения как среда становления нравственного опыта личности: дис. ... канд. пед. наук. – Ростов-н/Д., 2001. – 250 с.

36. Гончаров П. К. Политическая система российского общества в условиях постсоветского транзита (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2009. – 48 с.

37. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005. – 428 с.

38. Григоренко Н. И. Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества (по материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже XX–XXI веков): дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2003. – 221 с.

39. Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 190 с.

40. Евдокимов В. А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2007. – 280 с.

41. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 48 с.

42. Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-н/Д., 2006. – 291 с.

43. Зиновьева Е. С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы: дис. ... д-ра полит. наук. – М, 2017. – 332 с.

44. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – 46 с.

45. Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – 482 с.

46. Колпикова О. П. Ф. Философско-культурное пространство смеха: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 135 с.

47. Корсукова С. А. Информационный потенциал как ресурс экономического развития России в современных условиях. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2005. – 132 с.

48. Конфисахор А. Г. Системно-психологическое описание политической власти: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1999. – 175 с.

49. Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. – 48 с.

50. Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – 24 с.

51. Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – 23 с.

52. Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – 177 с.

53. Новикова Т. В. Толерантность в профессиональной деятельности журналиста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 24 с.

54. Панарин А. С. Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1991. – 46 с.

55. Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика (русский язык в Приднестровье): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 444 с.

56. Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – 210 с.

57. Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.

58. Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2012. – 24 с.

59. Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2006. – 334 с.

60. Ступина А. С. Культурное пространство провинциального города: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 274 с.

61. Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2010. – 262 с.

62. Турчинова М. А. Социально-психологические стереотипы восприятия информации при воздействии телевизионных СМИ на

аудиторию: на примере телевизионной рекламы: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 212 с.

63. Усова Ю. В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование: дис. ... д-ра полит. наук. – Пятигорск, 2014. – 314 с.

64. Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 268 с.

65. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

66. Юрьев А. И. Системное описание политической психологии: дис. ... д-ра психол. наук. в виде научного доклада. – СПб., 1996. – 167 с.

67. Яковлев М. В. Демократия как проблема политической мысли стран СНГ: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2016. – 431 с.

Книги и монографии

68. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006. – 912 с.

69. Ажаева В. С., Ананьева Е. В., Гаджиев К.С. и др. Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К.С. Гаджиев. – М.: Интерпракс, 1994. – 158 с.

70. Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2004. – 480 с.

71. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 537 с.

72. Альтер П. Нация: проблема определения // Национализм: антология. Киев: Смолоскип, 2000. – 872 с.

73. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Моск. гос. ун-т, Ф-т журн., 2011. – 391 с.
74. Антанович Н. А. Теория политических систем. – Минск: ТетраСистем, 2008. – 208 с.
75. Арон Р. Опиум интеллектуалов. – М.: АСТ, 2015. – 480 с.
76. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 544 с.
77. Артемов Г. П. Политическая социология. – М.: Логос, 2002. – 280 с.
78. Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – 240 с.
79. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
80. Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. И доп. – М: Юрайт, 2016. – 358 с.
81. Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. – Тирасполь, 1998. – 96 с.
82. Баконин А. Д. Право СМИ. – СПб.: Роза мира, 2005. – 241 с.
83. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
84. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
85. Бачило И. Л. Информационное право: 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 419 с.
86. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: изд. 2-е, испр. и доп. / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

87. Бжезинский З. К. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / пер. О. Ю. Уральской. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 216 с.

88. Бове К.Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995. – 704 с.

89. Болтенкова Л. Ф. Российская государственность: состояние и перспективы. – М.: Республика, 1995. – 354 с.

90. Большой словарь иностранных слов. – М.: Юнвес, 1999. – 784 с.

91. Большой словарь иностранных слов в русском языке / под ред. С. М. Локшиной, В. Ф. Корицкого. – М., 1998. – 784 с.

92. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильяме, 2004.– 432 с.

93. Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. – 176 с.

94. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматько. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

95. Быстрова А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 237 с.

96. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики: 2-е изд., испр. – М : МедиаМир, 2014. – 277 с.

97. Василенко И. А. Современная российская политика. – М.: Юрайт, 2015. – 488 с.

98. Вдовин А. И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России: (Исторический и концептуальный анализ). – М.: Луч, 1993. – 72 с.

99. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. / сост., общ. ред., предисл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

100. Венгеров А. Б. Теория государства и права: 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
101. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. – 253 с.
102. Виндельбанд В. Философия культуры. Избранное. – М.: РАН, 1994. – 350 с.
103. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – 512 с.
104. Виноградова С. М., Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Массмедиа в информационно-психологической безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.
105. Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 255 с.
106. Вятр Е. Социология политических отношений / пер. с польск. под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. – М.: Прогресс, 1979. – 463 с.
107. Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.
108. Гаджиев К.С. Политическая наука. – М.: Гардарики, 1994. – 400 с.
109. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2003. – 450 с.
110. Галумов Э. А. Основы PR. – М.: Летопись XXI, 2004. – 360 с.
111. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Сер.: Технологии культуры. – М.: Академический Проект, 2007. – 512 с.
112. Гидденс Э. Социология: 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
113. Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье. – М.: ДА МИД России, 2000. – 64 с.

114. Государственная политика и управление. В 2 ч. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 384 с.
115. Государственная политика и управление / под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с.
116. Гумбольд фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
117. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д. : РГУ, 1980. – 264 с.
118. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / пер. с англ. А. А. Калинина. – М. : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. – 320 с.
119. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. А. Гофман. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
120. Ежегодник СИПРИ (Стокгольмский институт исследования проблем мира) 1995: вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 1996. – 578 с.
121. Журавлев В. Е. Легитимация приднестровского государства: структурно-функциональный подход. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2005. – 164 с.
122. Засурский Я. Н., Варганова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России. – М.: Аспект Пресс, 2002. – с. 390.
123. Иконникова С. Н. История культурологических теорий: 2-изд. – М. ; СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
124. Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005. – 137 с.

125. Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г. / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2010. – 428 с.

126. Иноземцев В. Л. За десять лет: к концепции постэкономического общества. – М.: Academia, 1998. – 528 с.

127. Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 590 с.

128. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции (9–11 ноября 2017 г.) / под. ред. Р. П. Баканова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 338 с.

129. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.

130. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: Правовые проблемы / отв. ред. И. Л. Бачило. – М.: Наука, 2003. – 192 с.

131. История социологии в Западной Европе и США. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 300 с.

132. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб.: Петрополис, 2003. – Т. 1. – 368 с.

133. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.

134. Калмыков А. А. Медиалогия Интернета. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 272 с.

135. Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – 256 с.

136. Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

137. Квасова И. И. Социология культуры. – М: Изд-во РУДН, 2005. – 182 с.
138. Кнабе Г. С. Двуетдинство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Индрик, 1994. – С. 17–28.
139. Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: Изд-во ВК, 2005. – 60 с.
140. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999. – 156 с.
141. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: Коллективная монография: 2-е изд., стереотип. / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. – 248 с.
142. Конфисахор А. Г. Психология геополитических процессов. – СПб.: Первый класс, 2014. – 276 с.
143. Конфора Л. Демократия. История одной идеологии / пер. с итал. и прим. А. Миролубовой.. – СПб.: Александрия, 2012. – 500 с.
144. Копылов В. А. Информационное право: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 512 с.
145. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. – М.: Логос, 2010. – 247 с.
146. Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 308 с.
147. Костюк В. Н. Информация как социальный и экономический ресурс. – М.: Магистр, 1997. – 48 с.
148. Косухин Н. Д. Современные идеологические системы. – М., 1999. – 120 с.
149. Кребер А. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г. Вдовиной. Послесловие В. Николаева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1008 с.

150. Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. – Нью-Йорк: ЭКОСОС ООН, 1981. – 232 с.
151. Кузиан И. Л. Архивное право. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2011. – 136 с.
152. Кузнецов П. У. Информационное право. – М.: Юстиция, 2017. – 336 с.
153. Курс международного права: в 7 т. Основные принципы международного права: т. 2 / гл. ред. В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
154. Кучмаева И. К. Культурное наследие: Современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – 173 с.
155. Лабуш Н. С. Экстремальный политический процесс: особенности форм и медиатизация: в 2 ч. – СПб.: Высш. школа журналистики и масс. коммуник. СПбГУ, 2017. – Ч. 1. – 218 с.
156. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – М.: Библиотека коммуникационной группы «Византия», 2005. – 20 с.
157. Лингвистический энциклопедический словарь: 2-е изд., доп. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
158. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
159. Лич Э. Р. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.
160. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
161. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос, 2002. – 220 с.
162. Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

163. Малиновский Б. Научная теория культуры: 2-е изд. испр. / пер. И. В. Утехин. – М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. – 184 с.
164. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.
165. Марков В. Б. В поисках другого / В кн. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева / под ред. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.
166. Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 316 с.
167. Мацумото Д. Психология и культура: 1-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
168. Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 352 с.
169. Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – 230 с.
170. Медиакультура новой России / под ред. Н. Б. Кирилловой. – М.: Академический проект, 2007. – 512 с.
171. Межуев В. М. Культура и история. – М.: Политиздат, 1977. – 199 с.
172. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.
173. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденция развития. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.
174. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 446 с.
175. Михайлов С. А., Никонов С. Б. Принципы сравнительного и международного права в регулировании информационных потоков государств различных правовых систем. – СПб.: Роза мира, 2000. – 104 с.

176. Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 494 с.
177. Момджян К.Х. Социальная Философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 400 с.
178. Мошняга В. Г. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. – Кишинев: МолдГУ, 1992. – 102 с.
179. Мюллер Я. В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века: 2-е изд.. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 400 с.
180. Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 314 с.
181. Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – 340 с.
182. Новейший философский словарь и энциклопедия социологии: 3-е изд., испр. / сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
183. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горин, А. А. Гусев, Н. М. Ланда и др. – М., 1999. – 912 с.
184. Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2010. – 415 с.
185. Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Теория государства. – М., 1998. – Т. 1. – С. 197.
186. Олешко В. Ф. Психология журналистики. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 351 с.
187. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов: 23-е изд., испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

188. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.
189. Паин Э. А. Распутица: Полемиические размышления о преопределенности пути России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 272 с.
190. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Ин-т филос. РАН, 1995. – 262 с.
191. Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: Университет, 1999. – 320 с.
192. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.
193. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
194. Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.
195. Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.). – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – 448 с.
196. Подберезкин А. К., Макаров В. В. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. – М.: РАУ, 2000. – 168 с.
197. Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – СПб.; Ростов-н/Д. ; Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2000. – 160 с.
198. Поликарпов В. С. Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д. ; Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2001. – 160 с.
199. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д. : ИППК при РГУ, 2002. – 178 с.
200. Политическая журналистика / под ред. С. Г. Корконосенко. – М.: Юрайт, 2015. – 319 с.
201. Политические коммуникации / под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.

202. Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике, 2013. – 161 с.

203. Пономарева Е. Г. Современная Россия. Политические отношения и политические институты. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 652 с.

204. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 116 с.

205. Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.

206. Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: РАН. Ин-т гос. и права, 1994. – 132 с.

207. Право и этика в работе журналиста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 203.

208. Приднестровье в геополитической системе координат XXI века / Редкол.: С. И. Берил, И. Н. Галинский, И. М. Благодатских. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2002. – 248 с.

209. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

210. Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 276 с.

211. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 352 с.

212. Пугачев В. П. Соловьев А. И. Введение в политологию: 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 477 с.

213. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. – М.: Дело, 2002. – 400 с.

214. Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе база де дате лингвистиче. – Кишинэу, 1988. – 320 р.

215. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
216. Рассолов И. М. Информационное право: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 444 с.
217. Реснянская Л. Л., Воинова Е. А., Хвостунова О. И. СМИ и политика / под ред. Л. Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 256 с.
218. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / пер. с фр. – М.: Республика, 1995. – 160 с.
219. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 352 с.
220. Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: БРЭ, 2004. – Т. 1. – С. 447;
221. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. Страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 256 с.
222. Розин В. М. Введение в культурологию. – М.: Междунар. пед. акад., 1994. – 104 с.
223. Российская политология / отв. ред. П. И. Симуш. – М.: ОП РАГС, 1995. – 400 с.
224. Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.
225. Санистебан Л. С. Основы политической науки / пер. с исп. В. Л. Заболотного. – М.: Владан, 1992. – 122 с.
226. Семенов А. К., Маслова Е. Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса: 5-е изд., испр. и доп. – М.: Дашков и К, 2008. — 276 с.
227. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.
228. Сенник В. Кувынтул ши даторииле ноастре. – Кишинэу, 1988. – 168 р.

229. Сидоров В. А. Политическая культура журналиста. – СПб.: Петрополис, 2010. – 240 с.

230. Сильвестров В. В. Философское обоснование теории и истории культуры. – М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1990. – 242 с.

231. Словарь социально-гуманитарных терминов / Научн. ред. А. Л. Айзенштадт. – Минск: Тесей, 1999. – 320 с.

232. Современная периодическая печать в контексте периодической печати. Тактические медиа в политической коммуникации. № 2(11) / отв. ред. И. В. Колодяжный. – СПб.: С.-Петербург. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 176 с.

233. СМИ русского зарубежья: Материалы «Дней русскоязычных зарубежных СМИ в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына» / сост. Т. Ф. Приходько; отв. редакторы Л. П. Громова, Т. Ф. Приходько. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2015. – 300 с.

234. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Рус. христиан, гуманит. ин-та, 2000. – 1054 с.

235. Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Вып. 2. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. Ч. I. Общие проблемы / под ред. Е. И. Степанова. – М.: ИСРАН, 1993. – 147 с.

236. Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 421 с.

237. Стати В. Лимба молдовеняска ши рэувоиторий ей. – Кишинэу, 1988. – 240 р.

238. Степин В. С. История и философия науки. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.

239. Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – 158 с.
240. Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.
241. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К.А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.
242. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с.
243. Терехов А. В., Селезнев А. В., Чернышов В. Н., Рак И. П. Информатика. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 100 с.
244. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
245. Тулупов В. В. Наше дело: из дневника медиакритика. – Воронеж: Кварта, 2016. – 302 с.
246. Тоффлер А. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
247. Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 276 с.
248. Уайт Л. Наука о культуре. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
249. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998. – 370 с.
250. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: 7-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 738 с.
251. Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – 356 с.
252. Философский словарь: 7-е изд. / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
253. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Акад. Проект, 2000. – 458 с.

254. Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. – Чита: Поиск, 1999. – 160 с.
255. Фомичева И. Д. Социология СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 335 с.
256. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: АСТ, 2003. – 603 с.
257. Хубецова З. Ф. Исследование и преподавание политической коммуникации / науч. ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журналистики и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с.
258. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. – М.: Кантон+, 2001. 400 с.
259. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994. – 208 с.
260. Чобану И. Д. Родной язык в моей судьбе. – Тирасполь, 1993. – 64 с.
261. Чумиков А. Н. Связи с общественностью. – М.: Дело, 2000. – 272 с.
262. Шаран П. Сравнительная политология: в 2-х ч. – М., 1992. – Ч. 2. – 216 с.; Ч. 2. – 216 с.
263. Шварценберг Р. -Ж. Политическая социология: в 3-х ч. – М.: РАУ, 1992. – Ч. 1. – 180 с.; – Ч. 2. – 282 с.; – Ч. 3. – 157 с.
264. Шестопал Е. Б. Личность и политика. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.
265. Шорников П. М. Молдавская самобытность: Монография. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. – 400 с.
266. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 640 с.
267. Шпрингер Р. Национальная проблема. – М.: Красанд, УРСС; 2010. – 328 с.
268. Щегорцов В. А. Политическая культура: модели и реальность. – М.: ИНИОН : Ин-т молодежи, 1990. – 171 с.

269. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

270. Юрьев А. И., Шевякова Л. П., Бурикова И. С. и др. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / под ред. А. И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.–512 с.

271. Яковлев И. П. Современные теории массовых коммуникаций. – СПб.: Роза мира, 2004. – 94 с.

272. Яковлев И. П. Стратегическое управление медиасферой. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2014. – 176 с.

273. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Научные статьи

274. Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 183–185.

275. Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятия // Власть. – 2010. – № 5. – С. 53–55.

276. Акаимова А. В. Символическая составляющая рекламы в политическом маркетинге (на примере России и Украины) // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф. (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – С. 64–69.

277. Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. – 2001. – Вып. 2. – С. 5–9.

278. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–124.

279. Ачкасов В. А., Беглов А. И. Легитимность и эффективность политической власти в условиях социальных трансформаций / Общественное призвание философии: приложение к журналу «Философские науки: спец. выпуск» / отв. ред. Ю. Н. Солонин. – М.: Академия гуманитар. исследований, 2006. – С. 232–241.

280. Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости / Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

281. Бабаева А. В. Современная западная философия о культурном пространстве / Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. – СПб, 2001. – С. 27–31.

282. Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 4–16.

283. Бабилунга Н. В. Тайна Приднестровского феномена / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 60–68.

284. Банкович М. Государственный переворот, пронунсиаменто, путч: теоретический анализ // Конфликтология. – 2008. – № 3. – С. 35–55.

285. Баширина Е. Н. К вопросу о политической системе общества // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26). – С. 129–131.

286. Белл Д. Демократия и права: великая дилемма нашего времени // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / под. ред В. Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – С. 13–26.

287. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.

288. Белоусов В. Н. Социоллингвистические аспекты диалога национальных культур / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 69–78.

289. Бертран К.Ж. Кибержурналистика // Среда. – 2004. – № 3. – С. 21–28.

290. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16–57.

291. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 385–420.

292. Бодрунова С. С., Большаков С. Н. О проблеме теоретического обоснования публичной сферы в современных политических коммуникациях // Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике, 2013. – С. 6–12.

293. Бозиев А. Т. О праве наций на самоопределение в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 33–36.

294. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 59–61.

295. Бурцева Р. В. Развитие концепта гражданской нации и либерального национализма в современной российской политологии // Социум и власть. – 2011. – № 1 (29). – С. 37–40.

296. Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. – № 4(21). – С. 67–71.

297. Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66–78.

298. Вертешин А. И. Влияние политической журналистики на легитимацию власти // Социально-политическое функционирование журналистики: Материалы секции «Журналистика в мире политики» Дней петербургской философии 19–20 ноября 2004 г. / ред.-сост. В. А. Сидоров. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 44–58.

299. Вестов Ф. А., Петров Д. Е. Политическая роль силовых структур в правовом государстве // Военная мысль. – 2011. – № 4. – С. 11–16.

300. Вилков В. Ю. Тенденции генезиса понятия «нация» // Обозреватель (Observer). – 2014. – № 4. – С. 108–117.

301. Виноградова С. М., Руцин, Д. А. V Международный форум Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 181–183

302. Володина Л. В., Кострицкая Т. Б. Использование инструментов «мягкой» силы в государственном управлении репутацией России // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – С. 128–131.

303. Волчинская Е. К. Информационное право // Система права. – 2005. – № 1. – С. 49.

304. Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 53–77.

305. Гавра Д. П. Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства / региона: современные подходы:

новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. С. 3–17.

306. Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI. – № 4 (69). – С. 29-43.

307. Гавра Д. П. Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22.

308. Гавра Д. П. Категории имиджа: сущность и основные характеристики // Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г. / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2010. – С. 31–40.

309. Гавра Д. П., Савицкая А. С. Традиционный ивент в контексте стратегических коммуникаций государства Российская школа связей с общественностью. – 2017. – № 10. – С. 63-72.

310. Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. – С. 187–196.

311. Гавра Д. П., Быкова Е. В. Стратегическая кризисная коммуникация: базовые характеристики и интегративное воплощение // Век информации. – 2016. – № 2. – С. 122–125.

312. Гаджиев Х. А. Политические институты: институциональный и неинституциональный подход // Власть. – 2015. – № 7. – С. 134–140.

313. Гевандова Я. С., Шлюндт Н. Ю. Коллизия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства в современном международном праве // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. № 11. – С. 209–212.

314. Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой российской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 33–44.

315. Головин Ю. А., Щенников М. А. Современные информационные технологии как способ политического взаимодействия // Конфликтология. – 2009. – № 2. – С. 47–64.

316. Головченко Л. Н. Приднестровье: проблема реализации права на самоопределение народа, проживающего на территории республики // Наука и современность. – 2014. – № 27. – С. 270–274.

317. Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник РУДН. – Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 24–39.

318. Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 154–163.

319. Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье / Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 365–448.

320. Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи / Право народов на самоопределение: идея и воплощение / сост. А. Г. Осипов. – М.: Звенья, 1997. – С. 6–7.

321. Гузенкова Т. С. Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития / Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 337–365.

322. Губогло Е. М. Приднестровский конфликт и постконфликтный синдром / Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – С. 227–247.

323. Дамдинов Б. Д. К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 2. – С. 19–22.

324. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. – С. 32–43.

325. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1. С. 64–79.

326. ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 34–56.

327. Долинина О. Н. Роль современных информационных технологий в формировании нового стиля управления // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – С. 155–168.

328. Дондо С. А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2015. – № 1 (51). – С. 87–91.

329. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика. – 2014. – № 1(4). – С. 5–15.

330. Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 30–33.

331. Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6). – С. 136–142.

332. Ефанов А. А. Влияние цифровизации на деструкцию института регионального телевидения // Власть. – 2017. – № 8. – С. 49–53.

333. Жосан Т. И. Межэтнический консенсус в современной политике республики Молдова / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 158–165.

334. Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 98–107.

335. Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.

336. Зиммель Г. О сущности культуры / Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юристъ, 1996. – С. 475–482.

337. Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Город. Культура. Цивилизация: материалы междунар. науч.-теор. интернет-конф., Харьков, март-апрель 2011 г. – Харьков: Харьков. нац. акад. гор. хоз-ва, 2011. – С. 42–48.

338. Золотарева М. Национальный суверенитет: на стыке права и политики // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 157–159.

339. Изучение общественного мнения как фактор принятия обоснованных решений и повышения ответственности трудящихся за судьбу республики: вопросы приватизации и статуса ПМР / Отчет социологического исследования. – Тирасполь: ПГКУ, 1993. – 64 с.

340. Ильин М. В. Инструментарий политолога: «воронка причинности» / Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 43–46.

341. Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – 264 с.

342. Иноземцев В. Л. «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 41–48.

343. Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма // Искусство управления. – 2014. – № 2. – С. 63–71.
344. Истюфеев А. В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации // Вестник Оренбургского гос. ун-та.– 2007. – № 7. С. 58–63.
345. Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 36–45.
346. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Изд. 3-е. – М.: Академический Проект, 2015. – 358 с.
347. Кара-Мурза С. Г. Послание: строки и между строк // Наша власть: дела и лица. – 2007. № 5. – С. 8–12.
348. Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – С. 119–123.
349. Киселева А. В. О формировании российской гражданской нации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – №. 4. – С. 85–90.
350. Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 43–46.
351. Ковальски С. В., Букучь А. С. Международное гуманитарное право и приднестровский конфликт // SCIENCE TIME. – 2015. – № 12 (24): – С. 377–383.
352. Козлов А. Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека // Права человека и межнациональные отношения. – М.: РАН. Ин-т гос-ва и права, 1994. – С. 65–75.
353. Колин К.К. Эволюция информатики // Информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 2–16.

354. Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. 1. – С. 88–122.

355. Коньков В. И. Динамика диалогичности в печатных текстах СМИ / Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога / Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: МедиаМир, 2015. – С. 95–97.

356. Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Carpes, 2001. – С. 74–82.

357. Коробов А. А., Овчинников С. А. Информационно-политические риски и устойчивость политической системы в условиях демократического транзита // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1(10). – С. 110–115.

358. Кристальный Б. В. Законодательное обеспечение формирования информационного общества в России // Информационное общество. – 2000. – Вып. 1. – С. 25–27.

359. Кудрявцев И. Е. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 77–95.

360. Кузнецов И. И. Современная повестка дня глобального гражданского общества // Вестник МГИМО. – 2012. № 2. – С. 120–127.

361. Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. – Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

362. Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. Т. 4. – С. 105–128.

363. Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

364. Лебедев А. В. Информационные технологии в контексте гуманитарного знания // Материальная база сферы культуры. – 2000. – № 1. – С. 3–19.

365. Левяш И. Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 153–163.

366. Липсет С. М. Политическая социология / Амер. социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 64–98.

367. Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // Гуманитарная информатика. – 2004. – С. 5–18.

368. Лукьянов В. Ю. Перспективы XXI века: от биполярности к многополярному миру // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2001. – № 2. – С. 55–61.

369. Лэйн Д. «Оранжевая» революция: «народная революция» или революционный переворот? // Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 31–53.

370. Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 106–127.

371. Макеенко М. И. Транснациональные медиакорпорации в начале XXI века: кризис управления масштабом? // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 39–48.

372. Межиева А. К. Политико-коммуникативные практики и технологии в деятельности администрации Президента РФ (2000–2008 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Сер.: Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2012. – № 1 (81). – С. 92–100.

373. Межуев В. М. Идея национального государства в историческая перспективе // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 5–6. – С. 10–15.

374. Мельник Г. С. Медийные ресурсы мобилизационных технологий // Современные социальные коммуникации в системе цивилизации и культуры / под ред. М. Г. Боровик, Г. С. Мельник. – СПб.: СПБИГО; Книжный дом, 2014. – С. 3-6.

375. Мельник Г. С. Перспективы медиа в пространстве интернета // Журналистский ежегодник. Journalist Yearbook. – 2013. – Т. 1. – С. 10–12.

376. Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. – № 8. – С. 53–68.

377. Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 18–28.

378. Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – №2–3. – С. 219–225.

379. Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34–48.

380. Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. № 19. – Вып. 4. – С. 187–192.

381. Млечко Т. П. Русские в контексте межнациональных отношений в Молдове / Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. – Кишинев, 1999. – С. 28–35.

382. Мошняга В. Г. Приднестровский конфликт в Республике Молдова причины, состояния и пути разрешения / Демократизация общества в

гендерной перспективе: Сб. научных трудов / ред. Младина В. – Кишинев: Гендер-Центр МолдГУ, 2002. – С. 8–19.

383. Нажмудинов Г. М., Палатников Д. Е. Синергетический подход к анализу социально-политической среды общества // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 82–85.

384. Огурчиков П. К. Экранная культура и современное коммуникативное пространство // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 2. – С. 113–116.

385. Олейников С.В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). – С. –136–142.

386. Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 216–223.

387. Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 169–174.

388. Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 425–431.

389. Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75–83.

390. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems). – 1993. – Вып. 2. – С. 94–122.

391. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке / Институциональная политология. Современный институционализм и

политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 7–42.

392. Пигров К.С. Философия в сенсорных пространствах // Сб. матер. конф. «Звучащая философия» / ред. кол.: Д. У. Орлов, К.С. Пигров, А. К. Секацкий. – СПб.: С. -Петербург. филос. общество, 2003. – С. 147–158.

393. Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999. – С. 218–231.

394. Победа Н. А. Социальная идентичность как инструмент диагностики социальной напряженности в обществах переходного периода / Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2002. – С. 169–176.

395. Пушкарева Г. В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 93–102.

396. Прокопенко А. Н. О содержании понятия информационные ресурсы в праве // Бизнес в законе. Экон.-юрид. журнал. – 2010. – Вып. № 1. – С. 157–160.

397. Распопова С. Л. Журналистика и система национальных отношений Приднестровья // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 440-450.

398. Распопова С. Л. Журналистика и этнокультура – путь к взаимопониманию // Вестник Приднестровского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (43). – С. 145–150.

399. Распопова С. Л. Историко-культурное наследие и журналистика. опыт Приднестровья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(2) – С. 337–339.

400. Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 1. – С. 198–218.

401. Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Моск. журн. междунар. права. – 1994. – № 1. – С. 3–20.

402. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2008. – № 61. – С. 114–122.

403. Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Сер.: История России. – 2006. – № 2(6). – С. 18–30.

404. Садовский В. Н. Философия науки XXI века: что целесообразно заимствовать из философии науки XX века и от чего следует отказаться // Системные исследования. Методол. проблемы. – 2003. – Т. 2001. – С. 7–28.

405. Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. – 2011. – № 4(6). – С. 15–19.

406. Сафронов В. В. Юридические гарантии обеспечения деятельности средств массовой информации // PR и реклама: традиции и инновации. – 2013. – № 8–1. – С. 72–77.

407. Сердюкова А. К. Влияние средств массовой информации на формирование поведенческих стереотипов у студентов / Образование, наука, производство: Сб. тр. VII Междунар. молодежного форума. Белгород, 20–22 октября 2015 г. – Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова, 2015. – С. 4663–4667.

408. Сидоров В. А. Журналистика и публичность интерпретации смыслов // Век информации. Журналистика XXI века: культура понимания. Материалы семинара Всероссийского форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге-2014». № 2 (S2) / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2015. – С. 106–117.

409. Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб.: ф-т журналистики СПбГУ, 2006. С. 34–43.

410. Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 211–216.

411. Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество. – 1998. – Вып. 6. – С. 8–13.

412. Снетков В. Н., Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125.

413. Снетков В. Н., Фомина Н. А. Критерии классификации унитарных государств // Науч. техн. ведомости С.-Петерб. гос. политехн. у-та. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – С. 36–42.

414. Соблиров Х. Х., Муханов Б. С. Общие принципы права на отделение, прав человека и территориальной целостности государства // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 6. – С. 92–93.

415. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

416. Степин В. С. Философская мысль в динамике культуры (Поиск мировоззренческих ориентиров) // Философия и культура: Сб. к 60-летию В. А. Конева. – Самара, 1997. – С. 19–35.

417. Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. – 2003. – № 5. – С. 3–18.

418. Студенова Е. Г. Дискурс как механизм формирования теоретических моделей социальной политики и социальной работы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2 (44). – Ч. 1. – С. 80–84.

419. Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социал. антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 113–126.

420. Темираев А. В. Принцип территориальной целостности и право народов на самоопределение как принципы российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6 (67). – С. 88–93.

421. Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 248–256.

422. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41–54.

423. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.

424. Харитоновна И. В. Информация, язык и развитие личности: философский аспект // Развитие личности. – 2004. – № 3. – С. 46–57.

425. Цагараев М. А. Современная трактовка принципа права народов на самоопределение // Социология власти. 2008. № 5. – С. 173–180.

426. Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова / Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: Материалы международной научно-практической конференции / сост. В. Г. Мошняга. – Кишинев: Фонд Фридриха Эберта, 2002. – С. 102–129.

427. Цховребов К.И. Анализ декларативной и конститутивной теорий признания новых государств в международном праве // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 6–1(89). – С. 228–234.

428. Цыро И. В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ // Научные проблем гуманист. исследований. – 2010. – № 10. – С. 248–255.

429. Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Моск. журнал междунар. права. – 1996. – № 4. – С. 18–19.

430. Шариков А. В. Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород. 16–19 октября 2006 г. / под ред. В. Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. – С. 177–184.

431. Шахбазян А. В. Информация как вид ценности в современном мире // Гуманит. и соц.-экон. науки. – 2006. – № 2. – С. 162–163.

432. Шевченко А. В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 68–83.

433. Шишкина А. А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 219–223.

434. Шкондин М. В. Информационный потенциал общества и концепты целостности медиасистемы // Вопр. теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 4. – С. 335–348.

435. Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. – 2015. – № 3(35). – С. 97–105.

436. Якоба И. А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социол. исследования. – 2014. – № 12. – С. 65–73.

Научные публикации на иностранном языке

437. American Heritage Dictionary. – Boston: Houghton Mifflin, 2000. – 2184 p.
438. Asp K. Fairness, informativeness and scrutiny: The role of news media in democracy // *Nordicom Review*. 2007. Vol. 28. P. 31–49.
439. Baran S.J. and Davis D. K. *Mass Communication Theory; Foundation, Ferment and Future: 7th Edition*. – Stamford: Cengage Learning, 2015. – 408 p.
440. Barkin J. S. *International organization: theories and institutions*. – Palgrave Macmillan, 2006. – P. 27–41.
441. Bayley P. *Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches* // *Campaign Language: Language, Image, Myth in the U. S. Presidential Elections 1984* / Ed. by G. Ragazzini. – Bologna: CLUEB, 1985. – P. 77–174.
442. Boulding K. *Conflict and Defense: A General Theory*. – Maryland: University Press of America University Press of America, 1988. – 349 p.
443. Bourdieu P. *Social Space and Symbolic Power* // *Sociological Theory*. –1989. – Vol. 7. – № 1. – P. 14–25.
444. Braddock R. *An Extension of the «Lasswell Formula»* // *Journal of Communication*. № 8. 1958. C. 88–93.
445. Castells M. *The Rise of the Network Society: 2nd ed., with a new pref.*. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. – 597 p.
446. Cotîrlea D. A. *Country image vs. country brand: differences and similarities* // *Ecoforum*. – 2015. – Vol. 4. Special Issue 1. – P. 165–171.
447. Deutsch K. W. *Social Mobilization and Political Development* // *The American Political Science Review*. – Vol. 55. – № 3 (Sep., 1961). – P. 493–514.
448. *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance* / Ed. by J. Howarth David, J. Torfing. – NY: Springer, 2004. – 364 p.
449. Dobrosklonskaya T.G. *Medialinguistics: a new paradigm in the study of media language*. // *Mediensprache und Medienkommunikation im*

interdisziplinären und interkulturellen Vergleich. – Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2013. – P. 37–47.

450. Easton D., Schelling C. S. *Divided Knowledge: Across Cultures, Across Disciplines*. – NY: SAGE Publications, Inc., 1991. – 272 p.

451. Eide A. Territorial integrity of states, minority protection, and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations // *Science and technique of democracy: Local self-government, territorial integrity and protection of minorities* – 1996. – № 16. – Lausanne, 25-27 April 1996. – P. 277–303.

452. Foucault M. *Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977* / Ed. by C. Gordon. – NY: Pantheon Books, 1980. – 270 p.

453. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. – London; NY: Routledge, 2013. – 272 p.

454. Geldenhuys D. *Contested states in World Politics*. – London: Palgrave Mcmillan, 2009. – 295 p.

455. Habermas J. *Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research* // *Communication Theory*. – Vol. 16, Iss. 4. – Nov. 2006. – P. 411–426.

456. Hall P. A., Taylor R. R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*. 1996. XLIV: 936-957. P. 936.

457. Hermann M. G. *Political Psychology*. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 464 p.

458. *International Meeting of Experts on further study of the concept of the rights of peoples: final report and recommendation of Unesco*. – Paris. 27–30 November, 1989 / URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf> (date of access 22.01.2018)

459. Kaufman S., Bowers S. *Transnational dimensions of the Transnistrian conflict* // *Nationalities Papers*. – 1998. – № 26(1). – P. 129–146.

460. Keohane R. *After Hegemony*. – Princeton: University Press, 2005. – 320 p.

461. King Ch. *Eurasia's Nonstate States* // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eeurcr10&div=48&id=&page=>

462. King Ch. *The Benefits of Ethnic War. Understanding Eurasia's Unrecognized States* // World Politics. – 2001. – July. – № 53. – P. 524-552

463. Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. *The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism* // Europe – Asia Studies. – 1993. – № 6. – Vol. 45. – P. 973–1000.

464. Kroeber A., Kluckhohn Cl. *Culture. A Critical Review of Concept and Definition*. – New York, 1952. – P. 31, 43, 103.

465. Laclau E. *On Populist Reason*. – NY: Verso, 2005. – 276 p.

466. Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society* // Communication theory and research journal. – 2007. – Issue 24. – P. 215–228.

467. Lasswell H. *The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change* // Social Science Information. – Vol. 7. – Iss. 1. – Febr. 1968. – P. 57–70.

468. Lippmann W. *Public opinion*. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – 449 p

469. Luhmann N. *The World Society as a Social System*. International Journal of General Systems. – 1982. № 8:3. – P. 131–138.

470. Lynch D. *Engaging Eurasia's Separatist States*. – Washington DC: USIP, 2004. – 171 p.

471. Lyotard J. F. *Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy* / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006. – 568 p.

472. Martin L. *An Institutional View: international institutions and state strategies* / International order and the future of world politics / Ed. by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – 421 p.

473. Martin P. M. Introduction aux relations internationales. – Toulouse, 1982. – P. 107– 111.
474. Martinez Albertos J. -L. El lenguaje de los politicos como vicio de la lengua periodistica // Informacion Poitica y Cultura. – Madrid: Universidad Complutense, 1989. – P. 61–78.
475. Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective / by ed. V. Moshneaga. – Chișinău: Captes, 2001. – 292 c.
476. Nietzsche F. The will to power / Ed. by W. Kaufmann. – New York: Vintage Books, 1967. – 605 p.
477. Parsons T. Social System. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005. – 636 p.
478. Pecheux M. Language, Semantics and Ideology. – London: Palgrave Macmillan, 1982. – 244 p.
479. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology. – California: Sage Publications, 1987. – 256 p.
480. Rathmayr R. Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow // Totalitare Sprache – langue de bois – language of dictatorship / Ed. by R. Wodak, F. P. Kirsch. – Wien, 1995. – S. 195–214.
481. Ricoeur P. Du texte à l'action. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1991.– 346 p.
482. Rosenbaum W. A Political Culture. – N. Y., 1975. – 181 p.
483. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1991. – 324 p.
484. Schrotta S., Visotschnig E. Neue Wege zur Verständigung: Der machtfreie Raum. – Wien: Paul Zsolnay Verlag, 1982. – 243 s.
485. Seidel G. Political Discourse Analysis / In ed. T. A. van Dijk Handbook of Discourse Analysis (Vol. 4.): Discourse Analysis in Society. – Michigan: Academic Press, 1985. – P. 43–60.
486. van Dijk T. A. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Thousand Oaks, California: SAGE, 2011 – 432 p.

487. Wojcieszak M. Transnational Connections Symposium: Challenges and Opportunities for Political Communication Research. Introduction // International Journal of Communication. – 2012. – Vol. 6. – P. 255–265.

Интернет-источники

488. Абрамочкин Ю. «Черная трансплантология» в Косово: расследованию быть? / РИА «Новости». 16.12.2010 // <https://ria.ru/world/20101216/309621413.html>

489. Абхазский проект для России // http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=18091

490. Агентство Saatchi & Saatchi исправит имидж Косово // www.lenta.ru/news/2009/01/22/kosovo/ – 7 Кб 22.01.2009, 20:59:13

491. Акопов В. А. Кибервойна — угроза национальной безопасности // Обозреватель — Observer // http://observer.materik.ru/observer/N12_2004/12_03.htm.

492. Американский аналитик: У Приднестровья больше прав на независимость, чем у Косово // <http://compatriot.su/news/67679.html>

493. Американский эксперт: Приднестровье никогда не являлось частью Молдовы // <http://www.peacekeeper.ru/index.php?mid=4921>

494. Английский толковый словарь Concise Oxford English dictionary // <http://www.hpc.ru>

495. Армения должна признать Абхазию и Южную Осетию, если не хочет применения двойных стандартов к Карабаху: эксперт // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11925>

496. Байгарина Г. П. СМИ и современная культура // <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

497. Бенин В. Л., Десяткина М. В. Социальная философия. – Уфа: Изд-во БГПУ, 1997 // <http://www.philosophy.ru/edu/ref/soc/socfil.html>

498. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918 // <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

499. Бондарев А. А. СМИ, идеология и государство // Трибуна русской мысли // http://www.cisdf.org/TRM/TRM14/bondarev_14.html

500. Бурла М. Внешние факторы - главное препятствие в развитии экономики ПМР» // <http://www.olvia.idknet.com/ol23-02-07.htm>

501. Бычкова В. Международный проект «Толерантное мышление – путь к мирному сосуществованию народов» / Научно-исследовательская работа «Толерантность и средства массовой информации России» // <http://snezhinsk-sc125.narod.ru/svayzi1.htm>

502. В Абхазии откроется бизнес-школа // <http://www.abhazia.com/news/detail.php?id=24191>

503. В Приднестровье закрыли интернет-форумы // <http://aif.md/v-pridnestrove-zakryli-internet-forumu/>

504. В Тирасполе прошел круглый стол «Непризнанные: как реализовать право народа на самоопределение?» // <http://www.eurasian.su/news/v-tiraspole-proshel-kruglyy-stol-nepriznannye>

505. Власть Молдавии колеблется между Брюсселем и Москвой («Le Monde», Франция) // <http://www.inosmi.ru/translation/248491.html>

506. Во внутривитическои жизни Приднестровья продолжается раскол // <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

507. Волнения в Грузии и Молдове - результат «косовского прецедента» («Radio Free Europe / Radio Liberty», США) // <http://www.inosmi.ru/translation/248426.html>

508. Выборы в Карабахе повысили имидж республики // www.karabakhlive.com/index.php?name=News&op=Article&sid=139

509. Гавра Д. П. Осетия не умеет пользоваться теми сокровищами, которые лежат у нее под ногами // Градус Осетии // <http://gradus.pro>

510. Гавра Д. П. Социальные институты // XServer.ru // <http://www.xserver.ru/user/sozin/>

511. Грек И. Судьба Республики Молдова в руках Комрата?
URL:<http://enews.md/articles/view/2790/>

512. Гришин О. Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121>

513. Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний // www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

514. Добреньков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии // http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

515. Доброхотов А. Л. Введение в философию // <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

516. Доклад международного совета по демократическим институтам и государственному суверенитету // <http://members.icdiss.org/pmr/icdiss-b219-rus.pdf>

517. Евгений Шевчук закрыл все интернет-форумы в Приднестровье // <https://point.md/ru/novosti/politika/evgenij-shevchuk-zakril-vse-internetforumi-v-pridnestrovje/10>

518. За все время работы в ПМР «Врачи без границ» убедились в том, что Приднестровье – надежный партнер // <http://olvia1.idknet.com>

519. Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // Эксперты для гражданского общества // <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

520. Интернет-конференция министра иностранных дел Республики Абхазия Сергея Шамба Интернет-порталу Юга.ру // www.mfaabkhazia.org/documents/dokumenty_mid_ra/internet-konferenciya_ministra_in...

521. Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // <http://media2050.ru/2011/11/27/56/>

522. Карла дель Понте: нынешнее руководство Косово похищало сербов и торговало их органами // <http://www.newsru.com/world/01apr2008/karla.html>

523. Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // *ВВ: Психология и психотехника.* – № 5. – 2013. – С. 11–23 // http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html

524. Конституционное право зарубежных стран. Часть общая: конституционное (государственное) право и его основные институты. Т. 1–2 / отв. ред. Б. А. Страшун // *Понятие и социальное назначение средств массовой информации (СМИ)* // <http://isfic.info/zarpra/konstz125.htm>

525. Косово озаботилось своим имиджем // http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/01/23/Kosovo_ozabotilos_sv.phtml

526. Косово уповает на скорое признание в арабском мире // <http://pda.izvestia.ru/lenta/news.html/use.news.186488/>

527. Крылов Д. А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // *Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – № 6 // <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16946>

528. Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция) // http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

529. Курылева О. Тирасполь оценил «прагматичный подход» европейцев к непризнанным государствам // <http://nr2.ru/pmr/327458.html>

530. Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // *Вестник общественного мнения.* 2006. № 1 // <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

531. Маркедонов С. М. Возвращение к отложенному статусу. URL:<http://polit.ru/article/2008/03/24/econom/>

532. Массовая коммуникация // <http://www.unesco.kz/massmedia>

533. Молдавия: тоска по Европе («Handelsblatt», Германия) // <http://www.inosmi.ru/translation/248393.html>

534. Мурзин А. Российское культурное пространство в региональном измерении: поиск новой интегративной модели // <http://sr.fondedin.ru>.

535. Надувательство («Le Figaro», Франция) // <http://www.inosmi.ru/translation/248434.html>

536. Наталия Нарочницкая: «Менторство в трактовке прав человека – почва для двойных стандартов в мировой политике» // <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r070207070413>

537. Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. – № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

538. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002 // <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

539. Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html>

540. Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русский язык в современной Молдове. – // <http://mirznanii.com/a/126063/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-moldove>

541. Патерова О. Газета «Сведения» // www.regnum.ru/news/781317.html

542. Патерова О. Имидж Приднестровья: соблюдение прав человека и энергичная госвласть // www.regnum.ru/news/781317.html

543. Патерова О. Оппозиционная газета «Человек и его права» // www.regnum.ru/news/781317.html

544. Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru>

545. По мнению политологов, ситуация в Молдове может пойти на пользу Приднестровью // <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5599>

546. Президент посетил ряд хозяйств Очамчирского района / АПСНЫПРЕСС. Выпуск № 329 16 июля 2008 г. // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11672>

547. Приднестровское урегулирование: «вопрос о политической поддержке Тирасполя – это вопрос российской безопасности» // <http://www.regnum.ru/news/781317.html>

548. Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция) // http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa

549. Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // Letopisez. – 15 сентября. – 2011 // <http://anvictory.org>

550. Пушкина Д. Б., Федорова А. С. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. – № 5(79). – 2011 // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/pu15.html> (дата обращения 23.10.2017)

551. Региональная идентичность в Приднестровье / Борьба народа Приднестровья за самоопределение. Образование ПМР // http://studbooks.net/595826/istoriya/regionalnaya_identichnost_pridnestrove

552. Резолюция Международной научно-практической конференции «Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы» // <http://old.vspmr.org/News/?ID=571>

553. Российские туристы отказываются ехать в Абхазию // <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1224797.html>

554. Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>

555. Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания) // <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

556. Сеславинский М. В. Культура и СМИ // www.lihachev.ru/chten/2006god/dokladi/plenarnoe/seslavinsky/

557. Современные международные отношения / под. ред. А. В. Торкунова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/08.php

558. Социология. – М., 1996 // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/117036/t12.pdf.html>

559. Стереотипизация как метод пропаганды // <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>

560. Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю // <http://mkspmr.idknet.com/content/view/752/209/>

561. Тарасов А. Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип // Неприкосновенный запас. – № 2(28). – 2003 // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/taras.html> (дата обращения 17.02.2017)

562. Татьяна Новикова Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu/www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles>

563. Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // Relga (научно-культурологический журнал). – №1 [103]. – 18.01.2005 // www.relga.ru

564. Философия общества: Субъект и объект деятельности // <http://filinnik.ru/4-/4-2-/151-4-2-1.html>

565. Чернов Е. Структурная трансформация элиты в России в 1989–1993 годах // <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

566. Черняховский С. Территориальная целостность и право на самоопределение // Новая политика (интернет-журнал). 4 сентября 2008. // <https://novopol.ru/territorialnaya-tselostnost-i-pravo-na-samoopredeleni-text51183.html>

567. Что нам делать с Молдовой? // <http://glavred.info/archive/2009/05/05/185349-1.html>

568. Шилина М. Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций // Медиаскоп. – 2009. Вып. 3. // <http://www.mediascope.ru/>

569. Штюмер М. Путинская Россия стремится снова стать великой державой / Die Welt, Германия // <http://inosmi.ru/world/20131114/214768429.html>

570. Экспертное исследование: украинцев в Молдавии дискриминируют // <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/transdnistria/1160601.html>

571. IT-технологии (Журнал информационных технологий) // <http://www.irkinfo.ru/informatsionnyi-potentsial-obshchestva.html>

572. King Ch. Eurasia's Nonstate States // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eurcr10&div=48&id=&page=>

Журналистские публикации, материалы массмедиа

573. Агония режима Воронина / Приднестровье. – 2003. – 23 октября.

574. Бабилунга Н. В. История – не игра в кубики / Советская Молдавия. – 1988. – 9 декабря.

575. Без чувства своей страны нет настоящего характера / Приднестровье. – 2003. – 22 декабря.

576. Боль матери / Днестровская правда. – 1993. – 26 января.

577. Будет ли телефонная связь между Молдовой и Приднестровьем? / Приднестровье. – 2003. – 9 июля.

578. В единой России – залог нашей общей победы / Приднестровье. – 2003. – 3 декабря.

579. ВС ПМР: первые шаги противодействия / Приднестровье. – 2001. – 7 сентября.

580. Гарант принимает меры / Приднестровье. – 2001. – 17 ноября.
581. Горячее лето 2001-го... / Приднестровье. – 2001. – 22 июня.
582. Гросул В. Я. Автономия Приднестровья: историческое обоснование / Трудовой Тирасполь. – 1989. – 16 декабря.
583. Гросул В. Я. Еще раз об истории, или плюрализм по-кишиневски / Советская Молдавия. – 1989. – 27 июля
584. Гросул В. Я. История с историей / Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.
585. Гросул В. Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык» / Ленинское знамя (Рыбница). – 1990. – 18, 20, 22 сентября.
586. Гросул В. Я. Приднестровская автономия: историческое обоснование / Единство. – 1989. – 1 декабря.
587. Гросул В. Я., Стати В. Н. Латиница: вымысел и правда / Рыбницкий металлург. – 1989. – 30 июня.
588. Дмитрий Козак: «За гранью добра и зла» / Днестровская правда. – 2003. – 27 ноября.
589. И румынские «пять копеек»... / Приднестровье. – 2001. – 15 декабря).
590. Корлэтяну Н. Этапы развития молдавского языка / Советская Молдавия. – 1988. – 9 января.
591. Косарев В. Шаг вперед и два назад... Унитарная Молдова – Федерация – Конфедерация... и так далее в том же направлении / Коммерсант-plus. – 2003. – 18 июля.
592. Мариан Б. Призрак бродит по Молдове / Независимая Молдова. 1989. 7 сентября.
593. Митинги протеста / Днестровская правда. – 2001. – 30 октября.
594. О базовых принципах конституционного и государственного устройства федеративного государства / Приднестровье. – 2003. – 27 сентября.

595. Отложенный статус отделяющейся территории. Справка URL://
<https://ria.ru/spravka/20080314/101341602.html>

596. О чем шумят тополя / Днестровская правда. – 1993. – 18 июня и др.

597. Он не дожил до 22 / Днестровская правда. – 1992. – 24 ноября.

598. Пал смертью храбрых / Днестровская правда. – 1992. – 26 сентября.

599. Получит ли процесс жизненную силу / Приднестровье. – 2003. – 21 мая.

600. Право на защиту / Приднестровье. – 2003. – 24 сентября.

601. Провокация четвертой степени / Приднестровье. – 2003. – 19 ноября.

602. Протокол протоколом запротоколирован / Профсоюзные вести. – 2001. – 22 ноября.

603. Россияне выбирают жизнь / Днестровская правда. – 2003. – 29 ноября.

604. Смирнов–Воронин: первый диалог / Приднестровье. – 2001. – 11 апреля.

605. Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.

606. Федерализация: пристальный взгляд экспертов / Приднестровье. – 2003. – 23 апреля.

607. Ченуша В. Следовать воле народа / Независимая Молдова. 1989. 12 сентября.

608. Чобану И. Д. Слово о судьбе родного языка / Народное образование. – 1988. – 5 ноября.

609. Штормовое предупреждение: СИБ Молдовы реализует план полномасштабных идеологических диверсий против ПМР / Приднестровье. – 2001. – 6 декабря.

610. Яковлев В. Н. Настал ли «золотой час» права? / Днестровская правда. – 1990. – 17 августа.

611. Яковлев В. Н. Приднестровская МССР: не миф, а реальное суверенное государство / Днестровская правда. – 1991. – 28 октября.

612. Яковлев В. Н. Тернистый путь к справедливости / Рыбницкий металлург. – 1990. – 6 марта.

613. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1991. – 30 august; 19 oktober.

ST.PETERSBURG STATE UNIVERSITY

As a manuscript

OLEYNIKOV SERGEY VICTOROVICH

**EVOLUTION OF THE CULTURAL-INFORMATION SPACE
OF STATES WITH THE POSTPONED
FOREIGN POLICY STATUS**

(on the material of Pridnestrovie)

Specialty - 10.01.10 – journalism

Dissertation for a scientific degree

Doctor of Political Science

Scientific consultant -

Doctor of sociology

Professor **D.P. Gavra**

Volume 2

St. Petersburg, 2018

CONTENT

INTRODUCTION..... 4

Chapter 1. THE STATES WITH THE POSTPONED FOREIGN POLICY STATUS: THE NATURE, CHARACTERISTICS AND POLITICAL AND LEGAL ADJUSTMENT 26

- 1. 1. The norms of international law and the problem of states
with postponed foreign policy status 28
- 1. 2. International positioning of states with postponed
foreign policy status..... 47
- 1. 3. National information law in the context of the developing
the cultural and information space of the states with postponed
foreign policy status..... 59

Chapter 2. CULTURAL-INFORMATION SPACE PHENOMENON: NATURE, ESSENCE, CATEGORIES..... 72

- 2. 1. System-structural organization of cultural and information space..... 72
- 2. 2. Institutional dimension of cultural and information space 90
- 2. 3. Functional dimension of cultural and information space..... 110

_Toc513470064

Chapter 3. PRIDNESTROVIAN CULTURAL AND INFORMATION SPACE: FROM DIAHRONY TO SYNCHRONY 133

- 3. 1. The emergence and development of the Pridnestrovian statehood 133
- 3. 2. Media reflection of the state development model in the cultural
and information space 148
- 3. 3. Problems of the stability of the cultural and information space of
Pridnestrovia 170

3. 4. Elite measurement of Pridnestrovie cultural and information space.... 183
3. 5. The prospects for media diagnosing the stability of the cultural
and information space..... 195

_Toc513470072

**Chapter 4. THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE
CULTURAL AND INFORMATION SPACE OF PRIDNESTROVIE 210**

4. 1. Mass Media and Social Media: The problems of Pridnestrovian
integration and a tolerant attitude of foreign audience towards the
republic 210
4. 2. The problems of positioning states with postponed foreign policy
status in the international arena 246
4. 3. The perspectives of information and socio-cultural development
of states with postponed foreign policy status 263

CONCLUSION..... 292

BIBLIOGRAPHY 299

INTRODUCTION

The urgency of the research is determined by:

– the increasing trend for creating states with pending foreign policy status in the modern geopolitical system and the tendency to maintain the formed specific identification discourse and unique cultural and information space of certain areas in the opposition to the globalization cultural universalization;

– the need of the scientific community in the theoretical understanding of the development of such a type of states and the formation of a methodological framework for the study of their cultural and information space, both the global and local level;

– the necessity of studying the dynamics of cultural and civilizational development of the modern world, its complex structures and hierarchies of relations, in which cultural and informational space determines the direction and degree of tension of the socio-political system of the state;

– the realization of the emergence of socio-political and broader geopolitical conflicts caused by the ignorance of socio-cultural diversity, which persists in the modern world is not so much due to the peculiarities of local social systems but to their degree of regionalism.

– the isolation of the self-determined states, their informational isolation, which, on the one hand, led to the preservation of the vestiges of the Soviet mentality of the population. On the other hand, it allows to form and reinforce a particular model of inter-ethnic interaction which guarantees a higher degree of tolerance in contrast to European multiculturalism.

The cultural and information space is a complex phenomenon, it reflects not only the status of socio-political system of the state, but also the dynamics of cultural and civilizational development of the modern world. Its complex structure and hierarchy of relationships are motivated by the from the system of organically inter-related components in each of the states. If the development of the state is

considered from the economic point of view, it is necessary to emphasize that the existence of unified economic laws is an objective reality that is difficult to change or adjust. This flexibility loses its importance in the political dimension of state relations, due to the emergence of various transnational political alliances, pursuing certain goals, sometimes polar in the global context.

The isolation of local social systems to a certain extent allows to resist to the global tendencies of depersonalization historical diversity of cultural and information spaces with a complex hierarchical structural and functional coordinate system of the studied phenomenon.

The systemic crisis, which inherents in practically all spheres of human activity, is caused by historical long-term consumer attitude to a planetary scale not only to the environment but also to the civilization development of the world community. Moreover, the consumer society transforms the traditional system for centuries of the approved values into catalysts of destructive socio-cultural processes. A standard set of dead-end ways of human development is associated with energy, environmental, food crises, overpopulation, the problem of international terrorism, the crisis of inter-state relations etc. In addition, the beginning of the XXI century the mass consciousness is assessed only as a period of instability in interstate relations. The United States and Russia, USA and Iraq, Georgia and South Ossetia, Georgia and Abkhazia, Serbia and Kosovo, Ukraine and Russia, the Arab-Israeli confrontation, the global financial crisis and other conflicts in the world community suggest that the system of international relations and the concept of civilizational geopolitical development need to be rethought.

In the context of democratic processes, the international community continues to demonstrate the lack of willingness and ability to solve the problems of interstate relations objectively. The international community still considers the prospects of their settlement only within the framework of a certain universal model. Numerous ethnopolitical conflicts which dynamics has brought in certain regions to formation of the states with the postponed foreign policy status became result of rash extrapolation of standard democratic standards on the weak states of

the former Soviet Union. The result of reckless extrapolation of the model of democratic standards on the fragile post-Soviet States has led to numerous ethno-political conflicts. Their dynamics had led to the formation of States with pending foreign status in some regions.

The success of global development in conditions of intense polarization and the increased tension of its political poles is largely dependent on the stability of the inter-state dialogues at the level of localization measurements, including the interaction of oppositional ideologies and the cultural and civilizational systems. The problems of cultural and civilizational compatibility in the prediction of the development of the human community is enhanced by the fact that in the framework of centripetal forces of states in political system of the world the activities of non-state actors is increasingly¹. The modern system of mass media is one of the most important elements of civilization development, ensuring an active process of public diplomacy, an adequate establishment of cultural and information space, requiring a comprehensive study of this phenomenon.

The analysis of scientific literature on the problems of cultural and civilizational development and technologization of nature of the individual and society in the modern geopolitical process, the inconsistency of the international legal system in regulating the rights and freedoms of peoples to self-determination, the transforming of identification system of the person, expressed in the usurpation of ethno-cultural identity in favour of an socio-political one, stipulate the necessity of theoretical and methodological study, and introducing into the scientific discourse the phenomenon of the cultural and information space. Besides, the analysis of legal documents, the results of sociological experiments, the content analysis of traditional and online media of states with pending foreign status required a deep theoretical understanding and formulation of the methodological foundations of cultural and information space, its understanding of both the global and local level.

¹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 7.

The degree of scientific development of the issue.

The information processes developing in the material world, wildlife and human society are in a varying degree studied by almost all scientific disciplines. The computer study and journalism are more engaged in a direct research of information, and these sciences pay special attention to fundamental properties of information: to novelty, relevance, theoretical plausibility, objectivity, completeness, value, etc. The unpredictability of political, economic and social processes are largely determined by the influence of powerful information in which the media act as one of the triggers of social consciousness and as the major factor affecting the development of cultural and information space. That is why the hypothetical social formation so called ‘the information society’ still does not find a clear definition in modern science, continuing to cause debates among domestic and foreign researchers.

Humanities regardless of its specific areas still prefer a separate discussion of the problems associated with the development of culture (cultural space) and information (information space), without paying due attention to the enhanced repeatedly effect of integration of these two phenomena of modernity. Indeed, in scientific literature the phenomenon of cultural and information space of modern states is reflected in fragments, and, as a rule, its interpretation is reduced to the identification of the separate components. Thus, in the course of multifaceted discussions various aspects of the information space continue to be debated by scientists of various fields of the humanities. From an economic point of view of D. Bell, V. L. Inozemtsev, I. Ya. Levyash² consider it as a resource for economic development in a consumer society. A. V. Lebedev, I. S. Melyuhin, A. V.

² Белл Д. 1) Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.; 2) Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342; Иноземцев В. Л. 1) За десять лет: к концепции постэкономического общества. – М.: Academia, 1998. – 528 с.; 2) «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 41–48; Левяш И. Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 153–163.

Shahbazyan³ try to understand the technological nature of the information space paying their attention to technological innovations and their impact on the dynamics of social process. Z. Bauman, O. N. Dolinina, K. Lesh, M. I. Makeenko⁴ and other representatives of political science evaluate the information space in the context of the struggle of political groups to control the information. Culturologists and sociologists E. V. Lystvyna P. K. Ogurchikov, A. Toffler associate the study of information space with the processes of social and cultural identity of the individual⁵.

Such scientists as S. N. Ikonnikova, M. S. Kagan, B. K. Malinovsky, E. A. Orlova, Yu. M. Reznik, V. M. Rozin, P. A. Sorokin, A. Toynbee, E. Tylor, L. White, A. Flier, O. Spengler, W. Eco and others devoted their work to the research of the phenomenon of culture and cultural space⁶.

³ Лебедев А. В. Информационные технологии в контексте гуманитарного знания // Материальная база сферы культуры. – 2000. – № 1. – С. 3–19; Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденция развития. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.; Шахбазян А. В. Информация как вид ценности в современном мире // Гум. и соц.-экон. науки. – 2006. – № 2. – С. 162–163.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.; Долиннина О. Н. Роль современных информационных технологий в формировании нового стиля управления // Соц.-гум. знания. – 2005. – № 1. – С. 155–168; Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос, 2002. – 220 с.; Макеенко М. И. Транснациональные медиакорпорации в начале XXI века: кризис управления масштабом? // Вестник Моск. гос. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 39–48.

⁵ Огурчиков П. К. Экранная культура и современное коммуникативное пространство // Гум. и соц.-экон. науки. – 2007. – № 2. – С. 113–116; Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 2003. – № 5. – С. 3–18; Тоффлер А. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

⁶ Зиммель Г. О сущности культуры / Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – С. 475–482; Иконникова С. Н. История культурологических теорий. 2-изд. – М.: СПб., Питер, 2005. – 474 с.; Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2-х т. – СПб.: Петрополис, 2003; Кребер А. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г. Вдовиной; послесловие В. Николаева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1008 с.; Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. И. В. Утехин. – 2-е изд. испр. – М.: Объединенное гум. изд-во, 2005. – 184 с.; Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.; Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. Вып. 1. – С. 198–218; Розин В. М. Введение в культурологию. – М.: Междунар. пед. акад., 1994. – 104 с.; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Рус. христиан, гуманит. ин-та, 2000. – 1054 с.; Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.; Тойнби А. Дж. Постыжение истории. Сборник / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.; Уайт Л. Наука о культуре. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.; Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Акад. Проект, 2000. – 458 с.; Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 640 с.; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с. и др.

The works of the Soviet scientific school are presented by such authors as V. E. Davydovich, Yu. A. Zhdanov, I. K. Kuchmaeva, E. S. Makaryan, V. M. Mezhujev and others. They examine the interrelationship of the general culture with social processes⁷.

The modern humanitarian science interprets these phenomena in the context of intercultural dialogue, environment space, society, communications, intelligence. Special attention in this direction deserves the works of A. S. Akhiezer, A. V. Babaeva, A. N. Bystrova, E. A. Klyueva, N. N. Kozlova, E. R. Leach, Yu. M. Lotman, B. V. Markov, M. Ya. Saraf, V. N. Toporov, and others⁸. Russian researchers E. G. Zinkov, O. P. Kolpikova, A. S. Stupina, A. A. Shishkina interpret the notion of «cultural space» in philosophical categories and consider it in the most diverse perspectives: spirituality, regional culture, a provincial city, a metropolis and even laughter⁹.

The problems of technogenic civilization and its influence on culture, mass communication, information and, more broadly, the national security are reflected in the works of Russian and foreign researchers (V. A. Achkasova, R. Aron, S. M.

⁷ Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д.: РГУ, 1980. – 264 с.; Кучмаева И. К. Культурное наследие: Современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – 173 с.; Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ – М.: Мысль, 1983. – 284 с.; Межуев В. М. Культура и история. – М.: Политиздат, 1977. – 199 с.; и др.

⁸ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.; Бабаева А. В. Современная западная философия о культурном пространстве // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. – СПб, 2001. – С. 27, 31; Быстрова А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 237 с.; Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 43–46; Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999. – 156 с.; Лич Э. Р. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.; Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.; Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. – № 4(6). – С. 15–19; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

⁹ Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 2006. – 291 с.; Колпикова О. П. Философско-культурное пространство смеха: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 135 с.; Ступина А. С. Культурное пространство провинциального города: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 274 с.; Шишкина А. А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 219–223.

Vinogradova, S. V. Volodenkov, A. V. Istyufeev, I. F. Kefeli, D. A. Krylov, G. S. Melnik, V. V. Mironov, B. Ya. Misonzhnikov, K. Kh. Momdzhyan, W. Rostow, E. L. Sadykova, R. M. Yusupov and others)¹⁰.

Such well-known western researchers as G. Almond, M. Weber, E. Viatr, S. Verba, A. Giddens, D. Easton, G. Lasswell, S. M. Lipset, V. Rosenbaum, L. S. Sanisteban, S. Huntington, M. Hermann, P. Sharan, R.-J. Schwarzenberg, S. Schelling¹¹, devoted their works to the study of culture and cultural space in political terms.

Among Russian researchers studying the problems of political culture and the cultural space of the modern state, we would like to note the works of V. S. Azhayeva, E. V. Ananieva, K. S. Gadzhiev, I. I. Glebov, N. D. Kosukhin, A. P.

¹⁰ Арон Р. Опиум интеллектуалов. – М.: АСТ, 2015. – 480 с.; Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015; Виноградова С. М., Руцин Д. А. V Международный форум «Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 181–183; Виноградова С. М., Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Массмедиа в информационно-психологической безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.; Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: Коллективная монография: 2-е изд., стереотип. / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. – 248 с.; Истюфеев А. В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 7. С. 58–63; Крылов Д. А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6; Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34–48; Момджян К. Х. Социальная Философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 400 с.; Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.; Степин В. С. История и философия науки. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.; Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1991. – 324 p.

¹¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–124; Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред., предисл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Вятр Е. Социология политических отношений / пер. с польск.; под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. – М.: Прогресс, 1979. – 463 с.; Гидденс Э. Социология: 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.; Липсет С. М. Политическая социология // Амер. социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 64–98; Санистебан Л. С. Основы политической науки / пер. с исп. В. Л. Заболотного. – М.: Владан, 1992. – 122 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.; Шаран П. Сравнительная политология: в 2-х ч. – М., 1992; Шварценберг Р. -Ж. Политическая социология: в 3-х ч. – М.: РАУ, 1992; Easton D., Schelling C. S. Divided Knowledge: Across Cultures, Across Disciplines. – NY: SAGE Publications, Inc., 1991. – 272 p.; Hermann M. G. Political Psychology. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 464 p.; Rosenbaum W. A Political Culture. – N. Y., 1975. – 181 p. и др.

Kochetkov, V. V. Makarov, A. S. Panarin, Yu. S. Pivovarov, A. I. Podberezkin, O. V. Rukavishnikov, B. S. Starostin, V. A. Sidorov, E. B. Shestopal, V. A. Shchegortsev and others¹².

The study of the phenomenon of the cultural and information space of modern states led scientists to the necessity of the development of the fundamental foundations of the space-time continuum, which are reflected in the works of B. C. Bibler, D. Bidney, P. Bourdieu, V. Windelband, G. D. Gachev, B. Humboldt, E. Husserl, M. S. Kagan, C. B. Lurie, B. C. Stepin, M. Heidegger and others¹³.

Within the institutional analysis the text of the dissertation research focuses on the theoretical ideas of A. V. Abramov, G. Adams, G. Almond, V. A. Achkasova, D. Barkin, S. S. Bodrunova, T. Veblen, D. P. Gavra, Kh. A. Gadzhiev, R. Dalton, T. F. Zhuchkova, P. J. DiMaggio, K. Deutsch, Yu. V. Irkhin, D. Commons, L. Martin, R. M. Nureyeva, T. Parsons, W. Powell, D. Powell, A. S.

¹² Ажаева В. С., Ананьева Е. В., Гаджиев К. С. и др. Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К. С. Гаджиев. – М.: Интерпракс, 1994. – 158 с.; Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой российской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 33–44; Косухин Н. Д. Современные идеологические системы. – М., 1999. – 120 с.; Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: Университет, 1999. – 320 с.; Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Ин-т филос. РАН, 1995. – 262 с.; Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.; Подберезкин А. К., Макаров В. В. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. – М.: РАУ, 2000. – 168 с.; Российская политология / отв. ред. П. И. Симуш. – М.: ОП РАГС, 1995. – 400 с.; Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.; Сидоров В. А. Политическая культура журналиста. – СПб.: Петрополис, 2010. – 240 с.; Шестопал Е. Б. Личность и политика. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.; Щегорцов В. А. Политическая культура: модели и реальность. – М.: ИНИОН : Ин-т молодежи, 1990. – 171 с. и др.

¹³ Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16–57; Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 385–420; Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматько. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.; Виндельбанд В. Философия культуры. Избранное. – М.: РАН, 1994. – 350 с.; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Сер.: Технологии культуры. – М.: Академический Проект, 2007. – 512 с.; Гумбольд фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.; Степин В. С. Философская мысль в динамике культуры (Поиск мировоззренческих ориентиров) // Философия и культура: Сб. к 60-летию В. А. Конева. Самара, 1997. – С. 19–35; Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. – Чита: Поиск, 1999. – 160 с. и др.

Puyu, V. N. Snetkova, K. Strom, N. A. Fomina and others¹⁴. Structural and functional analysis presented in the dissertation research in the process of describing political and public institutions as well as the activities and functional range of mass media is disclosed in the works of G. P. Artemov, I. A. Vasilenko, D. P. Gavra, L. P. Gromova, L. R. Duskeyeva, M. N. Kim, Yu. V. Klyuev, V. I. Konkov, S. G. Korkonosenko, M. E. Kudryavtseva, N. S. Labush, B. Malinovsky, G. S. Melnik, B. Ya. Misonzhnikov, S. A. Mikhailov, S. B. Nikonov, E. G. Ponomareva, V. A. Sidorov, P. A. Slutsky, L. V. Smorgunov, I. D. Fomicheva, I. P. Yakovlev and others¹⁵.

¹⁴ Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятия // *Власть*. 2010. – № 5. – С. 53–55; Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 537 с.; Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // *Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия* / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62; Гавра Д. П. Социальные институты // *XServer.ru* // <http://www.xserver.ru/user/sozin/>; Гаджиев Х. А. Политические институты: институциональный и неинституциональный подход // *Власть*. – 2015. – № 7. – С. 134–140; ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 34–56; Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма // *Искусство управления*. – 2014. – № 2. – С. 63–71; Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 352 с.; Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2010. – 415 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.; Снетков В. Н., Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125; Снетков В. Н., Фомина Н. А. Критерии классификации унитарных государств // *Науч. техн. ведомости С.-Петерб. гос. политехн. у-та. Серия Гуманитарные и общественные науки*. – 2011. – С. 36–42; Barkin J. S. International organization: theories and institutions. Palgrave Macmillan, 2006. P. 27–41; Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // *The American Political Science Review*. – Vol. 55. – № 3 (Sep., 1961). – P. 493–514; Martin L. An Institutionalist View: international institutions and state strategies / *International order and the future of world politics* / edited by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – 421 p. и др.

¹⁵ Артемов Г. П. Политическая социология. – М.: Логос, 2002. – 280 с.; Василенко И. А. Современная российская политика. – М.: Юрайт, 2015. – 488 с.; Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 53–77; Государственная политика и управление. В 2 ч. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 384 с.; Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2013. – № 3. – С. 154–163; Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // *Медиалингвистика*. – 2014. – № 1(4). – С. 5–15; Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // *Вестник С.-Петерб. ун-та. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. – 2006. – С. 119–123; Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – 482 с.; Коньков В. И. Динамика диалогичности в печатных текстах СМИ / *Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога* / Сборник материалов

To solve the problems of forming a regional image of states with postponed foreign policy status, we have attracted the results of research in the field of state information policy, political communications, marketing, brand and image approaches, which are presented in the works of L. V. Bondareva, I. A. Vasilenko, M. S. Vershinin, D. P. Gavra, E. A. Galumova, M. N. Grachev, V. G. Kismershkin, T. S. Melnikova, I. Ya. Rozhkov, A. I. Soloviev, R. Hakfeld, A. V. Manoilo, Yu. A. Nisnevich, I. N. Panarin, A. P. Pankruhin, V. D. Popov, A. S. Savitskaya, A. I. Solovyov, Yu. V. Taranova, A. N. Chumikov and others¹⁶.

международной научно-практической конференции. М.: МедиаМир, 2015. – С. 95–97; Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 308 с.; Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. М.: Логос, 2010. – 247 с.; Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. – Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24; Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 18–28; Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. – № 8. – С. 53–68; Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 19. Вып. 4. – С. 187–192; Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 446 с.; Политическая журналистика / под ред. С. Г. Корконосенко. – М.: Юрайт, 2015. – 319 с.; Пономарева Е. Г. Современная Россия. Политические отношения и политические институты. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 652 с.; Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 211–216; Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. – 421 с.; Стратегические компоненты имиджа // Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – 264 с.; Фомичева И. Д. Социология СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 335 с.; Яковлев И. П. Современные теории массовых коммуникаций. – СПб.: Роза мира, 2004. – 94 с. и др.

¹⁶ Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.; Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66–78; Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. – 253 с.; Гавра Д. П. 1) Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – С. 3–17; 2) Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22; Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. С. 187–196; Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.; Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003. – 446 с.; Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник РУДН. – Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 24–39; Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – 24 с.; Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер,

The problems of cultural and information development of states with postponed foreign policy status are often the subject of scientific discussions within the framework of speeches, reports, articles. Much less often this direction is presented in the form of independent scientific works, dissertations. In most cases, studies on the problems of self-determined states boil down to a historical, ethnic, linguistic and cultural dimension¹⁷. In the field of linguistics, it is worth mentioning the work of E. A. Pogorelaya, in the field of sociology the of E.M. Bobkova, in history N. the work of V. Babilunga, B. G. Bomeshko, E. M. Guboglo, P. M. Shornikov and other scientists¹⁸, who have already tried to trace the genesis of the conflict, to comprehend various aspects of the problem of establishing a common state, taking into account the linguistic features of the population of the Republic of Moldova and Pridnestrovie.

The scientific novelty of the issue.

The theoretical and methodological research of the cultural and information space of states with postponed foreign policy status, the peculiarities of its formation, development prospects, and approaches to its diagnosis and monitoring allowed the author to give a comprehensive assessment of the ontological potential

2006. – 416 с.; Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. Страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 256 с.; Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ : дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – 210 с.; Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – № 3. – С. 5–18; Таранова Ю. В. Формирование имиджа Региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 113–126; Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2010. – 262 с.; Чумиков А. Н. Связи с общественностью. – М.: Дело, 2000. – 272 с. и др.

¹⁷ Харитоновна Н. И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 268 с.; Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 190 с. и др.

¹⁸ Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 4–16 Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь, 1998. – 96 с.; Бобкова Е. М. Специфика социализации молодежи в условиях Приднестровья: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 180 с.; Губогло Е. М. Приднестровский конфликт и постконфликтный синдром // Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – 356 с.; Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика (русский язык в Приднестровье): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 444 с.; Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.). – Тирасполь, 2003. – 448 с. и др.

of the studied phenomenon and to introduce it as an actual category into orbit modern political scientific thought.

In this issue, the phenomenon of «cultural and information space» was first presented as a peak in the spatial hierarchy, the basis for the development of modern states, an objectively existing multidimensional system fundamentally different from the artificially created socio-political space.

The novelty of the research is that:

– the phenomenon of the cultural and information space of self-determined states is conceptually substantiated and actualized, at different stages of historical development this phenomenon is characterized by unique components of a functional and institutional nature due to the lack of legal personality in the framework of international law as well as the polyethnic organization of the society that can act as a unique alternative to an inconsistent concept European multiculturalism;

– new approaches to overcoming the deep problems connected with the integration into the world information space of states with postponed foreign policy status are proposed, the cultural and information space which develops in the context of the special identification discourse of the modern personality, allowing not only to maintain a consolidated sense of regionalism, but also to resist negative trends in globalization ;

– it is proved that the allocation of the institutional or functional dimension as a priority for development and influence on the dynamics of the cultural and information space determines the informational isolation and apartness of the state, or its openness and integration into the international information space;

– for the first time the processes of information positioning of self-determined countries of the post-soviet world are shown in the context of the dynamics and peculiarities of their cultural and information spaces as well as political systems characterized by an invariant foreign policy of the state and the internal political variability of society;

– a significant amount of data of the Pridnestrovian media system are introduced into the scientific circulation, which was not previously described in the theory of journalism and mass communication; the materials of the Pridnestrovian mass media are firstly introduced into the orbit of the scientific discourse, which had a noticeable impact on the model of state development and the degree of sociopolitical transformations of the Pridnestrovian society during the presidential elections of 2011 and 2016;

– in the process of empirical analysis of specific data not only the natural actualization of the network media and the social nature of moderating their information flows, but also the natural role of the rudimentary catalyst of the centrifugal processes of traditional media of states with postponed foreign policy status is shown.

– in the research within the framework of political science analysis, existing conceptual and terminological variations of the category of cultural information space are specified and clarified, which allowed to substantiate the proposed matrix approach to the conceptual assessment of mass and elitist models of reflecting social reality and to determine the degree of their convergence;

– the patterns of functioning and peculiar features of the development of the components of the regional media system as well as effective media technologies used in both traditional and networked media to diagnose the cultural and information space as the main condition for the sustainability of the development of states with postponed foreign policy status are revealed.

The results of generalization of a large volume of statistical data and the sociological experiments of traditional and online media conducted by the author prove the adequacy of theoretical and methodological conclusions and reasoning.

The goal of research is to substantiate and actualize the phenomenon of the cultural and information space, the matrix approach to the conceptual assessment of its condition in states with postponed foreign policy status in the context of the influence of their media component.

The object of research is the cultural and information space of modern state formations as a political phenomenon.

The subject of research is the matrix of the cultural and information space as well as the role of the media component and the media function of states with postponed foreign policy status.

The following tasks which guarantee the realization of the stated goal of research are solved in the work:

1. To investigate the institutional and functional components of the modern state, defining the actually existing and potentially necessary dominant in their hierarchy in order to determine the nature of the ranking of tactical and strategic priorities in the socio-political development of states.

2. To determine the dependence of the effectiveness of the development of the cultural and information space of the states with postponed foreign policy status on the static nature of the political process and the reactivity of political elites, the information isolation of power and society, the degree of conflict in society and the crisis of mass consciousness.

3. To identify the contradictoriness and conjuncture of the international practice of recognizing the priority of the will of the state and territorial integrity over the people's right to self-determination as well as assessing the impact of these international legal conflicts on the positioning of states with postponed foreign policy status in the global information space.

4. To reveal the dependence of the modification of the algorithm perception of information flows by the audience on the degree of crisis mass consciousness and involvement in the interstate political conflict.

5. To analyze the system-structural organization of the cultural and information space, revealing the degree of its influence on the quality and dynamics of social communicative processes in a multi-ethnic Pridnestrovian society.

6. To substantiate the need to create and monitor the state's matrix of the cultural and information space as an indicator of the adequacy of interaction

between government and society, the indicator of stability or tension of the state's social and political development.

7. To diagnose ideological, activity, socio-cultural, psychological, material and demographic factors and statuses in the system of «elite – mass audience» of self-determined states from diachrony to synchrony.

8. To formulate the necessary and sufficient condition for international recognition of states with postponed foreign policy status, having studied the specific features of the influence of western and domestic media on the audience in the context of stereotyping mass consciousness and attributing labels to certain territories.

The hypothesis of research. States with postponed foreign policy status, polyethnic by their nature are a phenomenon of the modern geopolitical coordinate system, since they form a special type of cultural and information space in which the mass media not only realize the integration potential (mobilization, consolidation), but also contribute to the formation of such an identification discourse of modern personality, which is dominated not so much by ethnic and religious as by regional and political identity.

The methodology of dissertational research.

The phenomenological nature of the research predetermined the necessity for an integrated approach that allows us to analyze the category of cultural and information space, taking into account its multidimensionality, ambivalence of links and the complexity of a multi-level institutional and structural-functional hierarchy whose elements can simultaneously act as both defining and definable.

It is necessary to emphasize the main methods used in the research, firstly, the comparative-historical and dialectical, which allowed us to consider socio-political phenomena, their evolution as well as to identify the cause-effect relationships and forecasts of the prospects for the development of the cultural and information space of the state and society in the context of their civilizational paradigm.

Secondly, institutional, including descriptive and formalized methods that contributed to broadening the notion of political processes and systems of states with postponed foreign policy status, the role of state and non-state institutions in the development of the cultural and information space, which made it possible to identify the general and particular in the interrelation of certain ideological doctrines with a corresponding stage in the development of states with postponed foreign policy status.

Thirdly, the structural and functional method that allowed to get a comprehensive picture of the peculiarities of the formation of states with postponed foreign policy status due to the isolation of structuralism for describing stable social structures and the role of state and non-state actors in the development of the state and society as well as functionalism for identifying cause-effect communication and forecasting of the reactions of the cultural and information space to changes in the hierarchy of public-state relationship.

Fourthly, methods of applied sociology that made it possible to clarify the dependence of the status of the cultural and information space on the peculiarities of the political and economic situation, the influence of sociocultural processes that are taking place in society on it.

In addition, the theoretical and methodological framework includes a set of such interdisciplinary and general scientific methods of cognition as analysis, synthesis, generalization, comparison, the combination of which allowed us to identify the complexity and ambiguity of the studied issues, to realize the potential of the system approach, and to determine the peculiarity and main trends of development of the cultural and information space of modern states in the context of interaction between the state and civil society.

In the framework of the studied problem, the methods of empirical analysis are also used: observation, analysis of statistical data, content analysis of traditional and network media materials, regulatory documents, analysis of independent sociological research results, and expert surveys, annually (2011–2016) held by the Department of Journalism of the Faculty of Philology and the

Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences of the T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Depending on the year of the sociological survey, the sample size varies from 1200 to 1500 respondents, while the statistical error for the aggregate array is within 3–5%. In 2012 and 2016 years expert surveys were conducted in which about 100 informants responded to questions concerning the assessment of the state of the cultural and information space. The number of experts included the heads of the Presidential Administration, members of the Pridnestrovian Government, deputies of the Supreme Council of PMR, representatives of the scientific community of South Ossetia, Abkhazia and Nagorno-Karabakh. The selection of experts was carried out in accordance with the level of general understanding of the problem as well as on the principle of professional competence in this field. The statistical error does not exceed 5%. Methods of processing sociological information included a logical-professional analysis as well as a method of statistical processing of quantitative data.

The empirical basis of research is:

– materials of printed and networked media, archives of printing enterprises of Pridnestrovie as well as materials of state unitary enterprises «PMR Post», «Pridnestrovskaya Nespaper», «Pridnestrovian State TV and Radio Company», etc.;

– data from sociological experiments conducted by the author in urban and rural areas of Pridnestrovie as well as in the contiguous territories of Ukraine in 2011–2016;

– texts of the legislative framework of Pridnestrovie in the field of media, information and informatization;

– official documents concerning the legal basis for the formation of a modern information sphere and a unified state information policy, which are within the competence of the State Media Service of the PMR;

– materials of the 1989 census, 2014, micro-censuses of 1991–1994 and departmental statistics of the region.

The following provisions should be protected:

1. The activity of public institutions of states with postponed foreign policy status until recently was largely determined by state structures and directly depended on the interests of national policy, expressed in direct or hidden control, certain preferences and / or restrictions. Currently, the situation is changing in the direction of liberalization of the activities of public organizations, including the media, although up to now in most cases officially registered independent media in practice is an informational project sanctioned by the state. In this regard, any information message is interpreted by the audience in the context of a set of formed stereotypes, manipulation of which can greatly simplify the process of promoting a particular state idea.

2. The government and public institutions of self-determined states are internally mobilized to solve basic foreign policy tasks, i.e., international recognition, and this principle is not so much a dominant as a constant in the development of states that has received a new impetus in the network environment. The leading place in this development was occupied and is occupied by public institutions, which caused the backlog of the state system, which uses traditional media and local audiences as information guides, to promote ideas of independence; the political elite of self-determined states, without using the possibilities of network communication, is in the role of an outsider in comparison with the masses. In this respect, the formula: the elite – the time, the masses – the space acquires the opposite sound.

3. From the historical and political-philosophical point of view, the principle of the right to self-determination has a higher priority than the principle of respect for territorial integrity. The difference between the denotative and connotative meanings of the concepts «law» and «principle» still stimulates an active discussion in both western and domestic political science, leaving the question of the priority of the will of the state over the rights of the people in the case of the principle of territorial integrity, or the priority of the will of the people over rights

state in the case of the right of the people to self-determination in the plane of political philosophy and political axiology.

4. In self-determined states, crisis mass consciousness affected the algorithm of information perception. On the one hand, the emotional component, permanently dominating the rational, is more likely to inspire confidence among the population. It happens not so much due to the high degree of authority of the local government as against the information flows of opponents. On the other hand, deliberate discussion of certain problems in the development of the foreign policy can lead to a leveling of the cultural meanings of the disseminated information, which over time will positively affect the cultural and information space in terms of its emotional stability and sustainable development.

5. Detonation of the internal political situation in self-determined states is almost impossible due to a single and permanent foreign policy vector of development. However, the active usage of the levers of the idea of state security and the information concept of independence, which in diachrony made it possible to form a special cultural and information space for self-determined states, in synchrony they may negatively affect the consolidation of mass consciousness.

6. The matrix of the condition of the cultural and information space of states with postponed foreign policy status allows to take into account its essential characteristics due to the diversity of social (supra-ethnic) identities and their natural coexistence as a reaction to the ethnocentric policy of the metropolitan countries. Self-determined states, polyethnic by nature, devoid of problems of ethnocentrism and competition of ethnosets represent a fundamentally new quality of communities that are simultaneously open for integration into the global world community and are protected by a special axiological system reflecting a higher degree of tolerance. Diagnostics of socially significant factors and statuses will allow us to comprehend the unique conditions for the parity development of the cultures and ethnosets of the multiethnic community, which, unlike the concept of European multiculturalism, increase the opportunities to fit into the global cultural

and information space due to the parallel integration processes in several cultural areas.

7. Analysis of socially significant factors and statuses in the matrix of the condition of the cultural and information space of self-determined states makes it possible to identify its modernization due to the purposeful actualization of the marginal identity. In states with postponed foreign policy status, the foundation of the cultural and information space is the preservation of the current system of socially conditioned identities of the population against the background of an increase in the number of information channels and a decrease in the role of traditional media. The stable development of states with postponed foreign policy status can be guaranteed provided that the processes of sociocultural stratification are balanced in the «elite-mass audience» system through a network communication that promotes the development not only of an ethnic, but of a regional and broader multi-dimensional identity of a particular individual.

8. The experience of partially recognized states in recent history suggests that the necessary condition for the recognition of self-determined states can be the equalization of integration processes in both the Russian-speaking and the English-speaking segments of the global network. At the same time, a sufficient condition for the recognition of their independence should be the multiple activation of the resource development process of the English-speaking segment of the global network. The peculiarity of the Pridnestrovian society lies in its pro-Russian, pro-Slavic, «east» orientation, and therefore the preservation of the existing vector of state development is possible only if the public sector is integrated into the natural Russian-speaking environment and the state institutions into the necessary English-language one. Only in this case is it possible to strengthen the socio-cultural unity of the Pridnestrovian society, its value system in parallel with the promotion of their own ideas, positions, ideals and brands in the west.

The theoretical significance of the study is following:

– the nature and essence of the phenomenon of cultural information space is revealed on the basis of a system analysis of modern concepts of communication

theories, political science, extensive empirical material. The information development trends of self-determined states developing in crisis social consciousness are also studied. Such an approach made it possible to derive a formula for information impact on the cultural field of the individual, excluding his deformation and leveling to the level of mass character;

– the multidimensional correlation of the effectiveness of the information impact on mass consciousness is detected. Also, the intensity of state regulation of these processes, the degree of crisis of mass consciousness and the quality of the reproduction of the information broadcasted by the media in the context of the theory and practice of the information policy of states whose society is experiencing post-conflict syndrome is revealed;

– it is theoretically proved and experimentally confirmed that in the conditions of crisis public consciousness, mass information, replicated by the media, is characterized by positive tendencies with respect to value content (due to the hypostatized role of the state in the information sphere) and negative – with respect to the way out of this crisis (due to the discrepancy of time frames for overcoming crisis in the social and state consciousness);

The practical significance of the research is the following: the results obtained in the course of the research can be used as the basis for the concept of a unified information policy of states, the long political and legal uncertainty of which determines, on the one hand, stagnation in the development of state-owned media, their stereotyping and discrepancy in the dynamics of sociocultural processes, provoking the rejection of the information policy of the media, deformed by the repeatedly intensified influence of the state, but ensuring in general its information. On the other hand, the long political and legal uncertainty of the states determines the stability of the functioning of modern communication technologies in the state, the development of which is determined by the degree to which certain types of media are in demand. For the first time, a vast empirical material of the media and regulatory foundations of the information law of self-determined states, the results of sociological research and expert surveys on the

problems of determining the optimal period of active reaction of the audience of self-proclaimed states to the model of reality offered by the state media is presented. Also, the limit of circulation of this model in the mass consciousness, guaranteeing convergent processes is found.

In addition, the conclusions and recommendations formulated in the dissertation study can be used in the development of laws and other normative acts related to the functioning of the media in Pridnestrovie. The research materials can be used in the educational process of higher educational institutions in the course of teaching sociological, economic, psychological disciplines in the specialty «Journalism».

The approbation of the work. According to the main thesis, the author has 50 published works: two monographs, two textbooks and articles in journals and collections of scientific conferences. 15 articles were published in the reviewed editions recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. One scientific article was published in English and one in Polish. The results of the dissertation research are presented at international scientific conferences in Moscow, St. Petersburg, Ryazan, Stavropol, Tiraspol, and Cherkassy (Ukraine). The main provisions of the work have been tested in the T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University within the teaching of educational disciplines «Modern Media Systems», «Journalist in Extreme Conditions», «Content Analysis of Political Media Texts», «Information Law and Intellectual Property».

The issues related to the dissertation research were discussed at the Department of Journalism, Faculty of Philology, PSU. T. G. Shevchenko and the Department of Public Relations in Business of the Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University.

Chapter 1.

**THE STATES WITH THE POSTPONED FOREIGN POLICY STATUS:
THE NATURE, CHARACTERISTICS
AND POLITICAL AND LEGAL ADJUSTMENT**

There are four republics on the post-Soviet territory more than twenty five years de facto exist but till now de jure they are not recognised. Despite acknowledgement of Abkhazia and South Ossetia as the independent states by Russia in 2008 till now is disputable their international status and, accordingly there are actual problems of positioning of these republics as political subjects of international law. The development of these states is in a greater degree integrated to the problems of foreign policy and necessity of constant mobilisation of information resources for upholding of own national ideas.

«The postponed status» separated territory in modern international law is interpreted as possibility to postpone the decision of the question connected with determination of the definitive, constant status before origin of adequate political realities. Being the tool of politiko-legal settlement for the separated territory, the postponed political status warrants to both parties full save of the positions. At the same time relations between direct participants of the conflict are regulated by agreements and arrangements of local application which grow out of steady and long negotiating process of both parties¹⁹.

It should be noted that many states of the world, having arisen as «separative», «unrecognized» had in the history a stage of «the postponed status». The USA, for example, waited for the acknowledgement of 100 years, Norway and Portugal – 80 years.²⁰

¹⁹ Отложенный статус отделившейся территории. Справка URL://
<https://ria.ru/spravka/20080314/101341602.html> (дата обращения 03.01.18 г.)

²⁰ Грек И. Судьба Республики Молдова в руках Комрата? URL:<http://enews.md/articles/view/2790/> (дата обращения 03.01.18 г.)

The character of «the postponed status» had also Khasavyurt agreements 1996 in a modern Russian history. The unrecognized states on the post-Soviet space are also discussed the possibility of transformation of the non-recognition in «the postponed status», considering it as a stage on a way of acknowledgement of the independence by the world community.

According to the political scientist S. M. Markedonov, the concept «the postponed status» can be considered in two measurements²¹. The first one of the term follows from a political basis, and, despite plurality of interpretations, is considered not only as «the tool for secession» in a context of development of metropole, but also as a method of high legitimation of the self-determined republics, or even as their fact of «partial acknowledgement». The second measurement of concept of the postponed political status is associated with necessity of the objective, without emotional accents, politological identification of the territories which were not recognised by the world community, but possessing all attributes of the power. The given problem is represented especially actual against forming and preserving of steady stereotypes concerning the self-determined state in space of the former USSR. They are frequently associated with black holes, criminal enclaves, illegal trade and illegal migration²².

It should be noted that most authors agree with the opinion that, despite the absence of the status of the subject of international law, all the republics with deferred political status have all the attributes of state power, their own political, financial-economic, educational and information system. Functioning of the state and public institutes in republics with the postponed political status actualizes this «postponing» exclusively in the context of their interaction with external actors and geopolitical processes.

²¹ Маркедонов С. М. Возвращение к отложенному статусу. URL: <http://polit.ru/article/2008/03/24/econom/> (дата обращения 03.01.18 г.)

²² King Ch. Eurasia's Nonstate States // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eurcr10&div=48&id=&page=> (дата обращения 03.01.18 г.); King Ch. The Benefits of Ethnic War. Understanding Eurasia's Unrecognized States // World Politics. – 2001. – July. – № 53. – P. 524–552; Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States. – Washington DC: USIP, 2004. – 171 p.

Pridnestrovia among the other countries fighting for international recognition is a unique case when no ethnic group can claim a leading role. It is the pridnestrovian phenomenon, its special mental matrix and identification discourse that allowed the republic not only to resist foreign political pressure for more than a quarter of a century, but also to form during this time a special type of multiethnic state. Its sociocultural community excludes any forms of intolerant interethnic interaction, negative perception of another ethnic culture through its own superpositive perception.

1. 1. The norms of international law and the problem of states with postponed foreign policy status

The coordinate system of the modern world periodically undergoes certain quantitative and qualitative changes, the most significant of which in the foreseeable past were associated with the disintegration of the socialist camp, the formation of the independent states on the territory of the former USSR, which forms the so-called post-Soviet space.

The bipolar world as the main dominant of the 20th century, the main principle of which was the dependence of international relations on two opposing ideologies, ceased to exist²³. Russia, which became the successor of the USSR, did not keep the geopolitical balance. Modern states are in a situation of intense information confrontation. They started the struggle for the possibilities of communication influence on the public consciousness, the access to the «molecular core» of the national consciousness for the destruction of traditional value-semantic reference points, the introduction of beneficial stereotypes, attitudes, models of ideas about the global socio-political reality become the key in modern

²³ Лукьянов В. Ю. Перспективы XXI века: от биполярности к многополярному миру // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2001. – № 2. – С. 57.

political practice²⁴. The bias of global politics and its shift towards a unipolar world caused a number of problems related to international law.

The current international norms governing interstate relations not only testify their complexity, but also reflect the inconsistency of certain provisions laid down in the modern international legal system. The processes of globalization predetermined the emergence of a new problem sphere, the influence in which is the cornerstone of the national interests of the main actors of the world. The demarcation of influence zones and, more broadly, the polarity of the world policy are the basic concepts of building international relations in order to preserve the harmonious development of human civilization in all its dimensions.

Considering the abundance of international acts, it is necessary to emphasize the parallelism of their certain of provisions, which in general can be represented in three ways:

– the principles that form the provisions about the equality of subjects of international relations (in the Charter of the UN this principle is formulated as follows: «The Organization is based on the principle of the sovereign equality of all its Members» (Article 2, § 1), the principles manifest itself in provisions about the equality and the right of peoples to dispose of their destiny, cooperation between states, voluntary fulfillment of obligations under international law, immunity, reciprocity and non-discrimination²⁵). In accordance with the principles of this category, the state can not be subordinated to the legislation of any other country (legal immunity), its representatives have the right of inviolability in the territory of another state (diplomatic immunity). In addition, the equality of obligations in specific areas of interaction is guaranteed, and a so-called negative obligation is manifested, according to which rights or benefits recognized by one subject of international law should be guaranteed to another;

– the principles that ensure the independence of states (non-interference, inviolability of borders, territorial integrity);

²⁴ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 35.

²⁵ Martin P.-M. Introduction aux relations internationales. – Toulouse, 1982. – P. 107–111.

– the principles aimed at the peaceful settlement of interstate contradictions (nonuse of force or threat of force, peaceful settlement of disputes, respect for human rights)²⁶.

At the present stage, the role of interstate and international non-governmental organizations in international political development is directly proportional to the status on the international scene of the states-participants. Interstate organizations manifest themselves in two ways – on the one hand, forming a field of cooperative or conflict interaction between member states, on the other – acting as specific international operating forces. Thus, they influence the dynamics of the development of international relations independently. At the same time, there are more international non-governmental organizations than interstate ones, and there has been a steady tendency to increase the number of the first one over the years. In this case the international non-governmental organizations can be considered as elements of the emerging global civil society.

The severity of the problem of cultural and civilizational compatibility in forecasting the development of the human community is strengthened by the fact that within the state-centered political world system, the activities of non-state actors are becoming more active, including non-governmental international structures, religious organizations, etc.²⁷

The problems of private interpretation of international norms, the directive and peremptory distribution of one of the global superpowers of their own national rules of law to all states, their practical use as international documents led to the escalation of the international situation²⁸.

The accumulated problems intensify the protest on the part of states that have no relation to the system of Western values, professing democratic principles

²⁶ Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений: учеб. пособие. – М.: Радикс, 1994. – С. 156.

²⁷ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 7.

²⁸ Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. – Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

and norms different from the Western ones, imposed by the United States in the modern countries of the former USSR and the countries of the Middle East by initiating all sorts of «velvet» or «color» revolutions²⁹. In this regard, the restoration of the bipolarity of the geopolitical system would allow solving a number of urgent problems of international law, proceeding from the principles of objectivity and equal rights for all subjects of international law. That is why the important characteristic of the modern system of international relations is the significant changes in the geopolitical landscape that led to the shift of the world's potential to the East³⁰. If the Russian Federation, in some Western researchers' opinion, is trying to take the place of a superpower³¹, then, we believe, not so much to demonstrate its own «imperial» ambitions, as to counteract the players with the hypertrophied feeling of the world gendarme and host.

In this regard, the opinion of the Russian political scientist S. Markedonov that the modern system of international law has lost its effectiveness, being frankly ignored. Therefore as a result, the number of geopolitical conflicts is growing in the world, and a fierce information war is being fought. Therefore, the question of reforming the system of international law, the development of new criteria for the recognition of states becomes more urgent³². The mere fact of the existence of the problem of so-called states with postponed foreign policy status points to the conscious refusal of leading world players to apply the existing system of principles of international law³³.

One of the most important problems of modern geopolitics is the inadequacy of the right of peoples (nations) to self-determination according to the principle of

²⁹ Бозиев А. Т. О праве наций на самоопределение в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 33.

³⁰ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 6.

³¹ Штюмер М. Путинская Россия стремится снова стать великой державой / Die Welt, Германия // <http://inosmi.ru/world/20131114/214768429.html> (дата обращения 17.02.17 г.).

³² В Тирасполе прошел круглый стол «Непризнанные: как реализовать право народа на самоопределение?». URL: <http://www.eurasian.su/news/v-tiraspole-proshel-kruglyy-stol-nepriznannyye> (дата обращения 17.03.17 г.)

³³ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. – 176 с.

territorial integrity. Both norms are fixed in the doctrine of international law, national legal norms, but they are realized in most cases on the basis of certain preferences within the framework of Western ideology.

The principle of territorial integrity, along with the principle of inviolability of state borders, was fixed in the Charter of the United Nations in the summer of 1945 after the end of World War II, after which eagerness to redivision of state borders subsided. However, it received a relatively complete expression only in 1975 at the Helsinki meeting, that is, fixed in his final act. Prior to this, this principle was not universally accepted, on the contrary, the whole real history was based on a permanent change in the boundaries of existing states.

This norm was further developed in the Declaration of Principles of 1970³⁴, which reflected many of its elements, including the inadmissibility of any actions aimed at violating the national unity and territorial integrity of any state. Thus, the content of the first principle of the Declaration verbatim reproduces word for word of paragraph 4 of Art. 2 of the UN Charter, which combines the principle of non-use of force or threat of force and the principle of territorial integrity of states. Elements of the principle of territorial integrity are reflected in the following formulation: «states shall refrain in their international relations from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of any State or in any other manner inconsistent with the purposes of the United Nations». It was also noted that «the territory of a State shall not be the object of military occupation resulting from the use of force in contravention of the provisions of the Charter» and that «the territory of a State shall not be the object of acquisition by another State resulting from the threat or use of force».

The right of peoples to self-determination began to form at the turn of the XIX–XX centuries, and in the view of the Social Democrats it meant only the recognition of this right and its declarative recognition. It should be noted that all the unification wars of the past five hundred years have been in the general line of

³⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. // Текст резолюции опубликован в сборнике «Действующее международное право». – Т. 2.

the creation of national states and have been a kind of reflection of the process of the self-determination of nations with the aim of uniting the territories they are populating and leaving them from other state formations. As a mandatory rule, this principle was formed after the adoption of the UN Charter, which indicates one of the most important goals of the UN is to develop friendly relations among nations based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples...» (Article 1, paragraph 2). It is concretized in many provisions of the Charter. In Art. 55, for example, in the tasks of raising the standard of living, solving international problems in the economic and social fields, in the areas of health, education, culture, observance of human rights, etc. It can be argued that the right of peoples to self-determination is not a situational the actual state of affairs throughout history: the peoples at a particular stage of their development entered into a struggle for one form or another of state-political self-determination.

Analyzing the provisions of the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights, it should be noted that self-determination means «...freely determine their political status and freely pursue their economic, social and cultural development»³⁵. In addition, the document states the implementation and protection of the principles and purposes of the Charter, including the principle of equal rights and self-determination of peoples must be forseen, writing the Covenant. A number of provisions of the Universal Declaration of Human Rights are directly related to the right to self-determination ... If this right is not included in the Covenant, it will be incomplete and ineffective³⁶.

For some time after the adoption of the UN Charter in the West, doubts were expressed about the legal basis for the principle of self-determination of peoples. However, the intensive process of decolonization in the late 1950s and early 1960s and the adoption on December 14, 1960 of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples put an end to such doubts. The

³⁵ Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи / Право народов на самоопределение: идея и воплощение / сост. А. Г. Осипов. – М., 1997. – С. 12.

³⁶ Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. – Нью-Йорк, 1981. – С. 5.

Declaration began to be regarded as an official interpretation of the UN content of the principle of self-determination of peoples. Its content was disclosed more fully in the Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the the Charter of the United Nations of October 24, 1970: «the establishment of a sovereign and independent State, the free association or integration with an independent State or the emergence into any other political status freely determined by a people constitute modes of implementing the right of self-determination by that people»³⁷.

Various UN resolutions directly or indirectly repeatedly stressed the right of States and the international community as a whole to provide assistance to the peoples fighting for their liberation. So, in Art. 7 «Definition of aggression», approved by the UN General Assembly on December 14, 1974, states: «Nothing in this Definition could in any way prejudice the right to self-determination, freedom and independence, as derived from the Charter, of peoples forcibly deprived of that right, particularly peoples under colonial and racist regimes or other forms of alien domination, and also the right of these peoples to struggle to that end and to seek and receive support... »³⁸.

The right of peoples to self-determination is fixed in the final act of the 1975 Helsinki Conference, with a special reservation that does not exist in the justification of the principle of territorial integrity. It noted that «all peoples always have the right... to determine, when and as they wish, their internal and external political status» and also points out the inadmissibility of «any form of violation of this principle». Territorial integrity from this point of view is relative and situational, the right to self-determination is inherent and absolute.

For the sake of justice, we note that along with these two principles, the final act also contains the principle of inviolability of borders, according to which «the

³⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Текст декларации опубликован в Сборнике «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии». – Нью-Йорк. 1970. – С. 151–155.

³⁸ «Об агрессии». Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. /// <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/oonagres.htm> (дата обращения 23.10.2017)

participating States regard as inviolable all one another's frontiers», but «their frontiers can be changed, in accordance with international law, by peaceful means and by agreement»

There was disagreement in Western legal practice with the fact that foreign states have the right to render material assistance to national liberation movements. It was believed that assistance should be limited to moral and diplomatic support, while the Afro-Asian and former socialist states interpreted the term «support» used in the definition of aggression as implying and material support (for example, weapons)³⁹.

However, towards the end of the 1980s and the beginning of the 1990s, the Western and Russian positions on the issue of self-determination of peoples began to converge. During this period, the literature began to express the opinion that the state separation is not the form of self-determination that plays the main role. So, the researcher Yu. A. Reshetov supports the point of view of M. Kampelman, who believes that the right of secession is not international law, although it can be a part of the constitutional procedure, calls the interpretation of the right to self-determination as a right to secession by extremist interpretation⁴⁰. At the same time, S.V. Chernichenko does not agree with the categorical denial that the right to self-determination includes the right of secession. In his opinion, the right to secession is not always an obligatory component of the right to self-determination⁴¹. In other words, the right to self-determination may include the right to secession only under certain conditions.

The inadmissibility of national self-determination leading to the destruction of the national unity and territorial integrity of the country is emphasized in the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples of 1960. It states: «...Any attempt aimed at the partial or total disruption of the

³⁹ Зохранян Р. П. Формы реализации права народов на самоопределение в международном праве и доктрине // Вестник Моск. ун-та. Сер.11: Право. – 2010. – № 2. – С. 78.

⁴⁰ Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1.– С. 3–4.

⁴¹ Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. – 1996. – № 4. – С. 18.

national unity and the territorial integrity of a country is incompatible with the purposes and principles of the Charter of the United Nations...»⁴².

The same provision was reflected in the Vienna Declaration and Programme of Action adopted by the World Conference on Human Rights on 25 June 1993⁴³. In that document, after provisions confirming the right of all peoples to self-determination and, accordingly, their right to take any legal action in accordance with the UN Charter for its implementation, states: «In accordance with the Declaration on Principles of International Law... this shall not be construed as authorizing or encouraging any action which would dismember or impair, totally or in part, the territorial integrity or political unity of sovereign and independent States conducting themselves in compliance with the principle of equal rights and self-determination of peoples and thus possessed of a Government representing the whole people belonging to the territory without distinction of any kind»⁴⁴.

For the interpretation of the principle of self-determination, it seems important to draw conclusions from the member of the UN Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, Director of the Norwegian Institute of Human Rights Asbjørn Eide⁴⁵. He argues that the right to self-determination is enjoyed by peoples living in colonial territories outside Europe, for which colonial or similar control was established by European states or states subsequently populated by immigrants from Europe. The attempts to use the concept of «colonialism» in other situations complicate this problem, and they should not be considered within the framework of the concept of «decolonization». He goes on to say that the right to self-determination belongs to the peoples living in the territories occupied or annexed after the adoption of the UN Charter in 1945.

⁴² Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. – № 4(21). – С. 68.

⁴³ Венская декларация и программа действий (Вена, 25 июня 1993 г.) (извлечение) // СПС «Гарант».

⁴⁴ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья. – Доступно: <http://www.olvia.idknet.com/bruno.html>

⁴⁵ Цит. по: Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 18–19.

According to the Norwegian politician, members of federations have the right to exit, if in their constitutions this right is fixed. At the same time he stresses: «The extent of local self-government can range from a minimum (local councils with authority over minor issues within the municipality) to a maximum which comes close to full sovereignty. It can include federalism, autonomy, regional and municipal local government.»⁴⁶

In other cases, the question of the unilateral right to self-determination is extremely doubtful – believes A. Eide. This right is secondary to the fundamental principle of territorial integrity, provided that the state respects the principle of equal rights and self-determination of peoples and it has a government composed of representatives of the entire population, without any distinction based on race, creed or color. It should be remembered that government is to be based on the participation by members of all ethnic or religious groups, not only by one of them. When the government does not create such opportunities, the issue of the right to self-determination of various groups of the population becomes more urgent⁴⁷.

Thus, it seems that the question of secession can be put forward only when the state does not observe the principle of equal rights and self-determination of peoples. And also, when the corresponding people are not given the opportunity to participate in the governance of this state.

At the same time, situations according to which a violation by some states of the described rights and freedoms is recorded. It cannot be legal regulated in detail to in relation to individual peoples living within these states. There is also no clear definition of the conditions under which disadvantaged people can claim secession. Moreover, there are no mechanisms whereby States provide evidence that the principle of equal rights and self-determination of peoples was respected in their

⁴⁶ Eide A. Territorial integrity of states, minority protection, and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations // *Science and technique of democracy: Local self-government, territorial integrity and protection of minorities* – 1996. – № 16. – Lausanne, 25–27 April 1996. – P. 299.

⁴⁷ Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // *Московский журнал международного права*. – 1996. – № 4. – С. 19.

territory, and that the governments of those countries represented the nation, without distinction as to the race or the religion.

The contradiction of the principle of the territorial integrity of the state and the right of peoples to self-determination is the result of the existence of fundamentally diametrically opposite principles inherent in nature, separated both in synchrony and in diachrony. Despite the fact that the right of peoples to freely establish their political status and freely provide their economic, social and cultural development was fixed in international law much earlier, questions of the subjectivity of this right and its priority in relation to the principle of the territorial integrity of the state go far beyond the purely theoretical problems of international law.

The problem of the correlation of the principles of territorial integrity and the self-determination of nations is no less relevant to the UN's monitoring activities. First of all, this is due to the tendency since 1991 to increase the importance of territorial problems as sources of conflict. Since 1990, all the major armed clashes in Europe were somehow connected with territorial claims. This statement is true for Asia, including the Near and Middle East⁴⁸.

On the one hand, ethnic conflicts are characterized by bitterness, cruelty and a large number of refugees and it requires from the United Nations to take resolute measures to resolve them. On the other hand, the difficulties in reaching agreement between the parties, the lack of sustainable agreements and the high risk for UN military personnel lead to the conclusion that a more cautious and careful approach is necessary to develop the peacekeeping format for such operations.

At the end of the 20th century, problems relating to the preservation of territorial integrity and the inviolability of borders were exacerbated. Political conflicts in the post-Soviet space in most cases demonstrate contradictory and inconsistencies of the principles of territorial integrity and the right of peoples to self-determination. Moreover, it is obvious that these principles are initially

⁴⁸ Ежегодник СИПРИ 1995. – М., 1996. – С. 25.

unequal in importance, in their origins and in conditions of origin. And this inequality determines their hierarchy and priority⁴⁹.

The analysis of the development of conflicts in the post-Soviet space suggests that their development was facilitated by the undeveloped democratic institutions and political ethnocentrism in some parts of the former USSR, which actually excluded Russian-speaking people not only from the process of management of the state, but also from the nationally parity social and communicative process. The discriminative policy of the «title» population in some new foreign countries stimulated the formation of political nations and states with postponed foreign policy status, the ideology of which was based on the struggle for the right to profess national identity, its own values and for the right to self-determination.

The problem of self-determination of peoples and recognition of their political-territorial formation is, to a certain extent, politically subjective and, unfortunately, does not have an unambiguous legal solution both at the level of international and national law⁵⁰. This problem is exacerbated by the rather wide interpretation of the concepts «nation» and «people», which still provoke intense debate who is recognized as the subject of the right to self-determination⁵¹. For example, Russian political scientist K. S. Gagiyev considers the concept of «people» as a set of people connected in a certain stable order of the arrangement a single and independent legal system⁵². I. A. Umnova believes that «the people as a community, united by a single territory of residence, can be a subject of the right to self-determination»⁵³.

⁴⁹ Гевандова Я. С., Шлюндт Н. Ю. Коллизия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства в современном международном праве // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 11. – С. 211.

⁵⁰ Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2012. – С. 10.

⁵¹ Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 183.

⁵² Гаджиев К. С. Политическая наука. – М.: Гардарики, 1994. – С. 101.

⁵³ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998. – С. 152.

A legal definition of the concept of «people» is contained in the final report and recommendations of UNESCO⁵⁴. This description identifies people as a group of individual human beings who enjoy some or all of the following common features: a common historical tradition; racial or ethnic identity; cultural homogeneity; linguistic unity; religious or ideological affinity; territorial connection; common economic life»⁵⁵.

Thus, on the one hand, the subject of the right to self-determination is people as a whole organism, a complex legal substance, each of whose elements has its own characteristics and is able to be an independent subject of the right to self-determination⁵⁶.

On the other hand, most forms of expression of national sovereignty in the post-Soviet space at the end of the 20th century were reduced to natural attempts of national self-preservation and opposition to ethnic assimilation. Consequently, the political ethnocracy of that period to the sphere of national sovereignty, first of all, included ethnic culture, language, customs, religion, traditional way of life, economic activity and all rights to certain territories and natural resources⁵⁷. In the context of these arguments, it is fully justified that the right of nations (namely nations, but not people and not states) to self-determination based on the national sovereignty is politically explosive⁵⁸. It should be noted that as a result of the realization of the right to self-determination 10 so-called quasi-states appeared in the modern world⁵⁹ (including the Eurasian Quartet, along with Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh and Pridnestrovie). Most of the self-determined countries in the post-Soviet space were formed in response to the ethnocentric

⁵⁴ Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 99.

⁵⁵ International Meeting of Experts on further study of the concept of the rights of peoples: final report and recommendation of Unesco. – Paris. 27–30 November, 1989 / URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf> (date of access 22.01.2018)

⁵⁶ Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 185.

⁵⁷ Дамдинов Б. Д. К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 2. – С. 21.

⁵⁸ Золотарева М. Национальный суверенитет: на стыке права и политики // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 157–159.

⁵⁹ Geldenhuys D. Contested states in World Politics. – London: Palgrave Mcmillan, 2009. – P. 22.

policy of their metropolitan countries, whose leaders saw the revival of the national consciousness of the title population in the marginalization of ethnic minorities. That is why we share the point of view of L. F. Boltenkova, Post doctora degree in Law, who claims that the subject of the right to self-determination should not be specific «title» nations, but the people as a whole, i. e. the population of historically certain territory⁶⁰.

Analyzing the situation in the post-Soviet space, we have to state that already at the beginning of the disintegration processes in the former USSR, about 25 million ethnic Russians and over 11 million representatives of other ethnic groups who considered Russian as their native language lived outside the Russian Federation, and the total number of people, who were out of «their own» by the national criterion of territories exceeded 70 million⁶¹.

A large part of the population of all former Soviet republics has faced serious psychological difficulties in adapting to new conditions. In addition, the situation was worsened by the fact that, on the one hand, states that had compactly inhabited national minorities or autonomies on their territory, extremely painfully perceived the idea of self-determination up to secession (the Karabakh problem in Azerbaijan and Abkhazia and South Ossetia in Georgia). On the other hand, in most cases, the undeveloped democratic institutions and political ethnocentrism virtually exclude «non-indigenous» from the governance process. The presence on the territory of neighboring countries of ethnically close groups of people who are also subjected to discrimination boosts chances for the self-determination.

Being one of the most important signs of independence and statehood, territorial integrity became one of the most painful problems that arose after the collapse of the USSR and the formation of new independent States. The main difficulty is to change the status of «internal», in fact administrative, borders in the former Soviet Union to state ones. The fact that many of them are not perceived as

⁶⁰ Болтенкова Л. Ф. Российская государственность: состояние и перспективы. – М.: Республика, 1995. – С. 62.

⁶¹ Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1. – С. 3–4.

legitimate became a serious obstacle in relations between the young post-Soviet states. In this situation, any real or potential claims inevitably become a source of serious conflicts at the interstate level.

Turning to the history of the Moldavian-Pridnestrovian confrontation, we note that the acquisition of state sovereignty by the Soviet Moldova on August 27, 1991, after its withdrawal from the USSR, took place within the framework of the revival of national self-consciousness. Ethnocratic politics of Chisinau frankly ignored the principle of the territorial integrity of the Soviet Union as a single state. The results of the referendum held in March 1991 were not taken into account. The political elite, hiding behind nationalist sentiments, both at the stage of the disintegration of the union state and in the process of formation of independent states pursued one of the main goals – «squeezing out» the Russians and, more broadly, Russian-speaking people from the republic, reduction of their social status, removal from the sphere of government and key posts⁶². So, in connection with the adoption of the Law on the Functioning of Languages in 1989, 74 people left the republic, and the implementation of the document by ethnocrats led to the fact that in 1992 there were already 32,000 of them, and mostly Russians. In 1996, 12 thousand people officially left Moldova, including 29.5% of Russians. At the same time, the number of persons wishing to take citizenship of the Russian Federation is growing (especially after the 1992 conflict in Pridnestrovie). Among them were not only representatives of Russian nationality. «Only in 1997 there were about 50,000 such people.»⁶³ According to T. I. Zhosan, even after decades «this tendency persists and develops in increasing»⁶⁴. The results of the studies of that period also show that the rise of nationalistic sentiments in the society and the division of the citizens of the republic into title

⁶² Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русский язык в современной Молдове. URL:<http://mirznanii.com/a/126063/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-moldove> (дата обращения 17.03.17).

⁶³ Млечко Т. П. Русские в контексте межнациональных отношений в Молдове / Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. – Кишинев, 1999. – С. 32.

⁶⁴ Жосан Т. И. Межэтнический консенсус в современной политике республики Молдова / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы междунар. научн.-практ. конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 160.

and «non-title» populations led to the hypertrophy of the ethnic self-identification of the population of the Republic of Moldova (72.2%), which was the second after family values (81.7 %) ⁶⁵.

Historians emphasize the fact that in historical retrospect Pridnestrovie, or the left bank of the Dniester, has never been part of the Moldovan state. This territory was owned by Poland, the Crimean Khanate, and Russia. The Moldovans, who moved here from the Dniester and the Prut in the 16th century, lived here in compact groups, not making up the majority of the population. At the end of the 18th century the Pridnestrovian lands were finally fixed in the Russian Empire as separate counties of Kamenets-Podolsky and Kherson provinces ⁶⁶. Pridnestrovie was included in the MSSR only since 1940 (recall that from 1924 to 1940 in the status of the Moldovan Autonomous Soviet Socialist Republic it was a part of Ukraine).

Indirectly, although unequivocally, this fact was recognized by the Parliament of the Republic of Moldova. In June 1990, it abolished the Act of August 2, 1940, proclaiming the Molotov-Ribbentrop Pact was illegal, and the created Moldavian SSR was the result of the «dismemberment of Bessarabia and Northern Bukovina», which the USSR occupied by the alleged force of arms «against the will of the population of this region. The Declaration of the Independence of the Republic of Moldova, adopted by the Parliament on August 27, 1991, affirms that, without asking the population of the MASSR formed on October 12, 1924, the Supreme Soviet of the USSR established the Union Moldavian SSR on August 2, «Thus, the Moldovan parliament clearly and definitely recognized the inclusion of Pridnestrovie in Moldova as a legal and historical nonsense», write Russian researchers ⁶⁷.

⁶⁵ Региональная идентичность в Приднестровье / Борьба народа Приднестровья за самоопределение. Образование ПИМР. URL:http://studbooks.net/595826/istoriya/regionalnaya_identichnost_pridnestrove (дата обращения 17.03.17 г.)

⁶⁶ Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье. – М.: ДА МИД России, 2000. – С. 11–12.

⁶⁷ Ibid. – С. 12–14.

Analyzing the Pridnestrovian problem with prejudice, the press of the Republic of Moldova states: «Everyone wants to unite, everyone talks about it, but noone remembers how it was. The most harmful, stupid and provocative moment in the history of the Moldovan split was the legislative abolition of the «Ribbentrop-Molotov Pact» by the front-line majority in the Supreme Council of Moldova and, accordingly, of the «republic of 1940». This deprived Right Bank, – had to tell V. Kosarev – any rights to the left-bank territory and justified the formation of the PMR, gave for this a legal basis: historically, the Dniester land was never included in the territory of Moldova and it was included only as a result of the formation of the Republic of 1940»⁶⁸.

In full accordance with the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966, the Declaration of Principles of International Law of 24 December 1970 and in accordance with other norms of the current international law the people of Pridnestrovia declared their statehood on September 2, 1990.

According to a number of researchers of the Moldovan-Pridnestrovian conflict, the Pridnestrovian people have the right to self-determination for the following reasons:

1. The territory and people of Pridnestrovia have never historically and legally been part of the sovereign Republic of Moldova, but they were part of the non-sovereign formation of the MSSR within the framework of the single sovereign Soviet Union.

2. The ethnocentric policy of the Romanization of Moldova not only split the polyethnic population according to the title-non-title principle, but also shook the unity of the «title» ethnos itself, securing the refusal of the Moldovan nation from

⁶⁸ Косарев В. Шаг вперед и два назад... Унитарная Молдова – Федерация – Конфедерация... и так далее в том же направлении / Коммерсант-plus. – 2003. – 18 июля.

its own cultural sovereignty in favor of the Romanian one⁶⁹. Moreover, the dramatic change in the linguistic environment has largely violated the tolerance of the interaction of the multiethnic population in the Republic of Moldova and predetermined the necessity to realize the right of the people of Pridnestrovie to self-determination within the framework of the plebiscitary theory of international law.

3. Self-determination was carried out in the form of a secession from the Soviet Union. This process was legally initiated by the declaration of state sovereignty on September 2, 1990 and was completed in December 1991 with the end of the existence of the USSR.

4. Since September 1990, the government authorities of the Republic of Moldova have not been formed on the territory of the PMR, and therefore do not represent these people.

5. The Republic of Moldova, having recourse to a forceful way to resolve the conflict and armed aggression against the people of Pridnestrovie, violated the norms of the UN General Assembly Resolution 3314 (XXIX) of December 14, 1974, «Definition of aggression», which is therefore an unfair perpetrator of its international legal obligations can not appeal to the principle of territorial integrity.

6. The Pridnestrovian state can claim self-determination in accordance with the declarative approach in the theory of international law, as the basis of Pridnestrovian policy is the opinion and the will of the citizens. The most important fact in this regard is the results of the referendum held in September 2006 on the prospects of state construction of Pridnestrovie, according to which 97 % of Pridnestrovians voted for the independence with subsequent accession to Russia⁷⁰.

7. The principle of territorial integrity begins to operate only for the self-determined people in the territory of his residence, removing all the claims about

⁶⁹ Погорелая Е. А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы последнего десятилетия XX века. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С. 207–208.

⁷⁰ Головченко Л. Н. Приднестровье: проблема реализации права на самоопределение народа, проживающего на территории республики // Наука и современность. – 2014. – № 27. – С. 273.

the conflictual nature of these principles. All other interpretations of the operation of this principle are legally negligible and they are associated with the relapses of colonialism that are unacceptable in the 21st century⁷¹.

The conclusion of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation also confirms that the statehood and independence of the PMR are proclaimed in full compliance with the fundamental documents of international law. Moreover, the Republic of Moldova does not have relevant historical as well as political and legal grounds for claims to the territory of the PMR⁷².

The question of the priority of the will of the state over the rights of the people in the case of the principle of territorial integrity or the priority of the people's will over the rights of the state in the case of the people's right to self-determination, most likely relates to political philosophy and political axiology. However, from the historical and political-philosophical point of view, the principle of the right to self-determination is initially more important than the principle of territorial integrity. The right of peoples to self-determination was fixed in international law much earlier and became a reaction of the world community to the colonialism of Western civilization, a reflection not of the situational but permanent desire of peoples throughout history to get the possibility of state-political self-determination⁷³. In addition, the denotation of the concepts «right» and «principle» already determines the imperative of the first rule and the dispositiveness of the second one. However, the connotation of these concepts still stimulates an active discussion in both Western and Russian political science: some exaggerate the role and significance of the right of nations (peoples) to self-determination, while others view it as the manifestation of outright nationalism and separatism.

⁷¹ Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. –176 с.

⁷² На стороне Приднестровья международное право // <https://novostipmr.com/ru/news/17-11-21> (Итоговая резолюция Международного круглого стола «Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровья», прошедшего в Москве 21 ноября 2017 г.)

⁷³ Черняховский С. Территориальная целостность и право на самоопределение // Новая политика (интернет-журнал). 4 сентября 2008. URL:<https://novopol.ru/territorialnaya-tselostnost-i-pravo-na-samoopredeleni-text51183.html> (дата обращения 17.02.2017)

1. 2. International positioning of states with postponed foreign policy status

Throughout the human history, the image of the state was an important criterion that determines its coexistence with other states, but this concept acquires a special role in the current conditions of rapidly developing information technologies that gave rise to the «information society». Today, with the increased speed of information transfer, which is the main resource and the main tool for the construction of the political system, the processes of forming the political image of the state were accelerated. In a global networked society, most countries realized the necessity of moving from non-marketing forms of promoting their own image, such as propaganda and agitation, to marketing, oriented to the requests of external audiences.

In a broad sense, the concept of «image» humanitarian science treats as a certain image of the object, the result of the activity of the subject's psyche, associated with the object, the subject's assessment of the emerging image of the object, the formation of a stable opinion of it⁷⁴. The important feature of the image is its activity. It «is able to influence the consciousness, emotions, activities and actions of both individuals and whole groups of people. As a consequence, people give preference to certain goods, firms, banks or political parties»⁷⁵. The main characteristics of the image are adequacy, originality, plasticity, targeting, activity, concreteness, clarity⁷⁶.

⁷⁴ Гавра Д. П. Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22.

⁷⁵ Семенов А. К., Маслова Е. Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса. 2-е изд. – М., 2000. – С. 86–87.

⁷⁶ Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – С. 492.

The political image of the state, representing a pattern of stereotype, an emotionally painted image⁷⁷ formed in the mass consciousness as a result of a combination of purposeful and deliberate actions⁷⁸, plays an important role in the political process, influencing both the country's foreign and domestic policies. Formation and promotion of a positive image of the state in the international arena is a necessary condition for achieving foreign policy goals corresponding to the national interests of the country.

In modern literature, the image of the state is understood as a set of indicators of authority, the success of its actions in the international arena, and as evaluation by the foreign public of the country. If you look at the modern English encyclopaedic dictionary, then the «image of the state» means «image of the state» means «management of the opinion about the country from other subjects with the help of countless strategies of behavior, consisting in presenting its external Image on the international scene»⁷⁹. «Country image is an internal and external framework of the opinions and beliefs on a people, nation and country and the simultaneously objective and subjective psychological contents of eterogeneous and generalized value judgment thereof»⁸⁰. Important role in promoting the image of the state is played by «internal authority», which is interpreted as a set of interconnected characteristics of the state system formed in the process of development of statehood, the effectiveness of interaction of links determines the tendencies of political, economic, social, social and other processes, citizens' opinion about their country. In this aspect, the processes of shifting the center of influence from state institutions to public and international ones are

⁷⁷ Большой словарь иностранных слов в русском языке / под ред. С. М. Локшина, В. Ф. Корицкого. – М., 1998. – С. 174; Словарь социально-гуманитарных терминов / научн. ред А. Л. Айзенштадт. – Минск: Тесей, 1999. – С. 81.

⁷⁸ Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: БРЭ, 2004. – Т. 1. – С. 447; Большой словарь иностранных слов. – М.: Юнвес, 2006. – С. 152.

⁷⁹ Английский толковый словарь Concise Oxford English dictionary // <http://www.hpc.ru>

⁸⁰ Cotirlea D. A. Country image vs. country brand: differences and similarities // Ecoforum. – 2015. – Vol. 4. Special Issue 1. – P. 167.

actualized, which in the competitive information process form the state's foreign policy image⁸¹.

The image of the state is defined by the World Tourism Organization: «The country image is a set of emotional and rational representations resulting from the comparison of all the signs of the country, the actual experience, rumors that influence the creation of a certain image.»⁸² To this formulation, we can add an irrational component, based on prejudices, stereotypes and archetypes of the collective unconscious. In this case, attention is focused on communicative practices in the context of globalization: the identity of mental activity in almost all cultures is compensated by the variability of the interpretative activity of people of different cultures and religions.

The political ideals and cultural symbols, attractiveness of political leaders and cultural achievements are constantly broadcast and claimed by global communication channels and they play a significant role in the promotion of the positive country image⁸³. Moreover, the image of the politician implies the creation of a sustainable social and psychological image that influences the political preferences of the individual, including the characteristics of the election campaign, signs of modality and comparativistics as well as directly of the subject or any party and wider the state⁸⁴.

Speaking about the brand of the territory, its obvious advantages are taken into account : firstly, geographical brands associated with specific localities, water arteries, mountain ranges and other unique geographical features; secondly, brands associated with national history and national character, national culture and cultural genotype, which can cause exclusively positive emotions in a potential audience in the future; thirdly, brands of regional products are well-known far

⁸¹ Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.

⁸² Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер, 2006. – С. 53.

⁸³ Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66.

⁸⁴ Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – С. 11.

beyond their regions; fourthly, the brand of the human resource, which includes the national character, mentality as well as the personalities of the political and management elite, which make the brand more vivid⁸⁵.

It is of fundamental importance that the external image of the state is formed as a result of imposing at least four processes: its own foreign information policy, information policy of other states, including rivals and allies, non-state information flows and the own activity of target audiences⁸⁶.

Image advantages in the long term provide economic, political, geopolitical and other dividends. At the same time, the lack of a targeted policy of the state in this sphere inevitably narrows the range of its geo-economic and geopolitical mobility and competitiveness⁸⁷. However, the image as a collection of information about the state can exist even under conditions when the subject himself does not take any actions to form it, i. e., regardless of the will of the concrete state. This idea gets a particular importance, considering that the external image of the state is a product of competition, and sometimes of the opposition of information policies in the global and (or) regional system.

In conditions of political and economic isolation of states with postponed foreign policy status, the structural model «auditor and functional» of image-building is updated. This model allows to form or change existing stereotypes in relation to a particular state or region. The proposed spectrum of «functionals» applied to the self-determined states of the post-Soviet space, unfortunately, is narrowed and, from possible ones, reduces to three main ones: value, investment, commodity-consumer image, which are more effective in changing existing negative heterostereotypes. It should be noted that the realization of the potential of

⁸⁵ Гавра Д. П. Осетия не умеет пользоваться теми сокровищами, которые лежат у нее под ногами // Градус Осетии. URL: <http://gradus.pro>

⁸⁶ Таранова Ю. В. Формирование имиджа Региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 118.

⁸⁷ Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиaprостранстве // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. – С. 187.

tourist and immigration image is quite problematic and it can be implemented at the final stages of image formation⁸⁸.

In the mass consciousness, the image of the state, as a rule, is formed due to information from traditional and online media. The media image is especially relevant in the creation and promotion of the country image, aimed at external groups of the public, who perceive information about the region indirectly.⁸⁹ The image of a particular region, in the mind of a mass audience especially territorially remote depends on media tolerance to this region, media position in its own materials, objective information disseminated by the media described the region.

It should be noted that the systematic influence on the mass recipient of information contributes the formation in the public consciousness of certain stereotypes on one or another problematic direction. Any incentives sent by the media to social groups are mediated not only by the specific perception of the individual, but also by the social context⁹⁰. Mental stereotypes can be evaluated as a positive or negative reaction of the audience to a specific event and the corresponding attitude towards its participants.

Perceiving information, individuals differently interpret its content, because they have different modes of perception, habits, stereotypes. The ability of the subject to sense communications is fundamentally important in the process of information exchange⁹¹.

The effectiveness of the mass audience's perception of information flows of the media depends, as a rule, on self-awareness, political consciousness and culture as well as attitudes and stereotypes. And the latter can be considered as the most

⁸⁸ Гавра Д. П. Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – С. 3–17.

⁸⁹ Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.

⁹⁰ Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 20.03.17 г.)

⁹¹ Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // NB: Психология и психотехника. – № 5. – 2013. С. 11–23 // http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html (дата обращения 20.03.17 г.)

significant and sustainable socio-psychological construct that influences the perception of information by the recipient, while also being a kind of barrier and a catalyst in the perception of messages generated by the communicator⁹².

Often events that contradict the existing values, judgments of the individual, are discarded by him without proper analysis. Meanwhile, under certain conditions, the recipient is able to revise previous convictions and attitudes, as the system of personal evaluations is constantly updated and the accumulation of information can lead to a change in the internal mental framework that determines the individual's perception of political events⁹³. The task of the communicator in this case is reduced to a sequential change in the recipient setting system.

U. Lippman put forward the idea that the media receive virtually unlimited opportunities to create a pseudo-picture of the world in the minds of people, since the latter can not assess the reliability of the information received because the greater part of the world is «beyond our reach»⁹⁴. The fact is that for the orientation and obtaining information in a complex, saturated reality, people resort to the help of media, where most of the information is initially simplified, stereotyped. The individual can not always reach the essence of events (remote, difficult to understand, being outside the sphere of knowledge of a specific individual) and form an attitude towards them, so he more easily perceives a schematic image of «complex» objects. An ordinary person is not ready to devote too much time and attention to something that is incomprehensible or inaccessible to him. In this situation, he most often uses not logical, but associative thinking, so verbal manipulation remains for him unnoticed. As a result, complex social phenomena are overgrown with a complex of stable associations and stereotypes⁹⁵.

⁹² Турчинова М. А. Социально-психологические стереотипы восприятия информации при воздействии телевизионных СМИ на аудиторию: на примере телевизионной рекламы: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – С. 6.

⁹³ Пушкарева Г. В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Полис. – 2004. – № 4. – С. 93–102.

⁹⁴ Lippmann W. Public opinion. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – P. 249.

⁹⁵ Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – С. 34.

In most cases, stereotypes in modern science are characterized as a negative factor of public consciousness, which hampers the objectivity of evaluating the surrounding reality. In our opinion, to positive manifestations of stereotyping, it is necessary to include cultural codes, social identity and norms of public morality. However, the role of modern media in deforming stereotypes of mass audiences, including their purpose in social development should be taken into account.

Stereotypes are formed under the influence of two factors: unconscious collective processing and an individual socio-cultural environment, and, of course, with a purposeful ideological influence of the media⁹⁶. Most researchers point to the connection of stereotypes with the huge influence of the media on the process of shaping the attitude to the world, on the behaviour that reproduces the actions of «heroes» created by the press, radio or television⁹⁷.

The resulted linguistic means promote both formation, strengthening and destruction of stereotyped fund of the person. This research will allow to analyze not only the degree of tolerance of own and foreign networked media to the problem of the statehood of self-determined republics, but also generalized representations of local media about the region, the events taking place in it, about the people inhabiting it (autostereotypes), and opinion of foreign media on these problems (heterostereotypes)⁹⁸.

The media plays an important role alongside the efforts of the political leadership, economic, cultural and scientific elite of states with postponed foreign policy status to promote a favorable image of their regions in the world arena and to shape their positive image in the mind of the international community. The information replicated by media is postponed in the public consciousness and forms certain stereotypes.

⁹⁶ Сердюкова А. К. Влияние средств массовой информации на формирование поведенческих стереотипов у студентов / Образование, наука, производство: Сб. тр. VII Междунар. молодежного форума. Белгород, 20–22 октября 2015 г. – Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова, 2015. – С. 466–4667.

⁹⁷ Мацумото Д. Психология и культура: 1-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.

⁹⁸ Ерофеева И. В., Фильшина О. Ф. Национальные стереотипы как топос медиатекста: актуальность медиархеологии // Гуманит. вектор. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 59–67.

Given the attitude of neighboring countries to the young state, their efforts aimed at its elimination «de facto» and especially the prevention of its registration «de jure», it is safe to say that the role of the media in the process of strengthening the statehood of self-determined republics multiplies.

An analysis of the role of the media in the process of positioning the state idea of self-determined republics has shown that this problem is actively discussed both by state and private media. Their generalized position is that state and public institutions have to participate more actively in shaping the image of states, because the lack of their own efforts increases the flow of negative information and reduces the likelihood their international recognition.

Let's cite in this case the most striking statements of media of states with postponed foreign policy status on the issues of image technologies⁹⁹.

«The image of Pridnestrovie is a aspiration for openness and democracy,» Dnestrovskaya Pravda newspaper writes, commenting on the results of the International scientific and practical conference «The image of the state and protection of human rights: realities, problems, prospects», organized by the Supreme Council of the PMR on February 2 in 2007. The publication notes that in the conditions of creating a new civilization aimed at protecting human rights and freedoms, the creation of a positive image of the Pridnestrovian state is the prime importance. The fact of unrecognized PMR determines the current situation around and within Pridnestrovie.

«The basic component in the development of a positive image of Pridnestrovie is the protection of human rights,» the Dniester Truth” continued. – Today, in the conditions of unresolved Moldovan-Pridnestrovian conflict, the rights of Pridnestrovian people are systematically violated from the outside through the economic and political sanctions.»¹⁰⁰

⁹⁹ Приднестровское урегулирование: «вопрос о политической поддержке Тирасполя – это вопрос российской безопасности». URL: <http://www.regnum.ru/news/781317.html>

¹⁰⁰ Резолюция Международной научно-практической конференции «Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы». URL: <http://old.vspmr.org/News/?ID=571>

IA Olvia-Press writes: «The image of the state, including in the field of respect for human rights, depends on many factors, external and internal. The compliance and protection of human rights can be guaranteed only with a strong economy, with an economic base»¹⁰¹.

The opposition Novaya Gazeta writes: «...PMR officials do not stop saying that the republic is craving for recognition. As it turned out long ago, but for some it remains unclear and to this day, this task can be solved at least partially only if we constantly work on the image of the state as a small, democratic country ... The path of Eastern Pridnestrovie is democracy, where observance of human rights would be organically combined with energetic state power, «Novaya Gazeta continues. – Strengthening the image of the PMR, we must stop interfering in the geopolitical disassembly of other powerful countries. Our irrepressible attacks to one and vows of allegiance to others can only make isolation of the PMR irremovable.»¹⁰²

«Until now, there is no set of criteria for human rights,» the newspaper Pridnestrovie quotes Natalya Narochnitskaya, the chairman of the State Duma commission on the study of the practice of human rights in foreign countries. «This circumstance enables some states to take the role of mentors in the field of human rights. Large international organizations raise the applications of tiny groups on the shield, without even trying to find out the reliability of these statements».¹⁰³

According to N. Narochnitskaya, the current situation in this area resembles a «witch hunt», when the accusation is made guilty in spite of the presumption of innocence. Double standards in this area also become the norm. It turns out that some states are infallible mentors, and others are barbarous countries, which should be cultivated. Thus, the Council of Europe has become a purely ideological organization, competing with others for the right to interpret human rights. Thus, the doctrine of human rights, the monopoly on the interpretation of which the West

¹⁰¹ Бурла М. Внешние факторы – главное препятствие в развитии экономики ПМР». URL: <https://ava.md/2007/02/05/mihail-burla-58-vneshnie-factory-glavnoe/>

¹⁰² Патерова О. Имидж Приднестровья: соблюдение прав человека и энергичная госвласть. URL: www.regnum.ru/news/781317.html

¹⁰³ Ibid.

appropriated itself, has become an instrument of geopolitics in the modern world.¹⁰⁴

The opposition newspaper «The Man and His Rights» notes: «The image of the republic's leadership is a system-forming image. The image of the leaders of the PMR now denies any talk about the imminent recognition.»¹⁰⁵

«What do we have to correct the image? – the publication asks the question and immediately answers: – We have to achieve predictability of the legislation, to develop a coherent and real regional strategy, to create conditions attractive to foreign investors, to achieve transparency of the political life of the PMR, to conduct a real fight against corruption, to achieve transparency in the development, adoption and implementation of republic and local budgets, to ensure the effective functioning of the mechanism of public control over the actions of the authorities, to achieve the democratization of society». «It is necessary to involve citizens in governing the country», the newspaper said. – And on this basis, we have to turn Pridnestrovie into a key region for the implementation of the plans of Russian and Ukrainian business, the implementation of interregional projects. The actions of the PMR leadership should be predictable, not spontaneous.»¹⁰⁶

The problem of recognition of Pridnestrovie and the formation of its positive image is discussed not only by Pridnestrovian leaders, experts and the media, but also by foreign analysts. In particular, former foreign policy analyst in the US Senate, ex-director of the American Council for Kosovo, James Jatras, after a meeting with the Chairman of the Supreme Council of Pridnestrovie, said: «Kosovo is a destabilizing factor for neighboring states – Serbia, Montenegro, Macedonia, while Pridnestrovie doesn't have any territorial claims to its neighbors: Ukraine and Moldova. More importantly, from a legal point of view, Kosovo has

¹⁰⁴ Наталия Нарочницкая: «Менторство в трактовке прав человека – почва для двойных стандартов в мировой политике». URL: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r070207070413>

¹⁰⁵ Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю. URL: <http://mkspmr.idknet.com/content/view/752/209/>

¹⁰⁶ Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю. URL: <http://mkspmr.idknet.com/content/view/752/209/>

always been part of the Serbian territory, so it can be called a separatist region. Pridnestrovie has never been documented as a part of Moldova».¹⁰⁷

J. Jastras noted that according to all criteria: moral, legal and economic, Pridnestrovie has much more rights to independence than Kosovo. «People live peacefully in Pridnestrovie. It is a multi-ethnic country in which there are no religious contradictions. In Kosovo, on the contrary, there are a lot of contradictions, both ethnic and religious. Kosovo is becoming more and more mono-religious and a monoethnic country where churches are burnt, people are being evicted from their homes, and this is happening right before the face of NATO and other international organizations», the American expert added.

In his opinion, the problem lies in the fact that few people know about the republic, therefore its leaders have to take very active steps in organizing an educational program for the international community on «what is Pridnestrovie, where it is located, what rights it has to independence and why they are justified».

The American analyst believes that, internationally, it is necessary «to cover the image of Pridnestrovie as positively as possible so that international investment can come here and thus improve people's lives.»¹⁰⁸

In the most general form, the concept of the external image of Pridnestrovie can be based on problems and ways of solving the state's lack of recognition, economic dependence and information mediate. Within the state, a unique cultural and information space is actively formed, the phenomenality of which is determined by the dominance of the regional identity of the population over the national, tolerance of interethnic interaction and an unshakable pro-Russian orientation.

In these conditions, the media should create the image of the state possessing the following qualities:

1. Synthetic, i.e., creating a certain impression with the help of attributes. In relation to the PMR today it is: unrecognized, compact, agrarian, adherence to Russia;

¹⁰⁷ Американский аналитик: У Приднестровья больше прав на независимость, чем у Косово. URL: <http://compatriot.su/news/67679.html>

¹⁰⁸ Американский эксперт: Приднестровье никогда не являлось частью Молдовы. – URL: <http://www.peacekeeper.ru/index.php?mid=4921>

2. Reliability, credibility, i. e., an image which is trusted by people. In order to deserve more popularity than the original itself (it is a country), the image must meet the requirements of common sense, and it is identified with a specific state or person. Speaking about PMR, there is certainly an association with the first leader of the republic – I. N. Smirnov, or the firm «Sheriff». Due to the competent communication strategy of the commercial structures of the republic, the negatively painted brand «the Republic of Sheriff» was changed to a more favorable, democratic and multi-party in Pridnestrovie – «Renewal». In addition, there some inter-party association agreements of the Pridnestrovian party with the party «United Russia», which allows us to talk about positive trends in the positioning of the republic on the Russian political field.

3. Brightness, specificity of the image, i. e. appealing to feelings, focusing on certain features, brightly highlighting one or more characteristic features of the state. Pridnestrovie, for example, has always been associated with the military conflict of 1992 with the general public. In this case, it is advisable to intensify the activity of the media and professional folk groups of the republic in introducing and stereotyping the national and cultural symbols of Pridnestrovie in the public consciousness of the foreign audience, the unique conditions for their tolerant co-existence.

4. Economic and industrial characteristics, which have the greatest investment appeal. This part of the image is not only the reputation of an economically sustainable producer of demanded products, but also bright commodity brands, introduced in the everyday life and supported in every way by the region. For example, the products of the Tiraspol Winery & Distillery «KVINT» have long gained prestige in foreign markets, which greatly enhances the prestige of the republic as a whole.

The intensity of implementation of Pridnestrovie's image technologies and their effectiveness at the current stage largely depends on the degree and severity of information confrontation in the foreign policy sphere as well as factors of geopolitical impact. The instability and unpredictability of the economic and

political situation in the republic predetermines the necessity to constantly adjust the information policy not only to adapt it to modern conditions, but also to improve the image of the Pridnestrovian state in the global information space.

The problems of information development of Pridnestrovia and the formation of a positive image of the republic are caused not so much by the current economic recession and political unrecognition, but by the lack of the possibility of direct access to the world space without the indirect assistance of other states. As negative factors in promotion of a positive image it is possible to allocate prolongation of modernization of social mechanisms and technological ways, lack of infrastructure, absence of the national computer network.. However, these negative factors are compensated by a high level of information needs of society, due to a qualitative change in the social structure of the Pridnestrovian society, the emergence of a new intellectual elite and the desire to overcome the information isolation of the region. In addition, territorial compactness, favorable geopolitical position, relatively high technological potential and rapid development of the education system, the priority of science contribute to increasing the rate of informatization of the society and accumulating experience of international cooperation in order to create a more favorable image of the republic.

1. 3. National information law in the context of the developing the cultural and information space of the states with postponed foreign policy status

The formation of a specific model of the media in a particular state reflects the vector of state development and the type of information society as well as their interconnection in this country. «The media always take the form and colour of those social and political structures within which they function. The media reflects the system of social control, through which the relations between individuals and public institutions are regulated»¹⁰⁹. The main models of media systems and the

¹⁰⁹ Массовая коммуникация. URL:<http://www.unesco.kz/massmedia>

principles of their functioning are presented in normative theories of mass communications, which describe the interaction between the media and the state¹¹⁰.

In our understanding, the system of mass media is a collection of information objects and subjects (as well as their entire complex hierarchical relationship), united by a single information space, the functioning of which is determined by the following criteria:

- the state information policy;
- the single legal field regulating the forms of ownership, the particular characteristics of the functioning of the media, their rights and obligations;
- the state control and economic incentives aimed at regulating the activities of the media;
- the necessity for the majority of the population of certain media (rating indicators) as well as the level of trust in relation to them¹¹¹.

The state information policy of modern states is based, as a rule, on the constitutional rights and freedoms of its citizens and is the guiding element of the development of the information civil society. The Basic Law of a democratic state guarantees the freedom of the media and the right of everyone to seek, receive, transmit, produce and disseminate information freely in any legitimate way. At the same time, the right to freedom of speech, personal dignity and inviolability of private life, freedom of conscience and religion, national and cultural identity, freedom of the media remain inalienable. All this forms the basis of the information policy of the state and determines the activities of the media, the specific character of information law at the national level.

The allocation of the information right from the general system of law is connected not only with the satisfaction of public and state tasks or needs. Information law is a new, just emerging branch of law, which plays a decisive role

¹¹⁰ Baran S.J. and Davis D. K. *Mass Communication Theory; Foundation, Ferment and Future*. – Boston: Wadsworth, Cengage Learning, 2012. – P. 96–130.

¹¹¹ Григоренко Н. И. Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества (по материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже XX–XXI веков): дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2003. – С. 32–33.

in the development of modern society of the 21st century and now it is becoming a full-fledged branch of law. Modern science treats information law as an integrated branch of legal regulation methods, as a system of legal norms regulating social relations in the information field, or «an emerging branch of legal science studying a set of rules of law governing information relations in society and containing regulations that relate to information activities in general».¹¹²

Information law is a system of social norms and relations arising in the information sphere, in the sphere of production, transformation and consumption of information and protected by the state.

The complexity of information law is predetermined by its application and the relevance in practically all spheres of life of modern society. This is due to the fact that information is an integral part of human activities, and therefore legal relations for the creation, transformation and consumption of information in any sectors and areas of activity fall under the norms of the legal regulation of information law.¹¹³

Despite the fact that an individual model of the media system is developed in each community, there are general theoretical principles for the functioning of these systems, which allow us to evaluate a specific model. Conditionally defined normative theories and models of mass communication reflect the relationship of the political and media systems of the state.

In fact, not a single media system can be described by any one specific normative theory of mass communication. Most of the used systems interact with different (often incompatible) elements from different theories.

At present, the practice of introducing the norms of international law into the system of national one begins to take shape. This experience is unique because of the specific situation of states that do not have official international recognition (i. e., they do not have an international political personality), so the legal fact of the adaptation of the norms of national law to international ones is, to a greater extent,

¹¹² Рассолов И. М. Информационное: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 60.

¹¹³ Копылов В. А. Информационное право. – М.: Просвещение, 2004. – С. 225.

more important for states with postponed foreign policy status than for the international community. At the same time, at the legislative level, the state authorities of certain self-determined republics have not accepted yet a single act of ratification of certain international treaties, since this fact plays no part to international organizations and foreign states.

With regard to the issue of freedom of mass information, the implementation of international legal norms means, first of all, the direct action on the territory of states of Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights of the person as well as Article 10 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Analyzing the provisions of Article 10 of the Convention, several important conclusions can be drawn:

– the freedom of the media is considered here in the form of freedom of expression. This right shall include freedom to hold opinions and to receive and impart information and ideas without interference by public authority and regardless of frontiers. This article shall not prevent States from requiring the licensing of broadcasting, television or cinema enterprises. The exercise of these freedoms, since it carries with it duties and responsibilities, may be subject to such formalities, conditions, restrictions or penalties as are prescribed by law and are necessary in a democratic society, in the interests of national security, territorial integrity or public safety etc.;

– for lawful interference of the state in the sphere of freedom of expression, firstly, a legislative base should be created; secondly, only those listed in article 10, paragraph 2, of the Convention may be grounds for interference; thirdly, and that's what counts, the intervention must be proportionate to the necessity of a democratic, not authoritarian or totalitarian society.¹¹⁴

The actual text of Article 10 of the European Convention defines the boundaries of freedom of mass information to a lesser degree than the Pridnestrovian and Russian media laws, which, for example, do not know the

¹¹⁴ Баконин А. Д. Право СМИ. – СПб.: Роза мира, 2005. – С. 54.

limitations stemming from the need to ensure impartiality and the authority of justice. However, at the level of the Council of Europe's law enforcement practice, information is protected at a much higher level. When the human rights bodies of the Council of Europe move the framework of the concept of «freedom of the media» apart, they compensate for the dangers inherent in part 2 of Article 10 of the Convention.

The numerous decisions of the departments of the Council of Europe concerning the specific embodiment of freedom of the media should also be taken into account. For example, the recommendations of the Committee of Ministers to member states No. R (94) 13 «About measures to promote media transparency» and No. R (99) 1 «About measures to promote media pluralism».

Fundamentally important norms that determine the social role of media freedom and the basic functions of the media and journalists in a modern democratic society are enshrined in the resolution «Journalistic Freedoms and Human Rights» adopted in the framework of the 4th European Ministerial Conference on mass media policy (Prague, 7-8 December 1994). It formulates principles that can generally be viewed as a system of isolated theses that form the doctrine of freedom of mass information in modern Europe.¹¹⁵

Finally, consideration should be given to the series of declarations on the promotion of the Independent and pluralistic press adopted at the UNESCO regional seminars in Windhoek (Namibia, 1991), Alma-Ata (Kazakhstan, 1992), Santiago de Chile (1994), Sana'a (Yemen, 1996) and Sofia (Bulgaria, 1997). The declarations contain specific norms, which generally constitute a comprehensive plan of action to strengthen press freedom in the relevant region of the planet. So, the Sofia Declaration offers the following positions to all states of Central and Eastern Europe:

- to provide or reinforce where they exist, constitutional and legal guarantees of freedom of expression and press freedom, and those laws, regulations and

¹¹⁵ Ibid. – P. 58.

measures that limit the exercise of this fundamental right should be reviewed, revised and/or repealed;

- to facilitate travel and granting of visas to foreign journalists wishing to travel, move and work within their borders;

- there should be no obstacle to bringing in and use of professional equipment;

- free access to information must be granted. Journalist should not be forced to reveal sources of formation;

- any legal and administrative obstacles to the establishment of independent journalists' organizations should be removed;

- in all media the professional independence, journalistic and editorial freedom should be recognized. State-owned broadcasting and news agencies should be, as a matter of priority, reformed and granted statutes of journalistic and editorial independence as open public service institutions;

- creation of independent news agencies as well as private and/or community owned broadcasting media, including in rural areas, should also be encouraged;

- in case of creation of regulators in the field of TV and radio broadcasting, their full independence «in relation to authorities» should be provided;

- disputes involving the media and/or the media professionals in the exercise of their profession are a matter for the courts to decide, and such cases should be tried under civil and not criminal (or military) codes and procedures;

- effective measures and legislation should be enacted to include prevention of excessive concentration of media ownership, including that by the state, and any controls that reduce pluralism;

- public interest is determined without regard to forms of ownership. Ownership and financing of all media should be transparent and publicly declared;

- states must encourage diversity in forms of ownership by means of legal guarantees and by the allocation of public funds on a nondiscriminatory basis».

The Sofia Declaration also establishes the fundamental deontological norm in the field of the mass media: «Any attempts to draw up standards and guidelines

should come from journalists themselves». This determines the boundaries of state intervention and the zone of professional-corporate self-regulation.¹¹⁶

Thus, the developed system of the declared international norms in the field of media regulation lays a solid basis for national legislation in the information sphere and promotes an adequate interaction of state and public institutions. The compliance of the national legislation with the norms of international law is usually fixed at the level of the Constitution of the state, which determines the priority and inviolability of the principles of human rights and freedoms to obtain information.

Within the framework of the model «development» used in developing countries, efforts to maintain national policies and ideologies justify restrictions on media freedom depending on priorities in the economy and the necessities of the development of society. The state can justify the interests of national development with the right to impose restrictions and censorship in the media¹¹⁷.

The description of the model functioning of the media of states with postponed foreign policy status within the framework of the media development theory became possible in the context of its following features:

- the lack of a unified communication infrastructure;
- a small audience;
- the dependence on the developed countries in a technical, professional and cultural sense;
- the economic, political and social development of the country, which is a priority for the media;
- the strengthening of regional identity in the state and defending interests in the sphere of international politics.

Thus, to describe the model of the functioning of the media of states with postponed foreign policy status, we have used the postulates of the media development theory, which advocates the support of media of the existing political

¹¹⁶ Сафронов В. В. Юридические гарантии обеспечения деятельности средств массовой информации // PR и реклама: традиции и инновации. – 2013.– № 8–1. – С. 76.

¹¹⁷ Массовая коммуникация. URL:<http://www.unesco.kz/massmedia>

regime, promoting economic growth, i. e., this theory presupposes the functioning of the media system according to the support rate, but not criticism of the government. However, instability in the political life of self-determined republics may cast doubt on the adequacy of this model for describing the media system of states with postponed foreign policy status. Media of self-determined republic fulfill a new function: they act as a means of ensuring national security, protecting society and citizens from threats associated with the possibility of using modern information technologies as weapons.

That is why, in the conditions of states with postponed foreign policy status, compulsory comprehensive verification of information and dissemination of only reliable information is a necessary condition for the normal functioning of the media and its non-compliance can lead to increased stresses in the republics. Liberalization of this legal norm can create conditions for the appearance in the media of unreliable information, while neither the journalist nor the editorial board will bear responsibility for this.

The Code of Professional Ethics of the Russian journalist also notes the importance of verifying information: «A journalist disseminates and comments only such information in the reliability of which he is convinced and whose source he is well-known. He makes every effort to avoid damaging anyone by any incompleteness or inaccuracy, deliberate concealment of socially significant information or dissemination of certainly false information... A journalist responds with his own name and reputation for the authenticity of any message and the validity of any judgment widely circulated for his signature, under his pseudonym or anonymously, but with his knowledge and consent. No one has the right to forbid him to withdraw his signature under a message or a judgment that was at least partially distorted against his will»¹¹⁸.

The blocking of information resources, the disruption of telecommunications, unauthorized access to them and other problems of ensuring the security of the society in the information sphere can be solved only by creating

¹¹⁸ Право и этика в работе журналиста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 203.

a unified and effective system for ensuring information security. This point of view is consonant with the opinion of Russian specialists. For example, G. L. Smolyan and D. S. Chereshkin note that «...maintaining the necessary level of information security requires permanent monitoring of political, social, economic, scientific, technical and other changes both abroad and within the country. These changes can generate new information threats. The system must respond quickly to these changes and permanently check the possibilities of reflecting real or potential threats».¹¹⁹ They are echoed by L. A. Morozova, stressing that «...the information function of the state plays an important role in ensuring information security»¹²⁰.

Its further development this thesis got in the work of A. B. Vengerov. The political scientist not only singled out the information function of the state, «which characterizes the activity of the mass media», but also expanded it to information services, which leads to «creating conditions for the collection and processing of all types of information».¹²¹ The information function of the state reflects, for the first, the dynamics of socio-economic, political and spiritual transformations in the life of society, for the second, the evolution of the information sphere, which covers the whole range of production and relations associated with the creation, storage, processing, transmission through the media of information in all its types – economic, legal, scientific, educational, management, etc.¹²²

The information function of any state is primarily aimed at preserving information security, i. e., the protection and, consequently, the stability of the main spheres of life (economy, science, technology, management, military affairs, public consciousness, etc.) in relation to dangerous, destabilizing, destructive, infringing the interests of society phenomena and processes¹²³. Security in this context should be provided by the state and a civil society and constitute the basis

¹¹⁹ Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество. – 1998. – Вып. 6. – С. 8–13.

¹²⁰ Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М., 2001. – С. 72.

¹²¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М., 2000. – С. 152–153.

¹²² Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. – Т. 1. Теория государства. – М., 1998. – С. 197.

¹²³ Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – С. 249–250.

for the modernization and democratization of the society and the state and their readiness to protect national interests within the country and at the international arena¹²⁴.

The activity from sources of external threats to the security and stability of states with postponed foreign policy status does not abate throughout the history of the formation and development of self-determined republics. First of all, this manifests itself in the constant curling of the spiral of economic, diplomatic and information pressure from the metropolitan countries as well as in the increased attention of international organizations related to the elimination of Russian presence and influence in states with postponed foreign policy status. As a consequence, the priority direction of the information policy of state-owned media continues to be the opposition to external information pressure with the purpose of approving the positive image of the self republics in the world community.

The information law in the comparison with other areas of legal science, declaring information rights and freedoms, in its structure should also be an example of democracy. In this sense, it is interesting to analyze the norms of basic laws of information sphere on the subject of imperative and dispositive individual articles. Taking into account that the information sphere mostly appeals to civil legal relations, it should be dominated by the method of dispositive regulation, with its inherent features of decentralization and coordination.

At the same time, public law provides for the imperative regulation of state interests, which is characterized by a centralized exercise of power and strict subordination of participants in legal relations.¹²⁵

In the context of a dispositive approach in the information law, the equality of subjects of legal relations, the independence of participants in legal relations in the context of their free exercise of their rights and responsibilities for obligations are used as the basic principles.

¹²⁴ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 21.

¹²⁵ Кузиан И. Л. Архивное право. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 11.

Imperative regulation in the information law implies the use of the system of relations «command – execution» or «authority – subordination», i. e., there is no equality of parties, the connection of subjects of law with legal frameworks, a combination of persuasion and coercion, etc.¹²⁶

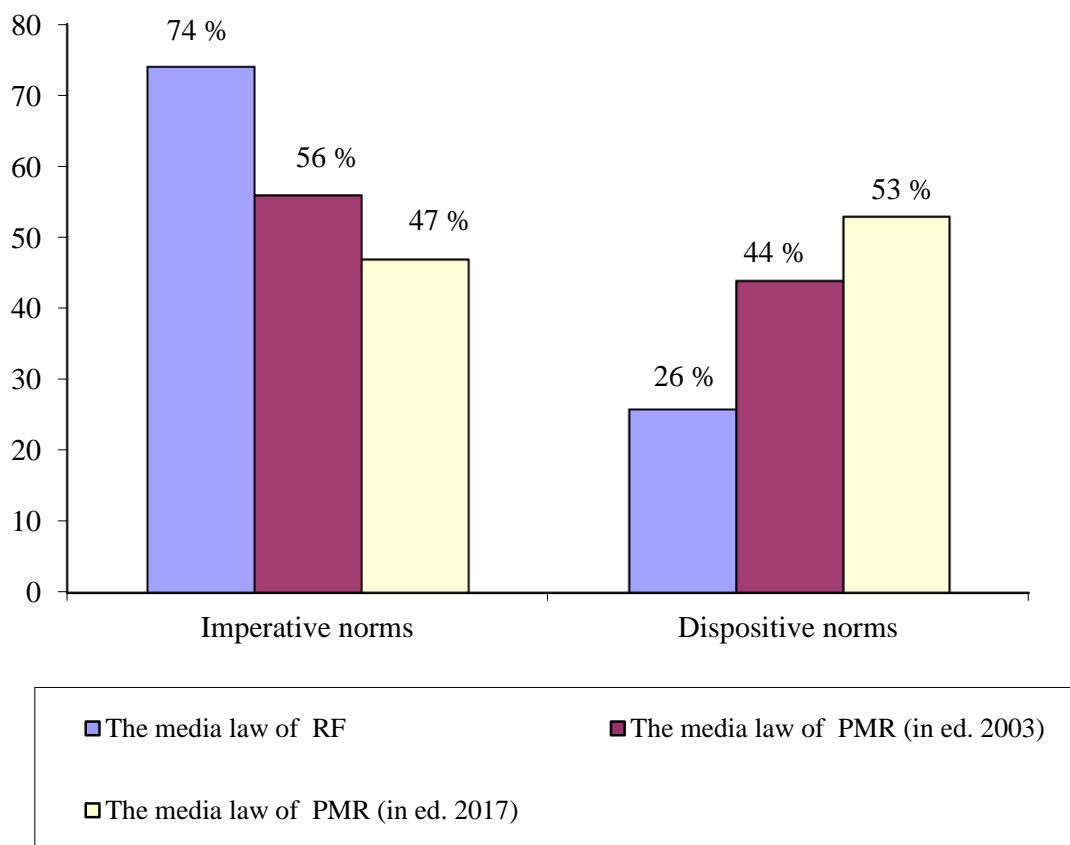

Fig. 1. Imperative and dispositive norms of media laws of Russian Federation and Pridnestrovian Moldavian Republic

Proceeding from the ratio of dispositive and imperative norms of the media law of the PMR, the level of democracy of its provisions is quite high in comparison with the Russian analogue. The relative democratic nature of the basic Pridnestrovian law on the media is conditioned by the desire of the state to activate information processes in the country and to increase the information flow beyond its borders so as to make a dent in the dense ring information blockade around Pridnestrovie (Figure 1). At the same time, it should be noted that the relative

¹²⁶ Информационное право / под ред. И. Л. Бачило. – М.: Наука, 2005. – С. 170.

imperative of the media law of RF can be explained by the categorically articles that do not reduce, but, on the contrary, guaranteed to increase the degree of media freedom.

The active dynamics of the development of information legislation in states with postponed foreign policy status is largely due to the reform of government authorities and the constant search for an optimal model of public administration.

The state information policy of states with postponed foreign policy status in the context of domestic political development provides for the conditions for citizens to participate in making socially significant decisions, determines the level of citizens' access to information and the wealth of world culture, it is the criterion of estimation of maturity, openness of public administration and social structure, and also efficiency of public opinion. With regard to the foreign policy vector of the development of the state, its information policy reflects the developed strategic course for comprehensive integration into certain transnational political and economic unions and associations.

Conclusions on the first chapter

1. The right of peoples to self-determination and its implementation is largely motivated not so much by domestic political prerequisites but by foreign policy orientations. The axiological system of Pridnestrovians, which had evolved over centuries of history and had long been established in the best traditions of the Russian mentality, experiencing at the present stage of development the repeatedly intensified negative impact from the side of opponents of the Pridnestrovian statehood, and it has strengthened not only the people's confidence in the correctness of the chosen way, but also its commitment to the pro-Russian development vector.

2. The problems of information development of the state with postponed foreign policy status and the formation of their positive image are caused not so

much by the current economic recession and political unrecognition, but by the lack of the possibility of direct access to the world space without the indirect assistance of other states. As negative factors in promotion of a positive image it is possible to allocate prolongation of modernization of social mechanisms and technological ways, lack of infrastructure, absence of the national computer network. However, these negative factors are compensated by a high level of information needs of society, due to a qualitative change in the social structure of the society, the emergence of a new intellectual elite and the desire to overcome the information isolation of the region. In addition, territorial compactness, favorable geopolitical position, relatively high technological potential and rapid development of the education system, the priority of science contribute to increasing the rate of informatization of the society and accumulating experience of international cooperation in order to create a more favorable image of the state with postponed foreign policy.

3. Legislatively regulated activity of the media makes it possible to consider them not just as informative but as an actual component of the socio-political system that allows the state not only to predict the change in public opinion but also to exert a significant and all-round influence on the development of national self-consciousness and the state as a whole. Reforms of governmental authority, changing the layout of political forces, as well as attempts to integrate states with postponed foreign policy status into the information space of Russia, made it possible to significantly change the regulatory and legal field of self-determined republics in the information sphere. However, the concept of forming a single information space of the republics remains only a slogan, and economic realities, political turbulence, migration flows of professional personnel inhibit the development of individual media and negatively affect the information policy, forced to narrowing the range of information potency.

Chapter 2.

CULTURAL-INFORMATION SPACE PHENOMENON: NATURE, ESSENCE, CATEGORIES

2. 1. System-structural organization of cultural and information space

The problem of stability of the sociocultural development of modern countries is largely determined not so much by the direct foreign policy tools actively used by state institutions as by their ability to indirectly create certain attitudes through social institutions into the public consciousness.

The development of political communication leads to the intensification of social and political processes, the strengthening of the influence of the «networked» civil societies that act in relation to the process of public administration and the activities of public authorities not so much as interested observers, rather as constructive critics or as partners in the development of political decisions¹²⁷.

Many of the ideas broadcasting by the state take instantly the position of national, state-wide ideas that naturally fit into the axiological system of the individual and, more broadly, of society; others – require much more time and resources before they find understanding and support for a mass audience. In most cases being broadcasted by state institutions in the social sphere, the ideas are aimed at modifying the system of socially constructed identities of a modern person.

Clashes of various political interests, as a rule, are caused by the peculiarities of the ideological, value, cultural traditions of modern society, and also by the polarity assessment of certain events. The sources of conflict include

¹²⁷ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5.

the inadequate perception of the individual or social group as their own interests, as well as the positions of the other party. In this situation, the role of the distribution of value priorities in the channels of mass communication multiplies.¹²⁸

The actualization at the turn of the millennium of the ideas of national revival, the accentuation of attention to the cultural differentiation of modern society gave a rise to negative tendencies of national centrism, extremism and, more broadly, intolerance. The ideas of cultural uniqueness, status and titularity of certain population groups which were broadcasted by media disintegrated the communities of most countries in the post-Soviet space. Manipulations based on the priority of any culture, as practice has shown, almost do not affect its foundations, functioning exclusively in the ideological plane. Owing to such a «skew», there are problematic phenomena in modern society, most often growing into conflict ones, evolving from a direct interethnic and intercultural confrontation, sometimes to a complete transformation of one's own national identity.

The active attempts of the humanities to understand the transformational processes of the cultural space of the individual and society do not fully reveal the potential of the resonant space of culture that has been repeatedly reinforced or weakened by the processes of information interaction. The lack of methodological and methodological foundations for diagnosing information content in the system «culture-ideology» in the context of the growing role of public institutions in the political process also makes it difficult to understand the current state of society and makes it impossible to predict the prospects for its socio-cultural development and the stability of the cultural and information space.

Spatial organization of the modern world is a multidimensional system, the interdependence of its elements is due to their hierarchical connections. In our opinion, the primary in this hierarchy should be considered an information space

¹²⁸ Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 212.

that reflects the reality in the mind of a person through a symbolic system and forms a semantic and value foundation in the process of reflection.

In the philosophical and methodological dimension, the information space is understood as the medium of dissemination of information in a society that is influenced by cultural, economic, political, technological and other factors.¹²⁹ According to the definition of I. M. Dzyaloshinsky, the information space «is a space of informational relationships generated by interactive about the information actors, however, having their special (system) quality, not in themselves entities».¹³⁰ In modern science, there are various aspects of the study of the information space. From an economic point of view, the information space is a collection of knowledge that has value as an economic resource. The technological approach as the determinants of the changing the information space is determined by information technologies and material carriers of information. The political approach regards the information space as a collection of different control and management strategies that determine the impact of state ideologies on the consciousness of the general population. The peculiarity of the socio-cultural approach is to identify the relationship between the media and the translation of cultural models that set the social identity of individuals.¹³¹

The essence of the information space, in our understanding, is a collection of actors and sources of information, channels for its dissemination by communicators and reception by communicants. In this case we mean the functioning of many state and public institutions directly or indirectly involved in the information sphere of the country, united in their policy by a common national idea, but treating it in accordance with pluralistic sentiments in the society of a democratic state.

¹²⁹ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 31.

¹³⁰ Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1. – С. 68

¹³¹ Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – С. 8.

The unified information space allows the state to stimulate by means of various forms of regulation of mass media activities in such a way that they provide the population with socially significant information, the most complete range of facts and opinions circulating in the country and the world with goal orientation (meet the information needs of citizens) in the course of events-making and its relationship to these events, including state bodies or official version. The official version should not be unique, it can only be dominant, and dominant only because of support for other versions and facts provided by other primarily independent media. When a state or official version becomes like a dominant version, it «the best proof that the people have elected a decent government that actually is willing to build a state of law».¹³²

The Russian scientist A. B. Zinchina supports the idea of the material nature of the information space. She defines the information space as «a region of human existence, adjacent to a sufficiently lived sphere of material and spiritual culture and a hypothetical noosphere – the area of exchange, the renewal of civilized principles».¹³³ O. P. Neretin defines the information space as «a system-forming element of society, which is a set of information resources and infrastructure, that is, the entire sphere of the formation, dissemination and use of social information, aimed at ensuring the full functioning of other elements of the society as a whole.»¹³⁴ V. D. Popov, expanding the concept of «information space» and giving it social relevance, in his work he believes that it is «an open self-organizing system that includes information flows and information fields which interact with each other.»¹³⁵

It should be emphasized that the information space in the context of social development is not an independently developing system, it is directly dependent on

¹³² Засурский Я. Н., Варганова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 390.

¹³³ Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4.

¹³⁴ Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 15–16.

¹³⁵ Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – С. 18.

the regulatory framework and the model of state and economic development of the country. In the conditions of most modern states, the peculiarity of the forming information space is in shifting socially communicative practices to the political plane, which can cause deformation of the cultural space and aggravate the crisis of mass consciousness.

In modern conditions, the degree of crisis of mass consciousness determines the level of criticality of the audience's perception of information flows broadcasting in the information space of the state. It is noteworthy that in this case there is an inverse relationship, that is, an increase in the degree of crisis of consciousness reduces the level of criticality in the perception of information, increasing the effectiveness of local media and increasing the impact on the mass audience.

The cultural space of the individual and society, from the point of view of the information component, can be reflected through the signs, symbolic picture of the world of social actors. «The world of signs and symbols has a deeply social character, being for man and mankind both a space and an object of knowledge; and the instrument, and the meaning of communication. In a certain sense, social information, forming information space, represents a facet that reflects all the properties and qualities of the static and dynamic aspects of social existence.»¹³⁶ It can be assumed that this space is so limitless and preserves the potential of unknown symbols and signs as far as the outside world remains unknown.

Human society, and therefore mass consciousness, gave an impulse to the formation of social space, the boundaries of which expand in accordance with the dynamics of civilization. This spatial category is characterized by the presence of a developing standardized symbolic system, its semantic and value interpretations in the human mind, and the number of variations and interpretations also directly depends on the dynamics of the development of human society and the degree of integrative and disintegrative processes in it.

¹³⁶ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 25.

In our view, the nature of the social space presupposes its synergetic characteristics, which determine the systemic nature of its elements and ensure not only its functional but also its institutional organization. In this context, it is the self-organization of the social system that largely explains the reasons for the progressive development of human civilization, its ability to preserve and translate the knowledge accumulated as a result of evolution. In this regard, special emphasis should be placed on the educational aspect of the social space, which at the present stage is inconceivable without an institutional organization. By laying the foundations of the world outlook and axiological system of society, the educational system acts as a generator and stimulus for the development of social space. It should be noted that the process of socialization of the individual, largely regulated by the educational system, not only ensures the translation of the social heritage of society, providing a kind of communication between generations, but also understanding the subjects of the study received information in accordance with the set of standards and rules that are traditional for specific social environment¹³⁷ that organize human behavior. «The generations are born one of another in such a way that the new generation is immediately faced with the forms which the previous generation gave to existence. Life, then, for each generation is a task in two dimensions, one of which consists in the reception, through the agency of the previous generation, of what has had life already, e. g., ideas, values, institutions, and so on... The content of any particular mind, on the other hand, comes from culture. No individual can ever originate his culture – it comes to him from without, in the process of education... By culture we understand the sum total of what an individual acquires from his society – those beliefs, customs, artistic norms, foodhabits, and crafts which come to him not by his own creative activity but as a legacy from the past, conveyed by formal or informal education.» In other words, the functional dimension of human civilization predetermined the stratification of social space and the formation of its cultural segments.

¹³⁷ Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. – New York, 1952. – P. 31, 43, 103.

The social conditionality of human civilization predetermined the formation of a cultural space, the phenomenon of which has not so many opportunities to accumulate the results of material and spiritual activity of human groups, as well as the specificity of perception of the world around them, but the ability to reproduce, actualize a particular culture and ensure the preservation and development of the cultural space.

At the same time, the institutional dimension of human civilization predetermined the formation of its political (state) segments, the modernization of which also involves the creation of an institutional mechanism that depends on political actors and changes in accordance with political practice.¹³⁸ In these processes, the most important are the political, legal, social, historical, cultural and infrastructural fields of institutionalization.¹³⁹ It should be noted that culture in the process of institutionalization is designed to preserve the stability and sustainability of the development of the society, while political institutions provide rationalization of social management, minimize contradictions, prevent social crises and conflicts based on knowledge and information.¹⁴⁰

The social conditioning of the political space suggests that it is more appealing to the objects of the material world and is designed to optimize the development of social space in the context of its structural organization and loyalty to the existing political hierarchy. However, the existence of political space is directly dependent on the ideas and ideals cultivated by the subjects of the political process. It is the ideological component of the political space that largely determines its viability and immunity to the manifestations and actions of alternative spatial categories of this rank. It should be noted that the active introduction of a certain ideology into the mass consciousness within the political

¹³⁸ Патрушев С. В. Институализм в политической науке // Институциональная политология. Современный институализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 11.

¹³⁹ Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / Под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 196.

¹⁴⁰ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 28.

space is possible only at the stage of its formation, since the latter can be guaranteed if the ideological content is extrapolated into the information space and its adoption of cultural and wider social. As a rule, the dissemination of ideology is carried out directly by political and sanctioned (lobbied) public institutions by them, and the naturalness of including the latter ensures the efficiency of the first.¹⁴¹ At the same time, the existence of ideology is unthinkable outside the axiological coordinate system of cultural space, often used as a foundation for ideological information, without its association, and in most cases also parasitizing cultural artifacts, traditional for a particular society.

It is the political space that is more subjective and it seeks to influence the social sphere, introducing certain settings and forming stereotypes through information and cultural spaces. In this situation, the functional essence of the latter, due to the development of certain mechanisms and ways of institutional influence on them, is to a large extent subjected to a change, not always logical and natural. Therefore, it is extremely important for us to analyze the phenomenon of the cultural and information space as an objectively existing reality and to a certain degree of opposition to the subjective socio-political space.

In many respects, the stability of the cultural and information space of the modern state will ensure the effective development and coordination of activities among public and state institutions provided a parity of their functioning and adequate representation of information content in the cultural and ideological dimension. It is necessary to pay attention to the fact that the latter characteristic, with direct propaganda execution, lost its relevance long ago, i.e., the ideology in its pure form is not competitive in modern information processes and can not be independent; it is built into the information flows of the most diverse content, and in some cases parasitizes them.

The experts define the current state of culture as a stage of transition from a local to an integration level, in which local cultures find themselves within the

¹⁴¹ Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

global communication space.¹⁴² In the current situation, we all observe subordination to a «stronger and more aggressive environment,» and in this case there is no talk of any dialogue of cultures. The British culturologist A. J. Toynbee wrote about the expansionist nature of Western civilization, due to its higher level of technological and scientific development in the middle of the XX century.¹⁴³ The policy of civilizational superiority, based on the Eurocentric approach, the rejection of the traditional values of centuries of human development, ignores the uniqueness of the political, national, spiritual and religious development of other cultural and civilizational communities. The attempts to expand Western standards of organization of society cause a response from representatives of other civilizational communities that oppose discrimination of their cultural identity, especially in conditions when other world centers of power and influence are being strengthened.¹⁴⁴

The problem of preserving the cultural space in the context of civilizational development is relevant in the light of modern network technologies that destroy traditional symbolic and cultural spaces, create and introduce new social and political symbols and values into the public consciousness.¹⁴⁵ Indeed, in the framework of a new integrative culture, the dialogue is virtually impossible. Modern media, using new forms of communication, contribute to the formation of common assessments, general norms of behavior, in other words, lead to the dominance of common stereotypes of the «average» culture. Belonging to a particular culture is determined precisely by the presence of a basic stereotyped core of knowledge, repeated in the process of socialization of the individual in a particular society. The formation of stereotypes depends on the degree of

¹⁴² Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

¹⁴³ Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 97.

¹⁴⁴ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5.

¹⁴⁵ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 4.

repeatability of certain objects or phenomena in a person's life and those associations that arise in his mind.

The information dominant of modern social development has almost unlimited potential for cultural development of the individual. However, a society that exists according to the principle of consumption of material culture and its paramount importance in relation to the spiritual sphere turns out to be incapable of consuming and assimilating information flows of alternative cultural content. Assuming its civilizational way of development is the only true, the consumer society is more likely to transfer cultural values, rather than to receive them.

In fact, the world today has been dragged into the global communication space, which dramatically changes the nature of the dialogue between cultures. Today, the communication as such is an independent force that exerts a tremendous influence on the dialogue of cultures, asserting its new, but not always equal, laws and rules. The simultaneous development of two differently directed trends in the context of cultural and civilizational diversity – integration and differentiation inevitably provokes the growth of sociocultural contradictions.¹⁴⁶

In this work, the cultural and information space is presented as a category of sociocultural development of society, including institutional formations of social and state nature, as well as a mass audience involved in the sphere of influence of a particular system. At the same time, the dominant role in the effective development of the cultural and information space is played by the process of interaction of its subjects, that is, the projection of attitudes by state and public institutions, including through the media system, and their adequate reproduction by a mass audience. Thus, the cultural and information space of a certain social community is a set of values, norms, traditions, elements of the cultural and historical heritage functioning in its information environment, ensuring the reproduction of the cultural genotype, mentality and identity of this community.

¹⁴⁶ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 29.

The problems of the cultural and information space are the basic ones in the development of an adequate model for the development of modern states, and their solution can contribute to the effective functioning of the media system and the optimization of relations in the system «state-society-human».

Considering the cultural and information space in terms of its components, it is necessary to determine the priority of each of them in the process of formation of mass consciousness, as well as the model of social reality. Studying the cultural and information spaces as independent systems consisting of interrelated elements and simultaneously acting as components of an objectively wider system leads us to the conclusion that the cultural and information space interacts with other elements of any existing system through its multi-level links. This universal and organic, but at the same time, limited interconnection of phenomena naturally forms a changeable configuration of the cultural and information space¹⁴⁷.

Forming in its mind a picture of the surrounding world as an interrelated set of models of its objects and processes, a person first of all relies on content, meaning, semantics, at the same time, technical means perceive its form as an a priori characteristic of information. Let us pay attention to the fact that the semantic perception of the information flow is closely connected with pragmatic perception. It is known that the sign and the sign system can be considered in three aspects: syntactical, semantic and pragmatic¹⁴⁸, it is the latter two that are of particular interest to modern media and their adequate implementation will greatly enhance the effectiveness of mass communication. The universality of the perception of the form of information as a set of certain codes and the interpretation of its content in the form of images and sensations is possible provided that some agreements between the source and the receiver are followed in the process of communication.

¹⁴⁷ Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 425.

¹⁴⁸ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М.: Наука, 1985. – С. 305.

In this situation, a contradiction arises, «the nature of which lies in the fundamental difference in the approaches of the communicator and the communicant to create a model of social reality. In the modern cultural and information space, not so much the universality of human manifests itself in the unity of the epistemological and variability of the semiotic foundations of the cognition of the world as its uniqueness; at the same time, the a priori axiomaticity of the communicator and a posteriori unpredictability of the communicant are declared. If the first, representing a particular social institution, in most cases is forced to adhere to a certain corporate strategy, the latter is more free in his attitude to mass communication, and his personal orientations and propensities, habits and interests, reason and prejudices become control mechanisms»¹⁴⁹.

This idea at the level of global communicative interaction can be expressed by the following thesis: the cultural content of the information space of each individual society is primary or identifiable from the point of view of the communicant, for the communicator is the information content of the cultural space. It should be noted that, in our opinion, the cultural content of the information space is a system of values, traditions, cultural and historical features traditionally practiced by a particular society. This system is the basis of the mentality of a particular nation and influences the intensity of assimilation, integration of society into the modern information space in terms of activating or excluding certain information flows. At the same time, the information content of the cultural space can be a set of information resources and technologies for interaction with the audience, which within a particular cultural space can significantly narrow or expand their range. In this regard, it is necessary to take into account the universality of the media as a phenomenon of modern culture, integrating the achievements of society at a certain stage of its development, acting on the principle of functional complementarity and possessing the properties of a self-developing system. The effectiveness of infocommunication processes

¹⁴⁹ Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 217.

depends on a certain sociocultural organization of society, which contributes not to the chaotic but conscious development of each individual, stimulates the increase in the level of group consolidation and the effectiveness of interaction between subjects.

In societies where state regulation of information flows excludes or hinders the development of alternative public information channels, in most cases we have to talk about the information and cultural space, which is characterized by the dominance of information content and, accordingly, the information space. At the basis of this phenomenon, in our opinion, lies the information culture, i. e., a systematized set of knowledge and skills to meet information needs, demonstrating the degree of excellence of a person, society or certain parts of it in all possible types of information¹⁵⁰, the ability of the individual and the mass audience to adapt the information to the relevant cultural codes. The redundancy ideologically coloured information disseminated by the state media, of course, contributes to the formation of certain stereotypes in the public consciousness, but almost does not affect the axiological system of the individual and the audience, because staying a long period in conditions of excessive informational influence, social consciousness develops a certain immunity to such pressure. This is the manifestation of the destructiveness of the media, because, on the one hand, the lack of a clear information policy adequate to the domestic political situation, the stereotyped and static nature of communicative strategies reduce the level of mass audience trust in state information channels, and on the other hand, the absence or the competitiveness of alternative sources of information creates the conditions for the emergence of the «side» of undesirable phenomena in basic and socially constructed identities of the modern person.

Prioritizing the cultural aspect and cultural space, it is necessary to identify the algorithm according to which the cultural space of both the individual and the society as a whole is encoded and decoded. In our opinion, in this case it is

¹⁵⁰ Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2–3. – С. 219.

appropriate to interpret the cultural and information space as a category based on cultural information, that is, information adapted to the cultural codes of the individual and the audience. This is more characteristic of the cultural and information space of the state, where there are no clearly expressed threats to national security and the emergence or escalation of foreign policy conflicts. An exclusive value in this aspect is the correspondence of information not so much to the cultural codes, i. e., to the language, traditions, norms that are natural in mass perception, as to their mental projections, i. e., to socio-political intentions of mass consciousness, to moods in society¹⁵¹. The latter, according to N. Luhmann, «is an example of self-reproducing and self-referential system, the form of existence and self-description of which is social communication»¹⁵². Zh. F. Lyotard regarded the modern societies as a set of «mundane discursive practices»¹⁵³. P. Bourdieu represented society as a set of relations that develop into different fields, each of which has specific types of power (politics, education, science, philosophy, journalism, etc.).¹⁵⁴ «The social reality is an ensemble of invisible relations, those very relations which constitute a space of positions external to each other and defined by their proximity to, neighborhood with, or distance from each other, and also by their relative position, above or below or yet in between, in the middle»¹⁵⁵.

Based on the foregoing, it can be argued that it is communication that organizes the sociocultural space, but communicative processes create the environment of the society – information and communication space. «Information and communication space can also be defined as a part (subspace) of the space of the sociocultural space. In this case, a «matruschka» scheme is supposed, that is,

¹⁵¹ Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 427.

¹⁵² Luhmann N. The World Society as a Social System. International Journal of General Systems. – 1982. № 8:3. – P. 131–138.

¹⁵³ Lyotard J. F. Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006. – P. 221.

¹⁵⁴ Добренъков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. – Доступно: http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

¹⁵⁵ Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. –1989. – Vol. 7. – № 1. – P. 16.

the inclusion of of social reality and validity areas which are primarily informational and communicative factors.»¹⁵⁶

The existing cultural matrix of a modern society is not able to resist the objective information expansion of a particular concept for a long time. As a rule, the society prefers those ideas that are most actively replicated media and fixed in the mass consciousness of people. In these conditions the main function of the cultural-information space appears, declared O. P. Neretin as «ensuring effective information impact of cultures, their access to world cultural and information resources, impact on the formation of the spiritual image of man and society».¹⁵⁷

However, in the situation of global instability, the deformation of the cultural and information space becomes more likely, especially since this process is fraught not only with the change in the sociocultural situation in society, but with the complete disappearance of individual subjects of the world community due to the divergence of implicit and explicit intentions of elite and mass culture.

Undoubtedly, the stability of state development depends more on the adequacy of the information policy of the country as a whole and of each of its regions separately. Within the framework of a single information policy, not only mass consciousness is formed, but also a model of social reality, largely determined by the efforts of the media. Modern science has long put into one synonymic series such concepts as «state» and «information» security, since in the context of global challenges the main strategic national resource that determines the economic and defensive power of the state are information and information technologies on which all spheres of life of any society depend critically.¹⁵⁸

The unity of the cultural and information space and its effective development is ensured by the stability of internal links of each subsequent stage with the previous one. And this connection does not simply reject, but broadcasts

¹⁵⁶ Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // Оптимальные коммуникации. 2010, Март.

¹⁵⁷ Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 16.

¹⁵⁸ Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 19.

the most significant moments of the previous one. In this sense, any level of modification of the cultural and information space, in our opinion, can be qualified as a one-time denial of the old quality, but new formats, observing continuity in the development of the system, provide not only the preservation of the entire system, but also its long-term continuation. In the system of communications, this dialectical feature of development is that at a new level a unique return to the past occurs: the most effective forms and methods of interaction in the «communicator-communicant» system, the properties, functions that took place in the previous stages, are reproduced already in a modified and transformed form. At the same time, attention is focused on the communicative practice in the context of globalization: the identity of mental activity in practically all cultures is compensated by the variability of the interpretative activity of representatives of different cultures and religions.

The constantly growing qualitative and quantitative flow of information, the rapid development of mass communication media, total globalization directly affect the information environment, once again prove the necessity for its modeling and monitoring.

However, at the present stage the use of modeling is fraught with a number of difficulties: there are significant fluctuations in the definition of concepts, classifications and functions of models developed by scientists. We will try to propose a variant of a **certain sustainable model** of the cultural and information space based on the objective parameters of the audience included in the matrix and affecting the stability and sustainability of the cultural and information space of the modern state. Note that the rows of the formed matrix are presented in the third chapter by the corresponding characteristics of the audience, and the columns are the elite.

The ideological status and factor implies the analysis of the state of mass and elite consciousness in the context of adherence to the state idea and the degree of consolidation of society. F. Nietzsche argued that ideology is eternal, because it is based on psychology, morality and the system of values of the individual. While

there are value judgments, morality – there is an ideology. «Moral value judgments are ways of passing sentence, negations; morality is a way of turning one's back on the will to existence»¹⁵⁹. Any forms of social life and directly of the human person were viewed through an «ideological» prism.

Ideology can not be understood outside the context of culture and society. And, nevertheless, it affects society indirectly. Ideology – as a religion, politics, law – develops on the basis of mythology as an integral and undivided social consciousness.¹⁶⁰ The identification of ideology with mythological or religious consciousness occurs on the grounds that they contain an element of faith that is closed to skeptical analysis.

According to the researcher N. P. Lukina, the fate of modern society «is put by researchers in dependence on the creation of a new effective ideological doctrine that is able to ensure its spiritual unity, cohesion and to become a motivating and unifying force that shapes public self-consciousness guiding human behavior.»¹⁶¹ These judgments make it possible to note the «stability of the archetype of ideology» in the social consciousness, as well as in the cultural and information space. The ideological programming of human consciousness involves the control of the main spheres of spiritual activity – cognition and communication. The media in this respect are the basic institutions capable of realizing this task.

The analysis of **the socio-cultural characteristics** of the audience and the elite involves receiving answers to questions of intercultural communication in society, determining the degree of its tolerance, cultural self-awareness of the population. In most modern states the problem of interethnic relations has become a state one, while the existence of multiethnic communities directly depends on the adequacy of the socio-cultural process. The failure of the concept of multiculturalism in European countries, which was repeatedly spoken by the

¹⁵⁹ Nietzsche F. The will to power / Ed. by W. Kaufmann. – New York: Vintage Books, 1967. – P. 11.

¹⁶⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000.

¹⁶¹ Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // СОЦИС. – 1996. – № 7.

Western European leaders, as well as negative trends in the Russian Federation, confirm the relevance of socio-cultural characteristics and their diagnosis in society¹⁶².

The psychological characteristics of the population and the elite are a barometer of the adevactivity of the socio-political process and the stability of the cultural and information space.

D. V. Olshansky rightly argues that in the humanities «there was a huge failure in the study of the most important sphere of social and psychological phenomena that make up a huge part of our daily life ... The psychology of the masses began to be mentioned only casually, as» mass phenomena «– above all the crowd. The lack of serious attention to this subject gave rise to the taste of a negative attitude as something not very important that is on the sidelines of scientific knowledge».¹⁶³ The analysis of psychological factors and statuses will allow timely to diagnose the degree of crisis of mass consciousness and to prevent the specific form of its manifestation, as well as create not only a promising behavioral model of mass consciousness, but also a response of social institutions to this behavior.

The perception of information by representatives of society is influenced by the degree of its social adaptation, in particular – **pragmatist** (social and professional) and **material** characteristics.

Today, one of the most important areas of humanitarian research is the study of economic and psychological characteristics of the attitude to money and subjective prosperity of representatives of state and commercial structures.¹⁶⁴ The social status and the degree of satisfaction with the material situation are one of the main factors that stratify society. The economic consciousness of individuals and groups in most cases is determined by the level of subjective well-being and

¹⁶² Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // Letopicez. – 15 сентября. – 2011. – Доступно: <http://anvictory.org>

¹⁶³ Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – Доступно: <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

¹⁶⁴ Дорохова И. С. Экономико-психологическая характеристика личности и эмоциональный компонент субъективного благополучия и особенности отношения к деньгам. – М, 2005.

largely affects the stability and direction of the socio-political process, as well as the stability of the cultural and information space of the modern state.

The demographic parameters of the audience and the elite are differentiated into age, sex and educational characteristics. These characteristics, acting as additional criteria, will make it possible to identify those groups of the population that are more or less tolerant of the socio-political process and the socio-economic landscape has emerged from the information policy of the state.

Thus, forming the matrix of the cultural and information space stability, it is necessary to take into account the ideological, activity, socio-cultural, psychological, material and demographic factors that can be adjusted to varying degrees under the influence of the media and other public or state institutions.

2. 2. Institutional dimension of cultural and information space

The evolution of social formations stimulates the process of improving the principles and mechanisms of the political and management system, which at the present stage includes virtually all social formations. The power of the influence of political systems on mass consciousness often allows them to act as a catalyst for systemic social transformations.

The political analysis of the institutional foundations of the development of society offers a fairly wide range of methods and approaches to the study of this phenomenon. The classical institutional approach considers political institutions, excluding the relationship between formal norms and informal attitudes («rules of the game»), which form complex organizational relationships in the society, providing it stability and order. The concept of «new institutionalism» («neoinstitutionalism») expands the interpretation of the concept of «institution» due to the dominance in it of the theoretical basis of behaviorism and the theory of rational choice. «New institutionalism seek to elucidate the role that institutions

play in the determination of social and political outcomes. However, they paint quite different pictures of the political world».¹⁶⁵

Neoinstitutionalism within the framework of political science can be reduced to three basic postulates, according to which institutions:

- are legitimate actors with their own interests;
- establish certain rules of human behavior;
- allow to evaluate the results of policy and are its main determinants.¹⁶⁶

Speaking about the differences between institutionalism and neoinstitutionalism, G. Peters notes that the representatives of the first trend were mainly confined to describing institutions, whereas neo-institutionalists consider institutions as dependent variables interacting with other social phenomena that as independent variables influence institutions. In this study five aspects of neoinstitutionalism, singled out by the scientist are represented: historical, structural, rational, normative and social. But the last two of the five are of particular interest. These areas research, firstly, the set of values that determine the behavior of the individual and society, and secondly, the nature of interaction between different social groups as well as between the state and society.¹⁶⁷

Expanding its sphere of influence, the political system thanks to its institutional nature, assumes new functions and, correspondingly, obligations in solving new tasks, most of which are connected with the economic and cultural spheres of society. The degree of intensity of the influence of the political system is largely determined by the stability of mass consciousness towards the main ideas generated by representatives of the political elite, and public resonance at various stages of social development is regulated by methods and means in accordance with political regime.

¹⁶⁵ Hall P. A., Taylor R. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. – 1996. XLIV. – P. 936.

¹⁶⁶ Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / *Проблемы политической науки*. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.

¹⁶⁷ Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / *Политическая наука: новые направления* / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999. – С. 218.

Autocratic states in evolutionary processes paid special attention to declaring their views as the only true and indisputable, and also they paid to the suppression of any alternative moods in society by force. In these conditions, the public institutions necessary to the state-political regime had to act as supporters of the national idea and strongly support it.¹⁶⁸ The media in such states belong to state institutions and media are known to be completely subordinated to the political elite. The main task of media is to inform the population about the current events in such a way that the current government is positioned in a positive light. All public institutions created by the state declare the validity and prospects of the current government, the axiomatic its views and political interests. At the same time, the functioning of the opposition media is either completely blocked or instigated by state structures and reflects a loyal attitude towards the authorities.

Network technologies in most countries of an authoritarian and totalitarian regime are also limited, as subordinated to the universal rule of indisputability of state ideology. The number of foreign media in such countries is limited, and their activities are strictly limited both in thematic diversity and in the sources of information. Most modern authoritarian regimes, unable to establish total control over all media, try to increase the effectiveness of such control. This allows them to guarantee their influence, implant a pro-government interpretation of events, confirming the legitimacy of their power, and at the same time nullify all the efforts of potential competitors.¹⁶⁹ Historical retrospective shows that elements of such a socio-political system were inherited in different periods of their development by almost all modern states.

At the present time, the command-administrative, authoritarian model of the functioning of the media is generally recognized as insolvent, and this model is more characteristic for states that have some unique resources, that are often in demand in the international energy sector. We do emphasize that such a strategy of

¹⁶⁸ Снетков В. Н, Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125.

¹⁶⁹ Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ. // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html> (дата обращения: 10.02.2017)

institutional interaction in society is still preserved in developed political systems. At the same time, only the vector of ideological orientation is changing: earlier authoritarianism was limited by the internal political sphere of the state and the ideas replicated in the society concerned exclusively national interests, without affecting the system of international relations. Today the sphere of interests of individual states is oriented toward foreign policy development and the expansion of its national projects into the world space. In this context, the signs of authoritarianism of the political system of developed countries and intolerance of their elites to the alternative position of other states are clearly manifested. New information technologies, on the one hand, and the changing the content of intergovernmental relations of the largest geopolitical players, on the other, led to the resuscitation of the concept of the «cold war». The technologies of information confrontation and counteraction are broadly used as methods for achieving foreign policy goals, weakening the potential or real enemy, influencing the internal policies of sovereign states, changing political regimes, preparing and implementing «velvet» revolutions and coups and even informational «capture» of foreign territories.¹⁷⁰

The states that do not have the possibility of a real impact on international political and economic development and don't have the resource potential are more free from authoritarian ambitions; as a result, they are inclined to communicate in the social environment on the principles of dialogue and tolerance towards all subjects of the political, economic and cultural spheres. However, in this case it is also worthwhile to pay attention to the cultural continuum, where one or another model of information interaction is cultivated.

Political institutions in transforming societies because of their lack of experience of functioning and interaction in a new social and political environment are unstable, that it gives rise to a discussion about what conditions and factors, political institutions and practices democratize a system, legitimize political

¹⁷⁰ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 6.

power.¹⁷¹ For successful reforms, as well as in conditions of stable social and economic development, a high level of social and political support for the current government and favorable public opinion are necessary, and this opinion contributes to the evolution of society. The lack of public support for public policy decisions often causes social upheavals, which in modern conditions can be expressed in the form of network protest campaigns.¹⁷² Having an extremely high potential for the formation of political reality and ideas about the existing world order, the media are one of the main instruments of influence on public consciousness in political management, which essentially reduces the existing political reality.¹⁷³ Indeed, in the conditions of democratic development of the society, journalism is a consolidated mass communicator, representing the interests of different social groups, generalizing and to some extent building links between them. Journalism also assumes the function of a link between public and state institutions. At the same time, in the political journalism the priorities of state interests as a rule take precedence over the priorities of the individual.¹⁷⁴

The coordinated functioning of state and public institutions contributing to the effective development of the country is possible provided that there is an open communication, adequate to the experience of the population acquired as a result of access to alternative sources of information. The lack of critical opinion in society and the positioning of the actions of the current government and its political decisions as the only correct and the only possible have a negative impact on the sustainability of social development. The role of the media as a detonator or stabilizer of public consciousness in this situation increase, and the functional range significantly expand. Information requests of the mass audience are not limited by the information offer of state media, and the satisfaction of information

¹⁷¹ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

¹⁷² Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016. – С. 18.

¹⁷³ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 31.

¹⁷⁴ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 66.

requests is impossible only by positioning the current government, that is typical for the media of autocratic states.

The state media, as well as their founders, are not always able to show flexibility in communicative interaction with all social and political actors. The directiveness and declarativeness of the state media as the residual phenomena of the previous political system often undermine their credibility, reduce their relevance on the audience and force it to turn to alternative information channels systematically. In our opinion, in most cases state media report the facts, react to information provocations towards political structures or individuals and try to justify their activities.

Such a functional specificity of the media can be expressed as a complement to Karl Deutsch's cybernetic model of the political system, and at the present stage this model can be applied to any institutionally organized entity. The «output» of this model needs to be strengthened with external and internal probes whose functions are most likely to be carried out by the media, and their main task is to predict the audience's reaction and to correct «decision-making» by introducing certain attitudes and assumptions of structural and functional changes into the mass consciousness. In the decision-making process, the «center» should also note the importance of the participation of the «cultural continuum» of the society, expressed in the scheme by the memory and values block, which will allow to get more effective results expressed in the adequate actions of the authorities in the context of the worldview of the mass audience (Figure 2) .

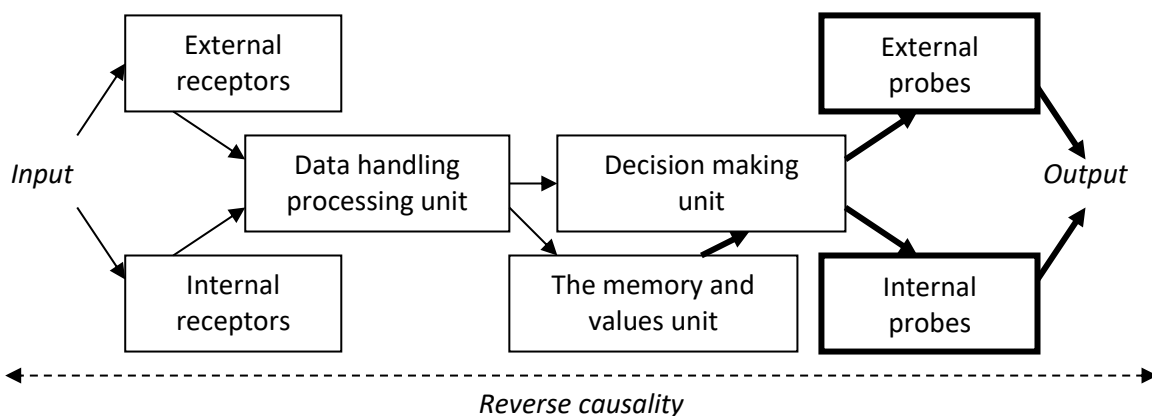

Fig. 2. K. Deutsch's information-cybernetic model of the political system

The modern model of the functioning of most states as a political system, as well as the institutional hierarchy of society, corresponding to the postulates of cybernetic model of K. Deutsch, presupposes the active usage of means for sensing a mass audience and cultivating certain stereotypes on certain issues of their preliminary coverage in the media. The institutional component of the modern state, which is the dominant of its organization, is characterized by the variability of the functional load of public and state institutions in the process of realizing their natural rights and the needs of various subjects. In this case, the predominance of profile interests, the solution of professional problems by each specific actor of governance and social development is obvious.

In the conditions of the crisis of the socium of states with postponed foreign policy status, such a development model is transformed and it defines the functional component as the dominant of the state organization. In this situation, in such countries, a single functional burden of institutional entities at all levels, expressed in defending unifying state-wide ideas, is designed to consolidate the society and resist any threat to the state. According to the functional theory of international regimes¹⁷⁵, states create institutions if they help to fulfill the functions of the state. The institutions change state beliefs and strategies must, they must have the power and strength¹⁷⁶ to influence governance because of their stability in the face of changing fundamental variables, such as power and interests.

According to T. Parsons, society interacts within four subsystems: economic (Instrumental Achievement Structures and Stratification), political (Territoriality, Force and the Integration of the Power System), social (Kinship Systems) and spiritual (Religion and Value-Integration)¹⁷⁷, each of which, performing certain functions, responds to internal or external requirements. In this sense, the main content of social development is to increase the adaptive capacity of each of the

¹⁷⁵ Keohane R. *After Hegemony*. – Princeton, 1984. – P. 85–110.

¹⁷⁶ Martin L. *An Institutional View: international institutions and state strategies / International order and the future of world politics / edited by T.V. Paul and John A. Hall*. – Cambridge, 1999. – P. 85.

¹⁷⁷ Parsons T. *Social System*. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005. – P. 106–115.

subsystems, provided they are functional differentiated and the organization becomes more complex. It is accepted to divide four levels of social organization:

1) the primary (technical) level, where the actors interact directly with each other;

2) the management level that regulates the information exchange processes occurring at the primary level;

3) the institutional level that consolidates the management functions in various social practices;

4) societal level, which «unambiguously concentrates in political spheres».

Each level performs controlling and regulating functions in relation to the lower level by equilibration by counteracting forces, the latter being the mechanisms of social control. It is presumed here that such «equilibrium always implies integration of action with a system of normative patterns which are more or less institutionalized. The meaning of regulation is to maintain a state of equilibrium throughout society, because in the event of a disturbance in the balance of forces, the resistance forces can move»¹⁷⁸.

The domination of state media and the absence of alternative channels in the cultural and information space of the state facilitate the unification of public and political institutions, increase the degree of isolation of the political and managerial elite, and form an idealized sociocultural situation in the elite consciousness. In addition, under the conditions of a completely state-controlled cultural and information space, an illusion of interaction between public and political institutions is created, making it more difficult for them to «progressive» evolution to higher systemic levels and reducing the adaptive capacity of the mass audience to include and generalize values¹⁷⁹.

Thus, the naturalness of the dominance of state institutions in the cultural and information space of modern countries is fraught with the levelling out of competition between the authorities and society in the content of the information

¹⁷⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 187.

¹⁷⁹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171.

space; it is directly proportional to the urgency of the problems of implementing national (state) ideas and inversely proportional to the activity of public institutions in the formation of a cultural space.

The cultural and information space of states with a static political elite, being in power, acquires specific characteristics in the process of its development and interaction with the mass audience, which, on the one hand, consist in the temporal strengthening of the centripetal vector of thematic and contextual uniformity in describing the internal political state of society by state media, and on the other hand – in compensating their declaration centrifugal processes of typological diversity of the media both in terms of ownership and ideology. Uncriticality in assessing situations and lack of strategic thinking in government, as well as the lack of political will in making powerful decisions, lead to the collapse of the state as a system. «The destructured state institutions are not able to ensure the normal functioning of society and support the material and spiritual benefits of the population at a level sufficient for the sustainable development of the country.»¹⁸⁰

Many years of experience in positioning events by state media in the light of the authorities in states with postponed foreign policy status, as well as artificially updated post-positioning of iconic historical cultural events make it difficult to switch to a new format of broadcasting, which is dominated by the preposition of socially significant information. Thus, in most of the self-determined republics in the thematic range of state media dominate materials describing the events of armed conflicts, tragic events, etc. In our opinion, this approach allowed to consolidate society to a large extent in the early stages of statehood. However, at present, this information policy does not meet the needs of the audience, it can be seen through the low ratings of the state media of states with postponed foreign policy status. Alternative channels, having a higher rating among the population, not only strengthen their positions by spreading supposedly independent

¹⁸⁰ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 130.

information, but also can prepare the audience for certain changes, probing and forming certain moods in society.

Taking into account the mentioned problems of the formation of the cultural and information space of states with postponed foreign policy status, it is necessary to emphasize that «the information content of the latter, oriented on the external consumer of information, in most cases still remains on the domestic information market, repeatedly replicated by regional media and thus creating an undesirable effect. Regularly referring to ideological, patriotic, cultural and historical content, the state media provide support to the state with postponed foreign policy status to stabilize and strengthen the social situation, however, the mobilization component of information flows at a certain stage ceases to be adequately perceived by the majority of the population, which may indicate the formation of certain stable autostereotypes»¹⁸¹.

Emphasizing the obvious and trivial subjects for the majority of the population, the media of states with postponed foreign policy status, being autonomous from the external consumer, create the effect of irritability, which will negatively affect the level of demand and confidence in the mass audience.

The media, a priori suppressing the actual social and political problems and especially the manipulative ones, «disseminate and consolidate in the public mind the stereotypes of opinions, judgments, estimates that benefit the political forces in one way or another and which, as a result, influence on a political choice.»¹⁸² The manipulative nature of mass communication undermines confidence in the media, reduces the effectiveness of interaction between media and the audience. The use of manipulation practices is dangerous because social communication is gradually transformed from a mild persuasive and explanatory form into a rigid information and psychological violence over the consciousness and subconsciousness, the

¹⁸¹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 169.

¹⁸² Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: Изд-во ВК, 2005. – С. 52.

perceived factor of which is the pressure on the recipient to change his thoughts and behavior in favor of the manipulating side.¹⁸³

The research of modern political technologists, taking into account «the duality of communicative and communication processes, changed from the technological plane to the humanitarian one long ago, and the lack of technical novelties and innovations is increasingly compensated by innovative approaches to manipulating the public consciousness. This situation doubles the influence of the information sphere on the flow of international processes and interstate interaction. It should be noted that in the future this influence will only increase as the role of information institutions in the process of achieving certain political, economic and cultural goals, which in turn will affect the vulnerability or stability of the socio-political system and national security generally»¹⁸⁴. Moreover, it should be noted that in the current international practice the main «painful» levers have already been identified, whose activation can radically change the attitude towards this or that subject of international law. For example, in relation to states with postponed foreign policy status, stereotypes such as separatism, illicit arms production are firmly entrenched; the countries of the Arab world are associated with terrorism; the countries of Central America are known for their drug trafficking and crime, and so on.

At the same time, world experience confirms that external pressure does not lead to peace and harmony in states that have experienced foreign interference, their political systems continue to be in a turbulent status, and new hotbeds of tension emerge. The current political situation, i. e., the status of the political system and the complex of interactions between its subjects¹⁸⁵, for example in Kosovo, where the majority of Serbs do not want to obey the institutions of power of a self-proclaimed and partially recognized state, is an example of the

¹⁸³ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 125.

¹⁸⁴ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 170.

¹⁸⁵ Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. № 8. – С. 65.

controversy of the model of solving the national question used with the participation of the West . Solving the problems of intercivilizational competition is impossible only within the framework of interstate relations, it is necessary to develop new institutional formats that unite both state and non-state actors.¹⁸⁶

The effectiveness of the development of society is largely determined by its ability not only to use modern information technology qualitatively and rationally, but also to adapt them to the conditions of a specific socio-cultural environment. At present, the nature of the relationship between the authorities and the media is far from unambiguous, therefore it is extremely difficult to determine the dominant side, since, according to M. Castells, «Political systems are engulfed in a structural crisis of legitimacy, periodically wrecked by scandals, essentially dependent on media coverage and personalized leadership, and increasingly isolated from the citizenry»¹⁸⁷. Indeed, at the present stage «the legitimacy of political power is ensured by the low level of development of political culture, manipulation of public consciousness, and also the development model proposed by society, which presupposes the priority of relative economic prosperity in comparison with democratic freedoms.»¹⁸⁸

Developing this idea, we can formulate a hypothesis: in the process of intensification of globalization processes of information interaction, the dynamics of the cultural and information space of each individual state is a derivative of the legitimacy of its power institutions not only and not so much at the international level as at the level of the internal sociocultural environment. Modeling the situation, it can be assumed that the further development of a global society with respect to the formation and isolation of the cultural and information space of any region will be characterized by a diminishing role of state structures, since the cultural dimension of space depends on public, non-governmental institutions,

¹⁸⁶ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5, 7.

¹⁸⁷ Castells M. The Rise of the Network Society: 2nd ed., with a new pref.. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 3.

¹⁸⁸ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

while the information dimension is determined by the degree participation of the state.

In this respect, the indicator of the real situation in the cultural and information space can be a model of the functioning of the media, defined as socially active, provided that the models of social reality, the proposed media and the expected audience converge. Given the divergence, the cultural and information space is characterized by the activity of state regulation of the processes of its formation.

On the one hand, the state regulation of communicative processes in the modern world facilitates integration into the global space (in the absence of information restrictions) and, as a result, the unity (consolidation) of the cultural space of the state. On the other hand, limiting the access to the outside world emulates (imitates) the processes of global integration, enhancing the differentiation of the cultural space of the state.

This detailed tendency becomes more obvious, since the degree of social stratification and, consequently, the heterogeneity of the cultural and information space (other than the above factors) increases correspondingly to the typological diversity of information institutions functioning in the society, the limit of which is determined by the change in their constructive influence on the destructive¹⁸⁹.

The problems of cultural and information development of the state are permanent for discussion at all levels of political power, since the real need for re-evaluation of existing concepts of information delivery is dictated by constantly changing both external and internal factors. Taking into account the cross-border cultural orientation of the majority of modern societies, which determines not only the communicative variability of activating the processes of reflecting the cultural and information space of each country, but also the formation of an adequate worldview with objective content, further development of its cultural and

¹⁸⁹ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171–172.

information space can be guaranteed, in case cultural integration of public institutions into the global information space¹⁹⁰.

At the same time, the specificity of the cultural and information space of most modern states to some extent lies in the polyethnic nature of society. In line with these arguments, it can be stated that the modernization of the cultural and information space of states with postponed foreign policy status in most cases is a consequence of the purposeful actualization of the marginal identity, which, as a rule, was ethnic identity. The numerous ethnopolitical conflicts in the former Soviet Union became the result of rash extrapolation of standard democratic standards in the countries of the new abroad which the official ideology was based on the ideas of ethnocentrism. The policy pursued by the elite of the countries of the new abroad, unjustifiably leveling the existing principles of regionalism and ignoring the concept of the formation of polyethnic cultural and information spaces, has provoked a protest reaction of certain groups of the population. In addition, it is ignoring the phenomenon of regional identity against the backdrop of active ethnocentric processes that contributed to the preservation of the cultural and information space of individual regions and even to the emergence of new state formations¹⁹¹.

The development of the modern cultural and information space demonstrates a stable dynamics of spatial expansion in the context of reducing of temporal characteristics. It is also necessary to pay attention to their different nature: in the «ideal world – material world» system, the space can be changed and transformed by the efforts of human civilization. The time in this situation has the characteristics of an ideal dimension that is under the control of a person.

In the context of the processes of globalization, the space fully corresponds not only to the trends in the transformation of national economic systems into global ones, but also to the trends of expanding the framework of national consciousness to a planetary scale, i. e., it becomes practically unlimited.

¹⁹⁰ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 172.

¹⁹¹ Ibid.

If the technological revolution in many ways predetermined the reduction of time parameters necessary for performing any production cycles and increased the mobility of economic, political and information elites, then modern communication technologies, guaranteeing in most cases «zeroing» the spatial component in large part due to the network architecture, equalized the possibilities of an elite and mass audience. This functional feature of the global network has caused the technological development and demand for the computer industry, the improvement of software and hardware components that contribute to the multiple increase of information flows. Since such a breakthrough in the information sphere and the rapid pace of its evolution in the social dimension far ahead of the readiness self-selection of adequate information by mass audience, the whole range of network resources can act as both a unifying and divisive factor.

This contradiction actualizes the problem of interpreting space, because its virtual infinity, realized, as a rule, in individual communicative practices, is fraught with deeper differentiation in social terms: the manifestation of new identities, the isolation of individual regions and even their fragmentation.

That is why the preservation of the modern system of identities in a society against the background of an increase in the number of information channels is the basis for preserving its cultural and information space, provided that the processes of sociocultural stratification are balanced through network communication that promotes the development of libertarianism and the actualization of the phenomenon of the multidimensional identity (polyidentity) of an individual in states with postponed foreign policy status.

Given the immediacy of the network interaction between the source and the recipient of information, it should be noted that the information dissemination channel as one of the main conditions of the communicative process (in the source-channel-receiver system) retains its importance exclusively from a technological point of view. The channel for disseminating information from a social point of view can be seen in the form of any media, including the mass media, which

ensures the process of not only direct dissemination of information, but also its interpretation and giving it social contexts and meanings.

It is necessary to take into account the emphasis of the specificity of the audience's perception of information flows, since there are two main ways of reaction to the world – emotional and rational.¹⁹² Speaking about the models of social reality, it is necessary to take into account the predominance of the emotional principle over the rational evaluation of the surrounding reality in the course of mastering the socio-cultural reality. Direct experience of the fullness of existence is not only and not so much rational, as emotional. The essence of journalism as a form of social cognition is also based on the unity of rational and figurative comprehension of reality. It is through the synthesis of scientific and artistic methods of mastering and reflecting reality that journalism is aimed not only at knowing an object, but also creating a certain image of it, treating it through information impact.¹⁹³ The unity of the rational and emotional, taken from the point of view of the fullness of being, puts the emotional moment first. If the rational is not life, but only an abstract condition for the possibility of life, then the emotional is the very content of life. However, it is the parity of two opposites and the study of one through the prism of the other allows us to obtain adequate interpretations in the process of functioning of a modern personality.

In the communication effect, two forces compete: beliefs and suggestions. But they are not equal, the first is addressed to reason, rationality, the second – to emotions, feelings, to the collective unconscious. The impact on the audience according to the linguistic theory of argumentation is also divided into rational and emotional. Due to the fact that the nature of man is binary, it is reasonable-emotional, the question of the priority of emotional or rational factors influencing decision-making retains its controversy, and due to this also the relevance.¹⁹⁴

¹⁹² Доброхотов А. Л. Введение в философию. – Доступно: <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

¹⁹³ Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник Санкт-петербургского университета. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – С. 119–123.

¹⁹⁴ Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М., 2003. – С. 40–43.

Rationality and emotionality in terms of mass communications appeal, respectively, to the satisfaction of practical, functional needs or psychological, social or spiritual needs.»¹⁹⁵ Rational argument reveals the internal signs of objects and phenomena, relies on logic, inferences and is connected with the content-conceptual information. Emotional argumentation is focused on emotions, feelings and sensations.¹⁹⁶ What people feel can be as important as what they know.¹⁹⁷

The resistance to emotional pressures from the media is almost impossible due to the trend that is becoming more pronounced in the modern information world. Yu. Habermas in his works wrote about the problem of reducing critical knowledge in democratic societies. According to his concept, a free public discussion of sociopolitical problems by the audience and its right to choose is, in most cases, replaced by expert opinions based on instrumental-rational knowledge.¹⁹⁸ Developing this idea, we can assume that the process of communication influence on the mass audience by the force of images and the intensity of the communication flow is also based on instrumental-rational knowledge on the technologies of «treatment of people by people».¹⁹⁹ So, the image in mass communications is a rational and emotional impression based on the designated sustainable meaning.²⁰⁰ And the spontaneous images that arise as a result of analysis, commenting on the impression of the object, and constructed images, i. e., formed depending on the intentions of their creators and aimed at changing the object, are based, as a rule, on certain senses outside of which cease to exist. The trust to these images and meanings within the socio-semantic model

¹⁹⁵ Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995.

¹⁹⁶ Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 255 с.

¹⁹⁷ Уэллс У., Бернет ДЖ., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – С. 272–273.

¹⁹⁸ Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия // Западная теоретическая социология / сост. И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – СПб.: Ольга, 1997. – С. 309–329.

¹⁹⁹ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 122.

²⁰⁰ Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006. – С. 387.

of communication effects determines the efficiency of the communication impact on the audience.²⁰¹

The resonance of socially significant processes and events, repeatedly amplified by the means of mass communication in the cultural and information space, loses the emotional background dominating at first, completely passing into a rational dimension. And the interest of the mass audience in the strategic decisions of the government in projecting on the internal problems of society does not decrease over time, constantly being supported by tactical moves of state and public institutions and current social problems.

Actual in the framework of the study is an analysis of the peculiarities of the flow and perception of information flows in the situation of foreign policy confrontation, the presence of an external threat to society. In such situations, the emotional background remains at a fairly high level, challenging the right to dominate the rational way of perceiving the mass information. The consolidation of society in this case is based not on internal political unity, but on a single confrontation with external influences, which is in every way stimulated by the media. Such information policy is characterized by excessive attention to foreign policy and a lack of attention to internal political ideology, which is based solely on fear of external threats.

In states with postponed foreign policy status, the maintenance of an emotional background in the cultural and information space contributes to the formation of a kind of immunity in the mass audience to socio-political events, which makes the population, on the one hand, more stable and tolerant of current problems, forming clear stereotypes in the «friend-or-foe» system and by modifying the hierarchy of cultural markers and social identities of the modern person, and on the other – inert and manageable population because it appeals to the foreign policy situation precludes adequate assessment of events. With regard to producers of information products, this information policy is fraught with

²⁰¹ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 118–119.

stereotyped professional approaches to coverage of any events in the context of interstate confrontation, as well as inability to adequately assess the events.

In some states with postponed foreign policy status, the crisis mass consciousness affected the algorithm of information perception. On the one hand, the emotional component, permanently dominating the rational, mostly inspires confidence among the population, but not so much due to the high degree of authority of the local authorities, despite the information flows of opponents, not requiring, as a rule, proof of the correctness of the positions of the local political elite. On the other hand, deliberate discussion of certain problems in the development of the foreign policy situation can lead to a levelling of the cultural meanings of the disseminated information, which over time will positively affect the cultural and information space in terms of its emotional stability and sustainable development.

Thus, the emotionally rational perception of the markers of the modern world by the mass audience in the context of the main cultural and information trends of its development predetermines the competition of cultural and information dimensions of the social continuum. Information interpreted by cultural codes, being the foundation for the emergence of culture itself and cultural space, is functionally dependent on cultural space, which greatly influences the intensity and quality of information flows.

The extrapolation to the social practice of the proposed perception model helps to some extent to comprehend the nature of the decline in public confidence in media whose content is monotonous and predictable, and accordingly, the decline in the rating of elites that these media represent, against the background of increased demand for alternative sources of information.

The era of dominance of traditional media largely guaranteed social stability and the adequacy of the presentation and perception of socially important information. In modern conditions, the absence of regulated intermediaries in the communicator-communicant system creates prerequisites for a more variable, free presentation and, therefore, interpretation of the events taking place. The intensity

of the usage of network resources and the impossibility of differentiating them according to ideological, political or cultural conjuncture cause a special attention of public authorities to ensuring the stability of social development, greatly influencing the degree of trust of a mass audience.

Considering communication in the context of socio-cultural development of the state, it should be recognized that regardless of the nature of the information system (state and public institutions), its impact is always directed at a mass audience. In the case of opposition of state and public institutions, any information impact is negative for the cultural continuum and can provoke a transformation of the cultural and information space of the state. Depending on the dominant hand, it can lead to the change of the political system through revolution and the growing role of the state in social processes, bordering on a violation of the rights and freedoms of citizens. The coordinated and mutually complementary activity of state and public institutions is designed to accelerate the formation of the foundations of civil society, and the system of mass communication can act as a catalyst in this process²⁰².

Thus, the sustainability of state development and, accordingly, of the cultural and information space is largely determined by the degree of devotion to the basic national development model, which is based on a traditional value and ideological foundation for society and is cultivated by state educational and information policies. The attempts to dramatically change the axiological foundations of society through the implantation of an alternative value system, undertaken in the late 1990s by the political and cultural elites of the former union republics, led to a split in society, and the media's efforts provoked political conflicts that led to the transformation of the cultural and information space of the republics until its fragmentation and the emergence of new state formations.

In turn, the crisis and, as a consequence, the mobilization of mass consciousness in states with postponed foreign policy status influenced the

²⁰² Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171.

algorithm of perception of the information flows of the media by audience: if the emotional component dominates rational, then most of the information is considered true not because of the high degree of trust of local authorities, and contrary to the information efforts of opponents, while there is no need for special evidence of the objectivity of their own position. On the other hand, in course of time the degree of mobilization and crisis of consciousness decreases, but the traditional journalistic practice provokes the media to create a high degree of authority, and intensified discussion of certain political problems by them can lead to their loss from the rank of actual for the mass audience and form a kind of immunity of the population to the political situation. As a result, the community becomes more prepared for possible provocations by both official and opposition media, which will lead in prospect to the attenuation of emotionality and the gradual formation of a rational perception of information flows. In such a scenario, the media can be in a situation when the population will not only be emotionally indifferent to an information product disseminated by these media, but also critical-minded as a result of their insolvency.

2. 3. Functional dimension of cultural and information space

Functional analysis of state and public structures of modern society allows us to rethink the role and importance of information exchange institutions as well as the principles and mechanisms for regulating information flows in society and to identify an effective algorithm for their dissemination. Different approaches to the study of the functional spectrum of the media ensure the systematic nature of the results, but the journalistic practice shows that the results of theoretical research are not always reflected in the activities of newspapers, magazines, radio and television.

The content of information exchanged between the world and human determines the character of the personality development: it moves on the ascending

or descending line, the world moves towards the progress or in the direction of regression. One of the main factors determining the direction of development of the individual and society as a whole is the institution of the media and the functional load that the media perform. It should be noted that the modern media are in a rather contradictory situation: on the one hand, they are responsible for the development of society, the progressiveness and prospects of mass consciousness. On the other hand, there is the desire of the mass audience to receive information that to some extent corrupts the moral foundations and cultural landmarks of society. In other words, attempts to meet the information needs of the population can contribute to its rapid decomposition and degradation, and the promotion of analytical information policy is fraught with loss of the audience. The achievement of harmony in the realization of the professional activity of journalists is possible provided that the functional essence of the media is clearly defined and understood.

The problem of defining and analyzing the functions of the media in the theory of journalism was paid enough attention, since, as E. P. Prokhorov notes, «it is through the functional orientation that the place and role in the life of any object, phenomenon or type of activity is characterized.»²⁰³ It is obvious that media, shaping the worldview of a mass audience, influence the vector of socio-political processes of our time, i. e., they fulfill, according to G. P. Baigarina, «the function of orientation and conceptualization of reality».²⁰⁴ Manuel Castells also argues in his arguments that «a new communication system, increasingly speaking a universal, digital language, is both integrating globally the production and distribution of words, sounds and images of our culture, and customizing them to the tastes of the identities and moods of individuals. Interactive computer networks are growing exponentially, creating new forms and channels of communication, shaping life and being shaped by life at the same time»²⁰⁵.

²⁰³ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 57.

²⁰⁴ Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

²⁰⁵ Castells M. The Rise of the Network Society: 2nd ed., with a new pref. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 3.

The effectiveness of the media system as a social institution largely depends on an adequate understanding of the role of journalism and its social functions, not only by the professional journalistic community, but also by the actors interacting with it. In this regard, we highlight the opinion of A. S. Savitskaya, a representative of the St. Petersburg scientific school, who in a fair manner states that «the source of a significant part of the problems in the relations of journalism with the audience, government, social groups and institutions is the cardinal inconsistency of the views, and about the functions of journalism and the media, which leads to the emergence of significant, using the term from the theory of communication, semantic noise, and significantly reduces the effectiveness of communicative process.»²⁰⁶

In the context of this statement, V. V. Tulupov, describing the state of modern Russian journalism as a crisis, sees as one of the problems that served this reason the lack of a clear understanding of the professional roles of journalists (propagandist, organizer, educator, entertainer, interlocutor, information distributor, analyst power, the enemy of power).²⁰⁷

The interaction between the state and the media is particularly complex and contradictory in transitive societies (which is typical not only for Russia but also for Eastern Europe and the CIS countries), where the process of inhibiting reforms is determined not only by the political and economic level, but also by contradictions in the formation of the spiritual and moral bases of the public life. The media are forced to cooperate with the authorities, and competitively compete with it.²⁰⁸ In a transitory society, modernization of journalism involves the

²⁰⁶ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 76.

²⁰⁷ Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // *Relga* (научно-культурологический журнал). №1 [103]. 18.01.2005. – Доступно: www.relga.ru (дата обращения 22.10.2017 г.)

²⁰⁸ Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 249.

elimination of the dissonance of previous ideas about its role and new social press realities.²⁰⁹

Media, fulfilling an important information role, become a kind of intermediary between state institutions and the audience, and in the process of functioning of the media. In this case, a two-way communication is supposed. Between the journalist (communicator), who represents the institutional structure, and the audience (recipient), there is a technical communication channel through which the media try to satisfy the information requests of the society. Expressing and forming public opinion, the media, on the one hand, accumulate the experience and will of the population, and on the other – influence the consciousness and model collective actions in society.²¹⁰

Despite of the wide range of research in the field of analysis of essential functions and the role of media, study subjects and factors determining these functions from their simple unordered list to the complex structural hierarchies in the diversity of existing interdependencies, unfortunately, most of them are eclectic, contradictory, studying specific aspects of the phenomenon without taking into account its systemic nature.

One of the first universal models of social communication functions, proposed by G. Lasswell, included three components: first, control over the surrounding reality (surveillance); secondly, the establishment of coordination with respect to different parts of society to the surrounding reality (correlation); thirdly, the transfer of social heritage to the next generation (transmission).²¹¹

Improving his model, the american political scientist has proposed five levels of communication, so called «5W» model. In the first flight, due to the special importance of mass information for society, «communicators» (who) – are

²⁰⁹ Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект)* / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 79.

²¹⁰ Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // *Эксперты для гражданского общества.* – Доступно: <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

²¹¹ Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society* // *Communication theory and research journal.* – 2007. – Issue 24. – P. 217.

the creators of information messages. Their task is to prepare information messages that should be accessible and understandable for potential consumers located in different regions of the country, continent or the whole planet.

The «information»(says what) disseminated by means of mass communication takes the second place. The nature of mass information directly depends on the nature of people's activities in various social spheres; it reflects social processes in both global and local dimensions. The value of the mass media is measured, as a rule, by the degree of demand and the effect of its impact on individuals, i. e., it is determined by such properties as representativeness, accessibility, completeness, reliability, timeliness, ethics, etc.

The system of «media» (in which channel), which according to G. Lasswell, is formed by the media; telecommunications; informatics takes the third place. The fourth place is occupied by consumers of information flows, i.e., the mass «audience» (to whom).

The fifth in the structure of mass communication is the «effect» (With What effect), i.e. the reaction of the audience to the consumption of certain mass information.²¹²

Currently, there are five main types of reactions to mass information:

1) reactions related to the peculiar features of individuals' activities in social communities: cognitive (change in awareness, stimulation of intellectual activity, activation of cognitive activity, increase of interest in information and creation of new information with elements obtained); value (creating new ideas and attitudes, as well as new value systems, changing or consolidating existing values, encouraging the expression of personal views and discussions); organizational (practical actions in accordance with the information received in the socio-political, economic and other spheres of life); restorative (changing or maintaining the psychophysiological state of individuals and the masses); communicative

²¹² Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // In L. Bryson (ed.) The communication of ideas. – N. Y. : Harper, 1948. – P. 37–51; Lasswell H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Social science information. – 1968. – Vol. 7. – Issue 1. – P. 57–70.

(distribution and discussion of information received, establishing feedback from information sources);

2) explicit (accessible to direct observation) and hidden (limited to the area of consciousness of individuals and not appearing externally);

3) desirable and undesirable; basic and secondary; stipulated and unexpected;

4) characterizing changes in the consciousness and activity of individuals;

5) associated with the time parameters of the changes in the behavior and consciousness of the audience: near, far, short and long.²¹³

According to G. Lasswell, the media keep members of the audience informed of the events taking place through observation of the external environment. Considering various fragments of the external environment, the mass media help members of the audience understand its structure as a whole. Linking together fragments of the external environment allows consumers of the media to make a more adequate worldview. Finally, the media serves to transfer social norms and attitudes to new generations of consumers of mass media information. The transfer of the social heritage is a very important function of the media, it's not without reason in many countries importing media products from the United States, western cultural imperialism, imposing alien social norms and values, is viewed as the most serious problem.²¹⁴

According to the behavioral science, the audience acts solely as a passive object of control, from which it is possible to expect a specific reaction to certain events and even predict their close relationship.²¹⁵ G. Lasswell also believes that the audience is passive, blindly perceiving the message. On this basis, he compares the impact of the media with the «hypodermic needle», which injects consumers with the necessary attitude to the situation, and it entails corresponding responses

²¹³ Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6). – С. 136–142.

²¹⁴ Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., 2004. – С. 148.

²¹⁵ Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 20.03.17 г.)

and actions.²¹⁶ Analysis of this concept allows us to distinguish two important aspects that affect the effectiveness of public opinion formation through the media. Firstly, in this context a human behavior is perceived only as a response to «stimulus material» from the external environment, while the internal motivation of the individual is practically ignored. Secondly, from the standpoint of behaviorism, a society is a collection of almost unrelated people whose behavior is not influenced by the complex social connections. Consequently, the media influenced «directly», without intermediaries, and an individual could not resist this same influence.

Up to the 40s of the XX century, studying mass media the following functions were distinguished: information, propaganda, and organization.²¹⁷ It should be noted, that they are often referred exclusively to the political functions of the media, and they remain relevant.²¹⁸ The functions of mass communication, providing a continuous process of human cognition of the surrounding reality can be represented by three main directions: information functions, functions of regulation of social relations and cultural and educational functions.²¹⁹

Proportional to the number of scientific studies in the field of functional analysis of the media, the number of functions referred to this social institution also increased:

– supervision or observation: members of the media collect information on the basis of which they can carry out surveillance (warning of danger) and instrumental supervision (the transmission of information to the audience, useful for daily life);

– interpretation the media do not just report facts, they point at their meaning. Performing the role of information warden, the media select information,

²¹⁶ Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – 1958. – № 8. – С. 88–93.

²¹⁷ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

²¹⁸ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 116.

²¹⁹ Ibid. – P. 108.

determining what facts, persons, organizations and in what volume they are represented in the media space;

– connection, communication: the media are able to connect different parts of society that are not directly related to each other (citizens have the opportunity to unite with the help of media on the basis of common interests in politics, profession, leisure);

– transmission or transfer of values: the media translates social values, norms, rules of conduct, role models that are perceived by the audience; thus, important public patterns are reproduced;

– entertainment: mass media have a significant range of possibilities that make entertainment accessible to a mass audience at a relatively low price for this product.²²⁰

Despite the structural changes in the domestic media and political changes in the country, the functions of the media significant transformation have not undergone.²²¹ Nevertheless, the complexity and variability of the modern world determine the dynamism of the functional hierarchy of the media, putting forward the most topical functions for maintaining or opposing specific socio-economic processes in society.

The rapid development of the technological component of modern media does not always have a positive impact on the quality of media content, which levels the axiological function of the media and their ability to influence the formation of the value component (cognitive level) of the information space adequately. Therefore it is quite natural that axiology as a new direction in the science journalism has attracted so much attention of researchers in recent years.²²² Modern media, demonstrating the changed forms of communication, in the framework of the new integrative culture contribute to the formation of common

²²⁰ Цит. по: Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. – М., 2004. – С. 110–111.

²²¹ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 107.

²²² Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 155.

assessments, general norms of behavior, in other words, lead to the dominance of common stereotypes of the «average» culture that negatively affect the value system of the modern personality.

The following researches stood at the origins of axiology: V. Windelband, G. Rickert, N. Hartmann, M. Weber, E. Husserl, M. Scheler, E. Cassirer, M. Heidegger etc. The broadest understanding of the system of social values is interpreted as a cultural-historical phenomenon which is produced by thousands of years and becomes a carrier of social, cultural, ethnic-cultural or national-cultural inheritance.

It should be noted that the value and creative function in scientific research began to be singled out from the second half of the last century, when the mass media were transformed into the audiovisual form of art, science, education. It just then emerged the necessity of studying and understanding them as a translator of cultural values of the society.²²³ The tendencies of politicization of society and the dominance of ideological accents in the activities of the media was promotive of the branching of the value-creative function into the actual axiological and creative. And the second in most cases has nothing in common with the broadcasting of cultural values, profiling on the entertainment of the audience, using a limited range of leisure, relaxing technologies, including stereotyping the consciousness of the mass consumer of information and contributing to its degradation. Setting entertainment for entertainment, a bet on performance, a cult of sex, propaganda of cruelty and violence turns journalism into either a «factory of stars and dreams,» or a space of vulgarity, rudeness, cynicism and inhumanity.²²⁴ Modern media technologies create false spiritual and value objects, similar to genuine ones, which makes it difficult to recognize the truth of the new created

²²³ См.: Lassuel H.D. The Structure and Functions of Communication in Society // The Communication of Ideas. – 1948. – № 4.

²²⁴ Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 31.

information. The high degree of illusiveness and the possibility of manipulating the consciousness of a person disturbs.²²⁵

As a result, there is a formation of relative irresponsibility, unconsciousness and looseness of both thinking and actions – a kind of infantilism of the individual, who unable to reflect, with primitive sensations, and lack of connection with the generations and the culture of the people.²²⁶ Such consumer of the mass media is more manageable and easier to give ideological influence, in most cases without even bothering to check the adequacy of a particular state idea, and accepting it as a priori true.²²⁷

«The activity of the mass media is axiological, it is aimed at spreading the system of views on the world, structured according to a certain set of values.»²²⁸ Researcher E. V. Polikarpova also reasonably argues that the mass media have long become one of the components of the psychosocial environment of mankind; they pretend to be a very powerful factor in the formation of the worldview of the individual and the value orientation of society. The leadership belongs to mass media in the field of ideological influence on society and the individual. They became the translators of cultural achievements and actively influence the acceptance or denial of certain cultural values by society.²²⁹ Petersburg scientist V. A. Sidorov, in turn, believes that the media are the creators of not just content, but also a certain value system.²³⁰ T. E. Nersesova's interesting opinion, according to which values are an integrative basis both for a single individual, and for any

²²⁵ Кулибаба С.С. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России: методология, технологии, практика: Матер. Междунар. научн. конф. Т. II. – Екатеринбург–М.: Академический проект, 2007. – С. 130.

²²⁶ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

²²⁷ См.: Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – Ростов-н/Д., 2000; Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д., 2001.

²²⁸ Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – С. 5.

²²⁹ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

²³⁰ Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб, 2006. – С. 39.

small or large social group, culture, nation, and finally for humanity as a whole.²³¹ However, the media themselves take part in the formation of values, and these processes often remain uncontrolled and poorly understood.²³²

In the conditions of the modern global system of spiritual production, fundamentally new social goals arise, in most cases they don't connect with any kind of moral standards. All this is fraught with the emergence of various personal aspirations that, if they can not be realized in society, can lead to the marginalization of entire social groups.²³³

The axiology of the media along with the expression of emotional activity of a person's spiritual life, consists in spreading in the society a system of worldviews represented by a certain set of values. The concept of «value orientations» is treated as a key component of mass consciousness reflexively realized, rather steady reflection in the minds of the individual or any community of people of values that they recognize as important, strategic goals of life and common worldview orientations.²³⁴

In some states of the post-Soviet space, the priority of the axiological function of the media is predetermined by the formation of an entirely new model of state development, which is alternative to the traditional Soviet one. Moreover, in the current situation, the media of the states involved in the confrontation organize their activities differently and build their own hierarchy of the media's functions, except for static functions specific media and especially the information system of the state as a whole. This predetermines a broad spectrum of not so much scientific research in the field of functional analysis of the mass media, as well as opinions and positions on the problem. Thus, the Western scientific

²³¹ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

²³² Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

²³³ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

²³⁴ Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2010. – С. 12.

concept considers journalism from the standpoint of communicative science, limiting the functional range functions the actual mass media. The national school, less focused on the communication component of journalism, classifies the functions of the mass media as an information, analytical, entertaining, educational, mobilization, innovative, control, socialization function, the function of criticism, the function of articulation and integration, the function of forming public opinion.²³⁵

It should be noted that the functions listed above are not equal in the part that the information or informing function of the media is not only basic and primary, but also integral for all other functions described in the scientific literature. Taking as a basis the postulate that any information has meanings, it becomes obvious, firstly, the production of analytical, entertaining, educational and other functions from informing (informational) and, secondly, the inconsistency of attempts to introduce the latter into a peer-to-peer list of media functions. Thus, it is the mass media, as a recognized social institution, attaching certain meanings to social phenomena and events, accents that are unequivocally perceived by the mass audience and adequately reflected by the cultural space of the individual, can correct the vector of social development and contribute to its sustainability, thereby realizing certain media functions, which act as original projections of primary information.

Special attention should be paid to political and ideological factors that presuppose an effective and sufficiently well-functioning system of social and public administration, coupled with the presence and inclusion of conceptual ideologies – patterns in ideological content that possess axiological attributes, which determine the general state of the media system at a certain moment and either contribute to its development or slow it down.²³⁶

²³⁵ Цит. по: Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний. – Доступно: www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

²³⁶ Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 19. – Вып. 4. – С. 189.

The ideological function of the media is manifested in their ability and opportunities to create, disseminate, motivate and, to a certain extent, protect the social values of the state and society. The mass media play an essential role in shaping the individual, social group of certain political, legal, moral and value positions.

Taking into account the degree of influence of the founders of the media on its information policy, it is necessary to note the special role of state institutions, which in most cases are the main actors, defining the including functional and load media. Depending on the political and ideological preferences of the founders, certain media are trying to influence the public consciousness in a certain way. They concentrate only on positive or only negative aspects of the activities of political institutions, exaggerate or downplay the differences between political programs, sometimes leading them to absurdity, actively discussing personalities of politicians, their public statements, private life etc.

The development of political and social processes in the state indicates the dominance of the ideological contexts of mass communication and extrapolation of technologies to strengthen the ideological core of the society to other functions of the media. So, in most cases, the cultivation of the values of the phenomena of the world, human life, its goals and ideals, united in a group of separate axiological social research²³⁷, currently carried out through the prism of the ideological state.

The analysis of cultural content of modern media are closely associated with the socio-cultural development of society, it also shows a certain opposition to the axiological and ideological functions of the media. In most cases the materials of cultural orientation are used by electronic media not only to broadcast spiritual heritage, but to covert introduction into the consciousness of people of certain political views, attitudes, and behavioral motivations.

In a more sophisticated approach to the functional analysis of mass media are explored through a set of role statuses implemented in various spheres of

²³⁷ См.: Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001. – С. 17.

society.²³⁸ So, analyzing the political functions of the media, researchers state that «this Institute is simultaneously included in different systems of social relations»²³⁹. In this approach, media are presented in four different views: as a part of the system of representation of citizens' interests, as a part of the structure of social control, as a component of the market system, as a part of the education system of the society and socialization of citizens. Next, you need the division of social life into spheres, which defines the functions of the media, for example in politics: information, representation of interests, group association, criticism of the government and centers of power, transmission of social experience and socialization of citizens, the protection of socially backward sections of the population, the status of social problems (in fact we are talking about the function of the formation of the agenda) finally, advance diagnosis.

Social measuring of the media is possible due to their involvement in public relations, the implementation of a number of social responsibilities in order to meet their necessities and expectations, as well as through participation in almost all fields of social life.

In another approach, the researchers describe the function of journalism and media on the basis of a selected criterion or multiple criteria. This allows to organize features, to create a system series.

The representative of the Moscow scientific school on the problem of functioning of the media E. P. Prokhorov has noted the trend of expanding the functional space of the media, which is primarily connected with the increase of the role of information in society. The author captures the dependence of a functional orientation of media on the type of destination served by the media, on the one hand, and on the social positions of the actual members of the media, on the other hand. From the point of view of E. P. Prokhorov, the area of the essential

²³⁸ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 80.

²³⁹ Политические коммуникации / Под. ред. А. И. Соловьева. – М., 2004. – С. 74.

purposes of journalism «lies in the field of information services for the mass audience and social institutes.»²⁴⁰

Relying to some extent on the above model system functions E. V. Ahmadulin offers his own approach to the selection of the functional spectrum of media. In contrast to E. P. Prokhorov, a representative of the Rostov scientific school determines the functional «set» of a complex social system mass media by social necessity and the tasks that confront of the mass information and communication process system-forming factors. So, the factors contributing the activities and functions of the media, are: socio-political organization of society, social interests, and cultural, educational, technological and economic factors.²⁴¹

S. G. Korkonosenko, analyzing some of the contradictions that occur in theoretical approaches to the functioning of the media, offers to share the concept of «function of journalism» and «social role of the press». «Functions include the social responsibilities of journalism, the repetitive, typical ways of manifesting one's own essence, roles of journalism include its presence in certain areas of society, the impact that it has «inside» them. Functions – for the most part immanently inherent in the press characteristic, while the role it begins to play, only being in the system of certain social relations.»²⁴²

The main characteristic of journalism, according to the author's opinion, is built in direct dependence on the main social spheres of life: economic, social, political and spiritual-ideological societal systems. Thus, in the economic sphere, the production and economic role of journalism prevails. In the social sphere, the information and communicative role of the media is associated with key processes of socialization of individuals and groups for this societal system. As S. G. Korkonosenko notes, «it is in this context that we should highlight and emphasize

²⁴⁰ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 59.

²⁴¹ Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. И доп. – М: Юрайт, 2016. – С. 238–265.

²⁴² Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992. – С. 35.

the information essence of journalism. In other societal systems, it has not fundamental importance (for example, in the economy).»²⁴³

Another concept in the framework of this approach, which is of interest to our research, is the model of basic media functions belonging to the Moscow researcher in the field of the sociology of the media I. D. Fomicheva. By deliberately analyzing the functions of the media, the author bases on the idea of the types of human activity that the media can accompany. We are talking about such types as transformative (including socio-organizational), cognitive, value-oriented and communicative (communication). As it can be seen, I. D. Fomicheva proposes to distinguish the communicative, information (information-cognitive), value regulating, socially-organizational (in the psychological aspect, including the function of mental regulation) functions of the media. In addition, based on the views of G. Lasswell on the bilateral mode of communication, I. Fomicheva in the presence of an active player audience media claims there is another function of the forum (wider channel of social participation).

We believe, that the complexity of the media phenomenon as a whole, emphasized by many researchers, does not allow us to limit ourselves to any one approach. In addition, some functions of the media are not limited to a single area (as, for example, information), this leads to the necessity to duplicate them in each of the areas of social life, or unjustifiably ignored.

The allocation of specific media functions as priorities is rather problematic and controversial; however, in order to ensure the sustainability and progressive development of the state, it is necessary to identify the most important functions of the media from the point of view of the state, society and the individual.

As a rule, state institutions, communicating with the society through the media created by them, are more likely to pursue the goal of maintaining public confidence in their actions and the government's proposed development programs. However, in this situation, the state partially violates the parity of the subjects of communication, turning the audience into a listener, viewer, and reader. The

²⁴³ Ibid. – P. 36.

population, being involved in the monologic flow of information from the state, which quite often uses mass consciousness manipulation technologies, is mostly incapable of forming an objective picture of reality, as it is not possible to receive equivalent in terms of volume and intensity alternative points of view on events and phenomena occurring in the state.

At a certain stage, state-owned media really create conditions for the consolidation of society, guaranteeing its sustainable development. Over time, however, an ideological press can cause first indifference, and then a rejection of information and even a protest reaction of the mass audience. Economic dependence (subsidy), low circulation and ratings of state-owned media in self-determined republics are an indicator of the inefficiency of their information policy. At the same time, the mass media, continuing to fulfill the ideological function sanctioned by the state, are not able to promptly adjust their own information policy in accordance with the demands of the population, exacerbating the contradiction between the audience's information requests and media proposals, but continuing to create the illusion of consolidation of society in states with postponed foreign policy status. In this regard, it is extremely important for the media together with other social institutions to monitor constantly the state of public consciousness and the effectiveness of the ideological function of the media being realized, i. e., to determine the degree to which the functional projections of the institutional settings of the media correspond to the mass audience.

Social institutions, due to their heterogeneity and different nature, predetermine the interest in maximally full representation of all existing opinions on socially significant problems, to some extent competing with state interpretations of current events. In addition, social institutions are called upon to preserve and multiply the cultural potential accumulated by society and broadcast it to future generations, thus actualizing the axiological function of the media – building a hierarchy of values, the systemic transformation of which predetermines the displacement of the spiritual, moral and ethical characteristics of the social group relative to the universal human axiological system.

The activity of public institutions and the presence of their views, opinions in the media testify not so much to the political activity of the population as to the active status of institutions and their ability and possibility to influence the socio-political process in the state. In this regard, the analytical function of the media is dominant and determines the effectiveness of their activities, including economic. Analysis of analytical publications of state-owned media, as a rule, indicates their cooperation with organizations loyal to the current government and expressing relevant views on current problems. In this regard, the participation of opposition forces in the activity of electronic media is rather problematic, but their presence on the pages of print media is a kind of indicator of their popularity, reflected in the circulation, which increase tenfold during periods of political battles. The active status of public institutions is also determined by their ability to implement their own information broadcasting, giving the audience the opportunity to obtain objective socially significant information.

The population, being in the information space of the state, identifies its own information preferences, depending on the psychological, socio-cultural, material condition. The peculiarities of modern information exchange due to the high degree of network, interpersonal communication, the availability of individual means of communication is that the receiving the information is not always associated with a particular media. At the same time, verification of the data obtained, their comprehension and formation of the attitude towards them is possible only if the mass media are actively used. In this situation, the audience, being sensitive to any manifestation of manipulation or pressure, continues to see media, regardless of their own information preferences as the source of verified accurate information, a lack of which provokes the spreading of rumors, myths, but in the recessionary society – fear and panic. In this case, the epistemological function of the media, consisting of educational, cognitive activities, is relevant and determines the effectiveness of the functioning of the media. However, the mass media, in order to diagnose the state of mass consciousness and adequately respond to events, are interested in monitoring the dynamics of psychological,

sociocultural, material status, ignoring which by state and public institutions in the process of mass communication can lead to a lack of communication as such and a loss of mutual understanding between the mass audience and the elite.

The analysis of existing points of view on the problem of functional analysis of the media allows us to conclude that all functions are aimed at optimal matching to the needs of the audience. However, the revealed heterogeneity in relation to the functional priorities in the «population-society-state» system predetermined the necessity to create a methodology for diagnosing the tension or the stability of the cultural and information space, which would reflect the cause-effect relationship and the nature of the majority of internal political crises that adversely affect the development of society. The idea of the proposed approach is to monitor the sentiments of not only the mass audience, but also the representatives of the elite strata, and the latter should have information about public sentiments, thereby determining the degree of closeness, openness and dialogue of state institutions towards the population.

As it was mentioned, the stability of the cultural and information space is directly dependent on the conditions for resonating cultural, rather than ideologically constructed information in the information space of the state, which determines the high degree of importance of information institutions in the process of diagnosing and correcting social processes. Proceeding from the functional set proposed by A. S. Savitskaya, as an example of the sociological function of the media, we propose a technique for determining the state of the cultural and information space by creating a matrix that reflects its integration into key social structures and involves interaction with other social institutions within the overall participation in the social management. The system of factors included in the matrix and affecting the stability and sustainability of the cultural and information space of the modern state will be reflected in the third chapter. We would like to note that the rows\ lines of the matrix being formed are represented by the corresponding characteristics of the audience, and the columns are the elite.

Thus, the diagnostics of ideological, active, sociocultural, psychological, material and demographic factors and statuses in the «elite-mass audience» system is possible with creating and continuous updating of a matrix of cultural-information space, reflecting not only the real characteristics of the mass audience according to the indicated higher parameters and criteria, expressed in functional blocks, but also data of representatives of state and public institutions on the audience, given in institutional blocks. In addition, for the purpose of a more detailed analysis of the state of the cultural and information space, this matrix can take into account the socio-demographic characteristics of the mass audience. The consistency of the corresponding cells of the matrix guarantees a normal process of interaction of government and society, and this is an indicator of the stability of socio-political development or the intensity of the cultural and information space of the state.

Conclusions on Chapter II

1. The cultural and information space of a certain social community is the totality of values, norms, traditions, elements of cultural and historical heritage functioning in its information environment, ensuring the reproduction of the cultural genotype, mentality and identity of this community. In this research, the cultural and information space is presented as a category of sociocultural development of society, including institutional formations of public and state nature, as well as a mass audience involved in the sphere of influence of a particular system. At the same time, the dominant role in the effective development of the cultural and information space is played by the process of interaction of its subjects, i. e., the projection of attitudes by state and public institutions, including through the media system, and their adequate reproduction by a mass audience.

2. The institutional component of the modern state, being the dominant of its organization, is characterized by the variability of the functional load of public and state institutions in the process of their realization of the natural rights and needs of

subjects of various levels. In this case, it is obvious the predominance of profile interests, the solution of professional problems by each specific actor of public administration and social development.

In the conditions of the crisis of the socium of states with postponed foreign policy status, such a development model is transformed and it defines the functional component as the dominant of the state organization. In this situation, in such countries, a single functional burden of institutional subjects at all levels, which is expressed in defending unifying state-wide ideas, is called upon to consolidate society and to confront any threat to the state.

3. In states with postponed foreign policy status, the maintenance of an emotional background in the cultural and information space contributes to the formation of a kind of immunity in the mass audience to socio-political events, which makes the population, on the one hand, more stable and tolerant of current problems, forming clear stereotypes in the system « friend or foe» and modifying the hierarchy of cultural markers and social identities of the modern person, and on the other hand it makes the population inert and manageable because it appeals to the foreign policy situation precludes adequate assessment of events.

4. The sustainability of state development and, accordingly, of the cultural and information space is largely determined by the degree of adherence to the basic national development model, which is based on the traditional value and ideological foundation for society, cultivated by state educational and information policies. The attempts of dramatically changing the axiological foundations of society through the implantation of an alternative value system, undertaken in the late 1990s by the political and cultural elites of the former union republics, led to a split in society, and the media's efforts were provoked by political conflicts, the crisis of mass consciousness, which led to the transformation of cultural– the information space of the republics up to its fragmentation and the emergence of new state formations.

5. Political systems of states with postponed foreign policy status in the process of their development faced with problems of information isolation and

communicative vacuum, being burdened by historical traditions of previous political regimes and characterized by increased reactivity of the state machine to the process of modernization of the cultural and information space, emphasizing technical and technological principles of information security, may be powerless over problems an imbalance in society, manifested in the disunity of the population, political and managerial elite.

6. In the modern world, the majority of emerging conflicts are the result of the information impact of certain political and economic actors. Like military intervention, statements of representatives of elite sections of society, repeatedly amplified and replicated media, cause a protest reaction of individual states or their regions. As a rule, the concept of modern information institutions is based on the idea of equal opportunities «to be heard», but in practice the parties to the conflict are in unequal conditions and can not provide reliable information to the world community on parity terms. As a consequence, the party which is in the information blockade forced to change the vector of the impact of its own information institutions towards the internal information market, hypertrophying the foreign policy problem and sliding down to propaganda activities. At the same time, the other party of the conflict, which has certain preferences and access to the global information space and the global consumer of information, ceases to be in demand because of the lack of real dynamics in the development of the conflict situation and loss of interest in it.

7. The crisis and, as a consequence, the mobilization of mass consciousness in states with postponed foreign policy status influenced the algorithm of perception of media outlets by the audience: on the one hand, the emotional component dominates rational, and as a result, most of the information is considered true not due to the high degree of trust of local authorities, but contrary to the information efforts of opponents, while there is no need for special evidence of the objectivity of their own position. On the other hand, the degree of mobilization and crisis of consciousness decreases over time, but the traditional journalistic practice provokes euphoria among the media about a high degree of

their own authority, and intensified discussion of certain political issues by them can lead to their loss from the rank of actual for a mass audience and form a kind of immunity among the population to the political situation. As a result, the cultural community becomes more prepared for possible provocations by both local media and opposition, which in the long term will lead to the attenuation of emotionality and the gradual formation of a rational perception of information flows. In such a scenario, the mass media can be from a situation where the population will not only be emotionally indifferent to the information product, replicated by such media, but also critical because of their insolvency.

8. Diagnostics of institutional factors and functional statuses in the «elite-mass audience» system is possible if the matrix of the cultural and information space is constructed and updated continuously, reflecting not only the real characteristics of the mass audience by certain parameters and criteria, expressed in functional blocks, but and representations of state and public institutions about the audience, given in the institutional blocks. In addition, for the purpose of a more detailed analysis of the state of the cultural and information space in this matrix, the socio-demographic characteristics of the mass audience should be taken into account. The consistency of the corresponding cells of the matrix guarantees a normal process of interaction of government and society, is an indicator of the stability of socio-political development or the intensity of the cultural and information space of the state.

Chapter 3.

PRIDNESTROVIAN CULTURAL AND INFORMATION SPACE: FROM DIAHRONY TO SYNCHRONY

3. 1. The emergence and development of the Pridnestrovian statehood

The mass media at every historical stage of the development of society and the state reflect the sociocultural processes that are relevant for their time, and their activity can act both a catalyst and an inhibitor of these processes. Until recently, the peculiarities of the post-Soviet information space were, albeit in an inertial, but still dominant, Soviet theory of media, according to which state or state-sanctioned information institutions determine the information policy. As their role is studied from diachrony to synchrony, the likelihood of identifying a universal model for the functioning of the media increases, according to which the audience should be maximally involved in their sphere of influence, and, accordingly, more controlled by the state. It should also be noted that the socio-political transformation of the last 25 years entailed a change in the functional range of the mass media, and the intensive development of network technologies radically changed the traditional communication strategies and tactics of interaction between the media and the audience, which certainly requires scientific analysis and reflection. It was the crisis of public consciousness, the contradictory nature of the political system and the political process, the negative economic trends and the unpredictable socio-cultural dynamics largely manifested themselves in the Pridnestrovie. They not only played a major role in sharply increasing the demand for media in a historical retrospective, but also predetermined the urgency of studying and engaging into the orbit of modern humanitarian science of the media system at the turn of the millennium²⁴⁴.

²⁴⁴ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75.

The destiny and history of any state, the ways of its creation and development, the evolution of the system of power are determined, as is known, by a combination of various factors of internal and external nature. The history of the creation of a legitimate system of state power in the Pridnestrovian Moldavian Republic originates from the II Congress of Deputies of all levels of Pridnestrovie that took place on September 2, 1990. This date is the start point of forming their own state, but of the whole life support system of the state, including the information sphere.

Historical analysis of the events of the late 80's – early 90's.the XXth century allows us «to take a fresh look at the causes of their occurrence and identify the potential threats that we can expect in the future if we do not learn the lessons of the past. The collapse of the once united state not only entailed a parade of sovereignties and the formation of new states, but also changed the historical structure of both the whole system of the world order and the value system of the individual. The clash of ideologies and, more broadly, civilizations in the countries of the new abroad forced the inhabitants of individual regions to stand up for their interests, centuries-old traditions and the right to life, their culture and language. In addition to historical, political, economic and cultural factors, the emerging information institutes of a new type played an enormous role, different from the Soviet theory of the press. It was the media at the turn of the last decades of the XXth century that transformed and opposed the ideological positions of the «titular» and «non-titular» population. The rapid growth dynamics of the number of periodicals, electronic media and the appearance of their qualitatively new information paradigm in unconventional conditions of Pridnestrovie allowed the republic's media system to fulfill simultaneously functions of an instrument of struggle, an ideological confrontation with the metropolis and the consolidation of society in the context of their own state building»²⁴⁵.

²⁴⁵ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75.

The study of Pridnestrovie and Moldova mass media at the end of the XXth and beginning of the XXIst century, as well as the analysis of the scientific literature on the studied problems, led to the hypothesis that it was the information sphere, unlike the political, economic, cultural, that was and remains the only channel of communication. These parties involved in the Moldavian-Pridnestrovian conflict and the permanence of which, to a certain extent, transferred it from «acute» to «chronic».

Analyzing the origins of the conflict on the Dniester, P. M. Shornikov interprets its nature most accurately: the attempt on national equality, the denial of the Moldavian nation's cultural sovereignty and national identity²⁴⁶.

Unlike all independent post-Soviet states, Moldavian linguistic legislation not only split the polyethnic population in terms of «titular» – «non-titular», but also destroyed the unity of the «titular» ethnos²⁴⁷, because the nationalist propaganda of the romanists was based on the idea that only that who considers himself a romanian, is a true patriot and loyal citizen. Other moldavians were declared the representatives of «primitive moldavianism», who do not remember kinship²⁴⁸. The degree of confrontation was increased not only because of direct or indirect disadvantage of the political, socio-economic and cultural-linguistic rights of the «non-titular» population, who did not speak the state language, but also because of the reduction in television and radio broadcasting in russian²⁴⁹. Moreover, some of the new moldavian intellectuals resisted the temptation to explain all the problems of the past and the present with the intrigues of

²⁴⁶ Шорников П. М. Молдавская самобытность: Монография. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. – С. 315.

²⁴⁷ Погорелая Е. А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы последнего десятилетия XX века. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С. 207–208.

²⁴⁸ Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. № 1. – С. 98.

²⁴⁹ Белоусов В. Н. Социолингвистические аспекты диалога национальных культур / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 72.

«interlopers» – the Slavs, Jews and others²⁵⁰ who allegedly contributed to the destruction of the moldavian language and the ancient traditions of moldavian culture²⁵¹.

The idea of a historical community of the moldavian and russian peoples were sharply criticized in the official press of the RM of the 90s. XXth century. However, the history of moldavians became to correlate actively with the history of ancient romans and european civilization²⁵². In parallel with some historians of the Republic of Moldova, another important political statement was actively disseminated through the state mass media of the republic, the essence of which was that, because of the negative role of the slavs, there exists a historically formed, but «tragically divided» people – the romanians²⁵³.

Part of the moldavian ethno-elite, preventing the split of society, opposed the introduction of a discriminatory language regime. The linguist I. D. Ciobanu, as well as V. B. Senik, the editor of the magazine «Limba Moldoveneasca», the writer V. N. Stati, and other moldavian scientists actively promoted the ideas of national equality²⁵⁴. Academician A. M. Lazarev in the article «I am a moldavian» condemned those who are preparing Moldavia or the fate of the romanian province. His call to preserve national dignity: «Do not dare disgrace, stand up!»²⁵⁵

²⁵⁰ Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 373.

²⁵¹ Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. № 1. – С. 96. (88–122).

²⁵² Журавлев В. Е. Легитимация приднестровского государства: структурно-функциональный подход. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2005. – С. 68.

²⁵³ Мариан Б. Призрак бродит по Молдове // Независимая Молдова. 1989. 7 сентября; Ченуша В. Следовать воле народа // Независимая Молдова. – 1989. – 12 сентября.

²⁵⁴ Бабилунга Н. В. История – не игра в кубики // Советская Молдавия. – 1988. – 9 декабря; Гросул В. Я. Еще раз об истории, или плюрализм по-кишиневски // Советская Молдавия. – 1989. – 27 июля; Гросул В. Я. История с историей // Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня; Гросул В. Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык» // Ленинское знамя (Рыбница). – 1990. – 18, 20, 22 сентября; Гросул В. Я., Стати В. Н. Латиница: вымысел и правда // Рыбницкий металлург. – 1989. – 30 июня; Корлэтяну Н. Этапы развития молдавского языка // Советская Молдавия. – 1988. – 9 января; Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе база де дате лингвистиче. – Кишинэу, 1988; Сеник В. Кувынтул ши даторииле ноастре. – Кишинэу, 1988; Стати В. Лимба молдовеняска ши рэувоиторий ей. – Кишинэу, 1988; Чобану И. Д. Родной язык в моей судьбе. – Тирасполь, 1993; Чобану И. Д. Слово о судьбе родного языка // Народное образование. – 1988. – 5 ноября и др.

²⁵⁵ Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.

addressed to intellectuals, who are willing to obey the dictates of romanists, became a powerful factor in boosting the moldavian consciousness.

The revival of the Pridnestrovian statehood was actively promoted by the supporters of the moldavian identity, which are hoping to create a base of resistance to romanism to the east of the Dniester. The native of the left bank, a prominent Russian historian V. Ya. Grosul gave historical, and V. N. Yakovlev – legal basis for restoring the moldavian autonomy on the left bank of the Dniester²⁵⁶. Despite the opposition of the moldavian patriots, the parliament of Moldova unambiguously expressed its support for the return to statehood of the 1940 model, i.e., for the creation of a unitary state.

The situation was complicated by the position of the Christian Democratic Front of Moldavia formerly the «Popular Front» of Moldavia, which at its III Congress in February 1992 insisted on giving to Romania not only Bessarabia and Bukovina, but also on the left bank of the Dniester. However, it was never a part of Romania and before that; neither the moldavian nor the romanian unionists were included in the plans.

The West as a whole was sympathetic to Moldova's national policy. The overwhelming majority of western mass media did not sympathize the russian-speaking population, which did not voluntarily find itself in the newly built young national states, which turned their eyes to the West and began to withdraw from Russia. Therefore, some western journalists called the russians in Moldavia a product of the old system»²⁵⁷.

The problem of resolving the Moldavian-Pridnestrovian conflict from the very beginning of its open armed phase received a special resonance in the Russian

²⁵⁶ Гросул В. Я. Автономия Приднестровья: историческое обоснование // Трудовой Тирасполь. – 1989. – 16 декабря; Гросул В. Я. Приднестровская автономия: историческое обоснование // Единство. – 1989. – 1 декабря; Яковлев В. Н. Тернистый путь к справедливости // Рыбницкий металлург. – 1990. – 6 марта; Яковлев В. Н. Настал ли «золотой час» права? // Днестровская правда. – 1990. – 17 августа; Яковлев В. Н. Приднестровская МССР: не миф, а реальное суверенное государство // Днестровская правда. – 1991. – 28 октября.

²⁵⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1991. – 30 august; 19 oktober.

information space, since Pridnestrovie is in the priority of Russia's national interests in the near abroad²⁵⁸.

In the work of the European researchers «The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism»²⁵⁹ unlike the representatives of RM science²⁶⁰ who connect the nature of the moldovo-Pridnestrovian conflict only with Russia and its support of the Pridnesrovian separatism. It shows that the moldovo– Pridnestrovian conflict became the result of collision of the Russian geopolitical interest with Romanian.

Within the framework of the scientific discussion, there are quite controversial opinions according to which Russia intervened in the Pridnestrovian conflict, supporting Tiraspol because of the formation of a nationalist platform²⁶¹, an authoritarian regime with a paramilitary component²⁶², which confirmed the interconnection of Russian domestic politics and Pridnestrovian events.

From the very beginning of the political confrontation, the lobbying of the geopolitical interest of the parties was obvious, which continues today, by corrupting the political infrastructure; by financing various parties and publications; by forcing the information space²⁶³. So, in the early 90's XX century in a number of territorial units of Pridnestrovie, in particular in Dubossary, the situation of dual power was formed informatively when, for example, the city

²⁵⁸ Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики (1992–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2010.

²⁵⁹ Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism // *Europe – Asia Studies*. – 1993. – № 6. – Vol. 45. – P. 973–1000.

²⁶⁰ Мошняга В. Г. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. Кишинев: МолдГУ, 1992; Мошняга В. Г. Приднестровский конфликт в Республике Молдова причины, состояния и пути разрешения / Демократизация общества в гендерной перспективе: Сб. научных трудов / Ред. Младина В. Кишинев: Гендер-Центр МолдГУ, 2002. С. 8–19; Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова / Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: Материалы международной научно-практической конференции / Сост. Мошняга В. Г. Кишинев: Фонд Фридриха Эберта, 2002. С. 102–129; Ковальски С. В., Букучь А. С. Международное гуманитарное право и приднестровский конфликт // *SCIENCE TIME*. 12 (24): 2015. – С. 379.

²⁶¹ Kaufman S., Bowers S. Transnational dimensions of the Transnistrian conflict // *Nationalities Papers*. – 1998. – № 26(1). – P. 129–146.

²⁶² Гузенкова Т. С. Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 350.

²⁶³ Бондаренко В. И. Информационное обеспечение внешней политики Республики Молдова в транзитивный период: дис. ... канд. полит. наук. – СПб, 2004. – 254 с.

newspaper acted from the standpoint of Pridnestrovie, while the regional newspaper supported the central authorities of the Republic of Moldova. In Bender, the city newspaper took a centrist position and tried to avoid extreme assessments, but this gave an occasion to create an alternative urban edition of «New Time». The information confrontation inside Pridnestrovie was especially clear in autumn of 1990 and continued almost to the armed phase of the conflict.

Nevertheless, the inconsistency of the information space in the region could not disintegrate and disunite the pridnestrovian population; on the contrary, it activated its patriotic feelings. This confirmed the international nature of the historically established relations in the republic between representatives of various ethno-cultural groups.

The results of sociological research on the actual aspects of the formation of the Pridnestrovian statehood and Pridnestrovian regionalism, which, beginning in 1993, were conducted within the framework of the activities of the Department of Sociology, the Center for Sociopolitical Research «Perspective» Shevchenko State University and the Independent Center for Analytical Studies «New Century». They confirm the idea it precisely was the media, which actively contributed to the formation of ideological stereotypes on both banks of the Dniester.

The absence in Pridnestrovie in the early 90's its own information base, «capable of resisting the spread of negative information relating to conflict events, determined in the period 1989-1992. the information vacuum in which the young republic was located. The lack of objective information could increase the disorientation of the Pridnestrovian society, depriving it of its firm confidence in the correctness of the political choice. It is during the mass strikes that the Pridnestrovian periodicals begin their history, which is published in most cases by the means of labor collectives of republican enterprises. So, in August 1989, the newspapers «Trudovoy Tiraspol» (organ of the Joint Council of Labor Collectives) and «Izvestiya Workers' Committee» (the organ of the Bender Working Committee) were published. The purpose of which was the protection of the Russian language in Moldova and the struggle for giving it the status of the second

state language. These were large-circulation editions, mainly in A3 format, with a volume of 1 printed sheet. The weekly «Dniester meridian» deserves special attention, which unlike the others was a «thick newspaper», the first analytical publication published on behalf of the Supreme Council of PMR»²⁶⁴.

Despite the contradictory nature of the information content within Pridnestrovie during the first years of statehood, political sentiments in the society remained unshakable. Thus, the results of a study conducted by the Department of Sociology in 1993 show that the majority of the population of the PMR (98.62% of respondents) supported the idea of sovereign independent state in various forms of its possible implementation²⁶⁵.

According to the sociological survey conducted in the end of 1997 by the Center for Strategy in Tiraspol, 82% of respondents expressed their opinion about the strengthening of the state status of the PMR, against – 8%, it was difficult to answer – 10%. At the same time, the participation of the PMR in the integration processes of the CIS countries was supported by 91% of citizens: 66% support the idea of rapprochement the Pridnestrovian state with Russia, 17% with Ukraine, 10% with Moldova; 7% of respondents found it difficult to answer²⁶⁶.

The difficulties of an economic and political nature generated public opinion that integration processes with the countries of the former USSR will lead to improvement of the situation in the republic. The changes in the political situation in the post-Soviet space affect the preferences of Pridnestrovians regarding the foreign policy development of the PMR. This factor explains the upward trend in 2003-2004 the number of respondents linking the future of the republic with Ukraine. The traditions, the unity of the historical destinies of Pridnestrovie, Russia and Ukraine for more than two hundred years, as well as the role of Russian

²⁶⁴ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 78.

²⁶⁵ Изучение общественного мнения как фактор принятия обоснованных решений и повышения ответственности трудящихся за судьбу республики: вопросы приватизации и статуса ПМР / Отчет социологического исследования. – Тирасполь: ПГКУ, 1993.

²⁶⁶ Бабилунга Н. В. Тайна Приднестровского феномена / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 63.

peacekeeping forces in resolving the conflict with Moldova and the importance of economic relations between Pridnestrovie and the Slavic countries of the former Soviet Union stipulate a stable oriental orientation of the state course of Pridnestrovie.

Having evolved over centuries of history and having long been established in the best traditions of the Russian mentality, experiencing in the first decades of the Pridnestrovian statehood repeatedly exacerbated the negative impact of political opponents the axiological system of Pridnestrovians has allowed to strengthen the people's confidence in the correctness of the chosen path. Also, preserve the pro-Russian mood in society. This conclusion is confirmed by the results of a survey conducted in August-September 2004, according to which 55.9% of Pridnestrovian residents identified themselves with independent state, 47.6% of them believed that their fatherland was the Russian Federation, 44.4% – Ukraine, and only 8% – the Republic of Moldova²⁶⁷.

The conducted content analysis of the Pridnestrovian printed media for the period 1991-2005 «confirms the consolidating role of regional media structures. In this period the regional identity of the Pridnestrovians was actively formed. The objects of research were the republican newspapers «Pridnestrovie», «Trade Union News», «Dnestrovskaya Pravda» for 1991-2005. Periodization of the study in three stages: 1991-1996, 1997-2001, and 2002-2005 was due to the fact that it was at this time in the republic that elections were held in the Supreme Council of the PMR and executive bodies were formed. During the experiment, we distinguished four groups of published materials: foreign policy; domestic (internal) policy; economy; spiritual life»²⁶⁸.

The first group included materials covering the Moldavian-Pridnestrovian relations, the negotiation process for the settlement of the conflict, as well as

²⁶⁷ Механизм и принципы организации государственной власти в условиях системной трансформации // Ежегодный отчет Центра социально-политических исследований «Перспектива», 2004.

²⁶⁸ Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 77.

representing the views of Russian and Ukrainian politicians on the Pridnestrovian statehood.

The second group included materials related to election campaigns, legislative acts, decrees, information from the press services of the President and the Supreme Council of PMR.

The third group included publications of achievements of industrial enterprises of the republic, economic innovations, as well as concepts of development of individual branches of the national economy.

The materials of the fourth group represented not only the cultural life of Pridnestrovie, but also historical facts, providing evidence of the events, taking place during the armed conflicts of 1992 and the Second World War. At the same time, the military theme was prevalent and had a foreign policy focus on the Moldavian-Pridnestrovian problem.

The results of the content analysis of the publications of the Pridnestrovian newspapers allowed us to determine the peculiarity of the functioning of the media during the armed conflict and in the post-conflict period (1991-1996). Thus, the obtained data indicate that during the first five years in the periodicals of Pridnestrovie, there was an increased attention to foreign policy issues: the volume of materials in this direction was 35% of all published in the media in 1992. Materials of that period related to the spiritual sphere were almost entirely devoted to the tragedy of the Moldavian-Pridnestrovian conflict²⁶⁹. It should be noted that the foreign policy bloc reached its apogee only in 1993, accounting for 59% of all published materials.

The results of the second period study (1997-2001) provide an opportunity to determine the specific functioning of the Pridnestrovian media in the context of the restructuring of public administration. Thus, during this period, increased attention was paid to materials of a foreign policy nature, which is conditioned by the election of the Presidents of the Republic of Moldova (early 2001) and the

²⁶⁹ Пал смертью храбрых // Днестровская правда. – 1992. – 26 сентября; Он не дожил до 22 // Днестровская правда. – 1992. – 24 ноября; Боль матери // Днестровская правда. – 1993. – 26 января; О чем шумят тополя // Днестровская правда. – 1993. – 18 июня и др.

Pridnestrovian Moldavian Republic (end of 2001)²⁷⁰. In addition, the economic and customs embargoes affected the increase in foreign policy materials, which were also actively discussed in the pages of Pridnestrovian newspapers²⁷¹. The explanation of economic problems by political confrontation caused a decline in the share of publications of economic subjects to 4% in 2000 from the total in comparison with 1998 (21%). The formation of the new state apparatus and the reform of the executive power led to the rise of the economic life of the society. Thus, by 2001, almost 15% of newspaper pages were already devoted to the economy.

Along with the high demand for a foreign policy block of media materials, since 1997, the percentage of materials of an internal political character increased more than threefold: from 17% in 1997 to 52% in 2000. During this period, preparations for elections to the Supreme Council and local government bodies, public authorities were formed, i.e., at this stage the media carried out a stabilizing role in society, helped to strengthen internal social institutions, including public authorities.

The results of the study of the third period (2002-2005) make it possible to determine the peculiarity of the functioning of the Pridnestrovian media at the stage of relative stability in the domestic political life of the state, but in the conditions of a rather unstable situation in neighboring countries. It should be emphasised that the foreign policy block of published materials is still the undisputed leader in the volume of publications (32% in 2003). The main reasons for the increased interest in the materials of this topic include discussion of the problem of federalization and integration with the Republic of Moldova, as well as

²⁷⁰ Горячее лето 2001-го... // Приднестровье. – 2001. – 22 июня; И румынские «пять копеек»... // Приднестровье. – 2001. – 15 декабря); Смирнов–Воронин: первый диалог // Приднестровье. – 2001. – 11 апреля; Штормовое предупреждение: СИБ Молдовы реализует план полномасштабных идеологических диверсий против ПМР // Приднестровье. – 2001. – 6 декабря.

²⁷¹ ВС ПМР: первые шаги противодействия // Приднестровье. – 2001. – 7 сентября; Гарант принимает меры // Приднестровье. – 2001. – 17 ноября; Митинги протеста // Днестровская правда. – 2001. – 30 октября; Протокол протоколом запротоколирован // Профсоюзные вести. – 2001. – 22 ноября.

preparations for the elections to the State Duma of the Russian Federation²⁷². Another reason for the increase in the volume of materials related to foreign policy was the «telephone war» between the RM and PMR, the essence of which was the mutual blocking of the mobile communication in the second half of 2003²⁷³.

27% of respondents were devoted to domestic political problems in 2002, while in 2003 only 8%, but already in 2004 this figure was 24%. A rather high percentage of materials of an internal political nature is explained by the reform of the executive branch, which was launched in 2001.

The volume of economic materials also varied from 5% in 2002 and 2004 to 13% in 2003. This jump is because of the economic blockade on the part of the Republic of Moldova in 2003 was levelled by the actions of the guarantor countries, in particular Ukraine and Russia, due to which the enterprises of Pridnestrovie were able to export products outside the republic.

Summarizing the above, it can be concluded that the printed media of Pridnestrovie have a clear spiritual side of the life of society, since the volume of materials of this orientation during the first fifteen years of the PMR's existence occupies almost 50% of all printed strips of local newspapers. It confirms the idea expressed by the researcher N. A. Pobeda that the formation of Pridnestrovian identity in the society is due to such a system of media preferences²⁷⁴.

With regard to the periodicity identified in the circulation policy of publications of a socio-political nature, it is equal to five years and is conditioned by election campaigns. However, despite the tendency to increase the circulation of

²⁷² Без чувства своей страны нет настоящего характера // Приднестровье. – 2003. – 22 декабря; В единой России – залог нашей общей победы // Приднестровье. – 2003. – 3 декабря; Дмитрий Козак: «За гранью добра и зла» // Днестровская правда. – 2003. – 27 ноября; О базовых принципах конституционного и государственного устройства федеративного государства // Приднестровье. – 2003. – 27 сентября; Россияне выбирают жизнь // Днестровская правда. – 2003. – 29 ноября; Получит ли процесс жизненную силу // Приднестровье. – 2003. – 21 мая; Федерализация: пристальный взгляд экспертов // Приднестровье. – 2003. – 23 апреля и др.

²⁷³ Агония режима Воронина // Приднестровье. – 2003. – 23 октября; Будет ли телефонная связь между Молдовой и Приднестровьем? // Приднестровье. – 2003. – 9 июля; Право на защиту // Приднестровье. – 2003. – 24 сентября; Провокация четвертой степени // Приднестровье. – 2003. – 19 ноября.

²⁷⁴ Победа Н. А. Социальная идентичность как инструмент диагностики социальной напряженности в обществах переходного периода // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. – Тирасполь, 2002. – С. 169–176.

general political publications on the eve of the 2005 election campaigns in Pridnestrovie, their total volume amounted to approximately 3 million copies, which is more than half a million copies less than the level of 2000. This situation is due to the fact that the majority of pridnestrovians already used republican electronic mass media by that time (73.5% – TV, 45% – radio), while only 20% of the population used printed media.

The reorganization of the industry, which has streamlined and largely simplified the creation of new printed media, caused a significant increase in the number of print media of Pridnestrovie since 2002. Therefore, if in 2000 there were 36 newspaper and 8 magazine editions in the republic, then by 2005 went to print 70 and 30, respectively. The decentralization of information flows and the expansion of the media spectrum against the background of their excessive politicization not only to a certain extent levelled the excitement in the information space of Pridnestrovie, but also initiated divergent processes in the following years in modelling the social reality by the audience and the media of the republic.

We point out that the activity of the printed media of Pridnestrovie is carried out in the conditions of political uncertainty, information and economic blockade and practically media cannot be systematized. However, nevertheless, the media of the republic not only effectively reflect social reality, promptly reacting to the changing situation in the Pridnestrovian region and around it, but a form public opinion through various information channels, thereby simulating social reality, increasing coherence among social actors of the Pridnestrovian community.

The process of state building is inextricably linked with political turbulence, the transformation of the traditional system of values of the individual and, as a consequence, the crisis of mass consciousness. In these conditions, the formation and strengthening of statehood is possible under the condition of such informational influence that would promote the establishment in the mass consciousness of new ideological attitudes and stereotypes within the framework of a certain national idea. It should be noted that at the initial stage of the ideological confrontation, the success of opponents involved in it depends, on the

one hand, on geopolitical support based on deep historical and cultural traditions, rather than on modern political trends, on the other – on the activity of information institutes, activity, which should be inversely proportional to their number. Being apart from the most active phase of the political and ideological confrontation, the effectiveness of involving the mass audience in the political process is reduced due to increased channels for obtaining information, simplifying access to socially significant information, as well as a wide range of its interpretation in various media. These conclusions can be used as a basis for the model of the functioning of the media during periods of social crises or political conflicts. According to the results of the research, the information hunger of Pridnestrovian residents in the early 1990s XXth century, satisfied with just a few newspapers, positively affected the credibility of both the new political elite and the local media. In addition, the underdevelopment of the information infrastructure stimulated the demand for journalistic materials whose ideological intentions were actively replicated in the mass consciousness and contributed to the formation of regional identity.

The processes of natural integration in the media of linguistic and cultural diversity formed in the 80-90's harmoniously developing communicative system, the social dominant of which is historically the Russian language. The armed and post-conflict confrontation on the banks of the Dniester determined a certain degree of information discomfort of the population, mobilizing the Pridnestrovian society and its social institutions. It also strengthen at this stage the convergence of models of social reality by both the expected audience and the proposed media, which increased both the effectiveness of local media and the sustainability of cultural and information development region as a whole.

Apart from the political and economic dimension, the isolation of the Pridnestrovian state is clearly manifested in the information aspect. The infocommunicative system of the republic, for objective reasons, is more autonomous and aimed at reflecting information provocations from the outside in order to maintain a stable socio-cultural situation in the region. In the current journalistic practice, the stereotypes of positioning the political, economic elite of

the republic as a priori positive in relation to the outside world and, especially, to the other side of the Moldavian-Pridnestrovian conflict are clearly manifested. The necessity of studying the information sphere of the republic in the context of interaction between the elite and the population is due to the fact that the media have great opportunities for active influence not only on the perception by citizens of certain political phenomena and events, but also on their relations to politics as a whole²⁷⁵. «The Republican press is such a strong social weapon that it can quarrel entire nations, regulating together with politicians both inter-ethnic and inter-republican relations».²⁷⁶

Thus, irrespective of the problematic plane of investigation of the genesis of the Moldavian-Pridnestrovian conflict and the formation of the Pridnestrovian statehood, the information component acts as a dominant determining the development of both each aspect of the review and the situation as a whole. The revealed importance of the information policy in the socio-cultural development of the Pridnestrovian community, due to the complexity of its impact on all spheres of its life activity, determined the rapid pace of formation and further development of the information area of the PMR. Its components are not only state enterprises and organizations, but also commercial information structures, resources of the Pridnestrovian Internet segment. The formation and development of the information space of Pridnestrovia in its extraordinary conditions exposed the necessity of the active development of the legislative base, the framework of which could regulate the functioning of both the entire media system and every mass media, in particular. In addition, the study of the problems of the development of the cultural and information space of society in the context of measuring the «elite-society» system acts as a necessary element in determining the prospects for the state construction of the Pridnestrovian Moldavian Republic.

²⁷⁵ Пугачев В. П. Соловьев А. И. Введение в политологию. – М., 1996. – С. 347.

²⁷⁶ Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. – М., 1992. – С. 78.

3. 2. Media reflection of the state development model in the cultural and information space

Audiovisual media are a unique social institution, simultaneously reflecting and modeling social reality. At the same time, existing scientific concepts, describing this type of media, and projects pay insufficient attention to the role of electronic media in the context of state development. They give a general confirmation of «adherence to the principles of freedom of the press and freedom of information, as well as independence, pluralism and diversity of the media, which are the main component of the information society»²⁷⁷.

The most important characteristic of the content of most audiovisual mass media of the post-Soviet space is the semantic eclecticism, the production and broadcasting of opposing meanings in the programs of almost each of the typologically homogeneous channels. It is a consequence of the phenomenon of the mediaocracy, when the program policies of most federal companies are identified not with the mentality of the viewers, but with the views of media managers, owners and customers. The main means of fighting for the audience was reverse programming, a phenomenon based on the full or partial copying of the ideological, artistic, subject-themed, informational content of TV programs and ignoring the diversity of interests of viewers²⁷⁸.

As a result, the audience does not act as an active socio-political part of multilateral television communication, is not included in programming, but also does not acquire (through various specific forms of television) the features of one of the functional elements of political management. There is practically no possibility of moving from the «covering» worldview of the media to a dialogue,

²⁷⁷ Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. – Доступно: <http://www.medialaw.ru>

²⁷⁸ Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005. – С. 16–17.

from a «vertical» system of disseminating information to a «horizontal» system, and, consequently, to a change in the structure and nature of information²⁷⁹.

Finally, there is no return to democratic institutions of direct public administration on a new technological basis, which could significantly change the principles of the activity of the institutions of power and to fill the socio-political content and meaning with innovative technologies of interaction between state institutions and society. In addition, the expansion of content management capabilities in itself leads to the consolidation of civil self-sufficiency, political consciousness, confident that it is able to influence the environment, i. e., to design, modify, correct it.

Audiovisual media, being a powerful tool for influencing the audience, is used by the state as a propaganda resource, which cannot help affecting their information policy. The events reflected in news programs and news releases create a certain media reality, which often differs from reality, but allows political forces to correct the model of state development through electronic media. The possible substitution of the true reality by the proposed one is realized by the selection for media coverage of such events, which repeatedly, and not always justifiably, they increase the status of both the information channel and certain political forces. Consequently, the electronic media not only offer a news agenda, but also force the audience to share it, to take it, thereby keeping it in the informational and, broader, ideological field of the media and wider, the state.

The content-matter is the main component in the implementation of these functions, because the electronic media can perform the function of both integration and differentiation of society. Consequently, through the content, electronic media reflect varied models of state development.

Analyzing communicative means of communication on Pridnestrovian TV channels, it should be noted that the “The First Pridnestrovian» means of non-

²⁷⁹ Шариков А. В. Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород. 16–19 октября 2006 г. / Под ред. В. Е. Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. – С. 177–184.

verbal communication are used more actively than on free choice TV («TSV»). They are the main component of the transmitted information in the context of the final news on release the channel «The First Pridnestrovian».

Nevertheless, both «TSV» and « The First Pridnestrovian» TV channels quite often use the means of non-verbal communication. For example, the newscaster is located, standing behind the podium in the left half of the frame on the «The First Pridnestrovian». Since the attention of viewers is often concentrated on a red background, this disposition reduces the information content of incoming information. The kinesics and posture of the newscaster for a given arrangement on the screen in most cases remain unnoticed by the audience, unlike when the newscaster is located in the centre of the frame.

On the «First Pridnestrovian» reports, images of state symbols are often used. The interviewee is located in the frame in such a way that the national flag can be seen in the background; with similar frames, some reports are being completed. During the news release on the TV channel «The First Pridnestrovian» the image of the PMR state flag is used more than 20 times on average. This use of non-verbal means of communication affects the subconscious of the audience, propagating patriotism. The ways and mechanisms of using some means of non-verbal communication, typical for the « The First Pridnestrovian», are also often found in the reports of the « The First Channel» of the Russian Federation, where often images of state symbols are displayed, and especially the image of the state flag and a bear – the symbols of United Russia».

The newscasters of TV channel are more actively using facial expressions, pantomime, speech tempo, pauses, etc, when the copy delivery is submitted to «TSV», which is a link to the report informing the legislature power (the «Renewal» party or the Supreme Council speaker). This practice contrasts with a rare use of these tools in the context of the entire news release.

The optical-kinetic subsystem (appearance, kinesics, pantomime) of the newscasters on the TV channel «TSV» is a copy of the all-Russian standards of behaviour of the newscasters and, thus, there is almost which lack of individuality.

As a result, in contrast to the leading Russian TV channels, which actively use speech techniques to denote their hidden attitude to what is happening, the leading «TSV» practically do not indicate their emotional involvement in the transmitted information. Moreover, the newscasters of «News on TSV» sometimes inappropriately and unreasonably use the means of subsystems of the nonverbal form of communication. For example, while throughout the information release, despite the diversity of the transmitted information the tone, pace, and timbre of the voice did not change significantly, at the end of the broadcast, the newscaster changes the tempo of speech and the emotional component of the news. Therefore, the following message appears: «At the end of the release news (the newscasters actively uses the facial expression, which shows his interest in the information being transmitted), the program of «12 evenings» will be broadcast in our channel». Based on this, the audience may have a false idea of the importance of this information in the context of the entire news release.

In addition, the «rolling ticker» is used unnecessarily on «TSV», which does not duplicate the information transmitted by the newscasters, but informs the audience about international events. This distracts the attention of the audience from the reports. As a result, most viewers do not perceive in an optimal form either the words of the newscaster or the information of the rolling ticker, the speed of which does not allow reading the transmitted text at an average rate. To compare «TSV» and “The Russian Channel One”, the rolling ticker duplicates the information transmitted to the leading information, which makes it possible to increase the number of spectators due to the people experiencing hearing problems.

In the Pridnestrovian electronic media, as well as on the TV channels of other countries, cognitive, psychological, social, linguistic and other mechanisms allowing to influence the consciousness on acceptance by representatives of these or those decisions are actively used. In this regard, viewers are given a variable interpretation of reality (VIR), the main mechanisms of which differ, depending on the level of the language system.

Significant variation at the lexical level has been studied by present days much better than all other mechanisms of influence on consciousness; therefore, it is often used in the texts of Pridnestrovian newscasters and correspondents. It implies a change in the stylistic colouring of language and a semantic variation of the terms of different ideological systems²⁸⁰.

For example, one of the reports on the riots in Chisinau reads: «The crisis in Moldavia did not affect Pridnestrovia in any way. But it can bring some bonuses to our state, say political scientists»²⁸¹.

The phrase «our state» is given a stylistic connotation to mean «independent state». In this case, the concept of «unrecognized state» recedes into the background.

On the TV channels of Moldavia, regular reports were broadcast on which the former President of the Republic of Moldavia V. Voronin used the term «separatists» instead of the word «Pridnestrovia», giving a completely different stylistic colouring of information in comparison with that dominating in the reports on «The First Pridnestrovian» TV channel.

As a result, for Moldavian viewers, unlike the Pridnestrovian audience, there is no concept of «Pridnestrovian Moldavian Republic», which is replaced by the negatively coloured concept of «separatists».

Let us give one more example. In the report of the channel «The First Pridnestrovian», informing about the initiative of the Supreme Council of the PMR, which supposes the abolition of the post «vice-president», it is said: «The public of Pridnestrovia defended the presidential vertical power»²⁸². In this sentence, the lexical variation is used twice. Firstly, the expression «defended» suggests that deputies of the Supreme Council on the vertical illegally attack the authorities, but this is not true. Secondly, in this report representatives of several organizations are associated with the entire «public of Pridnestrovia».

²⁸⁰ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003. – С. 179.

²⁸¹ По мнению политологов, ситуация в Молдове может пойти на пользу Приднестровью. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5599>

²⁸² Во внутриполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

These reports are aimed to form a negative attitude towards the amendments adopted by the Supreme Council and the deputies in general. In the same report, the President of the PMR asserts that by this amendment the deputies «insulted the whole society». In this case, the representatives of the executive power and public organizations I. Smirnov associates with «the whole society».

On «TSV» correspondents and newscasters also actively use methods of variation at the lexical level. In the reports, the change in stylistic colouring of the language can often be seen in the quoted text: «The leaders of the Moldavian opposition stated that they regard the actions of the Moldavian authorities as mass repressions».

This report was dedicated to the riots in Chisinau, in connection with which more than 200 people were prisoned, 160 of which were held in criminal cases. Sanctions from the state to the participants of the destruction of the parliament in the context of the reporting took a negative colour through such expressions as «mass repressions», «lawful actions of the police», etc.

At the same time, one of the reports on the TV channel «TSV», which informed about the initiative of the deputies of the Supreme Council proposing to amend the Constitution, there were the following words of the newscaster: «Today the deputies of the Supreme Council adopted in the first reading very important amendments to the Constitution». If in the text of the report on the TV channel «The First Pridnestrovian» this decision of the deputies of the Supreme Council was announced with the help of words with negative lexical colouring, then on «TSV» – with a positive one.

As a result, we can observe diametrically opposite positions of the leadership of the Pridnestrovian channels regarding internal political issues. The use of methods of varying words and phrases at the lexical level plays a big role in upholding and justifying specifically chosen ways of covering the described problems.

The two Pridnestrovian television channels often use the following expressions of different lexical colours that affect the opinion and consciousness of

the audience: «aggressor» — Moldavia, «clone of the party «Renewal « – the party «Fair Republic», «a power grab «– abolition of the vice– President, «the parties discuss nothing» – the boycotting of the negotiating process in Moldavia, «the previously defined budget parameters cause concern» – the budget deficit.

In addition, the electronic media of the PMR often use methods to vary sentences at the syntactic level, which have a strong speech potential. This method is based on the allocation of the communicator, or the agent (the initiator of the action) and the communicant, or the patient (the entity being exposed) in the sentence. As a result, the syntactically selected word or phrase, acting as an agent, accentuates the attention of the audience.

The examples of variation of textual constructions at the syntactic level can be observed in both «The First Pridnestrovian» and «TSV» Moreover, in the reporting of these channels, devoted to one problematic, different institutions are communicatively distinguished.

For example, «The First Pridnestrovian» TV channel often use the following textual transformations: «Today, the President of the PMR considered the proposals of the deputies of the Supreme Council»; «The president continues to hear reports of the heads of state administrations on the results of work in the past and the first quarter of this year»; « The President held a meeting on issues of local self-government and a number of legislative initiatives to amend the Constitution, presented by the deputies of the Supreme Council.»

In the three presented examples, the «President» communicates prominently, acting as an agent (the initiator of the action), as a result of which the audience's attention is focused on the figure of the President, while other participants in the situation (deputies of the Supreme Council, heads of state administrations) are removed from the centre of attention of viewers, through passivization .

On the TV channel «TSV» we see a completely different tendency of communicative exclusion: «The Supreme Council submitted amendments to the law to the President»; «The chairman of the Supreme Council meets with the President»; «The deputies of the Supreme Council adopted amendments to the

Constitution, which were vigorously discussed by a number of public organizations.»

As can be seen from the examples, in most cases the institution of legislative power and its representatives are communicatively highlighted on the «TSV», but other political figures are taken from the centre of the audience's attention through the passivization of the second participants in the situation (The President of PMR, the representatives of public organizations).

Consequently, we can talk about the wide use of lexical and syntactic text variation techniques on the Pridnestrovian channels in order to concentrate the attention of the audience on the activities of various institutions of state power («The first Pridnestrovian» – on the executive, «TSV» – on the legislative). This situation once again proves the existence of an implicit information confrontation between the leading electronic media of the PMR, implemented at the level of building the texts of mass communication.

The following transformations of the journalistic text are often used on «TSV» and «The First Pridnestrovian» TV channels:

1. The nullifying transformation, which leads to the exclusion from the description of some part of the situation (participant in the event, incident, etc.). For example, on «TSV» in the report about the student's meeting the following was said: «The youth wing of the» Renewal» party took an active part in the student's rally. The students presented an excellent cultural program, and also performed well in sports competitions». The report deliberately ignores the fact that the youth wing of the party «Renewal» eventually took the 12th place out of 18 teams. As a result, we have an example of using a nullifying transformation.

The nullifying transformation is often complemented by the fingering transformation.

2. The fingering transformation introduces in the description of the situation initially there are not contained characters, events, objects, etc. Such transformations include statements that are not relevant to the matter of the case: «Speaking about the 2008 budget deficit, do not forget about the continuing

economic blockade («The first Pridnestrovian»). The economic blockade, which by 2008 became more a myth than a reality, was often used as an argument justifying problem situations.

3. The speech impact can be carried out by electronic media not only through the language mechanisms of the VIR (Variable Interpretation of reality), but also through propositional components of statements simultaneously appealing to socially and culturally conditioned value structures of the audience. In this case it is a question of value-oriented natural language argumentation. A typical example of its use can be observed in soundbite with S. Stepanov, Minister of Justice of the PMR, who went on the air on «The First Pridnestrovian» TV channel: «If we accept amendments without the people, the people can take offense, and think: it's not me, it's someone decided instead of me. Everything must be reconciled clearly, and from the whole population of opinion, then, maybe, society will not split, because it will harm statehood. We now have a certain conflict, disagreement in opinions».²⁸³

This statement was aired in the context of the report, which discussed the problem of the adoption by the deputies of the Supreme Council in the first reading of amendments to the Constitution, implying the abolition of the post of vice-president. The speaking official uses arguments connected with the ideas of participation or non-participation of the people in making state decisions.

4. Pridnestrovian TV channels often use indefinite transformation, which leads to the replacement of specific items and participants with more generalized descriptions, which significantly increases the uncertainty in the interpretation of the situation (for example, «military actions» instead of «shooting prisoners», «operations to save hostages» instead of «transfer of ransom», etc.). On «The First Pridnestrovian» one of the reports says: «There are some problems in the military units today.» The general concept: «some problems» hides private concepts: «hazing», «cases of suicide», «crime.» As a result, the attention of the

²⁸³ Во внутриполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

audience does not focus on the problems of the army, and the television channel, while indicating the presence of certain problems in the functioning of this structure and not showing their diversity, formally fulfils the function of informing.

On «TSV» the following text structure was used in the report: «Moderate subscription fee for digital TV services is available to virtually all categories of citizens.» The general term «moderate» hides an amount equal to 10% of the pension of the majority of pensioners, who make up 40% of the population of Pridnestrovie. Due to the use of indefinite transformation in the sentence under consideration, the reality is interpreted in such a way that the concepts are replaced. Instead of the phrase «is not available to all categories of citizens,» the phrase «is available to virtually all categories of citizens» is used here. Thus, the TV channel «TSV» enhances the attractiveness of digital television services. The audience always positively perceives information with phrases: «moderate fee», «affordable price».

Summarizing, we note that the Pridnestrovian television channels are distinguished by a well-thought-out editorial policy that allows to successfully promote certain ideas on the information market that affect the public consciousness and form a model of social reality. However, the model proposed by the media does not always correspond to the model of state development and reflects the political foundations of society. The preservation of such practices in the long term can lead to disorientation of a large part of the population in the socio-political sense and to the stratification of the Pridnestrovian society.

As a positive aspect of the activities of state-owned media, it is necessary to specify the systemic nature, which is typical for materials covering the activities of the executive branch. Especially this quality was manifested during the discussion of amendments to the basic law of the state, which influenced the attitude of the society towards changing constitutional norms, confirmed the consistency of the executive power and increased its authority among the mass audience.

Studying the content analysis of electronic media, it should be noted that at the present stage, television remains the most popular medium of mass media. According to a sociological survey carried out in 2016 by the Department of Journalism of the Shevchenko State University of Pridnestrovie (PSU), 73.5% of the 1500 Pridnestrovians, taking part in the study, prefer television.

Turning to the method of content analysis, we explain that we analyzed 20 news releases on “The First Pridnestrovian”, “TSV” and “Russian First Channel” in the span of 2016. This volume is due to the fact that the sample was not held on the end-to-end system, but at the rate of one day a week, the most loaded with news, according to which the information policy of each of the channels developed.

The choice of « The First Channel» (ORT) is conditioned by the fact that 55% of the Pridnestrovian audience singled it out among other Russian TV channels as the most popular one.

The statistical data obtained as a result of monitoring the information news releases that appear on «TSV», «The First Pridnestrovian» and «The First Channel» (ORT), are reflected in table. 1.

Table 1. The thematic diversity of news releases

Topic	TSV		First Pridnestrovian		ORT	
	Number of materials	Duration, min.	Number of materials	Duration, min.	Number of materials	Duration, min.
Legislative power	43	96,5	23	55	11	27
Executive power	18	33,5	48	139	97	254
Judicial power	3	5	4	13	4	9
International news	20	43	20	46	47	103
Negotiation process	15	29	28	74	–	–
Economy	19	36	27	71	6	21
Social problems	34	71,5	33	89	33	93

Topic	TSV		First Pridnestrovian		ORT	
	Number of materials	Duration, min.	Number of materials	Duration, min.	Number of materials	Duration, min.
Culture	40	73	27	68	38	96
Parties	10	17,5	8	14	5	8
Advertisement channel	–	–	3	4	–	–
Total	202	405	221	573	241	611

The correlation of information demand and information supply in the PMR was made possible by comparing the results of the sociological survey and the data obtained during the analysis of the final news releases on the leading Pridnestrovian television channels for their thematic diversity.

In the Pridnestrovian television broadcast network, news releases of both the state («The First Pridnestrovian») and commercial («TSV») channels remain static for several years. This constant has a positive effect on the preservation and expansion of a potential audience, which in turn enhances the effect of these media. Nevertheless, it is necessary to emphasize the reverse side of such a static nature: news on Pridnestrovian television channels with qualitatively new information is published once a day.

According to the results of our survey, 26% watch the channel «TSV», and «The First Pridnestrovian» – 20.8% of the total number of respondents every day. This suggests that the Pridnestrovian electronic media currently do not stand competitive with Russian TV channels (with «The First Channel» and «RTR» in particular), which are watched by 75.7% of respondents every day.

Considering the reports in the context of the correspondence of the information policy of the Pridnestrovian TV channels to the model of state development, it can be concluded that approximately 70% of the reports about the activities of the executive and legislative branches can be viewed respectively on

the «The First Pridnestrovian» and «TSV». Proceeding from the constitutional norms that define the form of state governance in Pridnestrovie as a «presidential republic», the editorial policy of the television channel «TSV» does not fully correspond to the model of state development of the PMR and contradicts state information policy, making it difficult to develop and strengthen the presidential power. So, for the analyzed time interval on the «TSV» channel, 43 reports of 95.5 minutes duration were devoted to legislative authorities of 64 reports on all branches of the government with a total duration of 135 minutes.

Even in the aggregate of information issues, two Pridnestrovian TV channels can not fully support the model of state development of the PMR as a presidential republic, since in the context of general airtime reports on the legislature dominate (48%), exceeding the amount of materials on the executive power by 2% .

According to our research, only 8.3% of respondents define politics as a priority topic for news. In addition, information on the activities of the Supreme Council is to some extent in demand (only 55.6%, of which 9.2% are permanent, and 46.5% sometimes), which explains the corresponding number of reports.

The peculiarity of the functioning of « The First Pridnestrovian» channel is dictated by the form of ownership and the model of state development of the PMR. It confirms a high percentage of reports informing the audience about the activities of the executive branch. During the period under review, 48 out of 75 reports of the « The First Pridnestrovian» is devoted to the executive branch of power. For comparison, there were only 18 reports of this subject on «TSV».

Constantly interested in the activities of executive authorities are only 8.5% of respondents, although sometimes this information is of interest to almost 50% of the audience, which also justifies the high frequency of reports on this topic on Pridnestrovian TV channels. It should be noted that 41% of respondents are not interested in the news from the Supreme Council, 36% – do not pay attention to information about the President of the PMR and the activities of the ministries.

Thus, the main informational reason for the majority of news releases on the TV channel «The First Pridnestrovian» is the activity of the executive power, the

work of the legislative branch is central to practically all news releases on the «TSV» TV channel. Consequently, there is a contradiction of information issues on these TV channels, which is also a consequence of the selection of various courses of the editorial policy of «TSV» and «The First Pridnestrovian».

Unlike Pridnestrovian television channels, the leading Russian electronic media function in the context of the state model of Russia's development, providing information support to the executive branch. For example, during the analyzed period, on the «First Channel» 97 of 112 reports reporting on the activities of the three branches of state power are devoted to the activities of the executive bodies, which is 86.6% of the total number of reports on the branches of state power.

Both in the Pridnestrovian and in the leading Russian TV channels, there are extremely few reports that inform the audience about the work of the judicial branch of state power. For example, on TSV, 3 reports took place for a total of 5 minutes, on the «First Pridnestrovian» TV channel – 3 reports (8 minutes), on “The First Channel» – 4 reports (13 minutes). These figures testify to the existence on these TV channels of a general trend towards priority coverage of the activities of the executive and legislative branches. As a result, the audience has an inadequate view of the subordination or inconsistency of judicial structures or their insignificant role in the matter of state development. Unlike the Pridnestrovian electronic media, special programs on the judicial branch of power are broadcast on Russian TV channels.

By translating the absolute values of the number of reports and their duration into relative values, we present the most revealing moments.

On «TSV» 67% of the total airtime, referring to the three branches of power, is allocated to coverage of the work of the legislative authorities.

The «First Pridnestrovian» has the opposite picture: 64% of the time is devoted to informing the audience about the activities of the executive authorities.

On the Russian «The First Channel» about 90% of information materials on the activities of all branches of state power are introduced to the executive

branch²⁸⁴. It can be argued that Russian federal channels differ from the Pridnestrovian electronic media by the more dynamical news and a clear position on supporting the chosen course of state development. Their work fully reflects the model of state development in Russia.

Information issues on «TSV» and «The First Pridnestrovian» TV channels are more static and of the same type. These TV channels function in the information confrontation, which is aimed at practicing two different editorial policies of «TSV» and «First Pridnestrovian».

Despite a rather large share of reports on social and cultural issues «TSV» does not fully cover the social life of the republic (for the reporting period 74 reports lasting 144,5 minutes on the socio-cultural sphere were aired on the TV channel «TSV», which is 37% of the total number of reports and 36% of the total time). The percentage of materials with a purely social orientation is only 17%. In addition, in these reports, social problems are interspersed with activities and the PR Party «Renewal». For example, in the video of a report on a voluntary Saturday work periodically there were people in the T-shirts of the «Renewal» party, and the head of one of the party's branches answers to the journalist's questions. Such use of non-verbal communication means is similar to the active use of state symbols by «The First Pridnestrovian» TV channel.

On the «First Pridnestrovian» TV channel, the share of socio-cultural reports accounts for an average of 27% of the number of reports and the total airtime, which also implies a sufficiently high frequency of coverage of social issues. However, a detailed analysis of such materials allows us to conclude that social issues here do not receive proper reflection (15%).

The relative dominance of cultural materials over social topics (2-3%) is typical for TSV (17% versus 19%, respectively) and “The First Channel” (15% vs. 17%). An analysis of the information issues of the «The First Pridnestrovian» TV channel shows an opposite situation: coverage of cultural events in the republic is

²⁸⁴ Исследование проводилось кафедрой журналистики Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в 2014 году. Анализу подвергались все итоговые выпуски новостей на «Первом канале» за первое полугодие 2014 г.

inferior to social problems and is only 12%. Such a practice can not be considered adequate, since Pridnestrovie has always positioned itself as a state with unique cultural traditions and history.

The insufficient coverage of the fundamental spheres of public life creates a false impression among the audience about the absence of problems in them. So, the studied TV channels rarely put forward the problems of education and health. On average, within a month, «TSV» broadcasts 11 reports devoted to these issues, «The First Pridnestrovian» – 10, «The First Channel» – 9 reports. However, in most viewers this fact can cause irritation, because they know from their own experience about the problems in education and health. As a result, the audience begins to doubt the objectivity of the media.

It should be noted that according to the data of the sociological survey, electronic media should pay more attention (20%) to information of social orientation, – so 60% of respondents think in such a way. Thus, in the research TV channels, “TSV” corresponds optimally to the audience's requests. The reduction in the amount of reporting on this problem indicates a reluctance on the part of the state-owned electronic media to influence negatively the ratings of the political elite (the president or the ruling party).

Unlike Russian, the Pridnestrovian electronic media devote a lot of airtime to the problems of the economic sphere, which to some extent meets the needs of the audience. Therefore, on «TSV», on average, the coverage of the economic sphere occupies 9% of airtime, on « The First Pridnestrovian» – 12%, on « The First Channel» – 3.2% of airtime. Such a gap indicates the efforts of the Pridnestrovian economic and political elite to attract foreign investment in the republic and the desire to achieve a higher level of economic prosperity of the PMR. This practice is consistent with the information requests of the audience. According to the results of the survey, more than 20% of respondents are primarily interested in economic problems. 55% of respondents believe that the volume of information on the economic sphere of the state should correspond to 16%.

The review of international news in the context of the information release on «TSV» practically does not differ in the chronometry from the cutting of similar materials on “The First Pridnestrovian» TV channel. During the monitoring period, 20 reports on international life were broadcast on both channels, which is 10% and 9% of the total amount of airtime, respectively. This category of news on «TSV» is 43 minutes, on «First Pridnestrovian» – 46 minutes. The information about international events on two Pridnestrovian channels is similar: an average two-minute review, announced by the newscaster and accompanied by a corresponding video series. However, in percentage terms, «TSV» for 3% more time devoted to international news, which on average is about 11% of the total newscasts.

As for the audience's requests, 57% of respondents are constantly interested in international news, and 45% believe that Pridnestrovian electronic media should increase the amount of airtime allocated to coverage of international events to 15% of total airtime.

For comparison, let us cite the data of the federal «The First Channel». The amount of airtime spent on informing the audience about international events corresponds to 103 minutes, reportages to 47, which is almost 2.5 times greater than for Pridnestrovian TV channels by both criteria. A similar ratio is maintained with reference to percentages: compared with the «The First Pridnestrovian» and «TSV» on the «The First Channel», the volume of international news is 20% more on the number of reports and 17% on airtime.

In addition, the «The First Channel» is characterized by the presentation of international events. Informing about international events is carried out in the context of Russia's geopolitical activity and its status as a world power, that is, if this state does not take part in international events, it conducts their monitoring. More than half of the news is transmitted through reports that emerge depending on the status (politics, economy, culture, show business, etc.) at the beginning or in the middle of the release, or even at the end. On «TSV» and «The First Pridnestrovian» TV channels, international news mainly affects events taking place in the countries of the former Soviet Union, or those that directly affect the

Moldavian-Pridnestrovian negotiation process. Pridnestrovian television channels do not often respond in a timely manner to landmark international events.

The negotiation process for the settlement of the Moldavian– Pridnestrovian conflict is one of the most important informational occasions on « The First Pridnestrovian» TV channel, which is characterized not so much by the amount of airtime and the number of reports left (74 minutes (13%), 28 reports (13%)) , devoted to this problem, in the structure of the information program. The reports, covering the negotiation process, in most cases, are published at the beginning of the airplay. «TSV» does not differ in such a dynamic coverage of the negotiation process: for the period under review, there were 15 reports with a total duration of 29 minutes, which corresponds to approximately 7% of the total volume by two criteria. As a rule, these materials are published in the middle of the information release.

As for the demand for information on this issue, only 13% of respondents stated that they are not interested in events related to the negotiation process. About 45% of the audience believes that this information is sufficient, although 42% are sure that the volume of relevant materials should be at least 14% of the total airtime.

The emerging situation in the leading Pridnestrovian electronic media is a consequence of the slow-moving Moldavian-Pridnestrovian relations, including the negotiation process as well as various editorial policies. If on «The First Pridnestrovian» TV channel the negotiation process, along with executive authorities, social problems, is one of the main information reasons, then for «TSV» this issue is one of the least popular. Reports on the settlement of the Moldavian– Pridnestrovian conflict are practically absent in news reports on the commercial television channel.

TV channel «TSV» weakly illuminates the activities of the power structures of the PMR in comparison with other channels researched. From the total air time of information releases only 4.5% are allocated to this block of materials. It should be noted that in percentage terms, the share of airtime referring to the coverage of

the activities of law enforcement agencies in the general airtime on “The First Pridnestrovian» is about the same as on «TSV» – 4.8%. However, on this TV channel, in addition to information news releases, there are programmes: «At the turn of the fire» and «Hot on the trail», informing about the activities of the Armed Forces and the bodies of internal affairs of the Pridnestrovian Moldavian Republic accordingly.

Both in the Pridnestrovian electronic media and on the Russian television channel, reports that inform viewers about party life in the state are extremely rare. For example, on TSV, 10 reports (5%) for a total period of 17.5 minutes (4.3%) devoted to this topic were aired during the study period; on the «The First Pridnestrovian» – 8 reports (3.6%) with a total duration of 14 minutes (2.4%); on «The First Channel» – 5 reports (2.1%) with a total duration of 8 minutes (1.3%).

In the process of coverage of party themes on the TV channels of the PMR and Russia, there is a general trend, which amounts to insufficient information to the audience about the activities of all existing party organizations. This is primarily due to the priorities with regard to specific parties, the coverage of which corresponds to the basic principles of the editorial policy of these TV channels. For example, 8 out of 10 reports on the party life of the republic are devoted to the activities of the Party «Renewal», on the «The First Pridnestrovian» – 5 out of 8 reports on the party life of the republic are reported on the functioning of the Republic Party. On the «First Channel» as a whole, it is difficult to delineate thematically the reports that cover the activities of the executive branch and the party functionaries, since in these reports there are simultaneously synchronicities, the author of which is the President of Russia.

We would like to note about the low rating of almost all parties of the PMR. The results of a sociological survey showed that about 70% of respondents are not only interested in the activities of parties, but also do not trust them. Hence, the low interest of the audience in obtaining information about party life in the republic: 34% of respondents believe that it is necessary to reduce the amount of this information, allocating to it no more than 2% of the total airtime of news

releases. Proceeding from this, the «TSV» channel is unnecessarily «party», which not only can irritate the audience, but also provoke doubts about the objectivity and impartiality of this electronic media.

The results obtained in the course of the study make it possible to assess the situation that testifies to the low ratings of the Pridnestrovian parties, which, most likely, will be aggravated by excessive coverage of this topic by leading electronic media. We can also talk about the subjectivity of the coverage of the party life of Pridnestrovie and Russia. It is expressed both in the text of the correspondents and the leading, and in the selection of news material covering the activities of only one particular party; therefore, the audience creates a false idea about the party system of the PMR and Russia.

The Pridnestrovian channels practically do not touch upon the problems connected with the functioning of the civil sector, the army, corruption of officials, etc. The coverage of these problem areas can negatively affect the image of the political elite actively supported by the studied electronic media. In contrast to «TSV» and «The First Pridnestrovian», special programs are broadcast on Russian TV channels, which periodically inform the audience about the existing problems in the above areas.

Thus, the leading electronic media of the Pridnestrovie because of an implicit information confrontation, «TSV» and «The First Pridnestrovian» practically do not fulfil the consolidating function in the society. Such a situation in the long term may lead to stratification of the society against the conflicting parties and shake the Pridnestrovian statehood.

The conducted research allows to state that the Pridnestrovian electronic media does not fully satisfy the information requests of the audience. The thematic variety of newscasts is formed because of the editorial policy of individual channels, rather than the interests of viewers. The reports informing the audience about the activities of the executive and legislative branches, which are broadcast with the highest frequency on both channels, meet the information needs of only

14% of the population. Most Pridnestrovian citizens are concerned about the social and economic problems of Pridnestrovie (40% and 38% respectively).

Hence, the attitude to the Pridnestrovian media is the following: more than 30% of respondents expressed their distrust, while only 9.2% of respondents absolutely trust. Over 10% of the total number of respondents do not watch Pridnestrovian television channels at all.

Nevertheless, we would like to emphasize that the media at a certain stage have been able to strengthen their positions in this regard, assessing the dynamics of indicators of trust in state and public institutions.

Table 2. Respondents' answers to the question: "How much do you trust to ...?"; %

Option to answer	the Supreme Council		the President and Cabinet of Ministers		Mass media	
	2005	2016	2005	2016	2005	2016
I trust very much	9,5	5,0	12,6	2,8	6,4	9,2
To a certain degree	30,9	34,8	28,9	41,5	22,9	56,4
I do not really trust	27,3	31,9	28,2	23,2	23,2	20,6
I do not trust at all	19,8	17,0	18,2	26,1	26,2	10,6
Difficult to answer	12,5	11,3	12,1	6,3	21,3	3,2

As can be seen from table 2, the trust in the media compared to 2005 has almost doubled. It is noteworthy that during this period the Pridnestrovian mass media have enlarged their audience by approximately 20%, as evidenced by the low percentage of those who found it difficult to answer the respondents. Taking into account, the contradiction between the model of state development of Pridnestrovie and the information policy of local media, it can be concluded that the audience shares the positions of the media with regard to the further state system of the PMR.

The attention should be paid to the fact that the confidence in the executive and legislative branches for the researched period has changed. Therefore, lawmakers lost almost 50% of the audience, previously unconditionally trusting them. At the same time, the executive branch retained only 20% of the audience, which it completely believes. The indicators of mistrust look alarming: 17% of

respondents completely distrust the Supreme Council, which is almost 3% less than in 2005; The President and the Cabinet of Ministers of the PMR are more than 26%, which is almost 50% higher than in 2005. Such trends may negatively affect the results of upcoming election campaigns and referendums on the internal political structure of the republic.

Thus, the functioning of Pridnestrovian electronic media does not fully correspond to the chosen model of state development, but to a certain extent it is coordinated with the mood of the audience.

The course for the further development and strengthening of the presidential republic to some extent receives information support only from “The First Pridnestrovian» TV channel. Informing the channel of «TSV» of social and political life is aimed, first, at popularizing the legislative power, by sticking out specific individuals and the party (the chairman of the Supreme Council and the Party «Renewal»).

It can be argued that the corporate policy of the founders, their funding, is a fundamental factor in the activity of private TV channels, represented by «TSV», which in most cases does not correspond to the concept of objective information about public and political life by state electronic media. Thus, the functioning of the commercial electronic media of the PMR in the context of public policy remains controversial.

The practice of highlighting public and political life, involving the use of various interpretations of reality by the two Pridnestrovian television investigated channels, is a consequence of diametrically opposite directions of the editorial policy of TV channels «TSV» and «The First Pridnestrovian». This information struggle of leading electronic media catalyses the stratification of society and the growth of distrust towards the both executive and legislative institutes. Therefore, the PMR TV channels practically do not perform consolidating functions, which in the conditions of the Pridnestrovian state should become a priority.

The elimination of the current situation is impossible without a revision of the editorial policy of the media. Leading TV channels of the PMR need to

conduct sociological research to identify information preferences of the audience, which will help them to improve the rating of both the TV channel as a whole and individual TV programs.

We must not forget that electronic media react sensitively to the changes in the internal political struggle for power and they are often informed about them, based on subjective positions. The confirmation of this conclusion we find in the materials of TV channels «TSV» and «First Pridnestrovian». Thus, an objective opinion about the events in the republic can not be formed in most cases, even after viewing the final news releases on both analyzed TV channels. TV channels are losing the significant part of the audience, because of subjectivity, static and uniformity of news releases. These factors do not allow them to compete with Russian electronic media.

3. 3. Problems of the stability of the cultural and information space of Pridnestrovie

In the course of the study, we formed a matrix of stability of the cultural information space, the lines of which we referred to the functional block of the matrix, which reflects the results of a sociological survey in which about 1000 Pridnestrovians took part. All cells of the matrix are foliated according to the following scheme: the column number is the first digit, the line number is the second digit.

Let us analyze the ideological factor characterizing the mood of the population, depending on its active, sociocultural, psychological, material and demographic status.

Cell 12. Let's give the figures that indicate a low degree of public confidence in the current government. Therefore, about a third of the population of Pridnestrovie in the autumn of 2016, on the eve of the elections of the President of the PMR, trusted the ruling authorities. We would like to note that a relatively high

percentage (33%) of confidence was characteristic of the non-working population, including pensioners. It should be emphasised that this particular category of the population was historically the mainstay of the current government, and as a rule, as the most active part of the electorate, the team of the first President of the republic usually made «bets» in the election campaigns.

An interesting fact is the low ranking of the upper-most echelon of power structure among civil servants (about 30%). It should be pointed out that the public sector of the economy has largely grown over the past 5-10 years, and the number of bureaucracy, according to some sources, has increased by 30%. In this regard, a low degree of trust in the current government from the part of state structures, in our opinion, is indicative of the insolvency of the administrative apparatus, artificiality, inflatedness and, consequently, its self-elimination. The expected result of a low degree of trust among the population employed in the non-state sector (29%) only confirms the fact that the ruling elite is separate, autonomous and detached from the population of the republic.

The reflection of the ideological status in the matrix in the context of people's reaction to the actions of the authorities is an important condition for preventing contradictions in the «society-power» system, timely adjustment of the political image, through adequate information policy of both state and commercial media of all types, and also guaranteeing the stability of the current government and its legitimacy in society.

Cell 13. The problem of public confidence in state institutions of power is relevant in almost all modern countries, and its study, coupled with an analysis of the prerequisites for the emergence of distrust, is dichotomous: endogenous (institutional theory) and exogenous (cultural theory). Exogenous approach explains the reasons for the trust (or mistrust) of the people of power with cultural sources, including national ones. Thus, only 29.5% of the polled respondents who relate themselves to the Russian, political elite (presidential, executive and legislative) trust. Those who identify themselves with Ukrainians – 26%.

		Institutional box (factors)							
		Ideological	Pragmatic	Sociocultural	Psychological	Material	Demographical		
							age	sex	education
Functional box (status)	Ideological	11	21	31	41	51	61	71	81
	Pragmatic	30/29/33 ¹²	22	32	42	52	62	72	82
	Sociocultural	39/26/29 ¹³	64/57/48 ²³	33	43	53	63	73	83
	Psychological	33/28 ¹⁴	61/69/49 ²⁴	68/57/61 ³⁴	44	54	64	74	84
	Material	61/24 ¹⁵	24/22/19 ²⁵	26/17/23 ³⁵	80/58 ⁴⁵	55	65	75	85
	Demographical (age)	32/29/27 ¹⁶	56/50/65 ²⁶	52/61/57 ³⁶	66/57/52 ⁴⁶	22/22/24 ⁵⁶	66	76	86
	Demographical (sex)	29/32 ¹⁷	35/56/51 ²⁷	40/42/47 ³⁷	61/61 ⁴⁷	20/24 ⁵⁷	44/47/30 ⁶⁷	77	87
	Demographical (education)	30/32 ¹⁸	57/61/43 ²⁸	49/56/63 ³⁸	61/61 ⁴⁸	24/20 ⁵⁸	58/56/46 ⁶⁸	45/42 ⁷⁸	88

And among the respondents who identified themselves as Moldavians, the leadership of the republic is trusted by almost 40% of citizens.

As it will be shown in cell 23, the activity (social and professional) status of the individual in the context of its socio-cultural characteristics influences the ideological mood.

It is obvious that the cultural policy of the state, implemented in particular by the Law on Languages, is more declarative and does not reflect the reality of the modern socio-cultural process in society. Nevertheless, the protection of the national «Moldavian» before the Romanian expansion in neighbouring Moldavia gives the Moldavian ethnos representatives a greater confidence in the leadership of the republic. At the same time, the passive attitude of Kiev towards the settlement of the Moldavian-Pridnestrovian conflict and the corresponding role of Ukraine in strengthening the statehood and independence of Pridnestrovie neutralize the efforts of the Pridnestrovian political elite in matters of cooperation with the leadership of the neighbouring state. The lack of effective cooperation and tangible assistance and support from the Ukrainian side can explain to some extent the low degree of trust of the Ukrainian part of the population to state institutions of power.

The representatives of the three dominant ethnic groups residing on the territory of Pridnestrovie belong to the same group of the East Slavic people and share its basic cultural codes and preferences. Centripetal moods regarding the management of society, expressed by the desire to see a single ruler and advocate exclusively for him. Even if there is a lack of effectiveness of his activities, largely explain the preservation of power in the hands of the first president of Pridnestrovie for twenty years with a relatively low rating of confidence of all ethno-cultural groups of the population.

«Sovietness» is also one of the characteristics that is still preserved in the consciousness of the majority of Pridnestrovians and leaves an imprint when making a decision in a situation that provides for an alternative choice. The postulate of permanence, and therefore of some kind of kinship and, accordingly,

preferences for a long time contributed to the preservation of power in the same hands. Thus, the highest popularity of current leaders in most countries of the new abroad is based, of course, not only on effective propaganda, but also on the deeply entrenched personalized and paternalistic perception of one-man management in power.

Cell 14. The positive perception is an important socio-psychological condition for the emergence of trust between the population and the authorities: positively-minded respondents are more likely to trust the leadership of the republic.

Positively minded people, as a rule, to a lesser degree or did not encounter in everyday life with negative influence of power structures: for example, serious bureaucratic obstacles, corruption phenomena, conflicts with the law, etc. Thus, social and psychological well-being is a serious occasion to feel satisfaction with the existing way of life, and therefore – and the acting power, which in the human mind ensures its stable existence, which, in turn, is a favourable soil for the emergence of confidence in power structures and power-vested personalities. A slight gap between positively and negatively minded respondents is only 5% and it can be explained by the high degree of influence of the propagandistic factor of the state-owned media. The mass media, in the absence of an alternative source, are able, in carrying out the task set by the state, to impress a certain part of the audience with the «ordered» picture of reality.

Cell 15. Social well-being of a person is largely determined by its material position, which, in turn, for most people directly depends on the social and economic welfare of the state as a whole. We believe that the continuation of the country's sustainable social and economic development will further open additional opportunities for a successful advance towards full-fledged political democracy.

According to the results of the survey, the gap in the indicators of the degree of people's trust in the authorities is quite impressive. So, among the citizens who assess the social and economic situation in the republic as favourable and stable, 61% of respondents trust the president, as well as the highest bodies of the

executive and legislative branches of government. Among those who assess the social and economic situation in the country as unfavourable and critical, the number of trusted authorities is only 24%. If the economic crisis drags on, this probably leads, if not to an even greater increase in the gap between the indicators of these two groups, but an increase in the number of the group of negative citizens.

Cell 16. The demographic status of the individual is also one of the basic criteria for diagnosing the degree of public trust in the government. The spread in assessing the legitimacy of power by age categories is relatively small. Thus, among the respondents aged 18-30 the authorities trust 32%, among the age group 31-50 years – 29% and in the senior group (51 and over) – 27%. We would like to note that in Russia, for example, the senior able-bodied group (35-54 years) has a significantly lower credibility trust than the rest. Sociologists explain such «bitterness» by the fact that this particular age group that puts the main burden on raising children and helping elderly parents (against the backdrop of worsening job opportunities and declining health potential). As we see, among the Pridnestrovian respondents, the indicator of trust of this «average» group is also lower than among 18-30-year-old respondents. However, in Pridnestrovie this difference is only 3% (in comparison with Russia 10%)²⁸⁵. This, in turn, can be explained by the fact that the socio-economic situation in our republic, in comparison with Russia, is much less stable. Consequently, the «younger» age group is stronger than in Russia, it is included in the struggle for material well-being. This is also proved by the fact that the Pridnestrovian youth today are much more involved in the labour process than, for example, 10-15 years ago. It is practically the norm to combine work and study, and therefore this category thinks more closely to the «adult» group. As for the low level of trust in the authorities on the part of the «senior» group (51 or more years), then, of course, there is a role of fatigue from constant promises and periodic appeals to the elderly only during election campaigns. In addition, it is

²⁸⁵ Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3(35). – С. 97–105.

necessary to take into account the mistrust of the elderly and the low level of social security, which, in its turn, is related logically to the inadequate fulfilment by the authorities of their direct responsibilities: providing social protection for the most vulnerable categories of the population.

Cell 17. The gender gradation of respondents indicates the confidence of the authorities in only 29% of men and 31.5% of women. A slight difference (only 2.5%) is due, most likely, not to the psychological characteristics of the female and male perceptions, but to general problems in the interaction with the authorities. The experience of manipulating people's trust shows that in most cases the election is won not by a specific person, but by the myth about him, a powerful reflection of the «untwisted» image in the public consciousness. The women in the nature of things are much more likely to succumb to the «mythical» bait of PR-technologists; they are kind and less critical than men are. However, a slight difference in the attitude to power structures on the part of both men and women can be explained by the phenomenon of «Pridnestrovian women». This phrase has long been the embodiment of politically active and determined women, not lagging behind men in expressing and defending their civic position.

Cell 18. Intellectual status of the individual, his level of education is also one of the main indicators of trust or mistrust of the authorities. However, according to the results of the survey, the degree of trust of respondents with higher education is only 2% lower compared to similar data for respondents with a secondary education, 32% of whom trust the authorities.

The systemic power crisis is the only, in our opinion, explanation of the fact that regardless of social status and demographic characteristics, the degree of trust of the authorities is extremely low.

Next, consider the activity factor that characterizes the mood of the population, depending on their socio-cultural, psychological, material and demographic status. The participation of the population in various sectors of the economy, depending on their social status, demographic characteristics combined

with their ideological moods, can clarify certain problems of interaction between state and public institutions.

Cell 23. Using the criterion of «nationality» to study public and private sector employees makes it possible to explain the increased trust of the Moldavian part of the population of the current government, since the majority of Moldavians (64%) work in state structures (against 57% of Ukrainians and 48% of Russians). In the commercial sector, the percentage of the Russian population is the highest (35%). Ukrainians employed in the private sector of the economy, among the respondents was 16%; Moldavians – 11%. As for citizens who do not have a permanent source of income at the time of research, then, again, there were more than 17% of Russians. 16% unemployed among Ukrainians and only 11% among Moldavians.

Cell 24. The psychological sentiment of representatives of different sectors of the economy shows that 61% of respondents are psychologically positively among the public sector workers; among representatives of commercial enterprises and organizations of such 69%. And among the unemployed – 47%. As criteria for determining the positive attitude of the respondents, such characteristics as confidence, calmness, desire to act and optimism acted. Psychologically negative respondents, on the contrary, tend to be desperate, anxious, passive, or difficult to answer. It should be noted that among the representatives of the commercial sector, psychologically positive people are significantly more (by 8% compared to employees of state enterprises and organizations and by 10% compared to the unemployed). The reasons for the positive or negative psychological mood of citizens in many respects, as already mentioned, are determined by economic security and stability, because wages are much higher in commercial structures than in state structures. On the contrary, people who do not have a permanent source of income are much more prone to anxiety, uncertainty and a pessimistic attitude.

assessments of the social and economic situation in the republic, respondents working in the public sector of the economy still rate it as more favourable and

stable. 24% of civil servants gave such answers. In the commercial sector, citizens who consider the situation favourable are 21.5%. In addition, among the unemployed – only 18.5% of them. Perhaps the high percentage of positive assessments among public sector employees is due to they have guaranteed access to the social guarantees of the state. In addition, according to their status, they are more loyal than employees of the private sphere who indirectly depend on power structures.

Cell 26. As the study showed, the age differentiation of workers in the public sector, according to respondents' answers, is as follows: 18-30 years – 56% of respondents (including students of state universities); 31-50 years old – 49.5%; 51 and more years – 65%. In the commercial sector, 28% of persons from 18 to 30 years are employed, 40.5% – in the category from 31 to 50 years and only 9% of persons over 50. The latter is explained by the fact that employers in the business sphere are much less burdened with social obligations than in the state sphere and prefer not to hire employees of retirement age and pre-retirement age. In addition, due to the fact that in the «senior» group of respondents the majority of pensioners, among them the highest percentage of unemployed – 27%. The least unemployed in the category of 31 to 50 years: as a rule, these people have defined long and firmly professionally, often with considerable working experience, chained to workplaces the need to support family and friends.

Cell 27. With regard to graduation of respondents by gender, 35.5% of men and 64.5% of women work in the public sector. In the private sector, on the contrary, men predominate (56% versus 44%). And among the unemployed – 51% of men and 49% of women. Despite the lack of proper representation of women in the higher echelons of power, they are almost twice as active as men in the public sector, occupying positions at various levels. These results once again testify to the mentioned phenomenon of the «Pridnestrovian woman».

Cell 28. In the state sector 57% of respondents with higher education and 43% of citizens who received only secondary education are employed. In commercial structures, the prevalence of graduates is much more significant: 60%

of employees with higher education and only 39% – with secondary education. Such results are expected, since they are socially justified: more competent specialists can count on more decent conditions and pay. Among the unemployed, the percentage of people with higher education is also significantly lower than the average: 43% versus 57%.

Let us analyze the socio-cultural factor characterizing the mood of the population, depending on the psychological, material and demographic status.

Cell 34, 35. It is interesting to compare the data about the psychological mood and assessment of the socioeconomic situation among the representatives of the three main nationalities in the republic. Thus, among the Moldavians, 68% of respondents are psychologically positive. At the same time, only 26% of respondents think that the socio-economic situation among them is favourable. A similar situation among Ukrainians (57% and 17%) and among Russians (61% and 23%). The conclusion is that the negative assessment of the social and economic situation of the state is not at all an obstacle to a positive attitude of the citizens. This can be explained by the fact that the crisis situation in the republic is permanent due to its special status and geopolitical realities. On the one hand, the population had to develop immunity to crisis conditions. On the other hand, the propaganda role of the mass media is also important. For many years, the struggle against various crises (foreign policy, internal, economic) was actually elevated to the national idea, and tomorrow it was drawn prospectively («we will be recognized,» «the reform will take effect,» «Russia will help,» etc.). However, recent presidential elections showed that the readiness of the population to act in tofor a radical change of power to the fact that the people are still equal to a radical change of power structures, despite all the efforts of the administrative media.

Cell 36. Among the respondents of Moldavian nationality, young people (from 18 to 30 years) prevailed – 52%; 38.5% of the respondents referred to the «average» age group (31-50 years); 10% – to the «senior» (51 and more years). Among the Ukrainians, the youth was 61%; «Middle» group – 29%; «Senior» –

11%. Among Russians, young people, the average age and «senior» were distributed as follows: 57%, 36% and 6%, respectively.

Cell 37. Among the respondents of Moldavian nationals there were 40.5% of men and 59.5% of women. Among Ukrainians, there were 42.5% of men and 57.5% of women. Among Russians, there were 47% of men and 53% of women.

Cell 38. According to the educational status: among respondents of Moldavian nationality, 49% have higher education and 51% have secondary education. Among Ukrainians – 56% of respondents with higher education and 44% – with secondary education. Among Russians, 63% of respondents received higher education and 37% – secondary education. Thus, the attitude towards higher education in the Moldavian and Ukrainian languages from the category of declarative «polyculture» of the Pridnestrovian state should find its realization in real state educational orders.

An analysis of the psychological factor characterizing the mood of the population, depending on the material and demographic status is presented below.

Cell 45. As you move through the matrix, most of the data in its cells act as check digits that confirm or disprove the conclusions drawn earlier. Thus, in full accordance with the causes and assumptions described in par. 15 and 24, 80% of respondents who are financially well off are psychologically positively attuned, and among respondents, who are not financially secure, no more than 60% of those questioned.

Cell 46. Among young people (18-30 years old) psychologically positively attuned almost twice as much as negatively: 66% and 34% respectively, which is quite naturally determined by the psychological characteristics of this age category. Among the respondents in the age group from 31 to 50 years, 57% of respondents are positively attuned, and 43% are negative. The difference between the positive and the negative attitude among the «senior» is even less than that of the «middle» group: only 4% in favour of the former (52% and 48%).

Cell 47. Among men, 62.5% of respondents are psychologically positive, 37.5% are negative. Among women, respectively, 61% and 39%. There is no «war

of the sexes» here: there is no special disorder in the quality of a psychological mood. It should be noted that the percentage of positively minded respondents, regardless of gender, is much higher than negative. This can also be explained by the reasons given in cell 34 and 35.

Cell 48. Approximately the same picture is observed among respondents, differentiating them according to the level of education. 61% of people with a higher education, and with a secondary education are psychologically positive. Negative – 39%. A study of monitoring results in this section once again confirms that the prevalence of a positive attitude among the total mass of respondents.

The following results of studying the material factor characterizing the mood of the population, depending on its demographic status are presented.

Cell 56. In all age categories, the percentage of financially secured citizens is much lower than that of the unsecured. So, 22% of respondents are financially provided with the youth, in the «middle» group (31–50 years) – also 22%, among people over 50 years – 24%.

Cell 57. According to the gender-specific: 20% of men and 24% of women are financially secured.

Cell 58. Among persons with higher education, 24% of respondents are financially provided, with secondary level education there are 20%.

The media are interested to the data given below in terms of stratification of the audience based on socio-demographic characteristics.

Cell 67. During the study, 610 people aged 18 to 30 were interviewed, 44% of men and 56% of women; 410 people of the «middle» age group (31–50 years), of which 47% of men and 53% of women; 179 people are over 50, of whom 30% are men and 70% are women.

Cell 68. Among the youth from 18 to 30 years, 58% have (or receive) higher education, 42% – secondary. In the «average» age group (31 – 50 years), 56% of respondents received higher education, the average – 44%. Moreover, among the respondents older than 50 years, 46% have a higher education and 54% have an

average education. As we can see, the «separation» of the first two groups from the latter is about 10%.

Cell 78. Among surveyed citizens with higher education – 45% of men and 55% of women. Among respondents who received secondary education – 42% of men and 58% of women.

The issues of the legitimacy of state power are actively discussed not only at the political level, they are at the centre of attention of public figures, but they have also been the subject of study of the humanities for the last few years. The analysis of the current national legislation, the effectiveness of the institutional infrastructure, the democratic character and the openness of state institutions, undoubtedly, to some extent, provides an opportunity to assess the level of consistency and organization of official authority in the state. However, in our opinion, the dominant factor in determining the degree of legitimacy of the current government should be the degree of people's trust in government institutions.

The indicative results of the election of deputies of the Supreme Council and the President of the PMR demonstrate a high degree of coherence between the society and the authorities. However, in most cases a high popularity rating of a candidate after some time may for some reason be replaced by a high degree of criticality in relation to his activities and, his person.

Summing up the study of the mass audience in the context of the stability of the cultural and information space, we would like to note that the complex of the presented results clearly demonstrates the crisis of public consciousness and high protest potential in relation to the authorities on the part of the population. It predetermined the results of the presidential elections in Pridnestrovie at the end of 2016 . Monitoring of social statuses in the proposed section can help predict the socio-cultural process in society and track the dynamics of the state of the cultural and information space, and, using the media intelligently, prevent potential social upheavals and the transformation of mass consciousness.

3. 4. Elite measurement of Pridnestrovie cultural and information space

The effectiveness or backwardness of a particular social system is largely determined by the «elite-people» connection, its «architecture» and its substantive content. Traditionally, the study of socio-political processes relies on the analysis of various components – power, elite and society. However, these structural components can be considered in their characteristic disconnected state only under conditions of a calm flow of processes. Meanwhile, during the crisis, special consolidating mechanisms are launched into the process, combining all these little components that are not kept in ordinary conditions. It is legitimate to include to the elite components of social processes more advanced (educated, experienced, functionally differentiated, influential and powerful) groups, organizations, institutions. The general term «elite» does not mean the definition of any homogeneous and cohesive community, unless, of course, we have to keep in mind the variants of primitive social organizations that have not been characteristic of our reality for a long time. Elite layers and structures in the spheres (subsystems) of management, culture, business, education, communication, social services, etc. are specialized and disunited; this is their «normal» state. In extraordinary situations of social mobilization, excitement, emotional tension, etc., consolidating mechanisms (structures) are formed or activated, capable of acting «on top» of functional and «elite» barriers.

According to the famous Russian sociologist and political scientist Yu. Levada, the most important characteristic feature of all elitist groups of the Russian Empire, then the Soviet Union and, finally, the post-Soviet space is their statist, state-centrist orientation, whether positive (hopes for the powers) or negative (demonstratively anti-state). The author believes that the only significant point of reference was the state power, and the higher («elite») status invariably meant not so much a higher professional qualification and reputation, as much closer to the authorities and greater dependence on it, (besides, comprehensive – from the preservation status to personal security). In such a situation, status is measured not

by remoteness from the «lower» stages of the professional, etc. specialized hierarchy, but an approximation to the conditionally generalized unspecialized «top» of the social system²⁸⁶.

Neither socio-political crises nor regime changes made fundamental changes in this state of affairs. A superfluous confirmation can be the rather quick and practically problem-free post-crisis restoration of state control over various spheres of economic, administrative, intellectual and cultural activities in the country.

At the same time, such «proximity» to the «top», unfortunately, is usually accompanied by a distance from the masses, from the main civil society.

In this part of the work, we will try to compare the results of the mass survey presented in the previous paragraph with similar data obtained from the questionnaire of representatives of the political elite of Pridnestrovie. The questionnaire were compiled in such a way to find out as precisely as possible: how elite knows the point of view, the position of the masses, how adequately and objectively assess the people's attitude to power and the socio-political situation in the state as a whole. More than 50 people involved in this part of the sociological survey, including representatives of both the executive and legislative branches of government.

Let us analyze how much the ideological status of the population representatives of the political elite of Pridnestrovie adequately assess.

Cell 21. According to the study, the elite believes that 59% of government employees trust the authorities. Among the employed in commercial structures, according to the elite, 36% of citizens trust the President, the Government and the Parliament. In addition, in the stratum of the unemployed, the level of trust in power, according to the elite, is 12.5%. In their assessment, representatives of the elite were guided, most likely, by standard schemes. Therefore, it is obvious that civil servants are a priori loyal to the authorities and they are in direct dependence on the state, and, consequently, the power structures. The employees of

²⁸⁶ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 1.– Доступно: <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

commercial enterprises, on the contrary, are more independent from the authorities, but the success of their activities is also in most cases connected with the social and economic situation in the republic. Business structures, as a rule, tend to evaluate more critically the actions of the state apparatus, in particular, the economic policy of the authorities. The state, regulating the activities of business, including the tax system, affects the level of its income. As for the unemployed, in the opinion of the elite, it seems that a person whose economic situation is unstable and whose social status does not allow them to participate actively in production and economic processes cannot be positively attuned to the surrounding reality, the situation in the state and to personifying this state to power structures.

Cell 31. The estimates exposed by the elite on the «scale of trust» of the population to power, fluctuate depending on the nationality of the respondents. It can be seen from the results of monitoring respondents from among the elite of Moldavian nationality believe that 78% of citizens trust the authorities. Interviewed representatives of the elite of Ukrainian nationality believe that only 22% of the population has confidence in the power structures. Judging by the answers of the «Russian elite», they believe that the authorities trust 42% of the Pridnestrovians. As we can see, respondents of Ukrainian nationality are the most critical. Moldavians tend to support the overwhelming majority of the people. Russians, however, adhere to the «golden mean».

Cell 41. If we consider the popular opinion in the section «psychological mood – ideological status», then, according to the representatives of the elite, 55% of those who are psychologically positive and trust in power structures. Among the negative attitudes – only 25% of the population shows the trust of the authorities. As we see from the results of the survey, in assessing the ideological status of respondents, the elite directly proceeds from the psychological mood of a person. That is, according to representatives of the elite, people who see negativity in the surrounding reality, appropriately evaluate the activities of power structures. Conversely, positively minded, apparently, also consider their psychological prosperity a direct consequence of the work of the state apparatus. Following this

causal link, the elite assesses the degree of trust or distrust of the population towards government bodies.

Cell 51. In this case, the elite assessed the attitude of the people to power in the ratio of «ideological status – a material factor». It is interesting to note that, according to the representatives of the elite, citizens who would positively assess the social and economic situation of their country are not in the republic at all. Apparently, the elite proceeds from the premise that the permanent crises in which our state permanently reside prevent the people from seeing in the socio-economic sphere of the life of the republic either a positive or a prospect, and consequently, all 100% of the population of the republic assess the situation as unfavourable, critical. At the same time, the last presidential election in 2016 showed that the people are quite capable of assessing the proposed ways out of crisis situations and granting a credit to the newly elected government on the basis of hope for a socio-economic recovery of the state.

According to the representatives of the elite, the citizens who negatively assess the situation in the republic 71% out of 100% does not trust the presidential, executive and legislative authorities.

Cell 61. Regarding the age range of respondents, representatives of the elite from 18 to 30 believe that 52% of the population trusts the power structures. The elite of the «average» age category (31-50 years) believes that 33% of the population has confidence in the authorities. In the opinion of the «senior» age group (51 or more years), the presidential, executive and legislative branches of the government are trusted by 37.5% of the Pridnestrovians. Such a spread of opinions can be explained by the psychological characteristics of different age groups. The youth is inclined to categorical judgments and defining for oneself idols or examples for imitation. Such an example may well be a senior comrade, chief, leader. It is only natural that the «young elite» tends to see such a leader in the representative of the supreme authority, hence the overestimation of both its qualities and the authorities as a whole. Hence, the attitude of other people to the same subject is assessed through the prism of their own perception. People aged

between 31 and 50 are more critical that already accumulated personal experience allows, the first age crisis affects, and so on. That's why they perceive reality more pessimistically than young people. People over the age of 50 are representatives of the Soviet era, when a critical attitude to power was almost a sign of marginalization. However, in this case we are talking about representatives of the elite: being close to the supreme power, they believe that they have information about the public mood.

Cell 71. According to a survey of elite representatives, male respondents believe that 31.5% of the population trusts power structures. Women believe that half of the citizens of the PMR believe to government. As you can see, the «gap» is 18.5%. This can be explained (by analogy with cell 17) by the psychological characteristics of representatives of different sexes.

Cell 81. There are no people who received only secondary education among the polled representatives of the elite. 100% of respondents have higher education. Interviewed representatives of the elite believe that 37% of the population trusts the authorities. We note that in the absence of an alternative in the educational factor, the result reflected in this case can be considered «pure», not graded by any concomitant characteristics. That is, 100% of the representatives of the elite believe that 37% of Pridnestrovians trust power structures, and 63% do not have such a trust.

Next the results of an expert poll of the political elite on the socio-professional (active) status of the population, its employment and satisfaction with its material situation are presented.

Cell 32. Questioning of representatives of the elite in the section «socio-cultural factor – activity status» revealed the following results. 100% of the polled representatives of the elite of Moldavian nationality believe that the absolute majority of Pridnestrovians are employed in the public sector. The unemployed are an overwhelming minority in the commercial sector. On the contrary, among respondents of the elite of Ukrainian nationality, who consider that the majority of the population is employed in the public sector of the economy (0%). 33% believe

that the majority of citizens are employed in the private sector of the economy; 67% – that the majority of the population does not have a permanent source of income. Among the elite of Russian nationality, 27% believe that the majority of the population is employed in the public sector, 73% believe that the majority of Pridnestrovians are employed in business, but those who consider that the majority of the population are unemployed (0%). It should be noted that the results of other items representing the socio-cultural cross section show that representatives of Moldavian nationality demonstrate a pro-state mood in their answers to a greater extent than Ukrainians, who are inclined to the diametrically opposite side. «Russian» elite demonstrates moderation, adhering to the «centre».

Cell 42. According to the elite, a positive psychological attitude prevails among the population engaged in the public sector: 56% of citizens feel calm and willing to act, 44% feel anxiety, hopelessness, and passive. Among Pridnestrovians engaged in the commercial sector of the economy, as the elite believes, is only 14% of the population psychologically positively, and 86% – negatively. Among the unemployed, according to representatives of the elite, there are no positively minded citizens. Apparently, here the representatives of the elite proceeded from the supposed economic status of citizens. So, people, who do not have a constant source of income, economically unstable (unemployed), in the opinion of the elite, can not feel calm and confident. The representatives of commerce, directly dependent on crises in the economy of the state, on changes in the legislation, also feel the instability of their position, and therefore, in the majority opinion, they are psychologically negative in the opinion of the elite. The passivity is determined by a weak ability to influence the situation in this case. The citizens, who are employed at state enterprises and organizations, feel their situation as relatively stable, albeit sometimes far from prosperous. This, in the opinion of the elite, seems to be the determining factor and psychological stability (state of tranquillity).

		Institutional box (factors)							
		Ideological	Pragmatic	Sociocultural	Psychological	Material	Demographical		
							age	sex	education
Functional box (status)	Ideological	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹
	Pragmatic	12	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²
	Sociocultural	13	23	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³
	Psychological	14	24	34	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴
	Material	15	25	35	45	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵
	Demographical (age)	16	26	36	46	56	66	22/80/87 ⁷⁶	32/39/29 ⁸⁶
	Demographical (sex)	17	27	37	47	57	67	77	64/36 ⁸⁷
	Demographical (education)	18	28	38	48	58	68	78	88

Cell 52. Representatives of the elite believe that 89% of the population employed in the state sector and they assess the socio-economic situation of the republic as unfavourable, and 11% – as critical. Among the employed in the commercial sector, according to the elite, 92% of citizens assess the socio-economic situation as unfavourable, 8% – as critical. In addition, among the unemployed unfavourable situation in the state is 25% of respondents, the critical – 75%. Citizens, who assess the socio-economic situation as favourable, in the opinion of the elite, are absent in the republic. In this section, it is necessary to note the difference, in the opinion of the elite, in assessing the criticality of the situation between workers and the unemployed. People who do not have a permanent source of income, according to the elite, are much more inclined to characterize the socioeconomic situation of the republic as critical. The difference is from 64% to 67%.

Cell 62. The results of the survey revealed that among the representatives of the «younger» age group (18-30 years), 33% believe that the majority of citizens are employed in the public sector of the economy, 67% believe that in the commercial (private) sector, and there are none, who believe that the majority of the population of the PMR are unemployed (0%). Among representatives of the elite aged 31 to 50, 27% believe that the majority of the population works in the public sector, 54.5% – that the majority of the population is engaged in commercial activities, and 18% consider the majority of Pridnestrovians to be unemployed. The voices of the respondents, representatives of the elite of the «senior» age group (from 51st and older) were divided as follows: 37.5% consider that the majority of Pridnestrovians are employed in the public sector, 25% in the commercial sector, and 37.5% believe that most citizens do not have a permanent source of income. With gradation by age, the scatter in opinions is obvious. Young people tend to see the reality in fairly bright colours: in their opinion, the majority of the population is engaged in commerce, there are practically no unemployed in the country. The representatives of middle age are closer to reality: they also classify the occupation of most citizens of the PMR in the business sphere, but a

certain percentage of the unemployed also admit. The respondents over 50 years of age consider a minority of Pridnestrovians to be representatives of business, while an equal (and by no means small) percentage leaves the public sector and the unemployed.

Cell 72. Elite representatives who participated in the survey believe that 56% of men and 44% of women work in the public sector of the Pridnestrovian economy. In the private (commercial) sector, 54% of men and 46% of women are employed. And among people who do not have a permanent source of income – 100% of men, such women do not exist at all.

Cell 82. As we have already noted above, among the polled representatives of the elite, 100% have higher education. According to the survey results, 29% of them believe that the majority of the population is employed in the state sector of the economy, 45% believe that the majority of citizens are employed in the private (commercial) sector, and 26% believe that the majority of citizens are in the status of unemployed. Thus, the elite believes that the majority of the population of the republic is engaged in commercial activity in one way or another. Perhaps this is due to the established stereotype of the plight of state-owned enterprises.

The results of representatives' answers of political elite on problems of the sociocultural status of the population should be emphasized.

Cell 43. According to a survey of elite representatives in the socio-cultural – psychological section, 100% of the Moldavian elite believes that the population is psychologically positive (feels calm and willing to act). On the contrary, 100% of the elite of Ukrainian nationality believe that the Pridnestrovians are psychologically negative: they are anxious, desperate, and passive. Among the elite of Russian nationality, such unanimity can't be observed: 27% of Russian respondents (representatives of the elite) believe that the people are positive, and 73% are sure that most of the citizens of the republic are psychologically negative. There is a certain analogy with cell 31: the most critical are the respondents of Ukrainian nationality; Moldavians tend to believe that the absolute majority of the people are positive; the opinions of the Russians were divided, although far from

being equal (46% more Russian respondents are inclined toward a negative assessment of the national mood).

Cell 53. As for the assessment of the material factor by the population, 100% of the representatives of the Moldavian elite believe that the majority of the population estimates the socioeconomic situation in the republic as unfavourable. The opinion of the elite of Ukrainian nationality is similar to that of Moldavians. Both those and others believe that the Pridnestrovians are not inclined to assess the situation in the state as critical. As for the representatives of the elite of Russian nationality, 85% of them believe that the majority of the population assesses the situation as unfavourable, and 15% believe that it is critical.

Cell 63. Concerning the totality of socio-cultural and demographic characteristics, the following conclusions can be drawn: among the respondents of the elite of Moldavian nationality, 67% belong to youth (18-30 years), 33% belong to the «average» age group (31-50 years); persons older than 50 years are not among them. Among the elite of Ukrainian nationality are representatives of only the «average» age category (31-50 years). Among the elite of Russian nationality, 47% refers to the «younger» age group (18-30 years), 33% – to «middle age» (31-50 years) and 20% to the «older» age group.

Cell 73. Among the polled representatives of the elite of Moldavian nationality, 33% belong to the male sex and 66% to the female. Among the Ukrainians are representatives of only males. Among the elite of Russian nationality, 47% of men and 53% of women.

Cell 83. All interviewed representatives of the elite have higher education. Among them – 14% of Moldavians, 14% of Ukrainians and 72% of Russians.

Let us analyze the data obtained from representatives of the political elite of Pridnestrovie about the psychological status of the population.

Cell 54. As we have already noted, the elite believes that the absolute majority of Pridnestrovians assess the social and economic situation in the republic as unfavourable. At the same time, according to representatives of the elite, 17% of them are psychologically positive and 83% are negative. That is, there are more

than 66 % negative citizens. Such a result is not surprising with the initial premise of the lack of citizens positively assessing the socio-economic situation in the state.

Cell 64. Among respondents – representatives of the elite of the «younger» age group (18-30 years old), 33% believe that the majority of citizens are psychologically positive, and 67% believe that the majority of the population is negative. Among the interviewed elite of «middle age» (31-50 years old), 36% believe that the majority of citizens are positive, and 64% – that is negative. Moreover, among the elite over 50 years old – 100% are sure that the majority of the population of the republic is psychologically negative. Perhaps, in this section, the categorical result of the «older» age group can be explained by the psychological characteristics peculiar to their age (for example, excessive suspiciousness).

Cell 74. Among the surveyed male elite, 83% believe that the majority of the population is mentally negative, and only 17% believe that the Pridnestrovians are mostly positive. Among the representatives of the female elite surveyed, the range of opinions is much smaller: 40% believe that the majority of citizens are psychologically positive, and 60% are inclined to negative assessments. However, this can also be explained by the psychological characteristics inherent in representatives of different sexes. For example, during any testing, women tend to show less criticality in the results than men.

Cell 84. Among the polled representatives of the elite, 23% believe that the majority of the population is positive, and 77% believe that the Pridnestrovians are inclined towards a psychologically negative attitude. As we can see, the difference in the estimates on the «psychological scale» is 54% in favour of the negative.

The evaluation of representatives of the political elite of the problems of the material status of the population are presented below.

Cell 65. According to monitoring results, representatives of the elite believe that there are no citizens assessing the social and economic situation in the Republic as favourable and stable in Pridnestrovie. Consequently, in this case, the opinions were divided between the «unfavourable» and «critical» characteristics.

Among representatives of the elite aged 18 to 30, 86% believe that citizens tend to assess the situation in the state as unfavourable, 14% believe that the population estimates the socio-economic situation of the PMR as critical. Among respondents in the «average» age category (31-50 years), 91% believe that citizens assess the situation in the country as unfavourable, 9% believe that the population estimates it as critical. In the «older» age group (51 and older), 62.5% of respondents believe that the majority of the population estimates the socioeconomic situation of the republic as unfavourable, 37.5% as critical.

Cell 75. As we have already noted, the elite believes that there is no population assessing how a favourable socio-economic situation in the country. Among the interviewed male elite, 78% believe that the majority of Pridnestrovians assess the situation of the republic as unfavourable, and 22% – as critical. Among the female elite, 75% believe that the majority of the people assess the situation in the country as unfavourable, and 25% – as critical. As we can see, in this section the results of the survey of men and women actually differ minimally.

Cell 85. As the results of the study have already shown, representatives of the elite believe that the population estimates the socio-economic situation in the republic as unfavourable. As a result, 72% of elites with higher education believe that the majority of the population estimates the situation in the country as unfavourable; 27% believe that the majority of the population considers the social and economic situation in the PMR to be critical. Taking into account that there is no alternative educational factor in this cell, this result can be considered «pure» (true for the entire mass of the elites interviewed).

Next, we present the results of the socio-demographic characteristics of the elite strata of the population.

Cell 76. Among respondents of the elite of the «younger» age group (18-30 years old), 22% of men and 78% of women. In the «average» age category (31-50 years), these figures correspond to 80% and 20%. And among the respondents older than 50 years 87.5% of men and 12.5% of women.

Cell 86. Among the surveyed elite, 32% of young people (18-30 years old), 39% of people of «middle age» (31-50 years) and 29% more than 50 years.

Cell 87. Among the interviewed representatives of the elite, all 100% of respondents received higher education. There are 64% of men and 36% of women of them.

Thus, we can conclude that the Pridnestrovian elite has rather inconsistent data on the social status and moods of the population. It is noteworthy that the representatives of the power structures fully realized that the socioeconomic, psychological, and ideological condition of the citizens of Pridnestrovie is at a critical level and is balancing on the verge of rejection of the domestic policy pursued by the state. It should also be noted that representatives of the elite did not possess information about the moods of citizens of Pridnestrovie in terms of socio-demographic characteristics.

3. 5. The prospects for media diagnosing the stability of the cultural and information space

Russian philosopher N. A. Berdyaev wrote: «Power can not belong to everyone, can not be mechanically equal. Power must belong to the best, chosen personalities, who are entrusted with great responsibility and who have great responsibilities for themselves. But this power of the best must be born from the very depths of the people's life, must be immanent to the people, its own potency, and not to something imposed from outside it, set over it».²⁸⁷

It seems to us that Berdyaev was inclined to idealize the elite, but in the main he was right: the elite should be «immanent» – that is, literally, «stay inside.» Transcendence for it is the beginning of the end.

²⁸⁷ Бердяев Н. А. . Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918. – Доступно: <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

The concept of the elite only as a certain closed caste of politicians and high-ranking officials is too narrow. The elite is «a social community that concentrates in its hands a significant amount of political, primarily state power, ensuring the expression and implementation in managerial decisions of the fundamental interests of different classes and strata of society and creating appropriate mechanisms for implementing political ideas and concepts. The elite differs by quite definite integrative qualities: the relative unity of goals and will to achieve them, the corporate spirit, a single system of moral and spiritual values».²⁸⁸

When the elite ceases to «express and implement» the interests of at least one class segment, it is fraught with protests (up to revolutions, as examples from the history of Russia clearly demonstrate), but to express someone's aspirations, one must constantly have access to operational information about state of mass consciousness. Otherwise, the lack of data on the mood of the population, its positions and perception of the surrounding reality means separation from real life and futility of the political elite. Moreover, in the «policy-people» system this is, as a rule, irrevocable process.

Comparing the results of institutional factors and functional statuses in the second and third paragraphs, respectively, was carried out taking into account the difference between the percentages in the responses of the polled representatives of the population and the elite, which was graded to the following ranges:

- green (its range is from 0 to 10 units of difference);
- yellow (range – from 11 to 20 units of gap);
- red (from 21 to 100 units of gap).

The red color of the cell indicates a serious contradiction between the vision of the situation by the people and the elite. Yellow means an acceptable, but almost critical, difference in views. Green – the elite and the people understand each other. The color of cells with two or more indicators was determined by the priority of one of the colors.

²⁸⁸ Чернов Е. Структурная трансформация элиты в России в 1989–1993 годах. – Доступно: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

The opposition of cells 21-12. From the comparison of the blocks of matrix 12 and 21, we see that in these cells of the matrix the opinion of the people and the views of the political elite differ significantly from this opinion. The difference is more than 20 units, which means that the color of the cell is red. Thus, according to a survey of the population, 30% of employees of the public sector of the economy trust the President, the Cabinet of Ministers, and the Parliament. Elite believes that such – 59%, i.e., almost twice as much. Such enthusiasm and faith in the loyalty of the budgetary officials of the current government can most likely be a consequence of the autonomy of the government, its seclusion from the people. According to the poll, 29% of the population representing the business sphere trust the authorities. Elite believes that such – 36%. The elite believes that practically all people who do not have a permanent source of income negatively speak about the authorities and trust it only 12%. At the same time, a sociological survey shows that one-third of the unemployed population shows the trust of the current government.

As it follows from the comparison, the elite is mostly inclined to overestimate the degree of people's trust in the authorities. At the same time, to overestimate the degree of people's trust in the authorities is also detrimental to the representatives of the elite, as is an attempt to convince oneself or the higher authority. Thus, according to many experts, in the presidential election in the PMR in 2011, the result was largely determined by such a spirit of the elite: the assessment of the situation by President Smirnov's entourage (or the issuance of the elite as desired by the elite) to a large extent and led to the collapse of the election campaign that moment of power.

The opposition of cells 13-31. In these matrix blocks the overall difference may not be so obvious, but for certain groups it is quite significant. Thus, among the population of Moldavian nationality 39% of respondents trust the authorities. The elite of the same nationality is sure that 78% of citizens trust the power structures. According to polls, 26% of Ukrainians trust the authorities, while the elite of Ukrainian nationality believes that such a population in the country is 22%.

Among the Russian population, the authorities trust 29%, and the Russian elite is sure that it is 42%. As we see, representatives of the elite of Ukrainian nationality are the closest to the popular opinion. The elite of the Moldavian nationality is more than optimistic in its assessment: they trust the ruling elite almost 40% more than they really are. The Russian elite also overestimates the degree of people's trust, but with a smaller gap (only 13%).

The opposition of cells 23-32. In blocks of intersection of sociocultural and activity characteristics – the color is red. For all three indicators, the «size» of the gap is very large. Moreover, as the composite matrix shows, the opinion of the elite of Ukrainian nationality is the most «torn off» from the people (the significance of the step is 57). And even between Russians there is misunderstanding, though «on the brink» – but it is still unacceptably high (gap – 21).

This is not surprising if one takes into account the fact that according to this point of the questionnaire the scatter in the answers even within the elite itself is huge, which indicates the disunity of the elite on this issue.

It is interesting that in the opinion of the «Russian» elite unemployment in the country is not at all a problem, they practically refuse to give it the right to exist with their answers. As well as the elite of the Moldavian nationality, the overwhelming majority of the population referred to the state sector of the economy. This point of view can be explained by extreme ignorance, bordering on incompetence, or unwillingness to study the distribution of labor resources across economic sectors. The elite of Ukrainian nationality, on the contrary, apparently believes that there are no state employees or state enterprises in the country at all.

		Institutional box (factors)							
		Ideological	Pragmatic	Sociocultural	Psychological	Material	Demographical		
							age	sex	education
Functional box (status)	Ideological	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹
	Pragmatic	30/29/33 ¹²	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²
	Sociocultural	39/26/29 ¹³	64/57/48 ²³	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³
	Psychological	33/28 ¹⁴	61/69/49 ²⁴	68/57/61 ³⁴	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴
	Material	61/24 ¹⁵	24/22/19 ²⁵	26/17/23 ³⁵	80/58 ⁴⁵	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵
	Demographical (age)	32/29/27 ¹⁶	56/50/65 ²⁶	52/61/57 ³⁶	66/57/52 ⁴⁶	22/22/24 ⁵⁶	66	76	86
	Demographical (sex)	29/32 ¹⁷	35/56/51 ²⁷	40/42/47 ³⁷	61/61 ⁴⁷	20/24 ⁵⁷	67	77	87
	Demographical (education)	30/32 ¹⁸	57/61/43 ²⁸	49/56/63 ³⁸	61/61 ⁴⁸	24/20 ⁵⁸	68	78	88

The opposition of cells 41-14. In the section «psychological attitude – ideological status» the color of the cell is yellow. The difference is acceptable, but still, on closer examination, there are obvious contradictions in relation to a psychologically positive population. Among the positive themselves, according to the results of the survey, 33% trust the authorities (slightly more than among the negatively-minded). In the opinion of the elite, 55% of citizens are loyal to power structures among positive people. Again, there is clearly a reassessment of the level of people's loyalty to power and the holding of direct parallels, apparently unjustified, between the psychological state of a person and his attitude toward the authorities. That is, according to the elite, the population directly connects its psychological well-being with the activities of the power structures. Based on the responses of the population, this relationship is absent in most cases.

The opposition of cells 42-24. As for the psychological mood of people employed in various sectors of the economy, then the opinions of the people and the elite also seriously disagree. At the «distance» of the green gap, they are only against civil servants. Here the difference between the estimates of representatives of the people and the elite is small (only 5%). However, regarding the representatives of the business sphere, the views already radically differ. According to the results of the population survey, people working in the commercial sphere, albeit not much, but more positively than civil servants. According to the elite – 86% of business representatives are anxious and passive. Considering that practically the entire political elite of the old formation is tied up in big business, their point of view can be understood. However, it hardly belongs to the people: it is a question of too different levels of business. At the same time, the unemployed elite generally denies the positivity of the psychological attitude. While almost half of the unemployed themselves determine their attitude as positive.

The opposition of cells 51-15. In these cells, we approached, perhaps, to the most revealing criterion – the material one. It is extremely interesting to note that, in the opinion of the elite, the citizens of the republic generally do not assess the

social and economic situation in the state as safe. That is why the gap in opinions is extremely high: 61% – because, according to the results of the population, among people who positively assess the situation in the country, so much is entrusted to the President and the highest authorities. And according to the elite, they simply do not exist.

The opposition of the cells 43-34. In these blocks of the matrix the difference is huge for all three indicators – more than 50%. The color of the cells is red. If the assessment of their psychological mood by representatives of different nationalities is completely «even» (the gap between them is not more than 5-10 percent), then the opinion of representatives of the elite is not uniform. Thus, 100% of representatives of the Moldavian nationality elite believe that the population of the republic is optimistic. Ukrainians, on the other hand, completely deny the people the ability to feel calm and confident. However, in this case, unlike block 13-31, among Russians there is also a significant disagreement in opinions (more than 60%).

The opposition of cells 52-25. As for the citizens' assessment of the socio-economic situation of the republic (and therefore their own, since the results of the survey indicate a correlation of these indicators), this is one of the clear indicators of the sustainability of cultural and information development. The population estimates the socio-economic situation of the republic quite unambiguously (about 20% of representatives of all spheres of the economy are positive, about 80% are negative), while the elite believes that there are no positive assessments of the social and economic situation in the republic. According to representatives of the elite, citizens of the PMR are able to see the economy and development prospects of their country only in black, and the situation is assessed exclusively as critical or, at best, unfavorable. Perhaps different views and attitudes to the same processes in society are associated with a special approach and professional knowledge: what the people consider quite acceptable and even a prosperous situation is critical for the elite. It is the autonomy of the elite from the population, ignorance and misunderstanding of the general mood of citizens in general and their individual

groups, and led to the failure of the election campaign of the first president in the elections in 2011. Targeted audiences video clips and printed materials not just did not reach the goal, but, on the contrary, trying to impose ideas that are irrelevant for the people, provoked a backlash, acting as a factor annoying the mass audience.

The opposition of cells 61-16. In fact, the only block of the matrix, in which the color for all three indicators does not fall to red, and in the aggregate – the cell has a green color. Quite predictable are the results of the ideological mood of citizens based on their age. The maximum range of opinions in these cells is among young people. However, this is also psychologically characteristic of a given age.

The opposition of cells 53-35. According to the elite, there are no citizens who believe that the economic situation in the republic is at least stable. At the same time, the citizens themselves show a stable, though not very high, percentage of confidence in the authorities. On average about 20% of citizens are not ready to call the economic situation favorable, but at least stable. Again, if we consider the examples of public relations campaigns of the 2011 presidential elections, they more than clearly demonstrated that citizens are far from the position «there will be no worse» and are ready to lend credibility to political forces for specific programs of action.

The opposition of cells 62-26. The red color of this block of the matrix is the most striking indication that the elite is far from its people. This section determines the ratio of age and occupation. For all indicators, the difference is more than 20 percent. And in this case, the elite demonstrated professional incompetence, since this issue belongs to the sphere of official statistics.

The opposition of cells 71-17. In the cross section of «respondent's gender-ideological status», the discrepancy in the answers between the people and the elite is not so great. As, however, in other blocks, where the answers are due to demographic characteristics (gender and age). In these sections, the respondent gives answers, guided more by the inherent in his age or semi psychological features, and not by the awareness of his own belonging to this or that social class.

However, it should be noted that even in this case the color of the cell as a whole is still not green, but yellow. That is, even in such an unequivocal position, the elite and the people, although not so significant, nevertheless dispersed in the results.

The opposition of cells 54-45. The huge gap in this block (80/41) and its unconditionally red color is determined, in principle, by the same factors as in block 53-35. The people have their opinion about the dependence of the psychological mood on the material situation. The elite, in turn, as already said, does not believe in the existence of people who positively assess the economic situation in the republic.

The opposition of cells 63-36. Despite the fact that the cross section consists of two objective characteristics («age – nationality»), this factor should be classified as subjective, since it indicates the degree of mutual understanding between the elite and the population, depending on the sample and selection of respondents. However, these data can be used, for example, for a deeper analysis of the respondent mass and compiling its demographic portrait.

The opposition of cells 72-27. This is an indicative block, as the elite and the people dispersed in the estimates here, despite the fact that the cross section is partly due to the demographic factor. So, the essence is to determine how many men and women work in a particular sector of the economy. If the actual invoice shows only the obvious «preponderance» of women in the public sector, and in the rest – the representation of the two sexes is approximately evenly – then the elite agreed that working men and women occupy roughly equal places in state structures and business. But among the unemployed, according to the elite, you can meet in the majority only men. This result is depressed and it means, apparently, the entire ignorance of the elite about the state of affairs in the state sector: that is, in the sphere that they already know by their nature.

The opposition of cells 81-18. In these cells there is a rare unanimity: the indicator is only one, the colour of the cells is green. In this case, the emphasis is on such a characteristic as education. Since all elites surveyed have higher education, their answers were compared to those of only those who have a higher

education. It is clear that people of approximately one cultural level views and opinions, as a rule, do not differ much.

The opposition of cells 64-46. For three indicators, the gap is more than 20 units. As the results of the survey show, the population estimates their psychological state much better than the elite believes. In addition, according to the questionnaire, the representatives of the «senior» elite do not believe in a positive psychological mood among citizens. However, unreasonable confidence, elevated to the rank of ideology, was in many ways the hallmark of the destructiveness of the previous power of the PMR. For a long time and the media worked under this scheme: «if we repeat a thousand times that we live wonderfully – the viewer will believe.»

The opposition of cells 73-37. In the cross-section «sociocultural characteristics – gender of the respondent» the color is yellow, but it can not be indicative for assessing the understanding or misunderstanding of the people and the elite. Neither sexual, nor nationality of respondents do not depend on them. So this result can be used only to compose a «portrait» of the respondent mass.

The opposition of cells 82-28. In the section «the level of education – an active characteristic,» the divergence of opinions between the elite and the people is not very great. The color is confidently yellow. This is completely explained by the same reasons as in block 81-18.

The opposition of cells 65-56. In this block, the gap is not so big, but confidently passed beyond the red mark. We can remind that according to the results of the study, the representatives of the elite believe that there are no citizens assessing the social and economic situation in the Republic as favorable and stable in Pridnestrovie. The population refutes such an assessment.

The opposition of cells 74-47. Unlike the representatives of the elite, the population estimates their psychological mood quite positively. Elite also believes that the majority of the population is psychologically negative. As a result of this worldview, as the 2011 elections showed, the people who voted positively to

change voted against the current government, for those who declared the «order» with the slogan.

The opposition of cells 83-38. This block is also indicative except for the composition of the «portrait» of the respondent. The red color in this case does not speak of a mutual misunderstanding between the elite and the people, since both education and nationality are objective characteristics.

The opposition of cells 75-57. As in previous cells, where there is a position for assessing the social and economic situation of the republic, the overall result of the analysis determines the confidence of the elite that citizens who assess the social and economic situation in the republic as favorable and stable are not in Pridnestrovie.

It should be noted that the inertial processes from the Soviet past, when the administrative pressure on the electorate was important in the electoral processes, are also relevant at the present time. The well-organized organization of the command and administrative «machine» until recently gave the current authorities confidence in the existence of a high credit of trust from the population and created the illusion of their own inviolability. As practice shows, the attempts of state-owned media to maintain a positive image of the representatives of the executive branch of the republic and to compete with private information resources that render information inconsistent with the concept of state-owned media have not been successful. The removal of top management from reality, the lack of real information about the degree of public confidence, the reluctance to know about the state and dynamics of public opinion predetermined the relevant attitude of the population to the power of the republic.

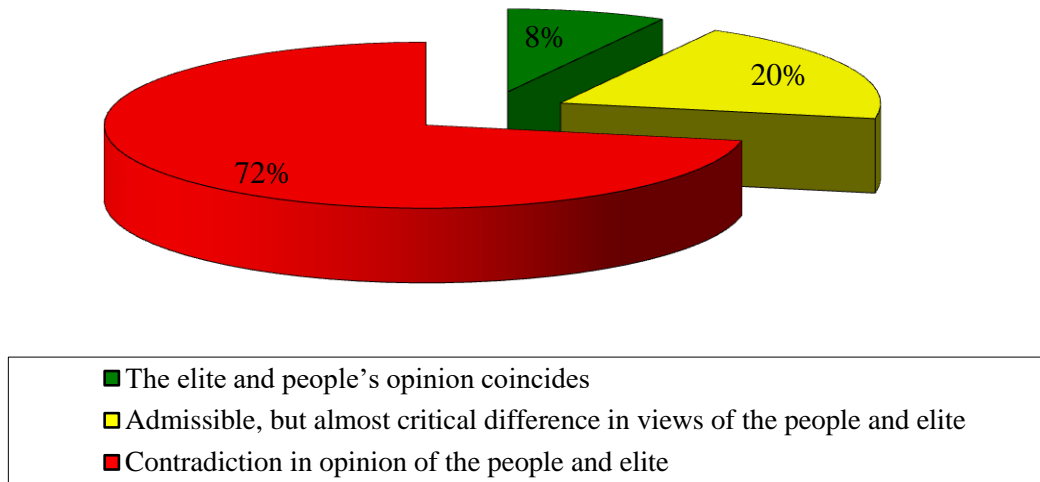

Fig. 3. The correlation of the moods of the mass audience and political elite of Pridnestrovie

The results of the study confirm that the lifetime of the political elite is directly proportional to the degree of its isolation. Less than ten percent of the cells of the matrix are colored green, while the dominance of the red color in the matrix confirms the power crisis that predetermined the outcome of the presidential elections of 2016. The political elite of the republic, showing low indicators of coherence of their actions and positions with public sentiments, shows a high degree of autonomy and detachment from of the population. The elite's confidence that the population is on the verge in material and psychological terms, along with inaction and inertness of power structures, proves conclusively that the economic system of the state has been deliberately broken down, that the republic is brought to a state of bankruptcy, and that the population is impoverished.

Conclusions on Chapter III

1. Regardless of the problematic plane of investigation of the genesis of the Moldavian-Pridnestrovian conflict and the emergence of the Pridnestrovian statehood. The information component acts as a dominant determining the development of both each aspect of the review and the situation as a whole. The

revealed importance of the information policy in the socio-cultural development of the Pridnestrovian community, due to the complexity of its impact on all spheres of its life activity, determined the rapid pace of formation and further development of the information area of the PMR. Its components are not only state enterprises and organizations, but also commercial information structures, resources of the Pridnestrovian Internet segment. The formation and development of the information space of Pridnestrovia in its extraordinary conditions determined the active development of the legislative framework. And this framework could regulate the functioning of both the entire media system and every mass media, in particular. In addition, the study of the problems of the development of the cultural and information space of society in the context of measuring the «elite-society» system acts as a necessary element in determining the prospects for the state construction of the Pridnestrovian Moldavian Republic.

2. The limitations of the audience and the territory of broadcasting on the one hand, and the lack of alternative channels for obtaining information about domestic life – on the other, make both the audience and the Pridnestrovian media vulnerable to information. This is fraught with both a reduction in the number of potential readers, listeners, viewers, and disorientation of the population and a lack of understanding of the essence of events occurring in the state. At the same time, the existence of a clear national idea – the struggle for the Pridnestrovian statehood – allows us to overcome certain difficulties in the development of the republican media system, the nature of which lies in the subjectivity and static nature of certain media when creating mass communication texts. The bias in the submission of materials and the uniformity of news releases adversely affect the audience of electronic media.

3. The current stage of development of the information sphere of Pridnestrovia can be described as a stage of confrontation between two information policies of the main media structures of the republic: state and commercial. The peculiarity of such confrontation lies in the fact that, while defending their positions on certain issues, all mass media of the state are united in the issue of

state development and striving for independence. In this context, the media market of Pridnestrovie development in accordance with the model of «development», which supports the mass media of the existing political regime, contributing to economic growth, i.e., this theory assumes the functioning of the media system according to the support rate, rather than government criticism.

4. The practice of coverage of public and political life, involving the use of various interpretations of reality investigated by the two Pridnestrovian television channels is a consequence of diametrically opposite trends in their editorial policy. The information confrontation of the leading electronic media catalyzes the stratification of society and the growth of distrust towards the institutions of both executive and legislative authorities. Therefore, the PMR TV channels practically do not perform consolidating functions, which in the conditions of the Pridnestrovian state should become a priority. The elimination of the current situation is impossible without a revision of the editorial policy of the media. It is necessary for leading TV channels of the PMR to conduct sociological research to identify information preferences of the audience, which will help them to improve the rating of both the TV channel as a whole and individual TV programs.

5. The study of the mass audience in the context of the stability of the cultural and information space, confirmed the crisis of public consciousness and high protest potential in relation to government structures on the part of the population, which predetermined the results of the presidential elections in Pridnestrovie at the end of 2016. Monitoring of social statuses in the proposed section can help predict the socio-cultural process in society and track the dynamics of the state of the cultural and information space, and, using the media intelligently, prevents potential social upheavals and the transformation of mass consciousness.

6. The political elite of the republic, showing low indicators of coherence of their actions and positions with public sentiments, shows a high degree of autonomy and detachment from the population. The elite's confidence that the population is on the verge in material and psychological terms, along with inaction

and inertness of power structures, proves conclusively that the economic system of the state is deliberately broken down, that the republic is brought to a state of bankruptcy, and that the population is impoverished.

Chapter 4.

THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL AND INFORMATION SPACE OF PRIDNESTROVIE

4. 1. Mass Media and Social Media: The problems of Pridnestrovian integration and a tolerant attitude of foreign audience towards the republic

At the end of the last century there was a rapid development of information and communication technologies, which transformed the old system of social relations, penetrating all spheres of social reality. The tendencies of global transformations essentially change also political processes, institutions, elites, whose dependence on the electronic media leads to far-reaching consequences for their characteristics, organization and goals. The power that media networks have, both as a means and as a product of globalization, allows them to penetrate any barriers and boundaries²⁸⁹.

The Internet, being a means of worldwide broadcasting, creates a certain counterbalance to the manipulation of public opinion, which is often reproached by electronic media, especially television. Everyone knows that the Internet favorably differs from other electronic media in the variety of sources and forms of information presentation²⁹⁰.

The declared openness of the Internet and a high potential for its use in the processes of democratization of modern states today are increasingly no longer consistent with reality. As the modern political practice shows, the Internet displays tendencies of monopolization and attempts to create a single, global

²⁸⁹ Усова Ю. В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование: дис. ... д-ра полит. наук. – Пятигорск, 2014. – С. 4.

²⁹⁰ Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. – 2001. – Вып. 2. – С. 5–9.

virtual space managed from one center, within which the borders of states are blurred, and the activity of the majority of users comes under total control²⁹¹.

Let's consider network technologies in the media of the Pridnestrovian segment of the Internet, as the demand for e-media in the country is steadily increasing and at this stage, more than 30 % of the audience turn to network resources regularly (several times a month).

One of the most important functions of the Internet as a communication environment is the possibility of network socialization of the individual. People tend to gather in communities of interest or regional unity; they need a place where it is possible to discuss exciting problems and share observations. For a variety of reasons, hypertext space is an excellent platform for the communication process.

The first attempts to create in Pridnestrovie a space for the communication of its residents were undertaken by the Benders site Sim.md. «Sim chat» was created 17 years ago and at first, in the early 2000s, enjoyed immense popularity. It is noteworthy that the chat exists and now. It updates thematic sections, Internet radio appeared, buttons «share» for major social networks, and even created the possibility of microblogging. Initially, the main purpose of the site was, undoubtedly, communication and acquaintance, as well as most of the chats.

In May 2012, one of the users of the site forum.pridnestrovie.com brought the top most visited sites. Statistics was carried out on the basis of data from the counters LiveInternet, HotLog, Top.Mail.ru. In addition, the first hundred was taken on the «clicks» in the PMR catalogs and their statistics on the counters were analyzed. The list includes only sites that position themselves as Pridnestrovian:

1. forum.pridnestrovie.com – The Pridnestrovian Social Forum
2. klaksona.net – Car market of Pridnestrovie and Moldova
3. president.pmr-gov.org – The official Site of the President of the PMR
4. nr2.ru/pmr ~ New Region – Pridnestrovie
5. kino.dnestr.info ~ Cinema «Tiraspol»

²⁹¹ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 4.

6. tiras.ru – Pridnestrovie information agency Lenta PMR
7. dniester.ru – Pridnestrovie & Moldova News & Analysis
8. mvdpmr.org – Ministry of Internal Affairs of the PMR
9. tiraspol.net – Pridnestrovie OnLine
10. forumpmr.ru – Forum of Pridnestrovie. Forum PMR.

Unfortunately, nowadays, most of these sites are unavailable due to changes in domain names, the reform of information structures, and in some cases, official bans of the current authorities²⁹².

Restrictions on access to information, which is one of the most important political resources in modern society, as well as information inequality, can be powerful global factors for countering free public development in general, in order to please the interests of some of the political elites traditionally seeking to maintain their dominance within existing political systems²⁹³.

So, in 2013, the president of Pridnestrovie, E. V. Shevchuk, who largely won the 2011 election campaign by using regional network social sites, decided to block some websites and Internet forums and invited them to register as mass media. He explained this decision by the fact that from the autumn of 2012 an article on criminal responsibility for libel was excluded in the republic and the necessity for an «anonymous trash» fell away²⁹⁴.

The following most popular forums blocked were:

- tiras.ru – Pridnestrovie information agency Lenta PMR;
- dniester.ru – Pridnestrovie & Moldova News & Analysis;
- forum.pridnestrovie.com – Pridnestrovian social forum.

The most popular Pridnestrovian social resource, which operates in the network at <http://forum.pridnestrovie.com/> – the Pridnestrovian Social Forum, was of the greatest interest to the pridnestrovians in a five-year retrospective. Initially

²⁹² В Приднестровье закрыли интернет-форумы // <http://aif.md/v-pridnestrove-zakryli-internet-forumy/>

²⁹³ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 35.

²⁹⁴ Евгений Шевчук закрыл все интернет-форумы в Приднестровье // <https://point.md/ru/novosti/politika/evgenij-shevchuk-zakril-vse-internetforumi-v-pridnestrovje/10>

(in 2002) the Pridnestrovian social forum was created as a narrowly focused medical portal, where registered users could ask questions of the region's specialists in the field of medicine. Over the time, the creators of the service noticed that the growing audience of the resource had a necessity for information on a different topic. The site has grown into a full-fledged forum Tiraspol.net.

Since 2007, the «Pridnestrovian Social Forum» started to work at a new address and acquired a more convenient, functional social interface, provided more opportunities for its users. All users and topics discussed were moved to a new forum. The website emphasized the fact that «a stable community of responsible people participates in the dialogue, which is not indifferent to what is happening in and around Pridnestrovia.»

The Pridnestrovian social forum offered the visitor a set of sections (in this case channels) for discussion. The total number of channels offered by the first Pridnestrovian «social network» exceeded 60, among the most popular, in which discussions took place most often – «Society», «Domestic Politics», «Consumer», «Presidential Elections 2011», « Incidents»,» Auto, transport, traffic police»,»Charity»,»Law and justice»,»Medicine»,»Economics and Entrepreneurship «.

There was no site centralized management, in which the information being posted would pass through the filter and the editorial board. This was the main feature of the forum – the availability of a tool for social moderation by the participants themselves, who had partial access to the functions of the forum moderators. In case of violation of any resource rules, any of the registered participants of the forum could use the so-called «Big Brother» function, which is a somewhat modified function of «complaining» to messages containing spam, propaganda of topics banned in the forum, and other violations of intragroup communication rules.

To quickly and easily exchange information, all necessary mechanisms were involved – hyperlinks, tags, search system, «embedding» images and video. Also, the site was equipped with a modern function of «repost»: under each topic there

were icons of popular social networks, click on which led to automatic publication on a particular resource.

The Pridnestrovian social forum was the only regional network platform on which all the conditions necessary for equal and free communication of all members of the society were created. The forum was an effective popular voice: there are cases when discontent, expressed in one of the forum topics, was reflected in reality. For example, one of the authors created a topic where it was said that the state flag fixed on the building of one of the ministries long ago and lost its appearance and spoiled the image of the ministry. The reaction did not take long to wait – the next day the flag was replaced. This once again confirms that representatives of the government took an active part in the life of the forum. The forum was an effective instrument of influence on the power institutions.

Table 3. Dynamics of development of Internet resources of PMR

Рубрики	2005	2009	2012	2017
Business	22	64	72	182
Goods and services	28	69	129	259
Science and education	10	29	45	63
Culture and art	24	40	43	2
Organizations and movements	24	68	52	31
Industry	15	21	17	24
Mass media	19	18	25	39
internet (services portals clubs)	26	48	52	12
Society and politics	6	9	18	59
Entertainment and recreation	31	46	51	44
Personal Pages	86	91	62	20
Total	286	503	566	735

Let's look at the statistics (Table 3). Positive dynamics in most of the categories indicates the active development of the global information space by Pridnestrovie. Over the past 12 years, the number of e-media has almost doubled, and the representation of socio-political, scientific and educational organizations in the global network has expanded. An illustrative moment is the fact that the history of the creation of static Internet resources, the content of which has not been practically updated, disappeared. In addition, we need to pay attention to the

dynamics of personal pages. Currently, most of them can be classified as abandoned, since the last update of information on them is dated 2012–2013. The decrease in the demand for this heading is due to the development of social network resources and the involvement of a large number of Pridnestrovian residents in them. So, as of the end of 2017, over 57,000 people from the Pridnestrovian region were registered in the Facebook social network.

Indeed, over the time, users of the network have a need for a better and modernized site, with the ability to communicate not only in real time, which increases the level of communication, as it gives respondents more time to think about the answer. This form of communication, as a forum, with certainty, can be classified as social services. The openness and accessibility of social networking materials bribes not only private users, but also traditional media, which often form news based on data from a social source. In the «virtual» information environment, the mass media help a person to carry out such activities as cognitive and communicative, form communities, their range of interests and communication, and stimulate the development of interpersonal relationships²⁹⁵.

Pridnestrovie has also touched the global process of integrating traditional media into the Internet. Pridnestrovian mass media are actively developing in the field of social media activities, i.e., the development of social Internet space. In most cases, Pridnestrovian media workers master this process spontaneously, not having a full understanding and understanding of the scale and prospects for mastering the networked social environment. Nevertheless, most of Pridnestrovie's media are actively occupied by social networking platforms, using mostly V Kontakte, Odnoklassniki and Facebook resources, Twitter, realizing that ignoring social networks for modern media is fraught with a state of information «starvation». The lack of potentially informational reasons that are widely claimed by the audience, which are rich in social networks, is compensated in the state media by officially sanctioned materials, whose social importance is subject to

²⁹⁵ Мельник Г. С. Перспективы медиа в пространстве интернета // Журналистский ежегодник. Journalist Yearbook. – 2013. – Т. 1. – С. 12.

questioning and criticism from the audience. In such a situation, it is almost impossible to control the information process in society and the state, remaining outside the network social environment.

News Agency «News of Pridnestrovie». The news agency pays much attention to work in social networks. There are active icons with links to the pages of «Pridnestrovie News» on Facebook, Twitter, Vkontakte and Odnoklassniki on the main page in the upper right corner on the site novostipmr.com.

On the page there is a separate block with windows for subscribing to the pages of this media in other social networks. Here you can subscribe to the page without going to it, staying on the media site. Posts in groups are the title, the main idea of the news with an attached link to the site. Various hashtags are also used.

The audience of «News of Pridnestrovie» in social networks in the context of 2016/2017 reflects the active dynamics of the increase in the network audience:

Odnoklassniki – 8210/12566 subscribers;

VKontakte – 2015/7240 subscribers;

Facebook – 1438/2722 subscriber;

Twitter – 761/1126 readers.

«The First Pridnestrovian» TV channel is the only republican television channel and the system-forming media of the Pridnestrovian state television and radio company.

On the social networking site, «The First Pridnestrovsky» is represented on Facebook, Twitter, VKontakte and Youtube. Information about social networks on the site tv.pgtrk.ru is located on the right side of the main news field. Users when viewing news on the site will necessarily pay attention to the field «We are in social networks» with bright icons and links.

The moderator of the «First Pridnestrovian» TV channel in an interview commented on the network activity of its media: «We started working with social networks since 2015 and immediately noticed how much the influx of visitors to the TV site. Every day the growth of visitors is steadily growing. The groups of the «First Pridnestrovian» TV channel are on Facebook, Twitter and Twitter. We do

not use Twitter very much, but all the news from our page on the site automatically goes there. We have our own reference point for each social network. A lot of local politicians, and not only, and older people visit Facebook. The heterogeneous audience visit the OK, in the contact there are more young people. We also have a group called «Pridnestrovie News» and «The First Pridnestrovian Entertaining», in addition to FB page. We created them ourselves about a year ago. «

The peculiarity of integration into the social networks of the «First Pridnestrovian» TV channel is that its own pages have separate editions of the TV channel («The First Entertaining» VC), and even separate programs («Muztaim» VK). Moderators of the «First Pridnestrovian», carrying out large-scale actions and flash mobs, spread information through social networks, creating separate pages and so-called meetings. The posts in groups represent information in the volume of several sentences with attached video recording and a link to the news on the PGTRK website. Hashtags are also used as a way to distribute information. Thus, «The First Pridnestrovian» TV channel has achieved the following successes in its social media activity:

Youtube – 2897/8847 onlookers;

Vkontakte.ru – 2903/6187 subscriber;

Facebook – 1407/1797 participants;

Odnoklassniki – 897/1139 subscribers;

Twitter – 328/560 readers.

Television Free Choice (TSV) until 2016 did not have its own site, which led to a more active integration of the content of the channel into social networks. Advertising of the pages in social networks TSV conducts directly during the news releases on the air. Comparing the social media activities of the «First Pridnestrovian» TV channel and TSV, we can conclude that the latter use a wider range of methods to attract the audience and pay more attention to work with social networks.

Commenting on the integration processes in the network space, the channel editor explained: «TSV communities appeared in the social networks of VK and

Odnoklassniki in the spring of 2015. We practically develop a group in Facebook, as there are popular communities that distribute our content, and we cover almost the entire target audience on two websites. Work with social networks on TSV is based on voluntary principles, two correspondents are engaged in it, and recently the editorial board distributes news and programs through social networks. So it's more convenient, faster, so any news can be viewed at any time and more than once. As soon as the broadcasts are broadcast, they immediately appear on our channel in Youtube and on pages in social networks. That is, if you have just seen an interesting story on the air of our channel, in a minute it can be reviewed in Youtube. For the promotion of the group recently we use photo contests with prizes from our sponsors, and of course, we make interesting news that spreads quite quickly. Since the new year, the coverage of the TSV audience on the Internet has increased 3-fold, now about 30 thousand unique users come to our page per month. «

Indicative figures are the growth of subscribers over the past year. So, the audience of TSV in social networks has significantly expanded in the following social platforms:

Youtube – 16664/50962 subscriber;

Vkontakte.ru – 5988/15498 subscribers;

Odnoklassniki – 12812/26794 participants;

Facebook – 1256/1443 members.

«Radio 1», being a part of the Pridnestrovian state television and radio company, engages in social media activities independently. The radio station conducts its pages mainly in VKontakte and on Facebook, there is an account in Odnoklassniki, but the last post there was published on November 4, 2015, therefore, the page is likely abandoned by the moderators.

On the site of the radio station radio.pgtrk.ru information about social networks is located at the bottom of the page after the news block. It is an information highlighted square block with large icons-logos VKontakte and Facebook and a bright call «Subscribe!».

The representatives of «Radio 1» in social networks place the most diverse information: news, program releases, original headings for subscribers of social networks «Good Morning» (picture with charging music), announcement of events for the day. There is a personal application for V Kontakte users, where you can listen to the radio online without accessing the radio station's website. On the radio page, the information is classified according to the headings of the radio: «On the Good Side», «Healthy Tips», «Radio Tips», «Annual Rings», etc. The peculiarity of the pages of Radio 1, in our opinion, is a pleasant atmosphere created for a score of good music, selected images, sound tracks of art programs, etc. Despite the fact that the radio as a form of media excludes photos and video materials, in the groups of «Radio 1» there are also albums «I am a Pridnestrovians», «Guests of the studio» «Weekdays of a radio station», «The nature of Pridnestrovie», and even an entire album video contents with scenes of the «First of the Pridnestrovian» channel.

In general, the audience of Radio 1 in social networks includes:

Facebook – 796/849 participants;

Vkontakte.ru – 421/714 subscribers;

Twitter – 158/237 readers.

The weekly «Karavan» is the only newspaper in Pridnestrovie dealing with social media activity, and it gives it a much higher priority than the development of the weekly website, where there is no information on social networks, but it is present in every issue on the front page right under the headline of the newspaper.

A distinctive feature of the activity of the newspaper «Caravan» is the interactive: the weekly team constantly conducts various contests, polls, collects votes, on the site and in social networks, comments are open for discussion. The results of polls and voting are published in the newspaper under the heading «The voice of the people» with the note that the votes are collected in «our groups in social networks.» This is also a good advertisement for social networks. In addition, sometimes in the articles of the publication journalists refer to social networks.

The specificity of Internet communication is hypertextuality, which gives certain advantages to print media in the early integration into the worldwide network. The advantage of online versions of newspapers and magazines is the opportunity for print media to address their materials to a wider range of users. Using the capabilities of hypertext, it is easier to find information in a virtual archive. At the same time, the Internet version of the printed edition is not just an html-copy of a newspaper or magazine. Pridnestrovian Internet versions of newspapers and magazines realize such hypertext capabilities as interactive archives (databases), in which information of previous issues is stored, search, providing feedback to readers, etc. However, unfortunately, not all Pridnestrovian Internet publications use these opportunities. Many sites are «abandoned», there is a superficial attitude of the editors to their Internet versions, which hinders the progress and development of publications.

The weekly conducts active Internet activity in three social networks: Vkontakte, Odnoklassniki and Facebook. In each of the social networks there is the main group «Caravan» and two «subsidiaries»: «Caravan of announcements» and «Caravan of good deeds».

The description of the group «Caravan of ads» says: «You place your ad right here, and we distribute it on other social networks and place it on the site 122.md. We increase the number of those who saw your ad many times. « The number of subscribers of this group includes: Vkontakte – 941, Facebook – 194, Classmates – 3556.

«Caravan of good deeds» positions itself as «Community of caring people who are ready to help old people in need, children, people with disabilities living in Pridnestrovia in any way». Pages are not very active, but they are updated regularly with thematic information. The main pages of the weekly «Caravan» are much more active and popular, especially in Odnoklassniki and Facebook. It publishes articles from the newspaper's website, polls, ballots, competitions, covers of issues. In general, the activity of the main groups of the weekly «Caravan» in social networks is reflected in the number of subscribers:

Odnoklassniki – 5805/5889 participants;

Facebook – 2690/2976 participants;

Vkontakte.ru – 1472/1656 participants.

After analyzing the social media technologies practiced by the Pridnestrovian media, we can state that they mainly focus on a young and active audience, preferring such social networks as VK and Facebook. This choice is due to the fact that it is in these social networks that virtually all the main audience of the Pridnestrovian media is concentrated, except for some categories of users who do not use the Internet in principle. Twitter, Instagram and Classmates media are less likely to learn due to certain technological reasons and relative futility of the potential audience.

The choice of social networks claimed by the network audience is fraught with difficulties associated with their format: long cumbersome texts are not relevant for these sites, the standard for these social networks is inconvenient for reading large text blocks. Therefore, the media should take these features into account and use social networks as a kind of poster for the user to go to the media site.

The media is well aware that due to the Internet it is possible to maintain relations with the audience, provide information to a wider range of people. Since 2012, in Pridnestrovie, the state has come to understand the importance of developing network technologies. Today, personal websites are not only among the leading Pridnestrovian media – the state television channel (First Republican), for print media («Pridnestrovie», «Trade Union News», advertising newspaper «Makler») and radio stations (Inter.FM), – government departments. The official website is owned by the PMR president, parliament, government, the Ministry of Foreign Affairs, economy, finance, and other public services. The «presence» of institutions of power in the Internet environment in the conditions of the modern information society undoubtedly positively influences the authority of the state both among the people and outside foreign observers.

The interaction of the ruling circles with the Internet audience is not limited to anonymous, «secret» observers and forum participants. The authorities seem to be closer to the people when registering in the world's social networks. Internet audience has recently had a big impact on events in the state; communicate with her power begin, in particular, by setting up a Facebook page, a microblogging on Twitter. Politicians and the media all over the world are increasingly exploring the space of social networks to communicate with their constituents.

The Pridnestrovian media are at the initial stage of integration into the world social networks. These processes are due to the fact that it is the network resources that enable the user not only to obtain the necessary and interesting information, but also to express their attitude to the events taking place. Therefore, the creation of public pages of regional mass media is as effective as creating websites for government representatives. Considering the number of Internet users of Transdnistria, existing social resources fully provide information requests to the local audience. In these conditions, the basic information flow of traditional media loses to social content both in terms of efficiency and objectivity.

With all the positive aspects of network technologies, we must remember that the Internet, as the sphere of its use in the everyday life expands, creates a potential threat of manipulative influence on the individual, including by the subjects of the political process. The reality in the information society is replaced with artificially created virtual models, within which mass interests, preferences, attitudes and reactions towards specific events, processes and phenomena, profitable for the subjects of information influence, are formed, as well as typical, scenario mass behavior of target groups.

In the process of behavior model formation of the of the audience, stereotypes in relation to any event, the region, an important role is played not so much by the mass media as by the network information agencies that generate information flows, which are subsequently replicated by all media.

The Moldova-Pridnestrovian conflict is undoubtedly the first association for the Russian and world public at the mention of Pridnestrovie, but it is possible that

over time, with the help of an adjusted information policy and certain preferences in the thematic range, it will be possible to change the stereotypical perception of Pridnestrovie by a foreign audience.

The activity of the information policy of foreign news agencies on the Pridnestrovian issue is directly dependent on the peculiarities of the activity of the information resource and its territorial remoteness from the republic. While choosing resources for analysis, we were guided by the ratings of publications and its involvement in the coverage of the Pridnestrovian issue, which may indicate a high level of citation and wide dissemination throughout the world. So, in Russia the only active source of information about Pridnestrovie for many years remains IA Regnum, a non-state federal news agency that distributes news from Russia and the near abroad. Daily there are about 700 news from 400 correspondents in Russia and abroad on the agency's tape .

The long tense relations between Pridnestrovie and Moldova, the removal of political vectors of development, polarity in the ideological dimension, gradually led to a decrease in interest in events taking place in neighboring territories. Therefore, the state news agency «Moldpress» is rather difficult to classify as resources actively covering Pridnestrovian news. The most active network resources of the Republic of Moldova regarding the publication of materials on the Pridnestrovian issue, as well as their dissemination, with reference to the sources, have been the news agency «Ava.md» (<http://ava.md>), the Moldavian independent information portal «New Moldavia» (<http://www.Moldavianova.md>). These resources regularly publish information about Pridnestrovie in Russian, distribute it on a free basis and are quite popular among Internet users. It should be noted that news in electronic media is published in two or three languages, that is, in Russian, Romanian and English, which significantly expands the audience, while the Internet versions of traditional media are mostly in Romanian.

Despite the participation of the Ukrainian state in the settlement of the Moldavian-Pridnestrovian conflict and a fairly large number of Ukrainian citizens residing on the territory of the PMR, the Ukrainian media, absorbed in their own

internal problems, publish information about Pridnestrovie very rarely. The most authoritative Ukrainian network resources, the materials of which are related to Pridnestrovie and can be used for further research, are the site of the Ukrainian national IA «UKRINFORM» (<http://www.ukrinform.ua> – the state news agency, which publishes about 500 information and daily analytical reports in Ukrainian, Russian, English and German languages and almost 200 original photographs.), materials of the analytical agency Glavred (<http://glavred.info> – Ukrainian Internet Agency, presenting news and analytics in Russian and Ukrainian languages about Ukraine and the world), the Internet newspaper «Fraza» (<http://fraza.ua> – a political news and information online newspaper: news, comments, interviews, analytics) and the International agency of business news (<http://madn.com.ua> – independent, non-governmental, non-partisan news agency, whose activity is aimed at collecting, analyzing and disseminating reliable information for all consumers interested in knowing the true situation in Ukraine and in neighboring to it western and eastern countries).

To study the nature of information about Pridnestrovie published by Western always media, we have chosen an Internet resource where publications on the situation in and around Pridnestrovie are regularly posted – the Internet project «InoSMI. Ru», specializing in broadcasting the most vivid and noteworthy materials of foreign media in Russian. The resource does not translate the most significant publications about Russia, the CIS countries and everything that happens in the world. Journalists «InoSMI. Ru» scan over 600 foreign publications daily and ultimately take out the most representative publications for readers. The selection of translated materials presented on the site is updated in real time, which allows you to quickly create an information picture of the current day and make the necessary adjustments to it. Each translation is provided with a link to the original text.

An unusual phenomenon, which gained speed at the forum «InoSMI. Ru» before the announcement of its premoderation, – a mass readership movement to translate into Russian on a non-repayable basis foreign readers' forums located on

the sites of foreign media. The change of leadership and the introduction of new rules at the forum led to the creation of an alternative translation site (with a forum without pre-moderation) – «Inoforum.ru». « Inoforum.ru» is an independent Internet resource where you can track, translate and publish in Russian the articles from foreign publications of different countries – from Europe and the USA to Japan and Indonesia. Translations for discussion at the forum appear daily in online mode. Since the foundation of the project, the initiative group has been leading. All activities are carried out with the wide voluntary participation of the readers of this Internet resource: groups of volunteers form content (selection of articles, translation and editing), administration and technical support of the site. However, materials on Pridnestrovie on this resource are extremely rare, there is about one mention per month, and there are practically no direct news from the republic.

The thematic analysis of the materials allowed us to determine the nature of the dominant information in the network about Pridnestrovie. In Table. 4 presents the averaged monthly absolute and relative indicators of the number of publications.

Table 4. Thematic diversity of network resources on the Pridnestrovian issue

Spheres	Pridnestrovie		Russia		Moldova		Ukraine	
	Quantity	%	Quantity	%	Quantity	%	Quantity	%
Economy, industry, agriculture	84	14,1	23	12,8	3	8,8	4	13,3
Society	103	17,3	23	12,8	2	5,9		0,0
Culture Science Sports	91	15,3	14	7,8	3	8,8	2	6,7
Health care	16	2,7	1	0,6		0,0		0,0
Policy	257	43,2	107	59,8	32	94,1	25	83,3
Incidents Crime	44	7,4	11	6,1	2	5,9	5	16,7
Total	595	100,0	179	100,0	34	100,0	30	100,0

«InosMI. Ru «on average will publish 2-3 articles per month, directly related to the political situation in Pridnestrovie. At the same time, the number of

mentions about the republic in the total flow of articles exceeds 10 times a month. Publications of another thematic focus on the analyzed resource were not found.

As a result of the conducted research, we found out that most of the information on Pridnestrovie, published in the online media, is of a political nature. This phenomenon is typical both for foreign and for the Pridnestrovian media proper.

Regarding the rotation of materials, it should be noted that the Russian media more quickly and actively cover the situation in the region, and the intensity of submission of material, for example, Regnum IA is commensurate with the activity of Pridnestrovian sites. The most passive information resources include Ukrainian sites and sites of the Republic of Moldova, in which the overwhelming majority of materials are of a political nature.

The positive results of the analysis include the fact that for Russian network resources, Pridnestrovie is of interest not so much as a conflict zone, but rather as a developing region promising in its economic and socio-cultural interaction with other regions. For example, about 30% of the materials on the Regnum website are devoted to the socio-cultural life of the Pridnestrovian society.

The nature of the materials of Western authors indicates that for the English-speaking audience, Pridnestrovie is still a region of a politically unregulated Moldovo-Pridnestrovian conflict, as evidenced by the absence of non-political materials on foreign websites. Creation of own English-language networked media will allow to solve this problem to a certain extent, provided active participation of Pridnestrovian journalists, as well as attraction of Russian media resources to these processes. The dissemination of socio-economic and cultural-linguistic information will make it possible to change the prevailing hetero-stereotypes of the Western audience in relation to Pridnestrovie.

The media are increasingly focusing on the problems of accepting or rejecting the world they are informing society about, so tolerance as a phenomenon now becomes relevant for journalism. This is due to the fact that the peculiarity of the modern human world is the diversity of all aspects of its existence –

sociocultural structures, ways of life, social and political conditions²⁹⁶. The definition of tolerance in the Preamble of the UN Charter («... to be tolerant and live together in peace with one another as good neighbors») receives not only an effective socially active coloring, but is also seen as a condition for successful socialization (integration into the system of social relations) in the ability to live in harmony both with oneself and with the world of people (micro– and macroenvironment).

Above all, the harmony of relations implies the respect for each other's subjects. This meaning is borne out by the definition of «tolerance» offered by the American dictionary «American Heritage Dictionary»²⁹⁷: «Tolerance is the ability to recognize or to recognize and respect the beliefs and actions of others.» In the modern world, the word tolerance has become not just widely used and fashionable, its activation reflects the urgency of the very problem of interpersonal and social interaction among members of society²⁹⁸.

Without a doubt, the most important part of diagnosing tolerance in the media is a detailed analysis of the information that this channel distributes. In modern scientific literature, methods of analyzing text materials used in journalistic practice are described in detail. Nevertheless, there are a lot of difficulties for unambiguous evaluation of information in the press, even with a significant number of different approaches.

Intolerance can be transmitted to the mass consciousness in the form of the following structural elements of the text: specially selected facts of social reality; stereotypes; different ideas or ideology; myths; tokens; illustrations with intolerant coloring. To manipulate the public consciousness used a lot of different techniques. But, we believe, the most significant is the formation of the evaluation of the statement. In aggressive texts, there are many different evaluation tools –

²⁹⁶ Новикова Т. В. Толерантность в профессиональной деятельности журналиста / автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – С. 3.

²⁹⁷ American Heritage Dictionary». – Boston: Houghton Mifflin, 2000.

²⁹⁸ Бычкова Валерия Международный проект «Толерантное мышление – путь к мирному сосуществованию народов» / Научно-исследовательская работа «Толерантность и средства массовой информации России». – Доступно: <http://snezhinsk-sc125.narod.ru/svayzi1.htm>

evaluation vocabulary, emotional particles, rhetorical questions, rhetorical messages and rhetorical exclamations. In addition, evaluation tools are often amplified by such techniques as repetition, contrast, syntactic parallelism. This creates a high degree of emotional presentation²⁹⁹.

The evaluativity in our work we consider, of course, from the point of view of semiotics, but since we do not pretend to philological research, we consider it not in the aspect of semantics, but in the aspect of pragmatics, which, as it is known, examines the connection of signs with the «addressee», i.e. there are problems of interpretation of signs by those who use them, their usefulness and values for the interpreter. The study of the evaluation of network materials will help, in our opinion, further determine the degree of tolerance / intolerance in relation to the Pridnestrovian region of other states, as well as assess the impact on the formation of the image of the republic by these or other media.

As a result of the analysis of information published on the website of «Pridnestrovian News», we have identified the following trends.

The resource contributes to the formation of a positive image of the state and writes about the observance of the principles of democracy on the territory of the republic; it publishes materials on the support of socially unprotected sections of the population, on the stabilization of the economy, on the development of cooperation with other states, and so on.

Here are examples of key concepts about Pridnestrovie: the development and strengthening of the state; recognition of our republic; potential of PMR; the unity of the Russian and Ukrainian peoples; effectiveness of policy in all areas; giving help; a new impulse of dynamic development; overcoming the crisis; economic stability; peace on the Dniester; support of the population; preservation of industrial complex of the PMR; honor your story; unity and consolidation of various authorities, etc.

²⁹⁹ Татьяна Новикова. Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика.
– Доступно: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu> www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles

The materials of the resource constantly touch upon the development of certain areas of the functioning of the state: health care, tourism, culture, economy, industry, etc., and all events related to them are described in details, and mark achievements in these areas. In addition, the materials of the site form a positive image of the President of the PMR: in each collection of materials, information on certain of his actions is published, quotes from his statements are cited.

Thus, in most publications of news agency «Novosti Pridnestrovie» tries to represent Pridnestrovie as a developed democratic state. The pro-Pridnestrovian policy of the site is characterized by the following appraisal markers: the maturity and responsibility of the Pridnestrovian elites; the desire to solve any complex issues of state building proceeding from the principles of democracy; unity of the multinational Pridnestrovian people; an alliance with the Russian Federation; the prospect of economic prosperity and recognition, etc.

The pages of the site widely discussed the «political crisis» that occurred in the PMR as a result of disagreements between the executive and legislative branches of power. Practically in all materials on this topic, the President's support and criticism of the actions of the deputies of the Supreme Soviet are presented. Here are some illustrative examples: «backstage» changes in the foundations of the Constitution; civil indignation; Pridnestrovie can be turned into a powerless ghetto; a worthy rebuff to attempts to monopolize power by the party «Renewal»; to prevent Pridnestrovie from becoming a zone of repression and persecution for political reasons; the conflict of branches of power will «blow up» Pridnestrovie and others.

These statements have the strongest impacting function. It seems that the executive and legislative authorities can not agree among themselves and «pass on to the individual». The materials of such a plan characterize Pridnestrovie as a state with a disunified political structure, which does not contribute to the creation of a positive image of the PMR.

In our opinion, the evaluation of political events should be conducted not so openly and biased: the presence of an equal dialogue and discussions on the pages

of the site will increase not only its ratings, but also the prestige of the state as a whole. For the sake of justice, it should be noted that the site has several neutral materials on this topic with a more disguised assessment and one in support of the SS.

Information on various topics is also published on the pages of the resource: statistical data of the Ministry of Economy of the PMR, information on losses of state spheres in connection with the economic crisis, crime reports, cultural news, etc. Despite this, political information clearly prevails, there is a shortage of materials of an apolitical content. It is advisable to publish more news about events in the field of education, culture, sports in the region, the development of various industries.

Let's turn to the Russian news agency "Regnum", which constantly publishes information about the republic and once had its own branch in Pridnestrovie. Although information is notable for thematic diversity: culture, society, economy, industry, – in general, political materials still dominate (see Table 4).

The news materials of the resource are objectively neutral. Evaluation is formed by the selection of certain materials, opinions of certain figures, publications of extracts from different publications.

Against the backdrop of relative loyalty, tolerant attitude towards the whole of Pridnestrovie, the publication provides visible support to the Supreme Soviet . The skew in the direction of parliament is obvious: on average, 1 out of 10 materials on the political crisis supported the president. The rest of the publications were supported by the republic's parliament. Accordingly, "Regnum IA" put forward the figure of the PMR Speaker, constantly publishing information on the events in the Pridnestrovian parliament, citing the statements of its head and deputies: PMR is a developed republic, and we have a healthy government; strengthening of the Pridnestrovian business and strengthening of democratic trends in the development of the republic; if we want to gain prestige in the

international arena, the rights and freedoms should be no less, and more than in the recognized powers.

Let's take an example the headlines of the materials published on the Regnum website: the Supreme Council of Pridnestrovie intends to check the implementation of the adopted anti-crisis measures; The Supreme Council of Pridnestrovie intends to study the problems of social workers of the republic; The Committee of the Parliament of Pridnestrovie, according to the legislation, proposes to keep the voter turnout for elections and referendums, etc.

It is interesting that Regnum tries to set out different points of view about Pridnestrovie and the events taking place in it. In constant media reviews, extracts from Romanian, Moldavian and Pridnestrovian publications are published. Analyzing the materials of the site, it should be noted that it pays much attention to the issues of the Moldovo-Pridnestrovian settlement. Comments of Russian, Moldavian and Pridnestrovian political scientists are constantly published here. In the selection of comments, in assessments, loyalty to the Pridnestrovian side is felt. This is evidenced by the key words and phrases selected by us from several materials: the Pridnestrovian settlement; economic blockade of Pridnestrovie; fatigue of Pridnestrovie from unpredictable life in bad unrecognized status; The Pridnestrovskaja Moldavskaia Respublika objectively has all chances to proclaim and international recognition of its state independence, etc.

As for the means of expressing the assessment, in connection with the publication of «Regnum» materials from absolutely different (often oppositional, polar to each other) media, the resource pages in the «Analytics» section abound with various metaphors, precedent texts, questions, repetitions, irony, etc. .

The third-party observer can judge the Pridnestrovian people, their authorities, the whole about the situation in the republic, according to the following information: the Pridnestrovian people, deceived, looted, bled by «reforms», do not have the strength to restore order; the authorities «dorulated» to the point that it is necessary to protect them from Pridnestrovian citizens already; the population of

Pridnestrovie for the years of «independence» and «settlement» decreased by one third. This is a humanitarian catastrophe in the center of Europe, etc.

The Regnum web resource can be described as an objective and neutral publication, loyal to Pridnestrovie, with an expression of the mixed type, as evidenced by 60% of published materials, but the presence of tough, aggressive materials (20%) significantly harms the image of the state and can create a perverted image of the Russian consumer of network information.

Analytical site «Ava.md» tries to involve analysts from different countries in the discussion of Pridnestrovian problems. The pages of this resource publish opinions and comments of Ukrainian, Moldavian and Pridnestrovian political scientists who differently assess the events taking place in the republic.

The attitude of this network publication to Pridnestrovie can be characterized as positive, in most of the materials, an opinion is expressed about the necessity to recognize the Pridnestrovian statehood here. The objectivity of the position of the publication does not allow clearly to form its attitude to the specific political force within the republic, as the site publishes various points of view on domestic issues. All materials of political orientation, information from Pridnestrovie are devoted to a separate rubric in which news and analytics are published on the site.

Let's consider examples with the manifestation of appraisal, characterizing the attitude towards the events in Pridnestrovie in the texts of «Ava.md»: the events in Pridnestrovie, of course, amaze with their brightness and originality; the paralysis of state power; public discussion on «harmonization»; in Pridnestrovie the first «serious cold war» of the branches of power was launched in the history of the republic; Pridnestrovie has many internal problems that are common to all societies; decay and corruption of elites, and the problem of the socialization of youth, and the backwardness of the village, the degradation of infrastructures; there is a certainty that Pridnestrovie will find a successful solution to its new problem, etc.

Next, let's consider the image of the person of the President of the PMR on the site: a historical figure, a man-monument, a «skyscraper in the desert»; one of the founders and supporters of the Pridnestrovian people; elite is relatively united around a historical and charismatic leader, etc.

The resource mainly uses such methods of creating the assessment, as metaphors, precedent texts, labels with the aim of forming a tolerant attitude towards the Pridnestrovian region, thus contributing to the creation of a positive image of the republic in the eyes of the foreign public. So, in 50% of cases, speech techniques are used to support the Pridnestrovian idea, 30% of the materials are characterized by a neutral attitude. Despite the fact that in 20% of publications it is possible to detect negative sentiments towards Pridnestrovia, there was no pronounced verbal aggression on the pages of the publication regarding the Pridnestrovian region.

I would like to note the publication's desire to present different points of view about the situation in the region, the institutions of the Pridnestrovian authorities, which testifies about the objectivity of the publication, which is often lacking in the Pridnestrovian media proper.

In the course of the study of the Moldavian network resource «New Moldavia» it was revealed that all published materials about the PMR are called to perform the function of intensified impact on readers and the formation of negative stereotypes.

The Evaluation is manifested, beginning with the selection of facts and events and ending with the widespread use in the texts of direct and hidden evaluation units. there is almost no material on the PMR of a neutral and, especially, of a positive nature on the pages of the site. Even if the information does not concern the sphere of politics, it is still presented with a negative connotation. This is how it is perceived by readers who are worried about the fate of Pridnestrovia. Of course, if philologists investigate the semantic aspect of some units, they will necessarily find the estimated microcomponent of the connotative component of lexical meaning in many units, but this is not our task, since in our

research we were primarily interested in the pragmatic side of semiotics. For example, the material on the economy is called «Pridnestrovie on the verge of collapse» of a self-made «currency», cultural texts are accompanied by headings such as «... to bow to the descendants of the Romanovs' house, publications on public topics -» To each according to the medal». The increased attention is paid to the topics of rampant crime on the territory of the PMR, economic insolvency of the Pridnestrovian population, rising unemployment, a split in government structures, the implanting of a family clan in the republic, and enriching officials at the expense of ordinary citizens, as well as corrupt officials.

The general picture about Pridnestrovie, formed by the administration of the resource, can be described by quotations from materials: a part of the population of Pridnestrovie survives on some allowances and humanitarian aid; In Pridnestrovie only one «social category» lives well: the president's family and its environment; to live in Pridnestrovie is becoming more dangerous, and so on.

This attitude is inherent in all materials on the site about the Pridnestrovian side. The executive branch and the economic policy pursued by the president are especially criticized.

Here are the most revealing fragments of a typical material about Pridnestrovie, even the headline of which is presented in the form of a sarcastic metaphor: Spring «exacerbation» of the president.

At some representatives of mankind in the spring the most various morbid conditions become aggravated. It is to the category of the latter that the «king» of Pridnestrovie and all Russia, Igor Nikolaevich Smirnov, should be included. Sensing his own superiority over the whole of mankind, he decided to take part in the next interview, «strangely enough» on the eve of the March 25 meeting between him and Vladimir Voronin. So, wishing to satisfy, on the one hand, the feeling of his own vanity, and on the other hand, trying to hurt Vladimir Voronin at least somehow, he broke into a joke during the interview for «Nezavisimaya gazeta», represented in the person of Svetlana Gamova, who is well-trained in Pridnestrovian issues.

Practically without mincing words and flight of his own crazy thought, Smirnov within a few minutes had time to groan the glorified Vladimir Putin before that ...

To admit such statements on his part is at least «to spit into the very well» that does not allow the disappearance of this separatist enclave ... Numerous industrial facilities so skilfully stolen by Smirnov and his company have been brought into working order ... the Pridnestrovian ruler's was even more critical to the activities of the Special Representative of the European Union, Mr. Kalman Mizsei ... «Why, suddenly, Mr. Mizsei, representative of the European Union, assumes the right to state how he did it recently: agreement in 2 + 1 format (Moldavia, Pridnestrovie, Russia) we do not recognize. But who is he for Pridnestrovie? Nobody, he is nought ... We, the residents of both banks of the Dniester, can only hope that the leadership of the Russian Federation will finally put its bloated and avid «child» – Igor Nikolaevich Smirnov – in place.

As you can see, this text is oversaturated with various negative means of expressing the assessment: an abundance of irony that turns into sarcasm, colorful metaphors and comparative constructions, the use of high-style words, repetition, phraseological turns, including transformed ones, the use of words with reduced stylistic coloring, and the use of stereotypes. All these techniques allow us to talk about the aggressive orientation of this material in relation to the Pridnestrovian leadership and the Pridnestrovian reality.

In the course of the study it was found out that in almost all materials about Pridnestrovie there is an evaluation with a clearly marked «minus» sign. Vocabulary aggression is seen in the texts, which indicates the intolerant orientation of the texts about PMR (90%) and, accordingly, about the manifestation of intolerance of the network resource in relation to Pridnestrovie. The negative image of Pridnestrovie is formed on the pages of the site .

Despite the fact that many Ukrainians live in Pridnestrovie, that Ukraine has common borders with Pridnestrovie and even participates in the settlement of the Moldovo-Pridnestrovian conflict as a guarantor country, the information about

Pridnestrovie in the media of Ukraine appears extremely rare. As it turned out, the information about the PMR on Ukrainian online media is almost absent, with the exception of some reprints from Russian media of news reports about the events in the region. The following publication serves as a confirmation of our conclusion: «Based on the results of the research, the Pridnestrovian problem: a view from Ukraine», conducted by P. Orlik Institute of Democracy, Ukrainian media either ignore the problem of the Pridnestrovian «frozen» conflict and the problems in Ukraine's relations with Moldavia, or relay the messages about this topic from the Russian media».³⁰⁰

Most of the information about PMR was found on the website of the Ukrainian news agency “UkrInform”. The materials of this edition about PMR are purely informational news. There is practically no evaluation of events. Since it is not possible to form an attitude towards Pridnestrovie according to IA «UkrInform», we selected for analysis other publications in which the information about the PMR is not so scanty, but it has analytical nature.

The Ukrainian analytical edition Glavred writes about Pridnestrovie not often and in most cases it is also news items. Such a practice may indicate a neutral or indifferent attitude of this resource to the PMR, but an analysis of analytical materials entitled «What should we do with Moldova?» , published on the website, will allow us to assess the ratio of the network resource to the Pridnestrovian issue. This information is the recorded materials of the «Glavred» round table, dedicated to the problem of relations between Ukraine and Moldavia.

Ukrainian analysts discussed the elections in Moldova and the subsequent protests, Ukraine's relations with Moldavia, Russia, Pridnestrovie and other issues³⁰¹. Let us highlight the most significant points for Pridnestrovie:

... in the PMR, a political nation is actually starting to form, no matter what we say ... the Japanese already recognize this. If we compare these three regions

³⁰⁰ Экспертное исследование: украинцев в Молдавии дискриминируют. – Доступно: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/transdnistria/1160601.html>

³⁰¹ Что нам делать с Молдовой? – Доступно: <http://glavred.info/archive/2009/05/05/185349-1.html>

(South Ossetia, Abkhazia, Nagorno-Karabakh – S.O.) with Pridnestrovie, then, in fact, the Pridnestrovian Republic exists as a full-fledged state ... The Pridnestrovian Moldavian Republic is a full-fledged state with its money, army, identification and others ...

We are forced to introduce restrictive measures regarding the foreign economic activity of the Pridnestrovian economic agents ... The Moldavian side is trying to push Kiev to impose a ban on the entry of certain persons of the Pridnestrovian leadership into the territory of Ukraine ...

In any case, Ukraine is interested that residents of the Pridnestrovian Republic have a sufficient standard of living, they could provide for themselves and their rights would be respected ...

Both in Chisinau and in Tiraspol the old guard will go back, the more definite power in the person of the Renovationists comes out ahead. This refers to Shevchuk, a young politician who has entrances and has influence both on the European Union, on the western side, and on Russia ...

... The Pridnestrovians have their own interests – they achieve the same independence, so they can reap the laurels. But Smirnov is a drag force in Pridnestrovie ...

So, Ukrainian analysts recognize the Pridnestrovskaja Moldavskaia Respublika as a full-fledged state with a formalized political nation, talk about Ukraine's wrong policy towards Pridnestrovie, and worry about the Pridnestrovian population. Recognizing the necessity to build new relationships with the PMR, experts at the same time do not rule out the threat posed by Pridnestrovie, considering it an unstable, explosive region.

Evaluation tools used in the material are quite diverse and perform a strong impacting function, but in the overwhelming majority of cases they have a positive charge and objectively reflect the situation in the region.

The news materials are also built in such a way that the readers form a certain estimate. Of course, this assessment is extralinguistic, subjective. But the reader perceives it is evaluative, not neutral. Although words are most often from

the point of view of semantics, the presence of connotata in them is absolutely neutral. For example, opinions were expressed on «recognition of the territorial integrity of Moldova», «democratization and demilitarization of the Pridnestrovian region»; it was also said that «Tiraspol is not satisfied with the status of autonomy», «Events after the parliamentary elections in Moldavia confirmed the impossibility of its unification with Pridnestrovie», etc.

All materials studied by us were of a purely political nature, there was no other information about the PMR on the site. In general, the position of the resource can be called tolerant with the expression of the mixed type: 30% of materials with a positive estimate of Pridnestrovie, 50% of publications of a neutral nature. In addition, the feedback system works very well on this resource. The detailed discussions in the comments and in the sections of the forum allow the reader to learn several points of view and thereby form his own view of this or that problem or event.

Another online resource covering the Pridnestrovian events in our study was the online edition of «Phrases»³⁰², in which you can find the following expressions about the region: the Pridnestrovian media are actively pushing the situation around the latest political events in Moldavia; to go to PMR is to travel by time machine. You can see a bizarre mixture of late «scoop» and the 90's outside the windows of the minibus ; Pridnestrovie (at first glance) is an island of the Soviet Union, which by virtue of its tiny size and unique political status survived the collapse of the «red empire»; Russian passport, according to the drivers, you can almost freely buy for 500-700 dollars; «Sheriff» is a corporation controlled by the family of the permanent President; Pridnestrovie is a quasi-state entity in the territory of the «Sheriff» and others.

Such views on Pridnestrovie are typical for foreign media and affect the image of the PMR is far from positive. Accordingly, the task of Pridnestrovian journalists is to actively develop the Internet space and promote positive, and most importantly, objective information about Pridnestrovie in different languages.

³⁰² URL: <http://frazza.ua>

Analysis of the materials of the site «InoSmi. Ru», which publishes translations of the leading Western mass media, led to the conclusion that the Moldavian region is usually described by the Western media as the following markers: a degrading labor market and a record poverty level; corruption prevailing among the ruling elite; a god-forgotten country; the poorest country, etc.

At the same time, the following key concepts are applied to Pridnestrovie: the separatist region; the breakaway Pridnestrovie; the rebellious province of Moldova; Pridnestrovie – the concentration of smugglers; Mafia state; family clan, etc.

In the materials of the Pridnestrovian issue, the authors of foreign media constantly use associative links with the policy of the Russian Federation in relation to this region: this small section of the territory is officially a part of Moldova, but there is a separatist regime that maintains close relations with Moscow ... Russia is the main player in the ongoing negotiations, it maintains its military presence in Pridnestrovie, and also holds large stockpiles of weapons and ammunition there³⁰³.

Russia supports the separatists in the province of Pridnestrovie, not recognizing, however, its independent state, as it did in the case of South Ossetia and Abkhazia³⁰⁴.

In the «breakaway» Pridnestrovie, many people observe the recent events in Moldavia with satisfaction – because the riots and violence in Chisinau give them one more reason (in the light of the Kosovo precedent) for refusing to return to Moldova³⁰⁵.

³⁰³ Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

³⁰⁴ Молдавия: тоска по Европе («Handelsblatt», Германия). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248393.html>

³⁰⁵ Волнения в Грузии и Молдове – результат «косовского прецедента» («Radio Free Europe / Radio Liberty», США). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248426.html>

This separatist republic, which arose as a result of a short but bloody conflict with Moldavia in the early 1990s, is a citadel of the Russian army, which contains a thousand soldiers there³⁰⁶.

A small separatist territory that enjoys Moscow's support has been de facto independent from Moldova for eighteen years³⁰⁷.

As can be seen from the materials, foreign media inevitably connect Pridnestrovie with Russia's policy in this region. They call the «frozen conflict» in Pridnestrovie «Russia's main trump card in relations with Moldavia, as well as a reason for serious EU concerns».³⁰⁸

In the course of the analysis, we clearly identified the characteristics of the language strategy and speech circulation of the publications of the Western media: basically they boil down to the use of the arsenal of language tools and techniques, because of which the definitions of «rebellious» and «separatist» persist for Pridnestrovie steadily.

Here are some examples related to the analysis of translated materials on the Inoforum website, where information about the Pridnestrovian region can be found:

The Pridnestrovian question is a wonderful lever that allows Moscow to exert influence over the whole of Moldavia³⁰⁹.

... «Country», «state» or «republic» ... Only all this is not real here. In fact, Pridnestrovie is a separatist region of Moldavia, which broke away in 1992, losing its sanity due to the timid attempts of the government to fall under the influence of Romania after the collapse of the USSR. ..The monument to Lenin in front of the Supreme Council, the flag of the country, still decorated with a sickle and a hammer, and wide avenues of Tiraspol give an occasion for foreigners to say that

³⁰⁶ Надувательство («Le Figaro», Франция). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248434.html>

³⁰⁷ Власть Молдавии колеблется между Брюсселем и Москвой («Le Monde», Франция). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248491.html>

³⁰⁸ Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания). – Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

³⁰⁹ Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/pridnestrove_mechtaet_o_nezavisimosti_pod_pokrovitelstvom_moskvy/

Pridnestrovie is a small USSR. However, the country is rather not a folklore museum of Sovietism, but a real Russia in miniature ... Democracy and pluralism in Pridnestrovie are relative concepts. In the end, the authorities constantly stir up memories of the war, which does not promote friendship between neighbors³¹⁰.

It's mention is also about the «political crisis» between the executive and legislative branches of power in Pridnestrovie: political life is filled with clan fighting today. «Everything is calm on the surface, but everything is boiling under it.»³¹¹.

The similar statements about Pridnestrovie are rare, but the leading Western mass media publish: Spain – «ABC»; France – «Liberation», «Le Monde», «Le Figaro»; United Kingdom – The Independent, The Financial Times; USA – Radio Free Europe / Radio Liberty, The Wall Street Journal; Germany – «Handelsblatt», «Der Tagesspiegel», etc.

The analysis of the use of speech mechanisms of evaluation in the materials of foreign media made it possible to identify the tendency to create intolerant stereotypes, labeling, irony bordering on sarcasm, which certainly contributes to the creation of a negative image of Pridnestrovie in foreign publications. Such devices in their various manifestations cross the boundaries of journalistic ethics and often border on outright lies. So, in one of the materials abounding with anti-Russian hysteria, it is said that the majority of the population of PMR lives according to Moscow time³¹².

As the data of our analysis show, stereotyping in the media leads to standardization of information, disinformation of readers, manipulation of public opinion in the interests of certain elite circles.

Securing in the mass consciousness of stereotypes Western media realize through persistent repetition of the same words, phrases that eventually turn into

³¹⁰ Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

³¹¹ Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/pridnestrove_mechtaet_o_nezavisimosti_pod_pokrovitelstvom_moskvy/

³¹² Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция). – Доступно: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

symbols. The constant reproduction of fabricated stereotypes creates prerequisites for their uncritical perception and assimilation by the audience. A great role is played here by the suggestion of stereotypical representations without special proofs, logical constructions, in a number of cases only with reference to «authority»³¹³.

The constant repetitions in the foreign press about the rebellious separatist Pridnestrovie, about contraband in the PMR form negative stereotypes in the western audience about the republic. That is why, at the first mention of the PMR in the minds of the European citizen, there appears to be an image of separatists, rebels, smugglers, despite the fact that there have been no «rebel battles» on the territory of the PMR for almost 20 years, and authoritative Western commissions and outside observers and could not identify cases of smuggling in the territory of the PMR.

With regard to Moldavia, the Western audience can also be judged by the standard for foreign media media: the unhappy poor people. Constant media publications on the events in Pridnestrovie in the context of the political influence of the Russian Federation lead the audience to an involuntary conclusion about its unlimited influence, that everything in the region occurs with the Russian authorities.

So, the Russian-language media use a wide variety of speech techniques, colorful metaphors that do not try to standardize; foreign media, at the expense of the frequency of the use of the same expressions, the use of standard political metaphors, a limited range of turns achieve more effective impact. Thus, labeling, the abundance of recurring definitions leads to the creation of a specific stereotype (for example, separatist Pridnestrovie), which for a long time takes root in the mind of the reader with the utmost use of speech resources.

³¹³ Стереотипизация как метод пропаганды. – Доступно: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>

Table 5. The distribution of network resources by the degree of tolerance to the Pridnestrovian statehood

<p>The tolerant manner of communicating with the prevalence of positive type assessment is recorded in examples where tolerance is expressed through linguistic units with the value of rational evaluation of a positive nature and categorical / uncategorical presentation.</p>	<p>The tolerant manner of communicating with the expression of an evaluation of a mixed type implies an expression of an estimate of the mixed type and the categoricity / uncategoricity of the exposition.</p>	<p>The intolerant manner of communicating with the expression of a negative assessment is manifested where there is a clear rejection of a certain idea (theory, concept, etc.), the author's disagreement with the presented point of view, her sharp criticism, in this regard, a negative assessment of knowledge (or personality) , stated categorically.</p>
<p>News of Pridnestrovie, Ava.md</p>	<p>Regnum, GlavRed</p>	<p>"New Moldova", Phrase, InoSMI, Inoforum</p>

At the first sight, the predominance of negatively-minded network publications clearly appears (Table 5).

Analyzing the data, we note that the Pridnestrovian and Ukrainian network resources are more tolerant towards the republic, although the latter cannot claim the system character of positive information. The leader in the dissemination of negativity, as it is expected, is the network journalism of the Republic of Moldavia, but even in this sector there are resources with a constructive approach to the discussion of the Pridnestrovian problem. Russian news agencies, researched in the work, are more than objective in covering Pridnestrovian events.

To confirm the analysis look at table 6 and 7, which reflect the quantitative indicators of the creation of the assessment based on 10 texts from each analytical Internet publication and the ratio of each of them to the Pridnestrovian Moldavian Republic.

Table 6. The ratio of network resources to the Pridnestrovian state

Network resource	Attitude towards Pridnestrovie		
	positive	neutral	negative
News of Pridnestrovie	84	26	-
Regnum	24	51	25
Ukrinform	-	82	18
Glavred	35	43	24
Phrase	-	30	70

Network resource	Attitude towards Pridnestrovie		
	positive	neutral	negative
Total resources of Ukraine	35	155	112
Ava.md	45	29	26
Meridian Info	-	2	98
Total resources of the Republic of Moldova	45	31	124
InoSMI. en	-	46	54
Forum	-	36	64
Total for foreign resources	0	82	118
In total in network editions	188	345	379

The most alarming situation is in the foreign network publications, which abound with negative assessments of the Pridnestrovian state and bear a negative charge in the mass audience of Western Europe, forming the corresponding stereotypes.

Table 7. Using network resources for language receptions and speech figures

Evaluation Tools	News of Pridnestrovie	Regnum	Ava.md	New Moldova	Ukraine (in general)	foreign resources	Total
Metaphor, metonymy	12	45	29	41	30	37	194
Comparisons	10	10	15	7	15	23	80
Exclamation, communication, explanation, question	11	30	24	57	27	27	176
Label, stereotype	9	20	23	39	15	54	160
Phraseology, application allusion, precedent text	10	25	14	27	23	34	133
Direct evaluation, qualitative characteristics	10	10	9	65	5	2	101
Irony	2	10	5	15	3	19	54
Occasionalisms and non-linear expressions		27	2	25			54
Total	64	177	121	276	118	196	952

As it can be seen from table 7, network resources actively use a variety of ways to express the relation to the described events.

The direct sharp assessments, the use of non-literary units, labeling, sarcasm are the means of forming verbal aggression on the pages of foreign media; the use

of highly artistic phrases, metaphorical speech are the characteristic features of Russian-language publications.

Finishing the paragraph, we can summarize the following. The social media technologies practiced by the Pridnestrovian media are focused mainly on the active middle-aged audience, since this particular category of the population is concentrated in such social networks as Vkontakte and Facebook. Twitter, Instagram as a social environment for young people and Odnoclassniki as a platform for a more adult population media are less likely to learn due to certain technological reasons and the relative futility of a potential audience.

The Pridnestrovian media realized that it is the network resources that enable the user to not only obtain the necessary and interesting information, but also express their attitude to the events taking place. Considering the number of Internet users of Pridnestrovie, existing social resources fully provide information requests to the local audience. In these conditions, the basic information flow of traditional media loses to social content both in terms of efficiency and objectivity.

The results of the content analysis of the materials of network news agencies confirmed that it is preferable to use hidden, veiled, softer ways of expressing estimates in today's society . The correct selection of facts, quoting, metaphorical metaphors, precedent texts can be much more effective than switching to «elevated tones». Considering the established practice and public resonance in Russian and Western society, it is necessary to note the effectiveness of each of the language strategies and principles of building journalistic texts. And yet, since the main emphasis of the Pridnestrovian media should be made on the dissemination of adequate information about the republic in the European sector, on integration into the corresponding information space, it makes sense to use traditional methods for Western audiences and, breaking existing stereotypes, introduce new, more tolerant and positive.

4. 2. The problems of positioning states with postponed foreign policy status in the international arena

On February 17, 2008, the Kosovo Parliament unilaterally declared independence from Serbia and the creation of a sovereign state, the Republic of Kosovo. However, according to the constitution of Serbia, the region's parliament does not have such powers, therefore the declaration of Kosovo's independence is illegitimate and, according to the Serbian position, this region continues to be a part of Serbia as an autonomous province of Kosovo and Metohia.

In October 2008, Serbia, through the UN General Assembly, asked the International Court of Justice to issue an advisory opinion on the issue of compliance with the norms of international law with a unilateral declaration of Kosovo's independence. On July 22, 2010 this court determined that the declaration of independence of Kosovo does not violate the norms of international law. Despite the fact that this verdict was of a recommendatory character, the authority of the court and the countries, that support Kosovo's independence, determined for most countries the imperative of the concept of judicial precedent in international law on this issue³¹⁴.

In 2008, 53 countries, including all the G-7 countries, recognized Kosovo's independence. It is noteworthy that the countries of the G20 in the same year on the Kosovo issue were divided into two camps and with the exception of Argentina, Brazil, India, Indonesia, China, Mexico, Russia, South Africa recognized the independence of this region. Undoubtedly, such an unequivocal position of the leaders of the Western world predetermined the actions of the rest of the countries on the issue of the Kosovo problem. At present, 111 states from 193 (57.5%) of the UN members recognized Kosovo's independence from Serbia.

Analyzing the trends in the development of the situation around the recognition of Kosovo, it should be noted that since the majority of the population

³¹⁴ Пушкина Д. Б., Федорова А. С. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5(79) // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/pu15.html> (дата обращения 23.10.2017)

of the province professes Islam, the countries of the Arab world are more active than others in recognizing this state. So, now more than 30 countries from 57 participants of the Organization of Islamic Cooperation have already recognized Kosovo's independence. This trend was predicted by the President of Kosovo, Fatmir Sejdiu, at the international conference «Kosovo and the Arab World», held on August 25, 2008 in Pristina, that this will happen when «prejudices» and fears are overcome and when the situation with Kosovo will not be seen as an incident, but as a precedent. In addition to local politicians, it was attended by representatives of a number of Arab non-governmental organizations and intellectual circles. The purpose of the conference, as indicated by its organizers, is «to improve the international image of Kosovo»³¹⁵.

The province's leadership hopes that the Arab countries will soon recognize the new realities and join those states that recognized Kosovo's independence. All the statements of the Kosovo leaders amount to the fact that the region will be a factor of stability and development of good relations with all countries, including Serbia, irrespective of the fact that the latter is practicing sharp rhetoric in relation to the status of the province.

The Government of Kosovo, like the leaders of other unrecognized states, is taking a number of measures to overcome the fairly negative associations that are associated with their republics. We emphasize that, in our opinion, the ruling elite of Kosovo has chosen a rather original way of building a new image of their country. The government of the self-proclaimed republic has signed a contract to develop a new international image of the region with the advertising agency Saatchi & Saatchi, which is part of the French media corporation Publicis Groupe. Today the global network of agencies «Saatchi & Saatchi» is one of the largest in its industry: it has about 135 offices in 85 countries.

The Ministry of Finance of Kosovo together with the Israeli division of «Saatchi & Saatchi» will conduct an international branding campaign and engage

³¹⁵ Косово уповаєт на скорое признание в арабском мире. – Доступно: <http://pda.izvestia.ru/lenta/news.html/use.news.186488/>

in media projects aimed at improving the image of Kosovo. The contract value is \$ 7.3 million³¹⁶.

In parallel with the work on the image of Kosovo, the agency «Saatchi & Saatchi» is implementing a global project to introduce a line of diapers «Pampers» for children who are just learning to crawl.

Almost a year after the declaration of independence, in order to increase the attractiveness of the region in Kosovo, a contest was held to obtain the right to open the first restaurant of the American McDonald's network. The representative of the US economic chamber in Kosovo, M. Kushari, said that the appearance of this brand in the province would make it more attractive, and the «discovery» of McDonald's would significantly improve the image of this state. Such a step opens the way for investments of other American companies and development of economic relations».³¹⁷

However, the image of the self-proclaimed republic was spoiled by a number of scandals. The loudest of them was the publication of the book of the chief prosecutor of the tribunal for the former Yugoslavia, Carla Del Ponte, «Hunting, I and war criminals». Among other things, this book contains accusations against the former leader of the Kosovo Liberation Army, H. Thaci and R. Haradinaia. It is alleged, for example, that the current leadership of Kosovo in the course of the war earned money for trading in internal organs seized from the abducted Serbs³¹⁸. In addition, the publication in late December 2010 of the material of the special speaker of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Dick Marty, about the criminal past of the current president of the province, Hashim Thaci, also touched on the topic of criminal trafficking in human organs³¹⁹.

³¹⁶ Агентство Saatchi & Saatchi исправит имидж Косово. – Доступно: www.lenta.ru/news/2009/01/22/kosovo/ – 7 Кб 22.01.2009, 20:59:13

³¹⁷ Косово озаботилось своим имиджем. – Доступно: http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/01/23/Kosovo_ozabotilos_sv.phtml

³¹⁸ Карла дель Понте: нынешнее руководство Косово похищало сербов и торговало их органами. – Доступно: <http://www.newsru.com/world/01apr2008/karla.html>

³¹⁹ Абрамочкин Ю. «Черная трансплантология» в Косово: расследованию быть? / РИА «Новости. 16.12.2010 // <https://ria.ru/world/20101216/309621413.html>

The main problems in promoting the region in the international arena can be divided into two groups: objectively existing and subjectively acquired. The first group includes problems that occurred and are forecasted in connection with the proclamation of independence: information confrontation with the metropolis (Serbia) and supporters of the integrity of the Serbian state. To the second group we can refer the misses and past mistakes, «sins» of leadership, which the modern media bring to the public debate.

Analyzing the problem of Abkhazia's image, it should be noted that the leadership of this state also pays special attention to it: it even took a number of measures to form a positive image of its region. In particular, the official website of the President of Abkhazia is implementing a project to form an attractive investment image of its republic.

During the Internet conference the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia S. Shamba on the portal «South. ru» stated that for today the Ministry of Foreign Affairs is doing everything possible to create a favorable image of the republic. «Georgia has much more resources and political support from European states and the United States is quite significant,» S. Shamba stressed. «It is quite obvious that in this respect it is difficult for us to compete with Georgia, but since our goal is to develop cooperation with different countries, despite our lack of sufficient resources, we are trying to direct our foreign policy activity in this direction. In addition, we are active in those countries where there is an Abkhaz-Abazin diaspora. We are trying to implement our initiatives on the basis of existing opportunities, although we understand that it is necessary to significantly strengthen work in this direction, and now this is one of the priority tasks facing us. «³²⁰

Vice Prime Minister of the Abkhazian republic B. Kubrava, in charge of economic and financial issues, said in his comments on the development of the state that the resort business is a priority economic sphere of the state, the

³²⁰ Интернет-конференция министра иностранных дел Республики Абхазия Сергея Шамба интернет-порталу Юга.ру. – Доступно: www.mfaabkhazia.org/documents/dokumenty_mid_ra/internet-konferenciya_ministra_in...

development of which will revive the image of Abkhazia. It is possible to intensify the processes of reconstruction of the resort and tourist infrastructure destroyed by the war, provided considerable investments, including foreign investments, are made.

The leadership of the republic offers certain privileges to attract foreign investors. For example, «one private fruit company is already operating in Pitsunda, a hotel» Ritsa «is in Sukhum, and many resort facilities already use foreign investments, and this process is gaining momentum.»³²¹

The leadership of Abkhazia continues to make the main bet on the Russian Federation, actively developing not only political, economic, but also cultural ties. «I am pleased with the expansion of cultural ties with the northern Russian capital ... We regularly participate in the City Day – we march along Nevsky Prospekt ... Many students are studying with you. There is an Abkhazian community of Apsny, which is headed by Murman Johnua. There is also an official representative of the Republic of Abkhazia in St. Petersburg.»³²²

The special status of the region until August 2008 and the territorial distance from the center of the Russian Federation adversely affected investment processes and economic ties with Russia. After the recognition of Abkhazia as a sovereign state, there has been a positive trend towards economic cooperation with the Krasnodar Territory, which borders Abkhazia. The basis of the traditional Abkhaz business is rapidly developing – the production of citrus fruits.

One of the many activities aimed at promoting the brand «Abkhazia» was the opening of a business school in Sukhum on the initiative of the International Independent Environmental and Political University, with the support of the Economic Development Party of Abkhazia (ERA).

Moscow specialists organized classes with employees of Sukhumi hotels «Ritsa», «Atrium Victoria», restaurants «San Remo», «Akyafurt», cafe «Medovik». The main problem so far remains to improve the level of education

³²¹ Абхазский проект для России. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=18091

³²² Ibid.

and training of service workers, since the war threw people back 10 years ago and deprived them of the opportunity to learn about the world trends in the development of the tourism industry. However, the world-famous Abkhaz hospitality remains an unshakable brand and allows solving issues in other areas of activity. It is confirmed by the opinion of Russian specialists who believe that the emphasis should be on young people and people who want to expand their knowledge and learn about new trends in the world, and people of this region should not be taught to be hospitable and cordial. There is an opinion that it is high time in the republic to conduct casting for professional conformity and create such a climate that people would work with pleasure. «People need to be attracted by civilized conditions.»³²³

« It is a sin not to develop tourism in Abkhazia, there are such natural and tourist resources that no country in the world possesses in this quantity ... There is a noticeable tendency that the citizens of Abkhazia slightly belittle the significance of these factors. Abkhazia has its own image and brand in the post-Soviet space. The former inhabitants of the USSR do not need to explain what Gagra, Pitsunda, Novy Afon are, do not need to advertise. These are already potential guests, «said the teacher of the hotel and tourism business department of the international independent ecological and political university O. Romashkina³²⁴.

Despite the unique natural conditions, the political conflict is still the main destabilizing factor in the region, and until its final solution, the republic's existing potential will not be fully realized.

Foreigners are not going to rest in the zone of recent hostilities in the near future, and tourists from Georgia, who are not far from the coast, are unlikely to be welcome guests. «The most traveling nations – Germans, Japanese, Dutch and English will come here with pleasure, to see and discover a new resort. The

³²³ Президент посетил ряд хозяйств Очамчирского района / АПСНЬПРЕСС. Выпуск №329 16 июля 2008 г. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11672>

³²⁴ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=19243

European tourist has not seen Abkhazia, and he is ready to come here. The only question is the solution of political and security issues ...

Abkhazia is amazing with its nature, and most importantly is to preserve the ecological potential here. There is absolutely no necessity for multi-storey buildings, this will only ruin the nature. Abkhazia should become an elite tourist center – expensive, but corresponding to all world standards».³²⁵

Mass media, along with the dissemination of information that enhances the prestige of Abkhazia, conduct independent research and monitoring of the relations of tourists to the young state. Thus, the correspondent of the «Caucasian Knot» conducted a mini-poll among vacationers in Sukhum in the summer of 2008 to find out how the latest developments in the republic affected them³²⁶. We give some statements.

1. «I arrived with a child a week ago from Krasnoyarsk. I planned to stay for a month, but decided to stay until the end of August. It is fresh air, clean sea here. Also, at the end of July, my friends and children are going to come, « N. Nikolaeva said.

2. The Kornilovs from Samara believe that if you are afraid of explosions, you should not leave your apartment then. «In our time, explosions occur everywhere. And should not we go anywhere now? We are the second year in a row Abkhazia. We do not intend to interrupt our holidays. Moreover, we know for certain that we will come next year, «the couple said.

3. Elena from St. Petersburg says that she heard that there were explosions, but she came in any way, although her friend refused to come. « It may happen everywhere. But I come here for the second year in a row, I live in a private sector with good friends. I like to be here – the sea is cleaner than in Sochi. The fruit is not as cheap as before here, but a lot of fruit may be imported, «– said a tourist from St. Petersburg.

³²⁵ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=19243

³²⁶ Ibid.

4. Svyatoslav from Omsk came to Abkhazia for the first time. His friends recommended and he does not regret. «When, on the day of my arrival, an explosion occurred on the Sukhumi market, I thought that it was the beginning of the war. And when I saw how my fellow countrymen quietly sunbathe on the beach, he calmed down. Now I feel more confident, I even go to the market for tasty Abkhazian fruits, «Svyatoslav says.

5. Nina from Ufa, walking through the Sukhumi botanical garden, told that she came to rest with her husband and son. «We settled in one of Gagra rest house. Today I decided to go on an excursion to the Botanical Garden, and my men to the mountains. They will be there for three days – they decided to breathe the mountain air. And I am going up to the monkey nursery, see monkeys, which are written a lot about, «Nina shared her plans.

The troubled situation in Abkhazia has led to the fact that the number of Russian tourists who want to relax at the Abkhazian resorts has declined. The newspaper «Caucasian Knot» previously quoted a source in the Russian Union of Travel Industry that the general trend towards a decrease in sales of tours to Abkhazia was observed by tour operators before the explosions. According to this organization, in 2008 the vacation packages to Abkhazia were sold 30% less than in previous years³²⁷. The reasons for the deterioration of the state of the tourism industry and the image of the state as a whole can be found in the mass media of negative information messages:

- six women, local residents suffered as a result of the explosion at the market in Gagra. Russians were not among the victims;

- Six people were injured as a result of the explosions in Sukhum. All of them were hospitalized with minor shrapnel wounds, they were provided with the necessary assistance;

- two people died in the hospital as a result of the explosion that raged in the regional center of the Gal district of Abkhazia in the city of Gal;

³²⁷ Российские туристы отказываются ехать в Абхазию. – Доступно: <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1224797.html>

– The President of Abkhazia announced the closure of the border with Georgia from July 1, 2008. S. Bagapsh unequivocally accused the Georgian special services of involvement in the explosions in Sukhumi and Gagra and noted that the Abkhaz authorities are doing everything to identify those involved in the incident;

– In Georgia, it is believed that local groups are guilty in the explosions in Abkhazia, which periodically collide with each other in order to redistribute spheres of influence³²⁸.

Nevertheless, recently there has been a tendency to increase the flow of tourists and holidaymakers in Gagra and Sukhum. Tour operators say that there are almost no refusals of tours to Abkhazia, and there is even a practice of resuming reservations previously canceled. At the same time, modern Abkhazia can not accept many tourists yet: hotels are already lacking, and this can also have a negative impact on the image of the republic.

The activation of the tourist flow to the region became possible not only due to good ecology and pleasant memories of the holidays spent in these places in the Soviet era, but also to the service, which is primarily focused on the Russian tourist. Moreover, there has always been a good attitude towards Russians in Abkhazia.

The image of a «cheap» resort attracts travelers and. Abkhazia is chosen by those who want to save money. In the conditions of the economic crisis, this factor will only gain strength. Studying the dynamics of sales, we can conclude that tourists preferred to buy tours at the beginning and end of the season. That is, vacationers who choose this coast, including because of the cheapness, they are not ready to overpay³²⁹. The nearest prospect (until 2015) will attract to Abkhazia, neighboring from Sochi, where the Olympic future guarantees a continuous rise in prices, a significant number of tourists.

³²⁸ В Абхазии откроется бизнес-школа. – Доступно: <http://www.abkhazia.com/news/detail.php?id=24191>

³²⁹ Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>

Even in conditions of stable political situation, it is rather risky to make plans for several years ahead, as Abkhazia will actively participate in the construction of Olympic facilities in Sochi and extract crushed stone for them. It is planned to build several cement and brick plants. These projects can not only cause irreparable damage to the beautiful environment, but also negatively affect the attitude of potential holiday-makers to the region.

In this situation, it is necessary to take into account that the main accent in the entire advertising campaign related to the resorts of Abkhazia is being made on unique natural and climatic conditions. The implementation of such economic projects, of course, can damage the image of the area, despite the development of modern cleaning technologies, which supposedly allow working without harm to the surrounding area.

The prospects of the Abkhazian coasts are less optimistic, if local entrepreneurs try to increase the cost of living for holidaymakers in the hope of short-term profit. «If prices rise next year, the season can be broken. If the partners analyze the situation and do not increase the cost by attracting tourists with the traditional advantages of Abkhazia – clean sea, beautiful nature and low prices, people will go there».³³⁰

The conversion of humor into the image of the state was brilliantly demonstrated by the Abkhaz team of the KVN «Narts from Abkhazia». It won brilliantly in the quarterfinals, bypassing quite worthy and witty rivals. The glorified Abkhazian humor, in which the simplicity is hidden wisdom, honed skill and artistic talent made this victory undeniable. Unique coloring, wonderful folk melodies – and this at a time when a certain part of Muscovites is growing suspicious of «people of Caucasian nationality» – gave this speech also an important political meaning that breaks the stereotypes of dislike.

We can say that the Abkhaz team of the KVN is working no less than the Republican Ministry of Foreign Affairs. This is not only the creation of a positive

³³⁰ Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>

image of Abkhazia, where such witty and charming people live; this is a demonstration on the First Russian Channel of the flags of the Republic, which enthusiastic fans were waving; this is a gay and subtle parody of the dialogue between V.Putin and Abkhazian President S. Bagapsh; these are the speeches of jury members, well-known in Russia people who speak kindly of the Caucasian pearl; this is the correct, Abkhazian (a sign of respect for the guests), the name of the city is Sukhum.

The formation of a positive image of Abkhazia is not only a political, economic, but also a cultural one. After all, many of those who still doubted whether it is possible to go to Abkhazia to rest, for sure, will throw away at least some of the fears, seeing such a brilliant performance.

Unlike Kosovo's edge, Abkhazia is actively seeking ways to increase the economic power of its state without engaging in political discussions with the entire world community about the status and recognition of its republic. Such a situation became possible only due to the common border with the country on which the Abkhaz relied, creating their statehood with Russia.

«Unrecognized states» in the territory of the CIS: South Ossetia, Abkhazia, Pridnestrovie are often discussed at central television channels, in the federal press of the Russian Federation and other countries, but beyond these discussions Nagorno-Karabakh remained for a long time, although it was the first example the separatist movement and the successful confrontation of the consolidated national minority of the republican metropolis.

Such a «calmness» in the conditions of the Caucasian republics may indicate that changes in the current status quo are expected on the territory and around the unrecognized Nagorno-Karabakh Republic (NKR), which both Azerbaijan and Armenia are interested in. Perhaps in the long term one of the parties will appeal to the «Tskhinvali precedent».

It is of fundamental importance for the Armenian side to strengthen Stepanakert's military and diplomatic positions, to minimize the threats caused by the growth of Azerbaijan's military power. In this case, we should talk about

expanding the legal base of the NKR. The war in South Ossetia made us think that someday, Azerbaijan can try to resolve the Nagorno-Karabakh issue by force. The Armenian political scientist L. Melik-Shahnazaryan stated this in a conversation with Regnum news agency correspondent. «The usurper country is trying to seize foreign lands, sooner or later, goes to military operations, when the fictitious legal arguments are exhausted, and South Ossetia is another unnecessary confirmation of this,» he said³³¹.

Meanwhile, European diplomacy is discussing the possibility of Armenia's open recognition of the NKR as a subject of international law.

The degreasing of the South Ossetian and Abkhaz conflicts is fraught and can be used by Baku as a pretext for detonating the Karabakh war that was stopped in the early nineties. Azerbaijan suffered a complete defeat, leading to a serious internal political crisis and the elimination of the nationalist regime.

The return of Nagorno-Karabakh to Azerbaijan, especially in the light of the upcoming presidential elections in Baku, became the political brand of I. Aliyev's closest circle, a kind of «pass to long-term power».

At the same time, the presidential elections in Nagorno-Karabakh increased the image of the republic. It was stated by the deputy of the National Assembly of Armenia from the opposition fraction «Orinats Yerkir» O. Markaryan. «The active participation of voters and the positive assessments, given to the elections by numerous organizations, speak of the growth of Nagorno-Karabakh image and a serious contribution to the formation of democracy,» O. Margaryan said³³².

Thus, the situation in the Nagorno-Karabakh Republic can be classified as stable, since close proximity and the possibility of comprehensive contacts with the Armenian side create the illusion of a single state and the absence of any problem as such. This situation is facilitated by the lessons of the past military confrontation, the active phase of which was fraught with significant human losses

³³¹ Армения должна признать Абхазию и Южную Осетию, если не хочет применения двойных стандартов к Карабаху: эксперт. – Доступно: <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11925>

³³² Выборы в Карабахе повысили имидж республики. – Доступно: www.karabakhlive.com/index.php?name=News&op=Article&sid=139

from the Azerbaijani side, which still keeps the parties to the conflict from using any power to resolve this territorial dispute.

Concluding the analysis of the processes of positioning unrecognized states and related problems, it should be noted that «the success of promoting their image and brands largely depends not only on the number of states supporting a disputed territory, but also on their close proximity and participation in the development of regions. It should be noted that the image of the leaders of states with postponed foreign policy status, as well as the degree of stability of the internal political situation in the republics and the tension in foreign relations on the issues of their recognition, are of great importance in these processes»³³³.

Describing the problems of states with postponed status associated with their international positioning, let us turn to the historical, economic-political, socio-cultural information for each of them. It should be noted that this information is contained in the international resources of the global Internet network and it is most often used by ordinary users, foreign journalists, politicians. For most economic agents, the information posted on the websites is the basis for forming an opinion on the favorable or unfavorable investment climate in the region and deciding on participation in investment programs.

In this paragraph, fragments of texts posted on the corresponding pages of the open encyclopedia online publication Wikipedia will be cited³³⁴. We should note that all materials are given without editing.

Analyzing the material on the Pridnestrovskaya Moldavskaya Republic given on the encyclopedic website, we note that the accent on the unrecognized by the international community, the constant uncontrolled attacks of neighboring Moldova, the indefinite attitude of Ukraine as a guarantor country, give Pridnestrovie a negative coloring in the readers' perception. Quite predictable is the reaction of potential investors to the information presented in such a historical

³³³ Олейников С.В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). – С. 141.

³³⁴ Приднестровье. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Приднестровская_Молдавская_Республика

background: Pridnestrovie is unlikely to be associated with the region where a favorable investment climate has been created.

In addition, the information about the dominant role of the group of companies «Sheriff» in the region's internal economic life, which covers various industries and practically all economic sectors, may adversely affect the decisions of potential investors. The presence of a monopolist in the domestic market significantly reduces the chances of the effective development of foreign business in Pridnestrovie.

The presented text of the network resource of the encyclopedia about Kosovo abounds with references to the proclamation of independence of the region, occurring throughout the material³³⁵. The emphasis on the validity of the position of the leadership of Kosovo is even present in the fragment describing the attitude of Serbia towards the separation. In addition, the text is provided with numerous references to authoritative countries that supported the independence of Pristina.

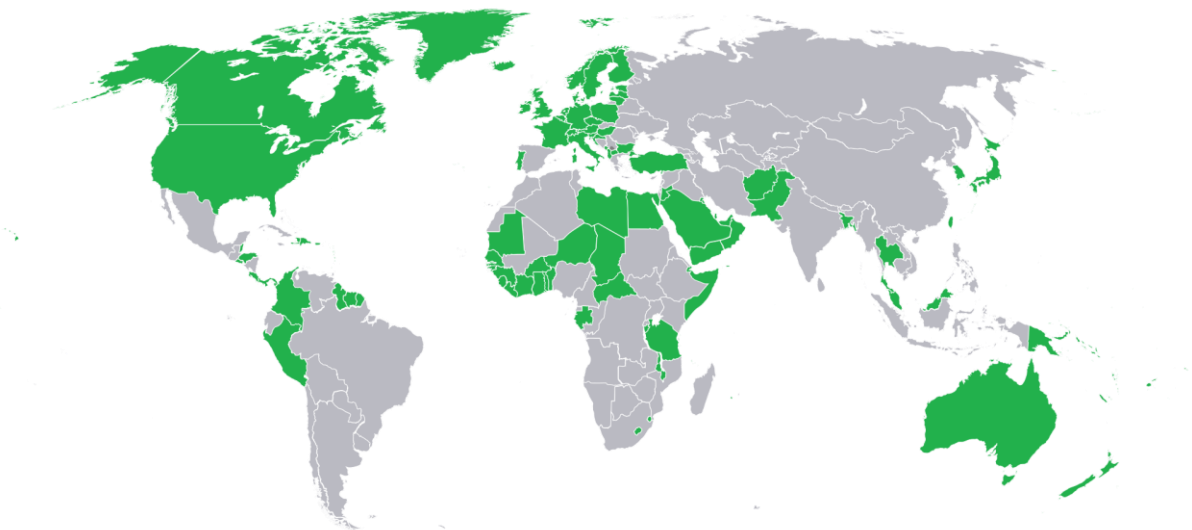

Fig. 4. The recognition of Kosovo's independence in the world:
the green color allocates the states formally recognizing the independence of Kosovo,
the gray color allocates states that do not recognize its independence
(либо the states are allocated with the green color)

³³⁵ Косово. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Косово

Analyzing the map (figure 4), it is worth noting that visually the territories that do not recognize Kosovo's independence dominate, but this illusion contradicts the real statistics, according to which a large part of the UN member states officially recognized the sovereignty of Kosovo. The map shows the relevance of the Kosovo issue, the polarity of opinions in the world about the situation with Kosovo, and also predetermines the investment interests of the Western economic elite and the stiffness of the position of states that declared that they do not recognize its independence. The contradictory nature of political positions in relation to the province is the primary cause of economic and investment problems.

Thus, updating the idea of recognizing Kosovo's independence and supporting this idea by leading Western countries, the authors of the encyclopedic material create the effect of greater confidence in the region and the justification of its political status, backed by quoting the US Secretary of State for the uniqueness of the situation in Kosovo.

The presented text about Nagorno-Karabakh shows the whole problematic situation in the republic as one of the most complex in the unrecognized states³³⁶. The submission of the material is organized in a negative context with emphasis on the following positions: the status of the republic has not been settled yet, political analysts of different countries call into question the legitimacy of elections and recognition of the republic's independence: no country recognizes the results of elections held in Nagorno-Karabakh, no country sends official observers. In addition, the text several times mentions the problem of refugees and refugees of Azerbaijani nationality, infringement of their democratic rights and freedoms, while ethnic cleansing remains without clarification and comments. In the text, Azerbaijan is positioned neutrally and, rather, positively, while the Armenian side is represented in a negative light by the accomplice of the conflict situation.

Considering the Caucasian peculiarity and bloody history of the region, it can be said that the text of the encyclopaedic article only aggravates the situation,

³³⁶ Нагорный Карабах. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нагорный_Карабах

since it represents Nagorno Karabakh exclusively from the negative side in the eyes of the reader. In the main text there is even no mention of the capital of the republic – Stepanakert, not to mention the infrastructure of the region. Such an approach, of course, negatively affects the economy, domestic and foreign policy of the republic, contributing to its full autonomy.

The text about South Osetia, for all its modesty in volume, abounds with complex, specific geographical names, which for a foreign user do not carry a semantic load, and therefore they are out of interest³³⁷. The material contains an indirect indication of the historical involvement of the region in Russia, as well as the rashness and unjustified actions of the Georgian authorities to divide a single Ossetian territory. In general, the specificity of the material does not allow an outside observer to form any opinion about the republic.

When assessing the resulted text of the encyclopedic network resource, one can state its general neutrality and certain positivity³³⁸. Abkhazia due to its geographical location is indeed the most favorable for investment by the state in comparison with other unrecognized republics. Detailed coverage in the text of socio-economic, natural and climatic situation in the state, its cultural identity and uniqueness of the Abkhazian religion increases the attractiveness of the region for both tourists and potential investors. The main areas that ensure, if not prosperity, but a comfortable existence – trade and tourism.

The authors of the material could not miss the tragic pages of the Abkhazian history, but they did it as correctly as possible in relation to the Georgian and Abkhazian populations. Negative fragments of the encyclopaedic article are largely inferior to the description of modern Abkhazia, and the data characterizing the economic viability of the state minimize the effect of military confrontation in the region.

In general, the material about Abkhazia is quite successful for positioning the state and attracting foreign capital to the republic.

³³⁷ Южная Осетия. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южная_Осетия

³³⁸ Абхазия. – Доступно: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Абхазия>

Concluding the analysis of the materials on states with postponed foreign policy status, we note that in most cases special accent is made on their non-recognition by the international community, the doubtfulness of the legitimacy of elections and power, the uncertain political status, the bloody past, which forms a negative attitude and corresponding stereotypes. The texts use superficial references to the problems of immigrants and refugees, infringement of their democratic rights and freedoms, while the metropolitan countries are positioned, in most cases, at best neutrally, indirectly indicating their role in the history of conflicts. The exception is Kosovo, the material about which abounds with references to the proclamation of independence of the province, the validity of this decision, as well as links to authoritative countries that supported the independence of the province. Note that Kosovo is the only case when the network encyclopedic resource is equipped with a map showing the geopolitical alignment of forces and the polarity of opinions.

Another criterion, which may indicate the success and credibility of the material, is the number of references to information sources. Their availability not only guarantees the confirmation of certain conclusions, but also creates a kind of chain of resources, referring to which, the user is enriched with knowledge of each state. Thus, the material on South Ossetia is accompanied by more than 60 references; The Kosovo page contains more than 40 additional documents testifying to the legitimacy of the actions of local authorities. Unfortunately, in this row, Pridnestrovie occupies the most unenviable place, as the material on the state is supported by only eight references.

Presented materials are not only in the global network in the mode of free access, but also they are such resources of the encyclopedic site that can be subjected to both partial editing and a complete change. Foreign and foreign economic agencies of states with postponed foreign policy status, using this opportunity, should subject the relevant texts to critical analysis and provide them with new data. As a result, dynamic information about self-proclaimed states on such open sites will become more attractive both for ordinary network users, and

for potential investors, experts and researchers of various directions. In our opinion, this practice will positively influence the image of the republic and its promotion on the international arena.

4. 3. The perspectives of information and socio-cultural development of states with postponed foreign policy status

The recognition of the independence of Abkhazia and South Ossetia by Russia in 2008 caused international resonance. The names of these states were mentioned much more often, due to the growing attention to these republics. Nevertheless, there is still a tendency to show a certain isolation of these states: they remain closed, little known and autonomous both for the foreign community and for the CIS countries.

In order to determine the degree of recognition of states with postponed foreign policy status, we carried out a sociological survey of more than 300 respondents among the population of Odessa region of Ukraine, which borders with Pridnestrovie and in which a sufficiently high degree of integration of the population of the two regions. The questionnaire included questions about five states – Abkhazia, South Ossetia, Kosovo, Pridnestrovie, Nagorno-Karabakh.

In the media the active discussion of the recognition of the independence of Abkhazia and South Ossetia by the Russian Federation positively affected the results of the study. So, when we asked about the status of Abkhazia, 50% of the respondents answered that the republic is a partially recognized state. More than 80% have correct ideas about the geographic location of Abkhazia and know that it borders with Russia and Georgia. However, more detailed questions of geographic nature among Ukrainian respondents caused difficulties. For example, the question of which river is the state border between the Russian Federation and Abkhazia provoked rather contradictory answers: 37% of respondents are sure that the Mures River shares these states, although it flows in Romania; 19.6% of respondents

believe that the border is another Romanian river – Siret. And only about 20% of the respondents correctly indicated that the border of Abkhazia and Russia passes along the Psou River. It is noteworthy that almost 23% of those surveyed considered a small river near the border of San, which flows in the northeast of Ukraine. These answers testify to the insufficient knowledge of Ukrainians, even about the geography of their own state.

The state languages in Abkhazia are relatively well known to the Ukrainian audience: 70% of respondents correctly marked Abkhazian and Russian languages. The identical quantity 12% collected variants with answers – «Albanian, Turkish» and «Georgian, Ukrainian». Despite the fact that the option «Armenian and English» was used exclusively in the questionnaire as an ironic provocation, according to 6% of respondents, it has the right to exist.

The capital of Abkhazia – the city of Sukhum – was unmistakably named by 60% of respondents. At the same time, 10% believe that its capital is the city of Tbilisi, 16% proclaimed the capital of the Ukrainian town of Pech, once again demonstrating a weak knowledge of their own state. 14% of respondents, most likely at random, called the famous brand of Abkhazian wine «Apsny» the main city of the republic.

Only a third of respondents knows the name of the president of Abkhazia. Unfortunately, the same number is considered the head of the republic Slobodan Milosevic, who was the ex-President of Serbia. Over 30% of respondents have no idea who is the leader of Abkhazia, since they voted for little-known Ukrainian and Abkhaz politicians.

The well-known Abkhaz brands among the Ukrainian audience are Pitsunda resorts (20.1%), Gagra (17.2%). Considering the age of the audience (mostly young people are represented in the sample), it is possible to question the popularity of Abkhazian wines «Lykhny» and «Apsny», which were preferred by 16-17% of respondents. It turned out to be possible that, when answering questions, the young men and women mechanically, without hesitation, chose those or other variants of answers, because they vaguely imagined what they

meant. This conclusion is confirmed by 14.8% of respondents who consider the trademark «Tirotex», which belongs to Abkhaz. Although it isn't true.

The associations that arise among Ukrainians when mentioning Abkhazia are quite diverse. 46% of survey participants associate the republic with the war. For 26% of respondents consider Abkhazia to be a resort area. This is not surprising, considering that during the Soviet era, the resorts of Gagra, Pitsunda, Novy Afon were widely known and had great popularity. 22% of the respondents wrote their own answers to the question of associations: wine products, picturesque nature, terrorist attacks, etc. It is noteworthy that 4% of respondents connect Abkhazia with the game «KVN»: they remember the Abkhazian team «Narty from Abkhazia» appeared on Russian and Ukrainian TV channels.

On the whole, it is necessary to note the low level of knowledge of the Ukrainian population about Abkhazia, the gross mistakes in writing the name of this state were quite often met: Obkhadziya, Aphazeya and others.

The block of issues related to the Republic of South Ossetia, in the light of the recognition of this state by the Russian Federation, was also formed with the aim of determining the level of knowledge about this republic. So, being asked about the status of South Ossetia, 64.6% of the respondents gave the right answer, calling it a partially recognized state; 14.6% consider South Ossetia a part of the Shida-Kartli region, which is consistent with the legislation of Georgia; 12.5% believe that South Ossetia is the autonomy of Georgia, and only 8.3% still consider this republic an unrecognized state.

Not bad knowledge, respondents showed about the neighboring countries: 51.4% confidently named Russia as one of the neighboring countries, and 36% said that Georgia is another neighbor of South Ossetia. Opinions of the remaining 12.6% fluctuated between Poland (6.4%) and France (6.2%).

As it was expected, the rivers of the republic did not provoke adequate associations among the majority of respondents. The Psel River, running along the territory of Russia and Ukraine, 40.4% named the South Ossetian, 31.9% believe that the Romanian rivers Siret (29.8%) and Bistrica (2.1%) are situated in South

Ossetia. And only 27.7% of the respondents correctly pointed to the Great Liakhvi River.

The results of the survey on the South Ossetian state languages turned out to be similar to the Abkhaz ones: 66% of the respondents correctly chose the option «Russian, Ossetian». However, the respondents quite often (17%) gave answers that they are «Georgian and Albanian»; 10.6% believe that Ossetians speak French and Russian, and 6.4% speak English and Armenian.

The capital of South Ossetia, the city of Tskhinvali was named 62.5% of respondents, although 18.7% believe that this is a small Ukrainian city of Lukov. 12.5% believe that the South Ossetian capital is the Russian town of Shchigry.

Only 45% of respondents correctly indicated the name of the president of South Ossetia, although a third of the respondents decided that the head of this republic is the former Georgian president Eduard Shevardnadze. The opinions of the rest (22%) were divided almost equally between the Ukrainian poet Oleksa Reznikov (12.2%) and the rector of the Pridnestrovian State University. T. Shevchenko by Stepan Beryl (10.2%).

It should be noted that Ukrainians are well aware of the South Ossetian brands. In any case, 53% of respondents know about one of them, the famous Fatezh hotel. At the same time, 18.4% of Ukrainians think that the Pridnestrovian brand «Old Fortress» belongs to South Ossetia. 14.3% of the respondents indicated another well-known Pridnestrovian brand – «Sheriff». Exactly the same number of people think that the Russian city of Yertil is a South Ossetian brand.

Like most other countries with postponed foreign policy status, South Ossetia is associated in a significant part of the respondents (65.3%) with military conflict, although a certain percentage (14.3) of respondents, despite everything, considers it as an independent state. 12.2% of respondents associate this republic with the resort area, and 8.2% – with wine products.

In general, South Ossetia, just like Abkhazia, remains little known among Ukrainian youth. In addition to the confusion in the names of Ukrainian cities and

personalities adopted for South Ossetia, mistakes were often met even in the name of the state: Southern Network, Young Assetia, and others.

Even more modest results were obtained with regard to the autonomous province of Kosovo. As the data of our study showed, only 43.8% of the respondents know that the Republic of Kosovo is an autonomous region within Serbia. 29.2% consider it to be a part of Albania, 14.6% consider it to be a region of the Russian Federation and only 12.5% designated Kosovo as an independent state.

It is surprising that, despite the rather complex territorial redistribution in the former Yugoslavia, Ukrainian respondents are quite well aware of the state borders of Kosovo. Thus, 79.9% of the countries bordering Kosovo correctly named Serbia (30.2%), Montenegro (30.2%) and Macedonia (29.5%). 10% of respondents are sure that the Kosovo republic borders with Pridnestrovie.

It is noteworthy that geographic knowledge of the Kosovo region can also be assessed positively: 58% correctly named the largest river of the republic – the White Drin. But the remaining 42% vaguely imagine not only the names of the main water arteries of the republic, but also the geographic location of the state. For example, 18% think that a small river Gapchuk, running through the territory of Ukraine belongs to Kosovo. The Russian Yenisei, according to 20% of respondents, bears its waters through Kosovo, 4% are sure that the full-length Nile, skirting half of the globe, is the main Kosovo river.

As for the state languages of the republic, 53% correctly noted the option «Albanian, Serbian»; 24.5% assumed that it was Russian and Kosovo; 12.2% preferred the Georgian and Gagauz; 10.2% believe that in Kosovo they speak Armenian and Turkish.

The capital of the republic caused doubts among the cities between Prizren and Pristina among the respondents. As a result, 34% of respondents answered that the main city of the republic is Prizren, which is one of the big cities of the Kosovo region. Its real capital – the city of Pristina was noted by 32%. The Ukrainian

Kamenka and the Romanian Jhakovitsa were named as the Kosovo capital by 16% and 18% respectively.

The analysis of the results showed that not only the question of the capital of Kosovo provoked contradictory answers. The difficulties also provoked the question «Who is the president of Kosovo?». The correct answers were about 36%. This figure might seem to be comfort not to pay attention to the general ignorance of the Ukrainian population, but the same amount of people handed the reins of government to Kosovo's policy Ibrahim Rugova. 28% believe that the country is managed by the first Abkhazian president Sergey Bagapsh.

The data of the poll showed that Ukrainians find it difficult to answer the question about Kosovo brands. Only 14.3% of the respondents answered it correctly, calling the known brand of mineral water «Bagiata» in the republic. It is unclear why the majority of respondents (40%) decided that it was the trademark «Regatta», which belongs to Ukrain, but not to Kosovo. In general, 44.9% voted for the long-withdrawn Soviet Electron and the Russian Kristall.

Almost all states with postponed foreign policy status are associated with foreigners with war, terrorist attacks. Kosovo is not an exception to this rule. 59.6% of Ukrainian respondents associate it with military conflict; 17% of the respondents, Kosovo is a prosperous country; 14.9% – a resort area. In addition, 8.5% of Ukrainians supplemented the proposed options with their own answers: the satellite of NATO, the United States, and others.

In general, the Kosovo region can not be called well-known to Ukraine, because along with the contradictory results, there were quite often the grossest mistakes in the name of the country: Koso, Osovo, Osogo and others.

Nagorno-Karabakh, even among the unrecognized countries, is one of the most problematic for living, let alone conducting business of states. This situation persists for quite some time. The international community has very general and modest information about this republic.

Here are the results of the poll about Nagorno-Karabakh among the Ukrainian population. 41.7% of respondents know that this republic is a state with

postponed foreign policy status; 33.3% consider it to be Georgia's autonomy; 8.3% – part of the Russian Federation. Despite the fact that before the recognition of the Nagorno-Karabakh Republic, it will have to experience many difficulties, hold several referendums, international conferences and other kinds of events, 16.7% of Ukrainians already consider the republic an independent state.

The opinions of the respondents according to the issue of the states neighboring with Nagorno-Karabakh are divided. It is necessary to pay tribute to the Ukrainian respondents: 40.8% correctly answered that this republic borders with Azerbaijan. The remaining 59.2% answers were distributed between Iran (30.6%), Georgia (20.4%) and Russia (8.2%).

The official language of Nagorno-Karabakh is known to 44.9% of respondents – they correctly noted the option «Armenian»; 34% are sure that the residents of the republic communicate in the Nagorno-Karabakh language, which in reality does not exist, and 14.3% said that the state language is Russian, 6% – Georgian.

Despite the fact that 49% of Ukrainians correctly named the capital of Nagorno-Karabakh – the city of Stepanakert, it would be a mistake to say that the respondents are well aware of this. The Russian towns of Kutaye and Dzhubga were named by 16.3% of the respondents. You can try to «write off» such answers to the fact that the names of these cities are rather exotic for Russia and can claim to be the capital of the Caucasian republic, however 18.4% think that the capital of the Nagorno Karabakh Republic is the Russian city of Rozsosh. It is surprising that the Ukrainians, calling this major city with the population of 100,000 inhabitants the main city of Nagorno-Karabakh, do not consider that it is located on the eastern border of Ukraine and it is the center of important automobile roads crossing.

With knowledge of the political situation in the country, things are even worse. The results of the answers to the question: «Who is the president of Nagorno-Karabakh?» – were disappointing. Only 34% of the respondents correctly noted that the head of state is Bako Sahakyan. Before his election as president, he was a director of the National Security Service of the NKR and was remembered

for the fact that 85% of the residents of the republic voted for him. However, 36% of the Ukrainian audience participating in the poll named Markaryan Hovhannes as a president of NKR. In fact, he is a deputy of the National Assembly of Armenia from the opposition faction «Orinats Yerkir». Further no less surprising results: 22% of Ukrainians believe that the former Republic of Moldavia President Vladimir Voronin is in charge of the Nagorno-Karabakh Republic; 8% named well-known Bulgarian poet Atanas Stoev as a president.

The brands of the NKR, like the trademarks of other unrecognized states, are little known to Ukrainian respondents. The results obtained during the questionnaire suggest that they (in principle, as in most cases) answered at random. Thus, 34% of respondents named the small Polish town of Bragin as the Nagorno-Karabakh brand, which, by the way, is located several dozen kilometers from the Ukrainian border. 24% voted for «Jhula» and «Almali». It should be noted that the mineral water «Jhula» quite confidently and quickly gained popularity in the republican market, and therefore, probably, Ukrainian respondents heard about it. The hotel complex «Almali» is one of the most luxurious and unique in the NKR. In a short time, it turned into a real brand, representing and glorifying the republic. 17% of Ukrainians considered a small Russian town of Lgov as a Nagorno-Karabakh brand too.

The question of the associations that causes the NKR gave very contradictory results. If, with a similar question about other states with postponed foreign policy status, the majority of respondents associated them with the war, in the case of Nagorno-Karabakh, there is a reverse situation. Only 20% of respondents (warning the following figures, we can note that this is the least amount of interest received on this issue), have associations with a military conflict, mass executions of civilians in NKR. 28.6% associate Nagorno-Karabakh with wine products. However, why exactly such associations have arisen and which wines they know, the respondents found it difficult to answer. 24.5% of Ukrainians think the Nagorno-Karabakh Republic to be a prosperous country. This suggests that the participants in the sociological survey have a poor idea of how the

republic lives and how the republic develops today. Considering the fact that some of them generally thought the NKR to be a region that had disappeared from the face of the earth, it can be concluded that Ukrainians know little about the republic, especially since they even make mistakes in its name: Nagorny Karabas, Mountain kabah, etc.

Despite the fact that Pridnestrovie borders with Ukraine, our studies show that the Ukrainian population has very superficial knowledge about the republic on the Dniester. Thus, 17.6% said that Pridnestrovie is a constituent entity of the Russian Federation, 66.7%, apparently due to the regular speeches of the Moldavian president calling Pridnestrovie as «an integral part of the Moldavian land», including the PMR in Moldavia as an autonomy. And only 7.8% of Ukrainians, strange as it may seem, consider the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika to be an oblast of Ukraine, the same amount of respondents declared it an independent state.

No less surprising are the answers to the question about the state borders of the PMR: 51% of the respondents correctly answered that Pridnestrovie borders with Ukraine. The remaining 49% placed the PMR in the neighborhood with Russia, Romania and Poland. This suggests that Ukrainians do not know well where Pridnestrovie is located, which was not so long ago a part of their state.

With the geographical data about the Pridnestrovian region, Ukrainian respondents coped better. Thus, 72% of the participants in the poll correctly named the Dniester River as the border dividing Pridnestrovie and Moldova. Perhaps a kind of clue was the consonant name of the river and the state. However, the remaining 28% did not even help to answer this question correctly, and they named the rivers Prut (4%), Danube (6%) and Dnepr (18%) as the water arteries of the republic.

Pridnestrovie, as it is known, is a multi-ethnic region. There are three official languages in the republic – Russian, Moldavian and Ukrainian, since these nationalities make up the majority of the population. 62.7% of Ukrainian respondents know this information. The remaining 37% believe that among the

official languages, in addition to Russian and Moldavian, there are Romanian (9.8%), Bulgarian (7.8%) and Gagauz (19.6%) in the region.

As the survey showed, 72% of Ukrainian respondents know that the capital of the PMR is the city of Tiraspol. 18.8% consider Balti the main city of Pridnestrovie, 6.3% confuse the Pridnestrovian capital with the Moldavian capital (Chisinau), and 2% call the capital Rybnitsa.

A little more than half of the respondents (52%) named the president of Pridnestrovie without mistake; 35.4% believe that this is the president of Moldova, and 12.5% attribute this primacy to Romanian President Traian Basescu and former Abkhazian President Sergei Bagapsh.

As another problem of the positioning of self-determined states, it should be noted that there is no causal relationship between the presidents and their republics. Thus, only 12% of those who answered correctly the question about the president of Pridnestrovie associate it with the real status of the republic, while 64% associate it with the Republic of Moldova. Due to the fact that the names of leaders of recognized states (Moldova, Serbia, Georgia) are more often used in society and the media, respondents correctly associate them with states. So, answering the question about the president of Pridnestrovie, 36% of Ukrainians answered that he is the same as president of Moldavia. At the same time, 77% of the participants in the poll had a clear connection between the Republic of Moldova and its president.

The Pridnestrovian brands such as the Tigina shoe factory (23.7%), the Electromash plant (17.2%), the sewing factory Tiroteks (15.3%), the Vestra clothing factory, (14%), Floare footwear factory (11%), KVINT wine-brandy factory (10%), Odema garment factory (7.2%) are well-known to our Ukrainians neighbours. As it turned out in the course of the study, many Ukrainians did not know about the existence of the Pridnestrovian State University. T. Shevchenko and, strange as it may seem, about the company «Sheriff», whose individual branches already exist in Ukraine. Some respondents thought that the Moldova trade mark «Doina» is a Pridnestrovian one.

The fact that almost all the world community associates the PMR with the war naturally has a negative impact on the image of the Pridnestrovian state and it is not a surprise. Ukrainians are no exception to this rule – 31.7% of respondents associate Pridnestrovia with a military conflict.

Analyzing the results of the study, we noted some inconsistency: 26.8% of respondents said they associated Pridnestrovia with the company «Sheriff». And it is not surprising, because the football club, stadium, other objects of this company are well known abroad. This would not raise any questions, it did not concern for the previous answers to the question about the Pridnestrovian brands. If we add to this that 19.5% consider Pridnestrovia a resort area, and 22% consider it as a prosperous country, then the conclusion suggests itself: apparently, respondents who did not know about the true state of affairs in the region simply answered at random.

Having identified the level of awareness of the population of the Odessa region bordering with Pridnestrovia, about the unrecognized states, we will try to assess the level of knowledge of the Pridnestrovian audience on the same issue by carrying out a sociological survey similar to the Ukrainian one. We keep the size of the sample, a reference point for the youth audience and questions about the socio-economic and cultural spheres of life in South Ossetia, Abkhazia, Kosovo and Nagorno-Karabakh.

As it was expected, it was on the political status of self-determined states that the Pridnestrovian audience showed higher knowledge than the Ukrainian respondents. This is most likely due to close contacts at the state level between Pridnestrovia, Abkhazia and South Ossetia, as well as the increased attention given by the Pridnestrovian and international media to this kind of problems. Thus, 54% of respondents consider Abkhazia to be a partially recognized state. About 70% of respondents assign the same status to South Ossetia, which is 14% higher than in Ukraine. The active discussion of the media by the political step of the Russian leadership towards the Caucasian republics contributed to the fact that 31% of Pridnestrovians consider Abkhazia a recognized state. Similar situations in

Abkhazia and South Ossetia, as well as the simultaneous recognition by Russia of their statehood, were the basis for 6.8% of respondents for the unification of South Ossetia and Abkhazia into a single state. The rest consider Abkhazia (1.4%) and South Ossetia (3%) as a part of Georgia.

Pridnestrovians gave more clever answers to questions of a geographical nature. The confrontation between Russia and Georgia, related to the latter's claims on the territory of the young states, was a factor that, in our opinion, caused more correct answers about the countries bordering Abkhazia (75%) and South Ossetia (80%). Unlike the Ukrainian study, where the percentage of correct answers was slightly higher (more than 85%), Pridnestrovian respondents did not specify Iran and Ukraine as neighboring countries.

However, more detailed information about the peculiarities of the geographic location of Abkhazia and South Ossetia, Pridnestrovians, like Ukrainian respondents, do not have. So, 19% of Ukrainians and only 5.5% of Pridnestrovian inhabitants named correctly the Psou River, which divides Russia and Abkhazia, The South Ossetian Great Liakhvi as the main river of this state was named by 13% of Pridnestrovian and 28% of Ukrainian respondents. It should be noted that the Pridnestrovians also indicated wrong variants in the questionnaires, and about 40% answered that they do not know the rivers of Abkhazia and South Ossetia at all.

At first glance, the Ukrainian indices differ in a large number of correct answers, however, after analyzing the distribution of the remaining options for responses to the main rivers of these republics, we found that 72% of surveyed Ukrainians counted the rivers running on the territory of Russia, Romania and, most importantly, Ukraine to be the Caucasus.

The linguistic situation in Abkhazia and South Ossetia is more known to Pridnestrovians: the fact that Abkhazia has two official languages in Abkhazian and Russian and Russian and Ossetian in South Ossetia. 91% of Pridnestrovians know about it. Comparing the Pridnestrovian figures with the Ukrainian ones, we found that the latter are almost a quarter lower.

The capital of South Ossetia – Tskhinvali – became well-known due to a series of terrorist attacks that occurred in the streets of this city during the last Georgian-South Ossetian conflict. That's why almost all the respondents (96%) correctly answered the question about the capital of this republic, which is one third higher than the Ukrainian result. The capital of Abkhazia was correctly pointed out by 8% more Pridnestrovians than Ukrainians – the results on this issue exceeded 60%. Almost as many respondents were able to name the president of Abkhazia. This figure is almost double the results of the Ukrainian study: 59 and 33% respectively. 72% of the Pridnestrovians correctly named the president of South Ossetia. For comparison: only 45% Ukrainians know about it.

The increased interest of the international community towards unrecognized countries has the opposite side. On the one hand, it popularizes a certain state with a postponed foreign policy status, attracts attention to it; on the other, getting into the general information flow and mixing with other messages, information about unrecognized republics is lost in these volumes and remains fragmentary in people's minds. Respondents quite often mistakenly linked cities, capitals, famous people and brands with countries to which they did not really belong. As an illustrative example, let us cite the fact that the Pridnestrovians often called president of the South Ossetian Republic the first president of Georgia, Eduard Shevardnadze. 23% of Pridnestrovians and 33% of Ukrainians suggested that the former president of Serbia, Slobodan Milosevic, is the president of Abkhazia, which was often mentioned by the media.

As for the Abkhaz brands, 57% of Pridnestrovian respondents found it difficult to name them. Nevertheless, the answers of the rest were correctly distributed among the Abkhazian brands, which were represented in the questionnaire by the famous resorts of Gagra (13%), Pitsunda (11%), and the wines Lykhny (9%) and Apsny (10%). Famous and once popular resorts bring not only a fair share of finance to the state budget, but also international fame, so it is surprising that only 15% of Pridnestrovian residents associate Abkhazia with the

resort area. These results are inferior to the Ukrainian study, where 26% of respondents are sure that Abkhazia is a resort zone.

The hotel Fatezh, seriously damaged during the military conflict in Tskhinvali, was considered one of the most luxurious in South Ossetia and was a kind of brand of the South Ossetian republic. This is how it was noted by 53% of Ukrainian and 58% of Pridnestrovian respondents.

Because of frequent military conflicts, states with postponed foreign policy status are often associated with war. For the Ukrainian and Pridnestrovian audience, Abkhazia is not an exception. 60% of Pridnestrovian respondents mention associations with military actions when they mention the Abkhaz Republic. In Ukraine, the percentage of respondents who responded the same way is much lower – 46%. Owing to many factors: the protracted Georgian-South Ossetian conflict, periodic shootings and terrorist attacks – South Ossetia is also associated with the military conflict: 83% of the answers in Pridnestrovie and 66% in Ukraine.

Every fifth respondent in Pridnestrovie, Abkhazia causes associations with a well-known team of KVN from this republic. These associations are five times less common among Ukrainian youth – only 4% mentioned the team «Narts from Abkhazia».

The Kosovo Republic, like a number of other unrecognized states, has been fighting for independence for many years. However, 44% of Ukrainians still believe that Kosovo is part of a Serbia as an autonomous province of Kosovo and Metohia. The same percentage of respondents in the PMR are confident that Kosovo is a partially recognized state.

Pridnestrovians are well aware of the borders of the Kosovo state. Serbia, Albania, Montenegro and Macedonia were correctly identified by 81% of Pridnestrovian respondents, a similar result was observed in Ukraine (80%).

Pridnestrovie was more confident in answering questions about the main river in the Kosovo region: 49% of the respondents named the Belaya Drin, the largest river in the republic; variants of answers «Gapchuk», «Nile» and «Yenisei»

in total gained 18%, the remaining 32% of respondents admitted that they do not know the correct answer.

Controversial answers on the issues of the linguistic situation in the province can be called. Thus, 68% of Pridnestrovians and 53% of Ukrainians correctly indicated Albanian and Serbian languages. At the same time, both in Pridnestrovie and Ukraine (20 and 24% respectively), respondents believe that they speak Russian and Kosovoin Kosovo.

In Pridnestrovie twice as many (62%) than in Ukraine, the respondents correctly indicated the capital of Kosovo – the city of Pristina.

Despite the fairly good knowledge demonstrated by Pridnestrovians in answering questions about the borders and rivers of the Kosovo region, they did not cope with the question of its president. The correct answer did not exceed 10%. Respondents absolutely do not associate the name of either the former or the current president with the Republic of Kosovo.

Since 1990, the brand of mineral water «Bagiata» has been produced in Kosovo. It quickly gained consumer confidence and a stable place on the Kosovo market. According to the survey, 35% of Pridnestrovian respondents know about it and link it with Kosovo. In Ukraine, this percentage is much lower (15%).

The associations arise mentioning the Kosovo province, which is connected with the war in most cases: 66% of Pridnestrovians and 60% of Ukrainians associate this republic with a military conflict.

In certain circumstances, Nagorno-Karabakh is isolated even in a number of unrecognized republics. It was mentioned in the media less often than about other states with postponed foreign policy status, hence the low indicator of the international community's awareness.

Here are the results of the questionnaire among the Pridnestrovian population. 28% of respondents (in comparison 42% of Ukrainian respondents) noted that Nagorno-Karabakh is a state with postponed foreign policy status. The percentage of Pridnestrovians (36%) is quite large, believing that the NKR is a part of Armenia.

The fragmentation of knowledge about this state among the Pridnestrovian youth is confirmed by answers to the question about countries bordering with the Nagorno-Karabakh Republic. Thus, only 18% of respondents mentioned Azerbaijan and Armenia. Only 7% of Pridnestrovians know about the largest river of the republic called Sushy. The remaining 93% indicated fairly well-known and large rivers flowing on the territory of Ukraine and Russia.

42% of Pridnestrovian respondents know that the official language is Armenian in Nagorno-Karabakh. The fact that the capital of this republic is the city of Stepanakert is known to 33% of the participants in the poll, but the same number of respondents could not correctly answer this question.

Since July 19, 2007, Saakyan Bako has been the President of Nagorno-Karabakh. His election was remembered by the fact that 85% of voters voted for him. And yet only 16% of Pridnestrovians answered to this question correctly. More than 40% of respondents consider the president of NKR Ilham Aliyev, who heads Azerbaijan. The overwhelming majority of respondents do not know even the most basic facts concerning NKR. For example, almost 6% of respondents are sure that the famous Russian actor Armen Jigarkhanyan is the president of Nagorno-Karabakh.

The majority of respondents do not know the brands of Nagorno-Karabakh, as the survey showed. However, the mineral water «Jhulai», the hotel complex «Almali», which are popular highland Garabagh brands, gained a higher percentage of the Pridnestrovian segment than other brands – 15 and 22% respectively. Nevertheless, it is premature to assert that the Pridnestrovians are well-versed in this matter, since almost 40% found it difficult to answer it.

If we talk about associations, when conducting the questionnaire of Pridnestrovians, we did not observe anything distinct from the results from the previous countries. 51% of Pridnestrovians associate the NKR with the military conflict. 11% of respondents are confident that the NKR is a prosperous country.

Let's cite the data of another sociological survey conducted by the Department of Journalism of the PSU named after A.Ya. T. Shevchenko in 2015.

1500 people took part in the study, who answered questions about what the PMR is associated with and, according to the inhabitants of the republic, it should be associated.

So, the first place in the ranking of associations of local residents is occupied by the company «Sheriff» (61%), although 35% are sure that Pridnestrovie should be associated with the brand of the wine-brandy factory «KVINT». Despite the fact that the military confrontation phase in the Moldova-Pridnestrovian confrontation ended more than 25 years ago, 14% of the participants in the poll still associate Pridnestrovie with the military conflict. The answers to the «resort zone» and «splinter USSR» gave their preference to 8% of respondents.

As far as the cultural sphere is concerned, Pridnestrovie is associated with 38% of local residents with the Sheriff football club, 33% with the Viorika State Folk Music and Dance Ensemble, 11% with N.S. Aronetskaya State Drama and Comedy Theater, 9% – with the Pridnestrovian State University. According to 70% of the Pridnestrovian audience, this situation is not optimal, it is necessary to pay more attention to the culture and identity of the region, in particular, to the ensemble «Viorica», to intensify the production and tour activities of the theater, inviting famous Russian directors and actors to conduct international competitions.

In the political sphere, 62% of Pridnestrovians are associated with their fatherland with the president of the republic, and 29% with the speaker of the parliament. 40% of respondents also expressed the opinion that it is necessary to strengthen the positioning of the speaker by increasing the amount of information on the activities of Supreme Council. At the same time, 50% of respondents believe that the first president of the PMR, I.N. Smirnov should more often represent the republic on the international arena.

The social sphere of Pridnestrovie at the present stage is associated with the Pridnestrovian audience (45%) with the activity of the Renewal party, but most consider such a situation to be wrong, believing that the PMR social sphere should be represented by all parties and movements, as well as by the Pridnestrovian State University (18%). In addition, more than 30% of respondents are confident that

the development of the museum network and the involvement of young people in the history of their native land will help create a positive image of the republic among the world community.

In conclusion, let us show data according to what the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika is associated with in terms of information. Indisputable leaders among the information channels are electronic media. Thus, 35% of the audience believes that the PMR is represented by the television channel TSV, and 25% – by the «First Pridnestrovian» TV channel. As an optimal situation, respondents see a decrease in the role of the state TV channel (17%) and the strengthening of the role of TSV (52%). In addition, 10% of respondents consider it necessary to expand the activities of the mobile operator «Interdnestrcom». About 14% said that the state should be represented by the republican publication «Pridnestrovie», because the name with the same name will contribute to the effective positioning of the region in the foreign market. Every fifth respondent is sure that the foreign audience forms their opinion with the help of network resources. Unfortunately, practically none of the respondents considered the global network as an effective information channel.

Nevertheless, the prospects of information and socio-cultural development of states with postponed foreign policy status largely depends on the degree of integration into the global information space. Politics is not so much power as a battle for the possession of power, its preservation and consolidation, and the main weapon of this battle is also information. In this respect, information today is both a source and a resource of power³³⁹. An assessment of the current state of the processes of positioning self-determined republics is dictated by the necessity for an adequate line-up of image technologies in the future.

Thinking above some differences in the development of the network space, depending on language, we analyzed the Russian-speaking and English-speaking environment of the global information space. Table. 8 shows the data indicating

³³⁹ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 3.

the number of links selected by major search engines asking about the names of unrecognized states. Fig. 10, 11 shows the dynamics of the response of search engines to unrecognized states. Analyzing the obtained data, it is first of all necessary to note the almost absolute symmetry of the quantitative indicators for South Ossetia and Abkhazia. Such indicators, in our opinion, are quite natural, since the developing events in these two countries were to some extent interdependent. The most vivid confirmation of it is their simultaneous recognition by the Russian Federation and an active discussion of the prospects for their development in the light of the new political situation.

Table 8. The number of links found by search engines under the search criteria
«name of unrecognized states»

Unrecognized state	Russian-speaking environment, million							
	Google		Яндекс		Yahoo		Rambler	
	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.	2011 г.	2017 г.
Pridnestrovie	3,3	6,1	23,2	55,0	11,9	1,3	4,0	0,3
South Ossetia	4,1	2,4	68,0	22,0	14,4	1,7	11,0	0,5
Abkhazia	5,7	10,7	62,5	42,0	19,7	16,4	11,0	2,0
Nagorno-Karabakh	0,8	1,4	7,6	8,0	2,6	0,3	1,0	0,1
Kosovo	5,9	11,0	32,9	193,00	11,5	2,7	3,0	0,6

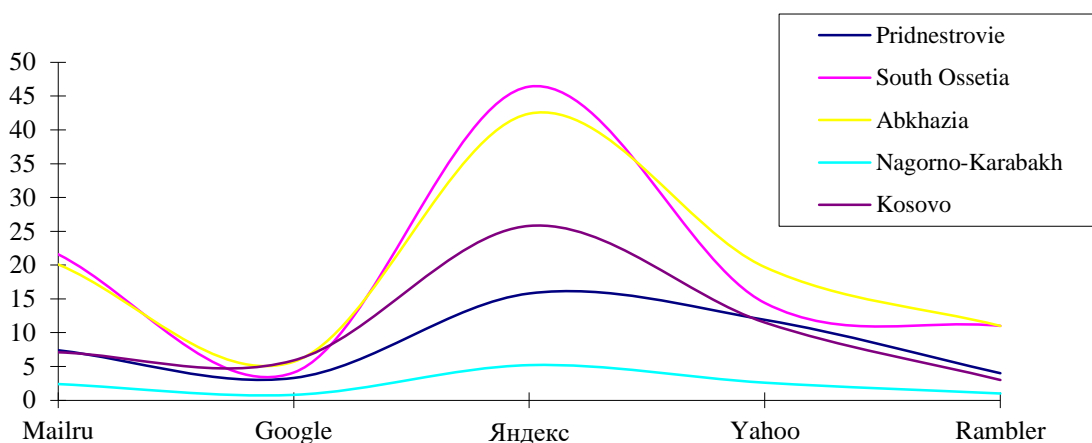

Fig. 5. Distribution of links by search systems found at the search criteria by the name of unrecognized states in 2011, million

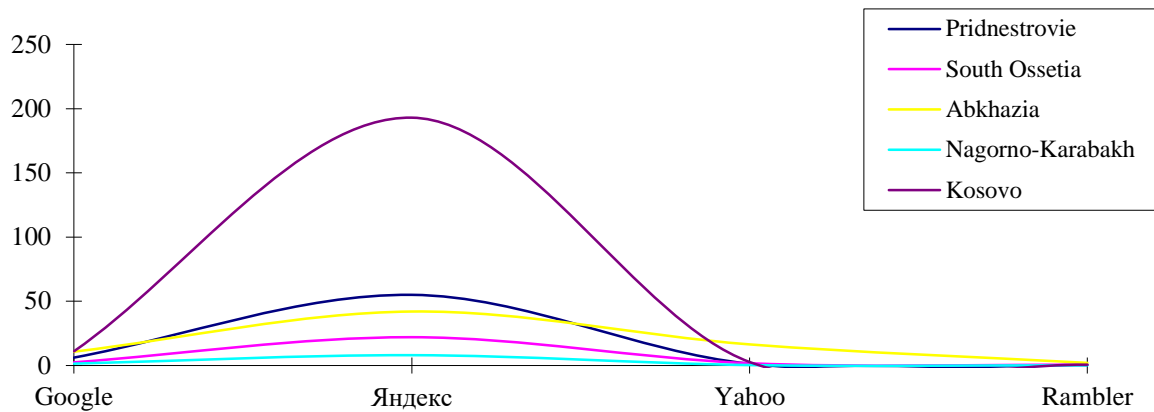

Fig. 6. Distribution of links by search systems found at the search criteria by the name of unrecognized states in 2017, million

Another interesting point is the similarity of the distribution of information about Kosovo and Pridnestrovie, which is probably the result of an active discussion of the prospects for the recognition of the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika in connection with the recognition of the statehood of the Kosovo region. It was the resources of the Russian-speaking segment of the global network that intensively published materials about the possibility and necessity of applying the Kosovo precedent to the situation on the Dniester.

A significant backlog of the Nagorno-Karabakh Republic was revealed in terms of the number of materials about this state, In the course of further analysis of the Russian-speaking segment of the Internet. The futility of political settlement of the conflict in the Caucasus according to the issue of the statehood of Nagorno-Karabakh, the relative stability of the situation in the region and the de facto integration of the republic into Armenia have reduced the interest of the networked public in this republic.

The aggregate indicators for Russian-language resources, presented in Table. 9 and in Fig. 7 demonstrate more vividly the current state of affairs regarding the promotion of brands of unrecognized states in the virtual information space.

Table 9. The total number of links found by the search engines of the Russian segment with the search criteria for the name of unrecognized states

Unrecognized state	Indicators for 4 search engines, million	
	2011	2017
Pridnestrovie	55,8	55,3
South Ossetia	97,9	22,5
Abkhazia	98,9	44,0
Nagorno-Karabakh	11,9	8,1
Kosovo	53,4	193,6

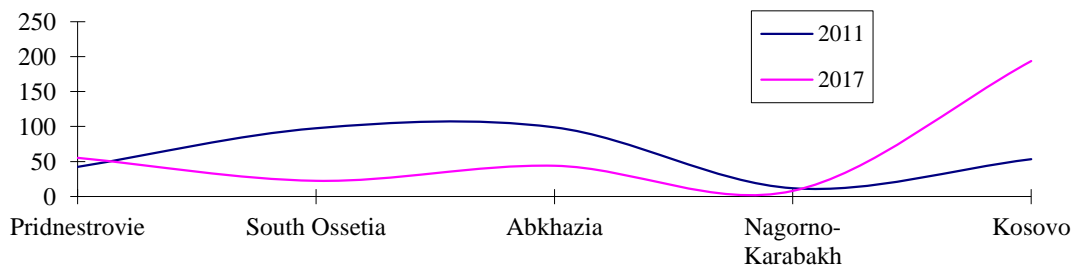

Fig. 7. Distribution of links on the search systems of the Russian segment, found with the search criteria for the name of unrecognized states, million

Thus, the unrecognized states of the post-Soviet space, with the exception of Nagorno-Karabakh, are actively positioning themselves in the Russian-language segment of the network, which ensures the formation of a positive image of these states in the mass consciousness of the CIS countries.

The reverse picture is observed in the process of analyzing the English-speaking resources of the global network. So, in this segment, the information about the Kosovar region dominates, but in some search engines, other self-determined states lag behind in relation to the number of their mentions. Nevertheless, the synchronization of information concerning the two Caucasian states – Abkhazia and South Ossetia is obvious. Quantitative indicators and dynamics of distribution by search systems in the English-speaking environment are presented in Table. 10 and in Fig. 8, 9.

Table 10. Number of links found by search engines under the search criteria by the name of unrecognized states

Unrecognized state	English-speaking environment, million							
	Google		Яндекс		Yahoo		Rambler	
	2011	2017	2011	2017	2011	2017	2011	2017
Pridnestrovie	0,01	4,6	1,2	12,0	2,5	2,9	0,2	0,3
South Ossetia	0,05	1,7	3,1	17,0	10,3	0,01	0,8	0,4
Abkhazia	0,03	8,3	2,6	48,0	8,9	3,3	0,7	0,7
Nagorno-Karabakh	18,7	7,6	23,5	132,0	42,0	3,8	3,0	0,5
Kosovo	0,8	114,0	1,6	194,0	4,5	49,9	0,1	15,0

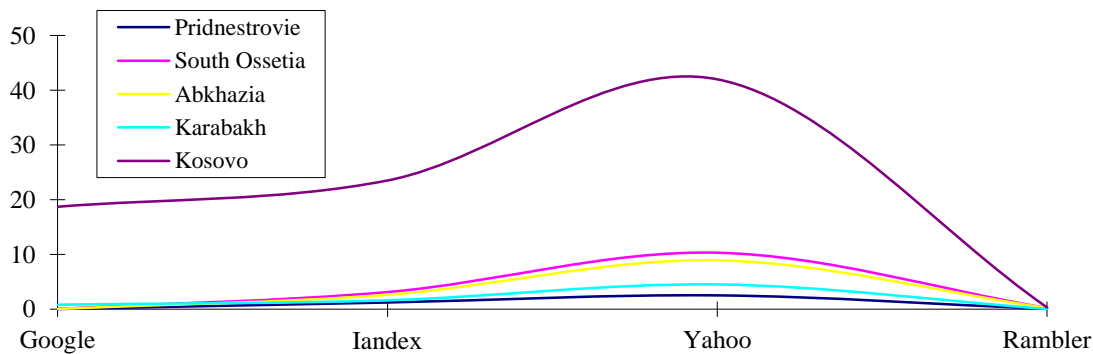

Fig. 8. Distribution of links by search systems found at the search criteria by the name of unrecognized states in 2011, million

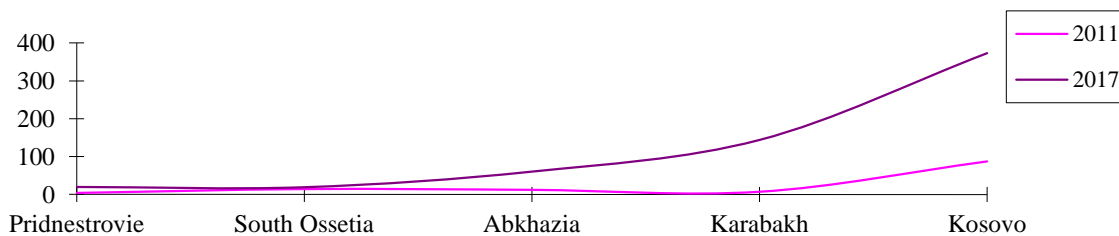

Fig. 9. Distribution of links by search systems found at the search criteria by the name of unrecognized states in 2017, million

The fact that Pridnestrovie takes the last place by the number of mentions in Western network resources should be regarded as an alarm signal. If we take into account the prejudiced attitude of Western European and American audiences towards the republic, this can mean that only an extremely negative image of the state is formed in their minds. It means that the information and socio-cultural integration of the republic into the English-speaking cultural environment will be extremely difficult. This problem in connection with the pro-Russian orientation of

the Pridnestrovian society in a sense loses its relevance, but international recognition is unthinkable without the destruction of existing in Western society stereotypes and the creation of a favorable image of Pridnestrovie.

Table 11. The total number of links found by the English-speaking search engines under the search criteria for the name of unrecognized states

Unrecognized state	Indicators for 4 search engines, million	
	2011	2017
Pridnestrovie	4,0	19,8
South Ossetia	14,2	19,11
Abkhazia	12,2	60,3
Nagorno-Karabakh	7,1	143,9
Kosovo	87,2	372,9

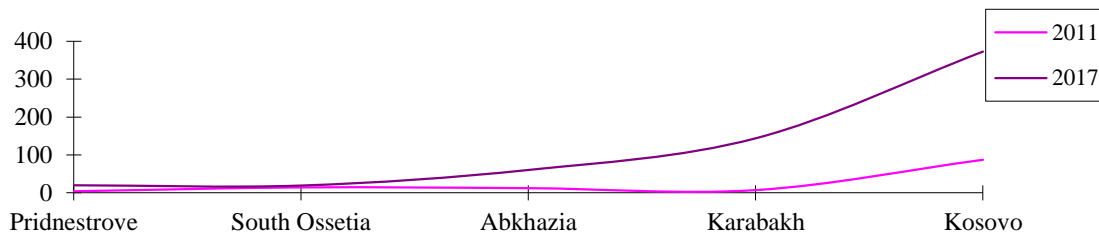

Fig. 10. Distribution of references on search systems of the English-speaking segment, found with the search criteria by the name of unrecognized states, million

Generalized data on the English-speaking resources, presented in Table. 11 and in Fig. 10, show the relationship of the western segment of the network to the problems of unrecognized states. On the one hand, an active discussion of the Kosovo precedent is both a cause and a consequence of the recognition of this country by the Western public. On the other hand, the minimal amount of materials on the problems of self-determined states of the post-Soviet space is the reason for the formation of negative stereotypes and distorted brands of unrecognized republics. This is a consequence of the Western audience's failure to recognize the independence of Abkhazia and South Ossetia and the reluctance to change their own attitude towards the new states.

Table 12. Summary indicators of the links found by search engines under the search criteria by the name of unrecognized states, million

Unrecognized state	Russian-speaking environment		English-speaking environment	
	2011	2017	2011	2017
Pridnestrovie	55,8	55,3	4,0	19,8
South Ossetia	97,9	22,5	14,2	19,1
Abkhazia	98,9	44,0	12,2	60,3
Nagorno-Karabakh	11,9	8,1	7,1	143,9
Kosovo	53,4	193,6	87,2	372,9

Table. 12 and Fig. 11, 12 have general information about the positioning of states with postponed foreign policy status in a networked global space. The English-speaking and Russian-speaking resources of the network show polar opposite results for most positions, Such a picture is a projection of a real political confrontation and indicates the presence of disputed opinions in a geopolitical scale.

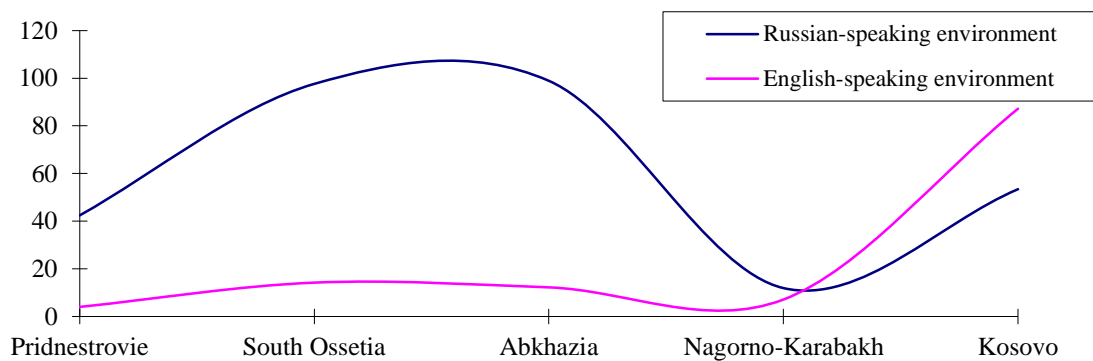

Fig. 11. Distribution of links on search systems of the English-speaking segment, found with the search criteria by the name of unrecognized states in 2011, million

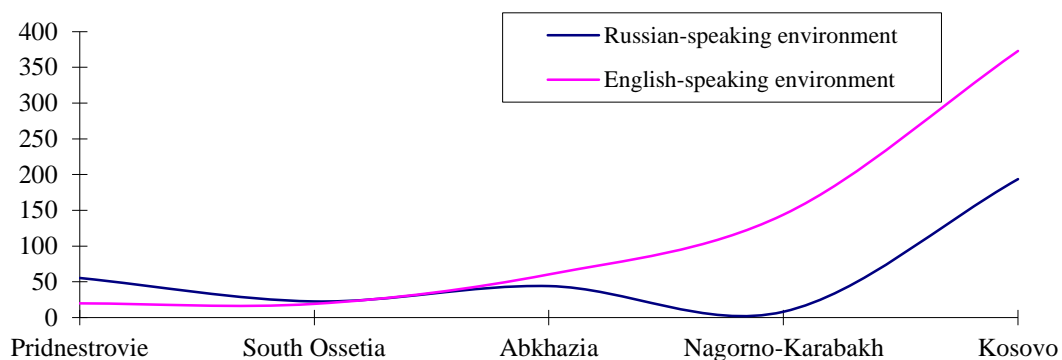

Fig. 12. Distribution of links on search systems of the English-speaking segment, found at the search criteria by the name of unrecognized states in 2017, million

Thus, Russia's recognition of the independence of Abkhazia and South Ossetia did not affect the change in the system of heterostereotypes among foreign audiences in relation to these states, despite a significant increase in the number of informational occasions about these countries, by and large. So far, the «syndrome» of the isolation of these republics has been preserved. The results of sociological research indicate a low level of recognition of states with postponed foreign policy status not only outside their borders, but also in the community of these countries. In our study, questions can be conditionally divided into general and clarifying questions. Thus, the averaged results indicate that the foreign audience has a very general idea of self-determined states and rather low indicators of their specific geographic and economic brands. So, on average, the status of self-determined states among the foreign audience is known only to every third, while their geographical location is much more known – 60% of respondents correctly noted neighboring states, and 55% correctly capitals of states with postponed foreign policy status. At the same level, knowledge of the external audience about official and state languages in these countries (60%) is recorded. However, clarifying questions cause difficulties. A little more than 40% of respondents managed to name correctly the name of the president of each of the self-determined states. The details of geographical and economic nature also highlighted the problems in the recognition of regions. For example, only 1/3 of respondents know the main rivers, and 1/4 correctly recognized the main trade brands of countries with deferred foreign policy status.

The most problematic in terms of recognizability are the associations that arise mentioning self-determined states, about 50% of foreign respondents associate these regions with military operations, and the aggregate indicator of negative associations reaches 80%.

Nagorno-Karabakh is the most problematic for living and running business among states with postponed foreign policy status, in the opinion of a foreign

audience that demonstrates very generalized and rather modest knowledge about this country.

The increased interest of the international community towards unrecognized countries has the opposite side. On the one hand, it popularizes a certain state with a postponed foreign policy status, attracts attention to it. On the other, the information about unrecognized republics is lost in these volumes and remains fragmentary in people's minds, getting into the general information flow and mixing with other messages. The respondents quite often linked cities, capitals, famous people and brands with countries to which they did not really belong by mistake. Similar results were obtained in the study of the Pridnestrovian audience. Unfortunately, the countries members of the Commonwealth of the Unrecognized States (CIS-2) demonstrate a low level of knowledge about each other. Thus, only half of respondents know about the political status of self-determined republics, and 65% were able to point to their borders. 67% of the polled Pridnestrovians know about the state languages, and 63% know the capitals of these states. Much worse things are with clarifying questions. Thus, only 20% of respondents were able to recognize the correct answer to the question of the main waterway of the republics, 35% correctly noted the main economic brands and about 40% recognized political leaders. As for the associations, 65% of respondents from Pridnestrovia are associated with military actions of the state with postponed foreign policy status, while only 14% associate their own republic with the war in 1992.

In the opinion of Pridnestrovians, it is necessary to change the associative series that arises at the mention of self-determined states, there should be national-cultural, educational, symbols, economic brands, political personalities, information institutions in the first places.

Analyzing the quantitative indicators of the network about unrecognized states in the context of the current political situation, we formulate the conditions for recognizing the statehood of the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika.

1. The practice of Abkhazia and South Ossetia shows that the main condition for the recognition of Pridnestrovie's independence is the doubling of efforts to develop actively the Russian-speaking segment of the network and to integrate into the Russian information and socio-cultural space.

2. The important condition for the recognition of Pridnestrovie's independence should be the activation of the development of the resources of the English-speaking segment of the global network, which in comparison with the current situation should be paid attention ten times more.

3. Materials of socio-economic and cultural-linguistic subjects should dominate, as they will create a basis for an adequate perception of states with postponed foreign-policy status. As the statistics show (see Table 3), there is a tendency in Pridnestrovie to increase the network resources of the socio-political orientation, while there are practically no resources providing information on the ethnic and cultural identity of the republic.

4. The peculiarity of the Pridnestrovian society, as noted earlier, lies in its pro-Russian, pro-Slavic, East orientation, and therefore it is necessary to foresee the preservation of the existing state development vector, which is possible only if the public sector is integrated into the Russian-speaking environment, and state institutions – into English. Only in this case is it possible to strengthen the socio-cultural unity of the Pridnestrovian society, preserve its value system along with the promotion of its own ideas, positions, ideals and brands in the west.

Conclusions on chapter IV

1. Social media technologies practiced by the Pridnestrovian media are focused mainly on the active middle-aged audience, as this particular category of the population is concentrated in such social networks as Vkontakte and Facebook. Twitter, Instagram as a social environment for young people and Odnoklassniki as a platform for a more adult population media are less likely to learn due to certain technological reasons and the relative futility of a potential audience.

The Pridnestrovian media realized that it is the network resources that enable the user not only to obtain the necessary and interesting information, but

also to express their attitude to the events taking place. Considering the number of Internet users of Pridnestrovie, existing social resources fully provide information requests to the local audience. In these conditions, the basic information flow of traditional media loses to social content both in terms of efficiency and objectivity.

2. In the conditions of modern society, it is preferable to use hidden, veiled, softer methods of expressing estimates in texts of mass communication. The correct selection of facts, quoting, metaphorical metaphors, precedent texts can be much more effective than using to «increased tones». Considering the established practice and public resonance in Russian and Western society, it is necessary to note the effectiveness of each of the language strategies and principles of building journalistic texts. It makes sense to use traditional methods for Western audiences and, breaking existing stereotypes, introduce new, more tolerant and positive, as the main emphasis of the Pridnestrovian media should be made on the dissemination of adequate information about the republic in the European sector, on integration into the corresponding information space,.

3. The materials of the encyclopedic site about states with postponed foreign policy status abound with the information of the unrecognizedness of the international community, the doubtfulness of the legitimacy of elections and power, uncertain political status, bloody past. It forms a negative attitude and corresponding stereotypes. The texts use superficial references to the problems of immigrants and refugees, infringement of their democratic rights and freedoms, while the metropolitan countries are positioned, in most cases, indicating indirectly their role in the history of conflicts. The exception is Kosovo, the material about which abounds in references to the proclamation of independence of the province, the validity of this decision, as well as references to authoritative countries that supported the independence of the province. We can note that Kosovo is the only case when the network encyclopedic resource is equipped with a map showing the geopolitical alignment of forces and the polarity of opinions.

The presented materials are not only in the global network in free access, but also are those resources of the encyclopedic site that can be subjected to both

partial editing and a complete change. Foreign and foreign economic agencies of states with postponed foreign policy status, using this opportunity, should subject the relevant texts to critical analysis and provide them with new data. As a result, dynamic information about self-proclaimed states on such open sites will become more attractive both for ordinary network users, and for potential investors, experts and researchers of various directions. In our opinion, this practice will positively influence the image of the republic and its promotion in the international arena.

4. The practice of Abkhazia and South Ossetia shows that the necessary condition for recognizing the independence of Pridnestrovie is to double efforts to actively develop the Russian-language segment of the network and integrate into the Russian information and socio-cultural space. An adequate condition for the recognition of Pridnestrovie's independence should be the activation of the development of the resources of the English-speaking segment of the global network, which, in comparison with the current situation, should be paid tens of times more attention.

5. The self-determined states need to pay special attention to the peculiarity of their socio-economic and cultural-language situation, since materials of this orientation will create the basis for an adequate perception of states with postponed foreign-policy status. In Pridnestrovie, there is a tendency to increase the network resources of the socio-political orientation, while there are practically no resources providing information on the ethnic and cultural identity of the republic.

6. The peculiarity of the Pridnestrovian society, as it was noted earlier, lies in its pro-Russian, pro-Slavic, East orientation, and therefore, it is necessary to envisage preserving the existing vector of state development, which is possible only if the public sector is integrated into the Russian-speaking environment, but institutions – in English. Only in this case is it possible to strengthen the socio-cultural unity of the Pridnestrovian society, to preserve its value system along with the promotion of its own ideas, positions, ideals and brands in the west.

CONCLUSION

At the end of the study, we formulate the main conclusions.

1. The institutional component of the modern state, being the dominant of its organization, is characterized by the variability of the functional load of public and state institutions in the process of their realization of the natural rights and needs of subjects of various levels. In this case, it is obvious the predominance of profile interests, the solution of professional problems by each specific actor of public administration and social development.

In the conditions of the crisis of the socium of states with postponed foreign policy status, such a development model is transformed and it defines the functional component as the dominant of the state organization. In this situation, in such countries, a single functional burden of institutional subjects at all levels, which is expressed in defending unifying state-wide ideas, is called upon to consolidate society and to confront any threat to the state.

2. In the modern world, the majority of emerging conflicts are the result of the information impact of certain political and economic actors. Like military intervention, statements of representatives of elite sections of society, repeatedly amplified and replicated media, cause a protest reaction of individual states or their regions. As a rule, the concept of modern information institutions is based on the idea of equal opportunities "to be heard", but in practice the parties to the conflict are in unequal conditions and cannot provide reliable information to the world community on parity terms. As a consequence, the party which is in the information blockade forced to change the vector of the impact of its own information institutions towards the internal information market, hypertrophying the foreign policy problem and sliding down to propaganda activities. At the same time, the other party of the conflict, which has certain preferences and access to the global information space and the global consumer of information, ceases to be in demand because of the lack of real dynamics in the development of the conflict situation and loss of interest in it.

The cultural and information space of states with a static political elite, being in power, acquires specific characteristics in the process of its development and interaction with the mass audience, which, on the one hand, consist in the temporal strengthening of the centripetal vector of thematic and contextual uniformity in describing the internal political state of society by state media, and on the other hand – in compensating their declaration centrifugal processes of typological diversity of the media both in terms of ownership and ideology. Uncriticality in assessing situations and lack of strategic thinking in government, as well as the lack of political will in making powerful decisions, lead to the collapse of the state as a system.

3. The question of the priority of the will of the state over the rights of the people in the case of the principle of territorial integrity or the priority of the people's will over the rights of the state in the case of the people's right to self-determination, most likely relates to political philosophy and political axiology. However, from the historical and political-philosophical point of view, the principle of the right to self-determination is initially more important than the principle of territorial integrity. The right of peoples to self-determination was fixed in international law much earlier and became a reaction of the world community to the colonialism of Western civilization, a reflection not of the situational but permanent desire of peoples throughout history to get the possibility of state-political self-determination. In addition, the denotation of the concepts "right" and "principle" already determines the imperative of the first rule and the dispositiveness of the second one. However, the connotation of these concepts still stimulates an active discussion in both Western and Russian political science: some exaggerate the role and significance of the right of nations (peoples) to self-determination, while others view it as the manifestation of outright nationalism and separatism.

The analysis allowed us to conclude that Pridnestrovie have the right to self-determination for the following reasons:

1) the territory and people of Pridnestrovie have never historically and legally been part of the sovereign Republic of Moldova, but they were part of the non-sovereign formation of the MSSR within the framework of the single sovereign Soviet Union.

2) the ethnocentric policy of the Romanization of Moldova not only split the polyethnic population according to the title-non-title principle, but also shook the unity of the "title" ethnos itself, securing the refusal of the Moldovan nation from its own cultural sovereignty in favor of the Romanian one. Moreover, the dramatic change in the linguistic environment has largely violated the tolerance of the interaction of the multiethnic population in the Republic of Moldova and predetermined the necessity to realize the right of the people of Pridnestrovie to self-determination within the framework of the plebiscitary theory of international law.

3) self-determination was carried out in the form of a secession from the Soviet Union. This process was legally initiated by the declaration of state sovereignty on September 2, 1990 and was completed in December 1991 with the end of the existence of the USSR.

4) since September 1990, the government authorities of the Republic of Moldova have not been formed on the territory of the PMR, and therefore do not represent these people.

5) the Republic of Moldova, having recourse to a forceful way to resolve the conflict and armed aggression against the people of Pridnestrovie, violated the norms of the UN General Assembly Resolution 3314 (XXIX) of December 14, 1974, "Definition of aggression", which is therefore an unfair perpetrator of its international legal obligations cannot appeal to the principle of territorial integrity.

6) the Pridnestrovian state can claim self-determination in accordance with the declarative approach in the theory of international law, as the basis of Pridnestrovian policy is the opinion and the will of the citizens. The most important fact in this regard is the results of the referendum held in September 2006 on the prospects of state construction of Pridnestrovie, according to which

97 % of Pridnestrovians voted for the independence with subsequent accession to Russia.

7) the principle of territorial integrity begins to operate only for the self-determined people in the territory of his residence, removing all the claims about the conflictual nature of these principles. All other interpretations of the operation of this principle are legally negligible and they are associated with the relapses of colonialism that are unacceptable in the 21st century.

The right of peoples to self-determination and its implementation is largely motivated not so much by domestic political prerequisites but by foreign policy orientations. The axiological system of Pridnestrovians, which had evolved over centuries of history and had long been established in the best traditions of the Russian mentality, experiencing at the present stage of development the repeatedly intensified negative impact from the side of opponents of the Pridnestrovian statehood, and it has strengthened not only the people's confidence in the correctness of the chosen way, but also its commitment to the pro-Russian development vector.

4. The crisis and, as a consequence, the mobilization of mass consciousness in states with postponed foreign policy status influenced the algorithm of perception of media outlets by the audience: on the one hand, the emotional component dominates rational, and as a result, most of the information is considered true not due to the high degree of trust of local authorities, but contrary to the information efforts of opponents, while there is no need for special evidence of the objectivity of their own position. On the other hand, the degree of mobilization and crisis of consciousness decreases over time, but the traditional journalistic practice provokes euphoria among the media about a high degree of their own authority, and intensified discussion of certain political issues by them can lead to their loss from the rank of actual for a mass audience and form a kind of immunity among the population to the political situation. As a result, the cultural community becomes more prepared for possible provocations by both local media and opposition, which in the long term will lead to the attenuation of

emotionality and the gradual formation of a rational perception of information flows. In such a scenario, the mass media can be from a situation where the population will not only be emotionally indifferent to the information product, replicated by such media, but also critical because of their insolvency.

5. The cultural and information space of a certain social community is the totality of values, norms, traditions, elements of cultural and historical heritage functioning in its information environment, ensuring the reproduction of the cultural genotype, mentality and identity of this community. In this research, the cultural and information space is presented as a category of sociocultural development of society, including institutional formations of public and state nature, as well as a mass audience involved in the sphere of influence of a particular system. At the same time, the dominant role in the effective development of the cultural and information space is played by the process of interaction of its subjects, i. e., the projection of attitudes by state and public institutions, including through the media system, and their adequate reproduction by a mass audience.

6. Diagnostics of institutional factors and functional statuses in the "elite-mass audience" system is possible if the matrix of the cultural and information space is constructed and updated continuously, reflecting not only the real characteristics of the mass audience by certain parameters and criteria, expressed in functional blocks, but and representations of state and public institutions about the audience, given in the institutional blocks. In addition, for the purpose of a more detailed analysis of the state of the cultural and information space in this matrix, the socio-demographic characteristics of the mass audience should be taken into account. The consistency of the corresponding cells of the matrix guarantees a normal process of interaction of government and society, is an indicator of the stability of socio-political development or the intensity of the cultural and information space of the state.

7. Comparison of the results of institutional factors and functional statuses in the second and third paragraphs, respectively, was carried out taking into account the difference between the percentages in the responses of the polled

representatives of the population and the elite, which was graded to the following ranges:

- green (its range is from 0 to 10 units of difference);
- yellow (range – from 11 to 20 units of gap);
- red (from 21 to 100 units of gap).

The red color of the cell indicates a serious contradiction between the vision of the situation by the people and the elite. Yellow means an acceptable, but almost critical, difference in views. Green – the elite and the people understand each other. The color of cells with two or more indicators was determined by the priority of one of the colors.

The results of the study confirm that the lifetime of the political elite is directly proportional to the degree of its isolation. Less than ten percent of the cells of the matrix are colored green, while the dominance of the red color in the matrix confirms the power crisis that predetermined the outcome of the presidential elections of 2016. The political elite of the republic, showing low indicators of coherence of their actions and positions with public sentiments, shows a high degree of autonomy and detachment from of the population. The elite's confidence that the population is on the verge in material and psychological terms, along with inaction and inertness of power structures, proves conclusively that the economic system of the state has been deliberately broken down, that the republic is brought to a state of bankruptcy, and that the population is impoverished.

8. Network media are the most effective means of mass communication, allowing without special economic investments to produce the necessary information about states with postponed foreign policy status for a foreign audience. Until now, associations that occur when self-identified states are mentioned are problematic: about 50% of foreign respondents associate these regions with military operations, and the aggregate indicator of negative associations reaches 80%. The increased interest of the international community towards unrecognized countries, on the one hand, popularizes, draws attention to them, and, on the other hand, does not reach a critical level allowing from the

fragmentary information messages to form in the minds of foreign audiences an objective stable image of states with postponed foreign policy status. The necessary condition for the recognition of Pridnestrovie's independence is to double efforts to actively develop the Russian-language segment of the network and integrate into the Russian information and socio-cultural space. It is due to the fact that Russia and Pridnestrovie are connected with centuries-old historical and cultural traditions. Moreover, at the present stage, the necessary potential has been accumulated in Russian-Pridnestrovian relations, which has made it possible to create a favorable image of the PMR for the Russian audience. An adequate condition for the recognition of Pridnestrovie's independence is the activation of the resources development processes of the English-speaking segment of the global network. In the course of the analysis, we found that the insufficient integration of the ideas of the Pridnestrovian statehood into the Western community was one of the reasons for perpetuating stereotypes pertaining to the Pridnestrovian region in the minds of foreign audiences.

BIBLIOGRAPHY

Documents and legal acts

1. Венская декларация и программа действий (Вена, 25 июня 1993 г.) (извлечение) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.
2. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г. Резолюция 217 А(III) Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. ГОСТ 7.0-99 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения.
4. ГОСТ Р 51275-99 Защита информации. Объект информатизации. Факторы, воздействующие на информацию.
5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Текст декларации опубликован в Сборнике «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии». – NY., – 1970. – С. 151–155.
6. Закон ПМР «О печати и других средствах массовой информации» / Днестровская правда. – 1993. – 10 июля.
7. Закон ПМР «О рекламе» // Официальный вестник. – 1999. – № 34–38.
8. Закон ПМР «О свободе совести и религиозных организациях» // Собрание законодательных актов ПМР. – 1995. – № 4.
9. Закон ПМР «О средствах массовой информации» (в текущей редакции на 10.01.2017 г.) // <http://www.vspmr.org>.
10. Закон ПМР «О средствах массовой информации» // Официальный вестник. – 2003. – № 19–22.

11. Закон ПМР «Об информации, информатизации и защите информации» // Официальный вестник. – 2003. – № 22–29.

12. Конституция Приднестровской Молдавской Республики: краткий постатейный комментарий // Бюллетень экономической и правовой информации: Сб. норм. докум. по отрасли права. – Тирасполь, 2000. – 142 с.

13. Конституция Российской Федерации // <http://www.constitution.ru>

14. Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ // <http://www.medialaw.ru>

15. Модельный закон «О международном информационном обмене» (Принят в г. Санкт-Петербурге 26.03.2002 Постановлением № 19-7 на 19-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. – 2002. – № 29. – С. 134–143.

16. Об агрессии. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. /// <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/oonagres.htm> (дата обращения 23.10.2017)

17. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. // Текст резолюции опубликован в сборнике «Действующее международное право». Т. 2.

18. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://base.garant.ru/70284810/>

19. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, сайт Совета безопасности [Электронный ресурс] // <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>

Dissertations and abstracts of dissertations

20. Амирханов А. Ю. Государственная информационная политика как фактор формирования духовности российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 25 с.

21. Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.

22. Балынская Н. Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2009. – 267 с.

23. Бердников А. Е. Этнополитический субрегиональный конфликт в трансформирующейся международной системе: взаимосвязи и взаимовлияния: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011. – 26 с.

24. Бобкова Е. М. Специфика социализации молодежи в условиях Приднестровья: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 180 с.

25. Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2015. – 324 с.

26. Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 24 с.

27. Бондаренко В. И. Информационное обеспечение внешней политики Республики Молдова в транзитивный период: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2004. – 254 с.

28. Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006. – 150 с.

29. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016. – 322 с.

30. Вертешин А. И. Медиалегитимация политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2009. – 360 с.

31. Володенков С. В. Технологии интернет–коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – 46 с.

32. Волкодав М. А. Применение политического дискурс-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 191 с.

33. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005. – 468 с.

34. Гарбузняк А. Ю. Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 202 с.

35. Гладченкова Н. Н. Культурно-информационное пространство образовательного учреждения как среда становления нравственного опыта личности: дис. ... канд. пед. наук. – Ростов-н/Д., 2001. – 250 с.

36. Гончаров П. К. Политическая система российского общества в условиях постсоветского транзита (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2009. – 48 с.

37. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005. – 428 с.

38. Григоренко Н. И. Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества (по материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже XX–XXI веков): дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2003. – 221 с.

39. Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 190 с.

40. Евдокимов В. А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2007. – 280 с.

41. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 48 с.

42. Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-н/Д., 2006. – 291 с.

43. Зиновьева Е. С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы: дис. ... д-ра полит. наук. – М, 2017. – 332 с.

44. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – 46 с.

45. Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – 482 с.

46. Колпикова О. П. Ф. Философско-культурное пространство смеха: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 135 с.

47. Корсукова С. А. Информационный потенциал как ресурс экономического развития России в современных условиях. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2005. – 132 с.

48. Конфисахор А. Г. Системно-психологическое описание политической власти: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1999. – 175 с.

49. Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. – 48 с.

50. Мельникова Т. С. Формирование политического имиджа государственной власти современной России в электронных средствах массовой информации: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2011. – 24 с.

51. Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – 23 с.

52. Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – 177 с.

53. Новикова Т. В. Толерантность в профессиональной деятельности журналиста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 24 с.

54. Панарин А. С. Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1991. – 46 с.

55. Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика (русский язык в Приднестровье): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 444 с.

56. Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – 210 с.

57. Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 46 с.

58. Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2012. – 24 с.

59. Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2006. – 334 с.

60. Ступина А. С. Культурное пространство провинциального города: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 274 с.

61. Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2010. – 262 с.

62. Турчинова М. А. Социально-психологические стереотипы восприятия информации при воздействии телевизионных СМИ на аудиторию: на примере телевизионной рекламы: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 212 с.

63. Усова Ю. В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование: дис. ... д-ра полит. наук. – Пятигорск, 2014. – 314 с.

64. Харитоновна Н. И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 268 с.

65. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

66. Юрьев А. И. Системное описание политической психологии: дис. ... д-ра психол. наук. в виде научного доклада. – СПб., 1996. – 167 с.

67. Яковлев М. В. Демократия как проблема политической мысли стран СНГ: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2016. – 431 с.

Books and monographs

68. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006. – 912 с.

69. Ажаева В. С., Ананьева Е. В., Гаджиев К.С. и др. Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К.С. Гаджиев. – М.: Интерпракс, 1994. – 158 с.

70. Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2004. – 480 с.

71. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 537 с.

72. Альтер П. Нация: проблема определения // Национализм: антология. Киев: Смолоскип, 2000. – 872 с.

73. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Моск. гос. ун-т, Ф-т журн., 2011. – 391 с.

74. Антанович Н. А. Теория политических систем. – Минск: ТетраСистем, 2008. – 208 с.

75. Арон Р. Опиум интеллектуалов. – М.: АСТ, 2015. – 480 с.

76. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 544 с.

77. Артемов Г. П. Политическая социология. – М.: Логос, 2002. – 280 с.

78. Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – 240 с.

79. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.

80. Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. И доп. – М: Юрайт, 2016. – 358 с.

81. Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. – Тирасполь, 1998. – 96 с.

82. Баконин А. Д. Право СМИ. – СПб.: Роза мира, 2005. – 241 с.

83. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.

84. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

85. Бачило И. Л. Информационное право: 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 419 с.

86. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: изд. 2-е, испр. и доп. / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

87. Бжезинский З. К. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / пер. О. Ю. Уральской. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 216 с.

88. Бове К.Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995. – 704 с.

89. Болтенкова Л. Ф. Российская государственность: состояние и перспективы. – М.: Республика, 1995. – 354 с.
90. Большой словарь иностранных слов. – М.: Юнвес, 1999. – 784 с.
91. Большой словарь иностранных слов в русском языке / под ред. С. М. Локшиной, В. Ф. Корицкого. – М., 1998. – 784 с.
92. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильяме, 2004. – 432 с.
93. Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья / пер. с франц. Н. Шульпина. – Бендеры, 2007. – 176 с.
94. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматько. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
95. Быстрова А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 237 с.
96. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики: 2-е изд., испр. – М.: МедиаМир, 2014. – 277 с.
97. Василенко И. А. Современная российская политика. – М.: Юрайт, 2015. – 488 с.
98. Вдовин А. И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России: (Исторический и концептуальный анализ). – М.: Луч, 1993. – 72 с.
99. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. / сост., общ. ред., предисл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
100. Венгеров А. Б. Теория государства и права: 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
101. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. – 253 с.
102. Виндельбанд В. Философия культуры. Избранное. – М.: РАН, 1994. – 350 с.

103. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. – М.: Юрайт, 2016. – 512 с.
104. Виноградова С. М., Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Массмедиа в информационно-психологической безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.
105. Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 255 с.
106. Вятр Е. Социология политических отношений / пер. с польск. под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. – М.: Прогресс, 1979. – 463 с.
107. Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: СПбГУ, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.
108. Гаджиев К.С. Политическая наука. – М.: Гардарики, 1994. – 400 с.
109. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2003. – 450 с.
110. Галумов Э. А. Основы PR. – М.: Летопись XXI, 2004. – 360 с.
111. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Сер.: Технологии культуры. – М.: Академический Проект, 2007. – 512 с.
112. Гидденс Э. Социология: 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
113. Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье. – М.: ДА МИД России, 2000. – 64 с.
114. Государственная политика и управление. В 2 ч. Ч. I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 384 с.
115. Государственная политика и управление / под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с.

116. Гумбольд фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
117. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д. : РГУ, 1980. – 264 с.
118. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / пер. с англ. А. А. Калинина. – М. : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. – 320 с.
119. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. А. Гофман. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
120. Ежегодник СИПРИ (Стокгольмский институт исследования проблем мира) 1995: вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 1996. – 578 с.
121. Журавлев В. Е. Легитимация приднестровского государства: структурно-функциональный подход. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2005. – 164 с.
122. Засурский Я. Н., Варганова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России. – М.: Аспект Пресс, 2002. – с. 390.
123. Иконникова С. Н. История культурологических теорий: 2-изд. – М. ; СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
124. Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005. – 137 с.
125. Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г. / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2010. – 428 с.
126. Иноземцев В. Л. За десять лет: к концепции постэкономического общества. – М. : Academia, 1998. – 528 с.
127. Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 590 с.

128. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции (9–11 ноября 2017 г.) / под. ред. Р. П. Баканова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 338 с.

129. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.

130. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: Правовые проблемы / отв. ред. И. Л. Бачило. – М.: Наука, 2003. – 192 с.

131. История социологии в Западной Европе и США. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 300 с.

132. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб.: Петрополис, 2003. – Т. 1. – 368 с.

133. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.

134. Калмыков А. А. Медиалогия Интернета. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 272 с.

135. Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – 256 с.

136. Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

137. Квасова И. И. Социология культуры. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 182 с.

138. Кнабе Г. С. Двуединство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Индрик, 1994. – С. 17–28.

139. Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: Изд-во ВК, 2005. – 60 с.

140. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999. – 156 с.

141. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: Коллективная монография: 2-е изд., стереотип. / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. – 248 с.
142. Конфисахор А. Г. Психология геополитических процессов. – СПб.: Первый класс, 2014. – 276 с.
143. Конфора Л. Демократия. История одной идеологии / пер. с итал. и прим. А. Миролобовой.. – СПб.: Александрия, 2012. – 500 с.
144. Копылов В. А. Информационное право: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 512 с.
145. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. – М.: Логос, 2010. – 247 с.
146. Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. – 308 с.
147. Костюк В. Н. Информация как социальный и экономический ресурс. – М.: Магистр, 1997. – 48 с.
148. Косухин Н. Д. Современные идеологические системы. – М., 1999. – 120 с.
149. Кребер А. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г. Вдовиной. Послесловие В. Николаева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1008 с.
150. Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. – Нью-Йорк: ЭКОСОС ООН, 1981. – 232 с.
151. Кузиан И. Л. Архивное право. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2011. – 136 с.
152. Кузнецов П. У. Информационное право. – М.: Юстиция, 2017. – 336 с.
153. Курс международного права: в 7 т. Основные принципы международного права: т. 2 / гл. ред. В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

154. Кучмаева И. К. Культурное наследие: Современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – 173 с.

155. Лабуш Н. С. Экстремальный политический процесс: особенности форм и медиатизация: в 2 ч. – СПб.: Высш. школа журналистики и масс. коммуник. СПбГУ, 2017. – Ч. 1. – 218 с.

156. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – М.: Библиотека коммуникационной группы «Византия», 2005. – 20 с.

157. Лингвистический энциклопедический словарь: 2-е изд., доп. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

158. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

159. Лич Э. Р. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.

160. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

161. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос, 2002. – 220 с.

162. Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

163. Малиновский Б. Научная теория культуры: 2-е изд. испр. / пер. И. В. Утехин. – М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. – 184 с.

164. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.

165. Марков В. Б. В поисках другого / В кн. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева / под ред. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.

166. Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 316 с.

167. Мацумото Д. Психология и культура: 1-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
168. Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 352 с.
169. Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – 230 с.
170. Медиакультура новой России / под ред. Н. Б. Кирилловой. – М.: Академический проект, 2007. – 512 с.
171. Межуев В. М. Культура и история. – М.: Политиздат, 1977. – 199 с.
172. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.
173. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденция развития. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.
174. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 446 с.
175. Михайлов С. А., Никонов С. Б. Принципы сравнительного и международного права в регулировании информационных потоков государств различных правовых систем. – СПб.: Роза мира, 2000. – 104 с.
176. Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 494 с.
177. Момджян К.Х. Социальная Философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 400 с.
178. Мошняга В. Г. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. – Кишинев: МолдГУ, 1992. – 102 с.
179. Мюллер Я. В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века: 2-е изд.. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 400 с.

180. Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 314 с.
181. Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – 340 с.
182. Новейший философский словарь и энциклопедия социологии: 3-е изд., испр. / сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
183. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горин, А. А. Гусев, Н. М. Ланда и др. – М., 1999. – 912 с.
184. Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2010. – 415 с.
185. Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Теория государства. – М., 1998. – Т. 1. – С. 197.
186. Олешко В. Ф. Психология журналистики. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 351 с.
187. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов: 23-е изд., испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.
188. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.
189. Паин Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 272 с.
190. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Ин-т филос. РАН, 1995. – 262 с.
191. Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: Университет, 1999. – 320 с.
192. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: 2-е изд. дополн. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.

193. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
194. Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 80 с.
195. Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.). – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – 448 с.
196. Подберезкин А. К., Макаров В. В. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. – М.: РАУ, 2000. – 168 с.
197. Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – СПб.; Ростов-н/Д. ; Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2000. – 160 с.
198. Поликарпов В. С. Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д. ; Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2001. – 160 с.
199. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д. : ИППК при РГУ, 2002. – 178 с.
200. Политическая журналистика / под ред. С. Г. Корконосенко. – М.: Юрайт, 2015. – 319 с.
201. Политические коммуникации / под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
202. Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике, 2013. – 161 с.
203. Пономарева Е. Г. Современная Россия. Политические отношения и политические институты. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 652 с.
204. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 116 с.
205. Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
206. Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: РАН. Ин-т гос. и права, 1994. – 132 с.

207. Право и этика в работе журналиста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 203.
208. Приднестровье в геополитической системе координат XXI века / Редкол.: С. И. Берил, И. Н. Галинский, И. М. Благодатских. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2002. – 248 с.
209. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.
210. Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 276 с.
211. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 352 с.
212. Пугачев В. П. Соловьев А. И. Введение в политологию: 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 477 с.
213. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. – М.: Дело, 2002. – 400 с.
214. Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе база де дате лингвистиче. – Кишинэу, 1988. – 320 р.
215. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
216. Рассолов И. М. Информационное право: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 444 с.
217. Реснянская Л. Л., Воинова Е. А., Хвостунова О. И. СМИ и политика / под ред. Л. Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 256 с.
218. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / пер. с фр. – М.: Республика, 1995. – 160 с.
219. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 352 с.

220. Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: БРЭ, 2004. – Т. 1. – С. 447;
221. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. Страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 256 с.
222. Розин В. М. Введение в культурологию. – М.: Междунар. пед. акад., 1994. – 104 с.
223. Российская политология / отв. ред. П. И. Симуш. – М.: ОП РАГС, 1995. – 400 с.
224. Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.
225. Санистебан Л. С. Основы политической науки / пер. с исп. В. Л. Заболотного. – М.: Владан, 1992. – 122 с.
226. Семенов А. К., Маслова Е. Л. Психология и этика менеджмента и бизнеса: 5-е изд., испр. и доп. – М.: Дашков и К, 2008. — 276 с.
227. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.
228. Сеник В. Кувынтул ши даторииле ноастре. – Кишинэу, 1988. – 168 р.
229. Сидоров В. А. Политическая культура журналиста. – СПб.: Петрополис, 2010. – 240 с.
230. Сильвестров В. В. Философское обоснование теории и истории культуры. – М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1990. – 242 с.
231. Словарь социально-гуманитарных терминов / Научн. ред. А. Л. Айзенштадт. – Минск: Тесей, 1999. – 320 с.
232. Современная периодическая печать в контексте периодической печати. Тактические медиа в политической коммуникации. № 2(11) / отв. ред.

И. В. Колодяжный. – СПб.: С.-Петербург. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 176 с.

233. СМИ русского зарубежья: Материалы «Дней русскоязычных зарубежных СМИ в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына» / сост. Т. Ф. Приходько; отв. редакторы Л. П. Громова, Т. Ф. Приходько. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2015. – 300 с.

234. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Рус. христиан, гуманит. ин-та, 2000. – 1054 с.

235. Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Вып. 2. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. Ч. I. Общие проблемы / под ред. Е. И. Степанова. – М.: ИСРАН, 1993. – 147 с.

236. Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 421 с.

237. Стати В. Лимба молдовеняска ши рэувоиторий ей. – Кишинэу, 1988. – 240 р.

238. Степин В. С. История и философия науки. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.

239. Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – 158 с.

240. Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.

241. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К.А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.

242. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с.

243. Терехов А. В., Селезнев А. В., Чернышов В. Н., Рак И. П. Информатика. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 100 с.

244. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
245. Тулупов В. В. Наше дело: из дневника медиакритика. – Воронеж: Кварта, 2016. – 302 с.
246. Тоффлер А. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
247. Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 276 с.
248. Уайт Л. Наука о культуре. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
249. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998. – 370 с.
250. Уэллс У., Бернет ДЖ., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: 7-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 738 с.
251. Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – 356 с.
252. Философский словарь: 7-е изд. / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
253. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Акад. Проект, 2000. – 458 с.
254. Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. – Чита: Поиск, 1999. – 160 с.
255. Фомичева И. Д. Социология СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 335 с.
256. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: АСТ, 2003. – 603 с.
257. Хубецова З. Ф. Исследование и преподавание политической коммуникации / науч. ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журналистики и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с.
258. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. – М.: Кантон+, 2001. 400 с.

259. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994. – 208 с.
260. Чобану И. Д. Родной язык в моей судьбе. – Тирасполь, 1993. – 64 с.
261. Чумиков А. Н. Связи с общественностью. – М.: Дело, 2000. – 272 с.
262. Шаран П. Сравнительная политология: в 2-х ч. – М., 1992. – Ч. 2. – 216 с.; Ч. 2. – 216 с.
263. Шварценберг Р. -Ж. Политическая социология: в 3-х ч. – М.: РАУ, 1992. – Ч. 1. – 180 с.; – Ч. 2. – 282 с.; – Ч. 3. – 157 с.
264. Шестопал Е. Б. Личность и политика. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.
265. Шорников П. М. Молдавская самобытность: Монография. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. – 400 с.
266. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 640 с.
267. Шпрингер Р. Национальная проблема. – М.: Красанд, УРСС; 2010. – 328 с.
268. Щегорцов В. А. Политическая культура: модели и реальность. – М.: ИНИОН : Ин-т молодежи, 1990. – 171 с.
269. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
270. Юрьев А. И., Шевякова Л. П., Бурикова И. С. и др. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / под ред. А. И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.–512 с.
271. Яковлев И. П. Современные теории массовых коммуникаций. – СПб.: Роза мира, 2004. – 94 с.
272. Яковлев И. П. Стратегическое управление медиасферой. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2014. – 176 с.
273. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Science articles

274. Абасова З. Т. Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 183–185.

275. Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятия // Власть. – 2010. – № 5. – С. 53–55.

276. Акаимова А. В. Символическая составляющая рекламы в политическом маркетинге (на примере России и Украины) // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф. (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – С. 64–69.

277. Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. – 2001. – Вып. 2. – С. 5–9.

278. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–124.

279. Ачкасов В. А., Беглов А. И. Легитимность и эффективность политической власти в условиях социальных трансформаций / Общественное призвание философии: приложение к журналу «Философские науки: спец. выпуск» / отв. ред. Ю. Н. Солонин. – М.: Академия гуманитар. исследований, 2006. – С. 232–241.

280. Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости / Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

281. Бабаева А. В. Современная западная философия о культурном пространстве / Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. – СПб, 2001. – С. 27–31.

282. Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 4–16.

283. Бабилунга Н. В. Тайна Приднестровского феномена / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 60–68.

284. Банкович М. Государственный переворот, пронунсиаменто, путч: теоретический анализ // Конфликтология. – 2008. – № 3. – С. 35–55.

285. Баширина Е. Н. К вопросу о политической системе общества // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26). – С. 129–131.

286. Белл Д. Демократия и права: великая дилемма нашего времени // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / под. ред В. Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – С. 13–26.

287. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.

288. Белоусов В. Н. Социолингвистические аспекты диалога национальных культур / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 69–78.

289. Бертран К.Ж. Кибержурналистика // Среда. – 2004. – № 3. – С. 21–28.

290. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: Философские размышления о жизненных проблемах // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16–57.

291. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 385–420.

292. Бодрунова С. С., Большаков С. Н. О проблеме теоретического обоснования публичной сферы в современных политических коммуникациях // Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике, 2013. – С. 6–12.

293. Бозиев А. Т. О праве наций на самоопределение в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 33–36.

294. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 59–61.

295. Бурцева Р. В. Развитие концепта гражданской нации и либерального национализма в современной российской политологии // Социум и власть. – 2011. – № 1 (29). – С. 37–40.

296. Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. – № 4(21). – С. 67–71.

297. Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). – 2012. – Вып. 4. – С. 66–78.

298. Вертешин А. И. Влияние политической журналистики на легитимацию власти // Социально-политическое функционирование журналистики: Материалы секции «Журналистика в мире политики» Дней петербургской философии 19–20 ноября 2004 г. / ред.-сост. В. А. Сидоров. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 44–58.

299. Вестов Ф. А., Петров Д. Е. Политическая роль силовых структур в правовом государстве // Военная мысль. – 2011. – № 4. – С. 11–16.

300. Вилков В. Ю. Тенденции генезиса понятия «нация» // Обозреватель (Observer). – 2014. – № 4. – С. 108–117.

301. Виноградова С. М., Рушин, Д. А. V Международный форум Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4 (41). – С. 181–183

302. Володина Л. В., Кострицкая Т. Б. Использование инструментов «мягкой» силы в государственном управлении репутацией России // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – С. 128–131.

303. Волчинская Е. К. Информационное право // Система права. – 2005. – № 1. – С. 49.

304. Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 53–77.

305. Гавра Д. П. Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. С. 3–17.

306. Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI. – № 4 (69). – С. 29-43.

307. Гавра Д. П. Современный понятийный аппарат теории регионального имиджмейкинга // PR и реклама в системе территориального маркетинга: матер. междунар. науч. конф. / под. ред. Д. П. Гавры. – СПб.: СПбГУ, ф-т журн., 2012. – С. 14–22.

308. Гавра Д. П. Категории имиджа: сущность и основные характеристики // Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г. / отв. ред. А. Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2010. – С. 31–40.

309. Гавра Д. П., Савицкая А. С. Традиционный ивент в контексте стратегических коммуникаций государства Российская школа связей с общественностью. – 2017. – № 10. – С. 63-72.

310. Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2011. – Вып. 3. – С. 187–196.

311. Гавра Д. П., Быкова Е. В. Стратегическая кризисная коммуникация: базовые характеристики и интегративное воплощение // Век информации. – 2016. – № 2. – С. 122–125.

312. Гаджиев Х. А. Политические институты: институциональный и неинституциональный подход // Власть. – 2015. – № 7. – С. 134–140.

313. Гевандова Я. С., Шлюндт Н. Ю. Коллизия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства в современном международном праве // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. № 11. – С. 209–212.

314. Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой российской власти и социальные расколы // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 33–44.

315. Головин Ю. А., Щенников М. А. Современные информационные технологии как способ политического взаимодействия // Конфликтология. – 2009. – № 2. – С. 47–64.

316. Головченко Л. Н. Приднестровье: проблема реализации права на самоопределение народа, проживающего на территории республики // Наука и современность. – 2014. – № 27. – С. 270–274.

317. Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник РУДН. – Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 24–39.

318. Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 154–163.

319. Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье / Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 365–448.

320. Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи / Право народов на самоопределение: идея и воплощение / сост. А. Г. Осипов. – М.: Звенья, 1997. – С. 6–7.

321. Гузенкова Т. С. Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития / Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 337–365.

322. Губогло Е. М. Приднестровский конфликт и постконфликтный синдром / Феномен Приднестровья. – Тирасполь, 2003. – С. 227–247.

323. Дамдинов Б. Д. К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 2. – С. 19–22.

324. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. – С. 32–43.

325. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1. С. 64–79.

326. ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 34–56.

327. Долинина О. Н. Роль современных информационных технологий в формировании нового стиля управления // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – С. 155–168.

328. Дондо С. А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2015. – № 1 (51). – С. 87–91.

329. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика. – 2014. – № 1(4). – С. 5–15.

330. Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 30–33.

331. Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6). – С. 136–142.

332. Ефанов А. А. Влияние цифровизации на деструкцию института регионального телевидения // Власть. – 2017. – № 8. – С. 49–53.

333. Жосан Т. И. Межэтнический консенсус в современной политике республики Молдова / Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость // Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г. – Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. – С. 158–165.

334. Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 98–107.

335. Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.

336. Зиммель Г. О сущности культуры / Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юристъ, 1996. – С. 475–482.

337. Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Город. Культура. Цивилизация: материалы междунар. науч.-теор. интернет-конф., Харьков, март-апрель 2011 г. – Харьков: Харьков. нац. акад. гор. хоз-ва, 2011. – С. 42–48.

338. Золотарева М. Национальный суверенитет: на стыке права и политики // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 157–159.

339. Изучение общественного мнения как фактор принятия обоснованных решений и повышения ответственности трудящихся за судьбу республики: вопросы приватизации и статуса ПМР / Отчет социологического исследования. – Тирасполь: ПГКУ, 1993. – 64 с.

340. Ильин М. В. Инструментарий политолога: «воронка причинности» / Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 43–46.

341. Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Роза мира, 2009. – 264 с.

342. Иноземцев В. Л. «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 8. – С. 41–48.

343. Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма // Искусство управления. – 2014. – № 2. – С. 63–71.

344. Истюфеев А. В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенной цивилизации // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2007. – № 7. С. 58–63.

345. Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 36–45.

346. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Изд. 3-е. – М.: Академический Проект, 2015. – 358 с.

347. Кара-Мурза С. Г. Послание: строки и между строк // Наша власть: дела и лица. – 2007. № 5. – С. 8–12.

348. Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – С. 119–123.

349. Киселева А. В. О формировании российской гражданской нации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – №. 4. – С. 85–90.

350. Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 4. – С. 43–46.

351. Ковальски С. В., Букучь А. С. Международное гуманитарное право и приднестровский конфликт // SCIENCE TIME. – 2015. – № 12 (24): – С. 377–383.

352. Козлов А. Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека // Права человека и межнациональные отношения. – М.: РАН. Ин-т гос-ва и права, 1994. – С. 65–75.

353. Колин К.К. Эволюция информатики // Информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 2–16.

354. Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. 1. – С. 88–122.

355. Коньков В. И. Динамика диалогичности в печатных текстах СМИ / Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога / Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: МедиаМир, 2015. – С. 95–97.

356. Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Cartes, 2001. – С. 74–82.

357. Коробов А. А., Овчинников С. А. Информационно-политические риски и устойчивость политической системы в условиях демократического

транзита // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1(10). – С. 110–115.

358. Кристальный Б. В. Законодательное обеспечение формирования информационного общества в России // Информационное общество. – 2000. – Вып. 1. – С. 25–27.

359. Кудрявцев И. Е. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 77–95.

360. Кузнецов И. И. Современная повестка дня глобального гражданского общества // Вестник МГИМО. – 2012. № 2. – С. 120–127.

361. Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. – Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

362. Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. Т. 4. – С. 105–128.

363. Лабуш Н. С. Демократия и права человека как информационный повод использования военной силы во внешней политике // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 20–24.

364. Лебедев А. В. Информационные технологии в контексте гуманитарного знания // Материальная база сферы культуры. – 2000. – № 1. – С. 3–19.

365. Левяш И. Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 153–163.

366. Липсет С. М. Политическая социология / Амер. социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 64–98.

367. Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // Гуманитарная информатика. – 2004. – С. 5–18.

368. Лукьянов В. Ю. Перспективы XXI века: от биполярности к многополярному миру // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2001. – № 2. – С. 55–61.

369. Лэйн Д. «Оранжевая» революция: «народная революция» или революционный переворот? // Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 31–53.

370. Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 106–127.

371. Макеенко М. И. Транснациональные медиакорпорации в начале XXI века: кризис управления масштабом? // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 39–48.

372. Межиева А. К. Политико-коммуникативные практики и технологии в деятельности администрации Президента РФ (2000–2008 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Сер.: Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2012. – № 1 (81). – С. 92–100.

373. Межуев В. М. Идея национального государства в историческая перспективе // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 5–6. – С. 10–15.

374. Мельник Г. С. Медийные ресурсы мобилизационных технологий // Современные социальные коммуникации в системе цивилизации и культуры / под ред. М. Г. Боровик, Г. С. Мельник. – СПб.: СПБИГО; Книжный дом, 2014. – С. 3–6.

375. Мельник Г. С. Перспективы медиа в пространстве интернета // Журналистский ежегодник. Journalist Yearbook. – 2013. – Т. 1. – С. 10–12.

376. Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. – № 8. – С. 53–68.

377. Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 18–28.

378. Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – №2–3. – С. 219–225.

379. Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34–48.

380. Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. № 19. – Вып. 4. – С. 187–192.

381. Млечко Т. П. Русские в контексте межнациональных отношений в Молдове / Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. – Кишинев, 1999. – С. 28–35.

382. Мошняга В. Г. Приднестровский конфликт в Республике Молдова причины, состояния и пути разрешения / Демократизация общества в гендерной перспективе: Сб. научных трудов / ред. Младина В. – Кишинев: Гендер-Центр МолдГУ, 2002. – С. 8–19.

383. Нажмудинов Г. М., Палатников Д. Е. Синергетический подход к анализу социально-политической среды общества // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 82–85.

384. Огурчиков П. К. Экранная культура и современное коммуникативное пространство // Гуманитарные и социально-экономические Олейников С.В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). – С. –136–142.

385. Олейников С.В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). – С. –136–142.

386. Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 216–223.

387. Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 169–174.

388. Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 425–431.

389. Олейников С.В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 75–83.

390. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems). – 1993. – Вып. 2. – С. 94–122.

391. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке / Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 7–42.

392. Пигров К.С. Философия в сенсорных пространствах // Сб. матер. конф. «Звучащая философия» / ред. кол.: Д. У. Орлов, К.С. Пигров, А. К. Секацкий. – СПб.: С. -Петербург. филос. общество, 2003. – С. 147–158.

393. Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999. – С. 218–231.

394. Победа Н. А. Социальная идентичность как инструмент диагностики социальной напряженности в обществах переходного периода / Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2002. – С. 169–176.

395. Пушкарева Г. В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 93–102.

396. Прокопенко А. Н. О содержании понятия информационные ресурсы в праве // Бизнес в законе. Экон.-юр. журнал. – 2010. – Вып. № 1. – С. 157–160.

397. Распопова С. Л. Журналистика и система национальных отношений Приднестровья // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 440–450.

398. Распопова С. Л. Журналистика и этнокультура – путь к взаимопониманию // Вестник Приднестровского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (43). – С. 145–150.

399. Распопова С. Л. Историко-культурное наследие и журналистика. опыт Приднестровья // „Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(2) – С. 337–339.

400. Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 1. – С. 198–218.

401. Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Моск. журн. междунар. права. – 1994. – № 1. – С. 3–20.

402. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2008. – № 61. – С. 114–122.

403. Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Сер.: История России. – 2006. – № 2(6). – С. 18–30.

404. Садовский В. Н. Философия науки XXI века: что целесообразно заимствовать из философии науки XX века и от чего следует отказаться // Системные исследования. Методол. проблемы. – 2003. – Т. 2001. – С. 7–28.

405. Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. – 2011. – № 4(6). – С. 15–19.

406. Сафронов В. В. Юридические гарантии обеспечения деятельности средств массовой информации // PR и реклама: традиции и инновации. – 2013.– № 8–1. – С. 72–77.

407. Сердюкова А. К. Влияние средств массовой информации на формирование поведенческих стереотипов у студентов / Образование, наука, производство: Сб. тр. VII Междунар. молодежного форума. Белгород, 20–22 октября 2015 г. – Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова, 2015. – С. 4663–4667.

408. Сидоров В. А. Журналистика и публичность интерпретации смыслов // Век информации. Журналистика XXI века: культура понимания. Материалы семинара Всероссийского форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге-2014». № 2 (S2) / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2015. – С. 106–117.

409. Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб.: ф-т журналистики СПбГУ, 2006. С. 34–43.

410. Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 211–216.

411. Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество. – 1998. – Вып. 6. – С. 8–13.

412. Снетков В. Н., Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125.

413. Снетков В. Н., Фомина Н. А. Критерии классификации унитарных государств // Науч. техн. ведомости С.-Петерб. гос. политехн. у-та. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – С. 36–42.

414. Соблиров Х. Х., Муханов Б. С. Общие принципы права на отделение, прав человека и территориальной целостности государства // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 6. – С. 92–93.

415. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

416. Степин В. С. Философская мысль в динамике культуры (Поиск мировоззренческих ориентиров) // Философия и культура: Сб. к 60-летию В. А. Конева. – Самара, 1997. – С. 19–35.

417. Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. – 2003. – № 5. – С. 3–18.

418. Студенова Е. Г. Дискурс как механизм формирования теоретических моделей социальной политики и социальной работы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2 (44). – Ч. 1. – С. 80–84.

419. Таранова Ю. В. Формирование имиджа региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социал. антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 5(58). – С. 113–126.

420. Темираев А. В. Принцип территориальной целостности и право народов на самоопределение как принципы российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6 (67). – С. 88–93.

421. Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 248–256.

422. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41–54.

423. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.

424. Харитоновна И. В. Информация, язык и развитие личности: философский аспект // Развитие личности. – 2004. – № 3. – С. 46–57.

425. Цагараев М. А. Современная трактовка принципа права народов на самоопределение // Социология власти. 2008. № 5. – С. 173–180.

426. Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова / Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: Материалы международной научно-практической конференции / сост. В. Г. Мошняга. – Кишинев: Фонд Фридриха Эберта, 2002. – С. 102–129.

427. Цховребов К.И. Анализ декларативной и конститутивной теорий признания новых государств в международном праве // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 6–1(89). – С. 228–234.

428. Цыро И. В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ // Научные проблем гуманист. исследований. – 2010. – № 10. – С. 248–255.

429. Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Моск. журнал междунар. права. – 1996. – № 4. – С. 18–19.

430. Шариков А. В. Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород. 16–19 октября 2006 г. / под ред. В. Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. – С. 177–184.

431. Шахбазян А. В. Информация как вид ценности в современном мире // Гуманит. и соц.-экон. науки. – 2006. – № 2. – С. 162–163.

432. Шевченко А. В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 68–83.

433. Шишкина А. А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопр. теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 219–223.

434. Шкондин М. В. Информационный потенциал общества и концепты целостности медиасистемы // *Вопр. теории и практики журналистики.* – 2015. – Т. 4. – № 4. – С. 335–348.

435. Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе // *Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки.* – 2015. – № 3(35). – С. 97–105.

436. Якоба И. А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // *Социол. исследования.* – 2014. – № 12. – С. 65–73.

Scientific publications in a foreign language

437. *American Heritage Dictionary.* – Boston: Houghton Mifflin, 2000. – 2184 p.

438. Asp K. Fairness, informativeness and scrutiny: The role of news media in democracy // *Nordicom Review.* 2007. Vol. 28. P. 31–49.

439. Baran S.J. and Davis D. K. *Mass Communication Theory; Foundation, Ferment and Future: 7th Edition.* – Stamford: Cengage Learning, 2015. – 408 p.

440. Barkin J. S. *International organization: theories and institutions.* – Palgrave Macmillan, 2006. – P. 27–41.

441. Bayley P. *Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches* // *Campaign Language: Language, Image, Myth in the U. S. Presidential Elections 1984* / Ed. by G. Ragazzini. – Bologna: CLUEB, 1985. – P. 77–174.

442. Boulding K. *Conflict and Defense: A General Theory.* – Maryland: University Press of America, 1988. – 349 p.

443. Bourdieu P. *Social Space and Symbolic Power* // *Sociological Theory.* –1989. – Vol. 7. – № 1. – P. 14–25.

444. Braddock R. *An Extension of the «Lasswell Formula»* // *Journal of Communication.* № 8. 1958. С. 88–93.

445. Castells M. *The Rise of the Network Society*: 2nd ed., with a new pref.. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010. – 597 p.
446. Cotîrlea D. A. Country image vs. country brand: differences and similarities // *Ecoforum*. – 2015. – Vol. 4. Special Issue 1. – P. 165–171.
447. Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // *The American Political Science Review*. – Vol. 55. – № 3 (Sep., 1961). – P. 493–514.
448. *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance* / Ed. by J. Howarth David, J. Torfing. – NY: Springer, 2004. – 364 p.
449. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: a new paradigm in the study of media language. // *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich*. – Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2013. – P. 37–47.
450. Easton D., Schelling C. S. *Divided Knowledge: Across Cultures, Across Disciplines*. – NY: SAGE Publications, Inc., 1991. – 272 p.
451. Eide A. Territorial integrity of states, minority protection, and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations // *Science and technique of democracy: Local self-government, territorial integrity and protection of minorities* – 1996. – № 16. – Lausanne, 25-27 April 1996. – P. 277–303.
452. Foucault M. *Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977* / Ed. by C. Gordon. – NY: Pantheon Books, 1980. – 270 p.
453. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. – London; NY: Routledge, 2013. – 272 p.
454. Geldenhuys D. *Contested states in World Politics*. – London: Palgrave Mcmillan, 2009. – 295 p.
455. Habermas J. Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research // *Communication Theory*. – Vol. 16, Iss. 4. – Nov. 2006. – P. 411–426.

456. Hall P. A., Taylor R. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. XLIV: 936-957. P. 936.

457. Hermann M. G. Political Psychology. – San Francisco: Jossey-Bass, 1986. – 464 p.

458. International Meeting of Experts on further study of the concept of the rights of peoples: final report and recommendation of Unesco. – Paris. 27–30 November, 1989 / URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf> (date of access 22.01.2018)

459. Kaufman S., Bowers S. Transnational dimensions of the Transnistrian conflict // Nationalities Papers. – 1998. – № 26(1). – P. 129–146.

460. Keohane R. After Hegemony. – Princeton: University Press, 2005. – 320 p.

461. King Ch. Eurasia's Nonstate States // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eeurcr10&div=48&id=&page=>

462. King Ch. The Benefits of Ethnic War. Understanding Eurasia's Unrecognized States // World Politics. – 2001. – July. – № 53. – P. 524-552

463. Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism // Europe – Asia Studies. – 1993. – № 6. – Vol. 45. – P. 973–1000.

464. Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. – New York, 1952. – P. 31, 43, 103.

465. Laclau E. On Populist Reason. – NY: Verso, 2005. – 276 p.

466. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // Communication theory and research journal. – 2007. – Issue 24. – P. 215–228.

467. Lasswell H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Social Science Information. – Vol. 7. – Iss. 1. – Febr. 1968. – P. 57–70.

468. Lippmann W. Public opinion. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – 449 p

469. Luhmann N. The World Society as a Social System. *International Journal of General Systems*. – 1982. № 8:3. – P. 131–138.

470. Lynch D. *Engaging Eurasia's Separatist States*. – Washington DC: USIP, 2004. – 171 p.

471. Lyotard J. F. *Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy* / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006. – 568 p.

472. Martin L. *An Institutional View: international institutions and state strategies* / *International order and the future of world politics* / Ed. by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – 421 p.

473. Martin P. M. *Introduction aux relations internationales*. – Toulouse, 1982. – P. 107– 111.

474. Martinez Albertos J. -L. *El lenguaje de los politicos como vicio de la lengua periodistica // Informacion Poitica y Cultura*. – Madrid: Universidad Complutense, 1989. – P. 61–78.

475. *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* / by ed. V. Moshneaga. – Chișinău: Captes, 2001. – 292 c.

476. Nietzsche F. *The will to power* / Ed. by W. Kaufmann. – New York: Vintage Books, 1967. – 605 p.

477. Parsons T. *Social System*. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005. – 636 p.

478. Pecheux M. *Language, Semantics and Ideology*. – London: Palgrave Macmillan, 1982. – 244 p.

479. Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology*. – California: Sage Publications, 1987. – 256 p.

480. Rathmayr R. *Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow // Totalitare Sprache – langue de bois – language of dictatorship* / Ed. by R. Wodak, F. P. Kirsch. – Wien, 1995. – S. 195–214.

481. Ricoeur P. *Du texte à l'action*. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1991.– 346 p.

482. Rosenbaum W. A Political Culture. – N. Y., 1975. – 181 p.
483. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. – Cambridge: University Press, 1991. – 324 p.
484. Schrotta S., Visotschnig E. Neue Wege zur Verständigung: Der machtfreie Raum. – Wien: Paul Zsolnay Verlag, 1982. – 243 s.
485. Seidel G. Political Discourse Analysis / In ed. T. A. van Dijk Handbook of Discourse Analysis (Vol. 4.): Discourse Analysis in Society. – Michigan: Academic Press, 1985. – P. 43–60.
486. van Dijk T. A. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Thousand Oaks, California: SAGE, 2011 – 432 p.
487. Wojcieszak M. Transnational Connections Symposium: Challenges and Opportunities for Political Communication Research. Introduction // International Journal of Communication. – 2012. – Vol. 6. – P. 255–265.

Internet Resources

488. Абрамочкин Ю. «Черная трансплантология» в Косово: расследованию быть? / РИА «Новости. 16.12.2010 // <https://ria.ru/world/20101216/309621413.html>
489. Абхазский проект для России // http://www.abkhaziya.org/news_detail.html?nid=18091
490. Агентство Saatchi & Saatchi исправит имидж Косово // www.lenta.ru/news/2009/01/22/kosovo/ – 7 Кб 22.01.2009, 20:59:13
491. Акопов В. А. Кибервойна — угроза национальной безопасности // Обозреватель — Observer // http://observer.materik.ru/observer/N12_2004/12_03.htm.
492. Американский аналитик: У Приднестровья больше прав на независимость, чем у Косово // <http://compatriot.su/news/67679.html>
493. Американский эксперт: Приднестровье никогда не являлось частью Молдовы // <http://www.peacekeeper.ru/index.php?mid=4921>

494. Английский толковый словарь Concise Oxford English dictionary // <http://www.hpc.ru>

495. Армения должна признать Абхазию и Южную Осетию, если не хочет применения двойных стандартов к Карабаху: эксперт // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11925>

496. Байгарина Г. П. СМИ и современная культура // <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

497. Бенин В. Л., Десяткина М. В. Социальная философия. – Уфа: Изд-во БГПУ, 1997 // <http://www.philosophy.ru/edu/ref/soc/socfil.html>

498. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918 // <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

499. Бондарев А. А. СМИ, идеология и государство // Трибуна русской мысли // http://www.cisdf.org/TRM/TRM14/bondarev_14.html

500. Бурла М. Внешние факторы - главное препятствие в развитии экономики ПМР» // <http://www.olvia.idknet.com/ol23-02-07.htm>

501. Бычкова В. Международный проект «Толерантное мышление – путь к мирному сосуществованию народов» / Научно-исследовательская работа «Толерантность и средства массовой информации России» // <http://snezhinsk-sc125.narod.ru/svayzi1.htm>

502. В Абхазии откроется бизнес-школа // <http://www.abhazia.com/news/detail.php?id=24191>

503. В Приднестровье закрыли интернет-форумы // <http://aif.md/v-pridnestrove-zakryli-internet-forumy/>

504. В Тирасполе прошел круглый стол «Непризнанные: как реализовать право народа на самоопределение?» // <http://www.eurasian.su/news/v-tiraspole-proshel-kruglyy-stol-nepriznannye>

505. Власть Молдавии колеблется между Брюсселем и Москвой («Le Monde», Франция) // <http://www.inosmi.ru/translation/248491.html>

506. Во внутривитуполитической жизни Приднестровья продолжается раскол // <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

507. Волнения в Грузии и Молдове - результат «косовского прецедента» («Radio Free Europe / Radio Liberty», США) // <http://www.inosmi.ru/translation/248426.html>

508. Выборы в Карабахе повысили имидж республики // www.karabakhlive.com/index.php?name=News&op=Article&sid=139

509. Гавра Д. П. Осетия не умеет пользоваться теми сокровищами, которые лежат у нее под ногами // Градус Осетии // <http://gradus.pro>

510. Гавра Д. П. Социальные институты // XServer.ru // <http://www.xserver.ru/user/sozin/>

511. Грек И. Судьба Республики Молдова в руках Комрата? URL:<http://enews.md/articles/view/2790/>

512. Гришин О. Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121>

513. Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний // www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

514. Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии // http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

515. Доброхотов А. Л. Введение в философию // <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

516. Доклад международного совета по демократическим институтам и государственному суверенитету // <http://members.icdiss.org/pmr/icdiss-b219-rus.pdf>

517. Евгений Шевчук закрыл все интернет-форумы в Приднестровье // <https://point.md/ru/novosti/politika/evgenij-shevchuk-zakril-vse-internetforumi-v-pridnestrovje/10>

518. За все время работы в ПМР «Врачи без границ» убедились в том, что Приднестровье – надежный партнер // <http://olvial.idknet.com>

519. Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // Эксперты для гражданского общества // <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

520. Интернет-конференция министра иностранных дел Республики Абхазия Сергея Шамба Интернет-порталу Юга.ру // www.mfaabkhazia.org/documents/dokumenty_mid_ra/internet-konferenciya_ministra_in...

521. Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // <http://media2050.ru/2011/11/27/56/>

522. Карла дель Понте: нынешнее руководство Косово похищало сербов и торговало их органами // <http://www.newsru.com/world/01apr2008/karla.html>

523. Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // *ВВ: Психология и психотехника.* – № 5. – 2013. – С. 11–23 // http://enotabene.ru/psp/article_9247.html

524. Конституционное право зарубежных стран. Часть общая: конституционное (государственное) право и его основные институты. Т. 1–2 / отв. ред. Б. А. Страшун // Понятие и социальное назначение средств массовой информации (СМИ) // <http://isfic.info/zarpra/konstz125.htm>

525. Косово озаботилось своим имиджем // http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/01/23/Kosovo_ozabotilos_sv.phtml

526. Косово уповает на скорое признание в арабском мире // <http://pda.izvestia.ru/lenta/news.html/use.news.186488/>

527. Крылов Д. А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // *Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – № 6 // <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16946>

528. Кто я? Кажется, я приднестровец («Liberation», Франция) // http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa/kto_ya_kazhetsya_ya_pridnestrovec/

529. Курылева О. Тирасполь оценил «прагматичный подход» европейцев к непризнанным государствам // <http://nr2.ru/pmr/327458.html>

530. Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 // <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

531. Маркедонов С. М. Возвращение к отложенному статусу. URL:<http://polit.ru/article/2008/03/24/econom/>

532. Массовая коммуникация // <http://www.unesco.kz/massmedia>

533. Молдавия: тоска по Европе («Handelsblatt», Германия) // <http://www.inosmi.ru/translation/248393.html>

534. Мурзин А. Российское культурное пространство в региональном измерении: поиск новой интегративной модели // <http://sr.fondedin.ru>.

535. Надувательство («Le Figaro», Франция) // <http://www.inosmi.ru/translation/248434.html>

536. Наталия Нарочницкая: «Менторство в трактовке прав человека – почва для двойных стандартов в мировой политике» // <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r070207070413>

537. Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. – № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

538. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002 // <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

539. Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html>

540. Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русский язык в современной Молдове. – // <http://mirznanii.com/a/126063/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-moldove>

541. Патерова О. Газета «Сведения» // www.regnum.ru/news/781317.html

542. Патерова О. Имидж Приднестровья: соблюдение прав человека и энергичная госвласть // www.regnum.ru/news/781317.html

543. Патерова О. Оппозиционная газета «Человек и его права» // www.regnum.ru/news/781317.html

544. Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru>

545. По мнению политологов, ситуация в Молдове может пойти на пользу Приднестровью // <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5599>

546. Президент посетил ряд хозяйств Очамчирского района / АПСНЬПРЕСС. Выпуск № 329 16 июля 2008 г. // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11672>

547. Приднестровское урегулирование: «вопрос о политической поддержке Тирасполя – это вопрос российской безопасности» // <http://www.regnum.ru/news/781317.html>

548. Приднестровье мечтает о независимости под покровительством Москвы («Le Monde», Франция) // http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/zapadnaya_evropa

549. Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // Letopicez. – 15 сентября. – 2011 // <http://anvictory.org>

550. Пушкина Д. Б., Федорова А. С. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. – № 5(79). – 2011 // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/pu15.html> (дата обращения 23.10.2017)

551. Региональная идентичность в Приднестровье / Борьба народа Приднестровья за самоопределение. Образование ПМР // http://studbooks.net/595826/istoriya/regionalnaya_identichnost_pridnestrove

552. Резолюция Международной научно-практической конференции «Имидж государства и защита прав человека: реалии, проблемы, перспективы» // <http://old.vspmr.org/News/?ID=571>

553. Российские туристы отказываются ехать в Абхазию // <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1224797.html>

554. Россия готовит туристическое вторжение в Абхазию // <http://www.apsny.ru/apsnynews/apsnynews.php?mode=more&more=11915>

555. Россия разгневана на ЕС из-за «революции Твиттера» («The Independent», Великобритания) // <http://www.inosmi.ru/translation/248376.html>

556. Сеславинский М. В. Культура и СМИ // www.lihachev.ru/chten/2006god/dokladi/plenarnoe/seslavinsky/

557. Современные международные отношения / под. ред. А. В. Торкунова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/08.php

558. Социология. – М., 1996 // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/117036/t12.pdf.html>

559. Стереотипизация как метод пропаганды // <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm>

560. Стоит поднять вопрос о возвращении России её законных земель: Приднестровье за неделю // <http://mkspmr.idknet.com/content/view/752/209/>

561. Тарасов А. Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип // Неприкосновенный запас. – № 2(28). – 2003 // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/taras.html> (дата обращения 17.02.2017)

562. Татьяна Новикова Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu/www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles>

563. Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // Relga (научно-культурологический журнал). – №1 [103]. – 18.01.2005 // www.relga.ru

564. Философия общества: Субъект и объект деятельности // <http://filinnik.ru/4-/4-2-/151-4-2-1.html>

565. Чернов Е. Структурная трансформация элиты в России в 1989–1993 годах // <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

566. Черняховский С. Территориальная целостность и право на самоопределение // Новая политика (интернет-журнал). 4 сентября 2008. // <https://novopol.ru/territorialnaya-tselostnost-i-pravo-na-samoopredeleni-text51183.html>

567. Что нам делать с Молдовой? // <http://glavred.info/archive/2009/05/05/185349-1.html>

568. Шилина М. Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций // Медиаскоп. – 2009. Вып. 3. // <http://www.mediascope.ru/>

569. Штюмер М. Путинская Россия стремится снова стать великой державой / Die Welt, Германия // <http://inosmi.ru/world/20131114/214768429.html>

570. Экспертное исследование: украинцев в Молдавии дискриминируют // <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/transdnestria/1160601.html>

571. IT-технологии (Журнал информационных технологий) // <http://www.irkinfo.ru/informatsionnyi-potentsial-obshchestva.html>

572. King Ch. Eurasia's Nonstate States // 10 E. Eur. Const. Rev. – 2001. № 99. – P. 99 // <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/eurcr10&div=48&id=&page=>

Journalistic publications, mass media materials

573. Агония режима Воронина / Приднестровье. – 2003. – 23 октября.

574. Бабилунга Н. В. История – не игра в кубики / Советская Молдавия. – 1988. – 9 декабря.

575. Без чувства своей страны нет настоящего характера / Приднестровье. – 2003. – 22 декабря.
576. Боль матери / Днестровская правда. – 1993. – 26 января.
577. Будет ли телефонная связь между Молдовой и Приднестровьем? / Приднестровье. – 2003. – 9 июля.
578. В единой России – залог нашей общей победы / Приднестровье. – 2003. – 3 декабря.
579. ВС ПМР: первые шаги противодействия / Приднестровье. – 2001. – 7 сентября.
580. Гарант принимает меры / Приднестровье. – 2001. – 17 ноября.
581. Горячее лето 2001-го... / Приднестровье. – 2001. – 22 июня.
582. Гросул В. Я. Автономия Приднестровья: историческое обоснование / Трудовой Тирасполь. – 1989. – 16 декабря.
583. Гросул В. Я. Еще раз об истории, или плюрализм по-кишиневски / Советская Молдавия. – 1989. – 27 июля
584. Гросул В. Я. История с историей / Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.
585. Гросул В. Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык» / Ленинское знамя (Рыбница). – 1990. – 18, 20, 22 сентября.
586. Гросул В. Я. Приднестровская автономия: историческое обоснование / Единство. – 1989. – 1 декабря.
587. Гросул В. Я., Стати В. Н. Латиница: вымысел и правда / Рыбницкий металлург. – 1989. – 30 июня.
588. Дмитрий Козак: «За гранью добра и зла» / Днестровская правда. – 2003. – 27 ноября.
589. И румынские «пять копеек»... / Приднестровье. – 2001. – 15 декабря).
590. Корлэтяну Н. Этапы развития молдавского языка / Советская Молдавия. – 1988. – 9 января.

591. Косарев В. Шаг вперед и два назад... Унитарная Молдова – Федерация – Конфедерация... и так далее в том же направлении / Коммерсант-plus. – 2003. – 18 июля.

592. Мариан Б. Призрак бродит по Молдове / Независимая Молдова. 1989. 7 сентября.

593. Митинги протеста / Днестровская правда. – 2001. – 30 октября.

594. О базовых принципах конституционного и государственного устройства федеративного государства / Приднестровье. – 2003. – 27 сентября.

595. Отложенный статус отделяющейся территории. Справка URL:// <https://ria.ru/spravka/20080314/101341602.html>

596. О чем шумят тополя / Днестровская правда. – 1993. – 18 июня и др.

597. Он не дожил до 22 / Днестровская правда. – 1992. – 24 ноября.

598. Пал смертью храбрых / Днестровская правда. – 1992. – 26 сентября.

599. Получит ли процесс жизненную силу / Приднестровье. – 2003. – 21 мая.

600. Право на защиту / Приднестровье. – 2003. – 24 сентября.

601. Провокация четвертой степени / Приднестровье. – 2003. – 19 ноября.

602. Протокол протоколом запротоколирован / Профсоюзные вести. – 2001. – 22 ноября.

603. Россияне выбирают жизнь / Днестровская правда. – 2003. – 29 ноября.

604. Смирнов–Воронин: первый диалог / Приднестровье. – 2001. – 11 апреля.

605. Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.

606. Федерализация: пристальный взгляд экспертов / Приднестровье. – 2003. – 23 апреля.

607. Ченуша В. Следовать воле народа / Независимая Молдова. 1989. 12 сентября.
608. Чобану И. Д. Слово о судьбе родного языка / Народное образование. – 1988. – 5 ноября.
609. Штормовое предупреждение: СИБ Молдовы реализует план полномасштабных идеологических диверсий против ПМР / Приднестровье. – 2001. – 6 декабря.
610. Яковлев В. Н. Настал ли «золотой час» права? / Днестровская правда. – 1990. – 17 августа.
611. Яковлев В. Н. Приднестровская МССР: не миф, а реальное суверенное государство / Днестровская правда. – 1991. – 28 октября.
612. Яковлев В. Н. Тернистый путь к справедливости / Рыбницкий металлург. – 1990. – 6 марта.
613. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1991. – 30 august; 19 oktober.